

МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ

ДЖЕК ВЭНС

ВЛАСТИТЕЛИ ЗЛА

КНИГА ГРЕЗ

ДЖЕК ВЭНС

КНИГА
ГРЕЗ

ЭКСМО

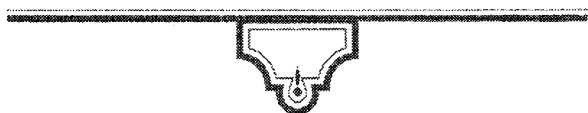

**МАСТЕРА
ФАНТАСТИКИ**

ЛИЦО
КНИГА ГРЕЗ

ЭКСМО, МОСКВА
ВАЛЕРИ СПД, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
В 97

Jack VANCE
The Demon Princes Series:
THE FACE
Copyright © 1979 by Jack Vance
THE BOOK OF DREAMS
Copyright © 1981 by Jack Vance

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2001 году

Вэнс Дж.
В 97 Властители Зла: Книга Грез: Фантастические романы / Пер. с англ. А. Лидина. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Валери СПД, 2002. — 560 с. (Серия «Мастера фантастики»).

ISBN 5-699-01148-X

Все началось с Шанитры, спутника планеты Мезрен. Если там нет полезных ископаемых, тогда с чего бы это вдруг крупнейшая геологоразведочная компания так сильно ею интересовалась? Цепочка потянулась к Королю Зла Ленсу Ларку. И вот галактический бродяга Кирт Джерсен, чтобы отомстить за убитых родственников, принялся скупать акции компании. Однако ему и в голову не могло прийти, на что может подвигнуть Короля Зла уязвленное самолюбие...

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-699-01148-X

© ООО «Издательство «Эксмо». Издание на русском языке. Оформление. 2002
© А. Лидин. Перевод. 2002

ЧАСТЬ 1

ЭЛОЙЗ

Глава 1

Элойз. Шестая планета системы Веги.

Параметры:

Диаметр — 7340 миль.

Период обращения — 19,836218 часа.

Масса, ст. массы — 0,86331.

Общая характеристика:

К числу первых планет, освоенных землянами за пределами Солнечной системы, относят планеты Элойз, Бонифейс и Катберт, входящие в систему Веги. Для путешественника, небезразличного к истории Ойкумены, пребывание на Элойзе доставит особенно много незабываемых впечатлений.

Вопреки общераспространенному мнению, первопоселенцами Элойза были не религиозные фанатики, а ревнители идей «Общества Естественной Вселенной» (ОЕВ), весьма осторожно относившиеся ко всякой новой среде обитания и не создававшие в своей практической деятельности ничего такого, что, по их мнению, не гармонировало бы с естественным ландшафтом планеты. И хотя ОЕВ существовало в далеком прошлом, однако влияние его на планеты Веги оказалось настолько благотворным, что и сейчас почти повсюду обращает на себя внимание факт бережного и

почтительного отношения как к природе, так и к возникшим еще в глубокой древности обычаям и установлениям.

Ось Элойза наклонена к плоскости орбиты под углом 31,7 градуса, что обуславливает весьма заметные сезонные климатические изменения, несколько смягчаемые плотностью и влажностью атмосферы планеты. Самым большим из семи материков является Земля Мэрси, самым малым — Земля Гэвина (местные названия). Именно на этих материках расположены два крупнейших города планеты: Нью-Вэксфорд и Понтифракт.

Стоит, пожалуй, еще упомянуть о том, что в эпоху засилья духовенства каждый из материков представлял собой обособленную епархию и назывался по имени местного первосвященника: Землей кардинала Мэрси, Землей кардинала Димпи и так далее. Наричательные составляющие этих наименований со временем вышли из употребления и теперь почти не упоминаются даже в официальных документах.

Благодаря тщательно продуманной системе налогообложения и либеральному законодательству как Понтифракт, так и Нью-Вэксфорд издавна являются крупными финансовыми центрами, влияние которых ощутимо практически по всей Ойкумене. Здесь же обосновались штаб-квартиры наиболее значительных издательских концернов, а также и редакция знаменитого журнала «Космополис».

Непримиримая борьба между различными официальными религиозными направлениями и сектами, реформация и контрреформация, всплеск и упадок разнообразных ортодоксальных течений и ересей, разгул инквизиции — все это неотъемлемые составляющие части, присущие древней истории планет Веги. В наибольшей степени сказанное относится к планете Элойз, что нашло красноречивое подтверждение даже в ее названии, восходящем к имени покровителя одного из могущественнейших монашеских орденов, некоего Святого Элойзиуса. Но не элойзиане, а их соперники — амброзиане, чей орден возник несколько раньше, — основали на берегу озера Фимиш, в самом центре материка Земля Линлиффета, город Форт-Эйлианн, ставший третьим по значению городом планеты.

История конфликтов между этими двумя внешне благочестивыми братствами запечатлена в будоражащих воображение древних летописях.

Местная флора и фауна не заслуживают особого внимания. Благодаря упорству первопоселенцев широкое распространение получили земные деревья и кустарники, причем наиболее благоприятной здешняя среда оказалась для хвойных пород. Немало видов завезенных с Земли рыб развелось в морях и океанах планеты.

«Краткий планетарный справочник», 330-е издание, 1525 год

Джиан Аддельс, человек по натуре крайне педантичный, прибыл к месту встречи на десять минут раньше условленного времени и, прежде чем выйти из машины, не поленился тщательно осмотреться. Обстановка вокруг была театрально красочной, но, по всей вероятности, не таила в себе чего-либо угрожающего. Аддельс, по крайней мере, не обнаружил ничего такого, что могло серьезно насторожить. Справа — таверна «Прастер», деревянные стены которой за несколько веков почернели под действием ветров и дождей, за нею громоздились могучие утесы Данвири, вершинами теряющиеся в туманной дымке, почти постоянно висевшей над поверхностью планеты. Слева — смотровая площадка, откуда открывалась на три стороны света грандиозная панорама центральной части материка Земля Ллинлиффета, привлекающая многочисленных туристов разнообразием ландшафта и красотой различных нерукотворных образований, созданных капризами изменчивой погоды.

Аддельс выбрался из машины и, бросив мимолетный взгляд на поражающие воображение склоны Данвири, прошел на смотровую площадку. Здесь, как обычно, гулял холодный, промозглый ветер. Глубоко втянув голову в плечи, Аддельс облокотился о парапет и застыл неподвижно — худощавый мужчина с желтоватой, плотно обтягивающей скулы кожей и высоким, с заметными залысинами лбом.

Было позднее утро. Прошедшая полпути к зениту Вега молочно-белым пятном пробивалась сквозь пелену ту-

мана. Вдоль парапета расположились еще десятка полтора желающих полюбоваться красотами местности. Аддельс подверг каждого из них самому тщательному изучению. Украшенные оборками и кисточками одежды в приглушенных коричневых и темно-зеленых тонах свидетельствовали о том, что все они принадлежали сельским жителям. В отличие от последних, горожане одевались только во все коричневое, лишь изредка украшая свою одежду чем-нибудь черным. Эта группа показала Аддельсу вполне безобидной, и теперь можно было бросить взгляд на разворачивающуюся за парапетом панораму: слева — озеро Фимиш, внизу — Форт-Эйлианн, справа — вся в клочьях тумана Моу... Глянув на часы, Аддельс нахмурился. Тот, кого он ожидал, строгонастрого наказал ему быть точным, предупредив, что любое несоблюдение пунктуальности может повлечь за собой возникновение критической ситуации. При мысли об этом Аддельс неодобрительно фыркнул, выражая не только возмущение, но и некоторую затаенную зависть к образу жизни, который вел его нынешний патрон и который был куда богаче различными событиями, чем его собственный.

До условленного времени встречи оставалось минуты две-три, не больше. Всматриваясь с парапета вниз, Аддельс обнаружил тропинку, начинавшуюся на самой окраине Форт-Эйлианна и зигзагами поднимавшуюся вверх по крутому скалистому склону. Тропинка заканчивалась у лестницы, ступеньки которой были высечены в скале, непосредственно примыкавшей к смотровой площадке. По этой тропинке быстро поднимался человек ничем не выдающегося телосложения, с непримечательной мускулатурой, довольно острыми скулами, впалыми щеками и густой копной коротко подстриженных темных волос. Это был Кирт Джерсен, о котором Аддельсу было известно лишь то, что не так давно он каким-то загадочным и, скорее всего, не вполне законным образом стал обладателем огромнейшего состояния. Аддельс зарабатывал немалые деньги в качестве юрисконсульты Джерсена и пока что не испытывал ка-

ких-либо угрызений совести, пребывая на службе у этого человека. Джерсен, казалось, был прекрасно осведомлен о методах сыскной деятельности МПКК — Межпланетной полицейской координационной корпорации, что в критических ситуациях вносило определенное успокоение в душу Аддельса.

Джерсен бодро взбежал по ступенькам, остановился, увидел Аддельса и сразу же направился прямо к нему. Аддельс со свойственной ему объективностью отметил, что после затяжного подъема, который самого его довел бы до состояния полнейшего изнеможения, Джерсен даже ничуть не запыхался.

— Очень рад видеть вас в прекрасной физической форме.

— Благодарю, — ответил Джерсен. — Поездка в горы доставила вам удовольствие?

— Мои мысли были целиком заняты предстоящей встречей с вами, и я едва ли заметил окружающие меня красоты, — нарочито многозначительно произнес Аддельс. — А вот вы определенно получили немалое удовольствие от пребывания в «Кафедральной», я не ошибся?

— Действительно, — признался Джерсен, — я часами сидел в вестибюле, впитывая атмосферу древнего шедевра.

— По этой причине вы почти все время остаетесь здесь, в Форт-Эйлианне?

— Не совсем. Однако как раз пребывание в Форт-Эйлианне самым тесным образом связано с вопросом, который мне захотелось обсудить с вами в таком месте, где нас нельзя подслушать.

Аддельс повернул голову направо, затем налево.

— Вы опасаетесь подслушивания в «Кафедральной»?

— Здесь, наверху, риск, во всяком случае, минимальный. Лично я предпринял все обычные меры предосторожности. Не сомневаюсь в том, что и вы поступили точно так же.

— Я принял все меры предосторожности, которые считал необходимыми, — ответил Аддельс.

— В таком случае мы вполне можем надеяться, что найдемся в абсолютной безопасности.

Ответом Аддельса был только не очень веселый негромкий смех. Какое-то время они стояли, прислонясь к парапету и глядя на серые контуры города, озеро и едва просматривающуюся в тумане долину.

Первым заговорил Джерсен:

— Ближайший отсюда космопорт находится в Слэйхеке, к северу от озера. Через неделю туда прибывает грузовой звездолет «Эттилия Гаргантир», зафрахтованный транспортной компанией «Целерус», чья контора находится в Вайре на планете Садал-Зюд-четыре. Этот корабль когда-то носил название «Фанютис» и был тогда зафрахтован другой фирмой из Вайра — «Сервис Спэйсуэйз». Обе фирмы подставные. Раньше корабль принадлежал Ленсу Ларку и, скорее всего, является его собственностью и сейчас.

О том, что на борту «Фанютиса» транспортировали рабов, захваченных при налете на Маунт-Плезент, когда Джерсен потерял дом и семью, в разговоре с Аддельсом он предпочел умолчать.

Лицо Аддельса исказила гримаса отвращения.

— Как-то в разговоре со мной вы уже упоминали это имя. Должен признаться, оно не вызывает у меня особого восторга. Даже совсем наоборот. Это отъявленный преступник, пользующийся дурной славой.

— Подобная осведомленность делает вам честь.

— И вы намерены вступить с ним в деловые отношения? С вашей стороны было бы крайне неблагоприятно: таким, как он, не доверяют.

— Наша деятельность не ограничивается какой-то одной узкой сферой. Как только «Эттилия Гаргантир» совершит посадку, ее следует надолго здесь задержать, для чего мне нужно получить ордер на арест корабля, так как мы собираемся рассматривать его в качестве залога до полного погашения задолженности компании, которой он принадлежит. Или какой-нибудь другой официальный документ, касающийся самого корабля или его груза, на основании которого можно было бы забло-

кировать «Этилию» в космопорту Слэйхек. Корабль обязательно должен быть взят под стражу, и надо исключить любую возможность его несанкционированного старта. Но это еще не все. Мне крайне необходимы любые, хотя бы и формальные основания поставить под сомнение принадлежность корабля — в надежде добиться, чтобы для защиты своих интересов здесь появился подлинный его владелец, а не агент вышеупомянутой фиктивной компании или доверенное лицо владельца.

Аддельс нахмурился:

— Вы хотите заманить Ленса Ларка сюда, в Форт-Эйлианн?.. Безнадежная затея.

— Попытка — не пытка. Однако если он и прибудет сюда, то, разумеется, изменив до неузнаваемости внешность и под другим именем.

— Ленс Ларк перед веганским судом?.. Абсурд!

— Безусловно, но Ленс Ларк обожает экстравагантные выходы. К тому же он еще и жаден. Если возбужденное против него дело окажется вполне законным, он не захочет потерять принадлежащий ему корабль из-за неявки в суд.

— Я вот что могу сказать, — ворчливо произнес Аддельс. — Самой убедительной маскировкой неправомочных действий является использование права как такового. Отыскать предлог для возбуждения внешне совершенно законного дела будет довольно несложно. Космические корабли всегда волокут в кильватере целый хвост мелких жалоб и исков. Трудность же состоит в вопросе привлечения их к суду по тому или иному поводу в данном конкретном месте. Этот корабль производил когда-нибудь раньше посадку в Форт-Эйлианне?

— Не знаю. Обычно он совершает рейсы в секторах, прилегающих к Краю Света.

— Обещаю отнестись к этому делу с максимальным вниманием, — официальным тоном произнес Аддельс.

— Очень важно не забыть вот о чем: Ленс Ларк, несмотря на все свои выходы и причуды, мерзкая и опасная личность. Мое имя — едва ли необходимо особо это подчеркивать — нигде не должно упоминаться. Да и с

вашей стороны было бы весьма благоразумно действовать с предельной осмотрительностью.

— Лично я не имею ни малейшего желания сталкиваться с ним где бы то ни было. Несмотря на любые меры предосторожности...

— Тем не менее еще раз повторяю,— сказал Джерсен,— корабль должен быть задержан именно здесь, в Форт-Эйлианне. Мне нужен любой документ, предоставляющий такую возможность, а также исковое заявление, составленное таким образом, чтобы разбирательство его потребовало обязательной явки в суд истинного владельца под угрозой потери права собственности на корабль.

— Если корабль — собственность корпоративная,— раздраженно возразил Аддельс,— или принадлежит обществу с ограниченной ответственностью, то вряд ли удастся добиться желаемого результата. Дело это далеко не столь простое, как может показаться.

Джерсен печально улыбнулся:

— Будь оно простым, я бы не стал прибегать к вашим услугам.

— То-то и оно,— кисло согласился Аддельс.— Дайте мне день-два на обдумывание.

* * *

Тремя днями позже Джерсен и Аддельс снова встретились у живописных отрогов Данвири.

— Действуя, как было условлено, с максимальной осмотрительностью,— не без гордости в голосе доложил Аддельс,— я навел необходимые справки по всем интересующим вас вопросам и получил из заслуживающих доверия источников четкие и исчерпывающие разъяснения касательно дела, которое вы намереваетесь возбудить. Исковые заявления подобного рода принимаются к рассмотрению только в тех случаях, когда или нанесен существенный материальный ущерб кому-нибудь из местных граждан, или таковой материальный ущерб не компенсирован своевременно, или не погашена к определенному сроку задолженность,— и во всех перечис-

ленных случаях только тогда, когда не истек срок давности. Пока что мы не в состоянии удовлетворить ни одно из перечисленных мною условий.

— В общем-то, другого я и не ожидал,— вздохнул Джерсен.

— Что касается самой «Этилии Гаргантир», свои усилия я сосредоточил на поисках различных исков о просрочке платежей, кредитных обязательств и других документов, предъявление которых составляет законные основания для назначения судебного разбирательства. Выполняя различные транспортные операции, звездолеты довольно часто делают долги или наносят тот или иной — как правило, не очень существенный — ущерб, вследствие чего руководству космопортов недосуг обременять себя хлопотами по столь незначительным поводам. Не является исключением и «Этилия Гаргантир». Два года назад представляющий для нас интерес инцидент произошел в Трампе на планете Дэвида Александра. Капитан звездолета закатил роскошный банкет для представителей местных фрахтовых агентств. Так вот, для приготовления еды и обслуживания приглашенных гостей он привлек корабельных стюардов и другой подконтрольный ему персонал, а вместо того, чтобы провести банкет в корабельной кают-компании, предпочел воспользоваться одним из служебных помещений космопорта. Местная гильдия рестораторов заявила, что подобные действия капитана идут вразрез с местными установлениями, и, предъявив официальный иск о возмещении упущенной этой гильдией выгоды, потребовала наложения соответствующего дисциплинарного взыскания за понесенные гильдией убытки. Корабль стартовал с планеты до того, как капитан его мог быть вызван в суд, поэтому дело по данному правонарушению было приостановлено до повторного захода звездолета в космопорт Трамп, что, естественно, маловероятно.

Аддельс сделал многозначительную паузу и задумался. Джерсен терпеливо ждал. Приведя в порядок теснившиеся в голове мысли, юрист продолжил:

— Тем временем гильдия рестораторов добилась предоставления определенной ссуды в «Банке Куни», учреж-

денном в том же Трампе. Наряду с другими принадлежащими ей активами она заложила под предоставление кредита и исковые претензии к «Эттилии Гаргантир». Примерно месяц назад гильдия просрочила выплаты по задолженности, и вышеупомянутые исковые претензии перешли в собственность «Банка Куни». — Здесь голос Аддельса зазвучал более раскованно, он теперь как бы рассуждал вслух. — Мне уже не впервые приходит в голову, что многие дела вам было бы проворачивать намного проще, имей вы в своем распоряжении собственный банк. «Банк Куни», финансовое положение которого выглядит вполне устойчиво, в настоящее время немало страдает от подрастерявшего былую гибкость руководства: весь его директорат достиг преклонного возраста. Акции банка продаются по весьма умеренной цене, и для вас не составит особого труда скупить контрольный пакет. Филиалы банка могут быть открыты в любом месте, где только вы сами сочтете целесообразным. Например, в Форт-Эйлианне.

— И, полагаю, в таком случае сюда можно будет переадресовать залоговое исковое заявление?

— Совершенно верно.

— И можно будет оформить ордер на арест корабля здесь, в космопорту Слэйхек?

— Я навел справки и по данному вопросу — разумеется, в форме разбора чисто гипотетических случаев. И обнаружил, что иск нельзя подать ни в городской суд, ни в окружной, а только в Межпланетный Третейский Суд, руководствующийся в своей деятельности не местными законами и установлениями, а правовыми нормами, основывающимися на универсальных принципах справедливости и безопасности. Суд этот заседает в Эстремонте три раза в год под председательством сменяющих друг друга арбитров. Я проконсультировался у одного из крупных специалистов по межпланетному праву. Он полагает, что дело «Банка Куни» вполне может быть принято к рассмотрению при условии, если «Эттилия Гаргантир» появится в Форт-Эйлианне. Физическое присутствие звездолета здесь автоматически обусловит подпадение данного дела под юрисдикцию местной третей-

ской инстанции. Однако мой консультант совершенно уверен в том, что никакой судья не отдаст распоряжения о необходимости вызова в суд владельца корабля по столь ничтожному поводу.

— Однако именно в этом вся суть дела! Ленс Ларк должен прибыть на Элойз.

— Мне совершенно недвусмысленно дали понять, что к этому его никак нельзя принудить, — как можно почтительнее произнес Аддельс. — А посему я предлагаю заняться рассмотрением других вопросов, относящихся к моей компетенции.

— Кто именно председательствует сейчас в арбитраже?

— Неизвестно. Таких третейских судей, или, как их здесь называют, Верховных арбитров, пятеро. Они в определенной очередности перемещаются из одной звездной системы в другую, председательствуя на выездных сессиях.

— Сейчас такая сессия здесь не проводится?

— Она лишь совсем недавно завершила свою работу.

— И, судя по всему, возобновит деятельность только через несколько месяцев?

— Верно. Но еще раз позволю себе повторить: в любом случае можно нисколько не сомневаться, что арбитр отвергнет любые попытки потребовать вызова владельца «Этилии».

— Вот незадача, — упавшим голосом произнес Джерсен.

Аддельс задумался на мгновение, затем спросил:

— Как же в таком случае... поступить с «Банком Куни»? Начать оформление документов на его приобретение или пока воздержаться?

— Мне нужно все серьезно обдумать. Я позвоню вам сегодня же вечером.

Глава 2

На карте Форт-Эйлианн напоминает слегка изогнутую перевернутую букву «Т». Вдоль горизонтальной составляющей, если двигаться с запада на восток, располо-

жены лесопарк «Фоолиот», кварталы районов Старого Города, и затем Апельсиновый сад с гостиницей «Кафедральная» в глубине его, и уже на одном из островков озера Фимиш внушительного вида административный центр под названием Эстремонт. Вертикальная составляющая буквы «Т» вытянута на много миль в северном направлении и включает в себя районы Мойнал, Друри, Уиглтаун, Дандиви, Гара (здесь размещается огромный стадион, используемый как для проведения состязаний, так и для различных общегородских массовых мероприятий), и, наконец, Слэйхек, на дальней окраине которого находится местный космопорт.

Из всех названных районов своеобразная притягательная прелесть присуща разве что Старому Городу. Несмотря на клочья тумана, непрестанно ползущие вдоль его извилистых улочек, непривычные запахи и причудливую архитектуру домов, этот район никак нельзя назвать унылым. Цветовая палитра одежды здешних жителей ограничена различными оттенками коричневого цвета: от бежевого до темно-каштанового, включая такие промежуточные тона, как рыжеватого-коричневый, мореного дуба и других древесных пород. Когда жители Старого Города выходят за пределы своего района, то при хаотически меняющейся интенсивности освещения, создаваемого Вегой, лучам которой приходится пробиваться сквозь густую и находящуюся в непрерывном движении дымку, одежды их на фоне камня, вороненой стали и почерневших от времени деревянных элементов зданий производят впечатление особой изысканности. По вечерам по всему Старому Городу перед входом в каждую пивную вспыхивают бесчисленные фонарики-мигалки, вывешиваемые в соответствии с пришедшим из глубокой древности обычаем. Поскольку кривые улочки и многочисленные переулки никогда не имели названий, а значит, и соответствующих табличек, то эти фонарики издавна являлись единственными ориентирами, с помощью которых человек, впервые попадающий в Старый Город, может достаточно быстро освоиться с его своеобразной планировкой.

Монахи-амброзиане, первыми поселившиеся на берегах озера Фимиш, с характерным для их ордена рвением строили дома быстро и на века, но в полном небрежении хотя бы к видимости какой-нибудь упорядоченности застройки. Отцы-основатели ордена Святого Элойзиуса, возникшего

сорока годами позже и давшего планете сохранившееся до нашего времени наименование, поначалу пытались несколько видоизменить Старый Город, но приступили к этому с таким равнодушием, что вскоре потеряли всякий интерес к делу и после возведения нового района Бетами всю свою энергию направили на сооружение Кафедрального собора Святого Ревелраса.

Из статьи «Города, окутанные туманами», журнал «Космополис», май 1520 года

* * *

Выйдя из гостиницы «Кафедральная», Джерсен неторопливо побрел по центральной аллее Апельсинового сада, представляющего собой не очень-то большой сквер площадью в двадцать акров, несколько не соответствующий своему названию, так как среди тщательно ухоженных деревьев не было ни одного апельсинового, а только могучие тисы, липы и местные породы с листьями цвета бутылочного стекла.

Затем Джерсен повернул на восток, следуя изгибу берега, и вышел на дамбу, что вела к Эстремонту, массивному сооружению из серебристо-серого порфира, основание которого составляла четырехступенчатая усеченная пирамида, увенчанная четырьмя высокими башнями по углам и огромным куполом в центре. Потратив немало времени на наведение многочисленных справок в крыле здания, где размещалась судебная ветвь власти материка, он вернулся в «Кафедральную» в еще более задумчивом состоянии, чем до посещения Эстремонта.

У себя в номере он взял бумагу и ручку и составил подробный график предстоящих действий, тщательно обдумав каждое из включенных в него мероприятий и время его осуществления. Затем, повернувшись, включил коммуникатор, и на экране появилось лицо Джиана Аддельса.

— Сегодня утром, — сказал Джерсен, — вы наметили в общих чертах тот порядок действий, которого нам следовало бы придерживаться в отношении «Этили Гаргантир».

— Это не более чем предварительный набросок, — ответил Аддельс. — Так сказать, эскиз... Весь план рухнет, едва мы появимся с ним в Эстремонте. Арбитр ни за что не вынесет благоприятное для нас решение.

— Вы чересчур пессимистично настроены, — заметил Джерсен. — Мало ли что может случиться — ведь исход почти любого судебного разбирательства практически непредсказуем. Действуйте, пожалуйста, в тех направлениях, которые мы обсудили. Приобретите «Банк Куни» и немедленно зарегистрируйте его отделение в Форт-Эйлианне. Затем, едва лишь откроется люк «Этилии Гаргантир», тут же забросайте его любого рода документами, какие только вам удастся придумать.

— Все будет исполнено в строгом соответствии с вашими указаниями.

— Не забывайте, что мы имеем дело с людьми, для которых ответственность перед законом — пустые слова, не больше. Позаботьтесь о том, чтобы вокруг корабля была выставлена надежная охрана. Документы предъявляйте только в присутствии усиленного наряда полиции. Немедленно удалите с корабля экипаж, вплоть до самого последнего человека. Установите силовой барьер, опечатайте все сочленения, а сами печати подстрахуйте саморазрушающимися пломбами. Вскройте люк грузового отсека. Затем поставьте надежную охрану, состоящую по меньшей мере из шести хорошо вооруженных часовых, и организуйте круглосуточное дежурство. Я хочу, чтобы корабль ни при каких обстоятельствах не мог покинуть Форт-Эйлианн.

— Я лично расположусь в каюте капитана и стану охранять корабль изнутри.

— Вам отведена несколько иная роль, — улыбнулся Джерсен, — и не думайте, что удастся отделаться так легко.

— Запомните, дело подлежит рассмотрению исключительно Межпланетным Третейским Судом. Очередная его сессия, в соответствии с заранее составленным расписанием, откроется только через несколько месяцев.

— Что ж, владельцу корабля будет предоставлено достаточно времени, чтобы он смог прибыть сюда к открытию сессии, — кивнул Джерсен. — Проверьте, чтобы в составленном нами иске утверждались, пусть даже голословно, злонамеренность, преступный сговор и умышленное мошенничество, подпадающие только под юрисдикцию межпланетного права. Такие обвинения сможет опровергнуть должным образом только подлинный владелец.

— Он начисто все отвергнет, едва войдя в зал судебного заседания, после чего арбитр швырнет нам в лицо материалы по делу, и останется только унести подброду ноги.

— Дорогой мой Аддельс, — сказал Джерсен, — вы совершенно не понимаете истинного смысла моих намерений! Впрочем, оно и к лучшему.

— Ладно, — поникшим голосом произнес Аддельс. — Мне, по правде говоря, даже не хочется задумываться над этим.

* * *

Месяцем позже Джерсен снова встретился с Аддельсом на смотровой площадке у таверны «Прас-тер». От утренней туманной мглы над склонами Данвири уцелело лишь несколько клочьев. Видимость была превосходной, и зрелище, открывавшееся взору со смотровой площадки, поражало своим великолепием, несмотря даже на скромную неяркость холодных лучей Веги, пробивающихся сквозь пелену медленно перемещающихся высоко в небе облаков.

Как и раньше, Джерсен взобрался сюда по тропе, вьющейся вверх из лесопарка «Фоолиот», и стоял, прислонясь к парапету, пока к площадке чинно и важно не подкатил автомобиль Аддельса.

— «Эгглия» приземлилась, — торжественно объявил Аддельс. — Документы предъявлены. Капитан взбеленился и попытался было вернуться в космос, но его сняли с корабля и обвинили в намерении уклониться от судеб-

ного разбирательства, выразившемся в попытке к бегству. Сейчас он находится под стражей. Приняты все меры предосторожности. Капитан, разумеется, не преминул уведомить руководство компании о случившемся. — К этому времени Аддельс уже знал во всех подробностях программу действий, намеченных Джерсенон, но не обрел необходимую уверенность. — Он также нанял адвоката, который, судя по всему, весьма компетентен и вполне способен заставить нас горько раскаяться в том, что мы затеяли столь нелепую склоку.

— Давайте лучше надеяться на то, что лорд Верховный арбитр разделит нашу точку зрения по данному делу.

— Оптимизма вам не занимать, — проворчал Аддельс и добавил: — Вот только хотелось бы еще надеяться, что назначенные нам сроки пребывания за решеткой и условия содержания не повлияют на ваш оптимизм.

Глава 3

Если религии являются, как утверждает философ Гринтолд, заболеваниями человеческой психики, то религиозные войны должны расцениваться как гнойные язвы, поражающие весь организм общества. Из всех войн такие войны подлежат наибольшему осуждению, поскольку ведутся не ради достижения каких-либо осязаемых выгод, а только для того, чтобы навязать другим людям иной комплект подобранных символов веры.

Немногие из подобных конфликтов можно сравнить с Первой Веганской войной по части смехотворно нелепых причин. Поводом для нее, как легко выяснилось при близком рассмотрении, оказался участок залегания освященного белого гипса, который элойзиане наметили использовать для возведения храма в честь Святого Ревелраса, в то время как амброзиане стали претендовать на этот же самый участок для храма в честь своего Святого Беллоу. Решающая схватка на Ржавом Болоте представляет собой эпизод, почти не поддающийся осмыслению. Место действия — подернутое туманом нагорье в Горах Скорби. Время — незадолго

до захода Веги, когда ее лучи лишь кое-где с трудом пронизывают клубящиеся кучевые облака.

На верхних склонах расположилась группа изможденных амброзиан — в развевающихся на ветру коричневых рясах, с искривленными тисовыми посохами в руках. Чуть ниже собралась более многочисленная группа братьев-элойзиан — невысоких, пухлолицых толстячков; у каждого — ритуальная козлиная борода и пучок редких волос на макушке, в руках — кухонные ножи, лопаты, тяпки и грабли.

Брат Уиниас издал громкий боевой клич на непонятном языке. Амброзиане плотной массой скатились вниз по склону, оглашая местность истеричными выкриками, и оголтело набросились на элойзиан. В течение часа сражение длилось с переменным успехом, ни одной из сторон не удалось добиться решающего преимущества. Уже на самом закате звонарь амброзиан, ставший по необходимости их горнистом, неукоснительно следуя издревле заведенному ритуалу, издал призывные двенадцать нот — сигнал к вечерней молитве. Амброзиане, повинувшись глубоко укоренившемуся условному рефлексу, тотчас замерли в благочестивых позах. Элойзиане же, мгновенно засучив рукава, уничтожили все амброзианское воинство за добрый час до своей собственной молитвы, тем самым завершив сражение на Ржавом Болоте.

Оставшиеся в живых немногие амброзиане тайком, в мирской одежде, возвратились в Старый Город, где со временем образовали среди его жителей сугубо прагматическую прослойку, состоящую из купцов, пивоваров, содержащих питейных заведений, продавцов антиквариата и, не исключено, воротил более неприметного и предосудительного бизнеса.

Что же касается элойзиан, то не прошло и столетия, как орден полностью деградировал, а прежний религиозный пыл отошел в область преданий. Единственным зримым свидетельством бывшего могущества ордена остался величественный Кафедральный собор Святого Ревелраса, ставший со временем самой роскошной гостиницей в системе Веги под названием «Кафедральная».

А вот от Храма Святого Беллоу в настоящее время осталось всего лишь унылое нагромождение замшелых камней.

Анспик, барон Богиссей. «Жизнь», том 1

С Макселом Рэкроузом, местным корреспондентом «Космополиса», Джерсен договорился встретиться в ныне доступном для всех желающих вестибюле гостиницы «Кафедральная», некогда являвшемся главным нефом Кафедрального собора Святого Ревелраса, где под неусыпным взглядом «Гностического Ока» истово молились и отбивали поклоны его многочисленные почитатели. Гости современной «Кафедральной» знали о таком религиозно-философском течении, как гностицизм, лишь понаслышке. Еще меньше они задумывались о возможности существования некоего Всевидящего или Всеведущего Ока, однако вряд ли кто-нибудь из них не испытывал благоговейного трепета при виде грандиозного внутреннего пространства собора.

Вибрирующий звук тысячелетнего гонга отметил начало последнего предзакатного часа. Не успело еще отзвучать гулкое эхо, как в вестибюль вошел высокий стройный молодой мужчина с тонким и острым носом, серыми, почти совершенно прозрачными глазами и веселой улыбкой на открытом лице. Это и был Максел Рэкроуз, получивший только что от руководства редакции «Космополиса» четкие и недвусмысленные указания оказывать всемерное содействие Генри Лукасу — именно под этим псевдонимом Джерсен выступал в роли специального корреспондента на страницах «Космополиса».

— Интересующее вас лицо практически неуловимо, — сказал Максел Рэкроуз, опустившись в кресло рядом с Джерсеном, — но даже та скупая информация, которой мы о нем располагаем, позволяет сделать однозначный вывод: этот тип представляет собой не только весьма одиозную, но и крайне зловещую фигуру.

— Как раз именно это и интересует многомиллионного читателя нашего издания.

— Несомненно. — Рэкроуз извлек из папки не очень-то объемистую пачку бумаг. — После недели напряженных поисков мне удалось откопать немного кроме того, что давно уже общеизвестно. Этот тип — самый настоящий гений анонимности.

— Насколько я знаю, — заметил Джерсен, — он сейчас сидит здесь, в вестибюле гостиницы «Кафедральная». Это не столь невероятно, как вам может показаться.

Рэкроуз решительным движением головы начисто отверг подобное предположение и пояснил:

— Мне пришлось провести наедине с Ленсом Ларком всю последнюю неделю. Я бы учуял его, будь он хоть за милю отсюда.

«Такую убежденность вовсе не следует походя отмечать», — не преминул отметить про себя Джерсен, однако вслух задал вопрос:

— А вон тот грузный мужчина в дальнем конце зала, в пылезащитных очках, прикрывающих большую часть лица, случайно, не Ленс Ларк?

— Конечно же нет.

— Вы в этом уверены?

— Безусловно. Во-первых, от него исходит запах пэчули и эспаньолы — специй сугубо местных, — а не то зловоние, которое, как говорят, источает Ленс Ларк. Во-вторых, он подпадает под словесный портрет Ленса Ларка только потому, что тучен, лыс и безвкусно одет. В-третьих... — Рэкроуз не выдержал и беззаботно рассмеялся. — Так уж случилось, но человек этот мне хорошо знаком. Это Детт Маллиэн, изготовитель фонариков-мигалок «под старину», он продает их туристам в качестве сувениров на память о посещении древних таверн, которыми так славится Старый Город.

Джерсен в ответ кисло улыбнулся и, увидев поблизости официанта, заказал чай, после чего принялся внимательно изучать принесенные Рэкроузом материалы. Часть их — как, например, выдержки из опубликованной в «Космополисе» статьи Доудзэ Уамса «Налет на Маунт-Плезент» — он уже видел:

Когда Властители Зла встретились для подтверждения предварительных договоренностей, будучи могучими индигуальностями, они не могли не вступить в острый конфликт друг с другом. При возникновении разногласий в роли беспристрастного посредника, как правило, выступал Говард Алан Трисонг. Переубедить в чем-то Аттелу Мала-

гейта было столь же трудно, как сдвинуть огромную скалу. И Виоль Фалюш, потакая бесконечным капризам своей злобной натуры, все время пытался дерзко противопоставить свои собственные интересы интересам сообщников. Выработке скоординированных решений не способствовали также непредсказуемость Кокура Хеккуса и его неустойчивость по части эксцентричных выходок. Но более всего взаимную вражду подпитывала крайняя заносчивость Ленса Ларка. И только Говарду Алану Трисонгу удавалось сохранять самообладание при всех коллизиях. Триумфальное завершение задуманной Властителями Зла операции можно считать чудом! Однако необходимо отдать должное высочайшему профессионализму всей этой группы в целом и каждого из ее участников в отдельности.

Следующей была статья Эразмуса Хьюптера, озаглавленная «Ленс Ларк — бичеватель». Непосредственно под заголовком и набранной петитом фамилией автора следовал выполненный от руки рисунок, изображающий огромных размеров мужчину с великолепно развитой мускулатурой и несоразмерно маленькой, полностью обритой головой, узкой в верхней части и расширяющейся книзу. Густые брови срастались над продолговатым, несколько отвислым носом. Лицо, глядевшее с рисунка, было показано в состоянии откровенно похотливой эйфории; все обычные естественные человеческие проявления заменяла бесстыдная и глупая ухмылка. На мужчине были только сандалии и короткие трусы, плотно облегающие мясистые ягодицы, отчего те казались еще крупнее и вызывали отталкивающее впечатление. В правой руке он, как бы поигрывая, держал плеть с коротким кнутовищем и тремя длинными ремнями.

Увидев в руках Джерсена статью с этим рисунком, Рэкроуз сдержанно рассмеялся:

— Если интересующий вас тип именно таков в действительности, то, мне кажется, мы бы узнали его даже здесь, в «Кафедральной».

Джерсен пожал плечами и углубился в следовавший за рисунком текст.

Говорят, Ленс Ларк безумно влюблен в бич. Он относится к нему как к верному другу и удобному оружию для расправы со своими противниками, предпочитая его другим средствам. В Сагабре Ларку принадлежит огромный дом с просторным полукруглым холлом — его излюбленным местом для приема пищи, которую составляют груды соленой конины и паммигама*. Все это он предпочитает запивать молодым вином из литровых пивных кружек. Для придания процессу поглощения пищи большей пикантности рядом с собой он кладет великолепный бич с короткой рукояткой и плетью длиной почти в четыре метра. На набалдашнике рукояти, выполненной из слоновой кости, выгравировано название бича: «Панак». Этимология данного названия автору этих строк неизвестна. Плеть заканчивается двумя кожаными язычками глиной по десять сантиметров — так называемым «скорпионом». Вдоль полукруглой стены стоят голые, в чем мать родила, жертвы Ленса Ларка, прикованные к заделанным в стену стальным кольцам. К ягодицам каждой из жертв приклеены мишени в виде сердца диаметром в четыре пальца. Для оживления своей трапезы Ленс Ларк время от времени предпринимает попытки сшибить мишени с ягодич резкими взмахами бича. Как утверждают очевидцы, знающие толк в подобном искусстве, мастерство Ленса Ларка отточено до совершенства.

Дальше следовало пояснение «От редакции», напечатанное другим шрифтом:

Воспроизведенная выше заметка впервые опубликована в «Галактик-ревю» и, по всей вероятности, является не более чем плодом пылкого воображения автора, особенно в части иллюстрации. Насколько известно из достаточно надежных источников, Ленс Ларк — действительно фигура крупного масштаба, однако глупо ухмыляющийся гигант-атлет, изображенный выше, вряд ли правдиво отображает внешний облик этого человека.

* Паммигам — запеканка из мяса, яичных желтков, спаржи и различных фруктов. В обитаемой Вселенной существуют тысячи рецептов этого любимого космическими скитальцами блюда. (Примечание автора.)

Редакция также считает своим долгом обратить внимание читателей на то, что автор данной заметки, Эразмус Хьюптер, канул в неизвестность вскоре после публикации своего опуса о Ленсе Ларке и больше его уже никто не видел. Незадолго до исчезновения один из его коллег-журналистов получил следующее короткое письмо:

«Дорогой Клоиб!

Последнее время я упорно бьюсь над тем, чтобы истолковать значение названия "Панак". Мне удалось нащупать кое-какие нити, ведущие к разрешению загадки, однако работа эта не без своих небольших сюрпризов.

Погода стоит отличная, но тем не менее ох как хочется поскорее вернуться домой.

Искренне твой, Эразмус».

Джерсен тихо, но многозначительно крикнул.

— От такого мороз идет по коже, верно? — спросил Рэкроуз.

— Не без того... Вы все еще согласны сотрудничать в осуществлении предложенного мной проекта?

Рэкроуз вздрогнул:

— Только, пожалуйста, нигде не упоминайте моего имени.

— Как вам угодно.

Джерсен вынул из папки следующий документ — несколько страниц машинописного текста, принадлежащего, по-видимому, самому Рэкроузу.

Имя Ленс Ларк — по всей вероятности, псевдоним. Преступники питают пристрастие к псевдонимам или кличкам, так как подлинное имя и фамилия могут привести к их родным местам, где обнаружатся фотографии и личные привязанности, и тем самым будет уничтожена завеса секретности, которую они стремятся окружить свою преступную деятельность, и поставлена под угрозу их собственная безопасность. С другой стороны, в том случае, когда преступнику удастся добиться немалых успехов в своих преступных начинаниях, у него возникает труднопреодолимое влечение вернуться на родину и изображать из себя знатную особу среди тех, кто с презрением относился к нему в прошлом. Он теперь может покровительствовать красавице, которая отвергла его ради традиционного за-

мужества, особенно если она потеряла былую привлекательность и живет в стесненных обстоятельствах. Все это становится для него возможным только потому, что в качестве преступника он остается неопознанным. Отсюда следует, что такой преступник ощущает острую потребность пользоваться иным именем, а не своим изначальным, для дальнейшего успешного продолжения преступной деятельности.

В свете вышеприведенного анализа данные соображения кажутся совершенно очевидными, однако тем не менее дальнейшее рассуждение неизбежно приводит к следующему вопросу: а каково, собственно, происхождение принятого преступником имени или клички? Здесь возможны два варианта: умышленно выбирается совершенно случайное имя, не несущее никакой смысловой нагрузки, либо имени или кличке придается определенное символическое значение. Второй вариант особо привлекателен для преступников с ярко выраженной индивидуальностью, которым свойственно сопровождать свои «подвиги» пышными, иногда даже театральными эффектами. Ярким примером именно такой категории преступников является Ленс Ларк. Исходя из этого я беру на себя смелость предположить, что кажущиеся на первый взгляд ничем не примечательными имя и фамилия «Ленс Ларк» на самом деле являются придуманным этим преступником прозвищем, таящим в себе немалый символический смысл.

Для подтверждения этой гипотезы я посетил местный филиал УКТБ* и попросил произвести доскональный поиск омонимов словосочетания «Ленс Ларк» среди всех языков Ойкумены и Края Света — как современных, так и вышедших из употребления.

Полученный ответ прилагается ниже.

Джерсен вынул из папки обведенную оранжевым контуром распечатку УКТБ.

Ленс Ларк — омонимы (с толкованием):

1. Ленсилорка — поселок на материке Васселона планеты Реис, шестой в системе Гаммы Эригана. Население 657 жителей.

* УКТБ — Универсальное консультационное техническое бюро. (Примечание автора.)

2. Лансларк — плотоядное крылатое существо с планеты Дар Сай, третьей в системе Коры, каталожный индекс: 961-я Корабля Аргонавтов.
3. Лензл-арк (Дуга Лензла) — геометрическое место точек, выводимое из седьмой теоремы трискоидной динамики, впервые доказанной математиком Пало Лензлом (907—1070).
4. Линсларк — растение, напоминающее мох. Родина — болота Шармант планеты Хиаспис, пятой в системе звезды Фрица (1620-я Кита).
5. Линсил Орк — озеро на Равнине Блаженных планеты Верларен, второй в системе Комреда (Эпсилон Стрелы).
6. Ленсл-эрг — пустыня...

Список омонимов насчитывал двадцать два пункта, звучание каждого последующего словосочетания все больше удалялось от исходного. Дальнейшее его изучение не представляло особого интереса, и Джерсен вернулся к аналитическому обзору Рэкроуза.

Я решил, что с наибольшей степенью вероятности в качестве рабочей гипотезы предпочтение следует отдать варианту 2.

Наведя в УКТБ более подробные справки относительно лансларка, я выяснил, что это четырехкрылое существо со стреловидной головой и острым шипом на кончике хвоста, достигающее в длину трех метров, не считая хвоста. Оно летает над гарсайскими пустынями на утренней заре и в предвечерних сумерках, охотясь на жвачных и нападая иногда на людей-одинок. Существо коварно, проворно и свирепо, но теперь встречается крайне редко, хотя как фетишу клана Бугольда ему позволено пролетать безнаказанно над всеми владениями этого клана.

Вот, пожалуй, и все, что касается лансларка. Из остальных документов данной подборки самым интересным является Приложение № 8, представляющее собой одно-единственное письменное сообщение о встрече с Ленсом Ларком, которая произошла на сравнительно раннем этапе его карьеры. Рассказчик нигде не раскрывает, кем он является на самом деле, но, судя по всему, это сотрудник одного из промышленных концернов. Место встречи также не обозначено — верх взяло вполне понятное благоразумие.

Джерсен отыскал в папке Приложение № 8 и тотчас же углубился в чтение.

Выдержки из «Воспоминаний странствующего коммерсанта» Зюдо Нонимуса, опубликованных в рекламно-коммерческом издании металлургической промышленности «Траст».

(Фамилия автора, судя по всему, является псевдонимом.)

«Мы встретились (Ленс Ларк и я) в придорожной общественной столовой в сотне метров от поселка. Здание было верхом архитектурного примитивизма, как будто какое-то огромное чудовище небрежно, почти как попало, нагромодило огню груду массивных бетонных глыб на грубую. Эти побеленные глыбы при ярком солнечном свете просто слепили глаза, однако внутри здания было прохладно. Помещение оказалось погруженным в приятный полумрак, и как только мне удалось превозмочь первоначальный страх перед тем, что глыбы могут вдруг обрушиться и похоронить меня заживо, я расценил производимое этим строением впечатление как весьма своеобразное и в чем-то даже незабываемое.

Сонный слуга в ответ на мой вопрос равнодушно кивнул в сторону стола в самом углу помещения. Здесь-то и восседал Ленс Ларк перед огромным блюдом, наполненным мясом, горохом и фасолью. Пища издавала резкий запах самых мерзких приправ, совершенно невыносимый даже для моих, в общем-то, не очень привередливых ноздрей. Тем не менее коммерсанту, специализирующемуся на закупках в самых отдаленных и экзотических уголках Галактики, органически несвойственна брезгливость, и поэтому я спокойно расположился прямо напротив Ленса Ларка и стал наблюдать, как он расправляется с едой.

Некоторое время он просто не обращал на меня внимания, как будто я был всего-навсего еще одним жуком, небольшое количество которых лениво кружило в помещении столовой. И вот это-то обстоятельство и предоставило мне прекрасную возможность составить достаточно непредвзятое мнение о своем визави. Передо мной сидел очень крупный мужчина, тяжеловесность которого едва ли не граничила с тучностью, но не слишком бросалась в глаза. На нем было белоснежное, свободно ниспадающее одеяние,

капюшон плотно прикрывал значительную часть лица, однако мне удалось различить темно-бронзовый загар, оттенком своим слегка напоминающий окрас гнедой лошади. Удалось кое-как разглядеть и черты лица, оказавшиеся грубыми и крупными и поражавшие одной странностью: они как бы тесно прижимались друг к другу, создавая впечатление, будто лицо мужчины было приплюснуто по бокам. Глаза его, когда он в конце концов удосужился взглянуть на меня, зажглись вдруг ярко-желтым пламенем такой интенсивности, что могли устроить меня, если бы за свою карьеру я не встречался множество раз с точно такими же ярко пламенеющими глазами своих потенциальных покупателей — в большинстве случаев подобный блеск просто выдавал алчность собеседника, с особой силой вспыхивающую в предвкушении выгодной сделки. Но не так было на сей раз!

Завершив трапезу, человек этот заговорил, но заговорил как-то по-особому, будто бы случайно подобранными фразами, не выражающими чего-либо существенного. Поначалу я был несколько сбит с толку таким вступлением перед важными переговорами, так как никак не мог разобраться: то ли это проявление какой-то новейшей хитрой коммерческой уловки, то ли он надеялся расстроить мое мышление, привести меня в замешательство, и загнать в тупик, чтобы, воспользовавшись этим, заключить сделку на наиболее выгодных для себя условиях. Он ведь не знал в лицо человека, с которым должен был вступить в переговоры, не знал его деловых качеств. По обыкновению, я, как мог, противился тому, чтобы оказаться простаком, которого нетрудно обвести вокруг пальца, и стать жертвой откровенного мошенничества, и поэтому с особым вниманием относился к каждому произнесенному им слову и тщательно воздерживался от каких бы то ни было жестов или восклицаний, которые свидетельствовали бы как о моем согласии с его словами, так и о расхождении во взглядах, чтобы подобные жесты и восклицания или даже изменение выражения лица не могли быть истолкованы моим собеседником в качестве оснований для заключения сделки на тех или иных условиях. Однако моя сдержанность, казалось, оказывала на этого человека совершенно противоположное воздействие. Голос его с каждой новой фразой звучал все более резко и грубо, все более нетерпеливыми становились жес-

ты: он с силой рассекал воздух ладоной, как хлестким бичом.

В конце концов мне все же удалось ненавязчиво вставить и свое слово в поток его разглагольствований.

— В связи с тем, что нам придется вступить в деловые взаимоотношения, могу ли я осведомиться, с кем именно я имею сейчас дело?

Вопрос этот сразу же насторожил его.

— Вы сомневаетесь в моей честности? — злобно сверкнув глазами, спросил он.

— Ниоим образом! — поспешил ответить я, поскольку мне совсем не хотелось нарваться на откровенную грубость.

В своей практике мне неоднократно приходилось мириться с отсутствием хороших манер у моих контрагентов, но с таким наглым и злобным типом мне раньше сталкиваться еще не доводилось. Вот почему все тем же вежливым тоном я продолжал:

— Я — человек дела, и поэтому для меня крайне важно выяснить, с кем все-таки я вступаю в деловые взаимоотношения. Это общепринятая коммерческая практика.

— Да, да, — проворчал он, — безусловно.

Я решил и дальше не выпускать достигнутой с таким трудом инициативы.

— Джентльмены, стремящиеся заключить сделку, соблюдают общепринятые правила ведения переговоров, и было бы всего лишь проявлением должного уважения к партнеру, если бы мы обращались друг к другу по имени.

Тип этот только задумчиво кивнул, а затем откровенно вызывающе рыгнул, обдав меня букетом запахов от тех зловонных приправ, которые он в неимоверном количестве употребил во время недавно закончившегося приема пищи. Поскольку он намеренно сделал вид, будто ничего особенного не произошло, я тоже ничем не выказал испытываемого мною отвращения.

— Да, да, безусловно, — повторил он, а затем вдруг добавил: — Что ж, в общем-то, пустяк, да и только. Можете называть меня Ленсом Ларком. — Подавшись всем телом вперед, он хищно осклабился, в упор глядя на меня из-под складок капюшона. — Это имя меня более чем устраивает, разве не так?

— Я не настолько с вами знаком, чтобы у меня могло сложиться определенное мнение по данному вопросу, — осторожно ответил я. — А теперь ближе к делу. Что вы предлагаете?

— Четыре тонны сто двадцатой черни, удельный вес двадцать два, качество высшее.

Жаргон торговцев этим товаром был мне хорошо знаком. Стодвадцатниками они называют устойчивые трансурановые элементы с атомными числами 120 и выше, а сто двадцатая чернь представляет собой небогащенный песок, состоящий из различных сульфидов, оксидов и других подобных соединений стодвадцатников, причем обязательно еще оговаривается и удельный вес, который в данном случае составлял двадцать две тонны на кубометр.

Сделку мы заключили без каких-либо трудностей. Он назвал цену. Я мог с нею согласиться или отвергнуть. В данном случае я решил продемонстрировать, что не только одному ему дано действовать решительно, сохраняя чувство собственного достоинства, не торгуясь по мелочам, не прибегая к лести или мелодраматическим всплескам эмоций. Я немедленно принял его предложение при условии, что товар действительно окажется высокого качества. Моя оговорка несколько уязвила самолюбие Ленса Ларка, но мне удалось приглушить его недовольство. В конце концов он уразумел причину моей неуступчивости и стал по-дозрительно веселым. Повинуясь его знаку, слуга приволок две огромные кружки крайне дрянного пива, от которого ощутимо несло мышиным пометом. Ленс Ларк опорожнил свою кружку в три могучих глотка, и, в силу сложившихся обстоятельств, я вынужден был поступить со своею точно таким же образом, все это время вознося пусть и бессловесные, но искренние и горячие благодарения железной стойкости своего желудка и его поистине бесценной способности переваривать любую мерзость, способности, выработавшейся за многие годы работы в качестве мелкооптового перекупщика».

Джерсен закончил чтение и аккуратно сложил все бумаги в папку.

— Очень хорошая работа. Сущность Ленса Ларка схвачена вполне полно. Он предстает перед нами крупным, мясистым мужчиной с огромным носом и подбо-

родком ему под стать... Правда, и нос, и подбородок к настоящему времени могут быть хирургически изменены. Кожа его, по крайней мере тогда, имела красновато-бронзовый цвет. Разумеется, он всегда в силах прибегнуть к тонированию кожи, как и любой другой из наших современников. Наконец, родиной его, скорее всего, является планета Дар Сай: об этом свидетельствует имя, которое он себе дал, а также упоминание о стодвадцатниках, которые добываются на Дар Сай.

Рэкроуз чуть приподнялся:

— Вам приходилось бывать в Уиглтауне?

— Ни разу.

— Довольно мерзкий район с десятком, если не больше, анклавов, в которых обитают уроженцы других планет. Место, разумеется, крайне непопулярное. Тем не менее, если вам по нраву специфические запахи и экзотическая музыка, весьма интересно побродить по улицам Уиглтауна. Там, между прочим, обосновалось и небольшое дарсайское землячество, культурным центром которого является закусочная на Пилкамп-роуд. «Сень Тинтла» — так называется это заведение. Я не раз обращал внимание на вывеску: «Изысканные дарсайские блюда».

— Очень интересно, — заметил Джерсен. — Если Ленс Ларк — уроженец Дар Сай, то, завернув в наши края, он, вполне возможно, не преминет хоть разок наведаться в «Сень Тинтла».

Максел Рэкроуз скосил глаза в сторону:

— Даже Детт Маллиэн начинает мне теперь казаться подозрительным. Почему вы решили, что Ленс Ларк находится сейчас где-то здесь?

— Твердой уверенности у меня нет, но вероятность того, что он или уже здесь, или прибудет в самое ближайшее время, очень велика. Поэтому совсем не помешало бы и нам самим познакомиться с «Сенью Тинтла» поближе.

Рэкроуз брезгливо поморщился:

— Это место пропитано совершенно невообразимыми запахами. Едва ли я вынесу их.

Джерсен поднялся с места:

— И тем не менее отведаем «изысканных» дарсайских блюд за ужином. Может быть, после этого мы станем их ревностными почитателями.

Рэкроуз тоже встал, с огромной неохотой расставаясь с креслом.

— Нам не помешало бы полностью сменить одежду, — проворчал он. — В одеяниях, уместных для «Кафедральной», в «Сени Тинтла» мы станем объектом самого пристального внимания. Я переоденусь в повседневный костюм рабочего-строителя и буду ждать вас поблизости от закусочной ровно через час.

Джерсен внимательно осмотрел собственную одежду: элегантный синий костюм, белая рубашка с воротничком навыпуск, малиновый широкий пояс на брюках.

— Лично у меня такое ощущение, будто я и сейчас в непривычной для себя одежде. Я сменю одежду на такую, к которой привык.

— Итак, через час. Пилкамп-роуд, в самом центре Уиглтауна. Встречаемся на улице. Если воспользуетесь omnibusом, выходите на остановке «Переулок Нунана».

* * *

Покинув гостиницу «Кафедральная», Джерсен двинулся пешком в северном направлении по центральной аллее Апельсинового сада. Сейчас его одежду составляли темного цвета куртка, серые брюки, зауженные в коленях, невысокие полусапожки с мягкими голенищами — типичный астронавт-трудяга.

Выйдя на Большую эспланаду, он дошел до ближайшей транспортной платформы и стал ждать. Озеро, отражая последние отблески Вегы, сверкало сочными темно-красными, зелеными и оранжевыми огнями. Через несколько минут все это буйство красок исчезло, поверхность озера приняла цвет вороненой стали и лишь кое-где тускло мерцала, отражая свет фонарей на противоположном берегу... Подъехал omnibus с одной открытой стороной. Джерсен поднялся по ступенькам к

расположенным вдоль другой стороны сиденьям и бросил монету в приемную щель на одном из подлокотников: не сделай он этого, сиденье автоматически вытолкнуло бы его на следующей же остановке.

За изгибом озерного берега эспланада плавно перешла в Пилкамп-роуд. Омнибус повернул на север, пересек районы Мойнал и Друри, двигаясь все время вдоль бесконечной вереницы ярко-белых уличных фонарей, и добрался наконец до Уиглтауна. На остановке «Переулок Нунана» Джерсен вышел.

К этому времени ночь в Уиглтауне уже полностью вступила в свои права. За спиной у Джерсена к озеру спускались черные базальтовые монолиты прибрежных скал. На противоположной стороне Пилкамп-роуд узкие здания тянулись к небу островерхими крышами. В некоторых высоких стрельчатых окнах уже горел свет, многие так и продолжали оставаться темными.

Совсем неподалеку от остановки на противоположной стороне улицы ярко светилась вывеска:

СЕНЬ ТИНТЛА

Изысканные гарсайские блюда

Четоуси. Пурриан. Ахагари

Джерсен перешел улицу. Из тускло освещенного переулка ему навстречу вышел Максел Рэкроуз, одетый в коричневые вельветовые брюки, клетчатую черно-коричневую рубашу, черный жилет, украшенный блестками, и широкую черную фуражку с металлическим козырьком.

Глядя на вывеску, Джерсен прочитал вслух:

— Четоуси. Пурриан. Ахагари. Отсутствием аппетита не страдаете?

— Трудный вопрос. Должен признаться, я весьма привередлив в еде. Но если уж надо, то могу попробовать чуть-чуть одного блюда, чуть-чуть другого...

Джерсен, который часто заглатывал пищу, даже не удосужившись задуматься над тем, что же он секунду назад положил себе в рот, только рассмеялся:

— Настоящему журналисту должно быть неведомо такое понятие, как привередливость.

— Во всем нужно соблюдать меру, — возразил Рэк-роуз. — Тем более здесь, в «Сени Тинтла».

Толкнув дверь, они вошли в вестибюль и прямо перед собой увидели ступеньки лестницы, поднимающейся на верхние этажи. Широкий проход под аркой справа вел в просторное, выложенное белой плиткой помещение бара, откуда доносился резкий запах прокисшего вина. За стойкой с десятков посетителей прихлебывали из объемистых кружек темно-коричневую пенистую жидкость. Прислуживала пожилая женщина, на ней все было черным: длинное платье, прямые волосы и пышные усы на светло-коричневом лице. Постеры на стенах извещали о выставках и модных дискотеках как в самом Форт-Эйлианне, так и в других городах.

Одна из них гласила:

ЗНАМЕНИТАЯ ТРУППА «РИНКУС»!

*Вас ждет сто захватывающих воображение номеров!
Вы насладитесь зрелищем пляшущих и резвящихся
халтурят под свист и удары плетей в руках искусных
бичевателей! Каждый свистер в Хрустальном Дворце!*

Другая оповещала:

БИЧЕВАТЕЛЬ НЕД ТИККЕТ И ЕГО ПРЕЛЕСТНЫЕ ХАЛТУРЯТА!

Как они скачут! Как они резвятся!

Бичеватель Нед превращает свист бича в незабываемую песнь и выговаривает участникам своей труппы за ошибки и недостаточное рвение мастерски выполненными, хлесткими ударами кончика плети!

— Что вы застыли, как загипнотизированная рыба? — рывкнула на них женщина из-за стойки. — Будете пиво пить или вас интересует еда? Тогда ступайте наверх!

— Терпение, — кротко произнес Джерсен. — Мы еще не решили.

Подобное высказывание явно возмутило женщину. Голос ее стал резким и грубым.

— Вы говорите — терпение? Какого еще терпения можно от меня требовать, когда весь вечер приходится

подливать пиво захмелевшему мужичью? Пройдите сюда, ко мне за стойку! Я угощу вас струей вот из этого крана, да еще под полным напором... Вот тогда и выясним, кому из нас нужно запастись терпением!

— Мы решили сначала перекусить,— сказал Джерсен.— Как там сегодня четоуси?

— Как всегда, не хуже и не лучше, чем в любой другой день. Отстаньте от меня, не тратьте попусту мое время, раз отказываетесь от пива... А это еще что? Вы еще смеете насмехаться надо мной? — Она схватила наполненную пивом кружку и замахнулась ею на Максела Рэкроуза.

Тот проворно шмыгнул в вестибюль. Джерсен не отстал от него ни на шаг.

Женщина презрительно тряхнула растрепанной черной гривой, затем отвернулась и стала кончиками пальцев нервно крутить усы.

— Этой даме явно недостает обаяния,— проворчал Рэкроуз.— Никогда ей не сделать меня постоянным клиентом.

— Обеденный зал может таить для нас еще большие неожиданности,— заметил Джерсен.

— Надеюсь, они окажутся куда более приятными.

До лестницы, на которую они шагнули, донесся целый букет запахов, в котором смрад прогорклых жиров, употребляемых при стряпне, смешивался со зловонием инопланетных приправ и затхлого нашатырного спирта, применяемого здесь, по-видимому, для мытья посуды.

На первой же лестничной площадке Рэкроуз остановился:

— Честно говоря, мне как-то не по себе. Вы продолжаете настаивать на том, что нам так уж обязательно здесь поужинать?

— Если вы настолько брезгливы, то не утруждайте себя подъемом выше. Мне же попадались рестораны и куда хуже этого.

Рэкроуз пробормотал что-то себе под нос и нехотя снова стал подниматься по ступенькам.

Входом в ресторанный зал служили массивные двустворчатые деревянные двери. За широко расставленными столами посетители сидели, низко склоняясь, сбившись в тесные небольшие группки, словно заговорщики, и пили пиво или ели, почти опустив лица в огромные деревянные миски.

Навстречу вышла тучная женщина, показавшаяся Джерсену не менее грозной, чем дама при пивном крае, хотя эта была на несколько лет моложе. На ней тоже было бесформенное черное платье, а волосы свисали единой слипшейся массой. Усы у нее, однако, были не столь пышными. Гневно сверкая глазами, она попеременно глядела то на одного из новоприбывших посетителей, то на другого.

— Как я понимаю, вам захотелось поесть?

— Да, — ответил Джерсен. — Именно поэтому мы здесь.

— Садитесь вон туда.

Женщина пересекла вместе с ними весь ресторанный зал и, усадив клиентов, с видом, не предвещающим ничего хорошего, низко наклонилась, уперев в стол ладони.

— Ну, и что вам больше всего по вкусу?

— Мы знакомы с дарсайдской кухней только понаслышке, — сказал Джерсен. — Что бы вы нам могли порекомендовать из того, что вам больше всего нравится?

— Этого еще не хватало! Такую пищу мы готовим только для себя. Посетителей мы кормим только чичулой, вот и извольте довольствоваться тем, что вам подадут. — Увидев недоуменные взгляды Джерсена и Рэкроуза, женщина благоволила пояснить: — Это та баланда, которую мы скармливаем мужикам.

— А что же в таком случае можно сказать об «изысканных дарсайдских блюдах», которые вы рекомендуете? О четоуси, пурриане, ахагари?

— Гляньте вокруг. Видите — мужики лопают в свое удовольствие.

— Верно...

— Вот и вы должны есть то же самое.

— Принесите нам по небольшой порции каждого из блюд. Попробуем сами разобраться в тонкостях дарсайдской кухни.

— Как пожелаете.— С этими словами женщина удалилась на кухню.

Глядя ей вслед, Рэкроуз погрузился в глубокое молчание. Джерсен же с интересом стал наблюдать за посетителями ресторана.

— Интересующего нас лица нет среди присутствующих в этом помещении,— в конце концов заметил Джерсен.

— Неужели вы всерьез рассчитываете найти его здесь?

— Особых надежд, конечно, не питаю, но мало ли какие совпадения могут произойти? Окажись он проездом в Форт-Эйлианне, где еще, как не здесь, можно надеяться его найти?

Максел Рэкроуз бросил в сторону Джерсена подозрительный взгляд:

— Вы говорите мне далеко не все из того, что известно вам.

— Вы удивлены?

— Отнюдь. Просто хотелось бы услышать хоть намек на то, во что я влип, связавшись с вами.

— Сегодня вам нужно опасаться только четоуси и, не исключено, пурриана. А вот если наше расследование продолжится, тогда может возникнуть настоящая опасность. Ленс Ларк способен на что угодно.

Рэкроуз, явно нервничая, стал озираться по сторонам:

— Я предпочел бы не вызывать недовольства со стороны этого субъекта: его мстительный нрав общеизвестен. Не забывайте о судьбе Эразмуса Хьюптера. Мне лично абсолютно все равно, что означает загадочное слово «Панак».

Подошла женщина с подносом:

— Вот пиво, которым мужики обычно запивают еду... Кстати, впервые попавшим в наше заведение настоятельно рекомендуется чуточку развлечь старожилков. Автомат вон там. Не пожалейте монету, и перед вами вы-

ступит какая-нибудь труппа с захватывающим дух номером.

Джерсен повернулся к Рэкроузу:

— Вы в таких делах дока — вот и выбирайте.

— С удовольствием, — без особого энтузиазма произнес Рэкроуз и направился к автоматическому проектору голографических изображений.

Прочитав перечень предлагаемых номеров, он нажал на рычаг и бросил монету в щель монетоприемника. Тотчас же из громкоговорителей раздался пронзительный голос: «Перед вами Двил Наткин и Озорные Бродяги!» Под оглушительный грохот деревянных барабанов и медных тарелок в пространстве перед проектором сформировались голографические изображения исполнителей: высокого худого мужчины в трико из белых и черных ромбов с плетью в руке и группы из шести совсем еще маленьких мальчишек, одетых только в длинные красные чулки.

Наткин спел несколько несладких куплетов, в которых горько сокрушался по поводу недостаточного мастерства своих подопечных, затем исполнил эксцентричную джигу, принимая вызывающие позы и делая озабоченное лицо, одновременно так и этак щелкая плетью, а мальчишки бегали и прыгали вокруг него с невообразимыми проворством и ловкостью. Наткин, выражая недовольство невыразительностью их ужимок, едва заметными движениями рук стал посылать кончик плети точно в пухлые ягодицы мальчишек. Стимулируемые подобным образом, мальчишки выполняли в воздухе головокружительные перевороты и сальто до тех пор, пока Наткин не оказался как бы в центре своеобразной карусели из кувыркающихся пацанов, после чего он торжествующе вскинул руки, и изображение исчезло.

Клиенты, которые с ревностным вниманием наблюдали за представлением, какое-то время недовольно поворачивали, обсуждая увиденное, и снова заработали челюстями, пережевывая любимую пищу.

Из кухни снова выплыла женщина в черном платье, неся поднос с огромными мисками и пузатыми чашами,

и с грохотом выставила все это на стол перед едва не обалдевшими Джерсеном и Рэкроузом.

— Вот ваш заказ. Четоуси. Пурриан. Ахагари. Ешьте сколько хотите. Если же что и оставите несъеденным, оно все равно вернется в общий котел.

— Спасибо,— сказал Джерсен.— Между прочим, а кто такой Тинтл?

Женщина иронически фыркнула:

— Тинтл — всего лишь вывеска. Всю работу делаем мы, женщины, мы же забираем и всю выручку. Тинтл знает свое место и ни во что не вмешивается.

— Если можно, позвольте перекинуться парой слов с Тинтлом.

Женщина снова насмешливо фыркнула:

— Вы от Тинтла ничего не добьетесь: он совсем отупел, маразматик, да и только! Но если уж вам так сильно хочется на него взглянуть, то пройдите на задний двор. Он там, и только тем и занимается, что пересчитывает собственные пальцы да чешет скребком спину.

Женщина ушла. Джерсен и Рэкроуз, преодолевая брезгливость, принялись за еду.

— Не пойму даже, что здесь самое мерзкое на вкус,— через некоторое время пожаловался Рэкроуз.— От четоуси несет тухлыми яйцами, ахагари совершенно невозможно вынести, пурриан просто дрянь, а пиво такое, будто эта дама вымыла в нем своего пса... Зачем вы продолжаете есть эту пакость?

— Вы должны поступить точно так же. Нам нужен предлог сюда наведываться. Вот, попробуйте добавить какую-нибудь из этих замечательных приправ.

Рэкроуз поднял руки:

— С меня довольно!.. По крайней мере, при сложившемся уровне оплаты моих услуг.

— Как вам угодно.— Джерсен проглотил еще несколько ложек дарсайдской пищи, затем отложил ложку в сторону.— Для первого вечера мы увидели достаточно.— Подав знак женщине, он произнес: — Мадам, наш счет, пожалуйста.

Женщина бросила взгляд на миски:

— У вас просто волчий аппетит. Придется взять с каждого по два... нет, даже по три сева.

— Три сева за несколько ложек? — негодуяще вскричал Рэкроуз. — Таких цен не бывает даже в «Кафедральной»!

— В «Кафедральной» подают безвкусную преснятину. Расплачивайтесь как велено, все равно я вас не отпущу, не выпотрошив как положено.

— Вот и потрошите, — предложил Джерсен. — Хорошенький способ привлечения постоянной клиентуры. Я бы мог еще добавить, что мы надеемся встретиться с одним из членов клана Бугольда.

— Ха-ха! — ухмыльнулась женщина. — А я-то здесь при чем? Один из отщепенцев клана ограбил склад компании «Котзиш», и именно поэтому мне теперь приходится жить здесь, на этой продуваемой сырыми ветрами планете, где все мои кости выворачивает ревматизм.

— Я слышал несколько иную версию, — всезнающим тоном довольно равнодушно произнес Джерсен.

— То, что вы слышали, — чушь собачья! Рейчпол* Бугольдец и гнусный скорпион Пеншоу сговорились между собой. Это они должны были стать конченными людьми, а не бедняга Тинтл... Ну-ка, платите теперь причитающиеся мне монеты и ступайте своей дорогой. Меня надолго расстраивают всякие сплетни, связанные со злополучной «Котзиш».

Джерсен отрешенно отсчитал шесть севов. Женщина, бросив на Максела Рэкроуза злобно-торжествующий взгляд, мигом смахнула монеты в широкий карман на животе.

— Не помешало бы еще два сева в знак благодарности, не будь я мадам Тинтл!

Джерсен вручил ей две монетки, и хозяйка направилась в сторону кухни.

* Рейчпол — лицо, изгнанное из своей родной «Сени», отщепенец, бездомный бродяга, занимающийся, как правило, каким-нибудь преступным ремеслом. (Примечание автора.)

— Вы были с ней слишком любезны,— неодобрительно поморщившись, процедил сквозь зубы Рэкроуз.— Жадность этой мегеры под стать только мерзости приготовленной ею пищи.

Женщина тут же бросила взгляд через плечо:

— Я нечаянно услышала ваше высказывание. Когда вы в следующий раз удостоите нас своим посещением, я выварю в вашем четоуси свои использованные прокладки.— С этими словами она удалилась.

Джерсен и Рэкроуз тоже не стали задерживаться.

Выйдя на улицу, они остановились на тротуаре. Над озером повис густой туман. Уличные фонари вдоль Пилкамп-роуд выглядели как размытые бледно-голубые круглые пятна.

— Что теперь? — спросил Рэкроуз.— Визит к Тинтлу?

— Да,— ответил Джерсен.— Он ведь где-то рядом.

— Эта вульгарная особа упомянула задний двор,— проворчал Рэкроуз.— Туда можно пробраться, обогнув таверну, по переулку Нунана.

Они прошли за угол здания, в котором размещалась «Сень Тинтла», и стали подниматься по пологому склону холма вдоль боковой стены. Через несколько десятков метров показались ворота с металлическими прутьями, сквозь которые открывался вид на задний двор. Слева во тьме вырисовывался ряд полуразвалившихся сараев, из одного пробивался свет.

Из окна верхнего этажа здания раздалось несколько резких металлических звуков, будто от ударов кастрюли о стену, затем стала видна опускавшаяся оттуда веревка, к концу которой и в самом деле была привязана кастрюля.

— Похоже,— заметил Джерсен,— что Тинтл сейчас будет ужинать.

Дверь сарая отворилась, в проеме четко обозначился силуэт невысокого широкоплечего мужчины. Он проковылял через двор, отцепил кастрюлю от веревки и понес ее в сарай.

— Тинтл! — крикнул Рэкроуз через решетку ворот.— Эй, Тинтл! Подойдите к воротам!

Тинтл остановился в недоумении, затем отвернулся и быстрым шагом направился в сарай. Как только за ним закрылась дверь, весь двор снова погрузился в тьму.

— На сегодня с Тинтла достаточно и этого, — произнес Джерсен.

Двое мужчин вернулись на Пилкамп-роуд, дождались омнибуса, следовавшего в южном направлении, и отправились в Старый Город.

Глава 4

Автор данного исследования, размышляя над личностями Властителей Зла и их будоражащими воображение деяниями, то и дело приходит в полнейшее замешательство, наталкиваясь на многочисленные и разнообразные события, требующие анализа. Для упрощения своей задачи автор постоянно прибегает к обобщениям, однако всякий раз убеждается в том, что с таким трудом достигнутая им стройность выводов быстро рушится под тяжестью оговорок, без которых немыслимы вышеуказанные обобщения.

По сути, всем пяти рассматриваемым индивидуумам свойствен лишь один-единственный общий аспект — полнейшее безразличие к человеческим страданиям.

Так, сравнивая Ленса Ларка с другими Властителями Зла, мы не обнаружим в их характерах никаких иных общих черт, кроме указанного единственного свойства. Даже анонимность и скрытность, которые легко могут показаться определяющими элементами их умения ускользать от карающей десницы закона, в случае Ленса Ларка деформируются в необузданную дерзость и даже кажутся проявлением страстного желания привлечь внимание общественности к собственной персоне. Временами создается такое впечатление, что Ленс Ларк едва ли не сам стремится всеми доступными его воображению способами изобличить себя.

Тем не менее, если просуммировать все, что нам известно о Ленсе Ларке, мы обнаружим совсем немного заслуживающих доверия фактов. Его описывают как высокого мужчину внушительной внешности, который за счет жгучего, пронизывающего взгляда и резких движений создает

впечатление натуры непредсказуемой и подверженной необузданным страстям. Не существует достаточно четкого описания его лица. Согласно слухам, он — непревзойденный мастер владения плетью и получает удовольствие, карая ею своих недругов.

Эссе, отрывок из которого приведен выше, завершается следующими словами:

Не устояв в последний раз перед соблазном отыскать общий знаменатель, беру на себя смелость высказать следующие предположения.

Поражающую воображение глубину порочности Властителей Зла невозможно измерить количественно, в связи с чем становится бессмысленной сама постановка вопроса, кто из них является носителем наибольшего зла и самым мерзким из исчадий ада. В качественном же отношении им, хотя по большей части и интуитивно, можно дать короткие, но выразительные характеристики:

1. Виоль Фалюш злобен, как потревоженный шершень.
2. Малагейт-Бедоносец нечеловечески бессердечен.
3. Кокур Хеккус обожает приводящие в неописуемый ужас выходы.
4. Говард Алан Трисонг непостижим, изворотлив и, по всей вероятности, безумен, если такой диагноз вообще приложим к индивидуумам подобного рода.
5. Ленс Ларк жесток, мстителен и сверх всякой меры чувствителен к малейшим признакам неуважения к его персоне. Как и Кокур Хеккус, он весьма склонен к садизму, притом в доходящих до абсурда проявлениях. Время от времени появляются сообщения об исходящем от него некоем «дурном запахе» или источаемых им «миазмах», но до сих пор со всей определенностью не выяснено, в самом ли деле это просто плохой запах или метафора, передающая ненормальную психологическую или нравственную атмосферу, сопутствующую его присутствию. Тем не менее, судя по всему, из всех Властителей Зла именно он физически наиболее непригляден, за исключением, пожалуй, Говарда Алана Трисонга, описание внешности которого отсутствует.

Карл Карфен. «Властители Зла»

Северная часть озера Фимиш совершенно скрылась из виду за завесой ливня, которым сопровождалась утренняя гроза. Поднявшаяся над горизонтом Вега то и дело посылала в подернутый серой дымкой город яркие светящиеся стрелы, пробивающиеся сквозь просветы в стремительно проносящихся по небосклону тучах. Вот так, то в лучах света, то в сероватой мгле, Джерсен и Джиган Аддельс шагали по эспланаде, направляясь к Эстремонту.

Аддельс шел напряженно, без всякого энтузиазма, понутив голову. Лицо его было сумрачно и уныло. Когда они подошли к дамбе, он на мгновение приостановился:

— Вы отдаете себе отчет в том, насколько безумна эта затея?

— Зато намерения самые добрые,— возразил ему Джерсен.— Когда-нибудь вы еще поздравите себя с тем, что содействовали мне.

Аддельс тем не менее продолжал ворчать:

— В тот день, когда меня выпустят из Фрогтаунской тюрьмы.

Джерсен оставил последнее замечание без внимания.

На середине дамбы Аддельс остановился:

— Вам, Джерсен, не следует идти дальше. Нас не должны видеть вместе.

— Разумное предложение... Я подожду здесь.

Вскоре перед Аддельсом, продолжившим путь в одиночку, открылись огромные двери из стекла и металла, и он, войдя в вестибюль, ступил на роскошный пол, выложенный белым мрамором и стелтом*.

Аддельс поднялся на четвертый этаж и в подавленном настроении прошествовал в канцелярию старшего делопроизводителя. У двери он остановился на мгновение, сделал глубокий вдох, расправил плечи, провел языком по пересохшим губам, придал лицу выражение

* Стелт — драгоценная застывшая лава, извлекаемая с поверхности затвердевшей коры потухших звезд. (Примечание автора.)

безмятежного спокойствия и уверенности в себе и только после этого переступил порог приемной.

Все помещение, от одной стенки до другой, перегораживал мраморный барьер высотой чуть больше метра. По другую сторону барьера четверо младших делопроизводителей в темно-красных мантиях внимательно изучали лежащие перед ними документы. Услышав шаги Аддельса, все они, как по команде, подняли ничего не выражающие лица, затем возобновили прерванную работу.

Аддельс решительно постучал пальцами по мрамору. Один из клерков, изобразив на лице кислую мину, поднялся и подошел к стойке:

— Что вам угодно?

— Мне нужно проконсультироваться у старшего делопроизводителя, — ответил Аддельс.

— На какое время вам назначен прием?

— Мне надо переговорить с ним прямо сейчас, — сердито отрезал Аддельс. — Доложите обо мне и не вздумайте мешкать!

Клерк лениво произнес несколько слов в интерком, затем препроводил Аддельса в просторное помещение с высоким потолком, освещенное огромной хрустальной сферой со множеством граней. Высокие окна прикрывали красные бархатные портьеры. В центре светло-голубого ковра, покрывавшего весь пол комнаты, стоял полукруглый письменный стол в стиле Старой Империи, с золотистыми и ярко-пунцовыми прожилками, покрытый лаком цвета слоновой кости. За столом в непринужденной позе восседал лысоватый мужчина средних лет, круглолицый, довольно полный, в такой же темно-красной мантии, как и младшие делопроизводители. Голову его покрывала такая же, как у них, квадратная белая шапочка с гербом Земли Линлиффета. На лице мужчины играла доброжелательная улыбка. Когда Аддельс подошел вплотную к столу, мужчина учтиво поднялся:

— Адвокат Аддельс, помочь вам считаю приятной для себя обязанностью.

— Благодарю вас, — сказал Аддельс, опускаясь в предложенное хозяином кабинета кресло.

Старший делопроизводитель налил чай в чашку из тончайшего фарфора и подвинул ее поближе к Аддельсу.

— Как это любезно с вашей стороны, — произнес Аддельс и поднес чашку к губам. — Высший класс. Осмеляюсь предположить — «Золотой лютик»? С некоторой добавкой еще чего-то для придания пикантности?

— Вы прекрасно разбираетесь в сортах, — сказал старший делопроизводитель. — Действительно, «Золотой лютик», с северных склонов, с добавкой черного дассавари в пропорции одна унция на фунт. Для раннего утра, как сейчас, такое соотношение я расцениваю как оптимальное.

Обсуждение достоинств различных сортов чая продолжалось еще несколько минут, затем посетитель перешел на деловой тон:

— Вопрос, который я хотел бы обсудить с вами, заключается вот в чем. Я представляю «Банк Куни», в настоящее время зарегистрированный в Форт-Эйлианне. Не исключено, что вам уже известно: мы возбудили дело против транспортной компании «Целерус» из Вайра, планета Садал-Зюд-четыре, звездолета «Этилии Гаргантир» и других. По данному вопросу я уже провел переговоры с достопочтенным Дуайем Пинго, представляющим интересы ответчика. Он очень озабочен тем, чтобы поскорее завершить рассмотрение дела, и я с ним вполне солидарен. По сути, сейчас я выступаю от имени обеих сторон. Мы просим при составлении повестки дня ближайшей сессии назначить слушание нашего дела на как можно более раннюю дату.

Старший делопроизводитель, надув щеки, заглянул в лежащую перед ним на столе папку:

— Похоже, вам повезло. У нас есть возможность назначить слушание в самое ближайшее время. Очередным Верховным арбитром, согласно графику ротации председателей Межпланетного Третейского Суда, будет некто Долт.

Аддельс взметнул брови:

— Тот самый арбитр Волдемар Долт, который председательствовал в Межпланетном Суде в Мюрдале на Бонифейсе?

— Тот самый. Кстати, посвященная ему заметка приведена в «Легал Обсервер».

— «Легал Обсервер»? Что-то не доводилось слышать о подобном издании.

— Пока что в Нью-Вэксфорде вышел только первый номер. Благодаря авторитету учреждения, которое я представляю, мне прислали один экземпляр еще до поступления издания в сеть распространения.

— Мне обязательно нужно достать этот номер, — сказал Аддельс, — хотя бы для того, чтобы прочесть об арбитре Долте.

— Вы, безусловно, с большим интересом прочтете заметку. Автор хвалит Долта за его скрупулезность при рассмотрении дел, однако выставляет его весьма придирчивым педантом. Вот, убедитесь сами.

— Нечто подобное помнится и мне самому.

Взяв из рук собеседника журнал, Аддельс погрузился в чтение статьи о Долте. На фотографии был изображен мужчина со строгим лицом, в традиционном черно-белом облачении, со столь же традиционной челкой черных волос, закрывающих весь лоб чуть ли не до самых надбровных дуг, что еще сильнее подчеркивало чрезмерную бледность лица. Плотные стиснутые тонкие губы и горящие глаза предполагали непреклонность и даже суровость характера.

— Итак, Верховный арбитр Долт, — произнес Аддельс, закончив чтение. — Мне доводилось видеть его в деле. В жизни он столь же суров, как и на фотографии.

Как только он положил журнал на стол, старший делопроизводитель, придвинув его к себе, прочел вслух:

— «Иногда арбитра Долта считают уж слишком отрезанным от жизненных реалий и витающим в облаках высокой юриспруденции. На самом деле арбитр Долт никак не является теоретиком не от мира сего. Как раз наоборот — он неизменно выступает за неукоснительное

соблюдение процедурных вопросов в полном объеме. Коллеги-судьи считают его твердым сторонником строжайшей дисциплины при отправлении судопроизводства».

— А что вы сами думаете об этом? — чуть улыбнувшись, спросил Аддельс.

Старший делопроизводитель покачал головой:

— Старый капризный стервятник — вот кто он!

— Не так уж он стар. Но в любом случае заставьте подтянуться свою команду. Пусть ваш стентор* позаботится о том, чтобы его голосовые связки были в наилучшем состоянии. Можете не сомневаться, что арбитр Долт будет вон из кожи лезть, чтобы растормошить весь ваш технический персонал, а сам станет наблюдать за творящейся вокруг суетой, как горный орел с высокого утеса. Если кто-нибудь допустит малейшую оплошность при выполнении своих обязанностей, он живьем сдерет с него шкуру. Лично я бы предпочел иметь дело с более покладистым судьей. Неужели нельзя сделать так, чтобы на этой сессии председательствовал кто-нибудь другой?

Старший делопроизводитель только огорченно развел руками:

— Разве только вам одному придется иметь дело с этим Долтом? Мне тоже совсем не улыбается такая перспектива, но тут уж ничего не поделаешь. Покорнейше благодарю за ваши своевременные советы. Я хорошенько пришпорю свой персонал, и арбитру Долту не на что будет жаловаться.

Наступило молчание, и собеседники вернулись к прерванному чаепитию. Уже в самом конце встречи Аддельс заметил:

— А может быть, в том, что мне достался арбитр Долт, есть определенная доля везения. Он немилосерден по отношению к жуликам и достаточно квалифици-

* Стентор — судебный распорядитель, открывающий заседание суда, названный так по имени одного из героев Гомера, человека с необыкновенно зычным голосом. (Примечание переводчика.)

рован, чтобы пробраться сквозь дебри казуистики, докопаться до сути вопроса и вынести справедливое решение. В общем, в этом есть как положительные, так и отрицательные стороны. Итак, когда состоится слушание нашего дела?

— В день Святого Мааса, ровно в восемь утра.

* * *

В день Святого Мааса на озере Фимиш разыгрался настоящий шторм. Седые буруны с грохотом разбивались о базальтовый цоколь Эстремонта. Высокие окна зала суда пропускали совсем немного серого света, и три люстры, символизирующие три обитаемые планеты в системе Веги, были включены на полную мощность. С каждой стороны входной двери судебные приставы, помня о том, что судья Долт крайне вспыльчив и капризен, стояли навтыжку, боясь даже хоть чуть-чуть пошевелиться. Старший делопроизводитель сидел за своим столом в безукоризненной темно-красной мантии. Справа от него расположился защитник со стороны ответчика Дуай Пинго со своими подзащитными, слева — защитник со стороны истца Джиан Аддельс с официальными представителями «Банка Куни». В зале суда находилось также с десяток случайных зрителей, оказавшихся здесь по причинам, известным лишь им самим. В помещении царила напряженная тишина, слышался только отдаленный рокот волн, бьющихся о прибрежные скалы.

О начале судебного заседания возвестила мелодичная трель. Из заднего притвора вышел Верховный арбитр Долт, худощавый мужчина среднего роста в полном судебском облачении, со всеми регалиями, обозначающими принадлежность к гильдии Верховных арбитров. Не повернув головы ни вправо, ни влево, он сразу же вошел на предназначенную для судьи кафедру, затем быстрым взором обвел помещение. Бледность лица, контрастирующая с черным облачением, и общая сосредоточенность и подтянутость придавали его облику своеобразную строгую утонченность, подтверждая сложившуюся

ся о нем славу человека, не признающего никаких компромиссов.

За много столетий судебная процедура в системе Веги претерпела существенные упрощения, но все еще была печально известна своей приверженностью к символике. Лорд Верховный арбитр на своей кафедре больше уже не восседал в кресле, поддерживаемом четырьмя слепыми девицами, — вместо этого сама кафедра, как некая «чаша весов», покоилась на клиновидной опорной призме, и только немногие, наиболее прогрессивные, судьи осмеливались устанавливать стабилизирующие распорки, удерживающие от непрерывного дрожания Иглу Справедливости. О судьях, которые наловчились удерживать кафедру столь жестко, что Игла все время оставалась неподвижной, на лукавом жаргоне участников судебного делопроизводства говорили, что у них «деревянная задница», в то время как более суетливых председателей суда, которые своим непрерывным ерзаньем по сиденью или нетерпеливыми жестами побуждали раскачиваться стрелку индикатора равновесия с довольно большой амплитудой, называли «ежами» — прозрачный намек на то, что у них еж в заднице завелся.

Арбитр Долт отдал распоряжение, чтобы под «чашей» установили жесткие демпферы, и это свидетельствовало, что, несмотря на всю внешнюю строгость и приверженность к многовековому этикету, он принадлежит к современному, более прогрессивному поколению судей.

На огороженную площадку перед кафедрой взошел стентор и громовым голосом провозгласил:

— Прошу всеобщего внимания! Слушайте, слушайте, слушайте! На открываемой сессии суда последней инстанции председательствует лорд Верховный арбитр Волдемар Долт собственной персоной! — С этими словами он подбросил вверх три белых пера, что символизировало освобождение на волю трех белых голубок. Воздев высоко вверх обе руки, стентор объявил: — Пусть истина разнесется на этих крыльях по всей нашей земле! Сессия Межпланетного Третейского Суда объявляется открытой!

Опустив руки, он вернулся в особую, предназначенную специально для него нишу и скрылся из виду.

Арбитр Долт негромко постучал судейским молотком и бросил взгляд на памятную записку.

— Объявляю слушание предваряющих разбор дела заявлений сторон по иску «Банка Куни» к транспортной компании «Целерус», звездолету «Эттилия Гаргантир», ее командному составу и всем его законным владельцам. Состязающиеся стороны присутствуют?

— Готовы к изложению сути иска, Ваша Светлость,— сказал Аддельс.

— Готовы к ответу, Ваша Светлость,— отозвался Дуай Пинго.

Арбитр Долт повернулся к Аддельсу:

— Будьте добры изложить исковое заявление.

— Благодарю вас, Ваша Светлость. Наш иск о возмещении убытков основан на следующей последовательности событий. В день, являющийся по стандартному Земному календарю двести двенадцатым днем тысяча пятьсот двадцать четвертого года, в городе Трамп на планете Дэвида Александра владелец звездолета «Эттилия Гаргантир» вступил в злонамеренный сговор с командным составом звездолета, возглавляемым капитаном Уисли Туумом, с целью обманным путем лишить местную гильдию рестораторов тех доходов, на которые они могли рассчитывать по закону и по справедливости, и сразу же вслед за этим воплотил свой гнусный замысел в жизнь самым простым и бесстыдным образом.

Арбитр Долт постучал молотком:

— Если адвокат обуздает свой пыл и соблаговолит перейти к сухому перечислению фактов, а решать, применимы ли в данном случае такие определения, как «гнусный» или «бесстыдный», оставит на мое усмотрение, то разбирательство дела от этого только выиграет.

— Благодарю вас, Ваша Светлость. Я, возможно, предвосхищаю исход рассмотрения и поэтому несколько тороплюсь, излагая факты, но мы просим не только

наказания, но и полного возмещения убытков, исходя из наличия в данном деле злого умысла и обмана с обдуманным заранее намерением.

— Вот и хорошо, продолжайте. Только помните о том, что я абсолютно равнодушен к субъективным мнениям и оценкам любой из сторон.

— Благодарю вас, Ваша Светлость. Как я уже указывал, был нанесен существенный материальный ущерб, в связи с чем пострадавшая сторона обратилась к местным властям, однако «Эттилия Гаргантир» убыла с планеты Дэвида Александра, а вскоре исчезла из транспортного регистра и компания «Целерус». Тем временем основания для предъявления иска законным образом перешли к «Банку Куни». Прибытие «Эттилии Гаргантир» в Форт-Эйлианн поставило данный звездолет, по самому факту его нахождения здесь, под юрисдикцию данного суда, и в соответствии с полученным нами ордером на задержание мы подготовили новый иск. «Эттилия Гаргантир» в настоящее время арестована в космопорту Слэйхек. Мы требуем возмещения фактического ущерба в размере двенадцати тысяч восьмисот двадцати пяти севов и утверждаем, что владелец звездолета, с помощью, по всей вероятности, фиктивной транспортной компании «Целерус», злонамеренно и в высокомерном пренебрежении к процессу судопроизводства сговорился с капитаном Уисли Туумом о нанесении ущерба лицам, которым передал свои имущественные права прежний истец, что выразилось в преднамеренной попытке покинуть планету Элойз, не представ перед судом по иску «Банка Куни».

— Вы неоднократно прибегаете к термину «владелец», излагая факты, относящиеся к звездолету «Эттилия Гаргантир». Мне, откровенно говоря, претит подобная недоговоренность. Пожалуйста, идентифицируйте это лицо.

— К превеликому сожалению, Ваша Светлость, мне не известно его имя!

— Вот как! — Раздался удар молотка. — Адвокат Пинго, вы хотите сделать заявление?

— Да тут и говорить не о чем, Ваша Светлость! Иск этот чудовищен и крайне нелеп. Дело высосано из пальца и не стоит выеденного яйца. Ведь это же злонамеренное использование в своих интересах факта, который в самом худшем случае является зауряднейшей халатностью. Мы вовсе не оспариваем того, что когда-то в самом деле существовал иск к компании «Целерус», но мы категорически отрицаем какую-либо правомочность «Банка Куни» возбуждать на основании этого судебное дело, поскольку такие претензии решаются в административном порядке, и расцениваем выдвинутые обвинения в сговоре и злонамеренности как не соответствующие действительности.

— Вам будет предоставлена возможность продемонстрировать все это с помощью показаний ваших доверителей.— Арбитр Долт обвел взглядом клиентов Дуая Пинго.— Официально зарегистрированный законный владелец звездолета присутствует?

— Нет, Ваша Светлость. Его здесь нет.

— В таком случае каким образом вы рассчитываете опровергнуть предъявленные вам обвинения?

— Показав их полнейшую абсурдность, Ваша Светлость.

— Вот оно что, ответчик!.. Тем самым вы, вольно или невольно, меня оскорбляете, усомнившись в моих умственных способностях! А ведь весь мой богатый опыт прямо-таки вопиет об обратном: десятки на первый взгляд нелепостей превращались по ходу слушания в неопровержимые факты. Мне хотелось бы особо подчеркнуть, что рассматриваемый иск является в высшей степени своеобразным. В нем заявляется о злонамеренном обмане и сговоре, а такие обвинения нельзя отнести ни ораторскими ухищрениями, ни отвлекающими маневрами, имеющими целью ввести суд в заблуждение. Вы просто растрчиваете зря драгоценное время данного суда. Какой срок вам понадобится, чтобы вызвать в суд надлежащих соответчиков?

Пинго в ответ только пожал плечами.

— Одну минутку, Ваша Светлость, если позволите.— Он прошел проконсультироваться со своими клиента-

ми, которых теперь тоже охватила нерешительность. Так и не добившись от них ничего вразумительного, Пинго снова предстал перед судьей. — Ваша Светлость, хочу обратить ваше внимание на то, что мои клиенты терпят огромные убытки в связи с тем, что звездолет заблокирован, убытки, куда входят расходы на его эксплуатацию, зарплата экипажа, арендная плата в связи с вынужденным простоем, платежи по страховкам и пеня, которую придется выплачивать за несвоевременную доставку грузов. Разрешите нам внести достаточно крупный залог в качестве гарантии оплаты, пока не будет достигнуто справедливое урегулирование рассматриваемых претензий, поскольку, судя по всему, решение, вынесенное вами, будет не в нашу пользу, но таким образом мы хотя бы разблокируем звездолет для дальнейшего следования по ранее намеченному маршруту. Такая постановка вопроса нам кажется единственно справедливой.

Долт сверкнул глазами в сторону Дуая Пинго:

— Вы смеете здесь, в моем суде, присваивать самому себе функции и арбитра, и толкователя законоположений?

— Никоим образом, Ваша Светлость! Я второпях не совсем точно сформулировал мысль. Это всего лишь неудачная фраза, сорвавшаяся, к несчастью, с языка, за что приношу свои глубочайшие извинения!

Арбитр, казалось, задумался. Джиан Аддельс, приподняв руку, будто бы для того, чтобы почесать за ухом, прошептал себе в рукав:

— Уточните полную стоимость корабля и груза. Ни один поручитель, как в нашем городе, так и в любом другом месте, не рискнет такой суммой.

Снова заговорил арбитр Долт:

— Просьба ответчика удовлетворяется. При условии, что он внесет залог, эквивалентный полной стоимости корабля и груза, исчисленной исходя из минимальных цен, чтобы гарантировать возможное возмещение убытков на случай, если ответчик умышленно уклонится от участия в дальнейшем рассмотрении данного дела.

Дуай Пинго поморщился:

— Это, скорее всего, невыполнимо, Ваша Светлость.

— В таком случае пусть перед судом предстанут соответствующие свидетели со стороны ответчика, чтобы мы получили возможность провести слушание, как того требует закон. Какой смысл в дальнейшем продолжении разбирательства в отсутствии ответственных лиц, наибольшим образом заинтересованных в справедливом разрешении конфликтной ситуации? На том и порешим: вы должным образом расширяете круг свидетелей по данному делу, в противном случае вы его проигрываете вследствие неявки в суд одной из заинтересованных сторон.

— Благодарю вас, Ваша Светлость! Я немедленно проконсультируюсь со своими клиентами. Могу ли я испросить кратковременной отсрочки по слушанию данного дела?

— Разумеется. Какова длительность испрашиваемой вами отсрочки?

— В данном вопросе у меня еще нет полной ясности. Как только вопрос о длительности отсрочки будет согласован с моими клиентами, я поставлю в известность старшего делопроизводителя, если это, разумеется, устроит моего глубокоуважаемого коллегу Джиана Аддельса и Вашу Светлость.

— Я не возражаю,— произнес Джиан Аддельс,— если длительность перерыва не превысит достаточно разумный срок.

— Вот и прекрасно. На том и порешим. А теперь давайте внесем полную ясность, адвокат Пинго, по основному рассматриваемому вопросу. Я требую показаний непосредственного ответчика по данному делу. Им должно быть лицо, являвшееся законным владельцем звездолета «Эттилия Гаргантир» в то время, к которому относится предъявленный иск. Кроме того, должны быть предъявлены документы, доказывающие его право владения названной собственностью. Письменные показания я не приму к рассмотрению — пусть даже данные под присягой,— как не приму показания доверенных лиц

или каких-либо иных посредников. В том случае, если оговоренные мною условия вас удовлетворяют, я предоставляю отсрочку на две недели. Если для выполнения моих условий вам потребуется больше времени, обращайтесь, пожалуйста, к старшему делопроизводителю.

— Благодарю вас, Ваша Светлость.

— Слушание откладывается.

Лорд Верховный арбитр проследовал к себе в кабинет. Старший делопроизводитель вытер с лица пот и пробормотал, обращаясь к одному из приставов:

— Ну как, доводилось ли вам видеть когда-нибудь такого стервятника?

— Хуже быть не может, несколько в этом не сомневаюсь! А уж какой раздражительный — того и гляди, изойдет гноем, как созревший фурункул! Я просто счастлив, что мне никогда не придется представлять перед ним в суде.

— Ошибаетесь,— пробормотал старший делопроизводитель.— Попробуйте-ка разок нечаянно рыгнуть, когда он председательствует, так он мигом распорядится, чтобы изжарили ваш желудок. Я настолько старался не дышать, что даже пропотел насквозь.

* * *

В этот же день вечером Джерсену позвонил Джан Аддельс.

— Просто чудо,— заметил он,— что мы все еще не за решеткой.

— Не спорю, очень приятное ощущение,— в тон ему ответил Джерсен.— Наслаждайтесь им, пока располагаете такой возможностью.

— Все держится буквально на волоске! Предположим, какой-нибудь настырный журналист заглянет в протокол судебного заседания. Или вдруг старший делопроизводитель вздумает перекинуться парой слов с кем-нибудь из своих коллег на Бонифейсе. Или внесет еще какое-нибудь дело в список дел, назначенных к слушанию.

Джерсен ухмыльнулся:

— Арбитр Долт, можете не сомневаться, рассмотрит дело с характерной для него беспристрастностью.

— Было бы лучше, если бы арбитр Долт объявил о недомогании, — произнес Аддельс. — Не забывайте, что не все адвокаты такие дураки, как Пинго!

— Без особой нужды не стоит напрашиваться на неприятности. Сейчас этот самый Пинго рассылает телеграммы по всей Галактике. Где-то в самом скором времени забьют самую настоящую тревогу.

— Еще бы! И каков же будет наш следующий шаг?

— Поживем — увидим, кто появится в суде, когда возобновится слушание.

Глава 5

Дарсайские пляски под плеть — необыкновенно сложный вид искусства, в нем множество неразличимых с первого взгляда пластов, и он доступен для глубокого понимания лишь весьма немногочисленным, особо изощренным его ценителям. Я заявляю об этом решительно и без оговорок, поскольку посвятил тщательному изучению данного предмета очень много времени. Дикое и отталкивающее искусство — это само собой разумеется. Искусство, в основе которого лежит целый букет сексуальных отклонений, в их числе можно назвать мужеложство, садизм, мазохизм, вуайеризм, эксгибиционизм — вполне достаточно, как мне кажется. Это такой вид искусства, который лично меня нисколько не привлекает, хотя временами и покоряет некоторой внушающей ужас притягательной силой.

Различные нюансы исполнения плясок под плеть совершенно ускользают от непосвященных. Даже во время самого рядового исполнения бичеватель, несмотря на показную жестокость и шумовые эффекты, очень редко наносит телесные повреждения или причиняет серьезную боль танцорам. Подобно другим, с виду вселяющим ужас представлениям, пляски под плеть по большей части именно таковыми и являются, представляя собой искусно разыгранный спектакль. Для человека неискушенного тематика их может

показаться ограниченной и однообразной. В подавляющем большинстве случаев труппа состоит из бичевателя и так называемых халтурят — проказливых, непослушных и поначалу совершенно неуправляемых мальчишек. Вариации на эту тему, однако, отличаются немалой изощренностью, скрытым подтекстом, нередко в них проявляется недюжинная изобретательность и оригинальность, зачастую такие пляски бывают весьма интересными и даже смешными, и все они пользуются незатухающей популярностью среди дарсайцев-мужчин. А вот женщины-дарсаянки относятся к подобным представлениям с презрительным равнодушием и расценивают их в качестве просто еще одного проявления умственной неполноценности своих соплеменников-мужчин.

Джойнвилл Экерс. «Дар Сай и дарсайцы»

* * *

Выйдя из омнибуса, Джерсен и Рэкроуз какое-то время задержались на противоположной относительно «Сени Тинтла» стороне Пилкамп-роуд.

— Днем заведение выглядит ничуть не респектабельнее, чем в ночной тьме, — заметил Рэкроуз. — Смотрите, как шелушится на стенах краска, как перекошились оконные рамы.

— Ну и что? — произнес Джерсен. — Ветхость заведения весьма колоритна и только повысит цену, которую мы уплатим за ленч.

— Сегодня у меня напрочь отсутствует аппетит. Остается только надеяться, что вас аналогичная причина от прелести дарсайской кухни не отпугнет.

— А я надеюсь, что какое-нибудь из имеющихся в меню блюд все-таки и вас соблазнит.

Они пересекли улицу, толкнули старинную дверь, прошли мимо арки, ведущей в пивной бар, и начали взбираться по провонявшей лестнице, что вела в ресторан.

Заняты были всего несколько столиков. Мадам Тинтл празднично стояла у двери в кухню, вертя кончики усов.

Равнодушно показав на первый попавшийся свободный столик, она засемила к ним:

— Значит, вы все-таки вернулись. Уж не думала, что когда-нибудь увижу вас снова, не будь я мадам Тинтл!

— Нас привлекла сюда не только еда, но и ваша яркая индивидуальность,— решил вдруг показаться галантным Джерсен.

— Что вы имеете в виду? — требовательным тоном спросила женщина. — Своими словами вы бросаете тень либо на меня, либо на подаваемую мною еду. И в том, и в другом случае не мешало бы обдать вашу голову помоями.

— В мои намерения вовсе не входило чем-нибудь вас обидеть,— поспешил успокоить ее Джерсен. — Как раз наоборот, мне хочется помочь вам заработать немного денег, если подобная перспектива вас устраивает.

— Из всех человеческих рас дарсайцы — самые падкие до денег. Так что вы хотите предложить?

— В самом скором времени сюда должен прибыть с Дар Сай один мой друг. Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

— Он — дарсаец?

— Да.

— Быть того не может!.. Мужчины-дарсайцы не заводятся друзьями, только врагами.

— Я, наверное, не совсем правильно выразился. Этот джентльмен, если так вас больше устраивает, мой знакомый. Когда он сюда прибудет, он обязательно заглянет в «Сень Тинтла» отведать привычной для него пищи. Я хочу, чтобы вы сразу же уведомили меня о его прибытии: возобновление знакомства как в моих интересах, так и в его.

— Легко сказать... Только вот как я его узнаю?

— Просто ставьте меня или моего приятеля,— Джерсен показал на Рэкроуза,— в известность о каждом новоприбывшем дарсаице, появляющемся в «Сени Тинтла».

— Видите ли... не так-то просто это сделать. Ведь не стану же я разглядывать под микроскопом каждого гум-

баха*, который заползет сюда с улицы. Мое любопытство способно вызвать среди клиентуры непристойные толки.

— Может быть, стоит привлечь к этому Тинтла? — предложил Рэкроуз.

— Тинтла? — Женщина едва не поперхнулась, произнося фамилию своего мужа. — Тинтла вымазали с ног до головы дерьмом и сломали как мужчину. Ему не разрешается даже показываться здесь, при виде его все зажмут носы и мгновенно разбегутся. Я сама едва терплю его присутствие даже во дворе.

— Как же с ним могло случиться такое? — спросил Джерсен.

Мадам Тинтл обвела взглядом помещение, затем, не найдя лучшего применения своему времени и энергии, соизволила ответить:

— Его постигло огромное несчастье, такого удара судьбы Тинтл явно не заслуживал. Он очень гордился тем, что ему доверили охранять склад компании «Котзиш». Однако в ту злополучную ночь, когда на склад нагрянули грабители, он его не охранял, а спал крепким сном, да к тому же еще и позабыл включить охранную сигнализацию. Со склада исчезли все сто двадцатники. Затем выяснилось, что Оттил Пеншоу, казначей компании, не удосужился застраховать хранившиеся на складе материалы, и поэтому все было безвозвратно потеряно. Пеншоу отыскать не смогли, вот вся округа и обрушила гнев на одного Тинтла. Его продержали в течение трех суток связанным в общественном отхожем месте, и каждый мог срывать на нем свое плохое настроение. Тинтл и Дар Сай больше уже не в состоянии были переваривать друг друга, и нам пришлось уехать в это унылое болото. Вот и вся история.

* Гумбах — ругательство, используемое дарсайками в характеристике своих мужчин. Существительное, обозначающее женский половой орган, но с окончанием мужского рода. (Примечание редактора.)

— М-да,— произнес Джерсен.— Будь Тинтл в хороших отношениях с Ленсом Ларком, все могло бы закончиться совершенно иначе.

И без того угрюмая на вид женщина стала еще мрачнее и подозрительнее.

— Почему это вы заговорили о Ленсе Ларке?

— Потому что он — дарсаяская знаменитость.

— Скорее, позор Дар Сай. Как раз Ленс Ларк и ограбил склад компании «Котзиш», с чего бы ему быть в приятельских отношениях с Тинтлом? Хотя именно в этом моего мужа и обвиняли — в сговоре с Ларком.

— Значит, вы знаете Ленса Ларка в лицо?

— Я знаю только то, что он Бугольдец. Остальное меня совершенно не касается.

— А он, может быть, как раз в этот самый момент сидит в ресторане...

— Пока он считает, что его хорошо обслуживают, и безропотно платит по счету, он меня совершенно не волнует.— Мадам Тинтл обвела помещение презрительным взглядом.— Сегодня его здесь нет.

— Что ж, и это неплохо,— сказал Джерсен.— Но давайте вернемся к нашей договоренности. Как только здесь появится незнакомый вам дарсаец — будь-то Ленс Ларк или любой другой,— поставьте в известность меня или моего друга Максела Рэкроуза, который будет ежедневно сюда наведываться, чтобы перекусить в середине дня. За каждого указанного вами незнакомого дарсайца вам будет причитаться два сева. Опознаете Ленса Ларка — заработаете десять. А если позвоните мне, чтобы и я смог присоединиться к своему другу, то получите еще двадцать севов.

Мадам Тинтл наморщила лоб, явно смущенная подобным предложением:

— Очень уж необычную сделку вы мне предлагаете. С чего бы вам так понадобился Ленс Ларк? Другие заплатили бы десять севов и даже больше только за то, чтобы никогда с ним не встречаться.

— Мы — журналисты. Мне он кажется человеком, у которого стоит взять интервью; дело лишь за тем, чтобы

с ним встретиться. Без посторонней помощи мы вряд ли можем рассчитывать на такую удачу.

Мадам Тинтл пожала плечами:

— Мне нечего терять... Ну, а что все-таки есть будем?

— Я не откажусь от нескольких кусочков ахагари, — сказал Джерсен.

— Мне то же самое, — сказал Рэкроуз. — Только чтобы было поменьше, чем обычно, серы и йода.

— А как насчет четоуси?

— Только не сегодня.

* * *

Покинув таверну, Джерсен и Рэкроуз обошли здание и поднялись к железным воротам. Сквозь прутья они увидели сторбившегося Тинтла, греющегося под молочно-серыми лучами Веги возле одного из сараев. С каждой из длинных, около трех дюймов, мочек Тинтла свисала серьга в виде богато украшенной металлической побрякушки. Время от времени он легонько ударял по серьгам кончиком пальца.

— Тинтл! — окликнул Джерсен. — Эй, Тинтл!

Тинтл лениво приподнялся — коренастый мужчина с кожей цвета красной меди, его неправильной формы лицо обезображивали многочисленные желваки. Сделав несколько шагов к воротам, он остановился, подозрительно вглядываясь в зазоры между прутьями решетки.

— Что вам от меня надо?

— Вы — тот Тинтл, что охранял склад «Котзиш»?

— Знать ничего не знаю об этом! — завопил что есть мочи Тинтл. — Я спал и совершенно ни в чем не повинен!

— Но вас «сломали».

— Это чудовищная ошибка!

— И вам бы очень хотелось полностью себя реабилитировать?

Тинтл на мгновение закрыл глаза, задумался:

— Так далеко вперед я еще не заглядывал.

— Интересно от вас самого послушать, что произошло.

Тинтл неторопливо подошел к воротам:

— Кто вы такие, чтобы задавать подобные вопросы?

— Мы пытаемся установить истину и восстановить справедливость.

— Я по горло сыт справедливостью. Займитесь лучше Пеншоу и сломайте его. Я сам поведу его на веревке к отхожему месту.— Тинтл повернулся к ним спиной.

— Минутку! — крикнул ему вдогонку Джерсен.— Мы еще не рассказали о тех выгодах, на которые вы можете рассчитывать, оказав нам содействие.

— Какие еще выгоды? — отозвался, приостановившись в нерешительности, Тинтл.

— Во-первых, получите денежное вознаграждение за то время, что на нас потратите. Во-вторых, грабителей ждет наказание.

Тинтл издал звук, выражающий недоверие и граничащий со смехом.

— Кто это вздумал наказывать Ленса Ларка?

— Всякое может случиться... А пока нам хочется только услышать подробности дела.

Тинтл изучающе поглядел на Джерсена, затем перевел взгляд на Рэкроуза:

— Каков ваш официальный статус?

— Не задавайте лишних вопросов. Разве находящиеся на государственной службе чиновники предлагают вознаграждение?

Только теперь Тинтл обнаружил некоторую гибкость ума.

— Что вы предлагаете?

— Все зависит от того, о чем вы нам расскажете. Для начала — пять севов.

— Не густо,— проворчал Тинтл.— Но для начала, пожалуй, достаточно.— Он поглядел на окна ресторана, выходящие на задний двор.— Вон она стоит, поглядывая, как огромная крыса из норы. Давайте перенесем свои дела в таверну Грори, напротив.

— Как вам угодно.

Тинтл освободил цепочку, соединявшую створки ворот, и вышел в переулок.

— Ее жаба задавит, когда она увидит, что мы идем в таверну напротив. Теперь она целую неделю будет кормить меня одними помоями. И все же лучше уйти отсюда. Мужчине негоже обращать внимание на истерические вопли женщины.

* * *

Заднюю веранду таверны Грори поддерживало нагромождение черных скал, возвышающихся над поверхностью озера Фимиш. Трое мужчин расположились за деревянным столом почти у самой воды. Тинтл наклонился далеко вперед, и Джерсену почудилось едва заметное, но вызывающее позывы к тошноте зловоние. Что это было? Игра воображения?.. Источаемый Тинтлом запах?.. Вонь из лопнувшего пузыря, поднявшегося со дна озера, покрытого сероводородной слизью?..

— Помнится, были упомянуты пять севов,— сказал Тинтл.

Джерсен выложил деньги на стол:

— Нас интересуют подробности ограбления склада компании «Котзиш». Не забывайте: если награбленное окажется обнаруженным, вы, возможно, будете оправданы и получите компенсацию.

Тинтл хрипло рассмеялся в ответ:

— Вы что, совсем за дурака меня принимаете? В нашей жизни события никогда не смогут принять такой благоприятный оборот. Я расскажу вам все, что знаю, возьму деньги — и делу конец.

Джерсен пожал плечами:

— Вы были охранником склада компании «Котзиш». Что, собственно, представляет из себя эта компания?

— Корпорацию эту сколотил Оттил Пеншоу. Рудокопы приносили двадцатники и отдавали их Пеншоу, а тот расплачивался акциями общества взаимного доверия «Котзиш». Акции якобы можно было в любое время обратить в севы. Дело завертелось, и склад неподалеку от Сержеуза вскоре был уже набит отменными двадцатниками. Такое не могло не соблазнить Ленса Ларка. Поговаривали даже, будто сам Оттил Пеншоу дал ему

знать, что на складе уже не осталось места, куда можно было бы складывать продолжающую прибывать руду. Вот тогда-то и совершил ночную посадку на территории склада огромный черный корабль Ленса Ларка. Его громилы вломились в помещение, и мне еще здорово повезло, что я успел вовремя унести оттуда ноги, иначе бы они меня точно убили. Это соображение почему-то не было принято во внимание, когда всех охватило повальное бешенство. Меня обвинили в том, что я, специально поставленный для охраны склада, не сумел защитить хранящееся там добро, и все хотели докопаться, почему не были снабжены надежными запорами огромные ворота склада. Я объяснил, что в этом виноват Оттил Пеншоу, но он бесследно исчез, поэтому меня, а не его поволокли к выгребной яме и там «сломали».

— Печальная история, — заметил Джерсен. — И все же откуда вам известно, что ограбление совершил Ленс Ларк?

Тинтл раздраженно вскинул голову, подвески на его ушах задергались и забренчали.

— Вполне достаточно и того, что я уже рассказал. Не такое это имя, которое можно несколько раз безнаказанно повторять.

— Тем не менее истинного виновника нужно отдать в руки правосудия, и именно вы могли бы оказать неоценимую помощь.

— А если Ленсу Ларку станет известно, что я не умею держать язык за зубами, что тогда? Мне останется только сплясать десять фанданго под музыку его «Панака».

— Ваше имя нигде не будет упомянуто. — Джерсен извлек еще пять севов. — Расскажите нам все, что знаете.

— Осталось совсем немного. Сам я принадлежу к клану Данна. Ленс Ларк — Бугольдец. Когда-то я весьма близко был с ним знаком: в «Сени Найднау» мы вместе принимали участие в хадавле*. И вот тогда перед ре-

* Хадавл — дарсаяская игра, в которой сочетаются элементы сговора одних участников против других, где разрешаются двурушничество, коварство, надувательство; игра, допускающая всеобщую рукопашную схватку без соблюдения каких-либо правил. (Примечание автора.)

шающей схваткой все тайно договорились действовать против него сообща, но он сумел перехитрить всех нас, и в конечном счете у меня, а не у него оказались переломанными ребра.

— Каков он из себя?

Тинтл сокрушенно покачал головой, не находя, по-видимому, подходящих слов.

— Ну, мужчина он крупный, заметный, с длинным носом и бегающими глазами. Во время налета на склад на нем был таббат*, но я узнал его по голосу и по фасту**.

— Если бы Ленс вдруг появился в «Сени Тинтла», вы бы узнали его?

— Меня не терпят в «Сени», — горестно проворчал Тинтл. — Он может побывать там десятки раз, но я ничего не буду знать об этом.

— Когда вы вместе с ним участвовали в хадавле, какое у него тогда было имя?

— Это было очень, очень давно. Тогда он был просто Хуссе Бугольд, хотя уже и был рейчполом.

— У вас есть фотографии Ленса Ларка?

Тинтл возмущенно фыркнул:

— С чего бы мне хранить такие воспоминания?.. Он большая шишка, а я полное ничтожество. От него исходит фаст мариандра, хорошей каруны и жареного ахагари. От меня разит дерьмом и мочой.

Джерсен пододвинул деньги через весь стол к Тинтлу.

— Если доведется увидеть Ленса Ларка, будьте крайне осторожны. Не подавайте вида, что узнали его. Свяжитесь немедленно с Макселем Рэкроузом — вот визитная карточка моего друга, он известный журналист.

Судорога исказила черты лица Тинтла, затем, все же овладев собой, он встревоженно прошептал скороговоркой:

— Похоже, вы поджидаете Ленса Ларка.

* Таббат — дарсайский капюшон, обычно из белой или си-ней материи. (Примечание автора.)

** Фаст — особый запах, выделяемый мужскими порами. У каждого дарсайца он свой, отличный от других. (Примечание автора.)

— Пока что только надеемся на это,— сказал Джерсен.— Он ведь совершенно неуловим.

Тинтл погрузился в мрачные раздумья и, казалось, уже начал раскаиваться в том, что разоткровенничался с незнакомцами.

— Теперь я, может быть, и не узнаю его. Говорят, он изменил внешность. Откуда мне знать, какого цвета тонировку придали его коже мезленцы? Ему как-то захотелось обосноваться на Мезлене в шикарном доме, но сосед воспротивился, заявив, что не желает видеть безобразную дарсайскую рожу, непрерывно торчащую над оградой сада. Ленс Ларк настолько тогда взбеленился, что тотчас же изменил лицо. Кто знает, как он выглядит теперь?

— Призовите на помощь интуицию. А какова судьба Оттила Пеншоу?

— Он перебрался в Твониш на Мезлене. Насколько мне известно, он все еще там.

— А «Котзиш»? Корпорация продолжает функционировать до сих пор?

Тинтл со злости плюнул на пол:

— Я уплатил четыреста унций отменного черного песка — целое состояние — и получил сорок акций. Затем принял участие в нескольких хадавах, и теперь их у меня девяносто две.— Из засаленного бумажника он извлек пухлую пачку сложенных вдвое бумаг.— Вот они, сертификаты компании. Цена им сейчас — ничего.

Джерсен внимательно изучил сертификаты.

— Это акции на предъявителя. Я куплю их у вас,— сказал он, выкладывая на стол десять севов.

— И это все? — возмущенно вскричал Тинтл.— Почти за сотню первоклассных акций? Неужели я показался вам таким идиотом? Каждая акция представляет из себя не только десять унций песка, но и другие ценности: привилегии, долговые обязательства других компаний, долю в общем имуществе корпорации, право участия в управлении ею...— Джерсен потянулся рукой к деньгам, но Тинтл впился глазами в банкноты, не в силах оторвать от них взгляд.— Не надо торопиться! Я принимаю ваше предложение.

Джерсен толкнул деньги в его сторону:

— Полагаю, вы могли бы заключить сделку и на более выгодных для себя условиях, но теперь поздно сожалеть об этом. Если вам посчастливится увидеть человека, о котором шла речь, поставьте нас в известность и будете щедро вознаграждены. Можете еще что-нибудь добавить к сказанному ранее?

— Нет.

— Напоминаю, любая дополнительная информация будет должным образом оплачена.

Тинтл снизошел только до какого-то маловразумительного бормотания вместо благодарности, затем одним глотком осушил до дна кружку пива и вышел из таверны. И Джерсен, и Максел Рэкроуз откинулись как можно дальше назад, чтобы их ноздрей не достиг запах, который должен был сопровождать Тинтла, когда он проходил мимо.

Глава 6

Человек, порочный сам по себе, будоражит воображение даже самых добродетельных людей и обладает для них некоей притягательной силой. Они никогда не перестают удивляться тому, что же все-таки движет подлецами, заставляя их то и дело прибегать к предосудительным крайностям. Непреодолимое желание легко и быстро разбогатеть? Причина, несомненно, широко распространенная... Жажда мести? Мстительность по отношению к той общественной среде, что их окружает? Что ж, попробуем посчитать все это само собой разумеющимся... Но если богатство или власть достигнуты, а окружение низведено до такого состояния, что вынуждено униженно пресмыкаться, что тогда? Почему порок в душе такого человека не уступает тогда места добродетели? Почему такой человек и дальше остается носителем зла и продолжает его сеять, часто даже с еще большим размахом?

Ответ, по всей вероятности, весьма прост: делает он это из любви ко злу как к таковому, как к некоей изначальной для такого человека ценности.

Подобные побуждения, будучи непостижимыми для благонамеренного обывателя, тем не менее непоборимы и определяют все поступки человека с порочными наклонностями, в результате чего личность злодея формируется под воздействием совершаемых им злодеяний, он как бы становится творением, созданным самим собой. Стоит однажды преступить невидимую черту, отделяющую добро от зла, как совершивший такой поступок человек во всех своих помыслах и действиях начинает руководствоваться новой системой критериев и моральных ценностей. Пронизательный преступник прекрасно понимает собственную порочность и полностью отдает себе отчет в своих поступках. Чтобы успокоить мятущуюся совесть, он впадает в состояние, где единственной реальностью признает только существование собственного «я», и начисто отвергает весь окружающий мир, в результате чего совершает самые чудовищные преступления в таком полнейшем иступлении, в такой душевной прострации, что заставляет жертв считать, будто обезумел весь мир.

Анспик, барон Богиссей. «Жизнь», том 1

* * *

Максел Рэкроуз явился к Джерсену в день Святого Далвера, ровно в полдень. На этот раз он был сдержан и немногословен.

— В течение последних двух недель я внимательно слежу за всеми вновь прибывающими в Слэйхек, а также в космопорты Нью-Вэксфорда и Понтифракта. Из системы Коры за это время прибыли десять человек, но только трое из них назвались дарсайцами, остальные — уроженцы Мезлена. Ни один из дарсайцев не соответствует словесному портрету интересующего нас лица. Им, вполне возможно, является один из троих мезленцев. Вот фотографии всех троих.

Джерсен внимательно изучил запечатленные на фотографиях лица. Ни одно из них ничем особо его не заинтересовало. Тогда Рэкроуз с видом провинциального фокусника, достающего голубя из пустой шляпы, выложил еще одну фотографию.

— А вот Оттил Пеншоу, не удосужившийся застраховать содержимое склада компании «Котзиш». Он был вчера и сейчас находится здесь, в «Кафедральной».

На фотографии, сделанной по прибытии Пеншоу в космопорт, Джерсен увидел мужчину средних лет довольно хрупкого телосложения, но с изящным небольшим брюшком. На несоразмерно крупной голове прекрасно сочетались живые умные глаза, тонкий продолговатый нос и нежный рот, линия которого в уголках чуть загибалась книзу. По обе стороны от облысевшего лба свисали редкие темно-рыжие вьющиеся волосы, сливаясь с кожей лица, тонированной в желтый цвет довольно едкого оттенка. Одет элегантно, даже с шиком. В глаза бросались квадратная черная бархатная шляпа с серебристым и алым кантами, серые бриджи с сизоватым отливом, бледно-розовая рубаша с воротником «стойка», желтовато-коричневый пиджак.

— Ишь каков! — хмыкнул Джерсен. — Неплохо бы порасспросить этого Пеншоу кое о чем.

— Что за проблема! Он менее чем в сотне метров от нас. А вот получить от него честные ответы, судя по выражению лица, будет куда труднее.

Джерсен задумчиво кивнул:

— Действительно, в его искренности вполне можно усомниться. К тому же он не похож на человека, который способен забыть о том, что существует разветвленная сеть страховых агентств.

— Вот именно. Как раз в этом и заключается своеобразие ситуации. Может быть, необычайно высокими были страховые взносы, что неудивительно вследствие близости системы Коры к Краю Света.

— И к Ленсу Ларку. Не исключено, что страховщики отказались застраховать склад на Дар Сай как раз из этих соображений.

— Или, что более вероятно, Пеншоу сделал вид, что приобрел страховой полис, а выделенные компанией средства просто прикарманил.

Джерсен еще раз внимательно посмотрел на умное лицо, изображенное на фотографии.

— Кто-кто, но я уж точно не захотел бы доверить Пеншоу свои деньги... Возможно, у него имеются достаточно веские причины, побудившие обесценить акции «Котзиш».

Рэкроуз нахмурился:

— Что же, собственно, могло толкнуть его на такую аферу?

— Могу назвать несколько причин. Ну, например, желание занять руководящее положение в компании, сосредоточив в своих руках контрольный пакет акций.

— Компании, которая обанкротилась?

— Тинтл упомянул об оставшемся имуществе, долговых обязательствах и других подобных активах.

— М-да... Здесь можно ожидать чего угодно.

Джерсен задумался на мгновение, затем, повернувшись к коммуникатору, нажал кнопку, и на экране появилось бледное лисье лицо Джигана Аддельса.

— Наши дела приняли несколько иной оборот,— сказал, обращаясь к юристу, Джерсен.— Меня интересует акционерное общество взаимного доверия «Котзиш», базирующееся в Сержеузе на планете Дар Сай в системе Коры. Доступна ли в Нью-Вэксфорде информация, касающаяся этой компании?

Обычно сосредоточенно-серьезное лицо Аддельса расплылось в редкой для него улыбке.

— Вы будете просто изумлены нашими информационными возможностями. Если «Котзиш» проводит хотя бы один цент в любом из банков Ойкумены, информация об этом сейчас же становится доступной для информационных бюро такого крупнейшего финансового центра, как Нью-Вэксфорд.

— Меня интересует ее недвижимость, активы, высшие должностные лица, порядок управления деятельностью, любые другие сведения, которые могут показаться интересными.

— Обязательно выясню все, что известно по данным вопросам.

Экран погас. Повернувшись снова к Рэкроузу, Джерсен прочитал некоторое недоумение на лице журналиста.

— Для простого обозревателя, пусть даже и «Космополиса»,— задумчиво произнес Рэкроуз,— вы удивительно влиятельны в самых высших деловых кругах Элойза.

Джерсен и в самом деле несколько подзабыл роль Генри Лукаса, специального корреспондента известного журнала.

— То, о чем я просил, не такое уж великое одолжение. Просто Аддельс мой старый приятель.

— Понятно... Так как же нам быть с Пеншоу?

— Пристально за ним наблюдайте. Наймите профессиональных помощников, если сочтете необходимым...— Джерсену было прекрасно известно, что веганское законодательство запрещает применять автономные передвижные микротелекамеры для скрытого наблюдения и другие аналогичные устройства.

— Такой тип, как Пеншоу,— скептически возразил Рэкроуз,— обязательно заметит, что к его особе проявляют повышенное внимание.

— Если так, то тем интереснее будет проследить за его поведением.

— Как вам угодно. Каким образом расплачиваться с частными детективами?

— Под расписку с расчетного счета «Космополиса».

Издав еле слышный вздох, Рэкроуз поднялся и вышел.

Вскоре на экране коммуникатора снова возникло лицо Аддельса.

— Ситуация с «Котзиш» весьма загадочна. Стоимость похищенной с ее склада в Сержеузе руды составляет двадцать миллионов севов. Заведующий не удосужился застраховать ее, и акционерное общество лопнуло. Только не подумайте, что было официально объявлено о банкротстве компании. Пострадали только держатели акций, которые, сами понимаете, теперь ничего не стоят.

— А кому принадлежат акции?

— Устав компании был сдан на хранение в «Банк Ченсета», а копии его по соответствующим каналам переданы в отделение этого банка в Нью-Вэксфорде. В уставе оговорено, что всякий, кто владеет двадцатью пятью и более процентами акций, автоматически ста-

новится одним из директоров с количеством голосов, пропорциональным его активам. Всего было выпущено четыре тысячи восемьсот двадцать акций. Тысяча двести пятьдесят из них, то есть чуть больше двадцати пяти процентов, зарегистрированы на имя Оттила Пеншоу. Остальные разошлись по рукам незарегистрированных мелких держателей.

— Довольно странно.

— Странно, но существенно. Пеншоу является единственным директором. Он один вершит всеми делами компании «Котзиш».

— Он, скорее всего, скупил обесцененные акции, — предположил Джерсен. — Полтонны стодвадцатников он никак не мог вложить в качестве своего пая, эквивалентного тысяче с четвертью акций.

— Не торопитесь с выводами. Пеншоу не так прост, как кажется. Зачем ему было с немалым трудом зарабатываемые деньги тратить на покупку обесцененных акций?

— И в самом деле — зачем? Я сгораю от любопытства.

— У «Котзиш», по всей вероятности, имеется филиал на Мезлене. В ее проспекте адрес значится как в Сержеузе, так и в Твонише. «Котзиш», таким образом, является межпланетной корпорацией и представляет ежегодные отчеты о своей деятельности. В отчете за прошлый год среди ее активов числятся преимущественные права на разработку месторождений, сданные в аренду участки и лицензии на геологоразведку и освоение рудных ископаемых не только на планетах Дар Сай и Мезлен, но и на Шанитре, спутнике Мезлена, и даже на далеком астероиде Гранате. «Котзиш» принадлежит также пятьдесят один процент посреднической фирмы «Гектор-Транзит» в Твонише. Кто владеет остальными сорока девятью процентами? Оттил Пеншоу. Он, скорее всего, в качестве управляющего выпустил тысячу двести пятьдесят акций «Котзиш» и расплатился за них пятьюдесятью одним процентом акций «Гектора».

— А что говорится об этом в отчетах «Гектора»?

— Ничего. «Гектор» никогда не представлял подобных отчетов.

— Все это, мне кажется, еще больше запутывает дело.

— Нисколько, — возразил Аддельс. — Обычные бюрократические уловки, позволяющие недобросовестным дельцам проворачивать крупные махинации, не неся за это никакой ответственности.

— Акции «Котзиш» числятся среди активов, продаваемых на фондовой бирже?

— В общем перечне фирм и компаний приведена номинальная стоимость акции «Котзиш»: один процент за акцию, но там стоит звездочка, обозначающая полное отсутствие как спроса, так и предложения. По сути, выпущенные этой компанией акции являются мертвым капиталом.

— Дайте для пробы объявление о покупке, — сказал Джерсен. — Если появится хоть одна акция «Котзиш», покупайте.

Аддельс грустно покачал головой:

— Деньги, выброшенные на ветер...

— Оттил Пеншоу мыслит иначе. Он, по всей вероятности, остановился в «Кафедральной».

— Что?.. Поразительно! Остается только догадываться, с какой целью он сюда прибыл!

— Меня это смущает не меньше, чем вас. Одно утешение — завтра состоится слушание нашего дела. Арбитр Долт — человек прямой, он решительно пресечет любую попытку уклониться от разбирательства и затянуть процедуру.

— Будем уповать на то, что удастся избежать позора и тюремного заключения. Мы идем по проволоке, натянутой над пропастью! Пеншоу хитер и коварен!

— Если все закончится благополучно, то Пеншоу может чувствовать себя вполне спокойно, лично меня он нисколько не интересует.

— Говоря «если все закончится благополучно», вы имеете в виду появление в Эстремонте Ленса Ларка?

— Именно так.

Аддельс укоризненно покачал головой:

— Уж не взыщите за откровенность, но вы гоняетесь за призраком. Можно называть Ленса Ларка маньяком, зверем, палачом, но никак не глупцом.

— Что ж, поглядим, кто из нас прав. А теперь прошу вас извинить меня — для арбитра Долта наступает время обеда.

* * *

Ровно в час дня Долт, суровый бледный мужчина с лицом аскета и пышными черными кудрями, ниспадающими на плечи, величественно прошествовал в зал ресторана гостиницы «Кафедральная». Наряд его несколько десятков лет назад удовлетворил бы своей чопорностью самых привередливых блюстителей этикета. Головы всех, кто находился в ресторане, как по команде повернулись в сторону поражающего строгостью вида судьи, степенно направляющегося через весь ресторанный зал к специально отведенному для него столику.

Удовлетворившись скромной трапезой, состоявшей из овощного салата и холодной дичи, он надолго погрузился в мрачное раздумье над чашкой чая. Вот тут-то и подошел к его столику худощавый, ничем особенно не примечательный мужчина, сидевший ранее в противоположном конце зала.

— Ваша Светлость Верховный арбитр Долт? Позвольте подсесть к вам на несколько минут.

Арбитр Долт удостоил просителя свинцовым взглядом из-под нахмуренных бровей, затем произнес неторопливо и сухо:

— Если вы журналист, мне нечем поделиться с вами.

Незнакомец вежливо рассмеялся, как бы высоко оценивая тонкую шутку арбитра Долта:

— Меня зовут Оттил Пеншоу, и с прессой я не имею ничего общего.— С этими словами он непринужденно опустился в кресло напротив арбитра Долта.— Завтра у вас состоится слушание по делу «Банка Куни» против «Эттилии Гаргантир» и других. Надеюсь, вы не сочтете

неуместным, если я осмелюсь обсудить с вами кое-что, касающееся этого дела?

Арбитр Долт, глядя изучающе на Оттила Пеншоу, увидел перед собой человека хоть еще и несколько молодого, но достаточно уже зрелого. От его внимания не ускользнули ни быстрый, умный взгляд, ни приветливое, располагающее выражение лица.

Пеншоу выдержал сверлящий взгляд арбитра, насколько не изменившись в лице и сохранив всю первоначальную уверенность в себе. Удовлетворившись осмотром собеседника, арбитр Долт соизволил спросить:

— А какое, собственно, вы имеете отношение к данному делу?

— В определенном смысле я тоже являюсь заинтересованной стороной, поскольку тесно связан с ответчиком, но прибыл я сюда, естественно, вовсе не для того, чтобы докучать вам, а в связи с некоторой неординарностью рассматриваемого дела. Неординарность же заключается в том, что не обо всех нюансах можно говорить официально, а как раз вот эти-то нюансы и проливают определенный свет, позволяя составить более ясное представление о рассматриваемом вопросе и придавая цельность общей картине.

Веки арбитра Долта лениво опустились, лицо стало еще более отрешенным, чем обычно.

— Меня не интересуют никакие мнения, высказанные в неофициальном порядке.

— Об этом не может быть и речи. Заверяю вас, я хочу только представить на ваше рассмотрение кое-какую сугубо конфиденциальную информацию о таких фактах, которые сами по себе являются подсудными деяниями, вне связи с рассматриваемым вами делом.

— Ну что ж, говорите.

— Благодарю вас, сэр. Начну с того, что я представляю владельцев «Эттилии Гаргантир». Корабль арендован фирмой «Гектор-Транзит», являющейся дочерним предприятием компании «Котзиш», которая, в свою очередь, представляет из себя акционерное общество взаимного доверия, директором-распорядителем которого яв-

ляется ваш покорный слуга. Все, на первый взгляд, в полном ажуре, но вот здесь-то нас и поджидает подвох: подлинным владельцем корабля является некий Ленс Ларк. Это имя вам говорит о чем-нибудь?

— Разумеется. Это крупный преступник, пользующийся крайне дурной славой.

— Совершенно верно. И он, естественно, категорически против того, чтобы предстать перед веганским судом и идентифицировать себя. Подобное для него полностью исключено. Исходя из этого, предлагаю, чтобы вместо его показаний, то есть показаний Ленса Ларка, к рассмотрению были приняты мои показания, поскольку именно я являюсь фактическим распорядителем собственности, проходящей по рассматриваемому вами делу.

На мертвенно-бледном лице арбитра Долта не дрогнул ни один мускул, только чуть-чуть затрепетала синяя жилка у виска.

— Во время предварительного слушания я постановил, что к рассмотрению будут приняты только свидетельские показания подлинного владельца корабля на тот момент времени, когда было совершено правонарушение, на которое в своем заявлении ссылается истец. Я не усматриваю каких-либо причин для пересмотра вынесенного мною судебного постановления. Особый статус данного свидетеля не относится к сути дела и не может оказать влияния на выносимое судом окончательное решение.

— Складывается впечатление,— произнес Оттил Пеншоу, едва сдерживая улыбку,— что ваша точка зрения по данному вопросу такова: если Ленс Ларк соизволит выступить со свидетельскими показаниями в веганском суде, то из этого вовсе не вытекает, что с ним будут обращаться как с преступником, по собственному желанию явившемуся с повинной. Я правильно вас понял, Ваша Светлость?

Арбитр Долт впервые за все время беседы изогнул губы в подобии улыбки:

— Совершенно верно. Слушание открывается завтра. Этот Ларк налицо и готов дать показания?

Оттил Пеншоу понизил голос:

— Наш разговор можно считать строго конфиденциальным?

— Я не могу взять на себя подобных обязательств.

— В таком случае ваш вопрос останется без ответа.

— Ваша осторожность позволяет мне предположить, что данное лицо действительно находится сейчас где-то поблизости.

— Давайте рассмотрим такой гипотетический случай. Будь Ленс Ларк сейчас здесь, вы бы согласились принять его свидетельские показания на закрытом судебном заседании?

Арбитр Долт нахмурился:

— Я рассчитываю на то, что он действительно даст показания, чтобы ускорить рассмотрение дела, в любом исходе которого он, пожалуй, заинтересован больше, чем кто-либо еще. Общеизвестно, что он грабитель, палач и убийца. И вдруг такая нерешительность в даче каких-то всего лишь двух-трех лжесвидетельств? А ведь, может быть, ему не придется лжесвидетельствовать, ибо удастся документально подтвердить данные им показания?

Оттил Пеншоу еле слышно рассмеялся:

— Вы и я, Ваша Светлость, несмотря на всю разницу в нашем положении, обычные люди, как и все, а Ленс Ларк представляет собой нечто совершенно иное. Я даже не осмеливаюсь предположить, с какими свидетельскими показаниями он вдруг возьмет да и выступит. Подтверждения его показаниям могут действительно существовать, но может случиться и так, что они окажутся голословными. И тогда обвинения против него начнут нарастать как снежный ком, а оказаться за решеткой за лжесвидетельство столь же малопривлекательно, как и за самое изощренное преступление. А вы в своем предыдущем постановлении настаивали на том, что вас устроят показания только подлинного владельца. Порочный круг, из которого только один выход — высказанное мною чуть ранее предложение.

Арбитр Долт нахмурился:

— Возбужденное «Банком Куни» против «Эттилии Гаргантир» дело действительно весьма неординарно. В сложившихся обстоятельствах единственное, что я в состоянии сделать, это вынести как можно более беспристрастное решение, не принимая во внимание прежние деяния тяжущихся сторон. Такая позиция вполне согласуется с моей внутренней глубокой убежденностью в том, что каждое дело должно рассматриваться с учетом его специфических особенностей. Поэтому, несмотря на всю свою приверженность к неукоснительному соблюдению процедурных вопросов в полном объеме, я на собственный страх и риск согласен выслушать показания этого человека на закрытом судебном заседании. Можете пригласить его в мой номер в гостинице «Кафедральная» ровно через два часа. Видит небо, я делаю все, что могу, во имя беспристрастности и справедливости!

Оттил Пеншоу улыбнулся и робко произнес:

— Не угодно ли вам пройти прямо сейчас в выбранное мною место для проведения закрытого судебного заседания?

— Исключено.

— Вам должна быть понятна та тревога, которую испытывает лицо, чьи интересы я представляю.

— Если бы жизнь его была безупречной, он мог бы шагать по ней с гордо поднятой головой, не задумываясь, как и куда ставить ноги.

— Что-что, но шагает он по жизни ох как небрежно. — Оттил Пеншоу поднялся и на несколько мгновений застыл в нерешительности, затем произнес с наигранной учтивостью: — Я сделаю все, что в моих силах.

* * *

Апартаменты, предоставленные лорду Верховному арбитру, были самыми роскошными из всех, которыми располагала гостиница «Кафедральная», и включали в себя даже просторный рабочий кабинет, обставленный антикварной мебелью. Сам арбитр восседал

в огромном кресле с массивными подлокотниками. Он и сейчас предпочел облачиться в соответствующее его роли одеяние, чтобы подчеркнуть торжественность и официальный характер осуществляемой им процедуры. Мертвенно-бледная тонировка лица, впалые щеки, острые скулы и короткий прямой нос резко контрастировали с роскошными черными кудрями парика, ношение которого строжайше предписывалось закосневшим в традициях протоколом веганского судопроизводства. Руки арбитра, крепкие и жилистые, с сильными прямыми пальцами, также казались несколько не свойственными человеку такой профессии. Они куда в большей степени были похожи на руки человека активного образа жизни, привыкшего пользоваться различными инструментами и оружием.

В напряженной позе прямо напротив арбитра сидел Джан Аддельс. Беспокойство, испытываемое им, было настолько велико, что он с превеликим удовольствием предпочел бы сейчас находиться в каком-нибудь другом месте.

Прозвучала мелодичная трель. Аддельс поднялся, прошел в прихожую и прикоснулся кончиком пальца к дверной кнопке. Входная дверь скользнула в сторону, пропуская внутрь Оттила Пеншоу и высокого, несколько тучноватого мужчину в белом плаще с капюшоном. Под капюшоном виднелось темно-бронзовое лицо, плоское и невыразительное, с пухлым носом, мясистыми губами и круглыми черными глазами.

Арбитр Долт повернулся к Оттилу Пеншоу:

— Познакомьтесь с адвокатом истца, distinguished Джаном Аддельсом. Я счел необходимым пригласить его на нашу встречу, поскольку может так случиться, что решение по данному делу будет вынесено прямо здесь, в ходе разбирательства, которое сейчас начнется.

Оттил Пеншоу понимающе кивнул:

— Не смею возражать, Ваша Светлость. Разрешите представить вам главного свидетеля со стороны ответчика. Позволю себе не называть его имени, чтобы никого не смущать...

— Как раз наоборот,— воспротивился арбитр Долт.— Мы ведь здесь собрались именно для того, чтобы произвести идентификацию личности свидетеля и получить от него четкие и недвусмысленные показания... Итак, сэр, назовите ваше имя.

— У меня было много имен, арбитр. Под именем Ленс Ларк я вступил во владение звездолетом «Этилия Гаргантир». Выступая в качестве владельца этого корабля, я не совершил никаких действий со злым умыслом или из желания отомстить. Я не имею никакого отношения к сговору, в котором обвиняет меня «Банк Куни». Во всем, о чем я только что здесь сказал, я готов поклясться самой страшной для себя клятвой.

— При рассмотрении дел такого рода законом предусмотрено нечто более серьезное, чем самые страшные клятвы. Адвокат, сделайте одолжение, пригласите старшего делопроизводителя.

Джиан Аддельс открыл дверь в одну из смежных комнат. В кабинет Верховного арбитра вошел старший делопроизводитель, толкая перед собой колесную тележку с комплектом приборов, предназначенных для идентификации личности.

— Шеф,— отбросив условности, обратился к старшему делопроизводителю арбитр Долт,— предоставьте этому джентльмену возможность доказать подлинность своих высказываний.

— Сию минуту, Ваша Светлость,— ответил делопроизводитель и подкатил тележку к мужчине в белом плаще.— Сэр, этот прибор анализирует эманацию, исходящую из ваших центров высшей нервной деятельности. Обратите внимание на светящийся индикатор: зеленое свечение подтверждает истинность ваших высказываний, красное — ложность. Я должен приложить датчик к вашему виску, позвольте приподнять капюшон.

Отступив на несколько шагов, мужчина в белом плаще что-то раздраженно прошептал Оттилу Пеншоу. Тот ответил ему неким подобием улыбки и сокрушенно пожал плечами. Старший делопроизводитель, осторожно отогнув край капюшона, приложил к виску мужчины датчик и закрепил его полоской липкой ленты.

— Адвокат Аддельс, — произнес арбитр Долт, — задавайте интересные вас вопросы, но только такие, которые касаются идентификации личности этого джентльмена и выяснения побуждений, которыми он руководствовался в то время, когда были совершены проходящие по данному делу правонарушения.

— Осмелюсь предположить, Ваша Светлость, — вкрадчиво произнес Оттил Пеншоу, — что гораздо большей беспристрастности можно было бы достичь, если бы вы сами взяли на себя труд формулировать задаваемые вопросы.

— В мои намерения входит выяснение правды и только правды. До тех пор, пока адвокат Аддельс своими вопросами будет преследовать только установление истины, я не усматриваю причин для моего вмешательства в его действия. Адвокат, мы все ждем ваши вопросы.

— Сэр, вы утверждаете, что вы и есть Ленс Ларк?

— Да. Эти имя и фамилия относятся именно ко мне. Свечение индикатора стало зеленым.

— Каково ваше настоящее имя?

— Ленс Ларк.

— Сколько времени вас знают под этим именем?

— Ваша Светлость! — вскричал Оттил Пеншоу. — К чему такая казуистика? Ведь индикатор совершенно ясно удостоверил личность этого человека! Неужели мы до скончания века будем расшибать лбы о букву закоснелых процедурных формальностей?!

— Ваша Светлость, я утверждаю, что совершенно недвусмысленная идентификация до сих пор еще не достигнута, — возразил Аддельс.

— Я с вами согласен. Продолжайте.

— Очень хорошо. Где вы родились?

— На планете Дар Сай. Коренной дарсаец. — Губы мужчины расплылись почти в дурашливой ухмылке.

— И какое имя дали вам при рождении?

— Это не имеет никакого значения.

— Странно, — задумчиво произнес арбитр и следующий вопрос предпочел задать сам: — Сколько времени вас знают под именем Ленс Ларк?

— Вопрос не по существу.

Свечение индикатора стало ярко-красным.

— Имя и фамилия Ленс Ларк вам присвоены совсем недавно — не более недели или двух назад?

Глаза дарсайца едва не выкатились из орбит.

— Подобный вопрос для меня оскорбителен.

Арбитр Долт всем телом подался вперед:

— Вы неподобающим образом ведете себя. Отвечайте без обиняков: вы или действительно Ленс Ларк, и тогда мы приступим к разбирательству дела, или вы им не являетесь, но в таком случае вы с мистером Пеншоу совершаете серьезнейшее непотребство.

— Непотребством является фарс, который здесь затеян, — прорычал дарсаец. — Согласитесь с тем фактом, что именно я и есть Ленс Ларк, и задавайте вопросы, ответы на которые вас так интересуют.

— Если вы Ленс Ларк, — гневно сверкнув глазами, воскликнул арбитр Долт, — тогда ответьте вот на какой вопрос: кто был вашим сообщником в Маунт-Плезенте?

— Вот те на! Да разве упомнишь все подробности!

— Вам что-нибудь говорит имя Хуссе?

— У меня очень короткая память на имена.

— Охотно верю. Потому что никакой вы не Ленс Ларк. Предлагаю в последний раз назвать имя и фамилию, под которыми вы прожили последние двадцать лет.

— Ленс Ларк.

Индикатор полыхнул красным пламенем.

— Изобличаю вас и Оттила Пеншоу как участников преступного сговора, мошенников и лжесвидетелей. Господин старший делопроизводитель, приказываю вам арестовать этих двух субъектов! Отведите их в тюрьму и поместите в разные камеры!

Старший делопроизводитель, раздув щеки, степенно вышел вперед:

— Именем Эстремонта с настоящего момента вы оба находитесь под арестом. Стойте спокойно! Воздержитесь от опрометчивых действий! Не шевелиться! Я располагаю всей полнотой полномочий, предоставляемых мне законодательством Веги!

Оттил Пеншоу уныло потупил взор, не на шутку встревожившись:

— Ваша Светлость, умоляю вас войти в наше положение! Примите во внимание те особые обстоятельства, которые привели нас сюда!

— Вы нанесли серьезнейший вред нормальному рассмотрению дела. Я склоняюсь к тому, чтобы решить его в пользу истца, если сейчас же не предстанет перед судом подлинный Ленс Ларк. Вы можете созвониться с ним вот по этому телефону. Мне изрядно наскучили ваши уловки.

Лицо Пеншоу исказилось в злобно-насмешливой ухмылке.

— Слава об уловках Ленса Ларка давно уже достигла самых глухих уголков Ойкумены.— Он замолчал, на мгновение задумавшись, затем продолжал почти конфиденциальным тоном: — «Банку Куни» никогда не удастся поживиться за счет Ленса Ларка. Уж это я могу утверждать со стопроцентной уверенностью.

— Что вы хотите сказать?

— Кораблям свойственно исчезать. И не одним, а великим множеством самых различных способов. Не забывайте, сколь горазда на ловкие трюки Ленс Ларк! Что ж, примите мои самые искренние извинения и позвольте нам удалиться.

— Стойте! — вскричал старший делопроизводитель.— Вы находитесь под арестом!

Дарсаец повернулся к Оттилу Пеншоу:

— Всех?

Пеншоу чуть приподнял одно плечо, что позволило дарсайцу сделать вполне определенный вывод в отношении дальнейших своих действий. Он отступил на шаг и извлек из-под плаща весьма своеобразное орудие — стержень длиной в треть метра, напоминающий рукоять молотка и заканчивающийся небольшим шаром со множеством шипов. Клерк в ужасе отпрянул, затем повернулся и побежал к двери. Дарсаец взмахнул рукоятью — и утыканный шипами шар проломил череп старшего делопроизводителя чуть повыше затылка. Тот всплеснул

руками и повалился навзничь. Тем временем дарсаец развернулся, снова взмахнул рукоятью и метнул свой смертоносный снаряд прямо в арбитра Долта. Из груди Джиана Аддельса вырвался хрип отчаянья, он рванулся вперед, но тут же растянулся на полу, получив подножку со стороны продолжавшего сохранять невозмутимый вид Оттила Пеншоу. Арбитр же Долт успел уклониться, и пущенный рукой дарсайца шар врезался в стену у него за спиной. Низко пригнувшись, арбитр Долт бросился к дарсайцу, не обращая внимания на развевающие полы своего черного одеяния. Лицо в обрамлении черных кудрей, казалось, побелело еще больше. Дарсаец отпрянул на несколько шагов и в третий раз взмахнул рукоятью, однако арбитр Долт успел ухватиться за его запястье, сильнейшим ударом ноги раздробил бандиту коленную чашечку, а локтем другой руки нанес сокрушительный удар под тяжелую челюсть дарсайца. Дарсаец рухнул на пол, потащив за собою и арбитра, но тот уже успел вывернуть бандиту руку и вырвать из его пальцев оружие. Пытаясь высвободиться, они катались по полу, как два чудовищных мотылька, беспорядочно взмахивающие черными и белыми крыльями своих одеяний. Оттил Пеншоу едва успевал отпрыгивать то в одну, то в другую сторону, чтобы самому не оказаться вовлеченным в эту яростную схватку. Вытащив из кармана небольшой пистолет, он повернулся к Джиану Аддельсу, но тот успел упасть на пол и забиться за диван. Когда же Пеншоу снова взглянул на катающийся по полу клубок тел, то так и обомлел от изумления, увидев, как внешне слабый и отличающийся изысканностью манер судья сначала сломал в запястье руку дарсайца, затем раздробил ему челюсть, а в довершение выхватил короткий, сверкающий закаленной сталью кинжал и с силой вонзил его в нижнюю часть затылка противника.

Трясущимися руками Пеншоу поднял пистолет и стал прицеливаться в арбитра, но тут Джиан Аддельс, наблюдавший за происходящим из-за спинки дивана, издал пронзительный крик и метнул в Пеншоу бронзовую вазу. Арбитр Долт поднял с пола рукоять дарсайской плети,

увенчанную смертоносным шаром. Поняв бессмысленность своего дальнейшего пребывания на поле битвы, исход которой для него теперь стал совершенно ясен, Пеншоу в два-три движения отступил к двери, внешне полностью сохраняя самообладание, элегантно раскланялся и удалился с самоуверенностью фокусника, удачно продемонстрировавшего очень тяжелый для исполнения трюк.

Арбитр Долт отшвырнул от себя труп дарсайца и вскочил на ноги. Из-за спинки дивана на четвереньках выполз Джиган Аддельс.

— Положение страшнее не придумаешь! — вскричал Аддельс. — Если нас застанут здесь вместе с двумя мертвыми телами, не видать нам больше никогда свободы!

— В таком случае уходим. Это единственный разумный выход из положения.

Верховный арбитр сорвал с головы парик и сбросил черную судейскую мантию. Глядя на два трупа на полу, он произнес с печалью и недовольством в голосе:

— Полный провал. Весь наш замысел рухнул, не приведя к тому результату, на который я рассчитывал. — Показав на скрючившееся на полу неподвижное тело, всего несколько минут назад бывшее старшим делопроизводителем третейского суда в Форт-Эйлианне, он произнес, обращаясь к Джигану Аддельсу: — Позаботьтесь о том, чтобы его родные ни в чем не нуждались.

— Теперь я боюсь за себя и за своих родных, — взволнованно отозвался Аддельс. — Неужели никогда не будет конца насилию? А тут еще эти два трупа... Наше положение крайне уязвимо! Пеншоу ничего не стоит, хотя бы из злости, поднять по тревоге всю городскую полицию!

— Вполне возможно. Придется арбитру Долту кануть в неизвестность. Очень уж жаль его — он оказался достойным восхищения славным малым с прекрасным вкусом и оригинальной манерой поведения. Прощай, Верховный арбитр Долт!

— Ну и ну! — пробормотал Аддельс. — Вам лучше было бы стать профессиональным актером, а не убий-

цей-мстителем или кем там еще вы себя возомнили. Ну что, будем и дальше бесцельно торчать здесь? Наилучшие условия содержания в тюрьме Модли. И не приведи Господь оказаться во Фрогтаунском центре.

— Я надеюсь воздержаться от посещения любого из этих достославных учреждений.— Джерсен отшвырнул ногой парик и мантию.— Сейчас же уходим отсюда.

Уже в своих апартаментах он удалил с лица мертвенно-бледную тонировку, затем, несмотря на откровенно неодобрительные взгляды, которые то и дело бросал на него Аддельс, переоделся в свой обычный наряд.

— И куда же вы теперь собираетесь? — спросил в конце концов Аддельс, не в силах больше сдерживать любопытства.— Вечереет. Неужели вы до сих пор не помышляете об отдыхе?

Джерсен, занявшийся теперь тем, чтобы должным образом вооружиться, ответил извиняющимся тоном:

— Вы, наверное, не обратили внимания на многочисленные намеки Пеншоу: на то, что «Банку Куни» нечего особенно рассчитывать приобрести «Этилию Гаргантир» в свою собственность; на то, что Ленс Ларк славен своими эксцентричными выходками. Ленс Ларк, по всей вероятности, где-то поблизости. Я хочу лично удостовериться в его способностях мошенника-ловкача.

— Мне, увы, недостает подобного любопытства! Едва лишь я вспомню о том, что пришлось испытать, как меня тут же пробирает неопиcуемый ужас! Не скрою, как юрист — я большой крючкотвор и в сфере финансовых махинаций чувствую себя как рыба в воде, но во всем другом я не позволяю себе даже малейшего неуважения к законам. Мне нужно оправиться после перенесенных потрясений, снова обрести ощущение реальности окружающего мира. От всей души желаю вам приятно провести вечер.

С этими словами Джан Аддельс покинул апартаменты Джерсена. Сам Джерсен ушел через пять минут. Ничто, казалось, не нарушало царящего в гостинице «Кафедральная» спокойствия. Оттил Пеншоу, по всей вероятности, тревоги не поднял.

Выйдя из парадного подъезда гостиницы, Джерсен посигналил рукой вознице одного из конных экипажей, которые, по священной многовековой традиции, заменяли в Форт-Эйлианне такси. Взобравшись под навес для пассажиров, он отрывисто бросил через решетку, отделяющую возницу от пассажиров:

— В космопорт Слэйхек — и как можно скорее!

— Слушаюсь, сэр!

Кэб покатился по Большой эспланаде и, следуя изгибу озерного берега, выехал на Пилкамп-роуд. К этому времени Вега уже полностью скрылась за горизонтом, и над озером Фимиш спустились сумерки. Вот позади остались Мойнал и Друри, впереди, в центре Уиглтауна, Джерсен увидел знакомую желтую вывеску «Сени Тинтла». Желтый и красный свет струился из всех окон верхнего этажа здания, то и дело мелькали движущиеся тени: веселье в «Сени Тинтла» было в полном разгаре. Кварталы Уиглтауна сменились кварталами Дандиви, затем Гары, и вот показались высокие прожекторные мачты космопорта, заливающие ярким сиянием и низко нависшие облака, и взлетно-посадочное поле. Джерсен даже подался всем телом вперед в тщетной попытке силой своего желания ускорить ход кэба... Вдруг прямо по курсу полыхнула ярко-белая вспышка немыслимой интенсивности, а через несколько секунд раздался оглушительный взрыв. На фоне ярко-желтого зарева были отчетливо видны взметнувшиеся высоко вверх и во все стороны какие-то черные предметы, которые в воображении Джерсена приняли почему-то очертания человеческих тел.

Вспышка угасла, уступив место закрывшему полнеба клубящемуся облаку черного дыма.

— Что делать, сэр? — в страхе вскричал возница.

— Продолжайте движение! — распорядился Джерсен, однако тут же переменял решение: — Впрочем, остановитесь!

Взобравшись из кэба, он окинул взглядом взлетно-посадочное поле. В том месте, где должна была стоять «Эттилия Гаргантир», виднелась лишь груда дымящихся

обломков. Джерсен даже обомлел от ярости и отчаянья. Ведь все это вполне можно было предотвратить! Скрежеща зубами от злости на самого себя, он в который раз воочию убеждался, насколько неистощима изобретательность Ленса Ларка! Ведь теперь он одним взмахом отделяется и от судебного процесса, и от злополучного звездолета и сполна получает всю сумму страховки! Уж в данном случае Оттил Пеншоу никак не мог упустить возможности застраховать столь ценное имущество!

— Я стал чересчур самонадеянным,— прошептал Джерсен.— Совсем потерял бдительность! — Испытывая крайнее недовольство собой, он вернулся к кэбу.— Вы можете въехать на территорию взлетно-посадочного поля? — спросил он у возницы.

— Нет, сэр, нам категорически запрещено выезжать на поле.

— В таком случае протяните еще немного вдоль.

Кэб покатился вдоль самой кромки поля. На территории ярко освещенной площадки перед ремонтными мастерскими Джерсен заметил толпу людей, находящихся в состоянии, близком к истерике, совершенно потрясенных случившимся.

— Сверните на боковую дорогу, мне нужно подъехать к складским помещениям,— велел он вознице.

— Я не имею права покидать общественное шоссе, сэр.

— В таком случае ждите меня здесь!

И Джерсен выпрыгнул из экипажа.

* * *

Из-за здания, в котором располагались мастерские, вынырнул небольшой пикапчик и понесся, не разбирая пути, прямо через поле по направлению к дороге, выходящей на шоссе. Толпа, собравшаяся возле мастерских, мгновенно среагировала на его появление. Одни просто припустили за ним бегом, другие вскакивали в первые попавшиеся под руку транспортные средства, всегда в изобилии находившиеся возле взлетно-поса-

дочного поля. Пикап, выехав на дорогу, на полной скорости помчался к шоссе. Когда он проезжал мимо одной из прожекторных мачт, Джерсен увидел лицо водителя — широкое, красно-бронзовое, мясистое, знакомое. Лицо Тинтла. Тот явно не справлялся с управлением и уже через несколько десятков метров угодил в кювет. Грузовичок трянуло, подбросило, затем он осел набок и перевернулся. Тинтла вышвырнуло из кабины. Нелепо размахивая руками и ногами, он взлетел высоко в воздух, затем упал на спину и по инерции перевернулся на бок, после чего какое-то время лежал совершенно неподвижно. Затем с огромным трудом все-таки поднялся на ноги, бросил исполненный дикой злобы взгляд через плечо и, шатаясь из стороны в сторону, попробовал было бежать. Преследователи настигли его под одной из прожекторных мачт и в ярком бело-голубом круге, образованном светом многих десятков мощных прожекторов, набросились на него с кулаками и различными металлическими инструментами. Какое-то время Тинтлу удавалось оставаться на ногах, раскачиваясь из стороны в сторону, затем он повалился на землю. Разъяренные мужчины били его ногами до тех пор, пока он не покрылся кровью, дернулся в последний раз и испустил дух.

Джерсен, подоспевший к месту действия, когда разборка уже закончилась, спросил у одного из молодых рабочих в комбинезоне механика:

— Что здесь происходит?

Механик ответил ему взглядом, в котором некоторая тревога при виде незнакомца странным образом сочеталась с вызывающей дерзостью:

— Неужели вы не были свидетелем катастрофы? Корабль, стоявший в дальнем конце поля... Его взорвал вот этот мерзавец. А заодно еще убил полдюжины наших товарищей! Нахально подогнав свой пикап прямо под люк грузового отсека, он выгрузил из кузова здоровенный ящик, начиненный доверху очень мощной взрывчаткой — вот что я вам скажу! Затем он отъехал, а через минуту раздался взрыв такой силы, что взрывной

волной посбивало с ног даже тех, кто находился рядом с мастерскими. На борту корабля находились четверо охранников и шестеро рабочих-ремонтников, занимавшихся профилактикой и собравшихся было уже разъезжаться по домам. Все до единого погибли! — Охваченный негодованием молодой механик, осознав всю важность ситуации, весь свой пыл обрушил на Джерсена. — А вы кто такой, чтобы спрашивать у нас, что здесь происходит?

Джерсен тотчас же, даже не удосужившись ответить на вопрос, поспешил к кэбу, где дожидавшийся его возница разнервничался не на шутку:

— А теперь куда, сэр?

Джерсен повернулся, чтобы бросить последний взгляд на поле, где в ярком свете прожекторов группа рабочих, размахивая руками, оживленно жестикулируя и негодуя топая ногами, все еще окружала труп Тинтла.

— Назад, в город!

И кэб покатила на юг, пересек Гару и Дандиви и углубился в Уиглтаун. Все это время Джерсен невидящим взглядом отмечал проплывающие мимо уличные фонари, выстроившиеся изогнутой светящейся вереницей вдоль всего пути к Старому Городу. Тягостное течение невеселых мыслей Джерсена было прервано неожиданно возникшей непосредственно перед его взором вывеской «Сени Тинтла». Как и раньше, в окнах верхнего этажа мелькали тени и ярко мигали разноцветные огни. Сегодняшним вечером, пока мертвое тело Тинтла валялось в Слэйхеке, здесь, в «Сени Тинтла», через край било веселье.

Какое-то странное, несколько даже жутковатое возбуждение вдруг охватило Джерсена, еще не до конца осознаваемый трепет перед чем-то загадочным, чему суждено случиться вот здесь, сейчас. На какое-то мгновение он замер в нерешительности, затем велел вознице остановиться:

— Подождите меня. Я скоро вернусь.

Джерсен пересек улицу. Из дверей и окон «Сени Тинтла» доносились приглушенные звуки буйного праздни-

ства: пронзительное завывание музыки перекрывалось то и дело дружными выкриками захмелевших гуляк и дурашливым визгом и воплями. Толкнув дверь, Джерсен прошел в вестибюль. Пожилая женщина в черном проводила его откровенно недружелюбным взглядом, но не проронила ни слова.

Войдя в зал ресторана, Джерсен обнаружил перед собой три ряда плотно прижавшихся друг к другу мужских тел. Головы и покатые плечи сомкнувшихся тесным кольцом зрителей вырисовывались четкими силуэтами на фоне ярко-розового свечения, исходившего из противоположной стены.

В самом центре помещения полным ходом шло представление. Двое музыкантов на эстраде били в барабаны, одновременно извлекая пронзительные звуки из тоненьких труб. Рядом с эстрадой, в просветах между лысыми головами и низко отвисающими мочками ушей, то и дело мелькал невзрачный молодой человек со сморщенным, как высушенная груша, лицом, выделяющийся нелепые прыжки и держащий в своих объятиях надувной манекен в наряде старухи-дарсаянки. В паузах между курбетами он натужно, то и дело ловя воздух ртом, пел нарочито гнусавым голосом на дарсайском диалекте. Многое Джерсен понимал. Он знал, что дарсайские мужчины и женщины часто прибегают к сильно различающимся для каждого из полов идиоматическим оборотам, зачастую богатым весьма красочными метафорами. Знал он также и то, что совсем еще юные девушки зовутся «челт», а в пору взросления — пока у них на лице не вырастут усы — называются «китчет», и стоит им перешагнуть этот возраст, как они могут заслуживать от мужчин великое множество самых различных прозвищ, большей частью уничижительных. Женщины, правда, не остаются в долгу у мужчин и награждают тех не менее красочным набором далеко не лестных кличек.

Содержание баллады вызвало у Джерсена не меньший интерес, чем у нескольких десятков слушателей-дарсайцев.

В «Сени Гэггер», там, в тени
Явился я на свет.
И пива выпить дали мне
В неполные семь лет.
Крючком загнулся мой шалун,
Болтаясь между ног,
Но мимо вдруг прошла китчет —
Он строен стал, как бог.
Тэкс-кэкс, бом-бим-бом,
Теперь всегда он молодцом!

Поверьте, трудно было мне
Терпеть и ждать, когда
Наступит долгожданный день
И я услышу: «Да».
И хочется, и колется
Скорее мне узнать,
Где сердцу милую китчет
Удастся отыскать.
Букс-друкс, бом-бим-ксу,
При ярком свете Мирассу.

Так все-таки куда китчет,
Закрыв глаза, бредут?
Кого в песках в ночной тиши
В засадах тайных ждут?
Какая сила гонит их
В неведомую тьму?
Вот этого, ну хоть убей,
Никак я не пойму!
Бом-бим, трекс-трэкс-кэкс,
Туда их гонит женский секс.

Всему приходит должный срок,
И сам я осмелел,
И в очень дальние пески
Лансларком полетел.
Но юную и нежную
Я так и не сыскал,
Зато в объятья злой хунзы
Нечаянно попал.
Букс-друкс, бим-бомски,
Навек запомню я пески!

Она меня свалила с ног
Горою живота,
В бессилии своем не мог
Открыть я даже рта.

Дух забивал чудовищных
Размеров ее зад,
А между жирных ляжек ход
Виднелся прямо в ад!
Дрэкс-кэкс, букс-друкс, ца-ца-ца-ца,
Уродливей, чем у нее, не видел я лица!

Губами впившись во все то,
Чем так гордился я,
Всей тушей терлась об меня,
Как шалая свинья.
Плевался я, ругался я,
Слюною исходил.
Проказник ж мой — вот шалопай! —
Свое не упустил.
Ой-ли, ой-ли, трэкс-кэкс-бра,
Мной забавлялась она до утра.

Не помню, как остался я
После такого цел,
И много лет прошло с тех пор,
Как, сдуру ошалев,
Рискнул и в дальние пески
Пустился в путь я вновь,
Но снова, как и в первый раз,
Не та была любовь.
Трэкс-кэкс, букс-друкс, дзынь-дзен-нза,
Все та же овладела мной замшелая хунза!

Не страшны мне ни зной пустынь,
Ни мрак, ни холода,
Динклтаунский большой хадавл,
Огонь, медь и вода,
Пугает мысль меня одна —
Как ноги унесу
В ту ночь, когда из-за холмов
Вдруг выйдет Мирассу!
Дрэйкс-кэйкс, букс-трукс, киза-коза-кус,
Охочей до мужчин хунзы смертельно я боюсь!

Каждый припев находил у аудитории самый восторженный прием. Мужчины-дарсайцы громко топали, издавали не всегда пристойные выкрики, раскатисто, с нескрываемым удовольствием отрыгивались.

Джерсен постарался как можно незаметнее, бочком, пробраться поближе к входу в кухню, откуда было удобнее рассматривать посетителей ресторана. Некоторые

из них были в обычной веганской одежде, другие облачены в традиционное дарсайское белое одеяние с таббатом на голове. Особое внимание Джерсена привлекли двое за столиком у противоположной стены: один был очень внушителен и на удивление спокоен, черты его лица не скрывал низко опущенный таббат; другой, намного помельче, сидел к Джерсену спиной и свои слова подкреплял невыразительными, даже какими-то робкими жестами.

Кто-то уткнулся в Джерсена и оттащил чуть в сторону. Повернувшись, он увидел злобно-язвительное лицо мадам Тинтл.

— О, это вы, наш пылкий журналист! Вы пришли встретиться со своим другом?

— Кого из моих друзей вы имеете в виду? — вежливо осведомился Джерсен.

Хитрая и злобная улыбка мадам Тинтл проявилась не в мимике лица, а в движении пышных усов.

— Откуда мне знать? Для меня все искиши на одно лицо. — Джерсену оставалось только догадываться, что на жаргоне дарсайцев искишами называют всех, кому не посчастливилось родиться на благословенной планете Дар Сай. — Возможно, вы его увидите несколько позднее. Или вы, может быть, пришли полюбоваться искусством Неда Тиккета?

— Вовсе нет. Просто мне пришло в голову побеседовать с вами в отношении того, о чем мы не так давно договаривались. Вспомнили? Например, хотя бы о том, все ли из находящихся сейчас в зале являются вашими постоянными клиентами... А кто вон те двое, что сидят в дальнем конце зала?

— Я их не знаю, они совсем недавно прибыли с Дар Сай. Может быть, это как раз те ваши знакомые, встречи с которыми вы ищете? Зал освещен так тускло, что мне не удастся различить их лица. — Улыбка мадам Тинтл трансформировалась в откровенно враждебную ухмылку. — Почему бы вам не подойти к ним и не засвидетельствовать свое почтение?

— Неплохая мысль. Обязательно воспользуюсь вашим советом, только чуть позже. Вам что-нибудь извест-

но о делах Тинтла? Я прослышал, будто его отослали отсюда с каким-то поручением.

— Так это правда? Тинтл был вне себя от ярости. Он так плясал весь вчерашний вечер, что только пятки сверкали.

Певец закончил следующую песню и в знак одобрения получил очередную порцию топота и отрыжек. Мадам Тинтл неодобрительно фыркнула:

— Кто выступает следующим? Сопляк Тиккет?.. Следите внимательно. Этот номер здорово вас развеселит!

Мадам Тинтл брезгливо отвернулась и направилась к кухне, расталкивая плечами зрителей и не удосуживаясь не только извиняться перед ними, но и вообще не удостоивая их каким-либо вниманием, будто это были деревянные колоды. Джерсен же снова стал внимательно разглядывать тех двоих, что сидели напротив. Худощавый, по всей вероятности, был Оттилом Пеншоу. Но кем был второй?

Раздалась громкая барабанная дробь, и в круг, образованный зрителями в центре ресторанного зала, выбежал высокий худой дарсаец, с длинными, под стать туловищу, тонкими ногами, в плотно облегающем тело трико, окрашенном в черные и горчичные ромбы. У него были длиннющие жилистые руки, вытянутый, судорожно подергивающийся нос спускался едва ли не до самого конца далеко выдающегося подбородка.

— Вот и подошло время нашей главной потехи,— начал нараспев декламировать длинноногий, в такт своим словам ритмично и со свистом рассекая воздух ударами кончика плети, приводимой в движение едва заметными движениями жилистой кисти.— Зовут меня Нед Тиккет. Вкус воды впервые в жизни я ощутил у Источника Уобберс, а подчинять своей воле непослушный ремень научился у Роли Тэтвина. Плеть поет в моей руке. Она не знает усталости. Кто желает сплясать под ее мелодию? Кому по душе радостно прыгать под музыку, исполняемую тщательно выделанной кожей? Эта музыка нежна и изысканна. О, вот они, наши танцоры!

Как зачарованный, Джерсен не сводил глаз с двух дарсайцев в дальнем конце помещения, теперь уже со-

вершенно отчетливо понимая, что один из них — Оттил Пеншоу, а другой — он даже про себя не отважился произнести его имя — может быть, вот это и есть сам Ленс Ларк?

Из ниши позади столика, за которым сидели два дарсайца, вышла мадам Тинтл. Зайдя к столику сбоку, она низко склонилась в почтительной и одновременно надменной позе и что-то прошептала, сделав отрывистый жест оттопыренным большим пальцем. Оба дарсайца как по команде повернули головы в сторону Джерсена, но тот, своевременно поняв смысл жеста мадам Тинтл, мгновенно спрятался за спины зрителей.

— ...Гоп, гоп, гоп! — кричал Нед Тиккет танцорам, громко щелкая кончиком длинного бича у самых их ног. — Ну-ка живее, живее! Пляшите под музыку кожи! Повыше колени! А теперь повыше пятки! Вот так, хорошо! Ну-ка, еще выше! Покажите-ка нам свои пяточки! А теперь подбросьте повыше мишени — так, чтоб все видели!

На танцорах были короткие трусы в обтяжку с вышитыми сзади ярко-алыми дисками. Двое танцоров были дарсайскими мальчишками, третьим был Максел Рэкروز, плясавший с особым проворством.

— Гоп, гоп, гоп! — нагнетал темп Нед Тиккет. — Вот так у нас танцуют в «Сени Дудэма»! Как радостно ощущать прикосновение ласковой кожи! Такой упругой, такой звонкой! Гип-гип-ура! Так, вот так, еще раз вот так! Все выше и выше! И еще задорнее! А теперь каруселью! Нашей родной дарсайской каруселью! Оборот и шаг, прыжок и вперед! Как сладок вкус кожи! О, вот это настоящий праздник моей души! Как великолепно вы пляшете! Вы на самом деле парень что надо! Шаг — прыжок, шаг — прыжок!.. Устали? Так быстро? А разве имеем мы право портить такую потеху? Ну-ка, живее, еще живее! О! Точно в яблочко! И откуда только силы берутся? Еще раз в яблочко! Больше нет сил? Сказки! Ну-ка, повыше! Не сбивайтесь с ритма! Четко держите ритм! Разве можно прекращать забаву на середине? Ну-ка, выше! Вот так получше! Еще лучше! Прекрасно! А разве может быть иначе после трех попаданий в яблоч-

ко? Плачьте, но улыбайтесь! Плачьте, но улыбайтесь!.. А теперь можно и передохнуть.— Нед Тиккет резко развернулся на пятках и отвесил почтительный поклон соседу Оттила Пеншоу.— Сэр, ваша плеть знаменита на всю Ойкумену. Не почтите ли вы наше скромное выступление своим участием?

Сидевший рядом с Пеншоу гигант отрицательно покачал головой.

— Нам нужны свежие танцоры! — вскричал Пеншоу.— Умелые и проворные! Вон один такой у входа в кухню, соглядайте искишей! Ну-ка, вытолкните его поскорее в круг!

— Рэкроуз, сюда! — громко крикнул Джерсен.— Быстрее!

Рэкроуз, глаза которого совершенно остекленели, все никак не мог отдышаться, однако, услышав призыв Джерсена, тотчас же, прихрамывая и спотыкаясь, бросился к нему.

— Эй, куда это вы? — вскричал Нед Тиккет.— Приготовьтесь к следующему танцу!

Скорее почувствовав, чем услышав сзади чьи-то шаги, Джерсен мгновенно обернулся и увидел безразмерную мадам Тинтл, уже выставившую вперед руки, чтобы вытолкнуть его в круг. Джерсен скользнул чуть в сторону, схватил ее за руки, потянул рывком на себя и швырнул прямо на пол. Затем, выхватив пистолет, он выстрелил в живот великану. Кто-то, однако, в последнее мгновение его подтолкнул, и он промахнулся. Чей-то кулак вышиб оружие из рук, толпа разъяренных дарсайцев обступила его со всех сторон, так что он уже ничего не мог видеть.

— Рэкроуз! — взревел Джерсен.— Сюда! Быстрее!

Один из дарсайцев, издав нечленораздельный горланый звук, бросился на него. Джерсен попытался было отпрянуть, но, заработав мощный удар в затылок, на который ответил резким тычком локтя в чей-то живот, понял бессмысленность своих попыток обойтись без оружия. Он просунул левую кисть в металлическую перчатку с острыми пальчиками, правой рукой вы-

хватил из-за пояса нож. Кто-то снова ударил его — Джерсен успел поймать руку обидчика, и тот издал сдавленный вибрирующий клекот, пораженный высоковольтным ударом электрической перчатки Джерсена. Наноса колющие тычки пальцами левой руки и раздавая хлесткие удары ножом в правой, Джерсен пробился к Рэкроузу и потащил его к кухонной двери, но, еще не переступив порога, отпрянул в отвращении — такое зловоние издавал жарящийся на сковороде жир. Четверо женщин обрушили на него потоки непристойной брани. Переборов брезгливость, Джерсен схватил котел с кипящей подливой и выплеснул его содержимое в ресторанный зал, вызвав взрыв отчаянных воплей. Через боковую дверь в кухню с яростно сверкающими глазами ворвалась мадам Тинтл. За спиной у нее Джерсен увидел ту же лестничную площадку, куда выходил и главный вход ресторанный зала. Мадам Тинтл обхватила Джерсена сзади.

— Стряпухи! — рявкнула она. — Тащите побольше масла! Приготовьте противни! Мы сейчас изжарим на плите этого искиша!

Джерсен прикоснулся к ней металлическими пальцами. Она громко закричала и, шатаясь и спотыкаясь, полетела вниз по ступенькам. Джерсен опрокинул на женщин стеллаж с приправами и подал знак Рэкроузу:

— Быстро за мной!

Они сбежали по лестнице, перепрыгнули через валявшуюся без движения тушу мадам Тинтл и кинулись к выходу. Женщина из пивного бара встретила их удивленным взглядом:

— С чего такая суматоха?

— Мадам Тинтл нечаянно оступилась, — пояснил Джерсен. — Вам нужно сделать ей искусственное дыхание. — И, повернувшись к Рэкроузу, отрывисто бросил: — Уходим. Нам нельзя задерживаться ни на секунду.

Кинув прощальный взгляд на лестницу, Джерсен увидел на промежуточной площадке того самого здоровяка, за одним столом с которым сидел Пеншоу. Сейчас здоровяк целился в Джерсена из пистолета. Джерсен отскочил

в сторону, пуля просвистела рядом с головой, он же в ответ метнул в нападающего нож. Метать было не очень удобно, и нож, вместо того чтобы пронзить острием шею, полоснул лезвием свисавшую вниз мочку уха.

Здоровяк взвыл от боли и выстрелил снова, но Джерсен и Рэкроуз уже были за дверью.

Перебежав на противоположную сторону Пилкампроуд, Джерсен тут же окликнул возницу и велел ему:

— Трогай! Как можно быстрее в центр города! Дарсайцы что-то обезумели!

Кэб рванулся с места и загромыхал на юг. Погони не было. Джерсен устало откинулся на спинку сиденья.

— Он был там... Дважды я пытался отнять у него жизнь. И дважды мне это не удалось. Мой замысел оказался верным — он заглотнул наживку. А вот я дважды не сумел воспользоваться случаем.

— Что-то не пойму, о чем вы говорите, — возроптал наконец несколько оправившийся Рэкроуз. — Так вот, ставлю вас в известность: больше на мою помощь не рассчитывайте. То жалованье, которое вы мне изволили назначить, — в голосе Рэкроуза зазвучала тонкая издевка, — не соответствует обязанностям, которые мне приходится выполнять.

Джерсен был настолько огорчен провалом операции, что даже не нашел слов, чтобы выразить свое сочувствие Рэкроузу.

— Ваша жизнь сейчас вне опасности. Считайте, что вам повезло.

Рэкроуз возмущенно засопел и, кривясь от боли, занял на сиденье несколько иное положение.

— Говорить легко. Вам не пришлось плясать под музыку Неда Тиккета! Какое гнусное ремесло!

Джерсен тяжело вздохнул:

— Я позабочусь, чтобы вы не остались внакладе. Так что радуйтесь своим шрамам — благодаря им вы заработали кучу денег.

Через некоторое время Рэкроуз снова подал голос:

— Вам знаком тот крупный мужчина в дарсайском одеянии?

— Это Ленс Ларк.

- Вы пытались убить его.
- Безусловно. А почему бы и нет? Но мне не повезло, удача отвернулась от меня на сей раз.
- С настолько своеобразным журналистом мне еще не доводилось встречаться.
- Вы, без сомнения, совершенно правы.

* * *

Тремя днями позже на связь с Джерсеном вышел Джан Аддельс. Увидев, каким сосредоточенным было лицо Аддельса на экране коммуникатора, Джерсен понял, что тот собирается сообщить нечто очень важное.

— Что касается «Эттилии Гаргантир», — сухо произнес Аддельс, — то корабль почти полностью уничтожен. Дело, возбужденное «Банком Куни» против «Эттилии Гаргантир», становится крайне спорным.

— Я пришел к такому же заключению, — кивнул Джерсен.

— И это сразу же наводит на мысль о том, что корабль был застрахован. Я решил выяснить, где застрахован корабль, на какую сумму и кто уплатил страховые взносы. К данному моменту некоторые из фактов выявлены, и вам, может быть, захочется о них узнать.

— Безусловно, — согласился Джерсен. — И в чем же заключаются эти факты?

— Страховка бала оформлена всего лишь три недели назад на общую сумму, которая равна или даже превышает стоимость корабля и его груза. Страховые полисы оформлены «Страховым агентством Куни», являющимся дочерним предприятием отделения «Банка Куни» в Трампе на планете Дэвида Александра. Пострадавшая сторона, общество взаимного доверия «Котзиш» из Сержеуза на планете Дар Сай, с предъявлением претензий медлить не стала. В соответствии с курсом, издавна регистрируемым любыми ответвлениями «Банка Куни», возмещение убытков было произведено быстро и в полном объеме сумм страховки.

— «Банк Куни» принадлежит мне? — с дрожью в голосе спросил Джерсен.

— Да. И «Страховое агентство Куни» тоже.

— В таком случае получается, что это я выплатил Ленсу Ларку огромную сумму денег?

— Именно так.

Джерсен, практически никогда не дававший воли своим эмоциям, на сей раз взметнул ладони вверх и, сжав их в кулаки, обрушил на собственную голову:

— Он обставил меня.

— Его ловкость общеизвестна, — как о чем-то само собой разумеющемся сообщил официальным тоном Аддельс.

— М-да, вот это я понимаю!

— Древняя поговорка гласит: «Садись за стол с дьяволом — запасайся ложкой подлиннее». Похоже, вы сделали попытку разделить с ним трапезу, прихватив всего лишь десертную ложечку.

— Мы еще посмотрим, чья ложка длиннее, — произнес Джерсен. — Вы готовы к убытию?

Лицо Аддельса сразу же стало скучным.

— К убытию? И куда же?

— Разумеется, на Дар Сай.

Аддельс потупил взор и чуть склонил голову набок.

— Серьезные личные проблемы не позволяют мне присоединиться к вам в данном начинании, — ответил он срывающимся голосом. — Кроме того, хоть и не в этом основная причина такого решения, Дар Сай — дикая, необустроенная планета, на которой я вряд ли буду чувствовать себя достаточно спокойно.

— Да, скорее всего, так.

Выждав несколько мгновений, Аддельс робко спросил:

— И когда вы туда отбываете?

— Сегодня днем. Меня уже ничто здесь не держит.

— Мне не очень-то хочется бросать слова на ветер, призывая вас к благоразумию. Поэтому я просто желаю вам удачи.

— Благоразумие — неотъемлемая моя черта, — заверил Аддельса Джерсен. — Поэтому обещаю вам: пройдет совсем немного времени — и мы встретимся снова.

ЧАСТЬ 2

ДАР САЙ

Глава 7

Природные условия третьей в системе Коры планеты, называющейся Дар Сай, нельзя расценивать как сколько-нибудь благоприятные. Достаточно самого поверхностного их рассмотрения, чтобы весьма скептически отнестись к возможности обитания на ней людей. В каждом полушарии можно выделить несколько климатических поясов, каждый из которых одинаково губителен для человеческой жизни. В высоких широтах круглый год свирепствуют ураганные ветры, разнося почти по всей планете снег и дожди. Обрушиваемое на сушу неисчислимое количество влаги скапливается в бескрайних болотах, поражающих обилием липкой грязи, выделяющей ядовитые испарения, и невообразимым разнообразием водорослей, достигающих иногда размеров крупных кустарников. Такая среда, естественно, является истинным раем для полчищ мошкары, отличающейся неистребимой живучестью и злобностью.

Из расположенных в умеренных поясах болот грунтовые воды проникают в жаркие экваториальные зоны, где часть влаги поднимается на поверхность и испаряется, а часть уходит глубоко в землю, образуя водоносные пласты. Местность, расположенная к северу и к югу от экватора, отличается особо знойным, засушливым климатом и называется Разделом. Жгучие лучи ярко пылающей Коры безжалостно испепеляют земли, расположенные в пределах Раздела, и поэтому он кажется таким же адом, как и любая другая дарсайская среда. Днем здесь господствуют умеренные ветры самых различных направлений, но по ночам в пустыне наступает полное затишье, и вот тогда-то она и манит к себе какой-то своеобразной, но в высшей степени чарующей прелестью.

Однако вовсе не завораживающая ночная красота пустыни привлекла сюда людей. Косвенной причиной того, что была обжита даже эта негостеприимная планета, послужил случившийся двадцать миллионов лет назад распад потухшей звезды, некогда вместе с Корой образующей двойную

систему и «посмертно» названной Фидеске. Наибольший из ее осколков, Шанитра, был притянут второй планетой системы Коры, Мезленом, и стал ее спутником. Некоторые из фрагментов образовали пояс астероидов, но большая часть выпала на поверхность Мезлена и Дар Сай, занеся туда редчайшие и очень ценные элементы с высокими атомными числами, так называемые стодвадцатники. И хотя название это не совсем верно, именно оно получило широкое распространение. На Мезлене эти элементы были смыты поверхностными водами в моря и океаны еще до заселения его человеком и стали недоступными, рассеявшись по многочисленным глубоким океанским впадинам, а вот на Дар Сай судьба их сложилась совсем по-другому. Они стали составной частью песков, покрывающих пустыни Раздела. Постоянное перемещение песков и просеивание их под действием ветра способствовали накоплению стодвадцатников в четко выраженных месторождениях. Как раз для разработки их и высадились на Дар Сай первые его поселенцы — главным образом бродяги, сорвиголовы и неудачники. Очень скоро они обнаружили, что в дневную пору на Дар Сай можно выжить только с помощью мощных кондиционеров, а в более примитивных условиях — под особыми навесами, охлаждаемыми непрерывно стекающими струями воды. Используя средства, вырученные при продаже стодвадцатников, дарсайцы возвели свои знаменитые «Сени» — огромные сооружения высотой до ста пятидесяти метров, верхняя часть которых имеет вид развернутого зонтика или шатра, закрывающего поверхность площадью от десяти до пятнадцати гектаров. Вода из подземных водоносных пластов поднимается с помощью насосов на верхнюю часть этих зонтов, откуда стекает к краям и, падая на грунт, образует сплошную защитную рубашку из мельчайших брызг, как бы повисших в воздухе. Вот под такими зонтами в так называемых «Сенях» и живут дарсайцы, выращивая в многоярусных стеллажах пригодные для приготовления пищи сельскохозяйственные продукты. Некоторую часть продовольствия они получают искусственно или импортируют. Специи, добавляемые к блюдам дарсайской кухни, добываются из некоторых видов растущих на болотах водорослей. Среди них есть и такие (например, ахагари), которые ценятся на вес отменных стодвадцатников.

Для уроженцев других планет, называемых на дарсайском жаргоне искишами, дарсайцы внешне не очень-то привлекательны. Они ширококостны, зачастую могучего, но нескладного телосложения, а в пожилом возрасте склонны к тучности. У них грубые черты лица, в придачу отталкивающее впечатление, которое они производят, еще усугубляется тем, что в зрелом возрасте мужчины становятся совершенно лысыми, а женщины, в противоположность мужчинам, обзаводятся довольно пышной растительностью на лице. Усы разрастаются у девушек уже через десять лет после наступления половой зрелости, и только в этот короткий период своей жизни они, называемые «китчет», физически привлекательны и имеют огромный успех у дарсайцев-мужчин всех возрастов.

У дарсайцев ушные хрящи очень легко растягиваются, в связи с чем мочки ушей непропорционально длинные и иногда украшаются различными замысловатыми подвесками. Мужчины предпочитают свободные белые одеяния с обязательным капюшоном. Покидая «Сень» днем, они обязательно прихватывают с собой портативные автономные кондиционеры, скрываемые складками одежды. Женщины днем никогда не выходят за пределы «Сени» и одеваются гораздо скромнее.

Дарсайские дети с самого юного возраста предоставлены самим себе, и к ним очень быстро приходит понимание черствости окружения, в котором протекает их детство. Они являются объектами самой различной эксплуатации, зачастую принимающей жестокие и разнузданные формы, не получая ни малейшей благодарности. В атмосфере полного отсутствия внимания и любви со стороны взрослых из них вырастают прожженные эгоисты, причем эгоизм этот в чем-то сродни спеси и даже гордыне, своим поведением они как бы бросают дерзкий вызов Судьбе: «Ты обижала нас, ты плохо с нами обращалась. Ты была неблагосклонна ко мне, но я все стерпел, выжил, стал взрослым. И стал стойким и сильным наперекор всему!»

Это обостренное самомнение мужчин-дарсайцев наиболее четко проявляется в так называемом плембуше — упрямом и своенравном стремлении к самовыражению, безответственном пренебрежении к своим собственным поступкам, некоей душевной извращенности, которая авто-

матически приводит к неуважению или даже презрению какой-либо власти над собой, как будто она обязательно означает непереносимое ущемление их достоинства. Если по той или иной причине, такой, например, как публичное унижение, эта гордыня даст трещину, то о таком мужчине говорят, что он «сломан», и это равносильно «моральной кастрации». После этого к нему относятся как к бесполому существу и подвергают всеобщему презрению.

В женщинах подобная черта проступает не столь рельефно и принимает форму напускной загадочности. Если кому-нибудь захочется испытать меру человеческой скрытности, то для этого достаточно затеять шуточный разговор с дарсаянкой. Мужчин и женщин на Дар Сай связывают только чисто меркантильные соображения, ничего более. Продолжение рода достигается куда более рискованным образом во время ночных вылазок в пустыню, особенно когда на небе светит Мирассу. На первый взгляд, такой способ весьма прост, но в действительности сопровождается многочисленными нюансами.

Как мужчины, так и женщины в качестве сексуального партнера стремятся подыскать кого-нибудь как можно моложе. Мужчины подстерегают девочек-подростков, женщины любым путем пытаются завладеть мальчишками не намного старше. Для того чтобы выманить такого совсем еще «зеленого» мальчишку, женщины не гнушаются даже тем, что впереди себя выталкивают едва достигших половой зрелости девушек и благодаря этому добиваются желанного результата. Подобные ночные сексуальные приключения отличаются большим разнообразием, во все тонкости которых вдаваться вовсе не обязательно. Совершенно нелишнее отметить, что главным развлечением мужчин-дарсайцев является искусство владения плетью. В городах оно доведено до совершенства, отточенное мастерство выдающихся исполнителей вызывает неопишуемый восторг у зрителей, даже у людей с других планет. Своеобразное очарование этого самобытного дарсайского искусства гипнотизирует, какое бы глубочайшее отвращение оно ни вызывало. Стоит также упомянуть и о специфическом дарсайском игрище под названием «хадавл», но оно более широко распространено в общинах, удаленных от главных городских центров.

Чтобы у читателей не создалось резко отрицательное впечатление о дарсайцах, следует указать и на типично

дарсайские добродетели. Дарсайцы — народ дерзких смельчаков, среди них не сыскать людей трусливых или робких. Они не могут позволить себе лжи или вероломства, ибо в противном случае была бы ущемлена их гордыня. Для них характерно сдержанное гостеприимство — в том смысле, что любому незнакомцу или страннику с другой планеты, который забредет в самую глухую отдаленную «Сень», будут предоставлены еда и кров как его естественное неотъемлемое право. Дарсаец может у такого незнакомца отобрать, иногда даже применив силу или воспользовавшись его стесненным положением, любой предмет, необходимый ему в данный момент, однако он никогда не снизойдет до того, чтобы выкрасть его тайком. За личные свои вещи незнакомец может несколько не опасаться. Но вот если чужаку посчастливится напасть на жилу черного песка, то ему вряд ли удастся воспользоваться находкой: он будет ограблен, а если окажет сопротивление, то и убит.

Что касается дарсайской национальной кухни, то чем меньше о ней будет сказано, тем лучше. Путешественнику нужно как можно быстрее привыкнуть к дарсайской пище, иначе исход может быть поистине трагичен. О том, что она может доставить хоть какое-нибудь удовольствие, не может быть и речи. Дарсайцы сами прекрасно понимают, насколько отвратительна их еда, и способность регулярно ее потреблять является еще одним источником, подпитывающим их извращенную гордыню.

На этом, мои друзья-путешественники, я позволю себе завершить краткий очерк планеты Дар Сай. Она может вам не понравиться, но вам никогда ее не забыть.

Джан Занто. «Памятка туриста в системе Кору»

* * *

Перелет на Дар Сай Джерсен осуществил на борту собственного гипервельбота «Крылатый Призрак», корабля довольно скромных размеров и вида. Введенные в бортовой компьютер координаты места назначения привели его в один из самых отдаленных районов сектора Корабль Аргонавтов, находившийся в непосредственной близости к Краю Света. В этом секторе он никогда не бывал прежде.

Впереди ярко пылала Кора. В бортовой телескоп прекрасно просматривались две обитаемые планеты — Мезлен и Дар Сай.

Относительно Дар Сай в «Звездном атласе» сказано было совсем немного:

Главными поселениями, в порядке значимости, являются Сержеуз, Уобберс, Динклтаун и Бельфезер. Ремонтно-эксплуатационные службы средств космического транспорта производят только самые простые и неотложные работы. Взлет и посадка какими-либо установлениями не регламентированы. Центральных органов власти на планете не существует. Некоторый правопорядок поддерживается спецслужбами Мезлена с целью защиты коммерческих интересов мезленцев, однако за пределами вышеуказанных четырех поселений влияние Мезлена крайне ограничено. В Сержеузе обведенный белыми линиями прямоугольник обозначает наиболее предпочтительное место для посадки с целью облегчения доступа к складским помещениям торговых представительств.

С высоты в двадцать миль Сержеуз напоминал небольшой механизм, затерянный среди серых и желтых песков пустыни. По мере снижения отдельные детали в ярких лучах утренней Коры просматривались все более и более четко, и вскоре Сержеуз предстал перед взором Джерсена как скопление светозащитных зонтиков, с краев которых ниспадала густая водяная завеса.

Память о провале в Форт-Эйлианне мало-помалу отступила куда-то на задний план, но в глубине души все еще терзала Джерсена, как небольшой потаенный нарывчик. Глядя на Сержеуз с высоты птичьего полета, Джерсен почувствовал, как снова разгораются в нем охотничий азарт и одновременно настороженность и даже вполне оправданный страх, внушаемый близостью сильного и кровожадного зверя. Все вокруг здесь было пропитано духом, источаемым Ленсом Ларком. Сотни раз он отдыхал в прохладе омываемых струями воды зонтиков, сотни раз в белых, развевающихся на ветру одеждах пересекал пустыню между Сержеузом и «Сенью» клана Бугольда. Вполне возможно, что в этот са-

мый момент он ест и пьет в одном из излюбленных своих прибежищ в десяти минутах полета отсюда.

В очерченном белыми линиями прямоугольнике стояло два десятка разномастных космических кораблей. Джерсен посадил свой вельбот в непосредственной близости от стены из водяных струек, переливающейся всеми цветами радуги. Прекратилась вибрация двигателя, палуба под ногами обрела непривычную твердость.

По местному времени была самая середина утра. Джерсен приготовился покинуть вельбот. В соответствии с приведенными в «Иммунологическом каталоге» данными наибольшую опасность для здоровья человека на Дар Сай представляли разносимые ветром споры болотных водорослей, укореняющиеся в легочных пузырьках. Профилактические таблетки Джерсен принял еще во время перелета. Надев длинное белое одеяние с капюшоном, он спрятал во внутренний карман деньги и документы, проверил состояние оружия и прошел в воздушный шлюз, после чего спустился на песчаную поверхность Дар Сай. В лицо сразу же дохнуло жаром, как из раскаленной печи. Прищурив веки, он направился к водяной завесе и тут же едва не попал под гигантские, больше метра в диаметре, колеса неожиданно вырвавшегося из-под завесы обшарпанного пескохода. Следом за ним мимо Джерсена пронеслись еще три точно такие же приспособленные для езды в пустыне машины. Сидевшие за рулем дарсайцы вели машины с откровенным плембушем, высоко подпрыгивая на сиденьях и раскачиваясь из стороны в сторону. За их спинами развевались белые одеяния, лица прикрывали традиционные таббаты, а солнцезащитные полусферические очки в металлических оправках, закрывающие глаза, придавали им вид облаченных во все белое насекомых. Они, казалось, даже не заметили Джерсена, который успел только громко выругаться им вслед, что, естественно, не возымело никакого действия. Все четверо направились на север, к мерцающим в знойной дымке очертаниям одинокого зонтика почти у самого горизонта.

Джерсен прошел сквозь водяную завесу и очутился среди буйной растительности, культивируемой в мно-

гоярусных стеллажах высотой до пятнадцати метров. Проходившая под самым нижним ярусом дорога затем огибала несколько куполообразных складских помещений и заканчивалась у невообразимого скопления небольших куполов с массивными бетонными стенами. Каких только строений здесь не было: высокие, низкие, большие, маленькие, одни громоздились на другие, тесно переплетались стенами между собой или вырастали один из другого, наконец соединялись в пучки из трех, четырех, пяти и даже шести куполов. Вот это и были так называемые дамблы — жилища дарсайцев, архитектура которых, хотя и была тяжеловесной, обеспечивала надежный кров и защиту в такой немилосердной к человеку среде, как пустыни Раздела. Буйно разросшаяся растительность окружала каждый дамбл и полностью покрывала его стены. В многочисленных извилистых проходах между куполами сновали дети. От внимания Джерсена не ускользнула стайка мальчишек, которые толкались, тянули друг друга за руки, боролись, применяя различные захваты и подножки, — это была детская разновидность взрослого хадава.

Джерсен выбрал проход, который показался ему главным, и вскоре перешел из-под первого зонтика в тень, отбрасываемую вторым, еще более высоким и более просторным, замыкающим внутри себя огромное пространство, заполненное прохладным воздухом.

Проход привел к площади, окруженной бетонными и стеклянными куполами, архитектура которых наполовину была дарсайской, наполовину — общегалактической. В самых больших из них размещались «Банк Ченсета», «Горный инвестиционный банк», «Большой банк Дар Сай» и две гостиницы: «Сферинда» и «Турист». На площадь выходили двери трех ресторанов: «Сферинда-Гарден», «Турист-Гарден» и «Оландер». Кто составлял клиентуру «Сферинды-Гарден», Джерсену с первого взгляда разобрать не удалось. За столиками на открытой веранде «Туриста-Гарден», хаотически разбросанными под развесистыми липами, анисовыми деревьями и хурмой, восседала довольно разношерстная публика:

туристы, бизнесмены, астронавты, просто заядлые путешественники и несколько дарсайцев в белоснежных одеждах. В «Оландере», расположенном на противоположной стороне площади, просматривались только дарсайцы.

Из двух гостиниц «Сферинда» выглядела более респектабельной, дорогой и, не исключено, комфортабельной. «Турист» же, хотя и выглядел не менее чопорным, показался Джерсену чуть победнее. Он решил повнимательнее присмотреться к посетителям, устроившимся на веранде перед входом в «Сферинду»: внешне привлекательные люди, темноволосые, с правильными чертами лица и светло-оливковой безукоризненной кожей; все изысканно и строго одеты, хотя стиль одежды Джерсену был не знаком. Как и само здание гостиницы «Сферинда», они казались явно чужеродным телом в дарсайском окружении. Куда легче было их представить в обстановке фешенебельного курорта на какой-нибудь очень далекой планете в столь же далекую эпоху в прошлом или в будущем.

Заинтригованный увиденным, Джерсен решил остановиться в «Сферинде». Дорожка к входу шла через открытую веранду ресторана. Посетители, прервав разговоры, повернули головы в сторону Джерсена и проводили его сдержанно любопытными взглядами, показавшимися тому не очень-то дружелюбными.

Вестибюль, в который он вошел, занимал весь первый этаж. Первое, что бросилось Джерсену в глаза, было дерево с черными и оранжевыми листьями, росшее прямо из бассейна, расположенного в центре вестибюля. Маленькие, похожие на птичек, создания проворно перепрыгивали с ветки на ветку, ныряли в бассейн, снова взлетали на дерево и издавали ласкающие слух мелодичные трели. Стойка администратора находилась в одной из боковых ниш. Портье, молодой мужчина со строгим бледным лицом, бросив мимолетный взгляд на Джерсена, снова занялся проставлением каких-то отметок в регистрационной книге.

— Будьте любезны, если вам не составит труда, пригласите дежурного администратора, — учтиво попросил

Джерсен. — Я хотел бы снять в вашей гостинице номер. Один из лучших, из нескольких комнат.

Клерк поднял на Джерсена равнодушный взгляд и сухо ответил:

— Ничем не можем вам помочь — все номера забронированы. Попробуйте устроиться в «Туристе».

Джерсен молча повернулся и покинул «Сферинду». Ресторанная публика, казалось, на сей раз не обратила на него никакого внимания. Выйдя на площадь, он направился к «Туристу», гостинице, здание которой и общий вид резко контрастировали со «Сфериндой». Здание было выстроено в типично дарсайском стиле: проектируя его, архитектор, похоже, дал волю своему воображению и полагался скорее на интуицию, чем на точный инженерный расчет. Три аркады в форме параболы по внешнему периметру здания, восемь взаимопроникающих куполов, стройные ротонды, множество галерей и балконов на верхних этажах — все это было как бы случайно объединено в единое целое, создавая внушительный ансамбль, хотя и с отчетливо ощущаемым пикантным привкусом плембуша. Вестибюль, куда сквозь толстые стены вел узкий ход, вовсе не преследовал цель ошеломить каждого новоприбывшего своим великолепием, а выполнял сугубо утилитарные функции. Сидевший за круглой стойкой светловолосый портье с узким, вытянутым книзу подбородком встретил Джерсена пусть и формальным, но учтивым вопросом:

— Что вам угодно, сэр?

— Номер — и притом лучший из всех имеющихся. Я рассчитываю провести здесь дней шесть-семь, может быть, даже и больше.

— Могу предоставить вам очень хороший номер, сэр: просторная спальня с прекрасным видом на площадь, великолепная туалетная комната, гостиная, устланная зеленым ворсистым ковром, изысканнейшая мебель. Если желаете убедиться сами, поднимитесь по лестнице, сверните направо в первый же коридор и войдите в синюю дверь с черной окантовкой.

Джерсен воспользовался советом портье.

Номер вполне соответствовал его вкусам. Спустившись в вестибюль, он уплатил за неделю вперед, тем самым надежно забронировав номер за собою.

На портье это произвело самое благоприятное впечатление.

— Рады всячески угодить вам, сэр.

— Мне очень приятно слышать такие слова, — признался Джерсен. — В «Сферинде» со мной даже не захотели разговаривать.

— Что же тут удивительного? «Сферинда» предоставляет кров только мезленцам и совершенно пренебрегает всеми остальными.

— Значит, вот они какие, мезленцы. На вид все они чопорные и недоступные.

— Вот именно, недоступные. Пусть в «Сферинду» войдет сам Святой Саймас во всем своем великолепии, в сопровождении двукрылых грифонов и громко трубящих херувимов, восседающих на спинах львов, мезленцы заставят этот кортеж топтать через всю площадь к «Туристу». Не ждите от мезленцев никакого иного приема.

Этот клерк, оказавшийся не только словоохотливым, но и достаточно сообразительным малым, вполне мог стать ценнейшим источником информации.

— А чем их так привлекает Дар Сай? — поинтересовался Джерсен.

— Одни здесь по делу, другие — просто туристы. Нередко можно увидеть, как они, расположившись на веранде нашего ресторана, внимательно присматриваются к представителям низших слоев общества. Тем не менее их нельзя назвать людьми плохими или испорченными, просто они настолько богаты, что жизнь для них превратилась в увлекательный спектакль, в котором они выступают и как актеры, и как зрители. В «Сферинде» обычно останавливаются изнеженные аристократы, и все они считают, что нищие дарсайцы — недоумки, удел которых прислуживать высшей расе. — Клерк несколько потупился и произнес извиняющимся тоном: — А впрочем, так ли это важно? К сожалению, я то и дело становлюсь слишком предубежденным.

— Что-то не очень верится,— учтиво заметил Джерсен.

— О, с годами я стал куда более покладистым. Не забывайте, мне здесь приходится иметь дело с любым невоспитанным болваном, которому вздумается осчастливить меня своим идиотским лицом... Такая у меня работа. Многие годы мои нервы были как туго натянутые струны. Далеко не сразу я открыл для себя первейшую аксиому сосуществования различных людей в человеческом сообществе: любого человека надо воспринимать таким, каков он есть, и хорошенько придерживать свой язык. И насколько же прекрасной сразу становится жизнь! Исчезает вражда, обогащается жизненный опыт, таким всеобъемлющим становится понимание всего, что вокруг тебя происходит.

— Интересные соображения,— заметил Джерсен.— Я не прочь порассуждать на эту тему попозже, а сейчас мне хочется заглянуть в ваш ресторан.

— Нисколько не пожалеете, сэр. Желаю вам приятно-го аппетита.

Джерсен вышел на веранду и выбрал столик с видом на площадь. Легким нажатием на кнопку он превратил верхнюю поверхность стола в светящуюся витрину, где были выставлены подаваемые в ресторане блюда и напитки. Подошедшему тут же официанту Джерсен указал на один из представленных образцов:

— Что это?

— Наш фирменный «Воскресный пунш». Для придания крепости туда добавляют три рюмки доброго гадрунского рома и столовую ложку эликсира, состав которого является секретом фирмы.

— До вечера еще далеко. А что здесь?

— Просто фруктовая наливка с небольшой добавкой алкоголя.

— Это, пожалуй, меня больше устроит. А вот это что?

— «Ахагари для туристов» — блюдо, особым образом видоизмененное применительно ко вкусам жителей других планет.

— А это?

- Вареная ночь-рыба. Только-только из болот.
- Пожалуйста, ахагари, салат и наливку.
- Как пожелаете.

Джерсен расположился поудобнее и предался созерцанию окружающего пространства. Центральная площадь постепенно переходила вдали в роскошный парк, за которым смутно просматривались расположенные чуть поодаль другие дарсайские зонты. Во многих местах видимость резко ухудшалась вследствие густых завес падающей с высоты воды, однако в просветах можно было различить и самые дальние окраины Сержеуза. Большую часть сооружений вокруг площади создали инопланетные архитекторы, применяя стандартные строительные материалы и используя дарсайские мотивы, и только гостиница «Турист» производила впечатление подлинно дарсайского шедевра.

После того как официант ушел, оставив на столе перед Джерсеном заказанные блюда, Джерсен робко попробовал «Ахагари для туристов» и нашел его куда более съедобным, чем то, что подавала мадам Тинтл. Неторопливо покончив с едой, он погрузился в раздумье над материалами, которые подготовил для него и вручил перед самым отлетом с Элойза Джиан Аддельс. Не тратя слов на вступление, Аддельс в своих заметках начал с непосредственного изложения существа интересовавших Джерсена вопросов.

Даже в самой организации акционерного общества взаимного доверия «Котзиш Мючуэл» чувствуется рука незаурядного афериста, весьма компетентного в финансовых вопросах, а также беспрецедентная наглость и отсутствие даже намек на совесть, чего можно было бы ожидать разве только от какого-нибудь чудища из глубин океана. Моральный облик двоих наших недавних знакомых, составивших преступный тандем, как в зеркале, отражается в уставе «Котзиш».

Вот характерные выдержки из этого устава:

«В целях обеспечения эффективного и оперативного руководства текущей деятельностью компании распорядительными полномочиями генерального директора обле-

кается физическое или юридическое лицо, владеющее наибольшим количеством акций. Полномочиями первого его заместителя наделяется физическое или юридическое лицо, владеющее вторым по величине пакетом акций. Полномочиями второго заместителя генерального директора наделяется лицо, владеющее третьим по величине пакетом акций. Во всех случаях обязательным условием принадежности к директорату компании должно быть владение как минимум двадцатью пятью процентами от общего количества выпущенных акций. Остальные акционеры, исходя из принципа "одна акция — один голос", избирают консультативный совет, в чьи функции входит выдача рекомендаций и информирование директората по всем вопросам, касающимся повышения эффективности и рентабельности деятельности компании.

Директора или назначенные ими доверенные лица и консультативный совет проводят регулярные встречи для консультаций или выработки общей линии деятельности компании. Время и место подобных встреч определяются генеральным директором. На таких встречах каждый директор располагает количеством голосов, пропорциональным количеству находящихся в его владении акций. Если на такой встрече отсутствует любой из директоров или его доверенное лицо, то необходимый для принятия решения кворум составляют присутствующие на этой встрече члены директората или директор».

Джерсен несколько раз перечитал приведенные Аддельсом выдержки из устава компании «Котзиш», затем снова вернулся к изучению соображений Аддельса, приведенных далее.

Обратите внимание на то, что фактически всей деятельностью компании руководит генеральный директор на основе единоначалия, поскольку он назначает встречи директората и консультативного совета по собственному усмотрению — когда и где захочет, независимо от того, устраивают ли других директоров или членов консультативного совета время и место проведения подобных встреч.

К настоящему времени выпущено четыре тысячи восемьсот двадцать акций. Две тысячи четыреста одиннадцать акций составляют контрольный пакет. Крупнейши-

ми держателями акций, по данным Межпланетного информационного коммерческого агентства, являются:

- 1) Оттил Пеншоу, Дингар-Хауз в Сержеузе на планете Дар Сай,— тысяча двести пятьдесят акций;
- 2) «Банк Ченсет», штаб-квартира которого находится в Твонише на Мезлене, имеющий свой филиал в Сержеузе,— тысяча акций;
- 3) некий Нихель Кахоуз из «Сени Инкена» на Дар Сай, которому принадлежат шестьсот акций.

Ниже мною приложен более или менее полный перечень мелких держателей акций.

Цена одной акции в настоящее время, по данным того же Агентства, составляет один цент. Короче говоря, они ничего не стоят. Количество акций, владельцы которых точно установлены, составляет две тысячи восемьсот пятьдесят. Вам в настоящее время принадлежат девяносто две. Оставшиеся тысяча восемьсот семьдесят восемь рассеяны среди мелких акционеров почти по всей обитаемой территории Дар Сай.

Несмотря на ничтожно малую стоимость акций, безынтересно отметить, что в распоряжении «Котзиш» в настоящее время имеются весьма существенные активы, включая контрольные пакеты двух дочерних фирм: торгово-транзитной фирмы «Гектор—Транзит», которая недавно получила круглую сумму в виде выплат по страховкам, и разведывательно-добывающего предприятия «Дигроксус». Особую пикантность данной ситуации в целом придает факт, что директором компании, притом единственным, является Оттил Пеншоу.

Ситуация имеет и другие интересные аспекты, но я предпочитаю не вдаваться в них. Желаю Вам крепкого здоровья и долголетия и заклинаю вести себя как можно осмотрительнее, поскольку не только питаю к Вам глубочайшее уважение, но и лично заинтересован в Вашем благополучии, так как вряд ли где еще могут быть столь щедро вознаграждены мои труды.

Искренне желаю Вам удачи, Д. А.

Джерсен отложил письмо в сторону, откинулся на спинку кресла и очень серьезно задумался. Добраться к Ленсу Ларку можно только через Оттила Пеншоу, через «Котзиш». На данный момент здесь тишь да гладь,

как на поверхности пруда в безветрие. Крупная рыба притаилась в глубине. Чтобы растормошить ее, заставить вынырнуть, надо взбаламутить воду.

Из гостиницы на веранду вышел портье и остановился в нерешительности. Джерсен поднял руку, портье направился к его столику — невысокий крепкий светловолосый мужчина с худым лицом и грустным взглядом из-под полуопущенных век.

— Присаживайтесь, — предложил Джерсен. — Разрешите угостить вас «Воскресным пуншем»? Или вы предпочитаете что-нибудь поскромнее?

— Спасибо! — Портье повернулся к официанту. — Пожалуйста, четверть пинты «Медового Энгельмана». Вам понравилась наша кухня? — спросил он, снова обращаясь к Джерсену.

— Даже очень. Администрация, похоже, понимает запросы гостей с других планет.

— А как же иначе? Гостиница существует уже много лет.

— А вы сами? Вы ведь не уроженец Дар Сай?

— Конечно же нет. Я родом из Свенгая на планете Каф-четыре. Маленькая прелестная планета. Вам доводилось там бывать?

— Нет. В том секторе я не забирался дальше системы Мицара или, может быть, Дубхе. Не уверен, какая из них ближе к Кафу.

— Я вижу, вы изрядно попутешествовали среди звезд. А откуда, позвольте узнать, вы родом?

— Я родился на планете, о которой вы никогда не слышали, и еще мальчиком был увезен дедом на Землю.

— А где вам приходилось бывать на Земле?

— Мы не задерживались долго на одном месте. Неплохо знаю Лондон, Сан-Франциско, Мельбурн — города, которые выбрал дед для завершения моего образования. — Джерсен чуть улыбнулся, вспомнив стиль наставлений деда. — Неплохо также знаком с Альфанором и Скоплением в целом. Позвольте узнать ваше имя? Меня зовут Кирт Джерсен. Впрочем, вам это уже известно.

— А меня — Дасуэлл Типпин. Я человек безо всяких претензий.

— Кстати, о претензиях... Было бы очень интересно послушать ваши отзывы о мезленцах. Мне почти не известно, что они собой представляют.

— Это довольно замкнутая группа сверхбогатых аристократов, и сама по себе она не очень-то интересна, — ответил Типпин. — Мне не так уж часто приходится иметь с ними дело. Источником их богатства являются стодвадцатники, ради сохранения монополии на торговлю ими они вынуждены довольно часто сюда наведываться. Насколько мне известно, это люди особой породы, утонченные и чрезвычайно чувствительные. Обладая я подобными качествами, я тоже, наверное, сторонился бы туристов, дарсайцев и всяких там выскочек с других планет.

— Мезленцы сами добывают стодвадцатники?

— Естественно, нет. Покажите любому мезленцу лопату — он назовет ее приспособлением для вскрытия грунта. Они скупают стодвадцатники, продают их другим, заключают с дарсайцами договоры на поставку руды, предоставляют кредиты, сдают участки и оборудование в аренду, финансируют все операции со стодвадцатниками и, разумеется, располагают огромными капиталовложениями на этой планете.

— А что вы можете сказать о фирме «Котзиш»? Это тоже одна из мезленских фирм?

Дасуэлл Типпин метнул в сторону Джерсена недоверчивый взгляд, затем недовольно поморщился:

— Совсем наоборот. «Котзиш Мючуэл» рекламировали в качестве противовеса засилью мезленцев как организацию, которая могла бы обставить их по ими же самими установленным правилам. Мне лично обошлось это в шестьсот полноценных севов.

— Значит, вам знаком Оттил Пеншоу?

— Видел пару раз издалека, не более того. Свою контору он все еще держит где-то в «Сени Скансела».

— Его, кстати, не считают жуликом или проходимцем?

— Всякое доводилось слышать, но разве можно что-нибудь доказать? Конечно же нет.— Типпин допил бокал до дна, поставил на стол и задумался.

Джерсен поднял палец, подзывая официанта:

— Еще два бокала этого напитка, пожалуйста.

— Благодарю вас,— сказал Типпин.— Я редко позволяю себе такое, но сегодня что-то особенно хочется поднять настроение.

— Лично я получаю огромное удовольствие от общения с вами,— улыбнулся Джерсен.— Афера, связанная с «Котзиш», интересна сама по себе. Имя грабителя, в общем-то, известно, не так ли?

Типпин огляделся вокруг:

— Называют одно ужасное имя — Ленса Ларка, принадлежащего к Властителям Зла.

Джерсен понимающе кивнул:

— Репутация его мне известна. Он, говорят, дарсаец?

Типпин снова посмотрел по сторонам:

— По всей вероятности, да. Рейчпол из клана Бугольда... Мне даже не хочется лишний раз упоминать это имя. Как-то язык не поворачивается. Он мошенник с чувством юмора, как у скламотского дьявола, который засовывает головы сыновей в печи, растопленные их собственными матерями.

— Вы уж слишком! — наигранно возмутился Джерсен.— Имя ведь всего-навсего только слово, а слово — понятие нематериальное.

— Неверно! — возразил Типпин с неожиданным пылом.— Как раз слова-то и обладают подлинно волшебными свойствами! Вы читали «Технику колдовства» Фарсакара? Тогда вы ничего не понимаете в словах!

Джерсен, которого совершенно не интересовала эта тема, пренебрежительно махнул рукой:

— Мы живем в материальном мире. Лично я боюсь этого человека и его плети, а не слов «Ленс Ларк» и «Панак».

Типпин устремил взор в бокал и нахмурился:

— Не велика разница, чего бояться,— результат-то одинаковый. Он ведь не бесплотный дух, он человек, и к тому же дарсаец. Вот бы мезленцы обрадовались, если

бы им удалось его поймать! Он для них как кость в горле. В свою очередь, он тоже на дух не переносит мезленцев. Вам доводилось бывать на Мезлене?

— Еще нет.

— Главный город — Твониш. Там же расположен и космопорт. Мезленцы совершенно не переносят запаха ахагари, и дарсайцы вынуждены держаться в особом квартале с подветренной стороны... Послушайте, вас не восхищает, насколько своеобразно и замечательно устроена наша Вселенная? Ну как тут не отказаться еще от полбокальчика этого изумительного напитка!

Джерсен снова сделал заказ официанту.

— А мезленцы ничего не потеряли вследствие постигшей «Котзиш» беды?

— Абсолютно ничего. Пострадали только дарсайцы и мелкие сошки вроде меня. Мы — единственные жертвы.

— И Оттил Пеншоу ничего не потерял и ничего не приобрел?

— Не знаю. Он исчез на много месяцев, но сейчас опять появился в Сержеузе. Я только вчера его видел, он выглядит больным и несчастным.

— Что вполне объяснимо после такой катастрофы. Какова теперь цена принадлежащих вам акций?

— У меня их двадцать. Если нуль умножить даже на двадцать, все равно с нулем и останешься.

Джерсен откинулся на спинку кресла, устремив куда-то отрешенный взгляд, затем извлек из сумки двадцать севов.

— Никак не могу отделаться от дурацкой привычки играть на бирже. Покупаю ваши акции по севу за штуку.

У Типпина едва не отвалилась челюсть. Бросив хмурый взгляд на купюру в двадцать севов, он, чуть склонив голову набок, подозрительно посмотрел на Джерсена:

— В основе игры на бирже лежит надежда выиграть.

— У меня это просто, если хотите, пунктик.

— На чокнутого вы, в общем-то, совсем не похожи.

— Рассмотрим такой гипотетический случай: Ленс Ларк возместит нанесенный «Котзиш» ущерб. Тогда я буду в немалом выигрыше.

— Гиблое дело, нисколько не сомневаюсь.

— Похоже, вы убедили меня не делать глупости.

С этими словами Джерсен протянул руку, чтобы вернуть деньги на прежнее место, однако тонкие пальцы Типпина опередили его.

— Не торопитесь. Почему бы вам и в самом деле не удовлетворить собственную прихоть?

— А какой смысл, ведь акций при вас все равно нет.

— Они у меня наверху, в моей комнате. Я мигом обернусь.

И действительно, не прошло и двух-трех минут, как он вернулся с акциями, и деньги Джерсена переключались в его карман.

— Я имею доступ еще к некоторому количеству акций «Котзиш». Могу и их продать по той же цене.

— Будьте крайне осмотрительны! — предупредил его, сделав довольно кислую мину, Джерсен. — Никому не говорите, что какой-то инопланетянин скупает акции «Котзиш», иначе сложится мнение, будто это какая-то афера, и акции поднимутся в цене. Я перестану их покупать, и от этого никто не выиграет. Можете себе представить, к чему это может привести?

— Во всех мелочах, кроме одной: почему вы все-таки скупаете акции, если исключить, разумеется, ваш так называемый пунктик.

— Ну, тогда назовите меня альтруистом.

— Такое объяснение ничуть не лучше первого. Тем не менее обеспечьте меня, пожалуйста, оборотным капиталом. На сегодняшний день вполне хватит сотни севов. Вы в самом деле заберете акции «Котзиш», сколько бы вам их ни предложили, по одному севу за штуку?

— Ручаюсь головой. — Джерсен достал деньги. — Но одно условие: ни при каких условиях не выходите на Оттила Пеншоу.

Взгляд Типпина сразу же потускнел.

— Его акции ничуть не хуже других.

— У него их гораздо больше, чем я в состоянии купить. Еще раз повторяю: осторожность превыше всего. Вы согласны с моим условием?

— Разумеется, раз уж больше некуда деваться. И все же никак не могу взять в толк...

— Каприз.

— Каприз — далеко не то одеяло, которым можно прикрыть любую постель. Я вас принял за человека, твердо стоящего на почве суровой действительности.

Джерсен приподнял пачку севов:

— Вот действительность, на которую я опираюсь. Пожалуйста, называйте ее суровой, если хотите.

— Ваши аргументы неотразимы.— Типпин поднялся.— О результатах я сообщу сегодня же, чуть позже.

Он покинул веранду ресторана и вприпрыжку отправился на противоположную сторону площади. Джерсен тем временем подозвал официанта и расплатился.

— Скажите, пожалуйста, где расположен Диндар-Хауз?

— Вон там, сэр, в «Сени Скансела». Видите большой купол чуть левее центральной опоры? Вот это и есть Диндар-Хауз.

Итак, Типпин направился в «Сень Скансела». Джерсен решил последовать за ним.

Глава 8

Богатые стодвадцатниками пески расположены в экваториальном поясе Дар Сай, отличающемся жарким и засушливым климатом. Закаленная непрестанной борьбой с суровыми природными условиями, раса мужчин и женщин придумала множество способов побеждать нестерпимый зной Кору, добывая богатства из песков. Вот это и есть дарсайцы, ни на кого не похожая раса, отличающаяся от других добрым десятком тысяч самых странных особенностей. Днем они наслаждаются прохладой в тени огромных металлических зонтов, охлаждаемых водой, непрерывно стекающей с наружных краев таких зонтиков,— в знаменитых дарсайских «Сенях». Не приняв специальных мер, в упомянутой зоне, называемой Разделом, человек погибает за считанные минуты от перегрева и ожогов. Под рукотворной «Сенью» он может наслаждаться ледяным мороженым среди буйной растительности.

Дарсайцы — народ не очень-то склонный к веселью, однако и не привыкший глубоко задумываться над смыслом жизни. Все свое внимание они сосредоточивают на сущности каждого мгновения бытия и проявляют удивительную предрасположенность к получению особого удовольствия, начисто отрицая все позитивное в этом самом моменте. Так, в свою пищу они добавляют самые мерзкие на вкус приправы, утверждая, что зато якобы получают максимальное удовольствие от чистой холодной воды. Потребляют огромное количество отвратительнейшего чая и пива, как будто только ради того, чтобы непрерывно подтверждать эту типичную для них извращенность, превращая ее в самоцель.

Любовные отношения между дарсайцами не сопровождаются бурными проявлениями чувств и характеризуются едва скрываемой настороженностью, будучи основаны скорее на ненависти и презрении к партнеру, чем на обоюдном влечении друг к другу.

Дарсайцы не склонны к мелкому воровству. И действительно, за пределами городов воровство — вещь практически неслыханная. Гораздо более распространены убийство в схватке лицом к лицу и разбой, особенно если дело касается стодвадцатников, однако и то и другое расценивается как самое гнусное преступление. Арестованного преступника сначала подвергают порке в голом виде, затем бросают скованным среди скал, где он становится добычей лансларка, гнуса или скорпионов. Наиболее же подлым преступлением среди дарсайцев считается кража у своего соплеменника принадлежащего ему пескохода или запаса воды. Налагаемое за это наказание включает в себя порку, а затем позорный столб на дне общегородской выгребной ямы.

Из статьи Стюарта Собека «Жизнь и быт дарсайцев», опубликованной в журнале «Космополис»

* * *

Путь к «Сени Скансела» лежал еще через одну водяную завесу, однако мелкие капли воды, приятно освежив лицо Джерсена, лишь чуть-чуть увлажнили одежду. В отличие от космополитического модернизма

зданий «Центральной Сени», здешние строения были невзрачными и старыми. Обитавшие в них горожане-дарсайцы отличались более легкой одеждой, мягкой обувью и гораздо менее сильным загаром, однако у них были такие же огромные носы, сплюснутые челюсти и украшенные всевозможными подвесками вытянутые мочки ушей.

Когда Джерсен вышел к Скансел-плаза, Типпина уже нигде не было видно. По магазинам и киоскам бродили несколько особо дотошных туристов, покупая местные поделки у продавщиц-дарсаянок с невыразительными лицами и черными усами. Кое-кто, преодолевая отвращение, упрямо пил дарсайское пиво у расположенных на открытом воздухе стоек с прохладительными напитками. В целом, отметил про себя Джерсен, картина своеобразная и колоритная, но все же несколько подпорченная витавшим где-то поблизости духом Ленса Ларка.

Здание Диндар-Хауза возвышалось справа — тяжелое нагромождение невысоких приплюснутых куполов, рассекаемых опоясывающими их наклонными аркадами. Огромная вывеска на уровне второго этажа гласила:

«ГОРНЫЙ ЖУРНАЛ»

Сержеуз, Дар Сай

*Исчерпывающие сведения обо всем,
что происходит в пустыне, рудниках и «Сенях».*

В Диндар-Хаузе находилась контора Оттила Пеншоу. Дасуэлл Типпин направлялся как раз туда, но Джерсен не чувствовал ни малейшего желания сталкиваться с Оттилом Пеншоу, хотя было бы и нелишне проверить, насколько можно полагаться на Типпина. В прокуренный вестибюль с полом, выложенным темно-коричневыми изразцовыми плитками, выходили два тускло освещенных коридора. К верхним этажам вела узкая лестница.

Джерсен взглянул на указатель. «Оттил Пеншоу, страхование рудников и сдача в аренду участков» значился как наниматель помещения под номером 103.

Выбрав наугад один из коридоров, Джерсен вскоре вышел к ряду высоких зеленых дверей, обозначенных

номерами 100, 101 и 102. У номера 103 он остановился и прислушался. Ему показалось, что оттуда слышны приглушенные голоса. Приложил ухо к филенке — все тихо: то ли находящиеся за дверью перестали говорить, то ли в помещении никого не было.

Опасаясь быть обнаруженным, Джерсен отошел. Примакивавшие к номеру 103 конторы были отделены от него бетонными стенами толщиной в фут, на что Джерсен обратил особое внимание: подслушать происходящие в конторе Пеншоу разговоры можно было только через дверь или окно.

Джерсен покинул Диндар-Хауз. В расположенном рядом с входом в здание киоске, почти полностью спрятавшемся за густой листвой, тучная пожилая дарсаянка с огромной копной черных волос и потрясающими усами торговала сладостями, журналами, картами и прочей всячиной. Джерсен купил у нее номер «Горного журнала» и небрежно прислонился к киоску, на стенку которого была наклеена афиша:

БОЛЬШОЙ ХАДАВА

Динклтаун

День Дэффла

Десятый День Мирмона

От изучения этой и других аналогичных афиш внимание Джерсена отвлекло появление девушки-мезленки, вышедшей из аллеи, ведущей со стороны «Центральной Сени». Сначала Джерсен бросил в ее сторону рассеянный взгляд, затем девушка заинтересовала его, еще через мгновение он был полностью очарован. Лицо мезленки, обрамленное свободно ниспадающими на плечи кудрями, сейчас было сосредоточенным, однако в других ситуациях, несомненно, оно окажется куда выразительнее.

На девушке было темно-зеленое платье до колен, руки сжимали большой серый конверт. Грациозная походка отличалась непринужденной элегантностью, а чуть смутлая и безукоризненная кожа, небольшой прямой нос и изящный подбородок красноречиво свидетельствовали

о происхождении и воспитании в той среде, где достаток и высокое положение в обществе являются само собой разумеющимися. Для Джерсена она представляла собой именно тот образ жизни, в котором силою обстоятельств ему было отказано, а случающиеся время от времени напоминания об этом только пробуждали сладостно-горькую тоску в его душе... Проходя мимо киоска, девушка бросила на Джерсена лишенный всякого любопытства взгляд, легко взбежала по ступенькам Диндар-Хауза и впорхнула внутрь.

Джерсен с замиранием сердца глядел ей вслед. Особое восхищение у него вызвала стройная фигура девушки, поразившая его великолепием и упругостью форм без какого-либо намека хоть на один лишний грамм веса. Издав горестный проникновенный вздох, он снова сосредоточился на изучении «Горного журнала».

Прошло десять минут. Девушка-мезленка вышла из дверей Диндар-Хауза и все с той же веселой беспечностью сбежала по ступенькам. Встретившись глазами с Джерсеном, она ответила ему холодным взглядом, чуть вздернула подбородок и свернула в аллею, по которой десять минут назад пришла сюда из «Центральной Сени».

Джерсен криво ухмыльнулся, закрыл журнал и снова вошел в Диндар-Хауз. Когда он приблизился к номеру 103, ему, как и раньше, послышались приглушенные голоса, но теперь к ним присоединился звук передвигаемой мебели. Джерсен пулей вылетел из коридора в вестибюль и притаился в нише за одной из подпорок массивного сооружения. Из двери номера 103 вышли двое: Дасуэлл Типпин и высокий, мощного телосложения дарсаец с массивным квадратным лицом и длинными мочками. Вместо традиционного халата и таббата на нем была общепринятая короткая поддевка, бриджи и высокие ботинки. Они быстро вышли из Диндар-Хауза. Джерсен выждал секунду-две и тоже последовал за ними на Скансел-плаза, но они уже прошли в одну из густо обсаженных деревьями аллей и скрылись из вида.

Джерсен вернулся в «Центральную Сень» по той же дороге, по которой шел в «Сень Скансела». Перейдя

Центральную площадь и заглянув в вестибюль «Туриста», Дасуэлла Типпина за стойкой портье он не обнаружил.

Тогда он снова вышел на веранду. Было уже далеко за полдень, воздух стал теплым и плотным. Монотонное журчание падающей воды действовало убаюкивающе, как снотворное. Не обращая внимания на праздно прогуливающихся по площади туристов, Джерсен расположился за одним из столиков, примыкающих непосредственно к площади. Неожиданно выплыло очень много такого, над чем следовало бы самым серьезнейшим образом поразмыслить. Вынув письмо Аддельса, он заглянул в него и выписал следующие цифры:

<i>Оттил Пеншоу</i>	<i>1250</i>
<i>«Банк Ченсета»</i>	<i>1000</i>
<i>Нихель Кахоуз</i>	<i>600</i>
<i>Остальные</i>	<i>1970</i>

Несложный расчет показывал, что, приобрести он все акции, принадлежащие «Банку Ченсета» и Нихелю Кахоузу, можно претендовать на участие в директорате «Котзиш», однако до контрольного пакета будет еще довольно далеко.

Чистосердечное признание Аддельса в трусости несколько развеселило Джерсена. Невольно улыбнувшись, он поднял взгляд и снова встретился глазами с уже знакомой девушкой-мезленкой, которая как раз в это мгновение проходила мимо веранды «Туриста». На сей раз Джерсен не мог не обратить внимания на то, какой чистотой и здоровьем дышало все в этой девушке. И еще она показалась ему своенравной и высокомерной. Поджав губы, она метнула в сторону Джерсена раздраженный взгляд и прошла дальше. Улыбка Джерсена превратилась в жалкую гримасу. Со вздохом он проводил девушку глазами.

«Какая она все-таки прекрасная и завораживающая,— подумал он,— хотя и несколько вспыльчивая».

То ли из любопытства, то ли повинувшись мимолетной прихоти, девушка бросила взгляд через плечо. Заметив, с каким неослабным вниманием смотрит ей вслед Джерсен, она презрительно вскинула голову и реши-

тельно перешла на другую сторону площади, тем самым ясно показав, что статус Джерсена не вызывает у нее ни малейших сомнений, что он с горечью и отметил.

Проследив взглядом, куда направляется девушка, он увидел фасад «Банка Ченсета», здание которого было одним из самых великолепных среди окружающих Центральную площадь. Девушка вошла внутрь и скрылась из вида, но все помыслы Джерсена были теперь уже совсем о другом. «Банку Ченсета» принадлежала тысяча акций «Котзиш Мючуэл». Теперь, когда его помощником, неизвестно, правда, хорошим или плохим, был Дасуэлл Типпин, решающим фактором становилось время. Джерсен решительно поднялся из-за стола и быстро зашагал через площадь.

Перед самым входом в «Банк Ченсета» был разбит миниатюрный скверик. Там росли четыре высоких дерева, похожие на кипарисы, с тщательно подстриженными кронами в виде слезы, окруженные невысокой живой изгородью из цветущих кустов шиповника. Пройдя под высокой аркой, Джерсен оказался в просторном прохладном помещении с синим изразцовым полом. Справа рабочую зону отделяла резная гипсовая балюстрада. Слева спиральные колонны поддерживали огромный демонстрационный экран, состоящий из множества хрустальных линз. В дальнем конце помещения виднелась зона отдыха, где в удобных креслах восседали человек шесть-семь мезленцев различного возраста, включая и хорошо запомнившуюся Джерсену девушку, которая сейчас сидела рядом с пожилым мужчиной. При виде Джерсена она от удивления разинула рот, затем быстро отвернулась и заговорила о чем-то, обращаясь к своему соседу.

Джерсен грустно улыбнулся и прошел к стойке. Прошла минута, затем еще одна. Джерсена охватило беспокойство.

— Это, как я полагаю, «Банк Ченсета»? — спросил он у клерка.

— Да, — равнодушным тоном отозвался тот.

— Мне нужно встретиться с управляющим.

— Позвольте спросить, по какому вопросу.

— Мне нужно обсудить с ним некоторые финансовые проблемы.

— Сфера нашей деятельности ограничена чисто коммерческими операциями. Поскольку мы не связаны ни с какими другими банками, мы не обналичиваем чеки и не оформляем кредиты.

— Мое дело куда важнее перечисленных вами операций. Пригласите, пожалуйста, управляющего.

— Управляющий — вон тот знатный господин, Высокочтимый* Адарио Ченсет. В данное время, советую вам обратить на это особое внимание, он чрезвычайно занят.

— В самом деле? Беседой с очаровательной юной леди?

— Это его дочь, Высокочтимая Шеридин Ченсет. Можете обратиться к нему по интересующему вас вопросу, как только он освободится.

— Мой вопрос гораздо важнее праздной болтовни с девчонкой, — решительно заявил Джерсен и направился в зону отдыха.

Навстречу ему поднялись двое высоких мужчин с одинаково ошетиनिвшимися от возмущения усами. Они взяли Джерсена под руки и поволокли к выходу.

* Употребляемое мезленцами слово «аверрой» выражает статус значительно более высокий, чем обозначаемый словом «джентльмен». Обладание статусом «аверроя» означает высокое общественное положение, педантичное соблюдение внешнего этикета, особую исключительность, изысканную манеру держаться и совершенное владение — на чисто подсознательном уровне — принятыми на Мезлене нормами поведения. Мезленцы определенно лицемерят, широко распространяя выдумку, будто любой мезленец может держать себя на равных с любым другим мезленцем, и поэтому-де единственным выражением глубочайшего почтения к кому-либо является добавление к имени эпитета, передаваемого здесь как «Высокочтимый». В действительности же социальное неравенство проявляется очень сильно, отражая факторы слишком многочисленные и тонкие, чтобы здесь их рассматривать.

Не мешало бы еще заметить, что мезленцы в высшей степени восприимчивы к насмешкам и высказываниям, унижающим чувство собственного достоинства. Мезленское уголовное и гражданское право, определяя меру наказания, отражает эту обостренную чувствительность. *(Примечание автора.)*

— Эй! Эй! — возмутился Джерсен. — Что это вы затеяли?

— Убирайтесь-ка вон, и чтоб духу вашего здесь не было! — произнес один из мужчин.

— И больше никогда не приставайте к мезленским леди. Это может очень плохо для вас кончиться! — добавил другой.

— Я ни к кому не приставал! — запротестовал Джерсен. — Вы совершаете ошибку.

Он напрягся и попытался было вывернуться, однако его схватили сзади за штаны, проволокли вниз лицом к самому выходу и швырнули прямо на колючие ветки шиповника.

Джерсен поднялся, смахнул с одежды листья и колючки и снова прошел внутрь банка.

Двое джентльменов, удивившись такой настойчивости, вновь вышли ему навстречу.

— Пожалуйста, назад, — грозно предупредил их Джерсен. — У меня дело не к вам, а к Высокочтимому Адарио Ченсету.

Он решительно прошел мимо обоих мужчин и приблизился к Ченсету, который по сему случаю даже отвернулся от Высокочтимой Шеридин.

— Что все это значит?

Джерсен протянул Ченсету свою визитную карточку:

— Прошу, если не возражаете, обсудить со мной некоторые деловые вопросы.

— «Достопочтенный Кирт Джерсен, — прочел вслух Ченсет. — Председатель "Банка Куни", Форт-Эйлианн, Элойз». — Он с сомнением покачал головой. — И какое у вас может быть ко мне дело?

— Его обязательно нужно обсуждать прямо здесь? У меня в «Банке Куни» дело поставлено иначе. Если бы вы пришли ко мне обсудить интересующие вас вопросы, вас никто бы не швырнул в кусты живой изгороди.

— Произошла, очевидно, ошибка, — холодно произнес Ченсет. — Будьте добры хотя бы намекнуть на характер интересующих вас вопросов, чтобы я мог по крайней мере ответить, являюсь ли я тем лицом, с которым вы можете вести переговоры.

— Как вам угодно. По правде говоря, я здесь для того, чтобы посоветоваться с вами. Интересы моего банка тесно связаны с горнодобывающей промышленностью, и мы рассчитываем открыть его отделения как здесь, так и в Твонише. Нас интересуют как сами стодвадцатники, так и сложившееся на рынке положение с ними.

— Давайте обсудим этот вопрос конфиденциально.

Ченсет провел Джерсена к себе в кабинет и предложил сесть, сам же при этом так и остался стоять.

Не обращая внимания на подчеркнутую суровость хозяина, Джерсен расположился в кресле поудобнее и произнес как можно более небрежным тоном:

— Мезленцам, по-видимому, свойственна поистине уникальная манера обращения с деловыми партнерами.

— Моя дочь, — сдержанно произнес Ченсет, — сообщила мне, что вы бесстыдно разглядывали ее, «с плотоядной ухмылкой», как она выразилась, причем не один, а несколько раз, следуя за ней по пятам сначала в «Сень Скансела», а затем до самого входа в банк. Поэтому я и распорядился, чтобы вас выдворили отсюда.

— Если бы не ваша дочь, а какая-нибудь другая женщина выступила с подобными жалобами, — заметил Джерсен, — я посчитал бы ее тщеславной и легкомысленной.

Ченсет, которого совершенно не интересовало мнение Джерсена о его дочери, уныло кивнул головой:

— Дар Сай — дикая, нецивилизованная планета, да будет вам известно, а сами дарсайцы — неопишимо вульгарный народ. Они грубы и несдержанны. Сержеуз может показаться вам местом, где царят спокойствие и порядок. Так оно и есть на самом деле, но только потому, что мезленцы не потерпят ничего иного. Мы здесь с особой настороженностью относимся к любым непотребствам, и ваше поведение, какой бы ни была его природа, сочли предосудительным... Оставим этот инцидент в покое. Объясните, пожалуйста, причины, которые побудили вас обратиться за советом ко мне.

— Пожалуйста. Существующие способы добычи и сбыта стодвадцатников недостаточно эффективны. Я счи-

таю, что эти процессы можно организовать более рационально. Например, создание централизованного агентства было бы выгодно для всех сторон, принимающих участие в вышеозначенных процессах.

— Ваша оценка сложившегося положения вполне справедлива, — согласился Ченсет. — Добыча стодвадцатников производится крайне неорганизованно, никак не регламентирована их продажа. Но ведь добывают руду дарсайцы, а они совершенно не расположены к дисциплине.

— Тем не менее, — сказал Джерсен, — они оценят преимущества единого стабильного агентства. Возможно, их деятельность начнет даже реорганизовываться на кооперативных началах.

Ченсет в ответ только невесело хохотнул:

— Если вы хотите, чтобы вас растерзали, попробуйте обсудить этот вопрос с дарсайскими рудокопами. «Котзиш Мючуэл» как раз и была подобным синдикатом. Рудокопы-дарсайцы получили сертификаты акций за свою руду, склад был ограблен, а акции теперь ничего не стоят.

— Я кое-что слышал об этом, — сказал Джерсен. — Если бы «Котзиш» возродилась и каким-то образом смогла поднять курс уже выпущенных акций...

— Очень дорогостоящая затея.

— И все же я рискнул бы приобрести какое-то количество акций «Котзиш». Это, по крайней мере, обеспечило бы мне доступ к общине дарсайцев.

Ченсет задумчиво кивнул, затем прошел к письменному столу и сел.

— Что ж, это возможно. Мне принадлежит небольшое количество акций — точнее, ровно тысяча, — которые я могу продать за какую-то долю от их номинальной стоимости.

Джерсен равнодушно пожал плечами:

— Мне нужно всего лишь несколько сотен акций, да и то, пожалуй, будет слишком много. Как нынче котируются акции на бирже?

— Понятия не имею. Однако не сомневаюсь, цена очень низкая.

— Безусловно. Что ж, я возьму имеющиеся у вас акции за чисто символическую цену. Пятидесяти севов должно быть вполне достаточно.

Ченсет поднял брови:

— Вы серьезно? За тысячу акций, номинал каждой из которых эквивалентен десяти унциям стодвадцатников?

— Десяти унциям несуществующих стодвадцатников. Каждая из этих акций ничего не стоит.

— Возможно, но только до тех пор, пока кто-нибудь не возьмет на себя обязательство возместить ущерб, нанесенный держателям акций. Вот вы, например.

— Попробуйте рассмотреть такую возможность применительно к самому себе.

— И все же пятьдесят севов — очень уж ничтожная сумма.

Джерсен печально вздохнул:

— Я уплачу ровно сто севов, и ни центом больше.

Ченсет прошел к одному из стенных шкафов, извлек из него папку и выложил ее перед Джерсеном.

— Вот ваши акции. Все они на предъявителя. Никакого документального оформления их передачи не требуется.

Джерсен уплатил Ченсету сто севов.

— Деньги, разумеется, выброшены на ветер.

— Не спору.

— Как вам достались эти акции?

Ченсет ухмыльнулся:

— Они мне все равно ничего не стоили. Я обменял их на нечто, в равной степени ничего не стоящее, — на акции благополучно скончавшейся горнодобывающей корпорации.

— Каковой была, разумеется, «Дидроксус»?

— Откуда вам известно?

— Она числится в качестве дочернего предприятия «Котзиш», хотя за нею не зарегистрировано никаких имущественных или иных прав.

— Верно. Единственное, чем она располагает, — правами на разработку месторождений на Шанитре, спутнике Мезлена.

— Но ведь это, как я полагаю, очень важная концессия.

Ченсет удостоил Джерсена типичной для него холодной улыбкой:

— Шанитра сотни раз обследована вдоль и поперек. Она представляет собой не более чем огромную глыбу пемзы. Вот я и променял шило на мыло.

— Но этот обмен принес вам сто севов. В мудрости вам не откажешь.

Ченсет снова, в какой уже раз, холодно улыбнулся:

— Хочу на прощание дать вам один бесплатный совет, который немало стоит. Если у вас на уме открыть здесь или где-нибудь еще на Дар Сай отделение своего банка, то выбросите эту мысль из головы. Вам здесь абсолютно нечего делать. Торговля сто двадцатниками практически вся в руках мезленцев, вам сюда не втиснуться, а сами дарсайцы редко прибегают к услугам банков.

— Я хорошо запомню ваш совет, — сказал Джерсен, поднимаясь. — Передайте вашей дочери уверения в моем глубочайшем уважении. Мне очень жаль, что по моей вине ей пришлось так переволноваться. При первой же возможности я постараюсь лично принести ей свои извинения.

— Пожалуйста, не утруждайте себя. Она уже забыла об этом инциденте. К тому же мы в самом скором времени возвращаемся на Мезлен. — Ченсет чуть наклонил голову. — Желаю вам всего наилучшего, сэр.

Джерсен вышел из кабинета. Высокочтимая Шеридин все еще сидела в вестибюле, беседуя с кем-то из своих знакомых. Джерсен учтиво ей поклонился, однако она сделала вид, что не заметила его.

На площади, неподалеку от «Банка Ченсета», Джерсен нашел уютное кафе в тени развесистых деревьев, где ему тут же подали чай. У него из головы не выходили мысли о дальнейших действиях. Будущее представлялось ему замысловатым лабиринтом, в самом центре которого затаилась зловещая фигура. Ленс Ларк определенно скрывается где-то неподалеку. Им способен оказаться

даже вон тот нескладный мужчина за столиком напротив, который, громко чавкая, никак не может справиться с заварным пирожным. Как распознать его? Джерсен не знал. Подобно всем Властителям Зла, Ленс Ларк умел тщательно маскироваться. Через лабиринт к нему вела единственная цепочка: «Котзиш Мючуэл», Оттил Пеншоу, «Дидроксус», права на геологоразведку и добычу ископаемых на Шанитре (почему Пеншоу побеспокоился совершить такой обмен?), и теперь, не исключено, Дасуэлл Типпин (почему Типпин, несмотря на все предостережения, напрямик направился в контору Оттила Пеншоу и кем был тот вроде бы дарсаец, с которым Типпин там повстречался?).

Следующим звеном в цепочке, похоже, был Нихель Кахоуз из «Сени Инкена», которому принадлежат шестьсот акций «Котзиш». Каким образом Кахоузу удалось получить такую огромную долю, эквивалентную трем тоннам черного песка? Но независимо от пути, которым он этого добился, было бы разумно добраться до него раньше Дасуэлла Типпина или кого-нибудь еще... При мысли о Типпине Джерсен непроизвольно заерзал на стуле. Привлечение к делу Типпина, кажется, явилось серьезной ошибкой: показавшись поначалу полезным посредником в приобретении небольших пакетов акций, теперь он мог затеять собственную игру, пытаясь отыскать держателей покрупнее...

И все-таки кто же этот Кахоуз? И где расположена «Сень Инкена»?

Внимание Джерсена привлекла вывеска в одной из витрин магазинов поблизости:

ТОВАРЫ ДЛЯ ПУСТЫНИ

*Туристское снаряжение. Путевая информация.
Подготовка и проведение экспедиций и экскурсий.
Возможность насладиться зрелищем настоящего
хадава в безопасности и комфорте.*

Джерсен подошел поближе и заглянул в центральную витрину. Там были выставлены предметы, предназначенные для того, чтобы облегчить и ускорить путешествие через пустыню: макеты пескоходов и скиммеров,

различные дарсайские одежды, термоизолированная обувь и нижнее белье, компактные кондиционеры и другие товары аналогичного назначения. Между двумя стендами разместился стеллаж с книгами, картами и брошюрами. На одном из стендов был вывешен плакат с крупным заголовком «Памятка для туристов», на втором — следующее объявление, отпечатанное яркими, бросающимися в глаза желтыми и зелеными буквами:

БОЛЬШОЙ ХАДАВЛ!

Динклтаун, День Дэффла, Десятый День Мирмона.

Одно из крупнейших состязаний гога!

Событие, которое никак нельзя пропустить!

*Приглашаем в путешествие с полным комфортом
в сопровождении опытного гуга! Не упустите
возможность полюбоваться этим типично
дарсайским зрелищем!*

Джерсен вошел в магазин и приобрел справочник «Кланы Дар Сай», сложенную вчетверо географическую карту и брошюру «Путеводитель по Сеням».

Со своими покупками он вернулся за столик под деревом и разложил карту, полосу длиной почти в метр и шириной в треть метра. Преобладающим цветом на карте был светло-желтый с вкраплениями других цветов и оттенков. Ограниченные пространства сверху и снизу имели зеленую окраску и надпись «Болото». Никаких иных подробностей на карте приведено не было. Четыре главных города — Сержеуз, Уобберс, Динклтаун и Бельфезер — обозначались черными звездочками, поселения помельче — большими черными точками, изолированные «Сени» — маленькими точками. Объекты, представляющие собой исторический интерес, места проведения зрелищ для туристов и тому подобные — «Мост Душителя», «Турмалиновые Башни», «Ферма Скорпионов», «Равнина Бэгшиллы», «Скатч» — обозначались крестиками или были обведены пунктиром. Участки, закрашенные в тот или иной оттенок, — некоторые довольно значительные по площади, другие же совсем маленькие — обозначали владения того или иного клана. Джерсен разыскал «Округ Бугольда» и «Сень Бугольда» в двух тысячах миль к северо-востоку от Сержеуза...

Оторвавшись от карты, он увидел спешащего через площадь Типпина, лицо которого выражало настороженную сосредоточенность. Глазами он так и стрелял по сторонам, но Джерсена, затаившегося среди листвы, не заметил. С едва заметной улыбкой Джерсен проводил его взглядом, когда Типпин вошел внутрь «Банка Ченсета». Беседа между Типпином и Адарио Ченсетом не принесет удовлетворения ни одному из них. Продолжая поглядывать краем глаза на двери банка, Джерсен сложил карту и раскрыл «Кланы Дар Сай». В первой главе излагалась краткая история освоения планеты: возведение «Сеней», образование кланов. Во второй, третьей и четвертой главах были приведены сведения о наиболее характерных чертах каждого из кланов, о взаимоотношениях между отдельными его представителями, кастовых различиях, обычаях, связанных с деторождением, формах проведения досуга. В пятой главе самым подробнейшим образом анализировалась игра «хадавл», причем автор то и дело старался подчеркнуть, что игры, возникающие в любом из человеческих сообществ, можно рассматривать в качестве микрокосма данного сообщества...

Тут из банка вышел Дасуэл Типпин, теперь, казалось, уже никуда особенно не торопившийся. Нервно озираясь по сторонам, он лениво прошел в то же кафе, где сидел Джерсен, и расположился к нему спиной всего лишь в каком-то десятке метров.

Подошел официант, Типпин отрывисто бросил несколько слов, и ему тут же подали небольшой бокал с газированным пуншем, который он выпил так, будто это было лекарство. Трясущимися руками он залез во внутренний карман пиджака и извлек пачку бумаг. Джерсену они показались очень похожими на сертификаты, которые он приобрел у Ченсета. Все так же трясущимися пальцами Типпин пересчитал количество сертификатов в пачке.

Джерсен поднялся, подошел к Типпину сзади, вытянул руку над его плечом и выхватил сертификаты из неожиданной онемевшей руки Типпина.

— Прекрасная работа,— произнес Джерсен.— Я забираю все эти акции и расплачиваюсь с вами вечером. Продолжайте в том же духе.

С этими словами он вернулся на прежнее место. Типпин протестующе прохрипел что-то, уже почти поднялся со своего места, затем медленно опустился назад.

Джерсен пересчитал сертификаты: шесть по двадцать акций, пять по десять и восемь одинаров. Итого сто семьдесят восемь.

Типпин безмолвно следил за ним, затем медленно повернулся и сгорбился над столиком. Выгнувшаяся дугой спина красноречивее всяких слов говорила, насколько он возмущен и разгневан случившимся.

Джерсен тут же прикинул в уме: тысяча сто двенадцать плюс сто семьдесят восемь составляет тысячу двести девяносто. Отныне он располагает достаточным количеством акций, чтобы претендовать на пост директора и, возможно, даже на пост генерального директора, если Оттил Пеншоу продолжает владеть лишь тысячей двумястами пятьюдесятью акциями. Не очень-то реальная надежда...

У стола Типпина, появившись как бы из ниоткуда, стоял высокий дарсаец, которого Джерсен заметил в Диндар-Хаузе. Он опустился на стул рядом с Типпином, встретившим его одной короткой фразой. Дарсаец в ответ вырутался сквозь зубы и бросил презрительный взгляд в сторону банка, затем отрывисто о чем-то спросил Типпина, но тот только беспомощно мотнул головой и стал что-то объяснять в попытке умиротворить дарсайца, что побудило того, несмотря на увещевания со стороны Типпина, сорваться с места и быстрым шагом направиться на противоположную сторону площади. Типпин проводил его взглядом, затем скосил глаза в сторону Джерсена. Тот остался равнодушным. Тогда Типпин вприпрыжку пересек отделявшие их десять метров и подсел к столику Джерсена.

— Эти акции предназначались не для вас,— спокойно, чисто по-деловому произнес он.

— А для кого же еще?

— Не имеет значения. Вы должны вернуть их.

— Совершенно исключено. Я расплачусь за акции по той цене, которую за них дали, раз вы так настаиваете.

— Мне нужны эти акции. Мне их дали для последующей передачи тому дарсайскому джентльмену, который только что ушел.

— Кто он? Откуда у него неожиданный интерес к акциям «Котзиш»?

— Его зовут Бэл Рук. Не знаю, для чего ему акции, как не знаю и того, для чего они вам.

— Ему захотелось получить эти акции только после того, как вы рассказали, что они понадобились мне. И сделали вы это вопреки полученным от меня инструкциям.

Губы Типпина изогнулись в болезненной гримасе.

— Все равно эти акции мои, и я настаиваю на том, чтобы вы их вернули.

— Вы приобрели их для меня — и я их у себя оставляю. Вы хотите за них деньги? — Джерсен отсчитал сто восемьдесят севов. — Пожалуйста.

Типпин нерешительно взял деньги.

— Не знаю, как выпутаться из того затруднительного положения, в которое я попал.

— Не нужно было заходить в Диндар-Хауз. Вы сами создали себе трудности.

— Когда-то я был одним из помощников Пеншоу, — пожаловался Типпин. — Вот в чем все дело. Я не мог поступить иначе.

— Бэл Рук тоже работает на Пеншоу?

— Похоже.

— Сколько еще акций вы в состоянии выявить?

— Нисколько! С меня довольно! — Типпин рывком поднялся. Как вспугнутая птица, он следил через прощелы в листве, как группа молодых мезленцев устраивается за одним из ближайших столиков, затем повернулся к Джерсену: — Вам известно точное значение дарсайского слова «рейчпол»?

— Мне доводилось его слышать.

— Оно означает «корноухий», то же самое, что «изгой». Бэл Рук — рейчпол. Совести у него ни на цент. Это убийца-профессионал. Если вам дорога жизнь, уезжайте из Сержеуза.

Типпин вышел из кафе. Джерсен возобновил чтение. Через несколько минут один из мезленцев, расположившихся за соседним столиком, — высокий молодой человек с осанкой и сдержанными манерами патриция — рывком поднялся с места и подошел к Джерсену:

— Сэр! Разрешите отвлечь вас на минуту-другую!

— Пожалуйста. Что вам угодно?

— Меня смущает ваше поведение. Я прошу объясниться.

— Мне нечего объяснять. Мое поведение — вот оно: сижу в кафе, пью чай и читаю книгу, которую приобрел вон в том магазине. В ней описываются обычаи дарсайцев.

— Это совсем не то, что я имел в виду.

— Пожалуйста, объясните.

— Речь идет о вашем повышенном интересе к акциям «Котзиш».

— Основополагающий принцип бизнеса таков: покупай подешевле, продавай подороже. Почему бы вам не обратиться за справками к Высокочтимому Адарио Ченсету? Он искусен в подобных делах и может гораздо полнее просветить вас на сей счет, чем я.

Молодой человек сделал вид, будто не слышит.

— Меня беспокоит ваше более чем странное поведение, каждое из ваших действий вызывает подозрения.

Джерсен, улыбаясь, покачал головой:

— К чему углубляться в туманные материи? Мы потратим много часов только на то, чтобы согласовать термины, которыми пользуемся, но лично у меня нет такого количества свободного времени.

• Голос молодого мезленца слегка возвысился:

— Ваши действия спровоцировали довольно странную цепь событий. Мне бы хотелось узнать ваши дальнейшие намерения.

— По сути, я и сам не знаю. А теперь, пожалуйста, прошу извинить меня. — С этими словами Джерсен снова уткнулся в книгу.

Мезленец сделал полшага вперед. Джерсен тяжело вздохнул и начал собирать книги. Рядом появился еще кто-то.

— Альдо, дело вовсе не стоит такого внимания. Возвращайся к нам, мы хотим обсудить вопросы, связанные с экскурсией.

Скосив глаза, Джерсен увидел тонкую темно-зеленую материю, плотно облегающую нижнюю часть женского тела. Подняв глаза, он обнаружил, что все это принадлежит Шеридин Ченсет.

Альдо, все еще продолжающий пристально глядеть на Джерсена, ответил задиристым тоном:

— Этот человек упорно отказывается давать прямые ответы! Такое поведение я едва ли могу найти цивилизованным.

— Ну и что же? Надо все принимать таким, как оно есть. Неужели ты надеешься изменить его природу?

— Даже обезьян можно научить хорошим манерам. Не мешало бы, пожалуй, перекинуться парой слов с полицейским. Несколько добрых ударов дубинкой могут сотворить чудо с характером этого субъекта.

— Или обозлить его еще больше. Оставь его здесь, в его берлоге. Почему он тебя беспокоит?

— Все далеко не так просто. Его махинации уже являются источником неприятностей для твоего отца.

— В таком случае позволь мне переговорить с ним. Со мной, возможно, он будет себя вести более любезно.

— Не думаю. И вообще, это чисто мужское дело.

Шеридин уже едва сдерживала себя.

— Альдо, отойди в сторону. А еще лучше вернись к нашему столику.

— Я подожду тебя здесь.

Джерсен следил за разговором между ними без особого интереса. Как только Шеридин опустилась на стул, на котором раньше сидел Типпин, он учтиво поднялся, затем снова сел.

— Очень рад такому неожиданному подарку с вашей стороны. Не уютно ли чаю? Меня, между прочим, зовут Кирт Джерсен.

— Благодарю, не надо чая. С какой целью вы находитесь в Сержеузе?

— Я мог бы дать вам дюжину ответов на этот вопрос. Я очень много путешествую. Мне нравится заглядывать

в самые странные уголки Галактики, мне интересны такие своеобразные люди, как дарсайцы или мезленцы. По-моему, они большие оригиналы.

Высокочитмая Шеридин чуть поджала губы. Непонятно было — то ли она раздражена, то ли такое заявление Джерсена лишь позабавило ее.

— Вы и со мной столь же уклончивы, — произнесла она.

— Вовсе нет. Я мог бы рассказать об очень многом. Отошлите прочь этого молодого человека, и мы проведем остаток дня вместе, а может быть, даже и вечер.

Альдо весь напрягся и сделал шаг назад:

— Никогда еще не слышал столь поразительной чепухи! Шеридин, давай уйдем отсюда. У меня нет сил больше терпеть наглость этого человека.

Шеридин строго поглядела на него, и Альдо неожиданно замолчал. Когда же она заговорила с Джерсеном, голос ее стал нежным и ровным:

— Вы представились банкиром.

— Что полностью соответствует действительности.

— Вы совсем не похожи ни на одного из банкиров, которых я знаю.

— У вас отличная интуиция. Обычный банкир уверен и безжалостен только тогда, когда шансы на его стороне. А каково, признайтесь честно, ваше мнение обо мне?

— Единственное, что я могу сказать о вас, — вы обманули моего отца.

Джерсен поднял брови:

— Странно! А вот ваш отец был абсолютно уверен в том, что очень удачно воспользовался в своих целях моей наивностью.

— Такие слова граничат с клеветой! — вскричал Альдо. — Вы еще пожалеете о них!

— Почему бы не попросить этого джентльмена оставить нас? — произнес Джерсен, обращаясь к Шеридин. — Он напоминает мне ворона на чужом пиру.

Шеридин задумчиво поглядела на Альдо, затем снова повернулась к Джерсену:

— Если вы соизволите говорить честно и откровенно, наш разговор может закончиться быстро.

Джерсен сокрушенно развел руками:

— Возможно, я и был уклончив, но Альдо вселяет в меня ужас. Его угрозы и восклицания — причина этому.

— Альдо, пожалуйста, вернись к нашему столику. В самом деле, очень трудно думать, когда ты маячишь у меня над плечом.

— Как хочешь. — Альдо неторопливо побрел прочь.

Джерсен тут же подозвал официанта:

— Принесите нам еще чаю или, пожалуй, даже лучше бутылку «Спондент-Флакса» и два бокала.

Шеридин заметно отодвинулась, как бы давая понять, что она совершенно не разделяет желания Джерсена создать за столом атмосферу праздника.

— Мне безразлично, что вы заказываете. Мне уже давно пора вернуться к друзьям.

— В таком случае, зачем было вообще сюда подходить? Ведь я все равно вызываю у вас только отвращение.

Это замечание неожиданно развеселило Шеридин. Она рассмеялась и стала еще обаятельнее. Джерсен почувствовал, как учащенно забилося его сердце. Полюбить Шеридин Ченсет и добиться у нее взаимности — что могло быть пленительнее этого?

Девушка, почувствовав, по-видимому, неожиданную перемену в настроении Джерсена, заговорила как можно более спокойно:

— Я сейчас поясню, с какой целью я так поступила. Все очень просто. В скандале с компанией «Котзиш» замешан печально известный Ленс Ларк. Когда мы слышим слово «Котзиш», мы тотчас же настораживаемся.

— Понятно.

— Так почему все-таки вы скупаете акции «Котзиш»?

— Это определенный тактический маневр, в котором нет абсолютно ничего постыдного. Если же я объясню вам причину, которая движет мною, вы расскажете об этом отцу, он поделится еще с десятком коллег, и тогда я окажусь в затруднительном положении.

Шеридин взглянула на противоположную сторону площади, затем произнесла:

— И вы не связаны с Ленсом Ларком?

— Никак. Но даже и будь я связан, то вряд ли бы об этом распространялся.

Шеридин неопределенно пожала плечами — то ли легкомысленно, то ли пренебрежительно.

— У меня сложилось впечатление,— сказала она,— будто вы серьезно его опасаетесь.

— Как и вы.

— На то существуют очень веские причины. Он у нас как кость в горле. Честно говоря, нам уже пришлось пережить хотя и небольшой, но крайне неприятный инцидент, в котором оказался замешан Ленс Ларк. Он, разумеется, дарсаец до мозга костей и рейчпол в придачу... Вам знакомо это слово?

— Оно означает «изгой».

— Нечто в этом духе. Дарсайцы в торжественной обстановке отрезали у преступника одно ухо.

— Я отрезал другое,— скромно признался Джерсен.

Шеридин неожиданно вздрогнула:

— Что вы сказали?

— За какое преступление Ленсу Ларку пришлось поплатиться ухом?

Шеридин вздернула подбородок и сомкнула губы, всем своим видом показывая, что для воспитанной мезленской девушки совершенное Ленсом Ларком преступление не поддается передаче словами и вообще невообразимо.

— Подробности мне неизвестны*. А вот вы так до сих пор мне ничего и не сказали.

* Небезынтересно отметить, что преступлением, повлекшим за собой изгнание Ленса Ларка из «Сени Бугольда», была кража кондиционера с трупа человека, который в нетрезвом состоянии свалился на ядовитый кактус. Преступление было расценено как довольно мерзкое, но не самое ужасное. Хуссе Бугольд, как тогда называли Ленса Ларка, поплатился за него потерей мочки уха и позором изгнания из родной «Сени». В этой связи нелишне обратить внимание на то, что Шеридин Ченсет, не располагая точными сведениями о характере преступления, совершенного Хуссе Бугольдом, бессознательно приписала ему прегрешение, расцениваемое мезленцами как самое страшное, то есть ненормальное сексуальное поведение, которое они считали само собой разумеющимся грехом, водящимся за дарсайцами. Отсюда и ее обостренная реакция на вопрос Джерсена. (Примечание автора.)

Джерсен поднял бокал и, прищурившись, погрузился в разглядывание граней хрусталя.

— Действительно, с представителем «Банка Ченсета» я немногословен и уклончив. Кому-нибудь другому, кто мне понравится, кто заденет струны моей души, пленит меня своим обаянием, я мог бы рассказать об очень и очень многом.

Шеридин снова вздернула подбородок.

— Вы, безусловно, дерзки и не в меру развязны.— В голосе ее, однако, не было ни прежней безапелляционности, ни язвительных интонаций. Подумав немного, девушка добавила: — Я, пожалуй, совершенно правильно поступила, пожаловавшись на вас сегодня несколькими часами ранее.

— Вы совершенно неправильно истолковали выражение моего лица. Я оторвал взор от письма, содержание которого меня развеселило, и вдруг увидел вас, но у меня даже в мыслях не было «бесстыдно разглядывать», тем более «с плотоядной ухмылкой». А затем я увидел вывеску «Банка Ченсета» и зашел туда, чтобы переговорить о покупке акций, но был сразу же выдворен.

Выражение оскорбленного достоинства теперь уже почти сошло с лица девушки.

— Ну, а что вы в таком случае скажете насчет Диндар-Хауза? Вы ведь именно из-за меня туда последовали?

— Да как же такое возможно? Я побывал там еще до того, как впервые вас увидел.

— Ну... Может быть. Но даже и сейчас во всех ваших высказываниях можно заметить чисто личные ощущения и оценки.

— Ничего не могу с собой поделать — мне действительно очень приятно глядеть на вас и беседовать с вами.

— Пожалуйста, больше не утруждайте себя комплиментами.— Шеридин решительно поднялась.— Вы действительно очень странный человек. Никак не могу решить, как быть с вами.

Джерсен тоже поднялся из-за стола:

— При более близком знакомстве вы, возможно, станете ко мне относиться не столь скептически.

— У нашего знакомства нет будущего. Если вы перейдете дорогу Ленсу Ларку, он велит вас убить.

— Он пока еще не догадывается обо мне. У меня есть время.

— Вряд ли. Я возвращаюсь на Мезлен сразу же после динклтаунского хадавла. Удастся ли вам сохранить жизнь до этого времени?

— Очень надеюсь. Увижу ли я вас до вашего отъезда?

— Не знаю.

Шеридин вернулась к друзьям, которые все время, что длилась беседа, скрытно за нею наблюдали и сразу же забросали вопросами. Шеридин отвечала рассеянно. Вскоре вся группа удалилась в сторону гостиницы «Сферинда».

* * *

Кора опустилась к самой кромке бледно-голубого дарсайского неба, затрепетала на линии горизонта, покраснела и сплюснулась, а затем исчезла, оставив после себя лимонно-желтое свечение. Вытянувшиеся в несколько рядов на сотни миль к северу и югу перистые облака стали пунцовыми, затем пурпурными, затем исчезли и они. С наступлением темноты воздух в пустыне быстро охлаждался. Водяные завесы Сержеуза пошли на убыль, и вскоре лишь случайные капли падали с краев огромных зонтиков, зато безо всяких помех между куполами задул легкий вечерний бриз. Как только прекратился шум падающей с большой высоты воды, Сержеуз погрузился в странную тишину, а дарсайцы в белых одеяниях превратились в загадочные существа из легенды.

Одним из таких существ во всем белом стал и Джерсен. В руке он нес матерчатую сумку, содержащую предметы, которые можно было бы назвать орудиями его ремесла. Когда он переходил из «Центральной Сени» в «Сень Скансела», территория которой была освещена куда более скудно, ему подумалось, что окажется с ним сейчас Шеридин Ченсет и узнай она, каково его снаряжение, она посчитала бы его гораздо более странным.

И все-таки лучше, что сейчас Шеридин не здесь, что сейчас она, скорее всего, в полной безопасности, в изысканной обстановке гостиницы «Сферинда». Но еще бы лучше было, если б ему удалось навсегда позабыть о ней. Сколь бы высоко ни взлетала его фантазия, никогда Шеридин не сможет стать частью его наполненной риском жизни, грустный конец которой она сама же и предсказала.

Мысль об этом повергла его в глубокую печаль, но одновременно настроила на то, чтобы проявить высочайший уровень профессионального мастерства. К Диндар-Хаузу он подошел предельно собранным, как вышедший на охоту хищник, мобилизовав все свои способности и бдительно следя за всем, что его окружает.

В тени киоска, где днем продавалась всякая всячина, он приостановился. Хозяйка киоска ушла домой, оставив весь товар и блюда для монет к услугам каждого, кому могло понадобиться что-нибудь из того, что продавалось в киоске.

Прошло пять минут. Ни в одном из окон Диндар-Хауза не горел свет, включены были только три фонаря на шпильках, венчавших три самых высоких купола. В ночной тишине даже очень отдаленные звуки прослушивались четко, как голоса в телефонной трубке. Откуда-то издалека донесся пронзительный крик и тут же стих, затем где-то поближе зазвучала монотонная дарсайская музыка: завывание труб под лишенный всякого ритма рокот ударных инструментов и струнных аккордов. Эти звуки только сильнее подчеркивали тишину, обволакивающую Диндар-Хауз.

Джерсен вышел из тени киоска, легко и бесшумно, как струйка дыма, поднялся по ступеням и прошел в вестибюль. Здесь он остановился, прислушался, но сюда не доносились звуки снаружи. Мертвая тишина.

Включив карманный фонарь, он пробежал лучом по всему вестибюлю и увидел, как и раньше, старомодные массивные бетонные арки, почерневшие от времени лакированные деревянные панели. Джерсен уменьшил яркость до едва различимого мерцания и крадучись на-

правился к заветной зеленой двери в контору Оттила Пеншоу.

Водя по дверному проему тонким лучиком света, он тщательно осмотрел косяк, саму дверь, врезной замок и ручку, однако датчиков охранной сигнализации или искусно спрятанных микрофонов прослушивающего устройства не обнаружил. Попробовал открыть дверь. В отличие от большинства дарсайских дверей, эта была надежно заперта с помощью замка, устройство которого не допускало каких-либо манипуляций с ним. Знаменательно, отметил про себя Джерсен. Замки были изобретены только тогда, когда появились ценности, требующие надежной охраны. Вернувшись на крыльцо перед входом, Джерсен еще раз оценил обстановку. На противоположной стороне площади сквозь густую листву пробивался свет зеленых и белых ламп, освещавших открытые веранды двух пивных. На площади и в выходящих на нее аллеях и переулках — ни души. Высоко подпрыгнув, Джерсен забрался на наклонную поверхность одного из контрфорсов, поднялся по ней на купол и по куполу спустился на опоясывающий часть здания уступ, тянувшийся вдоль линии окон. Оценив пройденное по коридору расстояние, Джерсен определил, какое из окон принадлежит конторе Пеншоу, и приблизился к нему, осторожно двигаясь по уступу. Подход к оконному проему преграждала массивная решетка из прочного жаростойкого сплава, а оконное стекло было очень толстым. В других окнах ряда ничего подобного не было.

Пробраться внутрь конторы Пеншоу оказалось задачей не из легких.

В комнате за окном было совершенно темно. Джерсен попытался различить что-нибудь внутри, подсветив фонариком, но свет только отражался толстым стеклом.

Джерсен отступил на несколько шагов к соседнему окну. Оно оказалось открытым на ночь — хозяина помещения, по-видимому, нисколько не смущала возможность проникновения. Джерсен направил луч фонаря внутрь — здесь, похоже, располагался рабочий кабинет какого-нибудь торгового посредника. Когда-то эта ком-

ната и контора Пеншоу составляли единый офис. Дверь, соединяющую оба помещения, перегораживал стенд с книгами, брошюрами и образцами горных пород.

Джерсен забрался в комнату, отодвинул в сторону стенд и внимательно осмотрел дверь. Она висела на петлях и открывалась в сторону Джерсена. Он повернул ручку и потянул дверь на себя, но та не поддавалась, запертая, как показалось Джерсену, с другой стороны накладным замком.

Джерсен стал изучать устройство петель. Они оказались полуутопленными и взаимозаблокированными, рассоединить их можно было, только взломав дверь.

Тогда он снова обратил внимание на саму дверь. Взломщиком-профессионалом он не был, однако не сомневался, что кое-какие задатки у него имеются и к этому ремеслу. Впрочем, для того чтобы открыть эту конкретную дверь, существовал и куда более простой путь.

Дверь открывалась наружу. Значит, она держится только до тех пор, пока держится крепление замка. Джерсен уперся коленом в стенку, схватился за дверную ручку, повернул ее и, напрягая мышцы ноги, потянул на себя.

Раздался негромкий треск, и дверь сдвинулась. В образовавшуюся щель шириной в несколько дюймов Джерсен посветил фонариком, пытаясь обнаружить порванные провода охранной сигнализации. И хотя их нигде не было видно, это еще ничего не значило: Джерсен знал добрую дюжину практически необнаружимых способов обезопасить дверь. Сталкивался он и с помещениями, мгновенно наполнявшимися ядовитым газом при попытке неосмотрительного проникновения в них незваного гостя. Джерсен потянул воздух носом, но ощутил лишь едкий запах человеческого пота, свидетельствующий о том, что помещением пользуются очень долго. В любом случае не похоже было, что Оттил Пеншоу в качестве меры предосторожности отравлял воздух в своей конторе. Открыв дверь пошире, Джерсен обвел помещение лучом фонарика и увидел только то, что и рассчитывал увидеть: зеленовато-коричневые стены,

письменный стол, еще один стол, перпендикулярный к письменному, три стула, встроенный в стену шкаф и плохо сочетающийся со скромностью обстановки дорогой коммуникатор.

Джерсен работал умело и быстро. Прилепив небольшой кусочек звукочувствительной ленты в самый дальний угол, образованный стеной и дверной накладкой, таким образом, что он был практически незаметен, Джерсен затем с помощью аэрозольного баллончика напылил тончайший слой — токопроводящую дорожку, начиная от датчика и до самого окна примыкающего к конторе Пеншоу помещения, обогнув при этом дверной косяк и пройдясь струйкой по стенам. Вернувшись в кабинет Пеншоу, он, как мог, восстановил замок, вставив вырванные шурупы в прежние отверстия. При поверхностном осмотре вполне казалось, что замок прикреплен к двери достаточно надежно.

Только теперь Джерсен решил заняться письменным столом. На самом видном месте, разбухшая от множества содержащихся в ней бумаг, лежала папка с надписью: «Самое важное. Совершенно секретно». Джерсену показалось, что это явно нарочитое приглашение открыть папку, а элементарная логика тут же расценила его как некий обобщенный сигнал опасности. Благоразумие подсказывало, что нужно как можно быстрее уходить отсюда. Не задерживаясь ни на секунду для того, чтобы проанализировать интуитивно воспринятый сигнал опасности, Джерсен скользнул в смежное помещение, прижал пальцем подпружиненную защелку замка, прикрыл дверь и убедился в том, что язычок замка вошел точно в предназначенное для него гнездо. Затем он передвинул на прежнее место стенд и подошел к двери, выходящей в коридор. Приложил ухо к панели — ни звука. Тогда он чуть приоткрыл оказавшуюся незапертой дверь и сразу же услышал шаги в дальнем конце коридора. Прикрыв дверь и заперев ее на засов изнутри, подбежал к окну. Притаившись в тени, выглянул наружу: внизу стоял кто-то в темной накидке и фетровой шляпе с широкими

мягкими опущенными полями. Судя по осанке и габаритам, это был Оттил Пеншоу.

Джерсен чуть отпрянул назад, чтобы не попасть в поле зрения Пеншоу, если бы у того оказались очки ночного видения. Приложив детектор к токопроводящей дорожке, которую напылил на стенку, он добавил громкости. Поначалу ничего не было слышно. Затем раздались звуки, обычно сопровождающие открывание замков, скрип двери. Снова тишина, как будто кто-то осматривал комнату с порога. Потом шаги. И наконец тихий голос. Вошедший в контору, по-видимому, говорил в микрофон рации.

— Здесь никого нет.

Столь же тихо прозвучал голос Пеншоу:

— И никаких следов беспорядка?

— Что-то не видно.

— Наверное, ложная тревога. Сейчас я сам подойду.

Продолжая наблюдать из окна, Джерсен увидел, что Пеншоу направился к главному входу.

Сам он немедленно вылез через окно на карниз и снова приложил детектор к токопроводящей дорожке. Вскоре послышался голос Пеншоу:

— Что вызвало срабатывание сигнализации?

— Падение луча света, кратковременное и очень малой интенсивности.

Молчание. Затем снова голос Пеншоу, нерешительный и задумчивый:

— Ничего как будто не потревожено... Странно. У меня все не выходит из головы этот тип. Хотя, пожалуй, я слишком уж мнителен. Скорее всего, он точно таков, каким себя изображает.

— Такой вывод не требует особой проницательности.

— Возможно, возможно... И тем не менее мы столкнулись с какой-то тайной, от которой Старый Коршун не будет в восторге. Но всему свое время, и поэтому сначала следует проверить то, что в наибольшей мере ублажит Коршуна, то есть первым на очереди Кахоуз, а тип из «Туриста» пусть пока подождет.

Раздалось недовольное ворчанье, а затем первый голос произнес:

— Кахоуз сейчас не в «Сени Инкена». Возможно, мне придется отлучиться на несколько дней, чтобы разыскать его.

— Действуйте как можно быстрее, но проверните это дело обязательно. Вам предоставляется полная свобода действий — я сейчас отбываю в Твониш.

— Так быстро? Лучше бы вы остались здесь и собирали акции.

— Я поступаю так, как мне велено. Что ж, тревога, пожалуй, действительно ложная. Нет смысла оставаться здесь дольше... Минуточку! Дверь к Литто, видите?.. Я уверен, что она была взломана. Отлупилась краска.

Затем последовало неразборчивое бормотание и звук торопливых шагов.

Джерсен бегом проделал в обратном порядке весь путь вниз и обернулся только тогда, когда снова очутился в тени киоска неподалеку от входа в Диндар-Хауз. В обоих окнах горел свет. На какое-то мгновение в окне офиса Литто возник темный силуэт — человек закрыл окно и исчез.

Больше делать здесь было нечего, и Джерсен решил вернуться в гостиницу. Пересекая площадь, он заметил небольшой оркестр на веранде перед входом в «Сферинду». Музыканты-дарсайцы играли для многочисленных мезленцев, одетых в вечерние желтые и белые наряды. На мужчинах были широкие бледно-голубые пояса.

Джерсен постоял немного, с некоторой тоской глядя на царящее среди мезленцев непринужденное веселье, улыбнулся и поспешил к «Туристу».

За конторкой портье стоял Дасуэлл Типпин. При виде Джерсена лицо его приняло почему-то выражение удивления и даже странного интереса. Джерсен подошел к стойке:

— Почему вы на меня так смотрите?

Типпин нервно засопел:

— Кто-то спрашивал вас по телефону, всего лишь минут пять назад. Я посчитал, что вы у себя, и именно так и сказал.

- Кто звонил?
- Он не назвался.
- Пеншоу? Нет? Рук? Понятно... А в общем-то, все равно. Я сейчас отправляюсь к себе, так что вы ошиблись всего на пять минут — совсем немного. Вы согласны?
- Естественно!
- Где можно найти Нихеля Кахоуза?
- В «Сени Инкена». Он из клана Фогла. Многие фогловцы живут в «Сени Инкена».
- А если его не окажется в «Сени Инкена»?
- Типпин всплеснул руками:
- Он может быть где угодно.
- Никому не проболтайтесь о моем интересе к Кахоузу.
- Ваш повышенный интерес к Кахоузу считается само собой разумеющимся, — проворчал Типпин. — Так что я бы не сказал ничего нового.
- И все же постарайтесь держать язык за зубами.
- Так, так и только так! Я буду молчать, как будто у меня вырвали язык!

Джерсен поднялся к себе в номер и тщательно его осмотрел. Затем, установив свои собственные датчики охранной сигнализации на входной двери и окнах, принял ванну, свалился на ложе и заснул.

Глава 9

Дарсайцы вступают в брак исключительно по расчету. Женщины принимают во внимание только сто двадцатники мужчин, мужчины оценивают кулинарные способности женщины и уют ее дамбла — вот как заключаются браки на Дар Сай.

Супружеские взаимоотношения сугубо официальные и прохладны. Каждая сторона отдает себе отчет в том, что от нее ожидает противная сторона, или, если уж быть совсем откровенным, что она ожидает от противной стороны. Разочаровавшись в заключенном браке, женщина оплачивает прогорклым ахагари или пережаренным пуррианом; мужчина, в свою очередь, швырнет на стол меньшее количество сто двадцатников и отправится в пивную.

По утрам, за час до восхода Коры, женщина будит мужчину, тот утрюмо облачается в свои дневные одежды и выходит взглянуть на небо. Произнеся исполненную показного оптимизма фразу, в вольном переводе звучащую как «Ази ачи!», он отправляется просеивать песок. Женщина напутствует его сердитым шепотом: «Ступай, ступай, душень!»

Поздно вечером мужчина возвращается домой. Ступая в родную «Сень», он бросает прощальный взгляд на небо и снова не без лукавства говорит «Ази ачи!», что означает «Быть посему!». Женщина, наблюдая за ним из дамбла, только тихонько посмеивается про себя.

Ричард Пелто. «Народы системы Коры»

* * *

Проснулся Джерсен на заре. Лучи поднявшейся над пустыней Коры скользили почти параллельно поверхности, и всю Центральную площадь пересекали длинные черные тени. Глядя из окна, Джерсен почему-то вспомнил лучи Ригеля, тоже белые и ослепительно яркие, но на Альфаноре они казались холодными, хрупкими, колючими, в них преобладали фиолетовые тона. Свет Коры, которая была к планете намного ближе, чем Ригель к Альфанору, пронизывал все насквозь и испепелял. Джерсен надел свободные серые брюки, белоголубую полосатую тельняшку, туфли с плетеным верхом — такая одежда была общепринятой в жаркую пору во всей освоенной человеком части Вселенной. Прибегнув к коммуникатору, он позвонил в редакцию «Горного журнала» и узнал, что они откроются не раньше чем через час.

Спустившись и миновав пустой вестибюль, Джерсен вышел на веранду, где обнаружил всего лишь нескольких особо рьяных туристов. На завтрак он выбрал чай, фрукты, печенье и импортированный неизвестно из какого дальнего сектора Галактики сыр. Когда он покидал веранду, вода с краев зонтика сначала закапала редкими каплями, затем капли превратились в струйки, и уже через несколько минут образовалась сплошная во-

дяная завеса. Каждый новый день предстояло встречать во всеоружии, чтобы отразить очередной яростный натиск Коры.

Джерсен отправился напрямик в Диндар-Хауз. Не задерживаясь в затхлом вестибюле первого этажа, он поднялся во владения «Горного журнала» — широкое, слегка вытянутое помещение, над которым господствовала огромная рельефная карта Раздела, закрывающая целиком одну из стен. Поверхность невысокого барьера, перегораживающего все помещения сразу за входной дверью, была покрыта выложенными в шахматном порядке квадратными плитами из яшмы и нефрита. Справа на барьер опирался стеллаж со склянками, содержащими различные фракции черного песка, и небольшими дисками из соответствующего металла у основания каждой из склянок. Слева стоял без единого изъяна куб из пирита высотой почти в полметра.

К барьеру неторопливо подошел серьезный мужчина средних лет с элегантно подстриженной бородакой:

— К вашим услугам, сэр.

— Я из «Космополиса», — представился Джерсен. — Меня послали собрать материал для небольшой серии очерков о Дар Сай и дарсайцах. Мои финансовые возможности позволяют мне подобрать помощника — хотелось бы кого-нибудь из вашего персонала.

— Наш персонал состоит из меня одного, но я буду рад вам помочь независимо от того, оплатите вы или нет мои услуги.

— Отлично. Зовут меня, кстати, Кирт Джерсен.

— А меня — Эвелден Хоу. Для какого рода очерков вы собираете материал?

— Скорее всего, для серии коротких биографических зарисовок. Мне рекомендовали обязательно обратиться за помощью к некоему Нихелю Кахоузу, возможному обитателю «Сени Инкена».

— Мне знакомо это имя. Гм... Только вот не могу припомнить, в связи с чем. У нас прекрасная картотека. Если это имя хоть раз упоминалось на страницах нашего журнала, мы непременно его отыщем. — Хоу присел

перед дисплеем с клавиатурой.— Нихель Кахоуз... Вот он. Теперь припоминаю. Мне самому изложить суть? Или вам интересно прочесть?

— Не возражаю выслушать вас.

— Кахоуз из клана Фогла, из «Сени Инкена», старатель. В местности под названием Лог Джемили он обнаружил богатый отсев и извлек более тысячи унций песка. Вернувшись в «Сень Инкена», он обнаружил, что там полным ходом идет хадавл. Или, может быть, он просто вернулся, чтобы еще застать хадавл, что более вероятно, и принять активное участие в заключаемых вокруг игры пари. В тот день на него, наверное, прямо-таки снизошло вдохновение, так как к вечеру его выигрыш составил пять тысяч унций — богатство, скажем прямо, сказочное. В то время «Котзиш» была еще процветающей компанией. Случилось так, что на хадавле присутствовал управляющий «Котзиш», некто Оттил Пеншоу. И Кахоуз обратил свой песок в шестьсот акций «Котзиш». Через два дня склад компании «Котзиш» был ограблен. Нихель Кахоуз все потерял, а постигшая его беда стала притчей во языцех.

— И где он сейчас? Все еще в «Сени Инкена»?

Хоу забегал пальцами по клавиатуре:

— Вот что было после.

На экране дисплея появилась короткая запись:

Нихель Кахоуз, «миллионер на час», вернулся в пустыню с намерением отправиться в Лог Джемили и отыскать еще один отсев.

— Данные довольно свежие,— сказал Хоу.— Датировано тремя месяцами назад.

— Как мне разыскать Лог Джемили?

— Он к юго-западу отсюда. Я сейчас покажу вам его местонахождение на карте.

— Хорошо, но сначала мне хочется затронуть еще одну тему. Меня интересует Ленс Ларк, который украл песок у Кахоуза.

Хоу мгновенно замер и насторожился:

— Это одно из имен, которые в Сержеузе произносятся очень тихо.

— Но ведь он самый знаменитый дарсеец, и кому как не ему стать одним из героев моих очерков?

Хоу натянуто улыбнулся:

— Понятно. Поразительная личность. Он, между прочим, терпеть не может публикаций, где выставляется в невыгодном свете, и располагает огромными связями. Короче говоря, это не тот человек, к которому можно относиться несерьезно.

— То же самое говорили мне и раньше. Вы с ним когда-нибудь встречались?

— Насколько мне известно, нет. И надеюсь, что никогда не встречу.

— А как насчет его фотографий? Они имеются в вашем архиве?

Хоу задумался, затем пробормотал:

— Скорее всего, нет. Во всяком случае, стоящих.

— Наш разговор, естественно, сугубо конфиденциален, — предупредил Джерсен. — В моих очерках не будет приведено ни выдержек из «Горного журнала», ни вообще каких-либо ссылок на него как на источник информации. Тем не менее «Космополису» нужно знать, как выглядит упомянутое мною лицо. Ради этого не жалко пятидесяти или даже ста севов.

Джерсен выложил купюру крупного достоинства. Хоу уже было потянулся к ней пальцами, но, явно опечаленный, отдернул руку.

— Я не располагаю сделанными недавно фотографиями... но буквально на днях случайно кое-что заметил на одной старой... Может быть, это как раз то, что требуется?

— Покажите, пожалуйста.

Подозрительно глянув через плечо, Хоу повернулся к клавиатуре и заговорил вдруг уверенно, со знанием дела:

— Я хочу познакомить вас с необычной коллекцией старинных фотографий, сделанных в разных кланах и хранящихся здесь вот уже очень много лет. С чего бы вы хотели начать?

— С клана Бугольда.

— Пожалуйста. Вот самая старая из имеющихся у нас фотографий. Согласно датировке, ей уже почти два столетия. Взгляните на этих людей! Картина весьма колоритная, не так ли? В те времена Бугольдцы были чем-то вроде клана изгоев. На этом снимке выражения их лиц, пожалуй, наиболее свирепые... Вот кое-что совсем недавнее: фото сделано лет тридцать назад. Снова Бугольдцы, и по сравнению с первым снимком они выглядят почти застенчивыми. Вот с этого края расположились так называемые халтурята, мальчишки лет двенадцати—четырнадцати. Вот китчет. В эту пору, длящуюся очень недолго, дарсайские женщины наиболее привлекательны. Взгляните на стройную девушку с ярко сверкающими глазами! Она в самом деле почти красавица. А вот молодые жеребчики, уже больше не халтурята, но еще не превратившиеся в зрелых мужчин-дарсайцев. Приглядитесь повнимательнее вот к этому! Я не знаю его имени, но мне говорили, что впоследствии он совершил кражу и стал тем, кого дарсайцы зовут рейчполом. Какова его дальнейшая судьба?.. Хотите взглянуть и на другие снимки?

— Конечно, но в другой раз. А пока мне хотелось бы получить копии вот этих двух. Изучение их представляет немалый интерес.

Хоу нажал на рычажок, и два свежих отпечатка скользнули в приемный лоток.

— Прошу вас, сэр.

— Спасибо.— Джерсен засунул снимки к себе в карман.

Хоу точно таким же образом поступил с деньгами.

— Мне уже пора поторапливаться,— сказал Джерсен.— Покажите, где расположен Лог Джемили, или, еще лучше, сообщите его координаты, и я отправлюсь по своим делам.

Хоу прикоснулся пальцами к паре клавиш и вручил распечатку Джерсену.

— Вы скоро вернетесь?

— Через день или два.

— Наша беседа, разумеется, конфиденциальна.

— Ни о чем другом не может быть и речи. Это касается обеих сторон.

— Естественно.— Хоу проводил Джерсена до самого выхода.— Желаю всего наилучшего и надеюсь еще с вами встретиться.

* * *

В магазине по продаже туристского снаряжения Джерсен взял напрокат скиммер последней модели и одежду для пустыни. Из-за нерасторопности клерка на это ушло неоправданно много времени, что едва не довело Джерсена до состояния нервного срыва. Ему все чудилось, что Бэл Рук уже давно на полной скорости мчится к Логу Джемили, и пришлось изрядно попотеть, чтобы беспокойство не бросалось в глаза окружающим. Как только летательный аппарат оказался в полном его распоряжении, Джерсен вскочил в кокпит, захлопнул обтекатель, поправил у себя над головой защитный экран, снижающий интенсивность солнечного излучения, и поднял аппарат в воздух. Промчавшись на небольшой высоте через водяную завесу, он резко взмыл в небо, оставив за собой скопление зонтов Сержеуса, и взял курс на запад.

Введя в автопилот координаты Лога Джемили, Джерсен разогнал машину до максимальной скорости и только после этого облегченно откинулся на спинку сиденья. Проносившаяся далеко внизу пустыня раскрывалась перед взором Кирта во всем своем разнообразии: равнина, покрытая крупной галькой, сменилась лабиринтом каньонов, стены которых были добела выскоблены ветрами, затем на много миль потянулись светлые пески, изборозжденные рябью барханов и заканчивающиеся у поселка из трех зонтов, обозначенного на карте как «Сень Фотерингя». Далеко к северу виднелся единственный зонтик «Сени Дутга».

Прошел час, за ним другой. Кора в своем движении по небосводу отставала от скиммера, уходя постепенно к северу, по мере того как скиммер все больше и больше отклонялся к югу.

Внизу показался одинокий зонтик, необитаемый и заброшенный,— «Сень Гэннета», согласно карте. Ни капли воды не стекало с его краев, опустевшие дамбы покосились, некогда пышные деревья и кусты превратились в искореженные жаром скелеты. Джерсен бросил взгляд на карту: до Лога Джемили, обозначенного маленькой красной звездочкой, оставалось еще не менее часа полета.

По мере приближения к цели Джерсен все больше и больше нервничал. В зависимости от того, где в данный момент находится Кахоуз, Джерсен, по произведенной им прикидке, или имел час преимущества перед Бэлом Руком, или проигрывал ему от двух до трех часов. Если Бэл Рук поспеет в Лог Джемили раньше него, избежать серьезной опасности вряд ли удастся.

На горизонте показалось невысокое плато, а рассекающий его широкий овраг и был Логом Джемили. Джерсен заметил временный зонт, сооруженный из труб и металлизированной защитной пленки. Сооружение было повреждено: зонт сильно наклонился в сторону, водяная завеса вокруг него была не сплошной, а состояла из разрозненных струй и отдельных брызг. Под зонтом виднелись три лачуги. Одна из них частично развалилась, состояние двух других было не намного лучше. В пятидесяти метрах к югу, прямо под немилосердными лучами Коры, стоял сарай для инструмента, сооруженный из смоловолоконистых досок*, а рядом валялась в беспорядке различная горная техника.

Сбросив высоту и облетев «Сень», Джерсен признаков жизни не обнаружил. Совершив еще один крут, он посадил скиммер неподалеку от хижин. Стоило ему опустить обтекатель, как в кабину ворвался горячий воздух из пустыни. Джерсен прислушался: только еле слышный плеск лениво стекающей воды и вздохи ветра среди ферм зонтика нарушали мертвую тишину вокруг.

* Некоторые виды болотных водорослей под давлением в нагретом состоянии выделяют особую смолу, которая при последующем охлаждении связывает волокна в водостойкий материал, из которого нарезаются пригодные для строительных работ доски. (Примечание автора.)

Почувствовав, как запылало от зноя лицо, Джерсен набросил на голову капюшон и включил индивидуальный кондиционер. Затем защитил глаза полусферическими очками в металлической оправе и просунул ноги в особую обувь для раскаленной пустыни. Выбравшись из скиммера, внимательно осмотрел местность. С одной стороны до самого горизонта простиралась пустыня, с другой находились загрузочный бункер, полуразвалившийся транспортер и груда темно-серого песка, обозначавшие местонахождение рабочей площадки Кахоуза. С краев покосившегося зонтика то в одном месте, то в другом стекали прерывистые струйки воды. Самого Нихеля Кахоуза нигде не было видно, и в душу Джерсена закралось щемящее чувство крушения надежд.

Заглянув в каждую из трех хижин, он обнаружил только всякий хлам и кое-какую полуразвалившуюся мебель. В четвертом строении, в пятидесяти метрах южнее, размещались, по-видимому, силовой блок, колодец и водяной насос. Джерсен вышел на открытое пространство и направился к сараю. Его внимание привлекла какая-то искорка в небе. Он застыл как вкопанный и тут же сообразил, что это летательный аппарат — примерно такой же, как и у него, скиммер.

В радостном возбуждении Джерсен вбежал в отбрасываемую зонтом тень. Если на борту скиммера Бэл Рук, значит, он еще не нашел Нихеля Кахоуза. Джерсен скользнул в кокпит своего скиммера и, включив двигатель, перегнал его за груду просеянного песка. Набросав поверх машины несколько покореженных листов, когда-то служивших покрытием для зонта, Джерсен вполне приемлемо замаскировал скиммер, а сам, вооружившись лучемером и пистолетом, затаился за грудой песка. Здесь он потревожил трех похожих на скорпионов тварей, с добрый фут в длину, с туловищем, испещренным белыми и коричневыми пятнами, и оранжевым подбрюшьем. Угрожающе встопорщив несколько рядов ярко сверкающих чешуек, размахивая заканчивающимися острым жалом хвостами и злобно сверкая глубоко утопленными изумрудными глазами, бестии стали окру-

жать Джерсена. Он уничтожил их короткими импульсами из пистолета, сопровождавшимися громкими хлопками.

Затем Джерсен снова взглянул на небо. Снижающийся скиммер уже исчез за зонтиком. Место, где притаился Джерсен, вряд ли можно было считать хорошим укрытием. Он пригнулся к земле и бросился к дощатому сараю. Забежав за него, он едва не угодил в небольшое углубление, заполненное доброй дюжиной гревшихся в лучах Коры скорпионов. Пришлось убить и этих, после чего Джерсен распластался на земле и затих.

Прилетевший скиммер — покрытый черной и зеленой эмалью аппарат, несколько больше того, что взял напрокат Джерсен, — скользнул под зонт и опустился на поверхность. Из него выбрались двое дарсайцев, прекрасно подготовленных для длительного пребывания в пустыне. Лица их, скрытые под капюшонами и светозащитными очками, были неразличимы. Оттила Пеншоу, телосложение которого было уже знакомо Джерсену, среди них, во всяком случае, не оказалось. Состояние зонтика на них, как и на Джерсена, произвело явно удручающее впечатление.

Надвинув капюшоны подальше, они направились к хижинам. Едва заглянув в первые две, принялись обсуждать увиденное, оживленно показывая руками то в одном, то в другом направлении. Джерсену очень хотелось узнать, что их так заинтересовало. Вряд ли они рассчитывали встретить здесь Джерсена. Тогда что же они искали? Акции «Котзиш»?..

Возле третьей хижины гости задержались на более долгое время. Поза одного из них выражала удовлетворенность увиденным. Войдя внутрь, он вскоре вышел оттуда с металлическим ящиком в руках. Ящик явно был тяжел. Поставив ящик на землю, дарсаец отбросил крышку, ощупал содержимое и сделал непонятный жест головой, который можно было истолковать как угодно. Второй закрыл крышку и перенес ящик в скиммер. Его спутник тем временем повернулся лицом к дощатому сараю и, мгновение подумав, подал товарищу знак, после

чего они пересекли залитое ярким светом пространство, отделяющее сарай от зонта. Один открыл нараспашку дверь сарая, заглянул внутрь и тотчас же, ошеломленно вскрикнув, отпрыгнул назад. Джерсен, притаившийся с тыльной стороны, приложил глаз к трещине между досками. При открытой наружу двери внутреннее пространство сарая просматривалось довольно неплохо.

— Что здесь? — спросил, подойдя к двери сарая, второй дарсаец.

Первый красноречиво взмахнул рукой:

— Взгляните-ка сами.

— Ази ачи!*

— Там все провоняло. И кишмя кишат дьяволы.

— Они тоже издают мерзкое зловоние. Вот пакость!

Что ж, бумаг здесь не оказалось.

— Не спешите с выводами. Шригу** хочется набрать тысячу двести акций. К этому надо отнестись со всей серьезностью.

— Отдайте ему ту сотню, которую удалось раздобыть, и посетуйте на то, что отыскать больше нет никакой возможности.

— Вероятно, именно так и придется поступить. Какая чушь!.. Разве стал бы Кахоуз, если у него было хоть

* Дарсайское выражение фаталистического восприятия происходящего: «Быть по сему!» или: «Такие вот дела!». Однако это нисколько не означает, что дарсайцы с достоинством или философски спокойно смиряются с несчастьями, — нет, им свойственно без всякого стеснения роптать на судьбу. Выражение «Ази ачи!» указывает на окончательное признание поражения или, как в данном случае, неотвратимости силы судьбы. (Примечание автора.)

** Шриг — личинка болотного животного, примечательная замысловатой танцующей манерой передвижения на паре расположенных у самого хвоста ног. Шриги достигают до полутора метров в высоту и излучают желтое фосфоресцирующее свечение. По ночам они сотнями танцуют на болотах, придавая местности загадочный и внушающий суеверие ужас. В данном контексте это слово использовано в переносном смысле, оно символизирует дилетантскую непрактичность некоего лица, оторвавшегося от реальной жизни. (Примечание автора.)

малейшее желание сберечь свои акции, хранить их здесь?

— Ха-ха! Кахоуз был известный кутила! Он, может быть, разорвал их в клочки и швырнул в сансуум*, проклиная все на свете. Об изысканности его ругательств ходят легенды. Так, во всяком случае, мне рассказывали.

— Он уже больше никогда не будет упражняться в изощренной ругани.

— Давайте сматываться из этого мерзкого места. День для нас, в общем-то, оказался потраченным не зря — мы увозим с собой песок, которым поделимся!

— Шриг очень хочет заполучить свои акции назад, он говорил об этом в самых высоких тонах. Хоть я и Бэл Рук, но и я не без страха.

— Даже страх не сможет привести к появлению несуществующих акций.

— Верно... Давайте-ка еще разок осмотрим лачуги.

С этими словами оба повернулись и отправились под зонт.

— Господа, — раздался голос у них за спиной. — Ни шагу дальше. Не оборачиваться! Смерть смотрит прямо вам в спины.

Дарсайцы вздрогнули и остановились.

— Медленно поднимите вверх руки... Выше!.. А теперь вперед, к центральной опоре зонта. И не оборачивайтесь.

Джерсену хватило на все десять минут. Двое дарсайцев назвали свои имена: Бэл Рук и Клеандр. Они стояли лицом к решетчатой конструкции центральной опоры с туго натянутыми на глаза капюшонами и были надежно привязаны к опоре матерчатыми полосами, сделанными из их собственных одеяний. Когда Джерсен убедился в полнейшей беспомощности своих пленников, он тщательно обыскал их, забрав лучеметы, а у Бэла Рука еще и кинжал. Потом он проверил содержимое ящика,

* Сансуум — вечерний бриз, следующий за солнцем по всей планете. (Примечание автора.)

который они вынесли из лачуги. В нем оказалось не менее двадцати килограммов черного песка. На сиденье скиммера валялась сумка Бэла Рука, в ней Джерсен обнаружил сертификаты «Котзиш» на общую сумму в сто десять акций, которые он тут же присвоил. Затем он вернулся к пленникам, пытавшимся ослабить стягивающие их путы.

— Надеюсь на правильное понимание ситуации,— сказал Джерсен.— В каком-то смысле сегодняшний день оказался для вас весьма удачным. Я забираю себе те несколько акций «Котзиш», которые нашел в оставленной в скиммере сумке, а взамен оставляю десять севов. Поскольку акции фактически не стоят ничего, у вас есть все основания радоваться. Я также забираю с собой и черный песок, принадлежащий Кахоузу.

И Клеандр, и Бэл Рук воздержались от каких-либо комментариев.

— Советую вам не спешить к свободе,— продолжил Джерсен.— Если вам удастся освободиться, я буду вынужден убить вас.

Плечи Клеандра сникли. Бэл Рук продолжал стоять в напряженной, непримиримой позе. Джерсен еще несколько секунд наблюдал за ними, затем направился через залитое ярким светом пространство к сараю. Бэл Рук и Клеандр оставили дверь распахнутой. В ярких лучах была отчетливо видна беспорядочная груда хрящей и сухих костей вперемешку с обрывками белой материи. Нихель Кахоуз умер, скорее всего, пораженный электрическим током, когда предпринял попытку отремонтировать насос. Скорпионы дюжинами окружали его останки. Это они посрыгивали с него одежду, чтобы устроить пиршество над трупом.

Как правильно заметили Бэл Рук и Клеандр, зловоние внутри сарая превышало все доступные нормальному человеческому воображению границы.

Джерсен вернулся к загрузочному бункеру, нашел лопату, снова прошел к сараю и полувыгреб-полусоскреба останки Нихеля Кахоуза на песок. Скорпионы в ярости зазвенели своими чешуйками и выпучили до предела

сверкающие злобой глаза. Джерсен поубивал их. На этот раз он использовал в качестве оружия лопату.

Удалив в конце концов из сарая останки Кахоуза скорпионов, Джерсен быстрым шагом вернулся под зонт и проверил состояние пленников.

— Сколько вы еще намерены продержаться нас здесь? — невозмутимо спросил Бэл Рук.

— Теперь уже совсем недолго. Наберитесь терпения.

Джерсен вернулся к сараю. Зловоние несколько уменьшилось, новые скорпионы не появлялись. Джерсен осторожно прошел внутрь. Первым делом он отключил электропитание на главном пульте, затем повернулся взглянуть на то, что увидел раньше через щелку.

Нихель Кахоуз воспользовался своими бумагами для того, чтобы обклеить стены сарая вместо обоев. Клей на жаре потерял свои клеящие свойства, и сертификаты отделялись от досок без каких-либо трудностей.

Джерсен отнес спасенные сертификаты под тень зонтика и просуммировал количество акций, которые они представляли. Их оказалось шестьсот. С учетом ста десяти, изъятых у Бэла Рука, общее количество акций, находящихся теперь в его распоряжении, составляло ровно две тысячи.

Джерсен вернулся к пленникам. Бэл Рук, перетирающий свои путы о металлоконструкцию, уже почти высвободился. В ответ Джерсен связал его более надежно.

— Господа, — объявил он, — сейчас я вас покину. Бэл Рук своими действиями наглядно продемонстрировал, что примерно за час вам удастся освободиться.

Бэл Рук не удержался, чтобы не спросить:

— Почему вы забрали у меня акции «Котзиш»? Ведь толку от них никакого.

— В таком случае зачем вы их таскаете с собой?

Голос Бэла Рука стал грубовато-насмешливым:

— В Сержеузе какой-то идиот-искиш платит деньги за эту макулатуру.

— На акции «Котзиш» почему-то вдруг возник спрос, — сказал Джерсен. — Наверное, безухому бродя-

ге Ленсу Ларку взбрело в голову вернуть деньги, которые он украл*.

Бэл Рук и Клеандр не отважились что-нибудь возразить.

Джерсен бросил последний взгляд в их сторону, затем перенес ящик с черным песком в свой скиммер и покинул Лог Джемили.

* * *

Кора уже довольно низко опустилась к горизонту, когда Джерсен посадил скиммер на песок рядом со своим гипервельботом. Переправив на борт вельбота ящик с черным песком и акции «Котзиш», он вернулся в скиммер, проскользнул сквозь водяную завесу и возвратил скиммер прокатному агентству.

Задержавшись у входа в «Турист», Джерсен несколько секунд подождал, пока внимание Дасуэлла Типпина не будет чем-то отвлечено, и быстро прошмыгнул мимо конторки портье. Поднявшись к себе в номер, он принял душ и переоделся, после чего снова появился в вестибюле, на сей раз делая все, чтобы Типпин его заметил.

— Добрый вечер,— поздоровался он с Типпином, когда тот знаком подозвал его к стойке.

— В самом деле добрый... Где это вы были весь день?

Джерсен встретил вопрос долгим пристальным взглядом. А когда Типпин потупил взор, спросил:

— Почему это вас интересует?

— Кое-кто пытался осведомиться, находитесь ли вы у себя.

— Кто именно?

— Бэл Рук, раз уж вам так хочется знать, и притом всего десять минут назад. Он утверждает, что вы ограбили его, повстречав где-то в пустыне.

— Ну как же я мог ограбить Бэла Рука,— совершенно спокойным голосом ответил Джерсен,— если весь сегодняшний день не выходил из своего номера?

* Для дарсайцев такие выражения, как «кража», «грабеж», «воровство», имеют особо язвительный смысл. (Примечание автора.)

— Не знаю. Вы в самом деле находились в номере?
— У вас на сей счет иное мнение?
— Не могу сказать ничего определенного.
— Разве не в первый раз за весь день вы меня сейчас видите?

— Разумеется, в первый.
— И ведь я только сейчас спустился в вестибюль, верно?

— Да.
— Вот и передайте Бэлу Руку, что, насколько вы в состоянии судить, я весь день не выходил из номера.
— Но разве так было на самом деле? — раздраженно вскричал Типпин.

— Насколько вы в состоянии судить об этом, именно так. — Джерсен развернулся и вышел на веранду, где расположился за прикрытым ширмой столиком и пообедал в свое удовольствие.

Из вестибюля вышел Типпин. Обшарив взглядом всю веранду, он в конце концов все-таки узрел Джерсена и тотчас же поспешил к нему. Бухнувшись в кресло напротив, произнес взволнованно:

— Бэл Рук угрожает мне. Он утверждает, что я с вами в сговоре, и называет меня грабителем. Он обещает отправить меня в «Сень Сэнгвая»*. Вы понимаете, что это значит?

— По всей вероятности, ничего хорошего.

— Это означает гнусные дарсайские пляски под плетью... Что вы так насмешливо на меня смотрите? Такое уже случалось. Я точно знаю!

— Когда Бэл Рук угрожал вам?

— Всего лишь пять минут назад! Я разговаривал с ним по телефону и сказал ему, что, насколько мне известно, вы не покидали пределов Сержеуза. Услышав от меня такое, он просто взбеленился.

* «Сень Сэнгвая» — изолированный поселок на Адской Равнине, население которого составляют бандиты, рейчполы и бродяги. Именно в «Сени Сэнгвая» перекупщик «Зюдо Нонимус» повстречался с Ленсом Ларком, а затем описал эту встречу в «Воспоминаниях странствующего коммерсанта». (Примечание автора.)

— Где он сейчас?

— Не знаю. По-моему, где-то в Сержеузе.

— Ну-ка, поглядите вот сюда.— Джерсен извлек перечень, подготовленный для него Джианом Аддельсом.— Когда вы приобретали акции для меня, у кого вы их покупали? Отметьте фамилии прежних владельцев.

Типпин пробежал взглядом по списку без особого интереса, затем сделал несколько пометок авторучкой:

— Вот. Вот. Вот.— Он с отвращением отшвырнул авторучку.— Форменное безумие! Если Бэл Рук увидит меня сейчас, он живьем сдерет с меня шкуру!

— Сегодня у него при себе было сто акций. Где он их взял?

Типпин с ужасом поглядел на Джерсена:

— Значит, вы на самом деле его ограбили?

— Я вошел во владение собственностью, на которую он не имел никаких прав. Ведь ограбил-то склад «Котзиш» Ленс Ларк.

— Такие доводы на дарсайцев не действуют,— прошептал Типпин.— Будем вместе плясать в «Сени Сэнгвая».— Он отвернулся и обвел взглядом площадь.— Мне придется покинуть Сержеуз, больше здесь оставаться нельзя.

— И куда же вы хотите податься?

— Домой. В Свенгай. Когда-то там у меня были кое-какие неприятности, но сейчас все уже, безусловно, давно позабыто.

— Значит, нет проблемы. Берите билет на первый же отправляющийся с Дар Сай звездолет.

Типпин всплеснул руками:

— А где мне взять деньги? Была у меня здесь одна женщина, так она дочиста меня обобрала.

Джерсен набросал записку на листе бумаги, прибавил к ней сто севов и протянул Типпину:

— Вот письмо Джиану Аддельсу из Нью-Вэксфорда на Элойзе. Он выплатит вам тысячу севов и найдет работу в Нью-Вэксфорде, если вы пожелаете там остаться. Только советую ничего не говорить своей женщине о том, что вы уезжаете, хотя это нисколько меня и не

касается. Если она обобрала вас здесь, она проделает с вами то же самое и в любом другом месте.

Типпин взял деньги и записку одеревеневшими пальцами:

— Спасибо... Ваш совет весьма кстати... Даже очень кстати. Уезжаю завтра же. Как раз завтра стартует корабль за пределы системы Кору.

— Никому не говорите о том, что уезжаете, — повторил Джерсен. — Просто возьмите и сорвитесь.

— Да, именно так я и поступлю. Когда обнаружится мое исчезновение, это станет кое для кого огромным сюрпризом, не так ли?

— Вернемся к акциям «Котзиш»... Где Бэл Рук достал имевшиеся у него сто акций?

— Ну... Двадцать он приобрел у меня, остальные раздобыл в районе отсева Мелби.

— Отметьте их в этом списке.

Типпин внимательно просмотрел весь список и поставил несколько отметок.

— В отношении остальных акций у меня нет полной уверенности, — сказал он. — Оставшиеся на руках мелких акционеров сосредоточены в основном вдоль Раздела, какая-то небольшая часть — в Красной пустыне. Сейчас вы никого из этих акционеров не застанете дома: все они уже держат путь в Динклтаун, на Большой хадавл. Там же обязательно будет и Бэл Рук, если ему еще нужны акции «Котзиш».

— Почему «Котзиш» так нужна Пеншоу?

— Когда говорите «Пеншоу», произносите уж лучше «Ленс Ларк».

— Тогда для чего нужна компания «Котзиш» Ленсу Ларку?

Типпин снова обвел взглядом площадь:

— Понятия не имею. Пеншоу считает, что Ленс Ларк совсем сошел с ума. У него были какие-то неприятности с мезленцами, и теперь он помешан на том, чтобы отомстить им. Из всех живущих на белом свете людей больше всех опасаться следует именно его. Вообразите себе насекомое в человеческом облике... Ой, глядите! Сюда направляется Бэл Рук!

— Сидите спокойно! Он не причинит вам никакого вреда. Его сейчас интересует только моя особа.

— Он уведет меня с собой!

— Откажитесь уходить. Вообще ничего не говорите. Просто отказывайтесь выполнять любые его распоряжения!

Дыхание Типпина участилось, он готов был заскулить, как собака. Джерсен с отвращением посмотрел на него:

— Возьмите себя в руки.

На веранду вошел Бэл Рук и как ни в чем не бывало, исполненный чувства собственного достоинства, неторопливо прошествовал к столику Джерсена. С подчеркнутой изысканностью в движениях он подтянул к себе кресло и сел.

— Я, кажется, прервал весьма конфиденциальный разговор?

— Ни в коей мере, — с дрожью в голосе ответил Типпин. — Я обязан представить вас... Кирт Джерсен... Бэл Рук, лицо очень влиятельное на Дар Сай. — Затем, приняв отчаянную попытку блеснуть остроумием, добавил: — У вас очень много общего — обоих одинаково интересует все, что связано с финансами.

— О, между нами общего намного больше, — сказал Бэл Рук.

Он откинул капюшон, открыв взорам Джерсена и Типпина худое загорелое лицо, массивные скулы и обрезанные уши. Заметив взгляд Джерсена, он произнес:

— Да, я — рейчпол. Мой клан сурово обошелся со мной. Я, однако же, в долгу не остался и несколько не сожалею о случившемся. — Он подал знак официанту: — Принесите мне литр пива, а этим джентльменам — то, что им больше по нраву.

— Мне — ничего, — сказал Джерсен.

— А мне — рюмочку «Тиволи», — робко произнес Типпин.

Бэл Рук умышленно долго задержал взгляд на Джерсене, так долго, что это могло бы показаться оскорбительным.

— Значит, Кирт Джерсен?.. И откуда же вы родом?

— С Альфанора, одной из планет Скопления.

— И это вы интересуетесь акциями «Котзиш»?

— Только в тех случаях, когда их можно приобрести недорого. Вы хотите мне предложить какое-то количество акций?

— Мне нечего предложить после того, как я был ограблен сегодня вашими собственными руками.

— Вы, безусловно, ошибаетесь, — возразил Джерсен. — Типпин намекнул мне на что-то подобное. Не знаю, удалось ли мне разубедить его.

— Если вам удалось его убедить в своей непорочности, то он еще больший дурак, чем я считал раньше. Давайте пойдем по порядку. — Дарсаец протянул руку. — Во-первых, верните мои акции.

Джерсен, улыбнувшись, отрицательно покачал головой:

— Невозможно.

Бэл Рук откинулся на спинку кресла и повернулся к Типпину:

— Узы нашей дружбы держатся на волоске. И только по вашей вине.

— Вовсе нет! — возразил Типпин. — Никким образом! Да разве бы я посмел?!

— Придется еще раз вернуться к этому вопросу. — Бэл Рук поднял кружку с пивом и, одним глотком осушив почти половину, небрежно плеснул остатки в лицо Джерсена.

Однако богатый опыт подобных столкновений подсказал Джерсену, какой оборот примут дальнейшие события, и он отклонился в сторону, благополучно избежав выплеснутой зловонной жидкости, и тут же подняв стол, швырнул его в грудь Бэлу Руку. Тот опрокинулся назад и распростерся на полу веранды.

К ним робко подошел официант:

— Господа, в чем дело?

— Бэл Рук выпил чуточку лишнего, — спокойно заметил Джерсен. — Выведите его отсюда, пока он себя не покалечил.

Официант помог Бэлу Руку подняться на ноги, затем водворил на прежнее место стол.

Джерсен с холодным безразличием следил за Бэлом Руком. Тот стоял неподвижно, соображая, как поступить дальше. Не найдя, очевидно, приемлемого решения, Бэл Рук развернулся и покинул веранду.

— Он пошел за оружием,— испуганно произнес Типпин.

— Нет. Сейчас у него на уме совсем другое.

— Для меня теперь нет хода назад,— захныкал Типпин.— Или «Сень Сэнгвая», или бегство без малейшей надежды на возвращение.

Джерсен протянул Типпину купюру достоинством в пятьдесят севов:

— Оплатите мой счет, в том числе и завтрашний день. Я, наверное, тоже покину Сержеуз.

— И куда же вы направитесь? — уныло поинтересовался Типпин.

— В точности еще и сам не знаю.— Джерсен рывком поднялся из-за стола.— Прошу прощения. Мне нужно поторапливаться.

Вбежав в свой номер, он схватил кое-что из снаряжения, мигом спустился вниз и, покинув гостиницу, побежал через площадь, направляясь к «Сени Скансела». Там он остановился и бросил взгляд на Диндар-Хауз. В окнах конторы Пеншоу горел свет. Не имея в запасе ни секунды лишнего времени, Джерсен проверенным способом взобрался на карниз под окном офиса Литто, извлек детектор и подключился к токопроводящей дорожке, которую напылил на стенку при ночном посещении Диндар-Хауза. В наушниках тотчас же послышался гор-
танный голос Бэла Рука:

— ...совсем не так легко, как кажется. Они рассеяны по всей территории Раздела.

— Они соберутся в Динклтауне на хадавл. Во всяком случае, большинство из них.

— Но из этого вовсе не следует, что все пойдет как по маслу,— ворчливым тоном произнес Бэл Рук.— Старатели не такие уж остолопы, они учуют подвох и станут требовать полную цену.

— Такое не исключено... О, прекрасная мысль! В одном из хадавлов поставьте на кон определенную сумму.

В качестве ответной ставки можно объявить сотню акций «Котзиш». Пусть роблеры* сами и соберут нужные нам акции.

Бэл Рук недовольно крикнул:

— И как после этого подступиться к победителю?

В голосе Пеншоу прорезались злобно-насмешливые нотки.

— Неужели мне всегда нужно вдаваться во все мельчайшие подробности?

— На словах вы уже один раз здорово разделили под орех Джерсена... или как его там на самом деле зовут?

— Тут ситуация совсем иная. Джерсена на хадавле не будет.

Бэл Рук громко и сочно фыркнул:

— Это вы говорите. А если он там будет?

— Вам снова предоставляется полная свобода действий. Коршун совсем не прочь перекинуться словечком с этим Джерсеном.

— Вот пусть Коршун и примет сам участие в хадавле. Пусть покажет свою хваленую технику.

— Возможно, он, вопреки моим рекомендациям, возьмет да и появится там, чтобы оценить критически выполняемую вами работу.

В голосе Бэла Рука внезапно возникли нотки сомнения.

— Вы в самом деле считаете, что такое возможно?

— Нет. Не считаю. Он полностью одержим осуществлением своего потрясающего замысла.

Теперь голос Бэла Рука звучал гораздо спокойнее:

— Пока он не доведет до конца свою очередную выходку, вся его энергия только на нее и будет направлена.

— Но может наступить преждевременный конец, если он потеряет «Котзиш».

— Я в состоянии сделать только то, что в моих силах. Этот Джерсен — малый не промах. Правда, он по-

* Роблеры — участники хадавла. (Примечание автора.)

чему-то не удосужился меня убить, когда такая возможность ему представилась.

Пеншоу злорадно прыснул:

— Он не считает вас такой уж большой угрозой.

Бэл Рук ничего не ответил.

— Что ж,— произнес Пеншоу,— постарайтесь проявить себя с наилучшей стороны. Начиная с этой минуты я больше не буду давать вам советы, как и куда ставить ногу при каждом следующем шаге. Вы слывете искусным роблером. Запишитесь в число участников объявленного хадавла и возвращайтесь с выигрышем.

— Эта мысль мне и самому пришла в голову.

— Каким угодно способом вам необходимо собрать не менее семисот акций. Только в этом случае, независимо от того, нашел или нет Джерсен акции Кахоуза, мы будем в полной безопасности. А теперь мне пора возвращаться в постель. Принятый в Твонише распорядок дня хуже всякого надсмотрщика. Эти проклятые мезленцы начинают день с первыми лучами Кору, как раз тогда, когда порядочные воры, вроде вас и меня, только заканчивают предыдущий. О, почему я должен расплачиваться за прихоти Коршуна?! Не будь все так забавно, я бы взвыл от горя.

— Для меня это совершенно непостижимо,— проворчал Бэл Рук.— Меня это совершенно не касается.

— Тем лучше! Не то все наши действия станут не столь эффективными, как обычно.

— Когда-нибудь, Пеншоу, я откручу вам голову.

— Когда-нибудь, Бэл Рук, я подмешаю яда в ваше мерзкое пиво. Если только, разумеется, мы не потеряем «Котзиш», а Коршун не прогуляется по нашим задницам своим «Панаком».

Бэл Рук издал какой-то утробный звук, и на этом разговор прекратился.

Джерсен подождал еще какое-то время в надежде, что Бэл Рук кому-нибудь позвонит по телефону, но в конторе Пеншоу воцарилась тишина, и Джерсен отправился назад, в гостиницу.

Глава 10

«Крылатый Призрак» мчался на восток, на встречу ослепительным лучам Коры. Пустыня внизу не отличалась особым разнообразием красок: преобладали приглушенные розовые, коричневые и светло-желтые тона. Отдельные участки казались покрытыми слюдой, перемешанной с серой.

Невысокие дюны вскоре сменились цепью светло-красных холмов, за ними простиралось на много сотен миль плато, покрытое чахлой пустынной растительностью: переливающимися, как шелк, ковылями; похожими на медовые соты кактусами; желтым чертополохом; хрупкой, как стекло, сорной травой; пурпурными, на тонких ножках, грибами.

Зонтики, с которых стекала на песок живительная влага, теперь попадались лишь на значительном удалении друг от друга. На карте они были обозначены как «Сень Бантера», «Сень Рута», «Сень Зануды Нола». В этих затерянных в пустыне общинах дарсайские обычаи сохранились в наиболее нетронутом виде. Затем впереди показалась безжизненная пустыня Тервиг, и зонтиков больше уже нигде не было видно.

Пустыню Тервиг, испепеленную лучами Коры котловину, устланную красно-коричневой пемзой, один впечатлительный писатель, забредший в эти края, назвал «подом преисподней, извлеченным на свет божий». Дальний край пустыни упирался в частокол из отбеленных ветрами утесов. За ними простиралась скалистая местность, сильно подвергшаяся ветровой эрозии, а затем к северу, востоку и югу снова видна была только казавшаяся бесконечной унылая пустыня. Однако и ей существовал предел, обозначившийся появившимися на горизонте пятью зонтами Динклтауна.

Приблизившись к городку, Джерсен сделал над ним полный круг. Взлетно-посадочная площадка находилась на западной окраине. Там виднелось немалое количество самых разнообразных летательных аппаратов: два не больших грузовых звездолета, пять космических яхт

различных моделей, десятки пустынных скиммеров, аэрокаров и воздушных фургонов.

Джерсен посадил свой вельбот вблизи водяной завесы. Одевшись как дарсаец и вооружившись, он выбрался наружу. В лицо тут же полыхнул нестерпимый жар, что заставило Джерсена поскорее пройти через водяную завесу. Взору представилось беспорядочное нагромождение дамблов, из которых доносились едкие запахи и громкие голоса. Пройдя по извилистым проходам между куполами, Джерсен вышел на площадь, оказавшуюся далеко не столь просторной, как Центральная площадь в Сержеузе. Скромные кров и стол иностранца предоставляла одна-единственная гостиница.

Запросы прибывших на празднество дарсайцев удовлетворялись на многочисленных открытых верандах пивных, расположившихся по краям площади и утопающих в листве раскидистых деревьев. Перед фасадом гостиницы рабочие заканчивали последние приготовления для открытия хадавла. Мостовая была расчерчена несколькими концентрическими крутами. Сиденья для зрителей размещались на двух небольших трибунах, компанию им составляли несколько рядов скамеек.

Джерсен пересек площадь и подошел к гостинице. На веранде перед входом сидело чуть больше десятка мезленцев. Шеридин Ченсет среди них не было.

В гостинице Джерсену не смогли предложить ничего.

— Сейчас здесь собирается множество людей из различных кланов, — бесцеремонно ответил клерк. — Переспать можно и в кустах, как делает большинство приезжих!

Джерсен вернулся на веранду. Менее чем в трех метрах от него расположился молодой дарсаец с лицом лисицы. Компанию ему составлял Бэл Рук. Тот был в одежде искиша с белым тюрбаном на голове, скрывавшим изуродованные уши. Бэл Рук стоял спиной к Джерсену. Джерсен быстро приблизился почти вплотную и, спрятавшись за раскидистым высоким кустом, стал наблюдать за Руком сквозь зеленую листву.

Бэл Рук говорил энергично и настойчиво. Вынув из кармана пухлую пачку севов, он хлопал по ней ладонью

в такт произносимым словам. Молодой дарсаец кивал с серьезным видом, ловя каждое слово. К концу своей речи Бэл Рук протянул парню пачку денег и напутствовал его энергичным резким жестом. Парень в ответ щелкнул пальцами, что среди дарсайцев означало обещание выполнить просьбу, и отправился на противоположную часть площади.

Джерсен выждал еще пять секунд, затем последовал за парнем, держась от него на расстоянии.

Молодой дарсаец шагал быстро, с таким плембушем. Он пересек площадь, углубился в кусты, прошел мимо дюжины дамблов, нырнул в водяную завесу второго зонта и в конце концов вышел на вторую площадь, где присоединился к группе дарсайцев, распивавших пиво из жестяных банок. Он заговорил, и вскоре деньги разошлись по рукам его слушателей. Осушив до дна жестянки, все разбрелись в разные стороны, оставив парня, за которым следовал Джерсен, в одиночестве.

Джерсен присел на буторок в зарослях подорожника. На ногу к нему заползло какое-то насекомое. Джерсен смахнул его пальцами и направился на веранду одной из пивных, где расположился в неприметном месте и где ему тут же принесли банку пива.

Прошел час. Показался первый из дарсайцев, с которыми разговаривал подручный Бэла Рука. С собой он нес пачку бумаг, в которых Джерсен узнал акции «Кот-зиш».

Джерсен поднялся, вышел на площадь, прошелся вдоль низкого ограждения веранды, как бы рассматривая сидящих за столиками, и двинулся прямо к столику, за которым сидел молодой дарсаец с лисьим лицом.

— Меня зовут Джейд, — без лишних околичностей представился Джерсен. — Бэлу Руку пришлось обратиться ко мне за помощью. Первоначальный план претерпел изменения. За Бэлом Руком следят враги, и ему не хочется показываться на людях. Работать вы теперь будете через меня. Сколько акций вам удалось собрать?

— Пока что шестнадцать, — ответил парень.

— Как вас зовут?

— Делфин. А это Бартмен. — Он показал на дарсайца, только что принесшего акции.

— Очень неплохо, Бартмен, — произнес Джерсен. — Действуйте так и дальше. Постарайтесь раздобыть для нас как можно больше акций.

Бартмен особого рвения не выражал.

— Это не так-то легко сделать. Народ относится ко мне или как к дурачку, или как к жулику. А ведь у меня есть и своя гордость.

— Почему же ваша гордость ущемлена, если вы платите хорошие деньги за обесцененные бумажки?

— Они перестают быть обесцененными, как только кто-то начинает их покупать. Так ведь всегда, а особенно когда речь заходит об акциях «Котзиш».

— В таком случае повышайте тариф. Делфин, дайте ему еще денег для работы.

Делфин ворча отсчитал двадцать севов. Джерсен взял акции, сложил их вдвое и засунул к себе в карман.

— У меня осталось совсем немного наличности, — пожаловался Делфин. — Рук велел мне принести акции, и он тогда добавит денег.

— Это я сам улажу, — успокоил его Джерсен и достал приготовленный Джианом Аддельсом список. — Некому Лампетеру принадлежат восемьдесят девять акций. Разыщите его немедленно и купите его акции — естественно, как можно дешевле.

— Мне не добыть их даже за двадцать севов, — мрачно заметил Бартмен. — И где тогда мои комиссионные?

Джерсен уплатил ему двадцать севов из своих собственных денег.

— Принесите мне восемьдесят девять акций и не беспокойтесь о комиссионных — я вас щедро вознагражу.

Бартмен недоверчиво пожал плечами и удалился.

— Не забывайте ни на секунду — теперь вы работаете только через меня, — еще раз предупредил Делфина Джерсен. — Ни при каких обстоятельствах не подходите к Бзу Руку! Это может обрушить на вашу голову весь гнев хорошо всем нам известной хищной птицы. Понятно?

— Еще бы!

— Если же Бэл Рук все-таки попадется вам на глаза, постарайтесь любыми средствами избежать встречи с ним. Все дела вы теперь ведете только со мной.

— Ясно.

Появился еще один из посыльных Делфина. Он принес девять акций, за что получил от Делфина десять севов из денег Бэла Рука, и тут же был снова отослан. Джерсен присовокупил девять акций к первым шестнадцати. Теперь он располагал двумя тысячами двадцатью пятью акциями. Недоставало еще трехсот восьмидесяти шести.

Один за другим вернулись другие посыльные, принеся с собой в общей сложности сорок девять акций. Вернулся во второй раз и Бартмен. Настроение у него было подавленное.

— Молва распространяется быстро. Все сразу стали подозрительными, никто теперь не хочет расставаться с акциями. А те, кто уже продал, вне себя от ярости. Они называют меня жуликом и хотят получить свои акции назад.

— Об этом не может быть и речи,— сказал Джерсен.— А как там Лампетер?

— Вон он, сидит в «Беседке Вальта» и хлещет пиво,— Бартмен показал на противоположную сторону площади.— Тот старикан с носом крючком, видите?.. Он говорит, что продаст акции только по номиналу, ни на цент дешевле.

— За полную цену?.. Мы не платим таких денег за ничего не стоящие бумажки.

— Попробуйте-ка объяснить это Лампетеру.

— Я это обязательно сделаю.— Джерсен снова заглянул в список, задумался.— Вы знакомы с Феодором Диамантом?

— Кто ж его не знает!

— У него двадцать акций. Разыщите его и, если удастся, купите эти акции. Если нет — приведите его сюда.

— Ладно.— Бартмен снова ушел.

Джерсен пересек площадь и в «Беседке Вальта» подсел к пожилому мужчине с крючковатым носом.

— Это вы — Лампетер?

— Вы не ошиблись. А вы кто, если не ищиш?

— Верно, ищиш. В качестве приятного времяпрепровождения я скупаю потерявшие всякую стоимость ценные бумаги, по сути это с моей стороны не более чем блажь... Вот вам, например, какая польза от акций «Котзиш»?

— Да никакой!

— В таком случае, может быть, вы не прочь отдать их мне? Ну, скажем, за чисто символическую плату — десять севов за все гуртом.

Лампетер почесал кончик носа и ответил Джерсену ухмылкой во весь беззубый рот:

— Весь мой жизненный опыт говорит, что, когда кто-то хочет что-то купить, товар имеет свою цену. Свой товар я продам по той цене, по какой он обошелся мне, ни на цент дешевле.

— Но ведь это же неблагоприятно! — воскликнул Джерсен.

— Посмотрим... Если я получу запрашиваемую мной цену, то докажу, что был прав. Если же нет, то мне от этого хуже не станет.

— Акции вы носите при себе?

— Естественно, нет. Я считал их пустыми бумажками до сегодняшнего дня.

— Где они?

— У меня в дамбле, вон там.

— Давайте пройдемся за ними. Если вы клятвенно пообещаете мне, что никому ни слова не скажете о продаже этих акций, я заплачу вам восемьдесят девять севов.

— Восемьдесят девять севов? Это же почти оскорбительное предложение! Вы пытаетесь обжулить меня на две тысячи севов!

— Лампетер, присмотритесь-ка ко мне получше. Кого вы перед собой видите?

Лампетер, который уже нагрузился несколькими большими кружками пива, поглядел на Джерсена далеко не твердым взглядом.

— Я вижу зеленоглазого ищиша, который или жулик, или чокнутый.

— Считайте меня чокнутым. А теперь спросите у себя: сколько раз за те немногие годы, что вам осталось прожить, какой-нибудь чокнутый искиш предложит вам деньги за ничего не стоящую макулатуру?

— Ни разу, нисколько не сомневаюсь. Вот почему я должен с наибольшей для себя выгодой воспользоваться такой в кои-то веки представившейся возможностью.

— В таком случае два сева за акцию — предельная цена.

— Или по номиналу, или разошлись!

Джерсен поднял руки в знак поражения:

— Я уплачу четверть номинала, и это мое окончательное решение. Я и так уже остался почти без денег.

Лампетер допил пиво, аккуратно поставил кружку на стол и поднялся:

— Идемте. Я понимаю, что меня обманывают, но больше не могу терять время.— Он скользнул в узкий проход между густо разросшимися кустами и остановился перед темным входом в дамбл.— Одну минутку!..— Нырнув внутрь, он тут же снова вышел с засаленным конвертом.— Вот акции. Где деньги?

Джерсен взял конверт, вынул из него сертификаты и убедился в том, что они представляют точно восемьдесят девять акций.

— Вот и прекрасно. Идемте со мной. Я не ношу при себе таких огромных денег.

Он повел старика к водяной завесе, прошел полсотни шагов по периметру и двинулся к «Крылатому Призраку». Отперев люк, он предложил Лампетеру подняться на борт. Лампетер ответил ему подозрительным взглядом:

— Куда это вы хотите меня завести?

— Никуда. Не стану же я с вами расплачиваться прямо здесь, под горячими лучами солнца.

— Ладно, только побыстрее. Мой желудок снова требует пива.

Джерсен достал ящик с черным песком, отобранным им у Бэла Рука.

— Восемьдесят девять акций за четверть цены эквивалентны двумстам двадцати трем унциям.

Лампетер заплетающимся языком проворчал, что он предпочел бы наличные, на что Джерсен не обратил никакого внимания. Отвесив ровно двести двадцать три унции, Джерсен пересыпал песок в пустую банку из-под кофе и передал Лампетеру:

— Считайте, что вам очень повезло.

— И все же меня разбирает любопытство. Почему вы расплатились отменным черным песком за ни черта не стоящую макулатуру, которую я уже давно собирался выбросить?

Джерсен прикинул в уме:

— Мне нужно по меньшей мере еще двести сорок восемь акций. Отыщите нужное мне количество — и тогда я вам все объясню.

— И будете расплачиваться черным песком?

— Но не из расчета четверти номинала. У меня нет столько песка.

— Вряд ли такое количество акций можно раздобыть в Динклтауне. И все же давайте вернемся в «Беседку Вальта». Возьмите с собой ящик. Посмотрим, может быть, что-нибудь и получится. То ли десять, то ли двадцать акций есть у моего приятеля Джеуса. Не исключено, что он согласится продать их.

— Приведите своего приятеля на веранду пивной с противоположной стороны площади. Я сейчас должен вернуться именно туда.

Расставшись с Лампетером, Джерсен поспешил к Делфину. Его посыльные, все вместе, раздобыли всего тридцать одну акцию. Джерсен немедленно забрал их себе. А вот Барлмен еще привел с собой невысокого толстяка с большими черными глазами и носом, похожим на клюв попугая.

— Это толстяк Одо,— сказал Барлмен.— У него с собой пятнадцать акций «Котзиш».

— И что вы за них хотите, сэр? — спросил Джерсен.— Мне эти акции вообще-то уже ни к чему, и все же я готов выслушать ваши условия.

— Цена отпечатана на сертификатах,— заявил Одо.

— Как и подпись Оттила Пеншоу. И то, и другое сейчас не стоят даже тех чернил, которые были на них потрачены.

— В таком случае я вообще ничего не продаю. Почему это меня должен обвести вокруг пальца какой-то искиш? Мне сейчас будет ничуть не хуже, чем и час тому назад. До свидания.

— Минутку. Пятнадцать акций? Плачу четверть номинала, не больше.

— Невозможно.

— До свидания. Это мое окончательное решение.

— Погодите. Я согласен отдать за половину. Сегодня я добрый.

После длительного торга остановились на сорока унциях черни, и как раз к этому времени Лампетер привел своего приятеля Джеуса, такого же нелюдимого пропойцу, как и он сам. Лампетер показал на Джерсена хвастливым взмахом руки:

— Вон он сидит, чокнутый искиш, который расплачивается чернью за «Котзиш».

— Вот мои акции! — вскричал Джеус. — Их здесь восемнадцать, но вы от своих щедрот отвалите мне ровно сто унций!

— Тариф несколько поменьше, — ответил Джерсен. — Двадцать унций за все про все.

Развернувшийся между ними торг привлек внимание завсегдатаев веранды. Вскоре Джерсен был окружен дарсайцами, которые или предлагали одну-две акции, требуя за них номинальную стоимость, или возмущенно настаивали на том (это были люди, уже продавшие свои акции за гораздо меньшую цену), чтобы он доплатил разницу. Джерсен выскреб из ящика весь черный песок до самого дна, но приобрел в результате еще только сорок три акции. Общее количество акций, находившихся в его распоряжении, дошло до двух тысяч двухсот семидесяти, но ему все еще не хватало ста сорока одной штуки. Дарсайцы обступили его со всех сторон, энергично размахивая акциями, однако Джерсен теперь мог только сокрушенно качать головой.

— У меня при себе больше нет ни денег, ни песка. А деньги появятся только тогда, когда удастся обналичить чек в банке.

Запрашиваемая цена акций начала опускаться. Джерсена, который теперь был как никогда близок к цели, стало охватывать беспокойство.

— Дайте мне деньги, которые еще у вас остались, — попросил он Делфина.

— Всего только пять севов. Если учесть те огромные суммы, которые прошли через мои руки, это явно недостаточная плата за целый день работы.

— У Бартлена есть еще тридцать севов, за которые он не отчитался.

— И не отчитается. Возвращайтесь к Бэлу Руку, пусть дает еще денег.

— Мне даже страшно к нему обращаться. Я уже так много потратил... Но вы навели меня вот на какую мысль. Напишите записку: «Цены очень высоки. Передайте подателю этой записки еще двести севов... Делфин».

Делфин, хоть и без особого энтузиазма, записку написал. Его одолевали немалые сомнения — происходящее могло кого угодно сбить с толку, но кто он такой, чтобы задавать вопросы ополоумевшему искишу?

— А теперь, — сказал Джерсен, — отправьте ее Бэлу Руку, который непременно даст денег.

— Хардоуз! — крикнул Делфин. — Ну-ка, поди сюда! — Делфин отдал записку подошедшему дарсайцу. — Ступай к веранде перед гостиницей. Там найдешь рейч-пола в белом тюрбане с изумрудом на пряжке. Отдай ему эту записку. Он даст тебе денег, деньги сейчас же неси сюда. Живо!

Джерсен, терзаемый теперь неизвестностью, все равно обежал образовавшийся возле него круг из тех, кто предлагал акции, и позабирал все, до которых только мог дотянуться руками.

— Давайте мне ваши... и ваши... и ваши. Деньги получите у Делфина или сегодня же вечером у меня в гостинице. Делфин хорошо меня знает, он может поручиться за меня. В крайнем случае я с вами всеми рас-

считаюсь завтра или даже сегодня вечером, если Бэл Рук даст достаточно денег.

Некоторые из владельцев акций покорно с ними расставались, другие отдергивали руки и прятали акции. Джерсен больше уже не мог ждать и подозвал к себе Делфина:

— Давайте выйдем на площадь и удостоверимся в том, что Бэл Рук в самом деле где-то здесь и сможет дать денег.

Они расположились позади живой изгороди. Сквозь просветы в листве была видна гостиничная веранда, куда только что вошел Хардоуз. Бэл Рук восседал за столиком на самом видном месте. По всему чувствовалось, какое нетерпение он сейчас испытывает. Как только Хардоуз протянул ему записку, Рук тут же выхватил ее из пальцев посыльного, развернул и прочитал. Задумался на какие-то несколько мгновений, затем поднялся и что-то сказал Хардоузу, после чего они вместе покинули веранду и стали пересекать площадь.

— Мне кажется, дела у Бэла Рука далеко не блестящи, — спокойным тоном произнес Джерсен, обращаясь к Делфину. — Похоже, он сильно не в духе. Не попадайтесь ему на глаза. Если он вас увидит, то потребует отчета, и что вы тогда сможете ему сказать? Держитесь от него подальше, и для нас все обойдется.

— Я ничего не понимаю, — взволновано прошептал Делфин.

— Естественно. Но делайте так, как я говорю, и как только мне удастся получить в банке наличные по чеку, я щедро расплачусь с вами.

Услышав это, Делфин несколько повеселел.

— Вот и прекрасно, — произнес Джерсен, уловив перемену в его настроении. — Значит, я могу и дальше рассчитывать на вашу помощь?

— В любой точке круга.

Этот оборот речи явно имел в основе своей сленговые выражения участников хадавла. И как раз поэтому слова Делфина никак нельзя было принимать за чистую монету.

— Мне нужно... дайте-ка сосчитать... еще сто двадцать акций, не меньше. Я хочу, чтобы вы сегодня вечером обошли как можно больше тех акционеров, с которыми мы еще не встречались. Надо поторопиться, слухи расходятся очень быстро. Я ничуть не сомневаюсь в том, что вам будут предлагать акции. Возможно, за ночь удастся собрать недостающие сто двадцать.

— За сегодняшнюю ночь? — удивился Делфин. — Это совершенно невозможно. Мирассу поднимается очень высоко. Китчет сегодня побегут в пустыню, и я не намерен от них отставать.

— А кто вознамерится не отстать от вас? — спросил Джерсен.

— Ха! За мной будут гоняться те, кто побыстрее! Именно сегодня та ночь, когда надо быть особенно на чеку! Вы тоже отправитесь в пески?.. Позвольте дать вам один совет. Китчет обычно рыщут среди Чайлзов — так называются скалы неподалеку от Динклтауна, — но надо всегда помнить о том, что в тени за каждой скалой скрывается хунза. Менее проворный мужчина, который обычно не так уж разборчив, уходит в Низины, но домой зачастую возвращается злой, поскольку китчет являются хозяйками положения и выбирают себе партнера по собственному вкусу.

— Постараюсь не забыть ваш совет, — сказал Джерсен. — А что вы можете сказать в отношении завтрашнего дня?

— Завтра хадавл — этим все сказано. Он займет весь день. «Котзиш» может подождать.

— И все же не уходите в сторону, когда вам будут предлагать акции «Котзиш». Берите их, я за все расплачусь, и старайтесь держаться подальше от Бэла Рука. Он сейчас, наверное, очень недоволен всеми нами.

Делфин снова несколько поник духом:

— Я чувствую, что вы многого не договариваете. Бэла Рука я, разумеется, постараюсь обходить как можно дальше, а вам желаю приятно провести этот вечер и насладиться счастьем в пустыне.

Джерсен вернулся к «Крылатому Призраку», где еще раз пересчитал и надежно запер акции. Затем сменил

дарсайские одежды на свободные серые брюки и рубашку в черную и зеленую полоску, тщательно проверил оружие и снова нырнул под зонтик. Уже наступили сумерки, шум падающей с высоты воды прекратился, и Динклтаун теперь ничто не отгораживало от пустыни.

Подойдя поближе к гостиничной веранде, Джерсен задержался в тени деревьев, чтобы повнимательнее рассмотреть сидящих за столиками: десяток на вид довольно состоятельных туристов-дарсайцев и группу молодых мезленцев с двумя женщинами постарше, изысканно одетых и державшихся с огромным достоинством.

Из гостиницы вышла Шеридин Ченсет в легком белом платье и прошла совсем недалеко от того места, где притаился Джерсен.

— Шеридин! — тихо проговорил он. — Шеридин Ченсет!

Шеридин остановилась, удивленно посмотрела в ту сторону, где стоял, полуоблокотясь о ствол дерева, Кирт. Бросив быстрый взгляд на группу мезленцев, она подошла к Джерсену:

— Что вы здесь делаете?

— Гляжу на вас и благодарю судьбу за представившуюся возможность встречи.

— Тс-с-с,— насмешливо улыбнувшись, сквозь зубы прошипела Шеридин.— Вам свойственны такие обходительные выражения...— Она окинула его взглядом с головы до ног.— Сегодня вы выглядите гораздо менее суровым, утрюмым и сосредоточенным, чем тот то ли банкир-пройдоха, то ли космический бродяга, каким вы казались в Сержеузе. Только сейчас я обнаружила, что вы совсем молодой мужчина.

— Не совсем так. Я по меньшей мере на шесть лет старше Альдо. Но вот сейчас я совсем не ощущаю груза этих лишних лет.

— Именно сейчас?

— Неужели нужны объяснения? Я ведь стою рядом с вами, не в силах скрыть своего восхищения.

— Вашей галантности, похоже, нет никаких пределов,— чуть усмехнувшись, но довольно холодно заметила Шеридин, однако Джерсену показалось, что она до-

статочно благосклонно отнеслась к его высказыванию. — Слова ничего не стоят. Не сомневаюсь, что у вас уже есть супруга и большая семья.

— Ничего подобного никогда не было. Я один как перст.

— Каким же образом вы стали банкиром?

— Приобрел банк для некоей особой цели.

— Но ведь банк стоит огромных денег! Преступник вы, значит, очень богатый?

— Никакой я не преступник. По крайней мере, лично я себя преступником не считаю.

— Тогда скажите честно и откровенно, кто же вы на самом деле?

— Космический странник — вот какое определение больше всего ко мне подходит.

— Кирт Джерсен, вам доставляет удовольствие окружать себя ореолом таинственности в моих глазах, а я терпеть не могу тайн! — Тут к Шеридин вернулся обычный для нее тон мезленки, воспитанной в высокомерии к окружающим. — А вообще-то ваши тайны меня совершенно не интересуют.

— И очень хорошо. — Джерсен бросил взгляд на площадь, затем еще дальше — на погрузившуюся в сумерки пустыню. — По сути, мне не следовало так сильно распространяться о себе. Этим я достиг только обратного эффекта — зря раздразил себя самого.

Шеридин долго глядела на него молча, затем неожиданно рассмеялась:

— Какие удивительные роли вы себе взяли в той драме, которую разыгрываете! Плутватого искателя приключений. Банкира, способного провести даже такого прожженного дельца, как мой отец. Утомленного жизнью аристократа. И вот теперь — страдающего от безнадежной любви мальчишки, мечтательного и благородного.

Джерсен хоть и удивился подобным словам, но был более сдержан в проявлении чувств.

— Я не признаю за собой ни одной из этих ролей. — Какое-то безрассудно беспечное настроение, как наваждение, вдруг овладело им. — Подойдите сюда, где мы бу-

дем наедине друг с другом.— Он взял ее за руку и провел к самому дальнему столику в темном углу веранды.

Шеридин шла напряженно, почти сопротивляясь, а присев, приняла чопорную позу, как будто была намерена задержаться здесь всего лишь на секунду-другую. Взгляд ее вновь стал холодным и отстраненным, принадлежащим типичной надменной мезленке.

— Я не могу надолго задерживаться. Впереди — экскурсия в пустыню, а я должна принять участие в подготовке к ней.

— Говорят, пустыня сказочно прекрасна ночью. Особенно когда светит луна. Вы отправляетесь в пустыню пешком?

— Конечно же нет. Мы наняли туристский автобус, специально предназначенный для таких поездок. Я должна идти. Проявленный мною интерес к вашим делам, заверяю вас, на самом деле чисто случаен.

— Наши чувства дополняют друг друга, поскольку мне расхотелось рассказывать вам о чем бы то ни было.

— Почему же? — удивленно спросила Шеридин, даже не пытаясь подняться из-за стола.

— Вы могли бы поделиться услышанным с кем-нибудь и причинить мне огромнейшие неприятности.

Шеридин нахмурилась:

— Значит, вы считаете, что я выбалтываю все, что мне известно, своим друзьям?

— Вовсе не обязательно. Но, как вы сами подчеркиваете, ваш интерес чисто случаен. Вы могли бы невзначай обронить то, что со временем могло бы дойти до ушей, для которых не были предназначены те или иные слова... Я отведу вас к друзьям.— Джерсен поднялся.

Шеридин даже не пошевелилась.

— Будьте любезны, сядьте. По сути, вы просите меня удалиться, что выставляет вас далеко не в лестном свете. Где же ваша хваленая обходительность?

Джерсен медленно опустился на прежнее место:

— Не преувеличивайте мою галантность. Что-то непонятное для меня самого заставляло меня говорить так искренно.

— Вас, похоже, совсем не заботит мое уязвленное женское самолюбие, — раздраженно произнесла Шеридин.

— Ваше самолюбие рядом со мной находится в полной безопасности, — сказал Джерсен. — Могу ли я до конца быть откровенен с вами?

Шеридин на мгновение задумалась:

— Что ж, здесь нет никого, кто бы мог помешать вам.

Джерсен наклонился далеко вперед, взял обе ее ладони в свои руки.

— Вся правда такова: в двух десятках шагов отсюда стоит принадлежащая мне космическая яхта. Ни о чем другом я и не мечтаю, кроме как увезти вас отсюда и доказывать вам свою любовь под всеми созвездиями Вселенной. Да вот только не имею права тешить себя подобными мыслями даже в самых потаенных уголках души.

— В самом деле? И почему же не имеете права? Спрашиваю снова из чисто праздного любопытства...

— Потому что я всецело принадлежу работе, которая крайне опасна и не терпит ни малейшего отлагательства.

В глазах Шеридин сверкнули озорные искорки.

— А вы бы бросили эту работу, если бы я согласилась соединить свою судьбу с вашей?

— Даже не упоминайте об этом вслух. Мое сердце перестает биться, когда я слушаю вас.

— К вам вернулась вся ваша галантность, в полном своем блеске.

Джерсен еще ближе наклонился к Шеридин — она и не шелохнулась, чтобы отодвинуться. Когда лица их разделяло не более нескольких дюймов, Джерсен замер, а затем неожиданно отпрянул назад. И почувствовал, как затрепетали руки Шеридин в его пальцах.

— Если вы не забыли, в Сержеузе мы говорили о Ленсе Ларке, — сказал Джерсен после некоторой паузы.

Зрачки Шеридин мгновенно расширились.

— Это самый порочный из всех ныне живущих на свете людей!

— Вы упомянули о каком-то неприятном эпизоде, связанном с Ленсом Ларком. В чем он заключался?

— Да, в общем, ничего особенного, обычный инцидент. Мы живем в районе под названием Ллаларкно. В один прекрасный день какому-то дарсайцу вздумалось приобрести дом, соседствующий с нашим. Мой отец не очень-то жалуется дарсайцев, он терпеть не может запаха их пищи, не переносит их музыку. Завидев покупателя, он негодуяюще вскричал: «Убирайтесь! Чтоб духу вашего здесь не было! Вам не удастся купить этот дом. Вы думаете, мне хочется изо дня в день обнаруживать, что над моим забором торчит ваше безразмерное дарсайское лицо? Прочь!» Дарсаец ушел. Позже мы узнали, что это был Ленс Ларк собственной персоной.

— Как он выглядит?

— Я видела его мельком. У меня сложилось впечатление, что он крупный мужчина с длинными руками, большой лысой головой и черными усами. Кожа у него коричневато-розовая, с характерными дарсайскими бледными пятнами.

— После этого вы видели его еще когда-нибудь?

— Судя по всему, нет.

— Он никогда не прощает обид — об этой черте характера Ленса Ларка ходят легенды — и знаменит остроумными выходками.

— Пусть устраивает выходки, какие вздумается. Мы не боимся. У нас строжайшая система безопасности — ведь мы находимся в непосредственной близости к Краю Света... Но почему вас интересует Ленс Ларк?

— Я намерен убить его. Только сначала мне надо его найти. Потому-то я и покупаю акции «Котзиш» — чтобы привлечь внимание Ларка.

Шеридин устремила на Джерсена взгляд, полный ужаса и изумления. Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут на стол легла чья-то тень. Это был Альдо: голова чуть откинута назад, на лице выражение недовольства. Резко наклонившись к Шеридин, он сказал:

— Прошу прощения, но твоя тетушка, Высокочтимая Мейнисс, очень встревожена тем, что ты не спешишь присоединиться к ней.

— Хорошо, я сейчас же иду.

— Вы планируете принять участие в экскурсии в пустыню? — спросил Джерсен у Альдо.

— Не стану отрицать.

— И куда же вы намереваетесь отправиться?

— Мы посетим Чайлзы.— Голос Альдо стал совсем ледяным.— Идем, если уж ты пообещала, Шеридин.

— Дарсайцы, как мужчины, так и женщины, как раз сейчас толпами отправляются в пустыню.

— Нас это совершенно не волнует, пока они стараются не попадаться нам на глаза.

— Они, возможно, даже станут приставать к вам.

— Мы наняли автобус. Водитель уверяет, что мы не будем испытывать ни малейших неудобств. В любом случае, мы ведь мезленцы: дарсайцы будут держаться от нас подальше.— Альдо сделал шаг и встал рядом с Шеридин.

Та медленно поднялась из-за стола и, как сомнамбула, двинулась к своим соплеменникам.

Джерсен, оставшись за столом в глубоком раздумье, только минут через десять отправился к своему вельботу. Перед лестницей, ведущей внутрь, он остановился и устремил пристальный взгляд на восток, туда, где над пустыней поднялась озарившая небо полная луна. Всюду виднелись люди, поодиночке или небольшими группами высказывающиеся из-под зонтов, пешком или в самых разнообразных экипажах, женщины и девушки отдельно от юношей и мужчин. В полуразвалившемся багги на воздушной подушке выехал Делфин с тремя приятелями — все в легких одеждах и красочных тюрбанах. Они оказались почти рядом с Джерсеном, и тот окликнул Делфина. Багги, взметнув клубы песка, остановилось. Когда кузов перестал раскачиваться, Джерсен подошел ближе:

— Как дела?

— Пока все прекрасно.

— Вам удалось выявить еще хоть несколько акций?

— Нет. Как вы и предполагали, Бэл Рук вне себя от событий сегодняшнего дня. Он намерен выпороть и вас, и меня.

— Сначала он должен изловить нас,— хмыкнул Джерсен.— А затем еще и поднять плеть.

— Верно. Как бы то ни было, но в Динклтауне вам уже не сыскать ни единой акции. Бэл Рук объявил большой хадавл с призом в тысячу сегов. Роблеры должны отвечать или сотней сегов, или двадцатью акциями «Котзиш» каждый. Нет нужды говорить о том, что все оставшиеся акции уйдут на покрытие ответных ставок.

— Очень жаль,— произнес Джерсен.

— И все же вы проявили себя с наилучшей стороны и действовали очень мудро. Вы человек хитрый. Вот только зачем вы нас задерживаете своими разговорами? Китчет сейчас прямо-таки упиваются лунным светом!

Тут один из его приятелей не выдержал и добавил:

— Как и каждая вислобрюхая карга с Раздела!

— Гляньте-ка вон туда! — в радостном изумлении вскричал вдруг Делфин.— Даже изнемогающие от запора мезленцы и то вылезли, чтобы насладиться лунным светом! Обратите внимание на водителя автобуса. Это Нобиус, такой же продувной малый, как и вы!

Джерсена подобный комплимент ничуть не смутил.

— Вы считаете, что Нобиус сыграет какую-нибудь злую шутку с мезленцами?

Делфин весело взмахнул руками:

— Тут есть одна нежная китчет по имени Фарреро. С нее глаз не сводят охраняющие ее три чудовищные хунзы. Нобиус клянется, что сегодня ночью он овладеет Фарреро. Остается только посмотреть, как ему это удастся сделать, если он засел за руль автобуса мезленцев! Все, нам пора двигаться дальше! Мирассу поднялась уже достаточно высоко. Китчет толпами валят в пески, и уже сейчас им видятся самые восхитительные сны! Пока! Мы уходим! Да придаст нам сил Камбоуз*!

Багги быстро унеслось в пустыню. Джерсен же устремил взор в том направлении, куда уходил автобус, ка-

* Сатир Камбоуз, песчаный дух Питто и Великая Мать Лейно — основные персонажи дарсайской мифологии. (Примечание автора.)

завшийся теперь темной кляксой на фоне залитого лунным светом песка.

С чувством досады и тревоги, раздираемый собственными противоречивыми желаниями, Джерсен наблюдал за тем, как автобус исчезает в далеких песках. Дела мезленцев нисколько его не беспокоили, тревогу вызывали только благополучие и честь некоей Шеридин Ченсет, к которой он питал целый букет чувств, и среди них далеко не последнее место занимало понимание необходимости защитить ее.

Что ж, ничего не поделаешь, хватит стоять сложа руки!..

Негромко чертыхнувшись, Джерсен взобрался в вельбот, открыл грузовой люк, активизировал шлюпбалки и спустил на землю вспомогательный ялик. Одев на голову шлем и приладив к нему прибор ночного видения, он не забыл также перенести в ялик несколько комплектов оружия, после чего забрался туда и сам и взмыл в небо.

Мирассу плыла уже довольно высоко над горизонтом — огромный серебристо-белый диск, загадочный и безмятежно спокойный, но тем не менее источающий какую-то опаляющую и совершенно непреодолимую силу. Раздел превратился в место, где то, что при любых иных обстоятельствах считалось совершенно невообразимым, сейчас воспринималось как нечто вполне допустимое и даже естественное. Джерсен, как и всегда, различал сейчас по крайней мере два уровня восприятия в своем сознании, но все же, к немалому своему удивлению, обнаружил, что и он подвержен мистическому воздействию Мирассу ничуть не в меньшей степени, чем Делфин... Развернув ялик так, что тот оказался чуть южнее автобуса, и набрав высоту в триста метров, он на малой скорости следовал за машиной с мезленцами. Опустив на глаза прибор ночного видения и подрегулировав увеличение, Джерсен теперь лицезрел автобус так, будто находился всего лишь в нескольких метрах над ним. Это был специальный туристический автобус без крыши и боковых стенок, и пассажиры внутри него были

видны Джерсену как на ладони. В вычурных одеяниях, с лицами, омываемыми призрачно-бледным лунным светом, вся группа мезленцев казалась какой-то совершенно нереальной компанией, напоминая состоящую из одних Пьеро театральную труппу во время увеселительной прогулки. Джерсен как замороженный смотрел, одновременно и завидуя, и злобно-язвительно посмеиваясь над ними.

В автобусе было десять мезленцев. Трое молодых мужчин расположились на сиденьях у заднего борта. Четверо девушек, две женщины постарше и Альдо заняли боковые места. Шеридин, показавшаяся Джерсену вдруг особенно хрупкой и очень грустной, сидела далеко впереди, повернувшись спиной ко всем остальным. Под влиянием, скорее всего, всепроникающих лучей Мирассу Джерсен ощущал, как непрерывно нарастает в нем томное и сладостное возбуждение, подстегиваемое пока еще смутным пониманием тех причин, что побудили его совершить эту вылазку в ночную пустыню.

Нобиус вел автобус, небрежно развалившись на выдвинутом далеко вперед высоком сиденье водителя, но время от времени оборачивался к пассажирам, чтобы удостоить их успокаивающим и слегка покровительственным взглядом. Дам постарше всякий раз, когда им случалось заметить эти взгляды, крайне коробила подобная фамильярность, они расценивали ее как оскорбительную дерзость и отвечали высокомерными жестами, давая понять, чтобы водитель не отвлекался от своего основного занятия. Он же не обращал на их возмущенные жесты ровно никакого внимания, что еще сильнее подчеркивало гротескный характер всей вылазки.

А автобус тем временем продолжал плавно катиться по песку все дальше и дальше. Впереди и чуть в стороне показались Чайлзы: выветрившиеся утесы вулканического происхождения, возвышавшиеся над многочисленными более низкими уступами и обнажениями твердых горных пород. Одна из матрон распорядилась, чтобы Нобиус свернул в сторону и держался от Чайлзов подальше. Нобиус подобострастно согласился и изменил

направление движения, но стоило вниманию дамы отвлекаться, как он тут же снова развернул автобус к скалам. Присмотревшись к Чайлзам повнимательнее, Джерсен обнаружил, как то тут, то там мелькают белоснежные дарсайские одежды — немало народа отправилось сюда, чтобы насладиться сиянием Мирассу.

Мезленские матроны снова заметили, как неотступно приближаются к ним Чайлзы, и не замедлили отдать Нобиусу распоряжения свернуть в сторону, и снова Нобиус беспрекословно повиновался, чтобы всего лишь через мгновение хитро двинуть автобус в прежнем направлении. Его целью, похоже, был скалистый пригорок высотой примерно в шесть метров, одиноко стоящий в нескольких метрах от коренных уступов. На вершине пригорка стояла китчет, притихшая и задумчивая, и глядела на пески к югу от пригорка.

Нобиус неожиданно искусно развернул автобус и направил его в узкий просвет между пригорком и нижними уступами Чайлзов. Матроны громкими криками попытались образумить его, он поначалу не обращал на них внимания, однако затем вдруг сделал вид, что согласен их выслушать. Остановив автобус точно под пригорком, он повернулся к ним лицом — как бы для того, чтобы получить дальнейшие наставления.

Дамы говорили отрывисто, сопровождая слова энергичной жестикуляцией. Нобиус, казалось, внимательно их слушал и то и дело кивал в знак согласия. Затем он снова принял обычную позу водителя за рулем, но что-то вдруг произошло с системой управления: автобус рванулся вперед еще на пару метров, а затем остановился как вкопанный. Нобиус нажимал подряд на все педали, дергал за все рычаги, но все было безрезультатно. Трое молодых мезленцев в недоумении поднялись со своих мест. Нобиус прекратил попытки стронуть автобус с места и замер на сиденье, то и дело робко озираясь по сторонам.

Из темноты вынырнули три мощные фигуры в черных одеждах и, высоко подпрыгнув, ухватились одной рукой за задний борт автобуса, а другой обхватили за

туловище по мезленцу каждая и перекинули через плечи. Молодые мезленцы отчаянно молотили воздух руками и ногами, извиваясь в попытках высвободиться, но черные фигуры, не обращая внимания на сопротивление мужчин, утащили их в темноту.

Нобиус вцепился обеими руками в рулевой штурвал и напрягся всем телом. Из темноты, окружавшей пригорок, вынырнула четвертая фигура, еще более впечатляющая своими размерами, чем первые три. Она вскочила внутрь автобуса, сгребла в охапку Альдо и, несмотря на его громкие протесты, уволокла в ночь.

Нобиус тотчас же выпрыгнул из автобуса и начал карабкаться на вершину пригорка. Схватив там китчет, он спустился с нею по дальнему, более пологому склону и исчез где-то среди дюн.

Ошеломленные таким оборотом событий, мезленские леди поднялись со своих сидений. Да так и застыли. В кромешной тьме вокруг автобуса и на уступах скал слышалась какая-то возня, затем как бы из ниоткуда материализовались несколько мужских фигур в развевающихся белых одеждах. Они мгновенно устремились к автобусу и практически без какого-либо сопротивления со стороны пассажирок взяли его штурмом. Те, кто оказался попроворнее, похватили девушек, остальные, не проявившие должного рвения, вынуждены были удовлетвориться матронами, после чего все разбежались по своим излюбленным местам.

Мужчина, схвативший Шеридин, понес ее на руках в пустыню, не обращая внимания ни на крики, ни на удары, которыми она его осыпала. Углубившись в дюны на сотню метров, он остановился и опустил девушку на песок. Джерсен тут же посадил свой ялик рядом с ними и выпрыгнул из него. Шеридин, радуясь такому невероятному везению, издала вздох облегчения.

Дарсаец принял угрожающую позу:

— Мне нет никакого дела до вас. Не мешайте мне развлекаться с китчет.

Не проронив ни слова, Джерсен направил дуло лучемета к ногам мужчины и образовал у его ног лужицу из

расплавленного песка. Дарсаец едва успел отпрыгнуть, вне себя от страха и бешенства. Джерсен поставил Шеридин на ноги и помог взобраться на борт ялика. Мгновением позже они уже были высоко в воздухе, оставив безутешному дарсайцу возможность только сокрушенно глядеть им вслед.

Ялик летел низко над дюнами на самой минимальной скорости. Шеридин, время от времени исподтишка поглядывающая в сторону Джерсена, наконец не выдержала и сиплым от волнения голосом произнесла:

— Я вам так благодарна... Даже не знаю, что еще сказать... Как вам удалось подоспеть так вовремя?

— Я заметил ваш автобус. Водитель его — известный плут, вот я и решил защитить вас от возможных козней с его стороны. Даже несмотря на то, что вы не просили меня позаботиться о вашей безопасности.

— Как хорошо, что вы так поступили! — Шеридин издала тяжелый вздох, затем, опустив взгляд на черные скалы внизу, издала непонятный звук, нечто среднее между всхлипом и смехом. — Вон там мои тетушки — тетя Мейнисс и тетя Евстазия. Нельзя ли им каким-нибудь образом помочь? — Затем сама же ответила на собственное предложение: — Хотя, насколько я понимаю, с ними вряд ли может произойти что-нибудь ужасное.

— Что бы с ними ни могло произойти, сейчас оно уже происходит полным ходом, — заметил Джерсен.

Сняв с головы шлем и уложив его в ячейку под приборной панелью, он еще ниже опустил ялик, скользя теперь над дюнами на высоте всего лишь около десяти метров. Шеридин откинулась на спинку сиденья и рассматривала проплывающие мимо пески, не выказывая ни беспокойства, ни особого желания оказаться сейчас в каком-нибудь другом месте. Затем произнесла задумчиво:

— Пустыня при свете луны — очень странное место. От нее исходит очарование, как от чего-то такого, место чему только в сказке... Неудивительно, что она так кружит голову и путает мысли...

— У меня точно такое же ощущение, — сказал Джерсен, обнимая девушку за плечи и прижимая к себе.

Она только взглянула на него и обмякла. Он стал целовать ее, страстно, горячо, бессчетное количество раз...

Ялик скользнул вниз и уткнулся в песчаную дюну. Они долго сидели молча, любясь залитым лунным светом песком.

— До сих пор никак не могу понять, — сказала в конце концов Шеридин, — как же все-таки получилось, что мы сейчас с вами вдвоем и никого больше нет... И все же, наверное, в этом нет ничего удивительного... И одновременно у меня из головы никак не выходит мысль о том насилии, которое учинено над всеми остальными. Что они станут говорить завтра? Неужели, когда все вернутся в Динклтаун, я окажусь единственной, чья честь окажется незапятнанной, а невинность — нетронутой?

Джерсен снова поцеловал девушку:

— Это совсем не обязательно.

Прошло секунд десять. Затем Шеридин взволновано прошептала:

— А разве у меня есть выбор?

— Конечно же, — произнес Джерсен. — Решайте сами.

Шеридин выбралась из ялика и прошла несколько шагов вдоль гребня дюны. Джерсен догнал ее и встал рядом. Затем они повернулись лицом друг к другу и снова обнялись. Потом Джерсен расстелил на песке белоснежный дарсайский плащ, и среди древних дюн Раздела, при свете Мирассу, они подарили друг другу свою любовь.

* * *

Луна достигла зенита и плавно покатилась вниз. Ночь пошла на убыль. Постепенно таяла и ее чарующая магия. Джерсен переправил Шеридин в Динклтаун, затем вернулся к автобусу. Четверо молодых мезленцев, утрюмьх и взъерошенных, стояли рядом с машиной. Одна дуэнья и одна девушка молча сидели внутри. Когда

к автобусу приблизился Джерсен, из расщелины в скале появилась вторая дуэнья. Не проронив ни слова, она взобралась на сиденье.

Джерсен шагнул вперед. Все встретили его подозрительными взглядами.

— По счастливой случайности я оказался здесь не подалеку и был в состоянии помочь Шеридин Ченсет, — сказал Джерсен. — Она сейчас уже в гостинице, и вам не стоит о ней беспокоиться.

Тетушка Мейнисс произнесла с печалью в голосе:

— С нас вполне достаточно тревог за самих себя. То, что мы перенесли, иначе как скотством не назовешь.

Возмущение тетушки Евстазии было не столь ярким.

— По-моему, к этому надо подойти чисто философски. Мы, разумеется, определенному насилию подверглись, но никто из нас серьезно не пострадал. Давайте будем благодарны судьбе по крайней мере хоть за это.

— В моем нынешнем состоянии я еще далека от такого восприятия случившегося, — огрызнулась тетушка Мейнисс. — Меня раз за разом укладывал на песок огромный зверь, от которого несло пивом и совершенно мерзкой пищей.

— От напавшего на меня мужчины тоже отвратительно пахло. А во всем остальном он оказался почти джентльменом, если такое слово уместно в сложившейся ситуации.

— Евстазия, не слишком ли лестно ты обо всем отзываешься?

— Я, прежде всего, чертовски устала. Если Шеридин сейчас уже в Динклтауне, остается дожидаться только Миллисенту и Элен. А вот и они идут, притом вместе. Давайте поскорее покинем это ужасное место.

— А что теперь с нашей репутацией? — безо всякого стеснения вскричала тетушка Мейнисс. — Мы же станем посмешищем в глазах всего Ллаларкно!

— Только в том случае, если не сохраним случившееся в глубокой тайне.

— А как же мы тогда сможем наказать этих скотовдарсайцев, если будем держать язык за зубами?

Тут Джерсен не выдержал и встал:

— Сомневаюсь, что вам удастся наказать дарсайцев. По их представлениям, раз вы сами решили отправиться в пустыню ночью, то целью подобной вылазки может быть только продолжение рода. Виноват во всем ваш водитель. Он сыграл с вами злую шутку.

— Это грустная правда, и нам остается только смириться,— сказала тетушка Евстазия.— Давайте просто сделаем вид, будто ничего не произошло.

— Но вот этот человек знает обо всем! И дарсайцы тоже знают!

— Лично я не стану никому рассказывать о случившемся,— вмешался Джерсен.— Что же касается дарсайцев, то они, возможно, и перебьются между собой парой-другой шуток, но, скорее всего, этим все и ограничится. Альдо, к вам, по-моему, уже вернулось ваше хваленое присутствие духа! Садитесь за руль и отправляйтесь назад, в Динклтаун!

— Если б вам пришлось испытать то, что довелось мне,— проворчал Альдо,— то еще неизвестно, хватило бы вам самому должного присутствия духа. Не стану вдаваться в подробности.

— События минувшей ночи не доставили удовольствия никому из нас,— осадила его тетушка Мейнисс.— Так что садитесь за руль, да поживее! Ничего на свете мне так не хочется, как поскорее принять ванну!

Глава 11

Подобно всем популярным играм, хадавл характеризуется сложностью и многоплановостью.

Условия проведения игры предельно просты: соответствующим образом расчерченное поле и определенное количество участников. В качестве поля используется площадь. В большинстве случаев мостовая расчерчивается краской, иногда применяют устроенное особым образом ковровое покрытие. В остальном возможно немалое число вариаций, но наиболее типичная схема состязаний такова.

В центре небольшого круга, закрашенного в темно-вишневый цвет, устанавливается особый пьедестал или тумба. Пьедестал может быть любой конструкции, на верхнюю поверхность его выкладывается призовой фонд. Диаметр центрального круга варьируется от одного до двух с половиной метров. Призовую площадку окружают три концентрических кольца, каждое по три метра в ширину. Эти кольца называются роблами и раскрашены (если идти от центра) в желтый, зеленый и синий цвета. Пространство за пределами синего кольца называется лимбо.

В состязании может принимать участие любое число претендентов на приз — так называемых роблеров. Обычно игра начинается, если записалось не менее четырех и не более двенадцати желающих. Любое большее количество создает чрезмерную кучность на поле и производит впечатление просто всеобщей свалки. При меньшем числе участников резко ограничивается возможность проведения различных махинаций, которые являются существенным элементом игры.

Столь же просты и правила. Исходные позиции роблеры занимают в желтом робле. Пока что все они еще «желтые». Как только дан сигнал к началу игры, роблеры всеми способами стараются вытолкнуть кого-нибудь из «желтых» в зеленый робл. Коснувшись хотя бы один раз любой точкой тела поверхности зеленого робла, «желтый» становится «зеленым», и ему больше уже нельзя возвращаться в желтый робл. Он теперь будет пытаться вытолкнуть других «зеленых» в синий робл. «Желтый» роблер может наведываться в зеленый робл и возвращаться в желтый как в прибежище; подобным же образом «зеленый» роблер может заходить в синий робл и возвращаться в зеленый, если только при этом кто-нибудь из «синих роблеров» не вытолкнет его в лимбо.

Бывает так, что игра заканчивается с одним «желтым» роблером, одним «зеленым» и одним «синим». «Желтый» не испытывает особой охоты нападать на «зеленого» и «синего»; «зеленый» тоже побаивается «синего». В подобном случае дальнейшее продолжение игры невозможно. Подается сигнал о прекращении, и призовой фонд делится между оставшимися тремя участниками в соотношении 3:2:1. «Желтый», таким образом, получает половину призового

фонда. «Зеленый» или «синий» в этом случае могут внести суммы, равные сумме, выигранной «желтым», и благодаря этому снова становятся «желтыми». В подобных случаях игра иногда может продолжаться до тех пор, пока на арене не остается всего лишь один роблер, который и становится обладателем всего призового фонда.

Правила, касающиеся проведения конечной стадии состязания, значительно варьируются от одного хадавла к другому. Бывает так, что любой желающий из зрителей может вызвать на поединок победителя, внеся сумму, эквивалентную призовому фонду. Победитель должен принять вызов, но может и отклонить — все зависит от местных правил. Зачастую претендент может поставить удвоенную сумму приза. В этом случае вызов отклонять нельзя, за исключением тех случаев, когда у победителя сломаны кости или имеются другие повреждения, препятствующие продолжению борьбы. В таких схватках победителей с претендентами, по желанию или взаимной договоренности участников, могут применяться кинжалы, палки, а иногда и плети. Нередко бывает, что начавшийся вполне дружелюбно хадавл заканчивается тем, что на носилках уносят трупы. Судьи тщательно следят за ходом состязания и прибегают к помощи особых электронных устройств, фиксирующих пересечение линий, разграничивающих роблы.

Тайный сговор одних роблеров против других — неотъемлемая составная часть игры. Перед началом игры различные роблеры объединяются в оборонительные или атакующие союзы, причем соблюдать условия заключаемых соглашений никто из роблеров не считает для себя обязательным. Различные хитрости, коварное предательство, двуличность считаются теми дополнительными элементами, которые придают игре особую пикантность. В связи с этим особенно удивительно, что обманутый роблер зачастую откровенно выражает свое негодование, даже в тех случаях, когда сам секундой ранее намеревался таким же образом предать своего сообщника.

Хадавл относится к тем играм, которые непрерывно совершенствуются и преподносят все новые и новые сюрпризы как зрителям, так и участникам. Ни одно состязание не бывает похожим на другое. Иногда участники настроены весьма добродушно друг к другу и даже получают удо-

вольствие, наблюдая, сколь искусны в различных хитростях соперники. Иногда в процессе игры вспыхивает жестокость, спровоцированная каким-нибудь особо вопиющим обманом или предательством, и тогда дело доходит до крови. Зрители заключают пари между собой, а на особо крупных хадавах — с агентством, объединяющим многочисленные ставки. В каждой из крупных «Сеней» Дар Сай за год проводится несколько хадавов, обычно во время праздников, и эти хадавы считаются одной из главных приманок для инопланетных туристов, являя собой зрелище, которое можно увидеть только на Дар Сай.

Эверетт Райт. «Игры Галактики», отрывок из главы «Хадавл»

* * *

Когда Джерсен проснулся у себя в «Крылатом Призраке», Кора уже прошла половину пути к зениту. События прошлой ночи теперь подрастеряли для него прежнюю реальность. Как там Шеридин? Какие чувства она сейчас испытывает, не подвергаясь гипнотическому воздействию лунного света?..

Джерсен принял душ и оделся, на сей раз в обычный наряд астронавта, особое внимание уделив вооружению — сегодня нужно быть готовым к чему угодно.

Пробежав несколько десятков метров по раскаленному песку, он нырнул под водяную завесу и направился к гостиничной веранде. Мезленцы уже успели расположиться за столиками. Шеридин встретила его взгляд понятной только им двоим улыбкой, пальцы ее, незаметно для соплеменников, радостно задрожали. У Джерсена отлегло от сердца. Она ничуть не сожалела о случившемся. Остальные мезленцы даже не удостоили его своим вниманием.

Заказав завтрак, Джерсен тайком наблюдал за мезленцами. Мужчины были угрюмы и малоразговорчивы. Женщины, внешне более спокойные, говорили, однако, неторопливо и сдержанно. Только у Шеридин настроение явно было прекрасным, за что она и получала время от времени укоризненные взгляды.

Когда мезленцы наконец-то управились с завтраком, Шеридин подошла к столику Джерсена. Он тут же вскочил с места:

— Присаживайся.

— Как-то страшновато. Все едва сдерживают раздражение, а тетушка Мейнисс то и дело подозрительно поглядывает на меня. Ничего, меня это нисколько не тревожит, поскольку на нее подозрения падают автоматически.

— Когда мы снова встретимся? Сегодня вечером?

Шеридин покачала головой:

— Мы останемся посмотреть хадавл, так как только ради этого сюда и прибыли, а затем сразу же улетаем назад, в Сержеуз, а завтра — на Мезлен, в Ллаларкно.

— В таком случае я навещу тебя в Ллаларкно.

Шеридин мечтательно улыбнулась и чуть мотнула головой:

— В Ллаларкно все совершенно иначе.

— И даже чувства другие?

— Не знаю. И эта неизвестность меня путает. Сейчас у нас с тобой любовь. Я думала о тебе всю ночь и все утро.

Джерсен на мгновение задумался:

— Я заметил: ты сказала «у нас с тобой любовь», вместо того чтобы сказать «я тебя люблю».

Шеридин рассмеялась:

— Ты очень проницателен. Различие действительно есть. Я кого-то люблю, уверена в этом. Может быть, это ты. Может быть, неведомо кто...— Она посмотрела в лицо Джерсену.— Ты обиделся?

— Это не совсем то, что бы мне хотелось услышать. И все же часто мне и самому очень хочется знать, кто же я на самом деле. Являюсь ли я человеком? Или просто движимой определенными побуждениями машиной? Или просто у меня извращенный склад ума?

Шеридин снова рассмеялась:

— Для меня этот вопрос абсолютно ясен: ты, определенно, мужчина.

— Шеридин! — сердито окликнула девушку тетушка Мейнисс.— Иди сюда. Нам пора занимать места на трибуне.

Шеридин на прощанье грустно улыбнулась Джерсену. У Джерсена едва не перехватывало дух, когда он с тоской глядел ей вслед.

Как все глупо, подумалось ему. Чепуха, достойная разве что студента-младшекурсника! Подумать только, он расчувствовался, как школьник! Разве может он себе позволить эмоциональные привязанности, пока не завершит того, что стало единственным смыслом его жизни?! Успокоившись, он последовал за мезленцами к центру площади, где вокруг роблов уже начала собираться толпа.

Вот-вот должен был начаться хадавл — наиболее самобытное из всех дарсайских зрелищ, даже не зрелище, а некое действие, нечто среднее между игрой и групповой дракой, остро приправленное изощренными выходками, хитростью, потерей веры во все хорошее и безоглядным оппортунизмом,— короче говоря, микрокосм самого дарсайского общества.

Обеспечение удобства зрителей — понятие, чуждое дарсайскому мировоззрению. Те, кто хотел понаблюдать, вынуждены были или вскарабкиваться на шаткие временные трибуны, или взгромоздиться на окружающие площадь строения, или тесниться у забора, ограждающего роблы.

На одном из близлежащих столбов висело несколько дощечек с прикрепленными к ним списками участников нескольких хадавлов. Замысловатый шрифт дарсайцев был непонятен Джерсену, поэтому он подошел к киоску, где записывались участники, и привлек внимание клерка.

— Каким по счету идет хадавл, назначенный Бэлом Руком?

— Третьим.— Клерк ткнул пальцем в одно из объявлений.— Вступительный взнос сто севов или двадцать пять акций «Котзиш».

— И сколько ставок уже сделано?

— Пока что девять.

— Сколько акций «Котзиш» внесено в призовой фонд?

— Сто.

Еще недостаточно, отметил про себя Джерсен. Ему нужны были по меньшей мере сто двадцать акций. С отвращением он глядел на роблы и трибуны, заполненные дарсайцами в белых одеждах. Утонченные мезленцы, не переносящие даже запаха дарсайцев, восседали в гордом одиночестве в специально отведенной для туристов ложе. Джерсен обреченно пожал плечами: игра была абсолютно чуждой ему, дарсайцы конечно же не преминут воспользоваться неопытностью искиша. И все же сто акций очень сильно приблизят его к обладанию контрольным пакетом компании. Пришлось выложить последние из оставшихся у него денег — ровно сто севов.

— Вот мой взнос для участия в хадавле Бэла Рука.

Клерк отпрянул, не веря своим глазам и ушам:

— Вы намерены попытать счастья в роблах? Сэр, вы ведь искиш, и я не могу не предупредить — такая уж у меня добрая душа, — что вы рискуете, вам переломают все кости. В хадавле Бэла Рука подобрались самые сильные и наиболее искушенные в различных хитростях бойцы.

— Будет очень интересно испытать все это на собственном опыте, — сказал Джерсен. — Бэл Рук примет участие?

— Он учредил призовой фонд в тысячу севов, но сам бороться не станет. Если ответные ставки превысят тысячу севов, разница составит его чистую прибыль.

— Но ведь акции «Котзиш» также являются составной частью награды?

— Совершенно верно. Все ставки, включая и акции, являются разыгрываемым призом.

— В таком случае внесите мое имя в список.

— Как вам угодно. Костоправы сидят вон под тем красным флагом.

Джерсен подыскал себе местечко, откуда мог без помех наблюдать за тем, что происходит на арене. И тут же появилась первая группа роблеров — двенадцать пар-

ней, одетых специально для хадава: в коротких шортах из белой парусины, коричневых, серых или светло-розовых майках, матерчатых тапочках и косынках на голове, повязанных так, чтобы подобрать внутрь свешивающиеся мочки ушей. Роблеры прогуливались вдоль края синего робла, останавливаясь, чтобы поговорить друг с другом, стараясь, чтобы их не подслушали соперники, поднося губы к самым ушам, иногда только для того, чтобы перекинуться парой шуток. Время от времени образовывались небольшие группки, чтобы договориться о единой тактике на той или иной стадии состязания. Когда же к такой группке подходил какой-нибудь другой роблер и слышал, что замышляется какой-то стговор именно против него, то происходил взаимный обмен мнениями в далеко не изысканных выражениях, а один раз произошла даже небольшая потасовка.

Из близлежащего дамбла показались судьи: четверо пожилых мужчин в жилетах, расшитых красными и черными узорами. Каждый из них нес почти двухметровый жезл с пульверизатором на конце. Главный судья вдобавок нес еще стеклянную вазу с призовым фондом: в данном случае там лежала пачка севов. Подойдя к центральному кругу, он поставил вазу с призом на пьедестал.

Судьи заняли свои места. Главный судья постучал пальцем в массивном металлическом наперстке по висящему у него на груди гонгу. Соперники прекратили разговоры и выстроились вдоль кромки желтого робла.

Слово взял главный судья.

— Объявляется обычный хадав с применением только силы и мастерства. Употребление оружия или каких-либо подручных средств категорически воспрещается. Приз в сто севов соблаговолил учредить заслуживающий всяческого доверия Лукас Ламарас. Сигнал моего гонга возвещает о шестнадцатисекундной готовности.

Судья постучал по пластине у себя на груди. Соперники тут же засуетились, каждый хотел занять позицию, дающую, по его мнению, определенные преимущества перед другими.

Снова раздался негромкий звук гонга на груди судьи.

— Шесть секунд.

Борцы выгнули спины, полуприсели, бросая колющие пристальные взгляды то направо, то налево, вытянули вперед руки с растопыренными пальцами.

Последовали два резких сигнала гонга.

— Игра!

Борцы начали схватку: кто сразу же бросился на соперника, кто продолжал выжидать, оставаясь в напряженной позе, некоторые приступили к воплощению в жизнь заранее условленных тактических приемов, другие тут же предали своих предполагаемых союзников. Трое борцов, объединившись против одного плечистого парня, вышвырнули его в зеленый робл. В бешенстве тот потащил за собой одного из противников, проволока его через весь зеленый робл и вытолкнул в синий. Судьи тотчас же прибегли к своим жезлам, чтобы пометить первых двоих неудачников метками соответствующих цветов.

Последовали захваты, подножки, разнообразные толчки и удары, броски через голову. Борцов одного за другим выбрасывали из желтого робла в зеленый, из зеленого в синий, из синего в лимбо, что означало для них конец игры. Некоторые в качестве основного оружия применяли проворство, другие — силу. Излюбленный всеми прием — пробёжка вдоль робла, чтобы напасть на противника сзади, — поддерживал темп состязания, заставляя всех его участников непрерывно двигаться. В целом схватка производила впечатление довольно добродушной потасовки. Борцы встречали сдавленным смехом каждый искусно проведенный прием или мастерски выполненное неожиданное нападение сзади, однако по мере того, как все меньше и меньше борцов оставалось в роблах и для каждого из них все яснее просматривалась перспектива выигрыша приза, настроение участников становилось все более серьезным и напряженным, лица искажались, все более яростно вздымались грудные клетки. Двое борцов в синем робле перешли к откровенному обмену ударами. Пока они тузили друг друга, к ним метнулся из зеленого робла третий и вытолкнул их

обоих в лимбо. Драчуны и там продолжали лупить друг друга, причем, как заметил Джерсен, не очень-то умело, пока судья не приказал им утихомириться на том основании, что драка между ними отвлекает внимание от хадавла.

В конце концов на арене остались один боец в зеленом робле и один, куда более высокий и массивный, в синем. «Зеленый» бегал вдоль кромки синего робла, делая ложные выпады и тут же увертываясь, а «синий» прохаживался, чуть прихрамывая и делая вид, что он вконец замучен болью, усталостью и отчаянием вследствие постигшей его неудачи. «Зеленый», однако, и дальше лишь изредка наведывался в синий робл, предпочитая положенные ему по правилам три пятых призового фонда довольно крупному риску потерять все. «Синий» в конце концов начал изрыгать в его адрес очень обидные насмешки, надеясь разозлить «зеленого» и заставить его совершить опрометчивый выпад. «Зеленый» надолго замер, как бы выбирая наиболее удобный момент для нападения на противника, а затем вдруг повернулся к главному судье, всем своим видом показывая, что сейчас он потребует прекращения схватки. «Синий», выражая недовольство подобной трусостью, на какое-то мгновение даже отвернулся, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы «зеленый» стремительно бросился на него и вытолкнул в лимбо. Три удара в гонг возвестили об окончании схватки, а весь призовой фонд достался более находчивому роблеру, сумевшему обмануть соперника.

Теоретические основы игры, отметил про себя Джерсен, не так уж сложны. Подвижность, бдительность и широкий охват происходящих на арене действий были почти столь же важны, как сила и вес. Среди чисто технических приемов он не увидел каких-либо для себя новинок. Если бы ему удалось предотвратить согласованные действия сразу четырех или пяти противников, то шансы его могли быть по крайней мере не хуже, чем у остальных. Пройдя к судейской кабинке, Джерсен выяснил, что наряд его, хоть и эксцентричен и нестан-

дартен, может быть признан вполне приемлемым. Исключение составляли лишь ботинки. Один из судей, порывшись среди всякого хлама, извлек пару грязных тряпичных тапочек, которые Джерсен, за неимением ничего лучшего, натянул поверх ботинок.

Выйдя из судейской кабины, Джерсен увидел Бэла Рука возле стола, за которым записывали участников. Тот был взволнован и рассержен, из чего Джерсен сделал вывод, что он только что просмотрел список роблеров и обнаружил в нем Кирта Джерсена.

Бэл Рук отошел в сторону и заговорил с высоким крепким мужчиной в наряде роблера. Разговор этот, как показалось Джерсену, несомненно, касался именно его, искиша.

Вторая схватка, призовой фонд которой был равен двум тысячам севов, проходила куда с большим рвением и меньшим благодушием, чем первая. Победителем ее оказался некий Дадексис, мужчина средних лет, худощавый, жилистый и, судя по всему, очень умный и коварный. По окончании схватки ему тотчас же бросил вызов молодой роблер, очень расстроенный тем, что выбыл на самой ранней стадии борьбы. Дадексис, располагающий теперь правом выбора оружия, избрал аффлокс — утыканный шипами шар на конце эластичного ремня, — чем поверг своего противника в немалое смятение еще до начала решающего поединка. Тому оставалось либо согласиться, либо расстаться с внесенными в качестве ставки деньгами.

Зрители повскакивали с мест и так плотно обступили роблеров, что судьям пришлось расчистить примыкающее к арене пространство. Главный судья ударил в гонг, соперники заняли исходные позиции, и поединок начался. Он оказался очень коротким и бескровным, не сопровождался ни драматическими эпизодами, ни полным напряжением физических и моральных сил соперников. Умудренный многолетним опытом Дадексис еще во время разминки размахивал своим аффлоксом с таким устрашающим мастерством, что настроение его соперника сразу же испортилось. Когда же противники

сошлись, то Дадексис, развернувшись к роблеру боком и пригнувшись, легко избежал удара его оружия, после чего почти без замаха метнул свой шар так, что прикрепленный к нему ремень обвился вокруг рукоятки оружия соперника. Затем он дернул ремень на себя, полностью того обезоружив, ухмыльнулся, мастерским взмахом заставил свой шар сделать полный круг над ареной, после чего, дождавшись четырех ударов гонга, спокойно направился к пьедесталу, чтобы забрать ставший более ценным приз, а его незадачливый противник затерялся в толпе зрителей.

Джерсен повернулся к трибуне и увидел Шеридин. Та смотрела решающий поединок стоя, а теперь усаживалась поудобнее между тетушкой Мейнисс и Альдо. Что она подумает, увидев, как Джерсен толчется среди борцов, подкрадывается к кому-то сзади, пытается увернуться от соперника, мечется как угорелый внутри дарсайских роблов?

«В самом лучшем случае,— подумал Джерсен,— она будет совершенно сбита моим поведением с толку».

Тем временем участники третьего хадавла собрались вокруг арены. Был среди них и тип, которого Джерсен заметил рядом с Бэлом Руком.

К микрофону подошел главный судья:

— Хадавл с призовым фондом в тысячу севов, учрежденный благородным и щедрым Бэлом Руком! Вызов принят одиннадцатью соискателями, внесшими шестьсот севов и сто двадцать пять акций компании «Котзиш». Среди них опытейшие борцы из нескольких кланов и даже один искиш!

Чувствуя себя несколько странно, Джерсен присоединился к собравшимся вокруг арены роблерам. Сто двадцать пять акций! Если он одержит победу в этом хадавле, компания «Котзиш Мючуэл» станет его собственностью!

К нему сразу же подошел круглолицый крепыш:

— Вы когда-нибудь раньше участвовали в хадавле?

— Нет,— ответил Джерсен.— Мне еще многое надо узнать.

— Верно. Так вот, давайте договоримся. Меня зовут Рудо. Вы, я и вон тот парень — его зовут Скиш — здесь, несомненно, самые неопытные. Если мы станем действовать сообща, то сможем уравнивать наши шансы.

— Неплохая мысль. А кто здесь сильнейший?

— Тронгаро — вон он... — Рудо указал на того самого типа, с которым беседовал Бэл Рук. — И Майз, вон тот тяжеловес.

— Давайте сначала вышибем Тронгаро, а затем Майза.

— Годится! Но говорить, разумеется, легче, чем сделать. Наш союз сохраняется до тех пор, пока не вылетят эти двое.

Джерсен, теперь уже войдя во вкус и проникнувшись духом игры, и сам стал подыскивать других возможных союзников. К нему подошел еще один борец, рослый парень, от которого так и разлило той дерзкой бесшабашностью, которую дарсайцы называют плембушем.

— Это вы Джерсен? А я Чалкоун. Ни вы, ни я, разумеется, не выиграем, и все же давайте объединимся вон против того малого. Его зовут Фербиль. Известный грубиян и подлец. От такого неплохо бы избавиться как можно раньше.

— А почему бы и нет? — ответил Джерсен. — Мне бы еще хотелось выбить Тронгаро. Мне сказали, что он крайне опасен.

— Вы правы. Сначала Фербиль, потом Тронгаро. И давайте будем подстраховывать друг друга, по меньшей мере до зелени или даже до синевы. Идет?

— Да.

— В таком случае вот как мы вышибем Фербиля. Вы делаете выпад сбоку, он к вам разворачивается, а я делаю ему подножку сзади. Вы толкаете, и он падает.

— Разумно, — согласился Джерсен. — Сделаю все, что в моих силах.

Через несколько мгновений пошептаться с Джерсеном подошел Фербиль.

— Это вы искиш? Что ж, желаю удачи. Но если вы замахиваетесь на большее, давайте работать в паре.

— Я согласен на все, лишь бы оставаться в игре.

— Хорошо. Видите вон того совсем еще молодого парня? Это Чалкоун, подлец и нахалюга, но проворный и ловкий. Мы его вот как обставим: заходим с противоположных сторон, вы падаете прямо перед ним, я его отшвыриваю, и он улетает чуть ли не к трибуне.

— Сначала Тронгаро, — предупредил Джерсен. — Он мне кажется самым опасным из всех.

— Тоже неплохо. Сначала Тронгаро — прием точно тот же, затем Чалкоун.

— Если мы сами до тех пор останемся в роблах.

— Не бойтесь. С вами ничего не случится, пока мы вместе!

К Джерсену подъехали еще трое соискателей, предлагая различные тактические уловки и разнообразное сотрудничество. Джерсен на все соглашался, исходя из принципа, что, как бы ни было, помощь лучше, чем полное ее отсутствие.

Среди зрителей мелькнул Бэл Рук, и на какое-то мгновение Джерсен встретился с его насмешливым взглядом. Потом Джерсен не упустил возможности посмотреть и на мезленцев и обнаружил, что Шеридин глядит на него в состоянии полнейшей растерянности.

Главный судья с торжественным видом подошел к пьедесталу и положил на него ответные ставки: пачки севов и сложенных вдвое акций «Котзиш». Затем ударил в гонг:

— Соискатели! Займите свои места!

Одиннадцать человек вошли в желтый робл.

— Тридцатисекундная готовность!

Роблеры прохаживались вдоль желтого робла в поисках места, откуда удобнее всего напасть на тех соперников, которых они считали наиболее опасными.

— Шестнадцатисекундная готовность!

Борцы присели, настороженно озираясь по сторонам, некоторые сменили исходные позиции, видя перемены в общей расстановке сил.

— Шесть секунд.

Последний удар гонга.

— Игра!

Одиннадцать роблеров образовали нечто вроде карусели вокруг пьедестала. Джерсен, заметив, что Тронгаро мало-помалу к нему подкрадывается, отбежал подалее. За спиной у Тронгаро появился Чалкоун. Поймав вопросительный взгляд Джерсена, он дал знак и ударил Тронгаро, который тотчас же обернулся, чтобы отразить нападение. Джерсен рванулся с места, толкнул Тронгаро, и тот сразу же «позеленел».

— Теперь Фербиль! — вскричал Чалкоун. — Помните наш уговор? Выпад делаете вы. Вот он. Быстрее!

Джерсен, послушавшись Чалкоуна, совершил ложный выпад в сторону Фербиля. Тот отпрянул назад, но уткнулся в Чалкоуна, который схватил его за руку и сделал попытку отбросить к зеленому роблу. Фербиль вывернулся и устоял на ногах. Оказавшись лицом к лицу с Чалкоуном, он ухмыльнулся, но Джерсен уже успел зайти к нему сзади, толкнуть, и Фербиль, спотыкаясь, вылетел в зеленый робл. Однако в этот самый момент Джерсен почувствовал мощный толчок сбоку и увидел массивное тело Майза, техника которого основывалась лишь на грубой силе: он просто шагал по желтому роблу и плечами выталкивал в зеленый всех, кто не успел своевременно уступить ему путь. По какой-то счастливой случайности Джерсену удалось схватиться за Скиша, который как раз в это мгновение сумел увернуться от нападения какого-то роблера. Улыбнувшись Скишу, Джерсен, держась за него, сохранил равновесие, остался в желтом робле и тут же дал знак Рудо, показывая на Майза. Сообразив, что сейчас последует нападение сразу нескольких противников, Майз повернулся спиной к пьедесталу и начал угрожающе размахивать огромными лапищами.

— Ну-ка, подойдите ко мне, если вы такие смелые!

Джерсен поймал руку толстяка и тут же потерял опору под ногами: Рудо, прежний его союзник, подскочив к нему сзади, обхватил вокруг пояса и попытался вышвырнуть из желтого робла. Джерсен резко дернул голо-

ву назад и угодил макушкой прямо в нос Рудо. Тот отпустил Джерсена, и Джерсен, одним прыжком оказавшись позади огромной туши Майза, уперся спиной о пьедестал, взметнул обе ноги и мощным ударом опрокинул Майза, послав его в сторону зеленого робла. Оказаться там наверняка помог еще Рудо, у которого из носа фонтаном била кровь. Майз, разъяренно взревев, набросился на Тронгаро, но тот успел отскочить в сторону. Четверо «зеленых» роблеров обхватили Майза со всех сторон. Раскачиваясь из стороны в сторону, припадая то на одну ногу, то на другую, отчаянно ругаясь и исходя слюной, гигант вынужден был отступать через весь синий робл по направлению к лимбо, однако уже в непосредственной близости от роковой черты ему удалось вывернуться и, упав на спину, отбиться от соперников ногами, тем самым оставшись в игре.

Джерсен снова отступил спиной к пьедесталу, чтобы оценить ситуацию. Тронгаро и Майз, два наиболее грозных противника, были выбиты из желтого робла, где теперь оставались, кроме Джерсена, еще четыре роблера. Сейчас, когда Тронгаро и Майз, по сути, выбиты из борьбы за главный приз, каждый из этой пятерки мог реально претендовать на победу и поэтому действовал с максимальной осмотрительностью. Теперь уже не было договоренностей, которые стоило бы соблюдать, предательства можно было ожидать от любого. Каждый из оставшихся не хотел совершить роковую ошибку из страха перед неожиданным нападением сзади.

Джерсен заметил, что другие роблеры относятся к нему с уважением и опаской. Искиш, который сумел так долго продержаться на самых передовых позициях в игре, оказался бойцом, к которому нужно относиться со всей серьезностью.

Краешком глаза Джерсен приметил, как Рудо и некто Хемент перебросились парой слов, после чего Рудо стал бочком подкрадываться к Джерсену.

— Наш уговор все еще в силе?

— Разумеется.

— Тогда следующий — Декстер, вон тот высокий, с прищуром. Заходите к нему сбоку, я проскакиваю мимо, мертвой хваткой беру за промежность — и в зелень! Итак, вперед!

Джерсен, следуя наставлениям Рудо, подкрался к Декстеру сбоку, не спуская глаз и с Хемента. Как только Кирт оказался от Декстера на расстоянии вытянутой руки, Хемент вдруг бросился на него, его примеру последовал Декстер, а сзади оказался тут как тут прежний союзник Рудо. Джерсен ожидал именно такого подвоха и быстро толкнул Декстера на Хементу, затем, обхватив у себя за спиной Рудо, швырнул того через голову в зеленый робл, тут же вцепился в ногу Декстера и того вытолкнул в зелень, а сам успел пригнуться, догадываясь, что сзади на него сейчас должен наброситься четвертый дарсаец. Так оно и случилось. Подготовившийся к контратаке Джерсен успел схватить противника за плечи, перебросил через себя, и тот повалился на еще не успевшего подняться в зеленом робле Декстера. Пока они вдвоем вставали, еще не разобравшись до конца, что с ними произошло, «зеленые» роблеры напали на них и вытолкнули в синий робл. Хемент попробовал было схватить Джерсена за руку и развернуть, однако Кирт решительно пресек эту попытку, сам бросился на Хементу, обхватил его за пояс, приподнял и швырнул в зеленый робл.

Можно было праздновать победу, поскольку в желтом робле Джерсен, по собственным представлениям, остался один. И только теперь он вдруг заметил еще одного парня, на которого все это время не обращал внимания, потому что тот, хоть и выглядевший довольно внушительно, в течение всей схватки принципиально уклонялся от борьбы, стараясь не попадаться никому под руку. Джерсен тут же пошел в атаку. Парень начал отступать. Джерсен один раз прогнал его по всему кругу, затем второй, после чего продолжать отступление парень уже не имел права: после третьего круга судьи автоматически отправили бы его в синий робл. Поэтому парень стал осторожно приближаться к Джерсену. Тот вытянул впе-

ред руку, парень робко схватился за запястье и попробовал было потянуть на себя, но Джерсен, опережая, кинулся на него, схватил за голову, рванул к себе и, развернув в воздухе, вышвырнул в зеленый робл.

Вот теперь в желтом робле Джерсен остался один. Он мог бы, если бы захотел, рискнуть и перейти в зеленый робл и даже в синий, а потом вернуться в желтый, но ситуация риска не требовала. Поэтому он не стал ввязываться в борьбу, которая продолжала вестись в зеленом и синем роблах, где роблеры, уже разгоряченные и взбешенные, дрались в полную силу, не щадя ни себя, ни противника. Они били друг друга кулаками в лицо, то и дело норовили попасть противнику в пах ногой, пускали в ход головы и колени, хрипели и сопели, изрыгая проклятья.

Джерсен прислонился к пьедесталу, наблюдая за ходом борьбы, превратившейся, по сути, во всеобщую свалку. Тронгаро, находившийся в синем робле, сцепился с Рудо. Джерсен с большим интересом следил за тактическими приемами, применяемыми Тронгаро. Тот, несомненно, был очень искусным борцом, быстрым, сильным, решительным. И все же он уступал Майзу, чудовищная туша которого делала его почти неприступным. При мысли о том, что, возможно, еще придется схватиться один на один с Майзом, Джерсен скривился. Он, по всей вероятности, и победил бы, нанося противнику чувствительные удары и тут же отскакивая или попытавшись ослепить Майза, но за эту победу пришлось бы заплатить в лучшем случае растяжением мышц и синяками, а то и переломами или, что самое страшное, сломанной шеей.

Тронгаро без особого труда вывел из борьбы Рудо и теперь все свое внимание сосредоточил на Майзе. Стоворившись еще с двумя «синими», он смело пошел на Майза. Все трое кружились и дергались вокруг гиганта, как муравьи вокруг жука. В конце концов, благодаря скорее счастливой случайности, чем искусно проведенному приему, они все-таки вытолкнули споткнувшегося Майза в лимбо, и тот, распростершись ничком, принялся молотить кулаками землю. Тем временем Тронгаро

не упустил возможности отправить в лимбо вслед за Майзом и одного из своих недавних союзников.

Джерсен обвел взглядом зрителей. Снова встретив насмешливый взгляд Бэла Рука, он отвернулся от него и посмотрел на мезленцев. На какое-то мгновение его глаза встретились с глазами Шеридин, но выражения ее лица он прочесть не успел — тетушка Мейнисс окликнула девушку, и та повернулась к ней.

Тем временем ситуация на арене хадавла пришла в состояние статического равновесия. В синем робле находился Тронгаро, в зеленом — Чалкоун, в желтом — Джерсен. Если соперники отказываются от дальнейшей борьбы, то состязание объявляется завершенным, а призовой фонд распределяется в отношении 3:2:1.

— Я согласен взять акции «Котзиш», — сказал Джерсен, обращаясь к Тронгаро и Чалкоуну. — Вы делите между собой деньги. Такое предложение вас устраивает?

— Я согласен, — подсчитав в уме свою долю, объявил Чалкоун.

Тронгаро тоже чуть было не согласился, но затем бросил взгляд в сторону Бэла Рука, который решительно мотал ему головой.

— Нет, — очень неохотно произнес Тронгаро. — Нужно разделить весь призовой фонд.

Джерсен подозвал Чалкоуна к линии, разделяющей желтый и зеленый роблы:

— Давайте заключим соглашение, которое я обязуюсь свято соблюдать, если вы обещаете поступить точно так же.

— Что вы имеете в виду?

— Давайте вместе войдем в синий робл и выкинем оттуда Тронгаро, после чего я вернусь в желтый, а вы — в зеленый. Я забираю акции «Котзиш», вы забираете деньги.

— Я согласен.

— Учтите, это честное соглашение, а не обычная уловка в хадавле. Если вы нарушите обещание, я не оставляю это без внимания. Вы можете всецело на меня положиться. Могут ли я доверять вам?

— Только в этом одном-единственном случае — можете!

— Прекрасно. Вы заходите слева, я — справа. Между нами расстояние вытянутой руки. Вместе набрасываемся и выталкиваем.

— Хорошо.

Джерсен решительно вошел в зеленый робл, здесь к нему присоединился Чалкоун, после чего они вместе вступили в синий, где их уже поджидал, низко пригнувшись для решающего броска, Тронгаро. Понимая, что надеяться на успех можно только в результате активных действий, Тронгаро рванулся к Чалкоуну, рассчитывая обхватить его за пояс и, развернув, отбросить в сторону лимбо. Джерсен вцепился в одну его руку, Чалкоун схватил другую, после чего Кирт нанес сильнейший удар ногой сзади под колено. Тронгаро повалился на спину, однако успел, падая, лягнуть Чалкоуна в пах. Чалкоун согнулся пополам и упал. Тогда Тронгаро попытался нанести точно такой удар, но уже другой ногой и по Джерсену, однако Джерсен поймал лодыжку Тронгаро и рывком развернул ее. Тронгаро взвыл от боли — Джерсен, по-видимому, порвал ему сухожилие — и попытался перекатом высвободиться из цепких рук искиша, но тот скрутил лодыжку еще раз. Тронгаро вынужден был снова перевернуться с боку на бок и теперь оказался уже у самого края лимбо. Напрягая последние силы, он сгруппировался и с размаху нанес Джерсену удар свободной ногой в бок, но Джерсен еще сильнее подналег на лодыжку, и Тронгаро, крича от безумной боли, выкатился в лимбо.

Джерсен отпустил ногу противника и теперь стоял, тяжело дыша. Чалкоун с огромным трудом все-таки поднялся на ноги, но разогнуться полностью все еще никак не мог, сжимая ладонями нижнюю часть живота. Теперь они оба оценивающе глядели друг на друга, причем Чалкоун — совсем остекленевшими глазами. Джерсен вернулся в желтый робл, Чалкоун проковылял в зеленый.

— Отдайте мне акции «Котзиш», — произнес Джерсен, обращаясь к главному судье, — а деньги Чалкоуну, и хадавл завершен.

— Вы согласны с таким дележом? — спросил главный судья у Чалкоуна.

— Да. Вполне удовлетворен.

— Значит, быть по сему. — И судья заговорил в микрофон: — Впервые на моей памяти, а скорее всего, и впервые за всю историю этой славной игры победителем в главной схватке вышел искиш, одолевший наилучших борцов Дар Сай. По сложившейся традиции любой из присутствующих имеет право бросить вызов победителю. Желает ли кто-нибудь поставить под сомнение победу этого заслуживающего всяческого уважение искиша?

Бэл Рук стоял перед сидевшим на скамейке Тронгаро, лодыжка которого сильно распухла, и осыпал его бешеной бранью. Тронгаро в ответ только качал головой. Убедившись в невозможности раззадорить Тронгаро на реванш, разъяренный Бэл Рук повернулся к главному судье.

— Я бросаю вызов! — хрипло вскричал он. — Я, Бэл Рук, и биться будем плетью!

— Вам прекрасно известно, что выбор оружия за тем, кому вы бросаете вызов, — спокойно ответил Бэлу Руку главный судья. — Вы вызываете на поединок как Чалкоуна, так и Джерсена?

— Нет. Только Джерсена.

Главный судья передал Чалкоуну пухлую пачку купюр:

— Этот хадавл вы покидаете с гордо поднятой головой!

— Я счастлив, но считаю своей обязанностью засвидетельствовать уважение Джерсену, проявившему в игре огромное мастерство. — Чалкоун взял деньги и, прихрамывая, но со счастливым видом, покинул арену.

Вперед вышел Бэл Рук и протянул судье два сева:

— Это двойная цена за сто двадцать пять акций «Котзиш», которые, как известно, вообще ничего не стоят.

Судья даже отпрянул назад, выражая недовольство:

— Но ведь вы сами оценили каждую из этих акций в четыре сева!

— Никоим образом! Я поручился за приз в размере тысячи севов. Затем согласился с тем, чтобы двадцать пять акций были эквивалентны ста севам. Если Джерсен желает уступить мне эти сто двадцать пять акций, я тут же выплачу ему пятьсот севов. В противном случае он лишится жизни, так как я убью его, если он посмеет стать у меня на пути.

— Вы заняли совершенно непримиримую позицию, — сказал судья. — Ну, Джерсен, каков ваш ответ? Бэл Рук вызывает вас на поединок, чтобы отнять у вас акции «Котзиш» и вашу жизнь, и все это ему обойдется в жалкие два сева. Если вы пожелаете уклониться, Бэл Рук, по всей очевидности, выплатит вам пятьсот севов, и сегодняшний день все равно окажется для вас прибыльным. Считаю своим долгом поставить вас в известность о том, что Бэл Рук широко известен как выдающийся мастер владения не только плетью, но практически любыми видами оружия. Ваши шансы на победу не очень то велики. Однако в любом случае право выбора оружия — за вами.

Джерсен пожал плечами:

— Раз я обязан с ним драться, то схватка будет вестись, по усмотрению противника, или на ножах, или голыми руками.

— На ножах! — вскричал Бэл Рук. — Я изрежу его на куски!

Один из судей вынес поднос, на котором лежали два кинжала с черными деревянными рукоятями и обоюдоострыми лезвиями длиной почти в тридцать сантиметров.

Джерсен взял на ладонь один из ножей, взвешивая его. Длинный клинок у рукояти был чуть шире и постепенно сужался к острию, ему явно не доставало той равномерности распределения веса, которую предпочел бы Джерсен. Тем не менее из этого он сделал очень полезный для себя вывод: оружие не предназначено для ме-

тания, что указывает на отсутствие этого искусства у дарсайцев. Бросив взгляд на трибуну, он увидел выражение неподдельного ужаса на лице Шеридин.

Раздался голос главного судьи:

— Поединок проводится только в пределах роблов и продолжается до тех пор, пока одна из состязающихся сторон не признает своего поражения или поднятием вверх рук, или соответствующим возгласом, или выходом за пределы роблов. Игра прекращается также, если одна из сторон окажется не в состоянии продолжать схватку, или если я сам подам сигнал остановить ее. Поединок проводится без каких-либо правил или ограничений. Исходные позиции — в желтом робле, по разные стороны от пьедестала. Схватка начинается после четвертого удара в гонг. Если я дам сигнал о ее прекращении, в этом случае она прекращается мгновенно под страхом наказания в виде помещения в выгребную яму на три дня. Так что извольте сдерживать свой пыл и прекращайте борьбу по моей команде, ибо я вовсе не намерен праздно наблюдать за тем, как будет изрезан на куски не способный к дальнейшему сопротивлению участник поединка. — Эти слова сопровождались многозначительным взглядом в сторону Бэла Рука. — Три круга отступления без попытки нападения на преследующую сторону также означает поражение отступающей стороны. Произведенный мной сейчас удар гонга означает тридцатисекундную готовность. Прошу занять исходные позиции.

Джерсен и Бэл Рук встали друг напротив друга по разные стороны пьедестала.

— Шестнадцать секунд!

Бэл Рук начал поигрывать клинком, наслаждаясь предвкушением смерти противника.

— Я давно дожидаясь этой возможности.

— Я тоже не прочь ею воспользоваться, — сказал Джерсен. — Признайтесь, вы принимали участие в нападении на Маунт-Плезент?

— Маунт-Плезент? Но ведь это было так давно!

— Значит, вы там были.

Бэл Рук ответил злобной усмешкой.

— Значит, я могу убить вас безо всяких угрызений совести,— заключил Джерсен.

— Шесть секунд! Джентльмены, к бою! После следующего удара в гонг вы вольны поступать как заблагорассудится!

Быстро промчались секунды, обозначающие ту таинственную грань, что отделяет прошлое от будущего.

Прозвучал гонг. —

Бэл Рук обошел пьедестал, низко опустив нож, как будто это был меч. Джерсен ссутулился, а затем метнул кинжал прямо в сердце Бэла Рука. Кончик лезвия угодил точно в цель, раздался звон металла, и кинжал Джерсена, отскочив, упал на землю. Под рубахой Бэла Рука явно оказался жилет из тончайшей непробиваемой металлизированной ткани. Судья не выразил никакого возмущения по этому поводу: очевидно, подобный жилет расценивался как вполне законное вспомогательное средство защиты.

Едва нож Джерсена коснулся земли, Бэл Рук сделал движение ногой, пытаясь отшвырнуть его по направлению к лимбо. Джерсен тут же прыгнул вперед, внимание Бэла Рука рассеялось, и удар по ножу оказался не совсем удачным — нож заскользил по мостовой и остановился в синем робле в нескольких дюймах от лимбо.

Бэл Рук сделал выпад ножом. Джерсен отскочил влево и наотмашь рубанул ребром ладони сбоку по загорелой шее, а большим пальцем ткнул в левый глаз противника. Лезвие ножа вспороло ткань рубахи Джерсена и чиркнуло по коже, оставив след длиной в шесть дюймов, откуда тотчас же стала сочиться кровь.

Разъяренный раной, Джерсен поймал руку противника, применил захват, сделал подножку и, используя собственную инерцию Бэла Рука, сломал ему локтевой сустав.

Бэл Рук громко крикнул, нож выпал из его обмякших пальцев, однако он успел поймать оружие на лету, схва-

тившись левой рукой за рукоять, и тут же, отведя руку далеко назад, с силой пырнул ножом в бедро Джерсена.

Ошеломленный Джерсен в ужасе отпрянул. Неужели он стал таким неуклюжим? Кровь у него теперь текла из двух ран. Пройдет совсем немного времени — и силы оставят его, и тогда он будет убит...

Но нет, не все еще кончено! Он опять нанес рубящий удар ладонью по шее Бэла Рука, а когда тот попытался еще раз занести левую руку для нового удара ножом, Джерсен поймал ее. Однако осуществить захват не сумел. Бэл Рук вывернулся, отпрыгнул на несколько шагов и остановился, чтобы перевести дух. Грудь его тяжело вздымалась, правая рука висела как плеть, левый глаз почти полностью заплыл кровью.

Кровь лилась из ран на груди и бедре, но Джерсен, прихрамывая, побрел к своему ножу. Бэл Рук бросился вслед за ним, занеся кинжал высоко над головой, готовый нанести удар сверху вниз. Джерсен перехватил занесенную над ним руку, затем сложился чуть ли не вдвое, чтобы избежать удара коленом в пах, и тут же резко выпрямился. Бэл Рук, шатаясь, сделал шаг назад, и Джерсен поднял с земли свой нож. Бэл Рук, раздув ноздри и ловя ртом воздух, почти вслепую, так как уже оба его глаза заплыли кровью, двинулся навстречу Джерсену. Джерсен во второй раз метнул нож — теперь он почти по рукоять воткнулся в мускулистую шею Бэла Рука. Противник упал на колени и уже в отчаянии, чисто машинально, швырнул свой нож в Джерсена. Опускаясь, острие скользнуло по его бедру. Бэл Рук же рухнул на землю лицом вниз, и под тяжестью тела кинжал проткнул его шею насквозь, так что из нижней части затылка вышли шесть дюймов лезвия.

— Объявляю хадава завершенным! — провозгласил судья. — Победил Джерсен. Приз — сто двадцать пять акций «Котзиш» и два сева.

Джерсен забрал сертификаты и нетвердой походкой покинул арену. Врач завел его в ближайший дамбл и оказал первую помощь.

Сто двадцать пять акций «Котзиш»! Теперь Джерсену принадлежало две тысячи четыреста шестнадцать акций, на шесть более половины. Компания «Котзиш Мючуэл» перешла в безраздельное его распоряжение.

Выйдя из дамбла, Джерсен обнаружил, что труп Бэла Рука уже унесли. Он взглянул на трибуну — мезленцы разошлись, по-видимому, уже вдоволь насмотревшись на «развлечение».

Прихрамывая, Джерсен покинул площадь и направился к своему гипервельботу. Визвавшись на борт, он тщательно задраил все люки, поднял «Призрак» в воздух и взял курс на восток, в Сержеуз.

* * *

Ночь он провел на вельботе, медленно дрейфуя над пустыней, а утром совершил посадку рядом с водяной завесой Сержеуза. Повинуясь какому-то мимолетному капризу, он надел свободные брюки из черной саржи, белую льняную рубашку и подпоясался широким темно-зеленым кушаком — наряд богатого молодого аристократа из Авенты на Альфаноре, отправляющегося на прогулку. Проковыляв несколько десятков метров под утренними лучами Коры, он нырнул под водяную завесу и, прихрамывая, направился к Центральной площади. Веранда у входа в «Сферинду» была пуста. Перед «Туристом» завтракали несколько самых ранних пташек.

Джерсен прошел в вестибюль и позвонил по телефону в «Сферинду» с просьбой соединить его с госпожой Шеридин Ченсет. Через несколько секунд в трубке раздался ее мягкий говор:

— Да? Кто это?

— Кирт Джерсен.

— Подожди минутку, я прикрою дверь... Кирт Джерсен! Что заставило тебя подвергать свою жизнь такой опасности? Никто не сомневается в том, что ты сумасшедший!

— Мне нужны были сто двадцать пять акций компании «Котзиш». Теперь эта компания принадлежит мне.

— Но ведь ты рисковал жизнью!

— Я не мог поступить иначе. Тебя тревожила моя судьба?

— Разумеется! Мое сердце чуть не перестало биться. Я не хотела смотреть, но не могла отвести глаз. Все в один голос утверждают, что Бэл Рук — печально знаменитый убийца, великолепно владеющий всеми видами оружия. Теперь они считают, что ты точно такой же, как и он.

— Ничего подобного!.. Я могу с тобой встретиться?

— Не знаю, каким образом. Мы вот-вот отправляемся в Ллаларкно, тетка Мейнисс следует за мной неотступно. Она уже совершенно уверена, что со мной что-то не так... Где ты сейчас? В «Туристе»?

— Да.

— Я сейчас приду. Минут пятнадцать у меня еще есть.

— Буду ждать тебя на веранде, там, где мы сидели раньше.

— Где я впервые окончательно поняла, что это любовь. Ты помнишь?

— Помню.

— Иду.

Джерсен прошел на веранду и занял столик. Через две минуты появилась Шеридин. На ней было то же темно-зеленое платье, в котором он впервые ее увидел. Джерсен поднялся. Она бросилась к нему в объятия, они поцеловались... один раз, другой... много раз...

— Все так бессмысленно,— сказала Шеридин.— Больше я тебя никогда не увижу.

— Я говорю себе то же самое, но не могу заставить себя поверить.

— Каким-то образом придется.— Шеридин бросила взгляд через плечо.— Я буду скомпрометирована, если меня застанут здесь с тобой.

Джерсена слегка уязвило ее высказывание.

— Тебя это беспокоит?

Шеридин ответила не сразу:

— Да. В Ллаларкно репутация превыше всего.

— А что, если я прибуду в Ллаларкно?

Шеридин покачала головой:

— Наш круг крайне узок. Мы знаем друг о друге все и должны жить только так, как того от нас ожидают. Это делает наше существование счастливым... Обычно.

Джерсен долго, очень долго, молча смотрел на Шеридин, затем медленно произнес:

— Если бы даже я мог предложить счастливую и безмятежную жизнь, все равно бы не был услышан. Но я ничего не могу тебе обещать, кроме тревог, путешествий в чужие неустроенные миры и, не исключено, даже опасностей... По крайней мере, в обозримом будущем... Поэтому — прощай.

Из глаз Шеридин брызнули слезы.

— Для меня невыносимо само это слово. Оно подобно смерти... Временами мне хочется, чтобы ты отнес меня в свой корабль и улетел вместе со мной. Я бы не стала сопротивляться, не звала бы на помощь — я упивалась бы счастьем!

— В самом деле было бы замечательно. Но я не могу так поступить. Это принесло бы тебе только горе.

Шеридин поднялась и зажмурила глаза, чтобы унять слезы.

— Мне пора идти.

Джерсен тоже поднялся, но не сдвинулся с места. Она замялась в нерешительности, затем сама подошла к нему и поцеловала в щеку.

— Я никогда тебя не забуду, — прошептала она, повернулась и покинула веранду.

Джерсен снова сел.

Инцидент исчерпан. Он забудет Шеридин Ченсет как можно быстрее, забудет целиком и полностью... А теперь надо поторапливаться. Пеншоу пока еще не знает о смерти Бэла Рука, не знает, что Джерсен стал обладателем контрольного пакета акций «Котзиш».

Два сева, что Джерсен получил за победу над Бэлом Руком, он потратил на завтрак, затем вернулся к своему кораблю. Сложив в чемоданчик необходимый набор инструментов, он быстро, несмотря на хромоту, добрался

до Диндар-Хауза и направился прямо в контору Пеншоу.

Как и прежде, дверь была заперта на замок. Джерсен вынул из чемоданчика инструменты, взломал замок и распахнул дверь, нисколько не заботясь о том, что такое вторжение может включить охранную сигнализацию. Оттил Пеншоу не на Дар Сай, и Бэл Рук мертв, а кроме них вряд ли кто обратит внимание на сигналы тревоги из комнаты 103 в Диндар-Хаузе. Внутри, как и раньше, воздух был затхлым, и пахло какой-то тухлятиной.

В коридоре слышались чьи-то торопливые шаги. В дверь заглянули двое мужчин. Джерсен встретил их откровенно недружелюбным взглядом:

— Кто вы такие, и что вам здесь понадобилось?

— Я управляющий этого здания, — резко ответил один из мужчин. — А вот кто вы такой?.. Мистер Бэл Рук просил меня приглядывать за непрошеными гостями. Как вы посмели вломиться сюда?!

— «Котзиш Мючуэл» отныне принадлежит мне, и контора теперь в моем распоряжении. Я имею право входить в нее и делать здесь все, что только пожелаю, независимо от того, имеется или нет у меня ключ от двери.

— Бэл Рук ничего не говорил мне об этом.

— И никогда уже не скажет. Бэл Рук мертв.

Лицо управляющего сразу же помрачнело.

— Печальная новость.

— Но только не для честных и порядочных людей. Бэл Рук — подлец из подлецов. Он заслуживал гораздо более горькой участи... А теперь, пожалуйста, убирайтесь. Если вам угодно навести справки обо мне, обратитесь к Адарио Ченсету, управляющему «Банка Ченсета».

— Как вам угодно, сэр.

Мужчины отошли от двери и, пошептавшись еще немного в коридоре, удалились.

Джерсен начал со стальных шкафов, затем занялся полками и только после этого обследовал письменный стол. Разыскал документы, касавшиеся проводимых ком-

панией «Котзиш» операций, копии накладных, в которых указывалось количество черного песка, переданного на хранение каждым из акционеров компании, и сведения о распределении между ними выпущенных акций — информация, обладать которой раньше он был бы очень рад, но которая теперь уже ничего для него не значила. Обнаружил он также копии арендных договоров, лицензий и прав на геологоразведку и добычу руды, полученных компанией «Котзиш». Все это теперь не имело никакой ценности — так, во всяком случае, все утверждали. Джерсен сложил документы в отдельный пакет и отодвинул в сторону.

На письменном столе он вообще не обнаружил ничего интересного.

Джерсен окинул взглядом контору в последний раз. Ведь именно она была пристанищем Оттила Пеншоу, Бэла Рука и, почти наверняка, Ленса Ларка. Даже воздух в ней был заражен их гнусным духом.

Покинув Диндар-Хауз, Джерсен отправился прямо к «Крылатому Призраку» и через несколько минут стартовал в космос.

ЧАСТЬ 3

МЕЗЛЕН

Глава 12

Мезлен! Волшебная планета, коренные жители которой, народ, наделенный множеством превосходных качеств, красивый внешне, гордый, отличающийся изысканностью манер и одежды, живут в благополучии, нарочитом уединении и зачастую в раздражающей убежденности в собственном над всеми превосходстве.

Высокомерие, слово, на первый взгляд, как никакое другое применимое к мезленцам, включает в себе, однако, слишком много по-разному воспринимаемых дополнительных оттенков и часто представляет в ложном свете

этих людей, которым, несмотря ни на что, изначально при-
суще какое-то особое обаяние. Даже челядь и служащие
различных учреждений, являющиеся выходцами с других
планет, относятся к мезленцам с пониманием и даже неко-
торой снисходительностью. И хотя питаемые к мезленцам
чувства часто бывают противоречивыми, враждебность по
отношению к ним — явление очень редкое.

Для исследователя человеческой природы во всем ее бес-
конечном разнообразии мезленцы представляются приме-
ром, достойным восхищения. История самой планеты срав-
нительно бедна событиями. Она была открыта на средства
товарищества «Аретий», привилегированного клуба из го-
рода Зангельберг на планете Станислас, и предоставлена в
пользование этого товарищества. Довольно значительные
участки суши были распределены между членами клуба,
остальную часть планеты превратили в заповедник. Мно-
гие аретийцы, посетившие эту планету, пожелали остаться
на ней навсегда, и все они чудовищно разбогатели, заняв-
шись сто двадцатниками.

Мезленцы с величайшим усердием делают все, чтобы
их планета оставалась как можно более обособленной и не
похожей ни на какую другую. Космопорт в административ-
ном центре планеты, городе Твонише, является единствен-
ным на планете местом, связывающим ее с внешним миром.
Население Мезлена невелико. Двадцать тысяч человек
живут в Лаларкно, столько же или чуть больше предпочи-
тают загородные имения. Твониш, по сути, является анкла-
вом, населенным пятьюдесятью тысячами так называемых
монгрелов, представляющих собой разношерстную смесь
инопланетян самого различного происхождения и потомков
детей, появившихся на свет в результате случайных связей
между мезленцами и немезленцами. Имеется здесь и круп-
ное землячество дарсайцев, используемых на самых тяже-
лых и грязных работах.

Лаларкно представляет собой скорее чрезмерно разрос-
шееся сельское поселение, чем город. Изумительные мез-
ленские дома являются «святая святых» для живущих в
них семей. Каждый такой дом имеет свое имя и славится
или определенной репутацией, или особой атмосферой, или,
наконец, своеобразным духом, неповторимым и по-своему
замечательным. В этих домах мезленцы совершают свои

обряды, предаются любимым занятиям и устраивают пышные зрелища, делая свою жизнь ярче и разнообразнее. К таким зрелищам относятся сотни различных состязаний, театральные представления, музыкальные и оперные фестивали, конкурсы бальных танцев, веселые и красочные феерии. Разнообразные развлечения продолжаются круглый год, каждый может заняться тем, что ему по вкусу.

Жизнь как непрерывный красочный карнавал — лейтмотив существования мезленцев. Поэтому не удивительно, что одной из главных отличительных их черт является лицедейство, выражающееся в отношении ко всем остальным обитателям Ойкумены как к первобытным дикарям или, в лучшем случае, как к грубому сброду. Наиболее проницательные из мезленцев прекрасно понимают, что подобное представление о жизни не более чем каприз, плод воображения, однако с наслаждением отдаются этому капризу. Другие принимают такое положение вещей за чистую монету, считают основополагающей истиной. Большинству мезленцев явно недостает критического отношения к своим пристрастиям; они склонны к преувеличениям, обожают величественные жесты и театральные позы. Каждое мгновение жизни рассматривается ими как еще одна возможность изменить мизансцену, где каждый стремится занять такое место, откуда он мог бы производить на других наиболее выигрышное впечатление. Однако, несмотря на все это и вопреки этому, мезленцы — народ прагматичный, делающий очень мало ошибок и не позволяющий экстравагантности увлечь себя до такой степени, когда она становится неуместной.

Ричард Пелто. «Народы системы Коры»

* * *

Подступы к Мезлену из космоса прикрывали десять застав, оборудованных на спутниках, стационарные орбиты которых находились на удалении в полмиллиона миль от поверхности планеты. Следуя регламенту, приведенному в «Справочнике космического пилота», Джерсен заявил о своем намерении произвести посадку на планете и был направлен к ближайшей из этих застав. Причालивший «Крылатый Призрак» посетили

мезленский лейтенант и два мичмана, и после непродолжительной проверки Джерсену было дано разрешение на посадку, предоставлено место на стоянке в космопорту Твониша и указан воздушный коридор для посадки.

Как только представители властей удалились, «Крылатый Призрак» начал быстро снижаться в направлении Мезлена — величественной сферы, как бы обтянутой темно-синим и зеленым крапчатым бархатом. Несколько сбоку от этой сферы, залитой лучами Кору, завис спутник Шанитра — угловатая глыба пепельного цвета, небесное тело, исключительными правами на разработку минеральных ресурсов на котором теперь безраздельно владел Джерсен. Правда, было весьма сомнительным, имеются ли на Шанитре вообще какие-либо ресурсы, которые бы стоило разрабатывать.

Отведенный для снижения коридор вывел Джерсена к Твонишу, единственному городу на Мезлене, а координаты, введенные в бортовой компьютер, обеспечили посадку корабля точно в отведенном для него месте на взлетно-посадочном поле твонишского космопорта.

Было уже далеко за полдень. Внутрь вельбота через иллюминаторы лились яркие и чистые лучи Кору, совсем не такие жесткие и обжигающие, как на Дар Сай. Ступив на поверхность Мезлена, Джерсен подумал: «Вот он, мир Шеридин Ченсет».

С западной стороны виднелись бетонные и стеклянные здания Твониша, высоко вздымавшиеся вверх, опиравшиеся всего лишь на одну, две или несколько опорных колонн и поэтому казавшиеся какими-то воздушными и в то же время монументальными. За ними возвышалось утопающее в буйной растительности нагорье — это и был Ллаларкно. К северу от космопорта до самого горизонта простирались поля и сады, к югу — ухоженная лесопарковая зона с многочисленными лужайками и огромными деревьями-старожилами, царящими над остальной растительностью, как длинная цепь древних гор.

«Безмятежный и ласкающий взор пейзаж», — подумал Джерсен и по дорожке, выложенной плитками из

туфа, прошел к зданию космовокзала, многоугольнику из стали и стекла с центральной диспетчерской башней. Указатель вывел его к стойке регистрации прибытия, где клерк в форменной одежде занес данные Джерсена в центральный компьютер, после чего желтая сигнальная лампа на небольшом пультике перед ним погасла, удостоверив тем самым окончание процедуры оформления, начатой еще на спутнике-перехватчике.

В центр города Джерсен добрался на общественном транспорте. В гостинице «Коммерсант» ему предложили номер с ванной, полностью его устроивший. Первоочередной заботой Джерсена стали деньги, которых у него теперь совершенно не было. Позвонив в справочное бюро, он выяснил адрес местного отделения «Банка Куни», куда тотчас же и отправился, чтобы получить по кредитной карточке тысячу севов.

Купив в киоске план города, он расположился в ближайшем кафе со столиками, расставленными прямо на тротуаре.

Подошедшей принять заказ официантке Джерсен показал на мужчину за одним из столиков по соседству, перед которым стоял покрытый изморозью фужер с какой-то бледно-зеленой смесью.

— Это наш фирменный пунш, сэр. Фруктовый сок, ячменная водка и ягодный ром, охлажденные и тщательно перемешанные.

— Принесите мне то же самое, — сказал Джерсен и, откинувшись на спинку стула, принялся разглядывать жителей Твониша.

По большей части они были монгрелами, людьми различной расовой принадлежности, но в совершенно одинаковых одеждах: полосатых пиджаках или жакетах темных или приглушенных тонов и черных брюках или юбках. Все вместе это создавало впечатление строгого соблюдения принятых условностей и делового настроения. Инопланетяне — коммивояжеры, бизнесмены, туристы — своим видом заметно отличались от местных жителей. На глаза Джерсену попало также несколько дарсайцев, в брюках грязно-коричневого цвета и белых

рубахах под брюки или навывпуск, и пара мезленцев, резко выделяющихся черными волосами и оливковым цветом кожи, одеждой и какой-то особенно непринужденной манерой держаться. Довольно интересное смешение народов, отметил про себя Джерсен.

Официантка принесла бокал холодного пунша.

Джерсен развернул план города, сразу же отметив, что он довольно компактен. Улицы и площади Твониша были аккуратно расчерчены и поименованы, но местность к западу, обозначенная как Ллаларкно, на плане была показана без каких-либо подробностей. Обитатели мезленцев и проезды к ним, по-видимому, не предназначались для взоров плебеев. Джерсена это нисколько не покорило — к повышенному тщеславию мезленцев он был совершенно равнодушен.

Пунш оказался замечательнейшим. По просьбе Джерсена официантка принесла еще бокал.

— Этого вам будет вполне достаточно, — искренне предупредила она. — Напиток очень крепкий, его влияние почувствуется только тогда, когда захочется подняться из-за стола. Бывает, даже лишняя рюмка его становится своеобразным «Приглашением к покаянию», так как тот, кто отведал этого пунша больше, чем позволяют его возможности, начинает вести себя неподобающим образом и должен понести за это наказание.

— Я очень благодарен вам за предупреждение, — сказал Джерсен. — И какого рода наказание ждет провинившегося?

— Все зависит от того, что он успеет натворить. Обычно скандалистов пеленают по рукам и ногам различным тряпьем и разрешают детям забрасывать их переспевшими фруктами, которые, как мне думается, испортились и очень плохо пахнут. — Девушка даже вздрогнула от отвращения. — Ни за что не хочется стать таким посмешищем.

— Мне тоже, — согласился Джерсен. — Будьте любезны, принесите, если можно, телефонный справочник.

— Пожалуйста, сэр.

Джерсен сразу же отыскал адрес «Котзиш Мючуэл» — здание под названием Скоун-Тауэр — и номер телефона. Подозвав официантку, чтобы расплатиться, Джерсен спросил:

— Вы не подскажите, где находится Скоун-Тауэр?

— Посмотрите-ка вон туда, сэр, по ту сторону парка. Видите дом с высоким главным входом? Это и есть Скоун-Тауэр.

Джерсен пересек парк и вышел к Скоун-Тауэру — восьмизэтажному зданию из бетона и стекла, с четырьмя массивными стальными колоннами в качестве опорных элементов сооружения. Как далеко оно ушло от Диндар-Хауза в Сержеузе! Для обанкротившейся и погрязшей в долгах «Котзиш Мючуэл» это здание казалось чересчур шикарным. Откуда у «Котзиш» средства, чтобы арендовать помещение в подобном здании? Из денег, полученных по страховке за «Эттилию Гаргантир»? От продажи украденных у самой же «Котзиш» stodvadtников?

Перейдя улицу, Джерсен вошел в вестибюль первого этажа — огороженное стеклом пространство между несущими четырьмя колоннами. В соответствии с указателем контора «Котзиш Мючуэл» занимала помещение номер 307 на третьем этаже. Джерсен задумался: что делать дальше? Можно пройти в контору «Котзиш» и предъявить свои претензии на управление компанией. Такая прямолинейная тактика не останется незамеченной Ленсом Ларком. Вопрос состоял только в том, даст ли она преимущество Джерсену? Ему, естественно, хотелось сделать все до того, как Пеншоу узнает о смерти Бэла Рука, а это может случиться в любую минуту.

Джерсен пересек вестибюль и вошел в офис администрации здания. Здесь он увидел худого, как хворостинка, монгрела с острым лицом и живыми черными глазами, в традиционных черных брюках, полосатом пиджаке и до глянца начищенных черных башмаках. Медная табличка гласила:

ЮДОЛФ ТЕСТЭЛ,
управляющий.

Джерсен представился полномочным представителем «Банка Куни».

— Мы рассматриваем возможность учреждения отделения нашего банка в Твонише, — как можно более официально заявил Джерсен. — Мне нужны адреса фирм и учреждений, а также офис, который соответствовал бы нашим запросам.

— С большой охотой посодействовал бы вам, — произнес Тестэл, оказавшийся не только понятливым малым, но еще и довольно высокого мнения о себе, — но у нас практически все занято. Единственное, что я в состоянии предложить вам, это офис на втором этаже и отдельная комната на пятом.

Он извлек из стола поэтажные планы и показал на них помещения, предложенные Джерсену. Джерсен взял планы, задержал взгляд на планах пятого этажа и второго, затем стал рассматривать план третьего этажа. «Котзиш Мючуэл» занимала всего лишь одну комнату, номер 307, между конторой по импорту лекарств «Айри», номер 306, и трехкомнатным офисом «Джаркоу Инжиниринг» в помещении под номером 308.

— Мне бы больше подошел третий этаж, — произнес Джерсен. — Там есть свободные помещения?

— Ни единого.

— Жаль. Меня вполне бы устроил любой из этих офисов, — сказал Джерсен, показывая пальцем на номера 306 и 307. — Указанные фирмы обосновались здесь на долгий срок? Может, какую-нибудь из них можно было бы перевести на пятый этаж?

Услышав такое дерзкое предложение, Тестэл возмутился.

— Я абсолютно уверен в том, что они ответят отказом, — твердо заявил он. — Мистер Куст из «Айри Фармацевтик» весьма консервативен в этих вопросах. А мистер Пеншоу из номера триста семь работает в тесном контакте с «Джаркоу Инжиниринг». Ни один из них не согласится переселиться — я нисколько не сомневаюсь.

— В таком случае пойду взгляну на офис на пятом этаже, — сказал Джерсен, — чтобы принять окончательное решение, в котором я бы впоследствии не раскаялся.

— Пожалуйста,— шмыгнув носом, разрешил Тестэл, выдвинул один из ящичков письменного стола и извлек оттуда ключ.— Номер пятьсот десять. Выйдя из кабины лифта, повернете направо.

Джерсен отправился на пятый этаж. В кабине лифта он присмотрелся к конструкции ключа: металлическая пластинка из нескольких тончайших слоев, открывающая замок благодаря их различной магнитной проницаемости. Подделать такой ключ необыкновенно сложно, как и невозможно с его помощью войти в помещения 306, 307 и 308. Джерсен тем не менее запомнил ящик, в котором управляющий хранил ключи.

Быстро осмотрев комнату 510, он вернулся в кабинет Тестэла и отдал ключ.

— О своем решении я сообщу чуть позже.

— Будем рады помочь вам,— сказал Тестэл.

* * *

На одной из самых захудалых улочек Твониша Джерсен разыскал мастерскую по изготовлению ключей, приобрел там три заготовки, по форме в точности совпадающие с ключами, применяемыми в Скоун-Тауэре, и попросил выгравировать на них номера 306, 307 и 308. Затем вернулся в космопорт, прошел к «Крылатому Призраку» и уложил в чемоданчик несколько комплектов подслушивающей аппаратуры различных типов. Когда он поставит Пеншоу лицом к лицу с новыми обстоятельствами, последующие разговоры могут вывести его непосредственно на самого Ленса Ларка или, по крайней мере, несколько прояснить его местонахождение.

Вернувшись с подготовленным оборудованием в «Коммерсант», Джерсен задумался. Уже смеркалось, и, по-видимому, с осуществлением задуманного придется подождать. Тем не менее нетерпение Джерсена было столь велико, что сидеть сложа руки он не мог. Время работало против него, нарастающая опасность сорвала его с места. Он пересек парк и вышел к Скоун-Тауэру. Если Оттил Пеншоу сейчас в конторе, то совсем не мешало бы узнать, куда он направится, покинув ее.

Стоя на краю парка, Джерсен отсчитал окна. В комнате 306 все еще горел свет — мистер Куст из «Айри Фармацевтик» работает допоздна. В окне комнаты 307 свет не горел — Оттил Пеншоу проводит время в свое удовольствие неизвестно где. В помещениях офиса 308, занимаемых фирмой «Джаркоу Инжиниринг», тоже было темно. Джерсен перешел на противоположную сторону улицы и заглянул в вестибюль. Дверь в кабинет управляющего была открыта нараспашку, а сам Юдолф Тестэл все еще усердствовал за письменным столом, с хмурым видом изучая записи в конторской книге.

Джерсен подошел к телефону в дальнем углу вестибюля, позвонил в кабинет Тестэла и услышал отрывистый ответ:

— Скоун-Тауэр. Кабинет управляющего.

Джерсен высоким мальчишеским голосом, срывающимся от волнения, произнес:

— Мистер Тестэл, поднимитесь сейчас же в сад на крыше! Здесь творится нечто невообразимое! Только вы сумеете пресечь это безобразие! Быстрее, пожалуйста!

— Что? — вскричал Тестэл. — О чем это вы? Кто звонит?

Джерсен повесил трубку и занял позицию, откуда хорошо просматривался весь вестибюль.

Тестэл чуть ли не бегом выскочил из кабинета, лицо его выражало досаду и полное непонимание. Еще через мгновение за ним закрылась дверь лифта.

Джерсен метнулся в кабинет, обошел стол и выдвинул ящик с ключами. Ключи с номерами 306, 307 и 308 он заменил заготовками, затем задвинул ящик на место, вышел из кабинета, пересек вестибюль и покинул здание Скоун-Тауэра.

* * *

Очень довольный тем, что удалось повернуть сегодня вечером, Джерсен зашел поужинать в ресто-

ран, вход в который был украшен старинным гербом, а рядом висело объявление:

КЛАССИЧЕСКАЯ КУХНЯ:

*блюда, приготовленные в точном соответствии
с рецептами великих кулинаров.*

Таинства гастрономического искусства не очень-то волновали Джерсена, и он вверил судьбу своего ужина в руки официанта, протянувшего ему меню в роскошном черном бюваре с серебристым тиснением.

— Особенно рекомендую вам, сэр, включенную в наше сегодняшнее меню «Гранд-трапезу»!

Джерсен открыл меню на соответствующей странице:

ШЕДЕВРЫ ДЕСЯТИ ПЛАНЕТ

*Мясной бульон с плодами алоэ и водяными лилиями
в стиле Бенитрес, Капелла-6.*

Рыбы мальки под соусом из розового корня нарда и
кресс-салата**, подаваемые точно так же, как это
делал Сигизмунд в Гранд-отеле в Авенте на Альфа-
норе.*

*Нежнейшие отбивные из мяса пятирогого гаранга,
обитающего во влажных джунглях богатой атмосфер-
ным кислородом планеты, название которой постав-
щиками сохраняется в глубокой тайне.*

*Запеканка из белсиферского корня с шафраном в сти-
ле «Зала Расставаний» на планете Мариотис.*

*Грибная закуска под охлажденным чатни*** из ана-
насов и манго, выращенных в садах Старой Земли.*

*Салат из пряных трав и зелени листьев капусты и
шпината, обработанных оливковым маслом из средиземноморских маслин и алсатианским уксусом.*

* Нард — многолетнее травянистое ароматическое растение, родственное валериане и растущее в Гималаях. Из его корневища добывается душистое вещество с тем же названием. (Примечание переводчика.)

** Кресс-салат (нем. Kresse) — овощное однолетнее растение из семейства крестоцветных, листья которого используют в пищу. (Примечание переводчика.)

*** Чатни — индийская кисло-сладкая фруктовая приправа к мясу. (Примечание переводчика.)

Всевозможные сласти, печенье и деликатесы, продаваемые на Эспланаде в Авенте (Альфанор).

Кофе из зерен деревьев, выращенных в высокогорных долинах Крокинола, омываемых яркими лучами солнца и частыми живительными дождями. Приготавливается мгновенно в особых фарфоровых кофейниках и подается вместе с рюмкой маскаренского рома, как у Толстяка Хэннаха в космопорту Копуса.

Трапеза дополняется пятью изысканнейшими сортами вина, каждый из которых подается только к соответствующему блюду.

Цена в тридцать севов автоматически помещала такую трапезу в число предметов роскоши.

«Но почему бы и нет?» — спросил Джерсен самого себя и повернулся к официанту:

— Можете подавать эту самую «Гранд-трапезу».

— Сию минуту, сэр.

Все блюда были прекрасно приготовлены, умело оформлены и эффектно поданы. Не исключено, что они и на самом деле были из указанных в меню продуктов. Так, во всяком случае, показалось Джерсену, которому доводилось обедать во многих из перечисленных в меню дальних уголках Ойкумены и не раз и не два пропускать рюмочку у Толстяка Хэннаха на Копусе. Клиентура, что не ускользнуло от внимания Джерсена, по меньшей мере наполовину состояла из мезленцев. Что, если вдруг сюда случайно забредет Шеридин Ченсет? Как ему поступить в таком случае? Он и сам толком не знал.

Выйдя из ресторана, Джерсен решил прогуляться по главному проспекту Твониша — обсаженному стройными рядами деревьев бульвару под названием Аллея, — который, плавно обогнув Парк Отдохновения, переходил затем в дорогу, ведущую в глубь Ллаларкно.

Кроме такси, на улицах почти не было видно никакого другого транспорта. Мезленцы решили проблему городского транспорта чрезвычайно просто: получение водительских прав стоило очень дорого, а дороги строились только в самой непосредственной близости к Твонишу.

Повинуясь какому-то безотчетному импульсу, Джерсен остановил такси — небольшой экипаж на надувных шинах с салоном для пассажиров впереди и возвышающейся над ним кабиной водителя сзади.

— Слушаю, сэр?

— Ллаларкно, — произнес Джерсен. — Провезите любым маршрутом по своему усмотрению и возвращайтесь сюда же.

— Вы не имеете в виду какой-то определенный адрес, сэр?

— Нет, нет. Просто хочется хоть разок взглянуть, что из себя представляет Ллаларкно.

— Гм... Пожалуй, сейчас можно, поскольку уже темно. Мезленцы — вы, возможно, этого не знаете, так как, наверное, первый день в Твонише, — очень ревниво оберегают свой покой. При виде забредшего в Ллаларкно огромного автобуса, наполненного туристами, они пришли бы в неопишное бешенство.

— Поскольку не вижу в этом нарушения законов, весь риск я беру на себя.

— Как вам угодно, сэр.

Джерсен занял место в пассажирском салоне.

— Может быть, вы все-таки пожелали бы посетить какое-нибудь особенное место? — поинтересовался водитель.

— Вам известно местожительство Адарио Ченсета?

— Разумеется, сэр. Особняк Ченсета называется Олденвуд.

— Когда мы будем проезжать мимо, покажите мне его.

— Хорошо, сэр.

Такси покатило по Аллее, обогнуло Парк Отдохновения и начало взбираться по пологому склону, ведущему в Ллаларкно. Густые ветви деревьев вскоре совсем скрыли огни Твониша, и Джерсен почти сразу же ощутил себя в совершенно новом окружении.

Дорога теперь шла среди буйной растительности, то и дело огибая тот или иной мезленский дом. Джерсен, исходя из собственной оценки богатства Ченсета и его

социального положения, ожидал увидеть повсюду величие и показную роскошь, однако, к немалому своему удивлению, обнаружил в основном только хаотически разбросанные старинные особняки, построенные, несомненно, с одной-единственной целью — создать максимум удобства тем, кто в них поселился. Взгляд его скользил по уютным лужайкам, бассейнам и верандам, сплошь увитым буйно цветущими растениями. Среди ветвей мелькали разнообразные фонари, как в какой-то сказочной стране, из высоких многостворчатых окон лился мягкий золотистый свет. Люди, живущие в этих домах, подумалось Джерсену, относятся к ним с такою любовью и заботой, будто они — живые существа. Детям, безусловно, ни за что не хочется расставаться с такими домами, однако дом наследует старший сын, а остальным, независимо от того, насколько им больно, приходится его покидать.

Джерсен, который едва помнил дом своего детства, вдруг загрустил, размышляя над этим. Он и сам мог бы обзавестись таким домом, если бы захотел, таким же просторным и удобным, и не расходы служили препятствием, а только образ жизни космического бродяги, которому даже мысль о подобном казалась не более чем призрачным воздушным замком. Однако грезить об этом было так приятно, так сладко, что хотелось протянуть как можно долее мгновенья несбыточного счастья.

Где бы он предпочел жить, если бы обстоятельства сложились так, чтобы можно было обосноваться надолго? Безусловно, не на Альфаноре, как и не на любой другой планете Скопления. И даже не на планетах Веги, где дома, подобные этим, будут выглядеть совершенно неуместными. Пожалуй, только на Старой Земле или здесь, на Мезлене. И с Шеридин Ченсет...

Чем больше Джерсен задумывался над этим, тем более заманчивой начинала казаться ему такая перспектива. И все же это невозможно!

— Где же Олденвуд? — окликнул Джерсен водителя.

— Уже совсем близко. Вот Парнассио, дом Зэймсов. А это — Андельмор, в нем живут Флористисы. А вот и Олденвуд.

— Остановитесь на минутку.

Джерсен вышел из такси и встал на дороге. С еще большей грустью, чем раньше, смотрел он на дом, где прожила свою жизнь Шеридин. Все окна темные, лишь кое-где светятся огоньки охранной сигнализации. Ченсеты, судя по всему, еще не вернулись домой.

— Обратите внимание вон на тот дом,— сказал водитель.— Это Мосс-Элрун, очень приличный дом. Он принадлежит престарелой леди, последней в роду Эйзелсов. Она оценила дом в миллион севов и не уступает ни цента... Вы слышали о Ленсе Ларке, великом пирате космоса?

— Естественно.

— Однажды он забрел в Ллаларкно, вот как вы сейчас, и, увидев этот дом, решил купить его. Ну что такое, скажите на милость, миллион севов для Ленса Ларка? Он прошел в сад, стал ко всему приглядываться, принявшись к цветам, пробовать ягоды на кустах. Случилось так, что в дальний конец своего сада забрел Адарио Ченсет и заприметил незнакомца. Окликнул его: «Эй, кто там? Что вам понадобилось здесь, в этом саду?» — «Я осматриваю продаваемое имение, если вам так уж необходимо все знать,— ответил ему Ленс Ларк.— Я решил приобрести его». Вот тут Адарио Ченсет прямо-таки взбеленился: «Катитесь отсюда ко всем чертям! Я не потерплю, чтобы отвратительная дарсайская рожа торчала над забором моего сада, не говоря уже о запахе! Убирайтесь из Ллаларкно, и чтоб вашего духа здесь больше не было!» Ленс Ларк тоже пришел в бешенство: «Сами катитесь к чертовой матери! Я совершаю покупки там, где пожелаю, и не стесняюсь показывать свое лицо всюду, где мне заблагорассудится». Ченсет опрометью бросился к себе в дом и вызвал охранников из службы безопасности, которые, разумеется, вытурили Ленса Ларка из имения старой дамы. Вот он, этот дом, так и пустой до сих пор, поскольку никому пока еще не хочется выкладывать за него миллион севов.

— А что же было дальше с Ленсом Ларком?

— Кто его знает? Говорят, он был вне себя от ярости и выпорол целую дюжину мальчишек, чтобы утешить свой гнев.

— Он все еще на Мезлене?

— Ну разве можно сказать о нем что-нибудь определенное? Никто не догадывался, что это Ленс Ларк, пока он вдруг не вспыхнул желанием приобрести Мосс-Элрун. Его имя стали упоминать только после этого инцидента.

Сквозь ветви деревьев Джерсен мог увидеть Мосс-Элрун только мельком. По поверхности озера за домом протянулась яркая, сверкающая дорожка отраженного света Шанитры*.

Джерсен забрался в салон такси, и оно продолжило объезд Лаларкно. Мимо проносились рощицы и поросшие лесом и кустарниками лощины, залитые лунным светом прогалины, величественные старинные дома, но Джерсен ни на что уже больше не обращал внимания. Такси сделало полный круг по Лаларкно, вернулось на косогор и спустилось к Аллее. Из задумчивого состояния Джерсена вывел голос водителя:

— Куда теперь, сэр?

Джерсен снова задумался. Ему еще многое предстояло сделать, было очень важно не терять времени, но он устал и к тому же расстроился. Утро вечера мудренее, решил в конце концов Джерсен.

— В гостиницу «Коммерсант».

Глава 13

Монгрелы Твониша в ответ на неприступность мезленцев, в противовес им, создали собственное общество со своей субкультурой, своими порядками, своей моралью, во всем проникнутыми настороженностью по отношению к мезленцам. Наверное, не мешало бы упомянуть

* Шанитра — спутник Мезлена, луна на его небосводе, получил свое название по имени смехотворно нелепого клоуна из мезленской оперы-буфф. (Примечание автора.)

и о том, что само слово «монгрел» вовсе не мезленского происхождения. С точки зрения мезленцев, все люди делятся на три категории: мезленцы, все другие, кроме дарсайцев, и дарсайцы. Слово «монгрел» было введено в употребление «Твонишским вестником», чтобы в шутливой манере охарактеризовать различное происхождение обитателей Твониша. В моду же слово вошло в качестве иронического ответа на претензии мезленцев на исключительность — шутки, истинного смысла которой сами мезленцы, естественно, не уловили.

Монгрелы предпочитают не обращать внимания на свою экономическую зависимость от мезленцев. Им нравится считать себя энергичными и предприимчивыми работниками сферы обслуживания, для которых расовая принадлежность клиентуры не имеет никакого значения. Их сообщество, по сути, является средним классом и неукоснительно подчиняется строгим и даже изощренным правилам поведения.

Если учесть вышесказанное, то во всем, что касается защиты своего происхождения, мнительность монгрелов столь же велика, как и у мезленцев. Монгрелам по душе считать мезленцев существами легкомысленными, поверхностными, тщеславными, неспособными противостоять своим прихотям и подверженным генетическому вырождению, в противоположность собственным моральным качествам монгрелов, их здравому смыслу и психологической устойчивости. Мезленские пышные зрелища они считают экстравагантными, показательными и слегка нелепыми, как роскошный брачный наряд самодовольного индюка. Однако все, что происходит в среде мезленцев, является источником бесконечных пересудов среди монгрелов, и каждого мезленца из Ллаларкно они знают по имени, стоит ему или ей снизойти до появления в Твонише.

Эти два народа с такими, казалось бы, противоположными культурами тем не менее прекрасно уживаются друг с другом. Монгрелы относятся с пренебрежительным равнодушием к «слабостям» мезленцев. Мезленцы отвечают монгрелам тем, что вообще не удостоивают их своим вниманием.

Ричард Пелто. «Народы системы Коры»

Джерсен проснулся очень рано и, взяв с собой заранее приготовленный набор инструментов, отправился к Скоун-Тауэру. Вестибюль здания был тих и пуст, дверь в кабинет Юдолфа Тестэла закрыта.

Поднявшись лифтом на третий этаж, Джерсен прошел мимо помещения 307 практически не останавливаясь — пристрастие Оттила Пеншоу к всевозможным ловушкам и датчикам сигнализации, безусловно, помешало бы в полной мере воспользоваться теми выгодами, что сулило осуществление затеи Джерсена. Возле двери в офис 308 он остановился и, бросив на всякий случай по взгляду в каждый конец коридора, вставил ключ в замочную скважину. Дверь отворилась легко. На пороге конторы фирмы «Джаркоу Инжиниринг» Джерсен на мгновение задержался. Он увидел перед собой приемную с местом секретарши за стеклянной перегородкой слева, а справа — холл, в который выходили двери из отгороженной стеклянной стенкой чертежной и нескольких личных кабинетов.

Все помещения были пусты. Джерсен прошел внутрь, прикрыв за собой дверь. В приемной находились диван, два кресла, журнальный столик и стеллажи с макетами различного оборудования, предназначенного для работы в условиях безвоздушного пространства: рудовозов, траншеекопателей, камнедробилок, центрифуг, загрузочных бункеров, ленточных транспортеров, скребковых конвейеров. Клетушка секретарши примыкала к конторе Оттила Пеншоу. Джерсен извлек из чемоданчика дрель и просверлил в стене глубокое отверстие небольшого диаметра. В отверстие он ввел щуп-микрофон, кончик которого касался наружного слоя штукатурки на стене в офисе Оттила Пеншоу. Под письменным столом секретарши он смонтировал миниатюрный магнитофон и подсоединил его к щупу тончайшей токопроводящей пленкой. Затем отвинтил нижнюю крышку коммутатора секретарши, завел внутрь корпуса провода от магнитофона и подсоединил их к находящимся внутри аппарата входным клеммам.

Работал он быстро и умело. Время было еще раннее, но, едва он установил на прежнее место нижнюю крышку коммутатора, дверь открылась, и в приемную вошла молодая женщина в общепринятом наряде секретарш: черной юбке и строгой, тщательно отглаженной полосатой блузке. Сама же секретарша вовсе не выглядела столь же строгой, совсем наоборот — она оказалась бойкой, жизнерадостной и, что самое главное, хорошенькой блондинкой, кудри которой игриво выбивались из-под белого беретика. При виде Джерсена она остановилась как вкопанная.

— Вы кто?

— Техник с телефонной станции, мисс,— быстро ответил Джерсен.— Ваша линия давно уже барахлит. Я только что привел все в порядок.

— В самом деле, она частенько давала сбои.— Девушка пересекла всю приемную и швырнула сумочку на стул.— Я не раз обращала на это внимание, особенно когда пыталась созвониться с Шанитрой.

— Теперь связь будет идеальной, без каких-либо помех или сбоев. В аппарате имеется одна небольшая деталька, подверженная быстрой коррозии. Обычно мы заменяем ее за пять минут и уходим прежде, чем кто-нибудь придет на работу, но сегодня я несколько подзадержался.

— Понятненько. А я вот сегодня пришла раньше обычного — нужно до начала рабочего дня отпечатать несколько писем. Вы все время работаете по ночам?

— Только тогда, когда имеются вызовы. Я работаю пока еще не полный рабочий день, на Мезлене я всего-то месяц.

— Вот как? А откуда вы, если не секрет?

— Родом я с Альфанора, это одна из планет Скопления.

— Мечтаю побывать в Скоплении! Но, увы, хорошо еще, если удастся выбраться хотя бы на Дар Сай, черти бы его побрали!

Девушка, отметил про себя Джерсен, прекрасно владела собой и была веселой и неглупой.

— А мне казалось, что работникам вот таких фирм, занимающихся горными разработками в космосе, час-тенко приходится бывать в дальних командировках.

Девушка рассмеялась:

— Я — всего лишь секретарша. Единственное место, куда меня иногда командирует мистер Джаркоу, это магазин по соседству, когда ему нужно что-нибудь срочно купить. Как мне кажется, я могла бы попутешествовать вместе с ним, если бы очень сильно захотела, вы понимаете, конечно, что я имею в виду, но я не того сорта девушка.

Джерсен поднял чемоданчик.

— Что ж, мне пора. — Он задержался в нерешительности. — Как я уже вам сказал, я совсем чужой в этом городе и еще не успел ни с кем познакомиться. Надеюсь, вы не сочтете меня нахалом, если я попрошу вас встретиться со мной сегодня вечером? Мы могли бы зайти куда-нибудь поужинать в приятной обстановке.

Девушка откинула назад голову и рассмеялась, притом даже чуть громче, чем раньше.

— Вы действительно смелый парень. Мы, монгрелы, народ очень порядочный, а я далеко не уверена, что у вас на уме на самом деле.

— Ничего такого, с чем бы вы не могли с легкостью справиться, — произнес Джерсен, пытаясь изобразить на лице искреннюю улыбку, что, как вдруг ему вспомнилось, может исказить его рот в «плотоядной ухмылке».

Девушка, однако, ничего подобного в его улыбке не заметила.

— Вы женаты?

— Нет.

— Мне, честно говоря, следовало бы твердо сказать «нет», и притом самым негодующим тоном. — Она лукаво скосила взгляд на Джерсена. — Но почему бы и нет?

— В самом деле, почему бы? Так где и когда я вас встречу?

— Ну, скажем, возле «Черного Сарая», там всегда очень весело, весь вечер танцы. Вы хорошо танцуете?

— Н-нет. Не очень.

— Мы быстро исправим этот недостаток! Ровно к началу первого вечернего часа. Я буду ждать у входа с красными дверьми.

— Понятно, за исключением того, как отыскать «Черный Сарай».

— Бог ты мой, вы действительно еще совершенно здесь не освоились! Ну кто же не знает, где «Черный Сарай»!

— Значит, я найду его без труда. Вот только позвольте спросить, как вас зовут?

— Люлли Инкельстаф. А вас?

— Кирт Джерсен.

— Что за странное имя! Звучит почти как средневековое. Своей профессии вы обучались на Альфаноре?

— Частично там, частично здесь и во время перелетов в космосе.— Джерсен поднял чемоданчик.— Пора уходить. Нам не положено проводить работы по вызову после начала рабочего дня. Мне не хотелось бы вызвать недовольство мистера Джаркоу.

— Слишком поздно,— сказала Люлли Инкельстаф.— Я слышу его шаги в коридоре. Но он не из тех, кого это так уж сильно беспокоит. Он вообще почти ни на что не обращает внимания... кроме меня, должна отметить.

Наружная дверь отворилась, в контору прошли двое: один худощавый и седой, с узкими плечами и грустным лицом, другой — высокий, могучего телосложения, с грубоватым болезненно бледным лицом и кажущимся совершенно неуместным обилием курчавых золотистых локонов. Он был одет в висевший на нем тряпкой традиционный костюм монгрела: черные брюки и пиджак в черную, зеленую и оранжевую полосы, еще сильнее оттенявшие бледный цвет его кожи. Худой прошел прямо в чертежную. Джаркоу приостановился и окинул Джерсена с ног до головы суровым взглядом, затем повернулся к Люлли, которая тотчас проворковала весело и непридуманно:

— Доброе утро, мистер Джаркоу. Позвольте представить моего жениха Дорта Каузена.

Джаркоу не очень-то дружелюбно кивнул Джерсену. Джерсен, в свою очередь, учтиво поклонился ему, после чего Джаркоу удалился к себе в кабинет. Люлли прикрыла рот ладонью, чтобы не приснуть.

— Эта мысль пришла мне в голову в самый последний момент. Время от времени Джаркоу пытается со мной заигрывать, вот мне и захотелось отбить у него охоту, не делая из этого большой драмы. Иногда он в самом деле бывает слишком уж навязчивым. Надеюсь, вас это нисколько не затронуло?

— Ну что вы, — ответил Джерсен. — Даже очень рад, что хоть таким образом, но оказался вам полезен. Однако теперь мне нужно идти.

— Увидимся вечером.

Джерсен покинул контору Джаркоу и направился прямо в комнату номер 307, штаб-квартиру «Котзиш Мьючуэл». Попробовав дверь, он обнаружил, что она заперта. Джерсен постучался, однако никто ему не ответил.

Поразмыслив немного, он спустился на цокольный этаж и, глянув на указатель, выяснил, что Еврам Дай, юрисконсульт и официальный нотариус, занимает офис номер 422.

Джерсен поднялся в лифте на четвертый этаж и вошел в дверь под номером 422. Клерк тотчас же провел его в кабинет шефа.

Джерсен коротко изложил суть дела. Еврам Дай, как Джерсен и ожидал, затребовал несколько дней на то, чтобы надлежащим образом оформить все требуемые законом документы. Джерсен однако налег на настоятельную необходимость сделать это немедленно, и Еврам Дай, несколько поразмыслив, приготовил документы, затем с помощью коммуникатора переговорил с несколькими клерками, а потом еще и с представительным господином, восседавшим за огромным письменным столом, отделанным черным янтарем и богато украшенным золоченой фурнитурой. Еврам Дай показал ему принадлежащие Джерсену сертификаты акций «Котзиш» и подготовленные документы. Представительный

господин в ответ кивнул одобрительно, после чего Еврам Дай заложил бумаги в коммуникатор, чтобы по каналам связи получить скрепляющие документы подписи и соответствующие официальные печати.

Джерсен выплатил довольно солидный гонорар и покинул офис Еврама Дая. Опустившись на третий этаж, он успел подойти к комнате номер 307 как раз вовремя, так как Пеншоу уже переступал порог. Джерсен подбежал к двери, придержал ее, чтобы она не захлопнулась, и тоже вошел в контору. Пеншоу оглянулся и с недоумением поглядел на Джерсена:

— Сэр?

— Вы Оттил Пеншоу?

Пеншоу, чуть склонив голову набок и прищурившись, пригляделся к Джерсену.

— Я с вами знаком? У меня такое впечатление, что мы с вами где-то встречались.

— Вы были не так давно на Дар Сай? Наверное, именно там вы и могли меня видеть.

— Возможно. Как вас зовут и по какому делу вы пришли ко мне?

— Я бизнесмен. Зовут меня Джард Глэй. В настоящее время я являюсь обладателем контрольного пакета акций «Котзиш Мючуэл».

— В самом деле? — Пеншоу в задумчивости направился к письменному столу.

— Не торопитесь, мистер Пеншоу, — произнес Джерсен. — Теперь я ваш работодатель. Вы — платный служащий «Котзиш Мючуэл»?

— Да, так.

— В таком случае я предпочитаю, чтобы вы воспользовались вот этим стулом, когда мы разговариваем.

Пеншоу криво усмехнулся:

— Пока вы еще не доказали, что на самом деле являетесь держателем контрольного пакета.

Джерсен протянул ему документ, подготовленный Еврамом Даем:

— Вот официальное подтверждение данного факта вместе с судебным распоряжением о том, чтобы вы безо

всякого промедления передали мне всю документацию, корреспонденцию и архивные материалы, включая деньги, акции, ценные бумаги, контракты, движимое и недвижимое имущество, оборотные средства... короче, абсолютно все.

Губы Пеншоу, все еще изогнутые в усмешке, задрожали.

— Все так неожиданно и странно. У меня, естественно, теперь не осталось сомнений в том, что вы владеете компанией «Котзиш». Вот только позвольте узнать, что вас побудило к этому?

— Зачем вам утруждать себя подобным вопросом? Вы ведь все равно не поверите ни единому моему слову.

Пеншоу пожал плечами:

— Я не настолько подозрителен, как вам, похоже, представляется.

— Ближе к делу, — произнес Джерсен. — Каково ваше официальное положение в «Котзиш»?

— Генеральный директор.

— Кто, кроме меня самого, крупнейший держатель акций?

Пеншоу насторожился:

— Довольно существенным пакетом владею я.

— И какова сейчас основная сфера деятельности «Котзиш»?

— В основном разведка месторождений стодвадцатников.

— Будьте любезны уточнить.

— Этим, в общем, все сказано. «Котзиш» располагает определенными привилегиями и исключительными правами, вот мы и пытаемся распорядиться ими.

— Уточните, каким образом и где именно?

— В данный момент наше внимание приковано к Шанитре.

— Кто принимает подобные решения?

— Я, естественно. Кто же еще?

— Из какого источника вы получаете необходимые для этого средства?

— Немалую прибыль приносят дочерние предприятия.

— Которую вы не распределяете среди акционеров?

— Мы остро нуждаемся в оборотном капитале. Генеральный директор обязан распоряжаться капиталом наивыгоднейшим, по его мнению, образом.

— Я намерен внимательно ознакомиться со всеми сторонами деятельности «Котзиш», а пока хочу, чтобы любая деятельность была приостановлена.

— Дело ваше, — вкрадчиво произнес Пеншоу. — Вам нужно только отдать необходимые распоряжения.

— Совершенно верно. Вы намерены продолжать работу в компании в соответствии с вашим нынешним положением?

Пеншоу несколько смутился:

— Вы застали меня врасплох подобным вопросом. Мне нужно время, чтобы оценить ситуацию.

— Короче говоря, вы отказываетесь сотрудничать со мной?

— Пожалуйста, — пробормотал Пеншоу, — не ищите какого-то скрытого смысла в моих словах.

Джерсен прошел к столу: слева установлены дисплей, он же и экран коммуникатора, и клавиатура, справа — небольшой шкафчик для текущей корреспонденции. Похоже, большая часть информации, если не вся, о деятельности «Котзиш» хранится лишь в такой хрупкой на вид голове Пеншоу.

Пеншоу сидел, погрузившись в грустное раздумье. Джерсен, исподтишка за ним наблюдающий, был несколько раздосадован. В каком-то смысле он, похоже, перехитрил самого себя. Для того чтобы предоставить возможность Пеншоу переговорить по телефону, вероятно, с самим Ленсом Ларком, придется на какое-то время оставить его одного в кабинете, тем самым создав угрозу уничтожения или изменения документации «Котзиш».

Приемлемое решение пришло само собой.

— Такой поворот событий оказался для вас весьма неприятной неожиданностью, — произнес как можно

спокойнее Джерсен.— По-моему, я должен предоставить вам несколько минут на размышление.

— Было бы очень любезно с вашей стороны,— ответил Пеншоу, позволив себе лишь еле заметное проявление иронии в голосе.

— Пройдусь несколько раз по коридору,— предложил Джерсен,— а вы садитесь за свой стол, если вам будет удобнее, но только, пожалуйста, оставьте в неприкосновенности всю документацию.

— Разумеется! — негодуяюще воскликнул Пеншоу.— Неужели вы обо мне такого низкого мнения?

Джерсен вышел из конторы, умышленно оставив дверь открытой. Медленно дойдя до лифтовой площадки, он повернул обратно и, проходя мимо открытой двери, заглянул внутрь. Как и ожидалось, Пеншоу горячо разговаривал с кем-то по коммуникатору. Экран Джерсену не был виден, но тот не сомневался, что он все равно отключен. Не задерживаясь, Джерсен дошел до противоположного конца коридора и снова повернул назад. Пеншоу все еще разговаривал, недовольно хмурясь и явно нервничая.

Джерсен совершил еще один тур по коридору и, проходя мимо открытой двери в очередной раз, увидел, что Пеншоу сидит, откинувшись на спинку стула. Лицо его, хоть и оставалось задумчивым, теперь было почти совершенно спокойным.

Джерсен вошел в кабинет:

— Вы пришли к определенному решению?

— Да, пришел,— ответил Пеншоу.— Мой адвокат разъяснил, что для меня есть только две возможности сохранить незапятнанной свою репутацию: или немедленно прекратить всякую дальнейшую деятельность в компании, или попытаться в ней остаться на должности платного служащего. Я полагаю, в будущем мне только повредит, если я в порыве раздражения брошу все на произвол судьбы.

— Весьма благоразумное решение,— согласился Джерсен.— Насколько я понимаю, вы согласны сотрудничать со мной?

— Вы правильно меня поняли, нам остается только уладить финансовые отношения.

— Прежде чем я смогу вам что-то предложить, я должен более подробно ознакомиться с состоянием дел в компании: ее средствами, источниками финансирования, обязательствами и активами.

— Понятно, — кивнул Пеншоу. — Для начала позвольте мне сказать вот что. У вас потрясающе острое чутье. Я упрекаю себя за совершенную мной глупость и проявленную нерешительность: мне давным-давно самому следовало позаботиться о контрольном пакете. Я пренебрег этим и теперь должен понести наказание, проявив в то же время максимально возможный такт.

Джерсен прислушался к словам Пеншоу повнимательнее. Не указывает ли едва заметная фальшь на то, что Пеншоу знает: все им сказанное прослушивается еще кем-то?.. Однако ни к какому определенному выводу Джерсен так и не пришел.

— Если позволят обстоятельства, я прибегну к вашим услугам за соответствующее вознаграждение. А пока, пожалуйста, представьте мне удобную для рассмотрения инвентарную опись активов и имущества «Котзиш».

Пеншоу нервно провел языком по губам:

— Такой описи не существует. Мы располагаем несколькими тысячами севов в банке...

— Каком банке?

— «Банк Свичхэма», на другой стороне улицы.

— Какие фирмы являются дочерними предприятиями «Котзиш»?

— Мы сотрудничаем со многими фирмами...

Джерсен грубо перебил:

— Давайте раз и навсегда договоримся: прекратите морочить мне голову. Вы, похоже, отродясь не способны говорить правду — разве что, пожалуй, под угрозой принуждения. Я провел определенное расследование по собственной инициативе. Мне известно, например, о существовании такой фирмы, как «Гектор-Транзит», и о страховке, которую она получила за «Этилию Гаргантир». Где деньги?

Пеншоу ответил без какой-либо тени неловкости или смущения:

— Большая часть из них пошла на уплату работ, производимых Джаркоу.

— Каких именно?

— Геологоразведочных работ на Шанитре. Мы ведем их с большим размахом.

— Почему?

— Существуют многочисленные свидетельства, что на Шанитре имеется чудовищное месторождение сто двадцатников. Мы пытаемся его отыскать.

— На Шанитре сто двадцатников нет и не было, — возразил Джерсен. — Не то ее давно бы уже прибрали к рукам мезленцы.

Пеншоу ответил Джерсену подобострастной улыбкой:

— Новые месторождения сто двадцатников продолжают непрерывно обнаруживаться.

— Только не на Шанитре. «Котзиш» теперь в моем распоряжении, и я не желаю, чтобы принадлежащие компании средства выбрасывались на ветер. Немедленно прекратите всякие разведывательные работы.

— Легче сказать, чем сделать. Некоторые стадии работ уже профинансированы...

— Мы произведем соответствующие вычеты. Договор существует?

— Нет. С Джаркоу я работаю на принципе взаимного доверия.

— В таком случае он, наверное, проявит должное благоразумие. Отдайте распоряжение о приостановлении работ.

Пеншоу снова подобострастно улыбнулся и, поднявшись, вышел из конторы. Джерсен тотчас же прошел к коммуникатору и связался с конторой Джаркоу. На экране возникло лицо Люлли Инкельстаф. Джерсен заранее прикрыл глазок камеры, и девушка недоуменно прищурилась, не зная, кто ей звонит.

— «Джаркоу Инжиниринг», — произнесла она. — Представьтесь, пожалуйста.

Джерсен продолжал хранить молчание. Через пару секунд ожидания Люлли отключилась на своем конце, Джерсен же все равно остался подключенным к линии связи, ведущей в контору Джаркоу. Отстучав кончиком пальца по микрофону условный код, он активизировал магнитофон, установленный под письменным столом Люлли.

Сначала послышалось тихое потрескивание, затем раздались звуки шагов входящего в свой кабинет Пеншоу, мгновением позже — шаги Джерсена, после чего последовало воспроизведение его начального разговора с Пеншоу. Едва лишь стихли шаги Джерсена, покидающего кабинет, как почти сразу же раздался взволнованный голос Пеншоу, говорившего в микрофон коммуникатора:

— Последние новости. Бэл Рук провалился. Только что ко мне явился новоиспеченный босс. Он уже получил ксиву.

В ответ послышался настолько безжалостный голос, что Джерсена охватил трепет:

— Кто он?

— Представился как Джард Глэй. Я видел его на Дар Сай, только никак не припомню, при каких обстоятельствах. Довольно странный субъект, мне никак не удастся его раскусить.

На несколько секунд наступило молчание, затем снова прозвучал все тот же зловещий голос:

— Попробуйте слегка ему подыграть. Присмотритесь к нему. Через день или два его доставят ко мне. Вот тогда-то и узнаем, кто он такой.

— Может быть, лучше заняться им, не мешкая, — робко предложил Пеншоу. — Он может причинить нам хлопоты. Предположим, ему известно о «Диドロксусе»? Или о перечислениях со счетов «Гектор-Транзит»? Или «Теремуса»? Он сможет заблокировать наши финансы.

— Откуда ему узнать об этом?

— Сведения о деятельности «Гектор-Транзит» имеются в архивах Элойза, а все счета у Свичхэма.

— Проверните ряд трансфертов, датированных вчерашним числом. Козема все устроит без помех.

— Я могу все организовать достаточно легко, но что-то в этом типе меня пугает. Вот как раз сейчас он наблюдает за мной из коридора.

— Ну и пусть себе наблюдает. Как только я покажу лицо, я тотчас же займусь им вплотную. Но сначала я должен показать лицо.

— Вот и прекрасно! — Однако в голосе Пеншоу вовсе не чувствовалось особой убежденности в том, что все прекрасно.

— А пока что сотрудничайте с ним — понятно, до известного предела. Выясните, чего он добивается. Может быть, он даже научит нас извлекать больше прибыли. Через четыре дня, самое большее через пять, мы с ним разделаемся окончательно.

— Как вам угодно.

Джерсен отстучал код и прекратил связь, затем поднялся и пошел к двери. К этому времени Пеншоу должен был бы уже вернуться после своего посещения офиса 308. Джерсен подошел к коммуникатору и еще раз позвонил в контору Джаркоу. На этот раз он предоставил Люлли возможность узреть свое лицо.

— Это я, ваш жених. Еще помните меня?

— Конечно же. Но...

— Скажите, Оттил Пеншоу все еще у вас?

— Только что ушел.

— Спасибо! Сегодня вечером у «Черного Сарая», не забыли?

— Нет.

Джерсен вышел из кабинета, спустился вниз и покинул здание. В тридцати метрах к северу на противоположной стороне улицы он увидел вывеску:

БАНК СВИЧХЭМА

Коммерческие услуги

Межпланетный перевод генер

Джерсен подбежал к банку и через высокие стеклянные двери быстро прошел внутрь. К нему приблизился клерк:

— Чем могу вам помочь, сэр?

- Где можно увидеть мистера Козему?
- Вон в том кабинете, но как раз сейчас он занят.
- Вопросом, непосредственно касающимся меня.

Я только загляну на минутку.

Джерсен пересек вестибюль и вошел в кабинет Коземы. За письменным столом восседал розовощекий толстячок с круглым лицом и пухлыми красными губами. Напротив него сидел Оттил Пеншоу. Козема хмуро изучал какую-то бумагу, время от времени бросая нервные взгляды на Пеншоу, который отвечал грустными улыбками.

Джерсен выдернул бумагу из рук Коземы. Это было платежное поручение на перевод денег общей суммой 4 501 100 севов со счетов под следующими обозначениями: «Котзиш-2»: «Теремус»; «Котзиш-4»: «Гектор-Транзит»; «Котзиш-5»: «Дидроксус майнинг»; «Котзиш-9»: «Фонд Вундергаста». Получателем перевода, датированного вчерашним днем, была инвестиционная компания «Бэсрамп».

Джерсен посмотрел на Козему в упор:

— Ага, значит, вы являетесь соучастником Оттила Пеншоу в этом тягчайшем преступлении — краже не принадлежащего ему имущества?

— Никоим образом! — пролепетал Козема. — Я как раз собирался поставить в известность мистера Пеншоу, что ничем не могу быть ему полезен. Как вы смеее предполагать подобное!

— Я мог бы передать эту бумагу властям. Я мог бы показать им этот платежный ордер, заполненный на бланке Свичхэма.

— Чушь! — Голос Коземы сорвался и превратился в хрип. — У вас нет оснований подозревать меня в нанесении ущерба моим клиентам.

Джерсен насмешливо фыркнул:

— Взгляните на документы. Я являюсь генеральным директором компании «Котзиш».

— Да, похоже на то... Что ж, мистер Пеншоу, по видимому, не удосужился проинформировать меня...

Пеншоу рывком поднялся из-за стола:

— Мне надо идти.

— Нет уж, подождите! — остановил его Джерсен. — И извольте присесть.

Пеншоу задумался, не зная, как поступить, затем сел на прежнее место.

— Мистер Козема, настоящим ставлю вас в известность о том, что мистер Пеншоу отныне не располагает никакими финансовыми полномочиями компании «Кот-зиш». Я опротестую любые платежные документы, которые вы попытаетесь оформить, если на них не будет моей подписи.

Козема учтиво поклонился:

— Я все прекрасно понимаю. Заверяю вас...

— Да-да. В своей непоколебимой лояльности. Идемте со мной, Пеншоу.

Оттиль Пеншоу вышел вместе с Джерсеном на улицу.

— Минутку, — сказал он. — Давайте-ка присядем вон на ту скамейку.

Перейдя на противоположную сторону Аллеи, они, немного углубившись в парк, расположились на скамейке.

— Удивительный вы человек, — сказал Пеншоу. — Боюсь, как бы ваши действия не обошлись вам слишком дорого.

— Каким, интересно, образом?

Пеншоу печально покачал головой:

— Не стану называть имен, но скажу, что я намерен сейчас предпринять. Через два часа почтовик фирмы «Черная Стрела» покинет Мезлен, направляясь на Садал-Зюд-четыре. Я намерен поспеть к его отправлению. Прислушайтесь к моему совету и возьмите билет на эту же посудину. Когда особа, чье имя я даже не в состоянии заставить себя произнести, обнаружит, что вы прибрали к рукам почти пять миллионов севов, которые она считает своими собственными, она поступит с вами так, что мне даже страшно подумать.

— Я удивлен тому, что вы меня предупреждаете.

Пеншоу улыбнулся:

— Я — вор, мошенник, вымогатель. Я — законченный негодяй, способный на любую подлость. Но когда не затронуты мои личные интересы, я не прочь проявить порядочность, даже благородство. Сейчас я отправляюсь в бега, охваченный паникой, поскольку этот человек спросит за все то, что сделали вы, с меня. Вы никогда больше не увидите меня, если только не присоединитесь ко мне на борту «Анваны Синтро». Если вы этого не сделаете, вас отправят в строго засекреченное место, где с живого будут долго и тщательно сдирать кожу.

— Скажите мне, где найти этого человека. Моя рука не дрогнет, если представится возможность его убить.

Пеншоу поднялся:

— Не осмеливаюсь. Кишка тонка!.. Он никогда не забывает нанесенных ему обид — вы сами убедитесь. Ни в коем случае не садитесь в такси. Каждую ночь проводите в другой гостинице. Не возвращайтесь в контору «Котзиш» — все равно для вас там нет ничего интересного. Он выбрал именно это помещение только потому, что оно соседствует с конторой Джаркоу.

— Вы отдали Джаркоу распоряжение приостановить работы?

— Мое слово ничего не стоит для Джаркоу. Скажите мне: где мы с вами встречались раньше?

— В Форт-Эйлианне, в Эстремонте и в «Кафедральной». Помните Верховного арбитра Долта?

Оттил Пеншоу возвел очи к небу:

— Прощайте.

Быстрым шагом он направился в глубь парка и вскоре скрылся между деревьями.

Глава 14

Меня постоянно поражает, а зачастую и умиляет, насколько по-разному относятся к богатству многочисленные народы Ойкумены.

Некоторые общества приравнивают накопительство к уголовным деяниям, другие расценивают богатство как

степень благодарности общества за оказание ему ценных услуг.

Собственные мои представления в данном вопросе предельно ясны и понятны, и я абсолютно уверен в том, что мои злопыхатели с удовольствием навесят на них ярлык «упрощенчество». А разве можно ожидать чего-нибудь иного от умов незрелых, но пораженных чрезмерным самомнением? Вопли и стенания критиков мне лично только придают еще большую уверенность в собственной правоте.

В приведенном ниже обзоре путей достижения богатства я намеренно исключаю богатство преступника, ибо создание его не требует кропотливого труда, и богатство удачливого игрока, сорвавшего куш, поскольку это не более чем мишура.

Итак, рассматривая богатство как общественный феномен, необходимо отметить следующее.

1. Преимуществами, определяемыми исключительно богатством, являются роскошь и расширение пределов дозволенного. На первый взгляд может показаться, что здесь многое остается недосказанным, однако в этой краткой формуле гораздо больше глубинного смысла, чем кажется, — стоит только поглубже вникнуть в данное утверждение, не обращая внимания на лицемерный хор сторонников иных точек зрения.
2. Для достижения богатства необходимо самым решительным образом опираться по меньшей мере на три из пяти нижеперечисленных обстоятельств или качеств:
 - а) везение;
 - б) тяжелый труд и упорство в сочетании со смелостью;
 - в) предельное самоограничение;
 - г) свойства ума так называемого «ближнего прицела»: хитрость, способность к импровизации;
 - д) свойства ума «дальнего прицела»: умение тщательно планировать свою деятельность и способность улавливать тенденции развития.

Эти качества широко распространены. Каждый стремящийся к роскоши и преимуществам перед другими может составить необходимый первоначальный капитал, используя должным образом свои врожденные способности.

В некоторых обществах бедность рассматривается как достойное сожаления бедствие или благородное самоотречение от земных благ и подлежит незамедлительному искоренению с помощью общественных фондов.

В иных, более решительных обществах бедность отождествляют с никчемностью самого человека.

Анспик, барон Богиссей. «Жизнь», том 3

Критики на это отвечали так:

Какой же все-таки неописуемый осел этот Анспик! Его мудрствования приводят меня в такое бешенство, что из-под моего пера на бумаге появляются лишь жалкие каракули да закорючки!

Лайонель Уистофер. «Монстратор»

Да, я беден. Я признаюсь в этом! И следовательно, я невежда или дурак? Я отрицаю это со всем пылом своей души! Я откусываю кусочек печенья или пью чай с таким же удовольствием, как и любой пузатый плутократ с выпученными глазами и жиром, стекающим из рта, когда он глотает колибри в коньяке, крокинольских устриц и филе из пятайрога! Все мое богатство — моя книжная полка! Мои неотъемлемые привилегии — мои мечты!

Систи Фазль. «Перспектива»

...Он доводит меня до такой степени бешенства, что у меня зуб на зуб не попадает от злости. Он обрушивает на меня, именно на меня лично, такие массивированные залпы сущей бредятины и бессвязных оскорблений, что я буквально вопию о возмездии, обращаясь к Небесам Всемогущим! Я заткну кулаком его словоохотливую утробу или, еще лучше, отстегаю арапником прямо на ступеньках его клуба. Если же он не является членом ни одного из клубов, то сим приглашаю его на широкие и очень подходящие для мною задуманного ступени клуба Старейших Борзописцев, хотя должен признаться в том, что эти чернильные души содержат настолько превосходный бар, что я не прочь, после того как всласть выпорю старого дурака, попросить его пропустить со мной на брудершафт рюмку-другую.

Мак-Фарквехар Кеншоу. «Землянин»

В кустах за спиной у Джерсена что-то зашуршало. Он резко пригнулся, почти припав телом к скамейке. Когда он обернулся, между средним и указательным пальцами торчало дуло зажатого в ладони мини-пистолета.

На него удивленно смотрел садовник в белом комбинезоне.

— Прошу прощения, сэр, за то, что испугал вас.

— Вовсе нет, — ответил Джерсен. — Просто я — очень нервный человек.

— Вот и мне так показалось.

Джерсен перешел на другую скамейку и расположился таким образом, чтобы иметь хороший обзор во всех направлениях. Он уже давно чувствовал себя как человек, полностью отделившийся от всех остальных людей, человек, посвятивший свою жизнь некоей определенной цели. Очень часто приходилось испытывать ему и ужас, и ярость, и сострадание, но вот страх, закравшийся в душу, оказался чувством для него новым и довольно странным.

Джерсен решил беспристрастно взглянуть на себя со стороны. Страх порастил Тинтла, Дасуэлла Типпина, Оттила Пеншоу, а теперь вот и его самого. И в самом деле, разве можно было не испытывать страх, когда из ума не выходил Ленс Ларк, сдирающий кожу, кусок за куском, не знающим промахов «Панаком»? Одного этого было достаточно, чтобы ужаснуть даже труп.

Обескураженный и поникший духом, Джерсен никак не мог расстаться со скамейкой в парке. Причина такого душевного спада была достаточно очевидна: он увлекся Шеридин Ченсет; сюда же присоединилась зависть к мезленцам, вспыхнувшая, стоило ему лишь краем глаза увидеть, в каких великолепных домах и в какой обстановке они живут. Однако оба эти чувства разбились о его непоколебимую одержимость, как волны прибоя о прибрежные скалы. Теперь, когда с горизонта исчез Оттил Пеншоу, цепочка, ведущая к Ленсу Ларку, со-

кратилась до одного или двух звеньев. Одним из них еще оставался Джаркоу. А другим? Может быть, позволить, чтобы его, Джерсена, схватили, а там надеяться на очную встречу с Ленсом Ларком? От этой мысли у него по коже мурашки побежали.

Джерсен еще раз решил проанализировать цепь событий, которые привели его в Твониш. Начавшись в Форт-Эйлианне, она потянулась к «Сени Тинтла», прошла через Сержеуз и Динклтаун и в конце концов привела на Мезлен. Сил потрачено чрезвычайно много, но что в результате достигнуто?.. Ничего существенного. Что он узнал?.. Только то, что Ленс Ларк, неизвестно по каким причинам, привлек «Джаркоу Инжиниринг» для проведения бессмысленных широкомасштабных геологоразведочных работ на Шанитре, единственной луне Мезлена.

Каким же, печально спросил себя Джерсен, будет его следующий шаг? Он еще не обследовал кабинет Пеншоу, хотя, по всей вероятности, там не найти ничего интересного, да и сам Пеншоу высказался в этом отношении со всей определенностью. Не испытывая ни малейшего энтузиазма, Джерсен вернулся в Скоун-Тауэр и остановился на пороге офиса 307. Открыв нараспашку дверь, он внимательно осмотрел комнату, которая уже казалась заброшенной и безжизненной. Для захвата кого бы то ни было проще всего применить наркотический газ... И Джерсен потянул носом воздух, но тот показался ему достаточно чистым. Тогда он тщательно проверил дверную раму в поисках каких-либо датчиков, прощупал взглядом ковер, выискивая вздутия, которые указывали бы на заложенную под ковер мину, да и сам ковер мог быть соткан из взрывающихся волокон, при соприкосновении с которыми человека могло разнести на куски.

Только после такого предварительного осмотра Джерсен осторожно вошел в комнату и, стараясь не ступать на ковер, проскользнул за письменный стол. Продолжая соблюдать предельную осторожность, он занялся бумагами Пеншоу: нашел различные договоры, лицензии, регистрационные свидетельства — все, что не так

давно было объявлено единственными оставшимися у «Котзиш Мючуэл» активами. Большинство документов было помечено краткой надписью красными чернилами: «Хлам». Арендный договор, касающийся Шанитры, наделял «Котзиш Мючуэл» исключительными правами на «проведение полевых изысканий, геологоразведочных работ, добычу и переработку на месте всех полезных веществ, обнаруженных как на поверхности, так и на любой глубине», и категорически воспрещал «всем остальным лицам, агентствам и любым иным объектам, включая механические устройства как автоматического действия, так и управляемые человеком, непосредственно или дистанционно» высаживаться на поверхность Шанитры в течение всего срока аренды, определенного в размере двадцати шести лет.

«Интересно,— отметил про себя Джерсен,— хотя, в общем-то, и не проясняет ситуацию».

Ключевой вопрос так и остался без ответа: почему Ленс Ларк тратит так много времени и средств на Шанитру?

Джерсен не нашел больше ничего, что могло бы представить интерес. Копий распоряжений о выделении средств Джаркоу или иным промышленным предприятиям здесь не было, такие сведения, скорее всего, хранились только в памяти банковского компьютера.

Джерсен позвонил в «Банк Свичхэма», и когда позади остались все необходимые формальности, его терпение было вознаграждено тем, что ему сообщили шифры, с помощью которых он мог проверить данные, касающиеся финансовой деятельности компании «Котзиш».

В течение часа Джерсен внимательнейшим образом изучал предоставленную в его распоряжение информацию, однако к концу этого часа знал лишь немногим больше, чем раньше, хотя сами размеры платежей, выделяемых Джаркоу, оказались для него довольно неожиданными. В течение последнего года «Котзиш» ежемесячно производила вливания фирме Джаркоу в сумме от 80 500 до 145 720 севов. Затем сумма платежей со-

кратилась до двенадцати тысяч. Объем геологоразведочных работ, в чем бы они ни состояли, резко сократился, все говорило о том, что они постепенно сворачиваются.

И тут Джерсену неожиданно пришло в голову взять в руки городской справочник. «Джаркоу Инжиниринг» обязательно должна была где-то содержать парк оборудования, административные и финансовые службы, транспортные площадки и даже склад.

В справочнике к фамилии «Джаркоу» относились четыре абзаца: адрес проживания Лемюэля Джаркоу, то же самое для Свята Джаркоу, адрес фирмы «Джаркоу Инжиниринг» в Скоун-Тауэре и адрес производственной базы «Корпорации Джаркоу» на Глэдхорн-роуд.

Джерсен отложил в сторону справочник и откинулся на спинку стула, прикидывая очередность следующих действий. Оттил Пеншоу служил своего рода индикатором, регистрирующим присутствие Ленса Ларка, выполняя ту же роль, что и буй, указывающий на наличие подводного рифа. После ухода со сцены Пеншоу ключом к определению местопребывания Ленса Ларка стал сам Джерсен — правда, в том смысле, в каком ключом к появлению тигра может быть привязанный к стволу дерева ягненок. Джерсен поморщился. Куда лучше было бы самому разыскивать Ленса Ларка, чем позволить Ленсу Ларку разыскивать его.

Единственной линией дальнейшего расследования, могущей хоть сколько-нибудь прояснить ситуацию, был поиск ответа на вопрос: почему Ленс Ларк уделяет так много внимания Шанитре?

Джаркоу мог бы дать ответ на этот вопрос, но он, не приходилось сомневаться, Джерсену не скажет ничего. Меланхолик-чертежник, возможно, тоже знает. Рабочие и служащие фирмы Джаркоу — те, кто работали на Шанитре, — кое о чем наверняка догадываются.

Джерсен, которому уже не терпелось снова перейти к активным действиям, рывком поднялся из-за стола, пересек комнату, чуть приоткрыл дверь, глянул направо, глянул налево — коридор был пуст.

Глэдхорн-роуд, согласно плану города, упиралась в Аллею, а затем постепенно поворачивала на северо-восток.

Как только Джерсен вышел из Скоун-Тауэра, к тротуару подкатило такси, остановилось, как бы само предлагая услуги. Джерсен, отказавшись, пошел пешком по Аллее и, пройдя немного, оглянулся. Такси, старое и вполне заурядное, единственным отличием которого была выцветшая белая полоса на заднем крыле чуть ниже кабины водителя, отъехало от тротуара, влилось в поток машин и вскоре исчезло из вида. Водителем его был коренастый мужчина с плоским лицом неопределенного возраста и непонятной расовой принадлежности.

Джерсен выполнил целый ряд тщательно продуманных маневров, чтобы сбить с толку любые отслеживающие устройства, которые могли быть к нему прикреплены. На Глэдхорн-роуд он зашел в магазин готовой одежды и приобрел серые брюки из саржи, светло-голубую рубашку, коричневую куртку с поясом и черный матерчатый берет, и все это тут же на себя надел. Оставив свою прежнюю одежду в магазине, он вышел на улицу в повседневном наряде мастерового.

Сворачивая мало-помалу на восток, Глэдхорн-роуд шла мимо небольших магазинчиков и таких разношерстных заведений, как меблированные комнаты, таверны, рестораны, антикварные лавки, аптеки, парикмахерские, нотариальные конторы, юридические консультации. Уже на самой окраине города Джерсен наконец наткнулся на промплощадку «Корпорации Джаркоу», где фирма содержала свое оборудование: транспортеры, роторные сварочные автоматы для монтажа трубопроводов, порталные краны, передвижные платформы, несколько подъемных кранов. Вдоль одного из заборов выстроился ряд небольших зданий. Вывеска на одном из них гласила: «Контора по найму», поперек дверей объявление: «Сегодня приема нет». Чуть дальше виднелось здание центральной бухгалтерии, склады инструмента и наконец небольшая взлетно-посадочная площадка, на тер-

ритории которой стояло несколько выдавших виды ракет для перевозки рабочей силы и мощный грузовоз.

Не придумав какого-нибудь иного предлога, Джерсен прошел в контору по найму. За стойкой сидел пожилой мужчина с темно-коричневым лицом, изборожденным шрамами.

— Я вас слушаю.

— Я прочел надпись на двери, — начал Джерсен, — и решил поинтересоваться, означает ли это, что завтра заходить сюда тоже бесполезно?

— Скорее всего, именно так, — ответил клерк. — Мы сейчас заканчиваем одну очень большую работу, и от производственных участков что-то не видно новых заявок на рабсилу. А если честно, то мы уже рассчитали большую часть своего персонала.

— А что это за работа, которую вы только что завершили?

— Широкомасштабные изыскательские работы на Шанитре.

— И что-нибудь там нашли?

— Приятель, что бы они там ни нашли, я — последний, кому это скажут.

Джерсен развернулся и снова побрел по улице. На противоположной стороне его внимание привлекло полуразвалившееся строение, украшенное странными молниями черного и белого цвета на фоне темно-красных кирпичей. На самом верху крыши красовалась огромная эмблема, такая же безвкусная и обшарпанная, как и само строение: полумесяц с обнаженной девушкой, расположившейся, согнувшись в три погибели, в углублении между его рогами. В высоко поднятой руке девушка держала бокал с бледной жидкостью, из которого во все стороны расходились электрические искры, образуя вокруг полумесяца надпись: «Таверна звездопроходцев».

Джерсен пересек улицу. По мере приближения к таверне в его ушах все громче звучала ласкающая слух музыка, исполняемая с огромным пылом и отменной аранжировкой. За время своих скитаний по Ойкумене Джерсен посетил немало точно таких же таверн, где

стал очевидцем множества странных происшествий и наслушался бог знает сколько еще более странных историй, далеко не все из которых были явными небылицами.

Внутри таверна представляла собой вытянутое в длину помещение с низким потолком, насквозь пропахшее пивом. В дальнем конце его на синтезаторе играла пожилая женщина с продолговатым, будто топором вырубленным лицом, на котором резко выступали скулы и нос, в черном платье с блестками, с тонированной белилами кожей и пышной прической синего цвета. В другом конце размещался бар — цельная прямоугольная глыба окаменелой древесины. За деревянными столиками, заполняющими пространство между баром и синтезатором, сидело довольно много мужчин и несколько женщин. За отдельным столиком в самом дальнем углу расположился массивный дарсаец, погрузившийся в унылое раздумье над огромной кружкой крепкого светлого пива.

Джерсен подошел к бару. На стеллаже позади красовалась коллекция пивных кружек самой различной формы с бросающимися в глаза эмблемами, выдавленными или выгравированными на боковых поверхностях. Многие из них были Джерсену хорошо знакомы: «Край Света» и «Верный друг» с Альфанора, «Причастие» и «Выдержанное под землей» с Колуса, «Смэйдовское особое» с планеты Смэйда, «Басс Эль», «Хинано», «Таскер» и «Анкор Стим» с Земли, «Столовое особое» с Дердиры, «Эдельфримпшен» с Богардуса. Джерсен почувствовал себя в окружении старых друзей. Однако здесь, повинувшись духу времени и места, он заказал бутылку пива местного приготовления «Светлое Хэнгри», которое оказалось в высшей степени приятным на вкус.

Обернувшись, он обвел взглядом помещение.

За вытянутым столом сидела большая группа мужчин. Судя по доносившимся обрывкам разговора, все они были работниками «Джаркоу Инжиниринг». Они уже выпили немало пива и говорили громко и с предельной откровенностью, высказывая свое мнение без обиняков.

— ...сказал Мотри, что если он хочет, чтоб я снова сел на душегубку, то пусть велит возвратить мне назад мой скафандр и еще установит какой-нибудь щиток от пыли. Он пообещал, и вот я целый месяц вкалывал на этой штуковине и заработал коросту, опухоль в носу и все такое прочее, а потом обнаружил, что Мотри мой скафандр отдал старику Туайдлендеру, который работает на вспомогательном комбайне всего лишь с тремя раструбами не более двух часов в день и никогда даже пальчиков не замазает.

— Мотри — мужик капризный. Нужно еще знать, как к нему подъехать.

— Что ж, больше я уже не работаю у Джаркоу и при случае объясню Мотри что к чему.

— Он еще и сейчас там.— Говоривший поднял палец вверх.— С главным механиком.

— По мне так пусть они перегрызут себе глотку. Жалеть ни об одном из них не буду.

Джерсен присел к столу:

— Насколько я понимаю, вы, джентльмены, все работаете у Джаркоу?

На какое-то мгновение за столом воцарилось молчание. Шесть пар глаз оценивающе рассматривали Джерсена. Затем один из сидевших за столом отрывисто бросил:

— Уже нет. Кончилась работа.

— То же самое мне сказали и в конторе по найму.

— Ты опоздал с выходом на сцену ровно на год,— заметил другой рабочий.

— И ничего не потерял,— проворчал третий.— Харч — дрянной, оплата — низкая, и еще Клод Мотри, прораб...

— И ни цента премии!

— На премиальные, наверно, можно было надеяться,— задумчиво произнес Джерсен,— только в случае обнаружения богатого месторождения черного песка.

— Они не смогли бы найти и крупинки черного песка, потому что его там нет и никогда не было. Это ведь абсолютно всем известно, кроме тех богатых идиотов, которые оплачивали счета.

— А может быть, они и не рассчитывали найти черный песок? — предположил Джерсен.

— Может быть. Только что другое можно искать, тратя такие огромные деньги?

Тут в разговор вступил еще один горняк:

— Что бы они там ни искали, но настоящую разведку так не проводят. Одни лишь туннели неглубокого заложения и ни одного глубинного бурения. Попадались, правда, и такие места, где еще можно было рассчитывать на песок, но для этого требовались глубокие шурфы, а мы нигде не углублялись далеко от поверхности. В результате получилось что-то вроде сита или какой-то ажурной сетки, как будто их интересовало только то, что залегает под самой поверхностью.

— А вот в секции «D» мы пробили ствол глубиной в добрых полмили и только после этого начали пробивать горизонтальные штреки.

Джерсен предложил выпить по рюмке, и горняки разговорились еще откровеннее, приняв Джерсена в свой крут.

— Такой странной работы я нигде не встречал, — признался один из рабочих. — Я бурил на двадцати шести астероидах и нигде не тратил больше десяти минут на такую никчемную глыбу пемзы. Вся поверхность Шанитры представляет собой затвердевшую пену из шлаков. Я так и сказал об этом Мотри, а он даже не стал меня слушать.

— А ему все равно, что делать, лишь бы Джаркоу регулярно выплачивал ему жалованье.

— Да нет, не Джаркоу, а кто-то от имени «Котзиш».

— Кто бы это ни был, он заставил нас, как древоточцев, пробуравить весь спутник, будто головку сыра, и только теперь наконец-то остался доволен сделанной работой.

К столу подсел один из только что вошедших в таверну рабочих:

— Не спешите с выводами! Мы только сегодня закончили разматывать целые барабаны кабеля из дексас... тьфу, никак не выговарю это слово. Мотри и глав-

ный механик подвели провода. Как только они закончат взрывные работы, Мотри говорит, что мы вернемся и продолжим прокладку туннелей. Я спросил у него: «Мотри, скажите, во имя всего святого, ну что мы здесь можем найти? Я тогда сбегаю, чтобы лучше промыть глаза». Он только глянул на меня насмешливо и сказал: «Когда мне понадобятся твои советы, я не поленюсь спросить». А я ему в ответ: «Все равно не грех прислушаться, мистер Мотри. Совет бесплатный!» А он мне: «Бесплатные советы не стоят даже ломаного гроша, и, кстати, почему это ты тут стоишь и даешь советы, вместо того чтобы работать?» — «А потому, мистер Мотри, что свою работу я закончил». — «Тогда прокомпостируй в последний раз табель и уматывай. Вот теперь-то работа и в самом деле закончена!» Я, разумеется, не стал дожидаться, чтоб он повторил распоряжение, и вот я здесь. Только что получил в конторе все, что причитается. Теперь там никого не осталось, кроме Мотри, Джаркоу да нескольких техников, заканчивающих монтаж какого-то радиоприемного устройства.

Джерсен посидел с рабочими еще несколько минут и вскоре пришел к заключению, что ему известно о работах, ведущихся на Шанитре, ничуть не меньше, чем им самим. Потихоньку покинув таверну, он отправился по Глэдхорн-роуд той же дорогой назад, в магазине готовой одежды переоделся в обычный свой наряд и по Аллее дошел до гостиницы «Коммерсант». Прежде чем войти в свой номер, он принял все меры предосторожности, опасаясь, что за время его отсутствия кто-то мог забраться в номер и подготовить не очень приятный сюрприз. Ничего необычного, однако, не обнаружилось, и Джерсен почувствовал голод.

Обедая в ресторане, он едва ли замечал, что ест. Многое произошло за последние несколько часов, но ничего такого, из чего бы было можно извлечь полноценную информацию, хоть чуть-чуть проясняющую ситуацию.

Выйдя из ресторана, он пошел по Аллее, непрерывно оглядываясь по сторонам. Никакой угрозы не на-

блюдалось, разве лишь мимо проехало такси с белой полосой — может быть, то же самое, что пыталось предложить ему свои услуги двумя-тремя часами ранее. Но особой уверенности в этом у Джерсена не было. Перейдя на противоположную сторону Аллеи, он вошел в парк. Минут десять он прогуливался по усыпанным гравием дорожкам, соображая, что делать дальше. Ленс Ларк теперь был уже где-то совсем рядом: может быть, еще в космическом корабле, но не исключено, что уже и на самом Мезлене.

Душевная усталость все больше овладевала Джерсеном, все менее четким становилось мышление. Лавина неразрешимых проблем все тяжелее накатывалась на него, он уже почти не видел выхода. Повинуясь какому-то безотчетному импульсу, он свернул на одну из боковых улиц и уже там взмахом руки остановил первое попавшееся на глаза такси без пробудившей у него подозрения белой полосы.

— Пожалуйста, в Лаларкно.

Как и в первый раз, водитель встретил подобную просьбу в штыки:

— Это нечто вроде большого частного парка. Мезленцы не любят, когда там появляются посторонние. По сути, они даже выставляют особые полицейские посты для задержания такси с туристами.

— Я не турист, — возразил Джерсен. — Я банкир, человек очень влиятельный даже по мезленским масштабам.

— Очень хорошо, сэр, но мезленцы просто не станут разбираться, кто вы такой, а пострадаю в результате я.

Джерсен извлек купюру в пять сегов:

— Я могу уплатить вперед.

— Как скажете, сэр. Но если меня засекут, штраф платить все равно будете вы.

— Согласен, — сказал Джерсен. — Подвезите меня к Олденвуду, дому Ченсета.

Пологие, покрытые буйной растительностью склоны Лаларкно, залитые светом прогаины, просеки среди

вековых деревьев совершенно околдовали Джерсена. Когда из окна кабины он смотрел на прячущиеся среди зелени и цветов дома, собственные его страхи и навязчивые идеи начали казаться ему нереальными, надуманными.

Возле Олденвуда водитель сбавил скорость.

— Местожительство Ченсета, сэр.

— Остановитесь хотя бы на минутку,— взмолился Джерсен.

Водитель неохотно повиновался. Джерсен отворил дверцу и встал на подножку. Лужайка перед домом с тощими кустарниками и раскидистым свечным деревом посередине имела небольшой наклон в направлении дома. В просветах листвы Джерсен увидел позади дома группу молодых людей в белых, желтых и светло-голубых одеждах. Они, казалось, наблюдали за ходом какой-то игры, похоже, теннисом или бадминтоном, однако сама площадка находилась вне поля зрения Джерсена.

— Уезжаем, сэр,— настоятельно потребовал водитель.— Будь вы банкир или даже межпланетный финансовый воротила, все равно им очень не нравится, когда за ними подглядывают или просто смотрят в их сторону, как сейчас делаете вы. Эти мезленцы просто помешаны на том, чтобы никто не мешал их обособленному образу жизни.

Джерсен снова расположился в кабине и захлопнул дверцу.

— А теперь поедem к Мосс-Элруну.

— Как пожелаете, сэр.

Возле Мосс-Элруна Джерсен вышел из такси и, несмотря на отчаянные протесты водителя, обошел весь участок, восторгаясь и домом, и широким лугом, который постепенно опускался к озеру, и окружающими озеро деревьями. Всюду стояла тишина, нарушаемая только негромким стрекотом насекомых.

— Обратно в Твониш,— сказал Джерсен, вернувшись к такси.

— Благодарю вас, сэр.

Джерсен вышел у банка «Карина-Кракс», здешнего филиала «Банка Куни», где связался с агентом по продаже недвижимости, представляющим Сайторию Эйзелс, и оформил на имя «Банка Куни» купчую на имение, известное под названием Мосс-Элрун.

Глава 15

В тот роковой день сами небеса явили грозные предзнаменования: жуткий мрак с пунцовым оттенком на востоке, зловещей формы тучу над Аймырским Болотом на западе.

С самой зари Мармадьок непрерывно шагал по парапетах, глядя с высоты на орды, что, как тучи, закрыли всю равнину Манингез. В рядах осаждающих постоянно наблюдались не предвещающие ничего хорошего перемещения. По Шадимовой дороге рабы волокли боевые фургоны. Реки Чам вообще не было видно за баржами, груженными огромными осадными машинами, виселицами и самыми разнообразными орудиями пыток. Толпы кишели на доброй половине пространства между Цитаделью и далеким Яром. С севера на юг протянулись вереницы ярко полыхающих даже днем факелов.

Наконец на парапет вышел и сам Святой Берниссус, облачившись в самые величественные одеяния. Он воздел руки высоко к небу в кротком приветствии, но орды встретили его появление иступленными злобными криками, раздающимися со всех сторон, как рев прибора в жестокую бурю.

Берниссус опечаленно покачал головой и, чуть отступив от края парапета, отрешенно устремил взгляд куда-то вдаль, поглаживая бороду.

Мармадьок почтительно вышел вперед:

— Ваше Святейшество, вам не кажется, что только мы двое противостоям этой исходящей ненавистью толпе?

Берниссус изрек Слово:

— И прекрасно.

Мармадьок в смущении немного отступил:

— Ваше Высокосвятейшество! Не погнушайтесь рассеять мои сомнения, сжальтесь над невежеством! Как же

мы можем испытывать удовлетворение от того, что остались в полном одиночестве?

Берниссус изрек Слово:

— В свое время все непонятное станет ясным.

— Я благодарен вам за ту неустрашимость, что вы в меня вселяете,— сказал Мармадюк.— Должен честно признаться, зрелище этих отвратительных орд вызвало смятение в моей душе.

— Фэлфоу не дано одержать верх,— такими на сей раз были Слова,— несмотря на весь грандиозный размах его коварных козней.

— Ваше Сверхвысокосвятейшество! Позвольте мне перечислить жертвы его гнусного обмана. Орды, заполнившие сейчас всю равнину, состоят либо из Отступников, либо из Причащенцев, за исключением десяти тысяч адептов Какарсиса. Многие из них даже не знают полностью Непроизносимого Имени, только отдельные слоги. Вон стоят Клевреты Кардинала, вон Подголоски из Лиссама, вон Стебанутые, которые по крайней мере соблюдают приличия, поворачиваясь к нам лицом, если принять во внимание тот факт, что в битву они бросаются с обнаженными задницами. Здесь же и Аномалы из Порвинга, сгрудившиеся вокруг своих вожаков и угрожающие нам высоко воздетыми знаменами. Я узнаю Обуса из Трау, Багрового Василиска из Плейборна, Флинча и Сэндсифера из Хатта. Менее десяти дней назад они жгли синие благовония в храмах вдоль всего Последнего Пути!

Берниссус еще раз вышел вперед, к самому краю парапета, с длинной седой бородой, во всем своем великолепии, в развевающихся по ветру одеждах. Воздев руки к небу, он издал Клич, который ураганом пронесся по всей равнине Манингез и вспышками молний потряс Яр. Сердца врагов на какое-то мгновение дрогнули, но вскоре они снова обрели обычную дерзость и еще выше взметнули свои знамена. Они кричали: «Декреталии должны быть изменены! Мы требуем возведения Фэлфоу в ранг Столпа! Берниссус, самый лживый из всех лжецов, должен быть низвергнут!»

Берниссус изрек благие Слова:

— Не все еще до конца поражены скверной. В таком случае зло порождает добро.

— Их мечи — все, самого разного вида — длинные и острые, — объявил Мармадюк. — Боюсь, эти благородные бастионы развалятся на части, если их будем защищать только мы вдвоем. Где остальные правоверные? Где Хельгеборг со своими Неутомимыми? Где Ниш, где Нессо? Где Литл Маус? Где Вервили?

— Им предначертано разойтись по всем краям, — такие были изречены Слова. — Они цвет нашего клира. Они будут учить и утешать. Именно они и заложат фундамент храма, в котором будет встречено пришествие Второго Царствия. Да будет так!

— Благословенный Берниссус! А какая мне уготована роль в днях грядущих?

— У каждого роль своя. Я сейчас уйду в Часовню, чтобы вымолить неотразимый Клич, который вселил бы панику в души этих жалких марионеток. А вы пока должны как зеницу ока беречь парапеты. Взымайте выше славные стяги, отшвыривайте штурмовые лестницы, не уступайте ни пяди врагам.

— Я сделаю все, что потребуется, — решительно заверил Мармадюк. — А вот вы, Ваше Святейшество, поторопитесь! Враг ждет только сигнала.

— Все будет хорошо.

Ступая неторопливо и величаво, Берниссус начал спускаться в Священную Обитель.

И вот сигнал дан, и полчища врагов, исторгнув чудовищный вопль, двинулись на брустверы.

Мармадюк крикнул в проход, ведущий вниз:

— Возлюбленный Берниссус! Пришел сигнал с Ахернара — полчища врагов устремились на нас! Их мечи из трижды отточенной стали! У них копыя, катапульты и боевые крючья. Они приставили лестницы к самому парапету! Я поднял все знамена, мой Клич косит ряды врагов тысячами, но ведь я всего один против восьмисот тысяч. Еще минута — и от меня даже праха не останется, если каждый из воинов обратит хоть ничтожную частицу своего пыла на мой единственный труп! Где же то самое главное, еще не произнесенное Слово? Самая пора обрушить его на врагов!

Мармадюк прислушался, но так ничего и не услышал. В смятении он ринулся вниз и произнес Святое Имя, но

голос его затерялся среди пустых палат. Он спустился до нижнего яруса и по тайному ходу прополз до самого боло-та, затем, спасаясь бегством, свернул к северу и вскоре догнал Берниссуса, который, высоко подобрав рясу и отшвыривая мускулистыми ногами комья грязи, хоть и не без труда, но неуклонно приближался к лесу Уоррэм.

Из главы «Ученик Воплощения», вошедшей в «Сви-ток Девятого Измерения»

* * *

Спустившись в вестибюль гостиницы, Джерсен первым делом бросил взгляд через фасадные окна на улицу. У тротуара стояли три такси, по-видимому, заранее заказанные постояльцами гостиницы. На первом из них Джерсен сразу же увидел ставшую такой знакомой белую полосу. За рулем сидел загорелый мужчина с плоским лицом и черными кудрями. От внимания Джерсена не ускользнуло, что уши у него были настолько подрезаны, что виднелись только темные точки вместо ушных раковин. Джерсен сел в таком месте, откуда можно было незаметно наблюдать за всем, что происходит на улице.

Из гостиницы вышли мужчина и женщина и направились к первому такси, но водитель отказал им. Тогда они обратились ко второму, а затем и к третьему — результат был тот же. В конце концов они сели в такси, проезжающее по улице мимо гостиницы.

Три такси подряд, каждое из которых оборудовано баллоном с усыпляющим газом?.. Возможно. Даже очень возможно.

Он вышел через главный вход и на какое-то мгновение приостановился, как бы размышляя, что делать. Краешком глаза заметил, что все три водителя насторожились. Джерсен не обращал на них внимания. Постояв так еще немного, он решительно перешел на противоположную сторону улицы и углубился в парк, где, спрятавшись за густо разросшимися кустами, стал наблюдать за такси. Первое не стронулось с места. Второе и третье поспешно развернулись и умчались.

Джерсен вернулся на Аллею в сотне метров западнее гостиницы и взмахом руки остановил проходящее мимо такси, удостоверившись, что оно не из тех трех, что ждали перед главным входом в гостиницу.

— Подбросьте к «Черному Сарая».

Такси развернулось и тронулось не в сторону подъема, ведущего к Ллаларкно, а на юг, туда, где виднелись окружающие Твониш поля.

«Черный Сарай» стоял посередине ровного поля в полумиле от города: круглое здание с низкими стенами из досок и огромной конической крышей со шпилем. Шпиль был увенчан черным стальным флюгером в виде кукарекающего петуха. Люлли Инкельстаф пока еще видно не было.

Кора уже спряталась за дальними холмами, небо окрасилось в золотисто-оранжевый цвет. Через минуту-другую Люлли появилась в нарядном черно-белом платье, с огромной красной косынкой из тончайшей материи, приколотой к золотистым локонам на затылке. Джерсена она встретила приветливым взмахом руки:

— Не думаю, что я так уж сильно опоздала — на пару минут, не более, что для меня несомненный успех. Вы уже побывали внутри?

— Еще нет. Я подумал, что лучше подождать здесь.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны — ведь так легко разминуться. Такое со мной бывало. И должна, к немалому своему стыду, признаться, именно по моей вине... Зайдем внутрь? Уверена, вам здесь понравится. «Черный Сарай» все обожают, даже мезленцы. Их здесь всегда полным-полно. Наберитесь терпения, и вы еще увидите, как необычно они танцуют! Идемте! — Люлли нежно, будто они уже много лет друзья, подхватила Джерсена под руку. — Если нам повезет, то мой любимый столик будет нас дожидаться.

Пройдя через двустворчатые двери из обитых железом досок, они оказались в фойе, обставленном различным старинным инвентарем, применявшимся когда-то на фермах. Слева и справа были оборудованы стойла,

из которых высывались стилизованные головы домашних животных.

Пологий спуск вел в главный зал мимо пары старинных полуразвалившихся крестьянских повозок. Танцевальную площадку окружали сотни столиков. К ней же примыкала эстрада для оркестра, на которой сейчас играли только двое музыкантов, выраженных под домашних животных, — барабанщик и гобоист.

Люлли подвела Джерсена к столику, который ему показался ничем не отличающимся от других, но сама она села за него, радостно улыбаясь.

— Вы посчитаете меня глупой, но для меня этот столик — что-то вроде талисмана. Мне столько раз было за ним весело! Можете не сомневаться, вечер будет замечательным!

— Вы заставляете меня нервничать, — сказал Джерсен. — Я, может быть, не оправдаю ваших надежд, и вы станете сердиться не только на меня, но и на этот столик.

— Уверена, не стану, — решительно возразила Люлли. — Я твердо решила, что сегодняшний вечер мы проведем в свое удовольствие.

«Девчонка с характером», — подумалось Джерсену.

Люлли тем временем, задумчиво склонив голову набок, решила, казалось, разделить некоторые опасения Джерсена.

— Нас, естественно, — произнесла она беспечно, — могут подстергать кое-какие неприятности. Всякое может произойти. Вдруг мы ни с того ни с сего грохнемся на пол, когда будем танцевать...

— Танцевать? — встревоженно переспросил Джерсен.

Люлли, похоже, его не слушала:

— ...и тогда нам придется просто пересесть за другой столик, наказав этот, чтоб он больше никогда такого себе не позволял... Вы голодны?

— Не стану скрывать.

— Я тоже. Давайте заказ сделаю я, потому что я точно знаю, что здесь лучше всего.

— Пожалуйста. Выбирайте все, что только пожелаете.

— Начнем с орешков, овощного салата поострее, солений и копченой корюшки, затем чипсы с кетчупом и двойной дозой пряностей и наконец отбивные с косточкой. Вас устраивает?

— Вполне.

— Здесь очень хороший чиррет. Или вы предпочитаете пиво?

— А что такое чиррет?

— Это очень вкусная сливянка, и не такая уж крепкая. Некоторые выглядят такими дураками, когда пытаются танцевать после подаваемого в «Черном Сарае» пива.

— Значит, выбираем чиррет. Но вот что касается танцев...

Люлли уже делала знаки официантке. Как и все другие официанты и официантки, та была в праздничном крестьянском убранстве: в пышной черно-зеленой кофте и синей юбке, в красных чулках и черных гамашах. Люлли делала заказ решительным тоном, особенно налегая на то, как должно быть приготовлено и подано каждое блюдо. Официантка почти сразу же принесла графин с чирретом, а затем блюда с орешками, мелко наструтанными рыбными соленьями и копченой корюшкой.

— Еще очень рано,— заметила Люлли.— Народу пока не слишком много, а вот через час здесь уже будет не протолкнуться, может даже не остаться места для танцев. Сначала мы закусим и поговорим. Расскажите мне о себе и о местах, где вам довелось побывать.

Джерсен смущенно улыбнулся:

— Не знаю даже, с чего начать.

— А с чего хотите. Я никак не могу разобраться, каков вы на самом деле. Вы как будто сотканы из противоречий и, судя по всему, человек совершенно необычный!

— Как раз наоборот. Я самый что ни на есть заурядный, к тому же еще стеснительный и очень неуклюжий.

— Не верю ни одному вашему слову! Кстати, вы уже приняли решение обосноваться здесь, в Твонише, надолго? Надеюсь, приняли!

Джерсен рассеяннo улыбнулся, думая в это мгновение о Мосс-Элруне.

— Временами я именно к этому и склоняюсь.

Люлли тяжело вздохнула:

— Наверное, путешествовать среди звезд просто замечательно! А вот я пока нигде еще не бывала. Сколько же, интересно, вы посетили планет?

— Точно не знаю, никогда не считал, не один и даже не два десятка.

— Говорят, что каждая планета отличается от другой и что бывалые астронавты, даже не знающие по какой-то причине, на какую планету они попали, стоит им только взглянуть на небо, потянуть носом воздух, тут же называют имя планеты. Вы так можете?

— Иногда. Но обманываюсь столько же раз, сколько и оказываюсь прав. Расскажите мне о себе. У вас есть братья и сестры?

— Три брата и три сестры. Я самая старшая и первой устроилась на работу, а о замужестве еще не задумывалась: я всегда так весело проводила время, что теперь как-то даже не хочется менять привычки.

Невидимые струны в подсознании Джерсена слегка зазвенели. Сейчас он почувствовал себя еще более неловко, чем прежде.

— Я тоже не намерен в обозримом будущем обзаводиться семьей. Расскажите-ка лучше о своей работе.

Люлли поморщила нос:

— До того как мы связались с «Котзиш», работать было гораздо приятнее. Мне в самом деле очень нравился старик Лемюзль Джаркоу. Уж кто-кто, а он никогда не опускался до вольностей, которые иногда позволяет себе мистер Свят Джаркоу.

— К мистеру Джаркоу частенько заходят дарсайцы?

— Не очень. Я бы даже сказала — очень редко.

— А вот с мистером Оттилом Пеншоу приходил когда-нибудь такой здоровенный дарсаец?

Люлли пожала плечами:

— Не припоминаю. Это важно?

— Я где-то уже видел мистера Пеншоу. Скорее всего, на Дар Сай.

— Весьма возможно. «Котзиш» первоначально была чисто дарсайской компанией. Но все, что с ней связано, окружено такими тайнами... Да и вы сами — человек таинственный. Я бы не удивилась, узнав, что вы — из МПКК. Верно?

— Разумеется, нет. Но даже если бы и так, я вряд ли признался бы в этом первой же симпатичной девушке, задавшей мне подобный вопрос.

— Что верно, то верно. И все же вы не очень-то похожи на обыкновенного связиста.

— Когда я не на работе, я совсем другой, — произнес Джерсен, попытавшись отшутиться.

Люлли продолжала внимательно к нему приглядываться.

— Почему вы до сих пор не женились? Неужели никто вас не пробовал зацепить?

Джерсен пожал плечами:

— Я просто не осмеливался просить кого-нибудь разделить со мной тот образ жизни, что я веду.

Люлли, на мгновение задумавшись, сказала:

— В Твонише принято, чтобы женщина сама предлагала мужчине на ней жениться. Только такое поведение расценивается как соответствующее приличиям. Мне говорили, что в других местах все совершенно иначе.

— Да, действительно. — Джерсен мучительно пытался найти какой-нибудь повод сменить тему. — Я заприметил несколько дарсайцев у входа. Они тоже посещают «Черный Сарай»?

— Разумеется! Их просят садиться вон там, под вентилятором, чтобы их запах не портил никому настроения. — Люлли окинула взглядом двух дарсайцев, которые, как будто крадучись, пересекали зал. — Они почти варвары: никогда не танцуют и сидят весь вечер, сгорбившись над своими тарелками с едой.

— А где сидят мезленцы?

— В непосредственной близости от оркестра. Они обычно приходят в карнавальных костюмах. Довольно

дурацкая мода, жутко среди них распространенная... Очень странная публика, им бы только участвовать в различных играх, исполнять всякие роли, в общем, лишь бы что-то из себя изображать и резвиться. Можете не сомневаться, жизнь для тех, кто богат и живет в Лаларкно,— сплошное удовольствие.

— В этом я полностью с вами согласен. Вам бы хотелось выйти замуж за мезленца?

— Невелик шанс! Я бы просто ни за что не отважилась предложить такое кому-нибудь из мезленцев! Они такие воображалы, разве нет?

— Вот именно.

— У них есть свои определенные обычаи, но они даже понятия не имеют, что такое настоящие нормы приличия. А вот вы бы женились на девушке-мезленке, если бы она вас попросила?

— Все зависит от того, какая девушка,— рассеянно ответил Джерсен, мысли которого были заняты совсем не этим. И тут же спохватился: — Я по натуре своей таков, что вообще вряд ли когда-нибудь женюсь.

Люлли укоризненно похлопала его по руке:

— У вас сейчас вполне приличная работа. Самая пора где-то обосноваться.

Джерсен улыбнулся и покачал головой:

— Характер у меня определенно какой-то не такой... Глядите — вон идет оркестр.

Люлли посмотрела на музыкантов:

— Это Дензель и его «Семеро Деревенских Ласточек». Очень странное название, поскольку их только пять. Мне не нравится, когда что-нибудь искажается. Но играют они здорово и пляшут не хуже, особенно когда на одних носках или высоко вскидывают ноги... А какие у вас самые любимые танцы?

— Я, честно говоря, вообще не умею танцевать.

— Как странно! Ни классических, ни народных?

— Ни даже медленного марша.

— Мы обязаны непременно это исправить! Ведь это же просто стыдно! В жизни не попросила бы вас жениться на мне! — Люлли разразилась веселым хохотом.—

С другой стороны, вдруг я захромаю — что мне тогда делать с гарцующим, как жеребчик, мужем?.. А вот и несут наш заказ. Обсуждать брачные проблемы лучше, пожалуй, на полный желудок.

Оркестр, состоящий из ксилофона, бассетгорна, гитары, кларнета и литавров, грянул мелодию, и публика тут же бросилась танцевать. Разнообразие и сложность танцевальных движений ошеломили Джерсена. Под первую мелодию танцующие быстро кружились, время от времени ловко подпрыгивая или высоко вскидывая ноги. Следующая мелодия заставила их на полусогнутых коленях плавно скользить пружинящим шагом то в одну, то в другую сторону. Третья мелодия сопровождалась весьма замысловатыми перемещениями танцующих, закончившимися тем, что четверо танцоров, тесно прижавшись друг к другу спинами и откинув руки назад, стали выполнять фактически гимнастическое упражнение «бег на месте с высоко подбрасываемыми коленями».

Джерсена поразили разносторонняя подготовка танцоров и многообразие выполняемых ими танцевальных движений, и он высказал это вслух, обращаясь к Люлли. Девушка ответила ему изумленным взглядом:

— Я совсем позабыла, что вы не умеете танцевать! Мы умеем выполнять десятки танцевальных па! Считается позором дважды танцевать в одной и той же манере. Вам бы не хотелось для начала поупражняться в исполнении хотя бы самой простенькой полочки?

— Нет. Спасибо.

— Кирт Джерсен, вы действительно крайне стеснительны! Самая пора кому-нибудь серьезно взяться за вас. Мне кажется, вам надо прописать уроки танцев, и начнем мы прямо с завтрашнего дня.

Джерсен задумался в поисках подходящего ответа, но тут внимание его отвлеклось появлением группы мезленцев. Как верно подметила Люлли, почти все были в нарядах Пьеро, с помпонами на белых шапочках и в матерчатых туфлях с удлиненными, загнутыми вверх носами. Веселую и беспечною гурьбой они проследовали к специально оставленным для них местам в зале.

Вскоре некоторые вышли танцевать, стараясь, однако, даже в толпе танцующих нигде не смешиваться с монгрелами. В арсенале мезленцев тоже было немало разнообразных танцевальных фигур, но выполняли они их не в столь энергичной манере, как монгрелы.

Джерсен пристально рассмотрел всех мезленцев в этой группе, но не увидел никого, кто бы был ему знаком. Тем временем Люлли продолжала без умолку болтать о том и о сем, показывала Джерсену своих знакомых, объясняла тонкости исполнения того или иного танца, не преминула одобрительно отозваться о пикантности соуса к чипсам и совсем уж пришла в восторг от копченостей. Джерсен несколько раз пытался повернуть течение их разговора к делам фирмы Джаркоу, однако ничуть в этом не преуспел.

Они уже почти закончили ужин, когда оркестр заиграл веселую мелодию, а танцующие стали выделять на танцевальной площадке замысловатые узоры, энергично подпрыгивая. Люлли совсем потеряла спокойствие. С сияющими глазами она объявила Джерсену:

— Вот этому танцу я научу вас уже сегодня!

Джерсен отрицательно мотнул головой:

— Может случиться так, что к концу вечера меня здесь не будет.

В голосе Люлли прозвучал упрек:

— Вы ищете другую девушку?

— Нет, разумеется, — усмехнувшись, ответил Джерсен. — Просто у меня деловое свидание.

— Тогда завтра вечером! Я приготавливаю что-нибудь на ужин, и мы начнем.

— Ученик из меня никудышный, — продолжал отнекиваться Джерсен. — Честно говоря, у меня бывают приступы головокружения. Танцы могут стать причиной очередного такого приступа.

— Вы все время со мной только шутите, — уныло сказала Люлли. — Вы ищете другую женщину, у меня теперь нет ни малейших сомнений.

Джерсен стал лихорадочно придумывать какие-нибудь новые отговорки, но ход его мыслей был прерван

появлением одного из приятелей Люлли, молодого человека в щеголеватом костюме.

— Почему вы не танцуете? — спросил тот Люлли. — Оркестр сегодня в ударе.

— Мой друг не танцует, — ответила Люлли.

— Что? Никак не поверю, будто ему хочется, чтобы ваш вечер пропал зря! Идемте, оркестр уже начинается.

— Вы не станете возражать? — спросила Люлли у Джерсена.

— Пожалуйста!

Люлли и ее приятель галопом понеслись к танцплощадке и вскоре уже пустились в залихватскую пляску. Какое-то мгновение Джерсен без особого интереса еще наблюдал за ними, но затем мысли его повернули совсем в другое русло. Он откинулся на спинку кресла и погрузился в грустное раздумье. Полнейший застой, тупик — вот результат его деятельности за последние дни. Куда бы он ни обратил мысленный взор, всюду одно и то же. Сомнения, неуверенность, неудачи совершенно затормозили его продвижение к намеченной цели. Действуя против Ленса Ларка, он упустил инициативу, и теперь уже Ленс Ларк вышел на охоту за ним. Опасность подстерегала за каждым углом. Пока, правда, Джерсену удавалось сорвать довольно-таки неуклюжие попытки схватить его, но можно не сомневаться, что теперь они станут более целенаправленными. И стоит только Ленсу Ларку потерять терпение, как осколок стекла, выпущенный с противоположной стороны улицы, мгновенно устранит неприятности, созданные деятельностью какого-то там Джерсена. А пока что Ленс Ларк, похоже, лишь несколько раздосадован и не слишком-то возмущен. Не исключено, что можно рассчитывать еще на один день, прежде чем Ленс Ларк по-настоящему возьмется за дело...

Размышления Джерсена были прерваны прибытием второй группы мезленцев. Интересно, вернулась ли Шеридин в Ллаларкно, а если вернулась — удастся ли повидаться с нею?.. И едва лишь он мысленно произнес это имя, как увидел ее лицо: Шеридин как раз поверну-

лась в его сторону. Как и все прочие, она была в карнавальном наряде: в безукоризненном белом одеянии, скрывавшем ее от шеи до пят, со свешивающимися синими помпонами спереди, в эксцентричных туфлях без каблуков и в чуть сдвинутой набок конической белой шляпе, из-под которой выбивались черные локоны. Она выглядела такой цветущей, такой обаятельной и невинно беспечной, что сердце Джерсена остановилось, а к горлу подступил комок...

Не успев ни о чем подумать, не отдавая себе отчета, он вскочил с места и пересек весь зал. Она повернула голову и тоже увидела его, на какое-то мгновение глаза их встретились. Ее друзья в это время уже двинулись в направлении своих мест. Шеридин приостановилась в нерешительности, бросила быстрый взгляд вслед удаляющимся приятелям, а затем подошла к одной из колонн, в тени которой застыл Джерсен.

— Что ты здесь делаешь? — охрипшим от волнения голосом прошептала она.

— Прежде всего я здесь потому, что надеялся увидеть тебя. — Джерсен взял ее ладони в свои, притянул к себе и поцеловал.

Задержавшись на мгновение в его объятиях, она высвободилась и резко отпрянула.

— Я думала, никогда не увижу тебя снова!

Джерсен рассмеялся:

— А вот я знал, что увидишь. Ты еще не разлюбила меня?

— Нет, разумеется... Не знаю даже, что и сказать тебе.

— Ты можешь оставить друзей и уйти отсюда со мной?

— Сейчас?.. Нет, невозможно. Это вызовет скандал. — Она обвела взглядом помещение. — Еще пара секунд, и мой спутник начнет меня разыскивать.

— Он посчитает, что ты удалилась в дамскую комнату.

— Может быть. Какой неблагоприятный предлог для тайной встречи с возлюбленным!

— Может быть, нам удастся встретиться сегодня ночью, когда вы уйдете отсюда?

— В полночь у нас состоится ужин для гостей, мне никак не удастся отлучиться.

— Тогда завтра днем.

— Хорошо. Но где? Ты ведь не сможешь появиться в Олденвуде. Отца это приведет в бешенство.

— Перед Мосс-Элруном, со стороны, выходящей к озеру.

Она удивленно взглянула на Джерсена:

— Нам нельзя там встречаться. Это чужое имение!

— Тем не менее оно сейчас пустует, и там никто не станет нам досаждать.

— Хорошо. Я приду. — Она обернулась. — Мне нужно идти. — Она еще раз бросила взгляд через плечо. — Быстрее! — Подойдя совсем близко к Джерсену, она высоко запрокинула голову.

Они обнялись. Джерсен поцеловал ее раз, другой. Затем, едва дыша, но счастливо улыбаясь, она отодвинулась:

— Завтра в полдень!

Легкой походкой Шеридин направилась к друзьям. А Джерсен, повернувшись, увидел ошеломленный и недружелюбный взгляд Люлли Инкельстаф, которая, выйдя только что из прохода, направлялась в дамскую комнату. Не проронив ни слова, она метнулась к столику, где сидела с Джерсеном, подхватила сумочку и плащ и неторопливо удалилась к своим знакомым.

Джерсен только пожал плечами. «По крайней мере, хоть избежал сегодняшнего урока танцев», — подумал он.

Глава 16

Уплатив по счету, Джерсен покинул «Черный Сарай». Возле выхода пассажиров дожидались добрых полдюжины такси. На самом первом из них Джерсен увидел знакомую белую полосу. Сразу же отвернувшись, он принялся беспечно прохаживаться у выхода, будто бы поджидая кого-то. Каким образом удалось высле-

дить, что он находится в «Сарае»? Неужели к нему «подцепили» датчик системы отслеживания, да еще настолько миниатюрный, что он его не заметил? Скорее всего, это ничтожный мазок особого вещества, которое по запросу контрольного радиолуча возвращает ответный сигнал... Сегодня ночью он особенно тщательно вымоется и полностью сменит одежду.

Сегодня ночью... если удастся живым добраться до гостиницы. Воспользоваться любым из такси, стоящих рядом с дансингом, было бы непростительной глупостью. Продолжая прохаживаться с видом человека, погруженного в какие-то свои мысли, он вышел к углу «Сарая», где таксисты не могли его видеть, и бросился бежать по дороге, ведущей в Твониш.

Ночь была темной и ясной. Над головой сверкали незнакомые Джерсену созвездия, высвечивая дорогу, белой лентой выющуюся среди темных полей. Стоило Джерсену перейти на бег, как тело его мало-помалу начало оживать, душа снова вырвалась на простор. Вот как раз такое существование и было для него предназначено, сейчас ему снова дышалось легко и свободно. Ничто не казалось ему более естественным, чем этот бег сквозь темную ночь по незнакомой планете, когда чувствуешь опасность у себя за спиной и ощущаешь себя воплощением еще большей ответной угрозы. Как рукой сняло мнительность и мрачные предчувствия, он снова ощущал себя Джерсеном прежних лет... Часть неба впереди закрыли высокие кроны деревьев. Джерсен остановился на мгновение и прислушался. Из «Черного Сарая», который был уже в четверти мили отсюда, доносилась еле слышная музыка. На повороте показались фары такси. Джерсен взглянул на сторону дороги, противоположную той, где росли деревья, и увидел там неглубокий кювет, а за ним густые заросли сорняков. Перепрыгнув через кювет, он быстро залег в бурьяне, как можно плотнее прижавшись к земле.

Такси мчалось на полной скорости, мощные фары высвечивали дорогу на много десятков метров вперед. Поравнявшись с деревьями, такси резко притормозило

и оказалось почти рядом с Джерсеном, однако внимание водителя и пассажиров привлекли деревья, а не чахлый бурьян, который едва-едва скрывал Джерсена.

— На дороге его нет,— услышал Джерсен негромкий голос водителя.— Он никак не мог убежать дальше.

Из пассажирского салона вышли трое мужчин. Джерсену были видны только их силуэты в свете фар.

Снова заговорил водитель:

— Он прячется среди деревьев, если только не подался в поля.

В ответ раздался хриплый бас одного из пассажиров, невысокого крепыша:

— Разверни машину так, чтобы деревья осветились фарами.

Водитель исполнил распоряжение, теперь задние колеса такси были почти у самого края кювета.

Снова раздался голос невысокого:

— Энг, заходи справа. Дофти — слева. Держитесь так, чтобы на вас не попадал свет. Его надо взять живым. Это очень важно, Коршуну он нужен живой.

Джерсен поднялся на ноги и бесшумно перепрыгнул через кювет. Поднявшись по двум ступенькам к кабине водителя, он всадил тонкий, как заточка, стилет, служащий продолжением указательного пальца его боевой перчатки, в шею водителя и одновременно когтями, которыми заканчивались большой и средний пальцы перчатки, перерезал спинномозговой нерв. Смерть наступила мгновенно. Опустив труп вниз, под ноги, Джерсен расположился на месте водителя. Коренастый коротышка стоял на дороге слева от такси. Вот с ним-то Джерсену и захотелось поговорить начистоту, а если понадобится, то и с пристрастием.

Прошли три минуты. Джерсен терпеливо ждал, сидя с иглопистолетом в руке. Из-за деревьев вышли Энг и Дофти и направились к освещенному фарами участку дороги: Энг — сутулый угловатый парень с длинным носом и высокой переносицей, с короткой черной бородкой; Дофти — здоровенный верзила с детским лицом и узенькими щелками-глазами. Таких, как эти двое, Джер-

сен часто встречал на Краю Света, в тавернах с сомнительной репутацией на глухих окраинах или занимающихся своим ремеслом на дорогах, как сейчас.

Невысокий крепыш, сгорая от нетерпения, сделал шаг вперед:

— Ну как?

— Его там нет, — ответил Энг.

Джерсен выждал, когда эти двое окажутся в свете фар, а затем, не испытывая ни сомнений, ни угрызений совести, дважды разрядил свое оружие, послав тончайшие осколки взрывающегося стекла точно в лоб Энгу и Дофти, а затем еще раз, в локоть коротышки, когда тот рывком развернулся. Оружие выпало из его рук на дорогу.

Джерсен выпрыгнул из кабины водителя:

— Я тот, кого вы ищете.

Крепыш ничего не ответил, только повернул к Джерсену искаженное болью лицо.

— Вам доводилось когда-нибудь видеть, как умирают от клюта? — спросил Джерсен небрежным тоном. — Нет? Да? Выбирайте: или клют, или выстрел в голову... Ну, что?

— Выстрел, — прошептал крепыш.

— В таком случае придется ответить на мои вопросы. Если бы вы поймали меня, что вы должны были со мной сделать?

— Связать и доставить в тайник.

— А потом?

— Я должен был позвонить и получить дальнейшие инструкции.

— От кого?

Коротышка только закатил глаза. Джерсен сделал шаг вперед, поднял руку в перчатке, вытянул ее перед собой.

— Быстрее!

— От Коршуна.

— Ленса Ларка?

— Это вы назвали имя.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Распоряжения я получаю по радио.

Со стороны «Черного Сарая» показались огни фар. Коротышка рванулся к Джерсену, и тот выстрелил ему прямо в лоб. Затем, осторожно спрятав смертоносную перчатку в особый карман, повернулся к такси и увидел в отраженном свете линялую светлую полосу, после чего снова побежал по дороге в Твониш.

Такси, ехавшее со стороны «Черного Сарая», обнаружив, что дорога перегорожена, остановилось. Обернувшись через плечо, Джерсен увидел вышедших на дорогу водителя и пассажиров, в ужасе глядевших на трупы.

* * *

Чтобы в спокойной обстановке оценить события этого вечера, Джерсен завернул в кафе «Козерог», расположенное на полпути между Скоун-Тауэром и «Коммерсантом», на самом краю Парка Отдохновения. Сидя за чашкой чая, он не без удовольствия отметил, что настроение у него явно поднялось, отодвинулись куда-то тревоги, которые он испытывал в течение всего дня. Активные действия расторможили его рассудок, пребывавший до этого в каком-то заторможенном, полуспящем состоянии. Четыре убийства? Он раскаивался лишь в том, что так мало сведений успел выжать из коротышки. При мысли о Шеридин ощутил, как приятно и волнующе отгаивает все его естество. Когда же вспомнил о Люлли, то просто рассмеялся... Под столом у Люлли в конторе «Джаркоу Инжиниринг» зря пылился магнитофон, установленный там совсем недавно. Подключенный к микрофону в конторе «Котзиш», он был теперь совершенно бесполезен. От него было бы гораздо больше толку, если бы он мог записывать разговоры, ведущиеся в конторе Джаркоу.

Джерсен взглянул на Скоун-Тауэр, висившийся в этот поздний час темной громадой, внутри которой только кое-где тускло светили огоньки дежурного освещения.

Допив чай, Джерсен вернулся в гостиницу, подхватил сумку с инструментами, снова вышел на улицу и

пошел через парк к Скоун-Тауэру. Вестибюль здания был совершенно пуст. Джерсен поднялся лифтом на третий этаж и, воспользовавшись собственным ключом к помещению 308, проник в контору «Джаркоу Инжиниринг».

Едва переступив порог, он остановился и прислушался, но ничего такого, что бы могло указать на присутствие людей, не обнаружил. Пройдя в клетушку Люлли, демонтировал установленный у нее под столом магнитофон. Будет лучше всего, решил он, если звуковоспроизводительный датчик разместить где-нибудь в кабинете самого Джаркоу.

Джерсен установил микрофон под поперечным бруском между тумбами письменного стола Джаркоу, обнаружив при этом целый комплект каких-то очень замысловатых приспособлений, которые сильно его встревожили и заставили вспомнить старинную поговорку: «Сядь за стол с чертом, запасайся ложкой подлиннее». Джаркоу, прекрасно понимая, что собой представляет Ленс Ларк, с которым ему приходится сотрудничать, установил даже несколько модификаций «длинной ложки», чтобы не быть застигнутым врасплох.

Работал Джерсен быстро и умело и уже через полчаса смонтировал систему, которая в наибольшей мере его удовлетворяла: магнитофон он подсоединил к коммуникатору в офисе «Котзиш», а несколько микрофонов расположил в наиболее подходящих местах внутри офиса Джаркоу. Затем собрал инструменты и хотел было уже уйти, но задержался на мгновение у двери в чертежную. Открыв дверь, он заглянул внутрь, однако обнаружил самые заурядные атрибуты проектного бюро: графопостроители, компьютеры, факсимильные аппараты, сканеры. Текущие разработки лежали прямо на столе, один лист на другом, испещренные диаграммами, вертикальными колонками и горизонтальными рядами цифр. На каждом листе имелась особая пометка: «Секция 1А», «Секция 1В» и так далее. Последний лист имел пометку: «Секция 20Е». Под столом Джерсен обнаружил два предмета, привлечших его внимание какой-то

особой необычностью. Первый представлял собой неправильной формы ком из какого-то вещества, напоминающего меловую шпаклевку или пластилин, диаметром сантиметров в тридцать. Поверхность его была расчерчена примерно на сотню участков, каждый из которых был помечен тушью по той же системе обозначений, что и листы на столе. Второй предмет был увеличенной копией первого, выполненной из легкого прозрачного материала и подобным же образом разливной на небольшие участки. Под поверхностью просматривалось неисчислимое множество ярко-красных нитей, которые беспорядочно изгибались, искривлялись, перекручивались, собирались в узлы и снова разъединялись, не составляя какой-либо очевидной цельной картины или орнамента.

Очень странно, отметил про себя Джерсен, взяв в руки этот необычный предмет и разглядывая его так и этак. Очень странно. Даже более чем очень странно... Такого абсурда он даже не мог себе представить. И Джерсен вдруг разразился ничем не сдерживаемым, гомерическим хохотом.

Неужели возможно настолько грандиозное, настолько поражающее воображение, но совершенно идиотское безрассудство? Тотчас многое из того, что проходило мимо его сознания за последние месяцы, разом всплыло в памяти, и сотни разрозненных обрывков внезапно составили цельную, вполне определенную картину.

Положив на прежнее место прозрачный предмет, Джерсен подхватил сумку с инструментами и покинул офис «Джаркоу Инжиниринг». Поставленной цели он добился. Разговоры, которые будут записаны тут, теперь станут для него не только интересными, но и понятными.

В гостиницу Джерсен вернулся без происшествий. Особые метки и датчики, которые он, уходя, установил в различных местах на двери своего номера, были там, где и положено было им быть, — номер в его отсутствие никем не посещался. Джерсен спокойно вошел внутрь, прикрыл и тщательно запер дверь, после чего вымылся и завалился в постель.

Ночь получилась бессонной. Перед мысленным взором Джерсена не переставали проплывать лица. Лица Ленса Ларка. Карикатуры, рисунки и неразборчивые фотографии. «Сломанный» бедолага Тинтл и его супруга, Дасуэлл Типпин, Оттил Пеншоу, Бэл Рук, Люлли Инкельстаф, Шеридин Ченсет...

Утром Джерсен велел подать завтрак прямо в номер, однако, обуреваемый сомнениями, ни к чему даже не притронулся. Одевшись особенно тщательно, спустился на первый этаж, выскользнул на Аллею, прошелся пешком к кафе «Козерог» и только там уже позавтракал. Предстоящий день был особенно важным. В полдень — поездка к Мосс-Элруну, свидание с Шеридин. Затем — кто знает? — возможна встреча и с Ленсом Ларком.

Вернувшись в гостиницу, Джерсен поднялся в свой номер. На этот раз маленькие хитрости, что он оставил на двери, показывали, что дверь открывали. Приложив к ней ухо, Джерсен услышал какие-то странные звуки. Как можно незаметнее приоткрыв дверь, он обнаружил внутри горничную, которая приводила номер в порядок.

Войдя, он пожелал горничной доброго утра. Через несколько минут она удалилась. Джерсен немедленно сел за телефон. Позвонив в контору «Котзиш», он переключил магнитофон на воспроизведение и первым делом прослушал четыре разговора, которые уже были записаны за это утро. Первым был звонок некоего Зеруса Бэлзайнта из «Ассоциации космической обороны и безопасности», потребовавшего соединить его с мистером Джаркоу.

— Прошу прощения, — бодро ответила Люлли, — мистера Джаркоу еще нет на месте.

— Когда ожидается его прибытие?

— Не знаю, сэр. Может быть, завтра.

— Пожалуйста, уведомите его о моем звонке. Завтра я еще раз попытаюсь с ним созвониться.

Следующий звонок принадлежал самому Джаркоу, он интересовался Оттилом Пеншоу.

— Его еще не было, сэр.

— Что? — Голос Джаркоу зазвучал резко. — Какую-нибудь записку он оставил? Ничего не просил передать?

— Ни слова! Вам никто не звонил, кроме какого-то мистера Зеруса Бэлзайнта.

— Мистера Зеруса... как?

— Мистер Зерус Бэлзайнт из «Ассоциации космической обороны и безопасности». Можно сказать ему, когда вы сможете с ним встретиться?

— Я буду сегодня к концу рабочего дня, но говорить с Бэлзайнтом не стану. Придется ему подождать. Если позвонит Пеншоу, велите ему зайти в контору и больше никуда его не отпускайте.

— Слушаюсь, сэр.

Затем последовал частный разговор Люлли с кем-то из своих подружек, из которого он узнал больше, чем ему хотелось. Люлли описывала свои вчерашние приключения, пользуясь оборотами речи и сравнениями, которые Джерсену показались совсем не лестными.

— ...и — можешь себе представить? — с мезленской девкой! — Люлли почти визжала от ярости. — Никак не пойму, что он за человек! Я сделала ему такие страшные глаза, что прямо-таки испепелила его! А потом ушла с Нэри. Мы станцевали с ним три сюиты и долгий-предолгий галоп. И это еще не все! По дороге домой мы наткнулись на жуткое убийство — по сути, даже четыре убийства: водителя такси и троих пассажиров. Они валялись прямо на дороге, как задавленные кем-то собачьи туши... В общем, вечер у меня получился такой, что никогда не забуду!

— А с кем именно из мезленских девок ты его застукала?

— С вертихвосткой Ченсет. Ты ее можешь увидеть где угодно.

— Да, я о ней многое слышала.

Разговор закончился, а после этого в телефонной трубке прозвучал последний звонок — от Мотри, старшего прораба корпорации Джаркоу.

— Мистера Джаркоу, пожалуйста.

— Его еще нет. Он будет сегодня к концу дня.

— Я только что прибыл с Шанитры. Позвонил, чтобы сообщить о результатах последней проверки. Мистер Джаркоу может теперь доложить своим патронам, что все готово. Вы оставите ему на всякий случай записку?

— Разумеется, мистер Мотри.

— Смотрите, не забудьте!

— Естественно, не забуду! Я уже кладу записку на стол шефа.

— Вот это школа! Сразу чувствуется, что вы на своем месте, девонька! Я загляну в контору завтра утром.

Больше телефонных звонков не было. Джерсен откинулся назад и задумался. Судя по всему, именно сегодня решающий день. Выглянув в окно, он обнаружил, что заметно похолодало, хотя с осеннего небосвода и струились лучи висящей низко над горизонтом Коры. Холмы Ллаларкно почти исчезли в туманной дымке. Тень какой-то особой, светлой и безмятежной грусти легла на город, на парк, на весь окружающий пейзаж, и, как обнаружил Джерсен, эта тихая печаль увядающей природы была созвучна его собственному душевному настрою. Проблемы решены, рассеялся мрак, окутывавший тайны, явив настолько нелепую и вместе с тем такую жуткую и совершенно безумную подноготную, что разум Джерсена содрогнулся в ужасе.

Джерсен задумался над подслушанными в конторе Джаркоу разговорами. Похоже, к вечеру Джаркоу ожидает прихода каких-то важных посетителей. Кто же они, эти его «патроны»? Ждать оставалось не так уж долго... Затем мысли Джерсена перескочили на Шеридин Ченсет, и у него сразу защемило сердце, в душу вкрались сомнения. Что бы она сейчас подумала, вот в этот самый момент, когда сам Джерсен, такой всегда собранный, дерзкий и находчивый, видел себя совсем иным человеком, человеком, охваченным сомнениями и тревогами? И перед его мысленным взором предстала Шеридин, какую он увидел ее в самый первый раз, в темно-зеленом платье и темно-зеленых чулках, с непослушными

черными локонами возле ушей и на лбу. Каким высокомерным был тогда взгляд, которым она его одарила! Как совершенно изменились отношения между ними теперь! Снова мучительно заняло сердце... Джерсен глянул на часы: до полудня остался час, самое время отправляться к Мосс-Элруну.

* * *

Увидев у выхода из гостиницы целую вереницу такси, Джерсен задумался. Вряд ли стоило сейчас опасаться какого-нибудь из них, но тем не менее он пересек парк и взмахом руки остановил такси, проезжающее по одной из второстепенных улиц. Как всегда, он не встретил должного понимания со стороны водителя. Водитель согласился поехать в Ллаларкно только в том случае, если Джерсен забьется в самый угол кабины, где его нельзя будет увидеть со стороны.

Неподалеку от Мосс-Элруна Джерсен вышел из такси и расплатился с водителем. Тот, не теряя времени, поспешил уехать.

Джерсен прошел по дороге к арке главного входа. Ветви огромных деревьев неизвестной Джерсену породы возвышались над каменной кладкой, отбрасывая пеструю тень. Воздух был неподвижен, стояла полная тишина. Справа и слева от арки каменные пилоны поддерживали бюсты нимф, отлитые из бронзы. Их невидящие глаза безучастно глядели вниз.

Пройдя под аркой, Джерсен ступил на территорию имения. Подъездная дорога, сделав несколько поворотов, вывела к широкой веранде перед входом в дом. Дорожка вокруг дома вела еще дальше, в сад, мимо множества цветущих кустарников и тщательно ухоженных деревьев, заканчиваясь у невысокого каменного забора. По другую сторону забора простирались земли имения Олденвуд. Джерсен заглянул через забор на лужайку, где сейчас резвились две совсем еще маленькие черноволосые девчушки, совершенно обнаженные, в белых панамках, украшенных цветами. Увидев Джерсена, они за-

мерли на мгновение и поглядели на него, а затем снова расшалились, но уже не так шумно. Еще через несколько минут они убежали в более уединенное место.

Джерсен вернулся назад уже знакомым путем, которым пришел к забору, с грустью размышляя над тем, будут ли когда-нибудь его собственные дети с таким же блаженством на лице бегать по лужайкам Мосс-Элруна... Выйдя к фасаду дома, он увидел сидящую на ступеньках Шеридин, которая задумчиво глядела на озеро. При виде Джерсена она тотчас же поднялась. Он нежно обнял ее и поцеловал. Она не протестовала, но и особого пыла не проявляла.

Вот так они и стояли несколько минут, затем Джерсен спросил:

— Ты рассказала обо мне своим близким?

Шеридин невесело рассмеялась:

— Отец о тебе не очень высокого мнения.

— Но ведь он едва меня знает. Пойти и переговорить с ним?

— О нет! Он встретит тебя очень холодно... По сути, не знаю даже, что и сказать. Всю эту ночь я только и думала о тебе и о себе, и все нынешнее утро... И так и не смогла до конца разобраться.

— Я тоже много об этом думал. Перед нами, как мне видится, открыты три возможности. Мы можем оставить друг друга окончательно и бесповоротно. Либо ты можешь уйти вместе со мной прямо хоть сейчас. Завтра мы покинем Мезлен, места для нас в Ойкумене вполне хватит.

Шеридин тяжело вздохнула и недовольно покачала головой:

— Ты вряд ли себе представляешь, что такое быть мезленкой. Я — часть Ллаларкно, я выросла здесь точно так же, как вырастают деревья. Мне будет всегда невероятно одиноко за пределами своего дома, независимо от того, насколько горячо я буду тебя любить.

— Но есть еще и третья возможность: я мог бы остаться на Мезлене и создать свой дом здесь, с тобой.

Шеридин с сомнением поглядела на Джерсена:

— Ты это и в самом деле сделаешь ради меня?

— У меня нет иного дома. Ллаларкно мне очень нравится. Почему бы и не осесть здесь?

Шеридин грустно улыбнулась:

— Все далеко не так просто. Уроженцев других планет здесь не очень-то жалуют. А если уж честно, то совершенно от них отмежевываются. Мы, мезленцы, народ крайне замкнутый, ты наверняка успел заметить.

— Частично я уже уладил дела. Дом у нас есть.

— Где? На Мезлене?

Джерсен кивнул:

— Мосс-Элрун. Я приобрел его еще вчера.

— Но ведь цена его — миллион севов! — в изумлении воскликнула Шеридин. — А я-то считала тебя... ну, скажем, нищим искателем приключений, таким космическим странником!

— А я такой и есть, в каком-то смысле. Но далеко не нищий. Я мог бы купить десяток мосс-элрунов и даже не заметить этого.

— Ты меня просто ошарашил.

— Надеюсь, ты не станешь обо мне думать хуже, узнав, что я не бедняк.

— Нет. Конечно же нет... Но ты стал для меня еще большей загадкой, чем раньше. Ради чего ты рисковал своей жизнью, приняв вызов великана-дарсайца в самом конце хадава?

— Потому что так надо было.

— Но ради чего?

— Завтра я все тебе объясню. Сегодня... сегодня еще не совсем подходящее время для этого.

Шеридин испытующе поглядела на Джерсена:

— Ты клянешься, что ты не преступник? И не пират?

— Я даже не банкир.

Шеридин вдруг вся напряглась, глядя куда-то мимо Джерсена. Тут же раздался разъяренный голос:

— Милейший! Что вы здесь делаете?.. Шеридин! Что происходит? — Не дожидаясь ответа, Адарио Ченсет дал

знак двоим верзилам-лакеям. — Выкиньте-ка этого проходимца на улицу!

Лакеи самоуверенно бросились к Джерсену. Мгновением позже один валялся лицом вниз на цветочной клумбе, другой сидел рядом с ним, держась за окровавленное лицо.

— Вы вышвырнули меня из своего банка, мистер Ченсет, — произнес Джерсен, — но это — моя собственность, и мне небезразлично, когда она подвергается опасности.

— Что вы имеете в виду, говоря о принадлежащей вам собственности?

— Вчера я приобрел Мосс-Элрун.

Ченсет издал хриплый, злорадный смех.

— Вы ничего не приобрели вчера. Вы заглядывали когда-нибудь в устав Ллаларкно? Нет?.. Тогда будьте готовы к неприятному сюрпризу. Ллаларкно является сугубо закрытой территорией, и имущественный статус на его территории сохраняется бессрочно. Вы приобрели не право собственности, а только возможность получения определенного участка в аренду, что должно подлежать еще ратификации Попечительским советом Ллаларкно. Я — один из его членов. И я не желаю, чтобы лицо чужеземца торчало над забором моего сада, как не потерпел я и того мерзавца-дарсайца.

Джерсен поглядел на Шеридин, которая стояла молча, лишь нервно теребя пальцы. По щекам ее катились слезы. Ченсет тоже повернулся к ней.

— Ах вот оно что! Романтическая драма. Ничего страшного, просто нужно вовремя отказаться от роли в ней и выбросить из головы. Ты немного сбилась с пути, малышка. Твое воображение занесло тебя в ситуацию, которой ты перестала владеть. Спектакль окончен. На этом ты должна поставить точку. Пора научиться во всем знать меру. Ступай сейчас же домой!

— Минуточку, — возразил Джерсен и, подойдя к Шеридин, заглянул в наполненные слезами глаза. — Тобою никто не вправе распоряжаться. Ты можешь уйти со мной... если, конечно, сама того пожелаешь.

— Отец, по всей вероятности, прав,— тихо прошептала Шеридин.— Я — мезленка, и нет для меня жизни нигде, кроме родины. И мне кажется, я вполне смогу с этим смириться. Прощай, Кирт Джерсен.

Джерсен неуклюже поклонился:

— Прощай.

Затем он повернулся к Адарио Ченсету, застывшему в ожидании, как безмолвная статуя. Но, так и не найдя нужных слов, которыми мог бы выразить свои чувства, Джерсен круто развернулся на каблуках и размашисто зашагал по дорожке к арке. Через несколько мгновений лишь бронзовые нимфы глядели ему вслед своими незрячими глазами.

Дорога была совершенно пуста. Джерсен направился в Твониш пешком, оставив Олденвуд справа. Только один раз он оглянулся через плечо на лужайку. Две девушки, теперь уже в платьицах, заметили, как он проходит мимо, и, перестав играть, какое-то время глядели ему вслед. Он же как ни в чем не бывало продолжал быстро шагать вниз по склону, заросшему буйной растительностью, затем вышел на ведущий к Аллее спуск и направился напрямик в кафе «Козерог». Он испытывал страшный голод и жажду, очень устал и был крайне удручен. Бухнувшись за стол, он набросился на хлеб и мясо и, только когда взял в руки чашку с чаем, поднял глаза на парк.

«Вот и завершился очередной жизненный эпизод», — с грустью отметил про себя Джерсен.

Чувства, надежды, благородные намерения — все это теперь в прошлом, все развеялось, как искры по ветру. В целом же получилась трагикомедия в двух действиях: завязка, лихое раскручивание интриги, завершившееся кульминацией на Дар Сай, затем коротенький антракт, пока менялись декорации, и наконец стремительное приближение к развязке в Мосс-Элруне. Определенный динамизм постановке придавало безрассудство Джерсена. Насколько же нелепо с его стороны было представить себя на фоне буколического окружения Мосс-Элруна, думать о себе как об участнике легкомысленных мез-

ленских забав! С какой острой тоской он ко всему этому стремился! А ведь он все-таки Кирт Джерсен, чья жизнь направляется совсем иными внутренними побуждениями, жаждой, которую ему, скорее всего, никогда не утолить.

Драма закончилась. Напряженность спала. Противоречия разрешились сами собой, столкнувшись с роковой неизбежностью, не допускающей ни малейшего нарушения равновесия. За чашкой чая Джерсен позволил себе даже горько улыбнуться при мысли об этом. Шеридин не станет страдать очень долго или слишком мучительно...

Поднявшись из-за стола, Джерсен направился прямо в гостиницу. Приняв душ и переодевшись в привычное облачение космического странника, он активизировал магнитофон подслушки и прослушал еще один, чисто личный разговор Люлли, на этот раз с Нэри Бэлброуком, и второй звонок Джаркоу, снова интересовавшегося Оттилом Пеншоу, в еще более резком тоне, чем раньше.

— Он так ни разу и не позвонил, мистер Джаркоу.

— Очень странно. А он, случайно, не в конторе по соседству?

— Соседняя контора целый день пустует, сэр.

— Хорошо. Меня не будет почти до самого вечера. Все никак не управлюсь с важными делами. Вы возвращайтесь домой, как обычно. Задерживаться не нужно. Если позвонит Пеншоу, оставьте мне записку.

— Слушаюсь, мистер Джаркоу.

Джерсен выключил коммуникатор и взглянул на часы: Люлли вот-вот покинет контору. Пора и самому готовиться к уходу. С особой тщательностью он несколько раз проверил и перепроверил свое снаряжение. Удовлетворившись наконец, покинул гостиницу, пересек парк и вышел к Скоун-Тауэру точно в тот момент, когда Люлли пританцовывающей походкой выпорхнула на улицу. Вскоре она затерялась среди многочисленных пешеходов, и Джерсен вошел в здание, поднялся лифтом на третий этаж и направился прямо к помещению 308.

Приложил ухо к двери — внутри все было тихо. Отперев дверь, Джерсен задержался на пороге и обвел конторку взглядом. Нигде никого не было. Тогда он миновал приемную и, притворив за собой дверь, заглянул в кабинет Джаркоу, такой же пустой, как и раньше. Затем Джерсен вошел в чертежную и сел так, чтобы его не было видно из приемной.

Прошло полчаса. Лучи Коры из окон западной стороны лились почти горизонтально.

С каждой минутой на душе у Джерсена становилось все более и более тревожно. Напряжение достигло такого предела, что даже удары пульса превратились в грозную канонаду в висках.

Потеряв терпение, Джерсен встал и, пройдя к стеклянной перегородке, занял такую позицию, откуда можно было наблюдать как за наружной дверью, так и за дверью в кабинет Джаркоу; правда, для этого надо было еще повернуть голову. Однако и такая позиция не удовлетворила его. Закрыв дверь чертежной, он устроился за стеллажом с книгами, чтобы иметь возможность наблюдать за дверью в кабинет Джаркоу, лишь несколько скосив глаза.

В коридоре раздались шаги. Джерсен напрягся и прислушался. Всего один человек. Кем бы ни были «важные гости» Джаркоу, они пока еще не появились.

Наружная дверь отворилась, в приемную вошел сам Джаркоу. Джерсен, затаившись, следил за ним сквозь просветы между книгами и полками.

В руках Джаркоу держал небольшой чемодан. Стоя посреди приемной, он заглянул в клетушку Люлли, нахмурился. Крайне неприятный, даже внешне слишком суровый субъект, отметил про себя Джерсен. Такое неблагоприятное впечатление еще больше усугублялось рыжим курчавым париком на голове. Такого сходу не прошибешь. Беззвучно шевеля губами, Джаркоу тяжелой поступью прошел к себе в кабинет. Чтобы не попасться ему на глаза, Джерсен быстро присел.

Глядя сквозь незакрытую дверь, Джерсен увидел, как Джаркоу прошел прямо к письменному столу, открыл

чемодан и выложил точно на середину стола черный ящичек с выступающей янтарной кнопкой. Только после этого он обогнул стол, сел в кресло и откинулся на спинку. Просидев так несколько мгновений, Джаркоу повернул голову и задумчиво устремил взгляд в окно, из которого открывался вид на парк, а еще дальше — на Ллаларкно.

Джерсен оставил убежище и вышел в холл. Услышав звук шагов, Джаркоу резко повернул голову и увидел входящего в кабинет Джерсена. Чуть опустились лохматые брови, сузились песочно-серого цвета глаза. Какое-то мгновение они с Джерсеном глядели друг другу в глаза, затем Джерсен медленно сделал три шага вперед, оказавшись почти вплотную к столу.

— Кто вы? — спросил Джаркоу, заговорив первым.

— Меня зовут Кирт Джерсен. Слышали когда-нибудь обо мне?

Голова Джаркоу чуть дернулась.

— Кое-что о вас я знаю.

— Это я отобрал у Пеншоу «Котзиш». И велел ему распорядиться о приостановлении всех работ на Шанитре. Полагаю, он уведомил вас об этом?

Джаркоу слегка наклонил голову:

— Да, уведомил. Ради чего вы все это затеяли?

— Начну с того, что мне понадобились деньги «Котзиш». Вчера я перевел почти пять миллионов севов на свой личный счет.

Глаза Джаркоу сузились еще больше.

— В таком случае счет к оплате за произведенные мною работы я представляю вам.

— Не стоит утруждаться.

Джаркоу, казалось, пропустил мимо ушей эти слова. Взяв со стола черный ящичек, он переставил его на подоконник рядом со своим креслом.

— Итак, чего вы от меня добиваетесь?

— Совсем небольшого разговора. Вы сейчас все равно кого-то дожидаетесь?

— Возможно.

— Значит, время у нас есть. Позвольте мне рассказать вам кое-что о себе. Я родился на одной очень далекой отсюда планете, в селении Маунт-Плезент, которое впоследствии было уничтожено шайкой работоторговцев. Одним из участников этой банды был некто Ленс Ларк — убийца, грабитель и во всех отношениях подлец. Ленс Ларк родом с Дар Сай, и настоящее его имя — Хуссе Бугольд. Он стал изгоем, рейчполом, и потерял одно ухо. Второе ухо он потерял совсем недавно в «Сени Тинтла», в Форт-Эйлианне. Откуда мне это известно? Я сам его отсек. Мадам Тинтл, по всей вероятности, сварила его в ахагари, которое готовила на следующий день.

В желтых глазах Джаркоу замелькали искорки. Неожиданно он поднялся во весь рост.

— Ваши речи оскорбительны для меня, поскольку Ленс Ларк — это я, — с выражением, делаая особое ударение на каждом слове, отчеканил Джаркоу.

— Мне это известно, — невозмутимо произнес Джерсен. — Я пришел, чтобы убить вас.

Ленс Ларк, опустив руки, завел ладони под край письменного стола:

— Мы еще посмотрим, кто кого убьет. Для начала я поломаю вам ноги.

Он прижал столешницу снизу, однако мощный механизм, напоминавший гильотинные ножницы, не сработал — Джерсен во время предыдущего посещения отсоединил привод от источника питания.

Ленс Ларк хрипло выругался и извлек из кармана оружие, однако Джерсен успел выстрелить первым и вышиб оружие из руки Ленса Ларка. Тот взревел от боли и попытался, обогнув стол, броситься на противника, но Джерсен взмахнул стулом и обрушил его прямо на лицо Ленса Ларка. Тот отшвырнул стул в сторону могучими, как у быка, руками. Тогда Джерсен, сделав шаг вперед, коленом ударил Ленса Ларка в пах и одновременно правой рукой нанес размашистый удар по затылку. Мгновенно отступив чуть назад, он уклонился от мощного удара в голову, а сам с размаху ударил противника в колено. Потеряв равновесие, Ленс Ларк рухнул

на пол. С головы его слетел парик, обнажив изборожденный многочисленными складками совершенно лысый череп и голые ушные отверстия. Ушей как таковых не было.

Джерсен, опершись локтем о край стола, направил дуло пистолета точно в солнечное сплетение противника.

— Вы сейчас умрете. Жаль, что мне не дано убить вас тысячу раз!

— Меня предал Пеншоу.

— Пеншоу сбежал,— возразил Джерсен.— Он никого не предал.

— Тогда каким образом вы опознали меня?

— Я видел вас в соседней комнате. Мне теперь понятен ваш замысел и ясно, для чего вам понадобилась «Котзиш». Но сбыться этому не суждено.

Ленс Ларк, сцепив зубы, напрягся всем телом и попытался схватить Джерсена за ногу, но лишь чуть дернулся и в недоумении поднял взгляд на Джерсена:

— Что это вы со мной сделали?

— Я отравил вас клютом. Сейчас запыхает огнем ваш затылок. У вас парализованы руки и ноги. Через десять минут вы умрете. Умирая, подумайте о том зле, которое вы причиняли ни в чем не повинным людям.

Ленс Ларк широко раскрыл рот, хватая воздух:

— Вон тот ящик... Дайте его мне...

— Нет. Мне доставляет наслаждение возможность помешать осуществлению ваших планов. Вспомните Маунт-Плезент! Вы погубили там моего отца и мою мать.

— Возьмите ящик,— настойчиво шептал Ленс Ларк.— Снимите предохранительный колпачок. Нажмите кнопку.

— Нет,— ответил Джерсен.— Никогда.

Ленс Ларк забился в конвульсиях на полу, внутренности его будто стягивало тугими узлами и выворачивало наизнанку. Джерсен вышел в приемную и стал ждать. Прошла минута, другая... Из кабинета продолжали доноситься звуки бьющегося в судорогах Ленса Ларка — теперь завязывались в узлы, перекручивались или рас-

тягивались в противоположные стороны его мышцы и сухожилия. Дыхание перешло в прерывистый хрип. Через пять минут тело его лежало в неестественно искривленной позе. Через десять минут он перестал дышать, еще через полминуты Ленса Ларка больше не было в живых.

Джерсен, сидевший все это время в кресле в приемной, сделал очень глубокий вдох и медленно, постепенно выпустил воздух.

«Никогда не чувствовал себя таким усталым и старым», — с грустью отметил он про себя.

Прошло еще какое-то время. Джерсен встал и вернулся в комнату, которая называлась раньше кабинетом Джаркоу. Сумерки уже давно сменились ночью. Было полнолуние — над Ллаларкно всплыл огромный, неправильной формы диск Шанитры.

Джерсен поднял черный ящичек и какое-то мгновение подержал на весу, как бы измеряя притаившуюся в нем мощь. Противоречивые чувства терзали Джерсена. Вспомнилось непреклонное лицо Адарио Ченсета. Джерсен невесело рассмеялся. Ленс Ларк потратил очень много труда для воплощения в жизнь самой злобно-насмешливой из всех своих хитрых проделок. Стоит ли пренебрегать столь тяжким трудом, проделанным с поистине вселенским размахом и стоившим так много денег? Особенно после того, как Джерсен понял и всецело согласился с причинами, которые подвигли Ленса Ларка на это?

— Нет, — вслух сказал себе Джерсен. — Конечно же не стоит.

Сняв предохранительный колпачок, он приложил палец к янтарной кнопке.

И нажал ее.

Поверхность Шанитры взорвалась. Огромные глыбы, отколовшиеся при взрыве, воспарили над ее поверхностью величаво и медленно. Мелкие осколки брызнули во все стороны. Облако пыли создало вокруг спутника ореол, ярко засиявший в лучах Коры.

Но вот пыль улеглась. Вырванные взрывом глыбы столь же медленно опустились на поверхность, образовав на ней совершенно новый рисунок. Хаотическое ранее распределение темных и светлых участков на поверхности Шанитры уступило место вполне определенной конфигурации, с огромной точностью воспроизводящей лицо Ленса Ларка: вытянутые мочки ушей, лысый череп, искривленный в злорадной дурашливой ухмылке рот.

Джерсен подошел к коммуникатору, вызвал Олденвуд и попросил позвать Адарио Ченсета.

— Кто меня спрашивает? — произнес возникший на экране Ченсет.

— Пройдите в дальний конец сада за вашим домом, — сказал Джерсен. — Там вы увидите огромное лицо дарсайца, заглядывающего к вам в сад через забор.

Джерсен выключил связь, оставил Скоун-Тауэр и вернулся к себе в номер. Расплатившись по счету, он вышел из гостиницы.

В космопорт его отвезло такси. Джерсен поднялся на борт «Крылатого Призрака» и покинул Мезлен.

КНИГА ГРЕЗ

Глава 1

Незнакомец, посмотри на старинную стену, которая возвышается над всем миром. Там замерли паладины, суровые, степенные, спокойные. Все как один.

В центре стоит Иммир, достойный. Ему подвластны все магические силы, он занимается политическими интригами и может устраивать ужасные сюрпризы. Он — Иммир Непредсказуемый и не носит определенного цвета.

По правую руку от Иммира стоит Джеха Раис, верх величия. Джеха Раис проницателен, он всегда знает все о событиях, его касающихся. Вытянув палец, он указывает путь другим паладинам. Ему неведомы сомнения и нерешительность. Некогда его звали Джехой Непреклонным. Его цвет — черный. Он носит черные одежды, мягкие и облегающие, словно кожа, и накидку цвета ночи, закрепленную на груди аграфом с морионом, сияющим, как гаснущая звезда.

По левую руку от Иммира — Лорис Хохенгер, чей цвет красный, как свежая кровь. Он свиреп, порывист, безрассуден. Неохотно покидает он поле битвы, но из всех паладинов может показаться самым великодушным. Он обожает красивых женщин, и, отказывая ему, они ставят под удар свою честь. Ему нравится, когда они бранятся и сопротивляются. Когда он наконец оставляет постель, женщины начинают тосковать.

Рядом с Лорисом Хохенгером — Мьюнес, технический гений. Он может в одно мгновение разрушить мост или повалить башню. Нетерпелив, ловок, и если дорога раздва-

ивается, он идет между. Его память великолепна. Он никогда не забывает ни лиц, ни имен, он помнит сотню миров. Мягких людей, считающих его простодушным, ждет неприятный сюрприз. Его цвет — зеленый.

Спенглевей, чей цвет — желтый, ехиден и часто удивляет людей. Он не обращает внимания на условности. Забавен, как шут, и может играть разные роли. Всех паладинов, кроме одного, потешают его проказы. Когда же приходит время, все паладины, кроме одного, танцуют под его музыку, потому что Спенглевей умеет извлекать музыкальные звуки даже из подвешенного на веревке железного бруска, когда хочет показать свое искусство. Никто не рискует состязаться с Спенглеваем в шутках ради шуток, так как нож его еще острее, чем язык. В битве враги кричат: «Где увалень Спенглевей?» или: «Ага! Трус Спенглевей опять показал пятки!», и тогда он обрушивается на них со всех сторон сразу, в каком-нибудь потрясающем облике...

Возле Джехи Раиса стоит нежный Рун Фадер. Его цвет — синий. В битве он неустрашим и первым приходит на помощь попавшим в беду паладинам. Еще Рун — самый милосердный и справедливый. Он строен, высок и красив, как летний рассвет. Он искусен в живописи, его манеры изысканны, он тонко чувствует красоту, особенно красоту застенчивых дам, которых всегда очаровывает. Увы, в словесных битвах Рун Фадер часто проигрывает.

Рядом с Руном, но несколько в стороне стоит жуткий Эйя Панис, чьи волосы, глаза, длинные зубы и кожа — ослепительно белые. Он носит шлем из белого металла, и лицо его — крупный горбатый нос, грубый подбородок, блестящие глаза — почти сливается со шлемом. На советах он чаще всего говорит только «да» или «нет», но обычно его слово оказывается решающим. Кажется, он знает Дороги Судьбы. Это он единственный среди паладинов, кого не веселят шутки Спенглевея. На самом же деле он улыбается только тогда, когда его никто не может увидеть.

Итак, чужеземец, ступай своей дорогой. Когда же наконец ты возвратишься домой, где бы ни находился он среди мерцающих миров, расскажи о тех, вечно молодых, кто замер в раздумьях на старинной стене...

Из «Книги Грез»

...Мы обращаем внимание на Говарда Алана Трисонга, гения организованной преступности, на его извращенные деяния, невероятную виртуозность. Но позвольте мне признаться в моем благоговении и замешательстве: я не знаю с чего начать.

Трисонг, возможно, величайший обманщик из Властителей Зла (если вообще допустим такой эпитет). Он знаменит самыми экстравагантными противоречиями. Жестокость его беспредельна, и поэтому редкие проявления великодушия не могут не бросаться в глаза. Если тщательно рассмотреть его действия, они выглядят беспристрастными и совершенно логичными. С другой стороны, Трисонг может быть как волевым, так и легкомысленным, словно цирковой клоун. Он таинственный человек, и его истинные намерения невозможно предугадать.

Говард Алан Трисонг! Волшебное имя, внушающее страх и удивление! Что о нем известно достоверно? Одни считают его самым одиноким существом во всей Галактике, другие утверждают, что он — главный организатор всех преступлений. Его нельзя назвать привлекательным: высокий, тощий, с блеклыми глазами серого цвета исключительной чистоты. И вместе с тем он обаятелен и обладает приятными манерами. Он носит самые обычные одежды, без излишеств. Многие утверждают, что ему нравится общество красивых женщин, но, кажется, в равной степени он бы довольствовался обществом духовных лиц или финансистов. Все его романы, о которых нам известно, закончились трагически, если не хуже того...

Карл Карфен. «Властители Зла»

* * *

События, которые привели к гибели Властителя Зла Говарда Алана Трисонга, развивались скачками: то мчались, закручиваясь, то давали свободу выбора, то замирали из-за таинственности, которой Трисонг окружил себя. Согласно нескольким пространственным описаниям, Трисонг был скорее высокого, а не среднего роста, с широким лбом, узкими скулами и подбородком, тонкими, четко очерченными губами. Его манеры

обычно называли грациозными, но его поведение всегда выдавало необычайно твердый характер. Почти все упоминали «странное поле подавляющей энергии» или «странную экстравагантность», а однажды кто-то употребил слово «безумие».

Навязчивая идея таинственности полностью владела Трисонгом. Нигде, даже в официальных документах, не было ни одной фотографии. Никто никогда не видел ни одного его портрета. Происхождение Трисонга — тайна, его жизнь — загадка.

Зона операций Трисонга охватывала Ойкумену, и он редко появлялся на Краю Света. Он сам наградил себя титулом «Повелитель Сверхлюдей»*.

Джерсен напал на след Говарда Алана Трисонга с помощью абстрактных рассуждений (чистая дедукция классического образца), основанных на информации, полученной от некоего Уолтера Куделина, бывшего Брата Конгрегации, а ныне старшего офицера МПКК.

Они встретились на Берегу Парусных Мастеров, к северу от Авенты, на планете Альфанор, в Скоплении Ригеля.

* * *

Из чайного домика Ченси, расположенного в самом высоком месте Берега Парусных Мастеров, открывался вид на тысячи маленьких домиков, таверн и крохотную рыночную площадь, где собрались сотни различных людей. Каждая постройка была окрашена в свой цвет: бледно-голубой, бледно-зеленый, розовый, белый, желтый. Каждая отбрасывала резкую тень в ослепительном свете Ригеля. Далеко внизу можно было раз-

* Во время одного из интервью Трисонг заявил: «Люди, если необходимо, эксплуатируют животных, и при этом их вовсе не мучает совесть. Так называемые преступники эксплуатируют толпу исходя из постулатов иной нравственности... С этой точки зрения преступников можно назвать сверхлюдьми». (Примечание автора.)

глядеть маленький полумесяц пляжа. А еще дальше, до горизонта, простирался шелковистый темно-синий океан.

За столом в тени раскидистого дерева с темно-зеленой листвой сидели Кирт Джерсен и Уолтер Куделин — человек с волосами песочного цвета и розовой кожей, коротким носом и широким подбородком, более приземистый, чем Джерсен. Как и Джерсен, он носил синесерый костюм астронавта, очень удобный для тех, кто не хочет привлекать к себе внимания. Они пили ромовый пунш и говорили о Говарде Алане Трисонге.

В обществе Джерсена Куделин позволял себе расслабиться.

— Каков он сейчас? Это настоящая головоломка. Десять лет назад он называл себя Повелителем Сверхлюдей.

— Король мерзавцев — так было бы точнее.

— Да уж... Он причастен ко всем противозаконным актам во Вселенной. Говорят, однажды Говард шел по окраине Багтауна на Арктуре-четыре и его попытались ограбить. Говард спросил грабителя: «А ты зарегистрировался в Организации?» — «Нет». — «Ну, тогда ты и цента не получишь, но когда мне понадобится штрейкбрехер, я тебя разыщу».

Куделин допил свой пунш и посмотрел на темно-зеленую листву, сквозь которую пробивались гроздьи розовых цветков.

— Прекрасное место для микрофона. Я все думаю: кто нас подслушивает?

— Никто, если верить Ченси.

— В наши дни трудно кому-то верить. Организация здесь не единственная сила.

Джерсен поднял руку:

— Еще раз... Я слышал, Трисонг больше не Повелитель Сверхлюдей?

— В общем, так. Он уже давно поручил разрабатывать детали преступлений людишкам помельче. Говард появляется лишь время от времени.

— А кто он сейчас?

Куделин поколебался, обдумывая ответ, а затем, вдруг решившись, подался вперед:

— Вам я, пожалуй, расскажу все, но если эту историю узнает еще кто-нибудь, у нас будут серьезные неприятности. Хотя все это может оказаться и неправдой.— Куделин посмотрел по сторонам.— Вы ведь умеете молчать?

— Конечно.

— Администрация МПКК — до некоторой степени свободная организация, вы знаете. Есть совет директоров и офицер-президент. Сейчас это Артур Санчero. Пять лет назад погиб его личный адъютант. Несчастный случай. На место адъютанта близкие друзья рекомендовали человека по имени Джетро Коуп, и после негласной проверки того приняли. Он проявил себя настолько толковым и умелым, что работы у Санчero почти не осталось. Потом началось странное: директора один за другим погибали. Кто от болезни, кто от несчастного случая, кого-то убили, кто-то наложил на себя руки. Санчero, а вернее Джетро Коуп, рекомендовал новых директоров, и их зачислили в Управление. Джетро Коуп руководил выборами и подсчитывал голоса. Он провел семь человек в совет директоров МПКК, и ему оставалось провести еще шесть, чтобы получить избирательное большинство. Он, возможно, и добился бы своего, если бы один из новых директоров, называвший себя Бамусом Карлаислом, не столкнулся с агентом, который узнал в нем Шона Мак-Мартри из Дублина, из Ирландии,— шантажиста высшего класса. Короче говоря, Мак-Мартри быстренько вычеркнули из списка претендентов и принудили назвать настоящее имя Джетро Коупа. Вы догадываетесь, какое он назвал?

— Говард Алан Трисонг.

— Совершенно верно. Агенты установили наблюдение за Коупом, но он бесследно исчез.

— А что с остальными шестью новыми директорами?

— Трех убили. Один пропал. Двое все еще занимают свои посты, так как не совершали преступлений и

юридически доказали свою невиновность. Остальные директора не проголосовали за их увольнение.

— Благородство, коррумпированность или страх?

— Выбирайте сами.

— Быть Повелителем Сверхлюдей и одновременно возглавлять МПКК... Красивая мечта, не важно, с какой стороны на это смотреть.

— Увы, да. Трисонг — хитрый дьявол. Я бы с удовольствием вырезал его печень.

— А как с фотографиями?

— Не найдено ни одной.

— Но кто-нибудь знает, как он выглядит?

Куделин проворчал:

— Люди, встречавшиеся с Коупом, упоминают длинные, светлые кудри, светлую бороду и усы, хорошие манеры.

— С тех пор о нем что-нибудь слышали?

— Ничего. Он исчез. Я забыл упомянуть, что три года назад мы получили приказ закрыть дело Говарда Алана Трисонга на основании недостатка улик. Приказ пришлось выполнить: у нас действительно слишком мало фактов.

— Все преступники обычно возвращаются на место преступления*. Где-то же Трисонг родился и где-то вырос? Хотя бы там должны хорошо знать его. Может быть, года через три появились новые материалы.

— Я проверю свои источники и дам вам знать. Где вы остановились?

— В «Мирамонте».

— Я загляну к вам около полудня, если не возражаете.

* * *

На следующий день точно в полдень Куделин посетил Джерсена в отеле «Мирамонт», стоявшем на окраине Авенты.

* Джерсен черпает сведения из книги Майкла Диаза «Преступное мышление». (Примечание автора.)

— Как я и предполагал, ключа к разгадке его личности по-прежнему нет, — сказал Куделин. — Когда Трисонг, тогда еще молодой человек, впервые объявился на Земле, он грабил банки, мошенничал, шантажировал, убивал, занимался организацией преступного мира. В этом деле он весьма компетентен. Удивительно, но мы ничтожно мало знаем о нем как о человеке...

Куделин вскоре ушел, сославшись на занятость. Джерсен отправился пройтись по Эспланаде, которая тянулась миль на десять параллельно прекрасному белому песчаному пляжу Авенты.

Несчастье, одним из виновников которого был Трисонг, обрушилось на Джерсена более двадцати лет назад, когда Трисонг только-только достиг вершины преступной карьеры. Теперь размах деятельности Трисонга стал грандиозным... Предчувствие, что разгадка этой таинственной личности близка, мучило Джерсена.

Три года назад, когда попытка возглавить МПКК провалилась, Говард Трисонг исчез из виду. Конечно, с тех пор он не бездействовал. Скрываясь где-то, он замыслил новые комбинации, все более сложные, все более страшные.

Джерсен вспоминал совершенные Трисонгом преступления, жестокие, изощренно чудовищные, которых постыдилось бы все человечество. Ни одно из них так и не удалось раскрыть, теперь даже не стоило тратить усилий на расследование. «И все же в них не хватает еще размаха, присущего Трисонгу, его дикости, жестокости, игры извращенного воображения», — сказал сам себе Джерсен.

Он вернулся в отель и позвонил по коммуникатору Куделину.

— Вы помните наш последний разговор?... Мне кажется, вот-вот на поверхность должна выплыть какая-нибудь трагедия. У вас есть новости?

Куделин не смог сказать ничего определенного.

— Я думал об этом. Но... Неважно... Пока мне нечего вам ответить.

Тремя населенными планетами системы Веги были Элойз, Бонифейс и Катберт. Во время Расселения Людей эти планеты облюбовали религиозные секты, одна фанатичнее другой. В шестнадцатом столетии Космической Эры религиозность еще ощущалась, особенно в архитектуре зданий, переделанных из соборов во времена Ленивых Лет.

Понтифракт на Элойзе (маленький городок, известный главным образом своими туманами) благодаря зигзагу судьбы стал важным общественным и финансовым центром. В старейшем районе города на площади Святого Пеадрина стояла древняя Бремвиллская Башня, где расположилась редакция журнала «Космополис», который публиковал новости, фоторепортажи и короткие очерки. Материалы журнала, подчас актуальные, часто драматические и даже сентиментальные, привлекали внимание средних слоев интеллигенции всей Ойкумены.

Через своего финансового поверенного, Джиана Аддельса, Кирт Джерсен приобрел контрольный пакет «Космополиса» и под именем Генри Лукаса, специального корреспондента, использовал журнал как удобное прикрытие.

Прибыв в Понтифракт, Джерсен отправился обедать с Джианом Аддельсом в его прекрасный старинный особняк в Белхолт-Вудс, северном пригороде Понтифракта. За обедом Джерсен упомянул о Говарде Алане Трисонге и его умении оставаться в тени.

Аддельс сразу насторожился:

— Вами движет, надеюсь, чистое любопытство.

— Ну, не совсем так. Трисонг — негодяй и преступник. Его влияние ощущается повсюду. Ночью взломщики могут проникнуть в этот дом и украсть вашего Мемлинга и Ван Тасала, не говоря уже о родосских коврах. Украденные вещи немедленно доставят Трисонгу.

Аддельс мрачно кивнул и попытался пошутить:

— Это серьезное дело. Завтра же направлю докладную записку в МПКК.

— Докладная не повредит.

Аддельс подозрительно взглянул на Джерсена:

— Надеюсь, вас лично этот человек не интересует?

— В некоторой степени.

— Прошу, не впутывайте меня в свое расследование! — довольно злобно рыкнул Аддельс.

— Мой дорогой Аддельс, как я могу не попросить у вас совета?

— Мой совет будет короток и ясен: пусть своим делом занимается МПКК!

— Замечательный совет. Я просто им помогу, насколько возможно. И не сомневаюсь, вы поступите так же.

— Конечно, конечно, — пробормотал Аддельс.

* * *

В библиотеке «Космополиса» Джерсен отыскал материалы, связанные с Говардом Аланом Трисонгом. О Трисонге было написано множество томов, но Джерсен узнал очень мало нового и совсем ничего о том, что его интересовало в первую очередь, — о месте, где родился и жил Трисонг. Ни портретов, ни фотографий Трисонга он тоже не нашел.

В конце дня, полного разочарований, Джерсен просто из упрямства проверил содержимое папки, озаглавленной «Разное», но и там не обнаружил ничего интересного. Две папки, помеченные «Картотека» и «Ненужное», привлекли его внимание. В «Картотеке» было пусто, в «Ненужном» лежала большая фотография площадью почти в квадратный фут, запечатлевшая банкет. Пять мужчин и две женщины сидели впереди, трое мужчин стояли чуть сзади. Сверху кто-то написал: «Здесь Говард Алан Трисонг».

Онемевшими вдруг пальцами Джерсен сжимал фотографию, глядя в изображение. Камера, установленная, видимо, в центре круглого стола, охватила панораму так, что каждый из группы был снят анфас, хотя ни один не смотрел в объектив и, возможно, даже не знал, что его фотографируют. Напротив каждого человека возвышался странный маленький семафор с тре-

мя разноцветными флажками, а рядом стояло по серебряному блюду, наполненному чем-то лиловым. Очевидно, первая перемена блюд на банкете.

Кроме подписи на фотографии был еще номер, отпечатанный внизу: «972».

Обедавшие были разного возраста и принадлежали к разным расам. Все выглядели самоуверенными и смелыми. Обычно такую самоуверенность дают высокое положение в обществе и богатство. Возле всех стояли идентификационные таблички, к сожалению, повернутые обратной стороной.

Джерсен пристально вглядывался в лица. Кто же из них Говард Алан Трисонг? Его описанию более или менее соответствовали четверо мужчин...

Приблизился работник регистратуры, самодовольный молодой человек, одетый по местной моде: в розовую рубашку с черными полосами и спортивные коричневые штаны. Он взглянул на Джерсена одновременно почтительно и приветливо, однако сдерживая чуть насмешливую улыбку. В редакции «Космополиса» Джерсена не считали талантливым журналистом.

— Роеетесь в мусоре, а, мистер Лукас?

— Мельница все смелет,— ответил Джерсен.— Эта фотография, которую собрались выбросить, откуда она?

— А в чем дело? Ее прислали несколько дней назад из нашего отделения в Звездном Порту. Ежегодный банкет Общества Охраны и Тюрем или что-то в таком духе. Неужели это фото может кого-то заинтересовать?

— Может. Все-таки довольно странная фотография. Интересно, кто из них Трисонг?

— Один из местных шишек... А дамочки совершенно старомодные. Тут нет ничего интересного для наших читателей, уверяю вас.

Но Джерсен не отставал:

— Из нашего отделения в Звездном Порту, говорите... В каком Звездном Порту? Их по крайней мере несколько.

— На Новой Концепции, Мараб-шесть.

Снова в его словах прозвучала почти неуловимая снисходительность. В «Космополисе» никто не понимал, как Генри Лукас получает работу, и еще меньше — как он ее выполняет.

Джерсена не волновало мнение коллег.

— Как эта фотография попала сюда?

— Ее доставили с последней почтой. Когда закончите, бросьте ее в корзину.

Клерк пошел по своим делам. Джерсен положил фотографию в свой личный ящик и связался с отделом кадров:

— Кто наш представитель в Звездном Порту на Новой Концепции?

— Звездный Порт находится в зоне действия главной редакции, мистер Лукас. Зональный управляющий Эйлет Маунет.

* * *

Просмотрев «Транспортные маршруты Вселенной», Джерсен обнаружил, что прямого сообщения между Элойзом и Новой Концепцией нет. Если он хотел проехать как обыкновенный пассажир, то должен был совершить три пересадки в промежуточных пунктах, соответственно теряя при этом время.

Джерсен закрыл справочник и поставил его на полку. Потом отправился в космопорт и поднялся на борт своего «Крылатого Призрака», прочного, как космический крейсер, с маленьким грузовым отсеком и каютой на четверых, корабля большего, чем «Фараон», и более комфортабельного, чем арминтор «Старскип».

После полудня, в тот же день, когда Джерсен обнаружил фотографию, он покинул Элойз, оставив Вегу по левому борту. Задал координаты автопилоту и понесся в центр Овна.

Во время полета он внимательно изучал фотографию, и постепенно участники банкета как бы оживали в воображении Джерсена. Каждого из них он спрашивал:

— Это вы — Говард Алан Трисонг?

Некоторые негодуяще отрицали это, другие предпочитали отмалчиваться, а некоторые, казалось, бросали

вызов, словно говорили: «Безразлично, кто я... Ты сильно рискуешь, связавшись с нами».

Одного из мужчин Джерсен рассматривал чаще других. Блестящие каштановые волосы обрамляли лоб философа; щеки впалые; узкий рот окружали видимые мускулы. Эти тонкие, чувственные губы словно изогнулись в улыбке в ответ на чью-то остроумную шутку.

«Лицо сильное и утонченное, чувствительное, но не нежное,— думал Джерсен.— Лицо человека, способного на все».

Впереди горел Мараб, справа вращалась Новая Концепция и три ее луны.

Глава 2

Когда студент изучает развитие вновь заселенных миров, он замечает необычные обстоятельства, повторяющиеся столь часто, что они кажутся правилами, а не исключениями. Словно действует идеальная программа, по которой образовывается каждое новое общество... По некоторым неписаным законам оно должно получить некий толчок, который в определенный момент ломает первоначальную схему. Что это может быть? Человеческая извращенность? Преступный замысел Судьбы? Кто может сказать? Примеры можно найти повсюду. Вот, к примеру, мир Новой Концепции...

Майкл Итон. «Идеи цивилизации и цивилизованных миров»

* * *

По прибытии на Новую Концепцию Джерсен отыскал Звездный Порт и посадил корабль в космопорту. На сверкающей машине, скользящей по монорельсу, он проехал пять миль, отделяющих космопорт от Звездного Порта, любуясь полями Новой Концепции, в которых преобладал тяжелый темно-синий дерн. Чуть подальше синий цвет переходил в коричневый, а еще дальше — в лиловый. В миле от космопорта монорельс

вошел в район, где стояли покрытые плесенью белые развалины — некогда сложный комплекс сооружений в неопаладианском стиле, почти небольшой город. Теперь колонны разрушились или опрокинулись, крыши частично провалились. Сначала Джерсен подумал, что руины необитаемы, но потом заметил там движение, а минутой позже увидел стадо неуклюжих животных, пасущихся на некогда огромной площади.

Развалины остались позади. Монорельс доставил Джерсена в Звездный Порт и остановился на центральном вокзале. В информационной будке Джерсен узнал, где находится местное отделение «Космополиса». Десятиэтажная башня располагалась в нескольких сотнях ярдов от вокзала, и он отправился туда пешком.

Звездный Порт ничем не отличался от других городов. Если бы не лимонно-желтый солнечный свет и какой-то непривычный запах*, Джерсен мог бы подумать, что находится в пригороде Авенты на Альфаноре или в любом другом из дюжины современных городов Ойкумены. Живущие здесь люди одевались так же, как и в Авенте, и в городах Земли. Все оригинальное, что некогда отмечало Новую Концепцию, сейчас уже было неразлично.

Войдя в редакцию «Космополиса», Джерсен подошел к стойке, за которой стоял пожилой мужчина, чем-то напоминающий птицу, с ярко-голубыми глазами и копной седых волос. Он был худым, подтянутым, держал себя строго, однако одет был весьма странно и, казалось, вовсе не уделял внимания своей одежде. Яркосиняя рубашка без ворота, куртка из легкого велюра, мягкие бежевые сандалии — все это явно не подходило

* Опытные космические путешественники становятся очень чувствительными к изменению атмосферы, годной для дыхания, перемене состава инертных газов, уровня кислорода и уровня органических добавок, особых для каждой планеты. В воздухе Новой Концепции Джерсен почувствовал легкий запах перца, очевидно, исходящий от дерна, покрывающего поля. (Примечание автора.)

к его облику. Он обратился к Джерсену официальным тоном:

— Сэр, что вам угодно?

— Я — Генри Лукас, из главной редакции в Понтифракте, — сказал Джерсен. — Мне нужно встретиться с мистером Эйлетом Маунетом.

— Это я. — Маунет оглядел Джерсена снизу доверху. — Генри Лукас? Я посещал редакцию в Понтифракте, но не могу вспомнить ваше имя.

— Я занимаю должность специального корреспондента, — ответил Джерсен. — На самом деле я внештатный работник, и если появляется задание скучное или неприятное для других, за него берусь я.

— Понятно, — кивнул Маунет. — И что же такое скучное и неприятное вы нашли здесь, в Звездном Порту?

Джерсен достал фотографию. Выражение лица Маунета сразу же изменилось.

— Ага! Вот откуда ветер дует. А я-то удивился, что случилось. Значит, вы хотите провести расследование?

— Правильно.

— Хм... Может, нам устроиться поудобнее? Пройдем в мои апартаменты?

— Как вам угодно.

На лифте они поднялись на самый верхний этаж. Маунет открыл дверь. Джерсен с первого взгляда понял: это жилище эстета, и к тому же богатого. Всюду виднелись красивые вещи различных эпох и различных миров. Многие из них Джерсен не узнал: например, пару фонарей, мерцавших под серо-коричневыми абажурами. Возможно, древняя Япония?.. Что касалось ковров, то в них, благодаря некоторым событиям своей ранней молодости, он разбирался несколько лучше. Он узнал два персидских ковра, переливающихся в солнечных лучах, «Кюли-Кюн», «Мерсилин» с гор Адар на Копусе, несколько маленьких ковриков ручной работы, возможно, с Хаджар-Реалма на том же Копусе. В буфетах атласного дерева стояли сервизы из мирмиденского фарфора, собрания редких старинных книг, переплетенных в шагреню и роговую кожу.

— Я не придумал ничего лучше, чем попытаться окружить себя красивыми вещами, — как бы извиняясь, сказал Маунет. — Порой я представляю себя удачливым торговцем и получаю истинное наслаждение, когда брожу по деревенскому базару какого-нибудь далекого маленького мира. А книги здесь преимущественно с Земли. Самые разные... Но присаживайтесь, пожалуйста.

Маунет тронул пальцами гонг, отозвавшийся продолжительным звоном. Появилась служанка — девушка худая и гибкая, как уторь, с потрясающими белыми кудряшками, глазами цвета сланца на маленьком измученном личике с чуть выдающимся подбородком и бледно-лиловым тонким ртом. Она носила короткий белый халат и двигалась странной скользящей походкой. Служанка без всякой застенчивости внимательно посмотрела на мужчин. Джерсен не смог определить, к какой расе она относится, но решил, что если девушка и не слабоумная, то очень близка к тому.

Маунет присвистнул, коснулся ладони одной руки пальцами другой и выставил вперед два пальца. Девушка вышла, но почти сразу вернулась с подносом, на котором стояли два кубка и две низенькие бутылочки. Маунет взял поднос, девушка тут же исчезла. Маунет наполнил кубки.

— Наше прекрасное пиво «Своллоутэйл».

Он подал один кубок Джерсену и взял фотографию, которую тот положил на стол.

— Очень странное дело. — Маунет выпил глоток пива. — Как-то в редакцию пришла незнакомая женщина. Я поинтересовался, в чем дело. Женщина заявила, что у нее есть интересная информация, которую она хочет продать за определенную сумму. Я пригласил ее в свой кабинет. Ей было примерно лет тридцать, аристократка с чуть подпорченной кровью. Она сказала, что приехала прямо из космопорта и ей нужны деньги. Я пригляделся к ней повнимательнее, но так и не смог определить, откуда она. — Маунет сделал большой глоток. — Тем не менее я подметил несколько деталей... — Он кивнул, словно сообщал о том, что решил проблему. — Дамочка по-

яснила, что может предложить не просто уникальную информацию, но и очень ценную. Конечно, я передаю то, что она поведала, не дословно. Она так нервничала, что порой говорила совершенно бессвязно. Я попытался немного поломаться, словно студентка-второкурсница: «Вы намерены предложить мне ключ к тайне пропавших сокровищ?» Она разозлилась: «Вас заинтересует то, что я хочу предложить. Но имейте в виду, я попрошу порядочную сумму». Я сказал ей, что должен сперва посмотреть товар, чтобы оценить его. Она немедленно насторожилась. Это походило на игру. Я сказал: «Мадам, покажите мне то, что хотите продать. Я больше не могу терять время». Она спросила шепотом: «Вы слышали о Говарде Алане Трисонге?» — «Да, конечно. Это Повелитель Сверхлюдей». — «Не говорите так! Хотя это правда... У меня есть фотография. Сколько вы заплатите?» — «Покажите». — «Нет, сначала вы должны заплатить!» — Маунет сделал еще глоток. — Боюсь, тут я стал несколько надменным. Я спросил ее: «Как я могу покупать что-то не глядя? Фотография хотя бы хорошего качества?» — «Конечно, очень хорошего. Трисонг замышляет массовое убийство...» Я ничего не ответил, и незнакомка наконец показала мне товар. — Маунет указал на фотографию. — Я тщательно изучил ее, а потом сказал: «Это действительно прекрасная картинка, но кто из них Трисонг?» — «Я не знаю». — «Тогда откуда вам известно, что он здесь?» — «Мне так сказал тот, кто знал его лично». — «Он мог пошутить». — «За эту шутку он поплатился жизнью». — «Правда?» — «Да». — «Могу ли я узнать ваше имя?» — «Это важно?.. Во всяком случае, своего настоящего имени я не назову». — «Где вы взяли снимок?» — «Если я расскажу об этом, пострадают другие люди». — «Мадам, будьте благоразумны. Подумайте сами: вы показываете мне фотографию, один из изображенных на которой, как вы говорите, Трисонг, но вы не можете показать мне его». — «Это доказывает мою честность! Я легко могу указать на любого другого человека на фотографии. Например, на этого». — «Совершенно верно. Как человек, разбирающийся в людях, я бы тоже указал

на него. Однако, отбросив чувства в сторону, положимся на вашу честность. Откуда вы знаете, что снимок подлинный?.. Кто-то был убит. Кто? Почему?.. Без ваших пояснений снимок ничего не стоит». Она подумала минуту-другую: «Вы обещаете сохранять тайну?» — «Естественно». — «Одного из помощников Трисонга зовут Эрвин Ампо. Его брат работал официантом в ресторане, где сделан снимок. Это мой муж. Он узнал от Эрвина, что Трисонг был на этом банкете. Фотографию сделала автоматическая фотокамера, и мой муж взял одну из копий и передал мне на хранение. Он сказал только, что Трисонг есть на снимке и это делает фотографию очень дорогой. Следующей ночью моего мужа убили. Я не сомневаюсь, что меня тоже убьют, не важно, есть у меня фотография или нет, и потому сбежала. Это все, что я могу рассказать вам». — «А где находится ресторан?» — «Этого я не скажу. Вам ни к чему знать это». — «Не понимаю. Вы должны мне рассказать еще что-то». — «Больше мне нечего сказать». — Маунет сделал новый глоток пива. — Потом мы долго торговались. Я сказал, что верю ей на слово, однако фотография, возможно, не стоит и ломаного гроша. Она согласилась, но не уступила ни на йоту. Я спросил: «Сколько вы хотите, чтобы я заплатил?» — «Десять тысяч севов». — «Об этом не может быть и речи». — «А сколько предлагаете вы?» Я ответил, что мог бы рискнуть сотней севов из денег фирмы и пятьюдесятью из собственных сбережений. Она встала, собираясь уйти. Я побоялся упустить такую редкую фотографию и предложил еще сотню и гарантию, что если «Космополис» использует снимок, то ей заплатят еще две сотни. Она сдалась: «Давайте деньги. Я должна уехать отсюда немедленно. Эта фотография опасна». Я с ней расплатился. Она выбежала из редакции, и больше я ее не видел.

Маунет снова наполнил кубки.

— Что случилось потом?

Маунет откашлялся:

— Я внимательно исследовал снимок и кое-что обнаружил. Костюмы разные, и по ним ничего не опреде-

лишь, но все они кажутся легкими, что указывает на теплый климат. Эти маленькие семафоры... Мне непонятно, зачем они. Не смог я распознать и блюдо, которое им подали.

— Вы говорили о каких-то деталях, связанных с женщиной.

— Да. Ее одежда была стандартной, но говорила она с акцентом. Акценты и диалекты — одно из моих хобби, и слух мой достаточно натренирован. Я слушал очень внимательно, но не смог определить, откуда она.

— Что еще?

— В уголках глаз она носит маленькие синие жемчужины. Я уже видел такие, но не знаю, чей это обычай.

— Она так и не назвала своего имени?

Маунет сжал свой подбородок.

— Брат ее мужа — Эрвин Ампо. Может, она носит ту же фамилию...

— Не обязательно.

— Я тоже так думаю... В общем, меня охватило любопытство, и я решил выяснить на космодроме, куда она улетела, что и сделал, хотя прошло уже три дня. Я проверял листы регистрации пассажиров, расспрашивал, но не нашел фамилии Ампо. Она, очевидно, назвалась Ламар Медрано и отправилась на звездолете в местечко с названием Дева-узловая на Спике-четыре. Он обозначен в «Транспортных маршрутах Вселенной». Туда много рейсов. Но сомневаюсь, что ее след можно будет найти.

— Когда она покинула Деву-узловую?

— Может, она и не покидала ее.

— Почему вы так думаете?

— Она заказала билет на Альтаир на «Самарти Тон», корабль компании «Зеленая Звезда», отправлявшийся через три дня после того, как она покинула меня. Я обыскал все гостиницы и нашел ее след в отеле «Диомед», где она провела две ночи. Там ее хорошо помнили, так как она исчезла, не оплатив счет.

— Странно.

— Я расспрашивал прислугу отеля и узнал, что она познакомилась с неким Иммаусом Шахаром, продавцом

спортивного инвентаря с Крокинола. Шахар уехал, оплатив счета, а Ламар Медрано ушла ночью накануне его отъезда и больше не возвращалась.

— А этот Шахар, кто он? — проворчал Джерсен.

— Мрачный парень, мягко говоря, и достаточно богатый.

— Он сейчас в Звездном Порту?

— Он улетел на «Гейси Уандер», одном из звездолетов, останавливающихся на Деве-узловой.

— Интересно.

— Очень!.. Я не знаю, успокаиваться мне или нет.

— Вас удивляет, почему мистер Шахар не обратился к вам?

— Именно.

— Шахар может оказаться невинным коммивояжером, просто заинтересовавшимся Ламар Медрано как женщиной.

— Возможно.

— Но предположим, он не так уж невинен. Ламар Медрано могла испугаться и скрыться. Значит, теперь она прячется где-то на Деве-узловой.

— Тоже возможно.

— В-третьих, Ламар могла погибнуть до того, как сказала, кому она отдала фотографию. Или убедить Шахара, что отправила ее по почте.

— У нее могла быть еще одна копия фотографии. Шахар выполнил свою миссию до конца и теперь доволен и счастлив.

Джерсен рассмеялся:

— Когда Трисонг прочитает «Космополис», Шахар не будет так доволен и счастлив.

Джерсен взял ручку и бумагу, написал несколько слов, положил сверху пять сотенных купюр и пододвинул их к Маунету:

— Премияльные за активность на службе. Пожалуйста, напишите расписку в получении, чтобы я мог вернуть свои деньги, предъявив ее главному бухгалтеру.

— Спасибо, — поблагодарил Маунет. — Щедро. Не пообедаете ли со мной?

— С удовольствием.

Маунет тронул гонг. Вновь появилась белокурая девушка. Маунет обратился к ней со словами и жестами. Девушка легко и грациозно выскользнула из комнаты, вернулась с пивом и задержалась, глядя, как Маунет наполняет кубки, зачарованная этим зрелищем. Ее нежно-розовый язычок пробежался по губам.

— Она любит пиво,— объяснил Маунет.— Я не позволяю ей пить, так как пиво ее возбуждает. Она облизнет с наших кубков всю пену.

Девушка провела пальцем по пене на кубке Джерсена и быстро облизала палец. Маунет слегка шлепнул ее по руке, и девушка прыгнула в сторону, как игривая кошка. Она зашипела на Маунета, он ответил ей тем же, что-то показал жестом, и девушка направилась к двери. Когда она нагнулась, чтобы поправить кисточки на ковре, Джерсен заметил, что короткий белый халатик надет на голое тело.

Маунет вздохнул и выпил полбокала пива.

— Впервые я приехал сюда как коллекционер. На Новой Концепции создано много красивых вещей: книги с рисованными от руки цветными картинками, необычные музыкальные инструменты. Видите этот гонг? Он звенит от простого прикосновения. Некоторые гонги вывезли отсюда, но лучшие спрятаны в пещерах. Вопреки моей клаустрофобии я прошел тысячи миль под землей.

Джерсен откинулся на спинку кресла и осмотрелся. Солнце стояло в зените. Через небольшую гряду холмов недалеко проходило стадо животных, прыгающих на длинных, прямых ногах. Они стремились в тень зарослей, к разросшейся зеленой осоке.

— Этот мир, по-моему, плохо обустроен,— заметил Джерсен.— Я не вижу никаких признаков сельского хозяйства.

— Из попыток наладить его ничего не вышло: эти животные, фики, уничтожают урожай до того, как тот созревает.

— Я заметил классические руины недалеко от космодрома. Они остались от приверженцев «новой концепции»?

— Оригинальные сооружения — дар безумных филантропов. Вначале «новая концепция» подразумевала диету — вегетарианство, смесь ограниченного количества пищи и медитации. Пятьдесят лет первые переселенцы жили в великом Храме Органического Единства, питаясь побегам альфальфы, зеленью колорада и странными растениями. Люди прекрасно могут приспособиваться. И первые поселенцы приспособились очень хорошо. А вот и они. — Маунет указал на стадо животных, пасущихся в зарослях. — Они обедают... И если уж речь зашла об обеде, неплохо бы и нам начать...

Маунет провел Джерсена в столовую, где стояла, зачарованно уставившись на стол, белокурая девушка. Неожиданно Джерсен спросил:

— Одна из местных?

Маунет кивнул:

— Они часто оставляют детей прямо в поле, похоже, просто забывая их. Но иногда детей носят с собой и обучают более или менее успешно. Если поймать их в раннем возрасте, то можно научить чистоплотности и ходить на ногах. Моя Типто довольно умна: она подает пиво, взбивает подушки и может позаботиться о себе.

— И вполне привлекательна, — сказал Джерсен. — А как насчет... ну, нежности, что ли?

— Пытался, но ничего хорошего не вышло, — ответил Маунет. — Вам любопытно? Коснитесь ее.

— Где?

— Ну, для начала возьмите за плечо.

Джерсен приблизился к девушке, которая тут же качнулась назад, моргнув большими серыми глазами. Кирт протянул руку. Типто издала быстрый шипящий свист и отскочила. Угрожающе подняла руку, согнув пальцы; в оскаленном рту блеснули острые зубы.

Джерсен отступил, усмехнувшись:

— Понятно, что вы имели в виду. Ее мнение на этот счет вполне определено.

— Некоторые из местных парней используют приманку из сладкой патоки,— пояснил Маунет.— Эти полузвери ее очень любят и, пока едят, не могут кусаться... А вот и наш ужин. Теперь она уйдет, потому что не может выносить даже вида никакой еды, кроме салата да иногда кусочка вареной моркови. Последствия привычки к вегетарианству.

Глава 3

...Я часто думаю, что понятие «мораль» — наиболее сложное и запутанное из всех понятий.

Нет простой и высшей морали. Моралей много, и каждая определяет модель, которая помогает существующей государственной системе поддерживать оптимальное равновесие.

Выдающийся энтомолог Фабр, исследуя богомолы, пожирающих своих самцов, воскликнул: «Какая отвратительная привычка!»

Простой человек за один день может совершать различнейшие действия под влиянием полудюжины всевозможных видов морали. Какой-либо поступок, вполне нормальный с точки зрения одной морали, может оказаться совершенно непристойным с позиций другой.

Человека, который, позволим себе так сказать, рассчитывает на щедрость банка, уступчивость государства, искренность религиозных институтов, ждет разочарование. В основе всех этих структур лежит аморальность. Бедному дураку довольно просто познать любовь богомолы.

Анспик, барон Богиссей. «Жизнь», том 1

* * *

Джерсен вернулся на Элойз и сел в космопорту Дюны, пятью милями южнее Понтифракта. Время было позднее, стояли лилово-серые сумерки. Надвигающийся с Побережья Бутылочного Стекла туман почти скрыл здания космопорта. Джерсен поднял воротник и через туннель с прозрачными стенами, проложенный в подводном лесу, направился к станции подземки.

Добравшись до Понтифракта, он уже на такси приехал к особняку Джиана Аддельса.

Аддельс встретил его с обычным кислым неодобрением, за которым, как верил Джерсен, скрывалось уважение и, может, даже привязанность, хотя трудно судить что-либо о чувствах Аддельса, прирожденного циника. Аддельс напоминал актера. У него было худое, желтое лицо, высокий, узкий лоб, длинный нос с дрожащим кончиком. Волосы редкие, желто-коричневые, глаза нежно-голубые.

Джерсен прошел в комнату, где обычно останавливался, переоделся в костюм, оставшийся тут после предыдущего посещения. Потом пообедал с Аддельсом и его многочисленной семьей в огромной гостиной за столом, освещенным свечами. Столовые приборы были из старинного серебра, посуда — из древнего веджвудского фарфора.

После обеда мужчины прошли в кабинет Аддельса, отделанный сампангом, и сели перед камином, попивая кофе, поданный в серебряном кофейнике.

К ужасу Аддельса, Джерсен достал фотографию.

— Я надеялся, вы прекратили заниматься этим.

— Не совсем, — сказал Джерсен. — Что вы думаете? Аддельс поглупел от страха.

— О чем?

— Мы хотим опознать Трисонга и выяснить, где находится его штаб-квартира.

— А потом?

— Наверное, сдадим его в руки правосудия.

— Неужели?! А может быть, кое-кто покончит с собой, повесившись на крюке в миле над землей, как это случилось с бедным Ньютоном Фликери?

— Стыдитесь. Надо надеяться на лучшее.

— А я надеюсь, что у вас ничего не получится. Лучше сжечь фотографию, чтобы покончить с этим делом.

Джерсен пропустил слова своего собеседника мимо ушей и снова, в сотый раз, взглянул на фотографию.

— Кто же из них Трисонг? Как узнать его?

Вдруг Аддельс сказал:

— Он — один из десяти. Остальные должны знать его или, по крайней мере, знать себя. Трисонга можно найти, опознав остальных.

— Тогда надо их опознать.

— Это не так сложно. У каждого человека много друзей и знакомых... Но давайте больше не будем говорить об этих глупостях.

* * *

Джерсен бродил по старым кривым улицам Понтифракта. Посидел на скамейке посреди маленькой, неправильной формы площади, обсаженной самшитом и желтофиолем. Слонялся по аллеям, вдыхая запах старинных влажных камней, на Побережье Бутылочного Стекла зашел перехватить чего-нибудь в ресторан, стоявший на гнилых черных сваях.

С Аддельсом он виделся редко, только на торжественных обедах, которые Аддельс считал необходимыми для цивилизованного человека. Аддельс отказался обсуждать дела Джерсена, а Джерсен не проявил интереса к доходным мероприятиям, которыми поверенный увеличивал его состояние.

На четвертый день план Джерсена был готов. Настало время претворять его в жизнь. Вот уже несколько лет дирекция «Космополиса» предлагала создать еще один журнал, назвав его «Экстант». Большая часть предварительных работ уже была завершена. Новый журнал, который должен опираться на «Космополис» и по вопросам производства, и по вопросам распространения, но был рассчитан на менее консервативную аудиторию.

Джерсен приобрел контрольный пакет «Космополиса» и вплотную занялся созданием «Экстанта». Этой ночью должен был выйти первый номер.

* * *

Для того чтобы журнал стал популярным как можно скорее, первый номер решили раздавать бесплатно. Он предлагал необычный конкурс, также призванный привлечь внимание читателей.

Фотография на обложке изображала десять человек, встретившихся на банкете. Заголовок гласил:

КТО ОНИ?

*Назовите их правильно
и вы выиграете 100 000 севов.*

На обороте размещалась статья, уточняющая детали конкурса. Приз могут выиграть только первые три человека, опознавшие всех изображенных на снимке. Если никто не назовет всех правильно, приз достанется назвавшему наибольшее число лиц. Шесть человек, первыми приславшие ответы и правильно опознавшие больше всех изображенных на обложке людей, получают вознаграждение. Обращаться следует по адресу: «Экстант», Корриб-плейс, 9-11, Понтифракт, Элойз (Вега-4). Жюри конкурса будет состоять из сотрудников редакции «Экстанта».

* * *

Где бы ни выставлялся «Экстант», на его обложке, чтобы привлечь внимание, крупными буквами печатали: «Бесплатно».

В убежищах замерзшей соляной тундры Ирты; под липами Даптис-Маджор; на пиках вдоль серпантина в горах Мидор; в киосках на гранд-бульварах Парижа и Окленда; на Альфаноре, Хризанте, Оллифэйне и Крокиноле, в каждом из других миров Скопления Ригеля — «Экстант». В космопортах, парикмахерских, тюрьмах, больницах, монастырях, борделях, концентрационных лагерях — «Экстант». Миллионы глаз смотрели на обложку, порой случайно. Немногие изучали фотографию тщательно, даже зачарованно, и еще меньше собирались написать письмо главному редактору «Экстанта». Два человека, разделенных световыми годами, смотрели на фотографию с растущим изумлением. Первый сидел нахмурившись, глядя в окно, размышляя, что бы могла значить подпись. Второй, тихо рассмеявшись, взял ручку и написал письмо в «Экстант».

* * *

Джерсен решил перебраться поближе к издательству «Экстанта». Аддельс рекомендовал ему отель «Пенвиперс».

— Он близко от редакции и лучший в городе, очень респектабельный. — Аддельс задумчиво осмотрел костюм Джерсена. — В сущности...

— В сущности — что?

— Ничего. Вам будет удобно в «Пенвиперсе». Они хорошо заботятся о своих гостях. Я позвоню и закажу номер. Там редко принимают новых клиентов без надежной рекомендации.

* * *

Фасад отеля «Пенвиперс» (шесть этажей, облицованных коричневым камнем и черной сталью, увенчанных мансардой и крышей из позеленевшей медной черепицы) выходил на площадь Старого Тара. Неброский портал открывал проход сначала в фойе, по одну сторону которого находился приемный зал с гостиной, а по другую — ресторан. Джерсен отметил, что у стойки из коричневого мрамора, с пилястрами и угловыми колоннами черного камня. Персонал был одет в традиционные утренние костюмы старинного покроя. Джерсен сразу не смог определить, какого периода. Со времен открытия отеля одиннадцать сотен лет назад стиль, в сущности, изменился не больше, чем петля для пуговиц. В «Пенвиперсе», как и вообще в Понтифракте, традиций придерживались строго.

Джерсен подождал, пока клерк в регистратуре поговорит со старшим носильщиком. Оба время от времени посматривали на клиента. Разговор закончился. Джерсена провели в его номер. Старший носильщик указывал дорогу, один помощник нес небольшой чемоданчик Джерсена, другой — бархатный ящичек. У дверей старший носильщик открыл ящичек, выхватил камчатый платок и проворно протер им дверную ручку, а потом двумя пальцами — большим и указательным — достал из

шкатулки ключ и открыл дверь. Джерсен вошел в номер с высокими потолками, очень комфортабельный, почти роскошный.

Носильщик, быстро двигаясь по комнате, поправил несколько чуть выдвинутых стульев, вытирая одновременно полированные поверхности полами одежду, а потом тихо и быстро отступил и сказал:

— Сэр, слуга поможет вам с гардеробом. Ванна уже наполнена.

Он поклонился и приготовился уйти.

— Одну минуту,— сказал Джерсен.— Где ключ от двери?

Старший носильщик снисходительно улыбнулся:

— Сэр, в «Пенвиперсе» вы можете ничего не бояться.

— Возможно. Но, предположим, я ювелир-торговец и вор захочет ограбить меня. Он просто подойдет к моей комнате, откроет дверь и украдет все мои драгоценности.

Старший носильщик, все еще улыбаясь, покачал головой:

— Сэр, ничего подобного здесь никогда не случилось. Это просто невозможно. Ваши ценности в полной безопасности.

— У меня нет никаких ценностей,— ответил Джерсен.— Я просто размышлял.

— Ограбление... Невозможно, сэр. Вероятность ничтожно мала.

— Я удовлетворен,— кивнул Джерсен.— Спасибо.

— Благодарю вас, сэр.— Старший носильщик шагнул назад, когда Джерсен протянул руку.— Нам хорошо платят, сэр. У нас не принято брать чаевые.— Он поклонился и вышел.

Джерсен помылся в ванне, сделанной в виде грота и составленной из традиционных здесь блоков коричневого мрамора. Пока он принимал ванну, все его вещи были разложены на дне ящика старинного комода. Слуга, найдя гардероб Джерсена неподходящим, принес новую одежду: строгие темно-коричневые брюки, бледно-лиловую рубашку с белыми полосками, белый льняной

галстук, черный пиджак, аж до колен, из тех, какие набрасывают на плечи и застегивают на бедрах.

С унылым смирением Джерсен переоделся. Если больше ничего такого не случится, он будет благодарен Джану Аддельсу.

Джерсен спустился в главный зал и пересек его. Старший носильщик шел ему навстречу.

— Минутку, сэр, вот ваш головной убор.

Он подал Джерсену большую черную вельветовую шляпу с широкими полями, темно-зеленой ленточкой и маленькой жесткой кисточкой из черной щетины. Джерсен искоса посмотрел на нее и прошел бы дальше, если бы между ним и дверью не возник швейцар.

— На улице довольно свежо, сэр. Нам будет приятно помочь вам подобрать соответствующий костюм.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Джерсен.

— Спасибо, сэр. Позвольте я приведу в порядок вашу шляпу... Вот так... После второго удара гонга она вам понадобится. К вечеру обещали влажный туман и ливень.

В фойе Джерсен задержался, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Кто этот элегантный мрачный мужчина из старого Понтифракта? Никогда еще облик Джерсена так не противоречил его натуре.

Джерсен шел по крайним улочкам под высокими, узкими фронтонами зданий, через маленькие площади с клумбами желтофиоля, анютиных глазок и пальчиков святого олафа. Время от времени туман расступался, разрешая лучам Веги пробежаться по влажным камням и заставить вспыхнуть цветы на клумбах. По коммуникатору-автомату Джерсен позвонил Джану Аддельсу и назначил встречу в редакции «Экстанта» в удобное для поверенного время.

— Буду в час, — сказал Аддельс.

— Договорились.

Джерсен повернул на Корриб-плейс — короткую, довольно широкую улицу, вымощенную брусками полированного гранита, тесно пригнанными друг к другу,

уложенными давным-давно монахами ордена Эстебанитов.

Корриб-плейс находилась в старейшей части Понтифракта. Там располагался древний монастырь Эстебанитов, превращенный в несколько коммерческих учреждений. Высокие дома, выстроенные из дерева, потемневшего от времени, укрепленного подпорками из черной стали, были стиснуты со всех сторон более современными зданиями. Комнаты верхних этажей нависали над улицей.

До встречи с Аддельсом оставалось порядочно времени, и Джерсен отправился прогуляться вдоль Корриб-плейс, заглянуть в магазины, предлагающие товары только с отметкой самого высшего качества: модные костюмы и импортные сласти; редкие драгоценные камни; жемчужины, которые добывали здесь; хрусталь с мертвых звезд; перчатки, шарфы, гетры, носовые платки; парфюмерию, любовные эликсиры, волшебное масло «Дахамель»; безделушки, курьезные вещицы, альбомы древнего искусства (Джотто и Гоствен; Уильям Шнайдер и Уильям Блейк; Альфонс Муха, Дюлак, Линдсей; Рекхем, Нильсен; Дюрер, Доре, Дэвид Рассел).

Джерсен простоял минут десять, наблюдая за парой кукол, играющих в шахматы. Куклы изображали Махолибуса и Каскадина — персонажей Комедии Масок. Каждый уже выиграл у противника несколько фигур. Они играли, ненадолго задумываясь над каждым ходом. Когда один забирал фигуру другого, тот кривился от злости. Махолибус сделал ход и сказал скрипучим голосом: «Шах и мат!» Каскадин закричал от досады, ударил себя по лбу и вскочил, опрокинув стул, но через минуту взял себя в руки. Куклы расставили фигуры и начали новую партию...

Джерсен вошел в магазин, купил кукол-шахматистов и приказал доставить их в «Пенвиперс» — один из редких случаев, когда он решил обременить себя тривиальной безделушкой.

Прогуливаясь по Корриб-плейс, он добрался до редакции «Экстанта», но задержался у витрины «Хорло-

гикона», изучая настенные часы, отделанные завитками тумана. Световые пятна показывали время. «Интересно, но непрактично», — подумал Джерсен и увидел Джiana Аддельса, который свернул на Корриб-плейс и направился к редакции. До назначенного времени оставалось еще несколько минут. Аддельс остановился рядом с Джерсеном, чтобы выровнять дыхание. Внимательно оглядевшись, он так и не заметил Джерсена и шагнул к двери.

— Сэр, — позвал Джерсен. — Вы кого-нибудь ждете? Аддельс, обернувшись, застыл в изумлении:

— Мой дорогой друг, я не узнал вас!

Джерсен холодно улыбнулся:

— Этот костюм мне предложили в отеле. Им кажется, что мой обычный наряд слишком уж зауряден.

— Человек заявляет о себе своим костюмом, — сказал Аддельс совершенно серьезно. — Элегантный человек носит элегантный костюм, подтверждая свой статус, хотим мы этого или нет. Встречают по одежке...

— По крайней мере, я отлично замаскировался, — улыбнулся Джерсен.

Аддельс сразу же перешел на повышенные тона:

— А зачем вам маскировка?

— Мы — вы и я — связались с удивительным человеком. Этот безжалостный убийца одновременно и аристократ и вполне может остановиться в отеле «Пенвиперс».

Аддельс состроил мрачную гримасу:

— Не ожидаете ли вы, что он прибудет сюда?

— Я не знаю, чего ожидать. Мы опубликовали его фотографию, а ведь он долго скрывал свою внешность.

— Пожалуйста, не говорите слово «мы» так часто. Но я согласен, журнал привлечет внимание.

— Это малая часть моего плана. Он захочет узнать, кто заинтересовался им, и начнет расследование.

Аддельс засопел:

— А если он просто решит уничтожить это здание целиком?

— Нет, — возразил Джерсен. — Он захочет узнать, в чем тут дело.

— Он попытается проникнуть в издательство. Будет очень трудно остановить его.

— Я даже помогу ему.

— Это опасно!

— Его заинтересованность сыграет нам на руку. Мы подманим его поближе, а затем попробуем организовать встречу. Вы станете посредником...

— Ни за что! Никогда! Даже через миллион лет я не соглашусь! Нет!

— Думаю, никакой опасности, пока он не удовлетворит свое любопытство, нет.

Аддельс не поддавался на убеждения:

— Это то же самое, что говорить, будто тигр не станет есть стреноженную козу, пока не обнюхает.

— Не самое удачное сравнение.

— Во всяком случае, я не стану посредником. Мне вполне хватает собственных шрамов. Это вне моей компетенции.

— Как скажете.

Аддельс все еще не успокоился:

— Когда, по-вашему, он появится?

— Сразу же, как увидит фотографию. Тогда он подойдет кого-нибудь, а возможно, прибудет и собственной персоной. Несколько дней нам нужны на подготовку.

— Затишье перед бурей,— вздохнул Аддельс.

Джерсен засмеялся:

— Не забывайте, это мы разработали план, а не Три-сонг. Пойдем, я приглашаю вас на ленч в «Пенвиперс», если, конечно, вас пустят в обеденный зал.

* * *

На дверях редакции «Экстанта» появилась табличка:

ВНИМАНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ!

Проводится набор сотрудников. Требуется помощь в подведении итогов конкурса по идентификации фотографии. Предпочтительно, но не обязательно, чтобы желающие прошли собеседование.

Желающие, войдя в редакцию, попадали в вестибюль, разделенный стойкой. Слева находилась дверь, надпись на которой гласила:

КОМНАТА ОРГАНИЗАЦИИ КОНКУРСА

Только для персонала

Дверь справа была помечена:

РЕДАКЦИЯ

За стойкой посетителей встречала миссис Миллисент Инч — энергичная темноволосая женщина средних лет, которая неизменно одевалась в длинную черную юбку, бледно-голубую блузу с красной каймой, шапочку с красным козырьком и лакированные черные туфли. Миссис Инч выполняла роль сита, выставляя за дверь ненужных посетителей. Некоторых она отсылала во внутреннюю комнату, где они заполняли анкету под наблюдением управляющего, мистера Генри Лукаса, который, судя по костюму, относился к рафинированной аристократии. Черты его лица были приятны, но немного резковаты, широкий искривленный рот с тонкими губами, черные волосы тщательно уложены надо лбом и ниспадали прядями на бледные щеки.

После обычного приветствия Генри Лукас усаживал посетителя в задней части комнаты и просил ответить на вопросы анкеты. Кабина и стол были сделаны специально для этого случая и соответственным образом оборудованы, снабжены различными индикаторами и датчиками, которые откликались на дрожь, движения век, изменение кровяного давления и прочие реакции. Индикаторы — цветные огоньки — горели на столе Джерсена и высвечивали сложным узором ответ на каждый вопрос.

Джерсен тщательно составлял вопросы, стремясь к тому, чтобы ответы и сама реакция на них дали как можно больше информации, даже если сами вопросы казались невинными.

Первые вопросы были традиционными.

Имя Пол Возраст

Специальность

Местный адрес

Место рождения

Родители:

отец адрес

мать адрес

Специальность:

отца

матери

Следующая группа вопросов, как прикинул Джерсен, должна потребовать большого напряжения, особенно у «нелегальных» посетителей.

Как долго проживаете по местному адресу

Местные поручители (не меньше двух; от этих людей могут потребоваться сведения о вашем характере и компетенции):

1.

2.

3.

Предыдущий адрес, если есть

Назовите по крайней мере двух лиц, которые могут подтвердить, что вы проживали по этому адресу:

1.

2.

Ваш адрес, предшествующий указанному, если есть ...

Назовите по крайней мере трех лиц, которые могут это подтвердить:

1.

2.

3.

Примечание: Вы должны понимать, что при данных обстоятельствах редакции «Экстанта» необходимо убедиться в честности сотрудников.

Затем шли вопросы, составленные так, чтобы вызвать стресс у людей, рассчитывающих на обман:

Почему вы прибыли на Понтифракт? (Укажите особые причины, не обобщайте)

Персонал, обслуживающий конкурс, должен быть беспристрастным. Изучите приложенную здесь фотографию. Знаете ли вы или узнаете ли кого-нибудь из изображенных здесь лиц? Напишите «0» в клеточках, отведенных для тех лиц, которых вы не знаете. Закрасьте клеточки, если кого-нибудь знаете.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐

(считайте по часовой стрелке)

*Назовите его (ее) имя
(проставьте соответствующие номера)*

*Каковы обстоятельства вашего знакомства?
.....
(Пожалуйста, напишите конкретно)*

Если вы будете приняты, когда сможете приступить к работе?

* * *

После публикации объявления стали приходить желающие получить работу: студенты из Семинарии Святого Григанда и Кельтской Академии, много женщин среднего возраста без определенных занятий. Джерсен строго следил за работой с каждым посетителем, чтобы отладить механизм и опробовать свои методы. Не считая нескольких случаев, когда он колебался, система световых сигналов подтвердила чистоту помыслов всех кандидатов. Тем временем миссис Инч, также наблюдавшая за процедурой оценки, создала группу для обработки писем, которые уже начали поступать. Каждому конверту, приходящему в редакцию, присваивали номер, чтобы таким образом установить приоритет материалов.

Джерсен сам вскрыл и проверил часть конвертов, но обнаружил множество разногласий.

В необычно солнечный день, в полдень, вернувшись с ленча, он встретил среди кандидатов стройную, изящную, рыжеволосую девушку, которая его сильно заинтересовала. Причин для интереса было две. Во-первых, девушка была очень привлекательной и очень необычной: высокий лоб, широкие скулы, маленький подбородок, выдававший капризный характер и вечное недовольство чем-то. Ее чистые темно-голубые глаза под черными ресницами смотрели прямо. Она хорошо загорела, словно много времени проводила на открытом воздухе. Девушка могла быть студенткой одного из местных институтов, но Джерсен почему-то сразу решил, что она не студентка. Впервые он увидел ее в окно, когда она стояла на противоположной стороне улицы. Девушка носила светло-серые брюки, черный шарф и светло-серое кепи, совсем не по местной моде... Она простояла минуту, потом передернула плечами, перешла улицу и скрылась из виду. Через минуту-другую миссис Инч провела ее в кабинет Джерсена.

Джерсен быстро, но пристально посмотрел на девушку, когда та вошла. Мрачное уныние на ее лице исчезло. Теперь она выглядела спокойной, и это было второй причиной, по которой Джерсен заинтересовался ею. Было еще что-то, поднимавшееся из глубины собственного подсознания и, видимо, самое важное...

Девушка говорила с приятной хрипотцой и с акцентом, который Джерсен не смог распознать.

— Сэр, вы предлагаете работу?

— Для квалифицированных специалистов, — ответил Джерсен. — Я думаю, вам известно о конкурсе «Экстанта»?

— Я что-то слышала о нем.

— Нам нужны временные работники, чтобы помочь подвести итоги. И еще мы нанимаем постоянных сотрудников.

Девушка задумалась над словами Джерсена, а он никак не мог понять: была ее бесхитростность натуральной или это тщательно обдуманная игра? Незнакомка вежливо поинтересовалась:

— Не могла бы я начать в качестве клерка, обрабатывающего письма, а потом, если у меня получится, вы бы зачислили меня на постоянную работу.

— Конечно. Можно попробовать. Я попрошу вас заполнить анкету, которая нам расскажет о вас побольше. Пожалуйста, ответьте на все вопросы.

Она взглянула на вопросник и тихо воскликнула:

— Их так много!

— Они необходимы.

— Вы проверяете всех, кого принимаете?

Джерсен заговорил скучным голосом:

— За победу в конкурсе обещан большой приз. Мы должны быть уверены, что наш персонал предельно честен.

— Я понимаю.— Девушка взяла бланк и пошла в кабину.

Джерсен, притворившись, что занялся бумагами, нажал кнопку и включил два экрана на своем столе. На левом экране появилось изображение лица рыжеволосой девушки, а на правом — анкета и цветные лампочки, передающие данные от детекторов лжи.

Незнакомка начала писать:

Имя: Элис Рэук.

Пол: женский.

Эти вопросы несколько не взволновали девушку, она ответила на них машинально, и индикаторы ничего не показали. Если бы она была переодетым мужчиной, вопрос вызвал бы волнение. Таким же образом регистрировалась ложь в каждом случае. В дополнение к цветным ламповым индикаторам самописец делал отметки по шкале абсолютных единиц; аномальные ответы немедленно обнаруживались. Практически цветные кодированные сигналы были надежными. Синие огоньки сигнализировали, что Элис Рэук правдиво ответила на первые вопросы. Впрочем, сначала мигнул розовый, словно девушка сомневалась, не написать ли вымышленное имя. Колебания в ее подсознании были немедленно зарегистрированы. Интересно! Джерсен ожидал, что Трисонг попытается проверить «Экстант», но то, что проверяю-

щим будет кто-то вроде Элис Рзук, оказалось неожиданным. Джерсен почувствовал прилив возбуждения. Игра началась. С замирающим сердцем он наблюдал, как Элис отвечает на составленные им вопросы.

Возраст: 20.*

Чистый синий цвет. Все честно.

Специальность...

Здесь Элис заколебалась. Лампочка замигала, изменила цвет от синего до сине-зеленого, отмечая скорее нерешительность, нежели волнение.

Элис написала:

Работала клерком и журналистом. Имею достаточную квалификацию в той и другой профессии.

Когда она поставила точку, сине-зеленый цвет перешел в чисто-зеленый, что говорило о ее неуверенности. Она все еще колебалась, и зеленый цвет стал более насыщенный. Потом она добавила к своему ответу:

Однако я готова выполнять любую работу.

Когда она перешла к следующему вопросу, цвет вернулся к сине-зеленому, показывая, что уверенность девушки в себе возросла.

Местный адрес...

Цвет не изменился.

Гостиница «Святой Диарминг».

Это был большой комфортабельный отель в центре города, где часто останавливались туристы и межпланетные путешественники, менее престижный, чем «Пен-виперс», но не без оригинальности и, конечно, не из дешевых. Элис Рзук, видимо, не очень нуждалась в деньгах.

Место рождения: Блэкфорд, Терранова, Денебола-5.

Родители:

отец — Бенджамин Рзук, адрес — Дикий Остров;

мать — Эйлин Сверсен Рзук, адрес — Дикий Остров.

* По Всеобщей конвенции возраст и почти все единицы измерения соответствуют земным стандартам. (Примечание автора.)

Специальность:

отца — инженер, матери — бухгалтер.

На эти вопросы Элис ответила без колебаний, только когда писала о специальности отца, лампочка мигнула желто-зеленым.

Теперь настала очередь вопросов, призванных резко увеличить давление на притворщиков.

Как долго проживаете по местному адресу...

Элис назвала местом жительства отель, а индикатор загорелся ярко-зеленым, когда она написала:

Два дня.

Местные поручители:

- 1. Михабел Рэук (Блевенс, Ганголд-стрит).*
- 2. Шон Палгестер (Туорна, Динг-лейн).*

Индикатор горел ровным синим цветом. Первый наверняка был родственником, как, может быть, и второй, живущий в Туорне, поселке, расположенном поблизости.

Предыдущий адрес, если есть...

Синий перешел в зеленый, затем сменился желтым. Наблюдая за лицом Элис, Джерсен видел, как она сжала губы и подалась вперед с решительным выражением лица. Постепенно индикатор вновь загорелся зеленым, а потом синим. Элис написала:

Дикий Остров, Сайзерия Темпестри.

Поручителями оказались:

- 1. Джейсон Боун (Дикий Остров).*
- 2. Джейд Чаннифер (Дикий Остров).*

На следующие вопросы, касающиеся предыдущего адреса, Элис ответила без напряжения:

1012 по 792-й авеню, Блэкфорд, Терранова, Денебола-5.

В качестве поручителей она отметила:

- 1. Дейн Одинав (1692 по 753-й авеню).*
- 2. Уиллоу Таррас (1941 по 777-й авеню).*

Следующие вопросы были призваны обеспечить наибольшее давление.

Почему вы прибыли в Понтифракт?

Когда Элис прочла вопрос, индикатор загорелся желтым, а потом вспыхнул оранжевым. Напряжение уменьшилось... Индикатор снова засветился зеленым. Она написала:

Ищу работу.

Перевернув страницу, Элис наткнулась на фотографию для конкурса и вопрос:

Знаете ли вы или узнаете ли кого-нибудь из изображенных здесь лиц?

Индикатор загорелся желтым, оранжевым. Она подумала минуту, и цвет стал желто-зеленым. Потом она во всех клетках написала «0». На шестой ячейке лампочка мигнула розовым. Элис быстро перевернула страницу, стараясь не смотреть на фотографию. Ее напряжение спало. Лампочка загорелась зеленым.

Назовите его (ее) имя.

Лампочка горела ярко-красным. Элис поставила прочерк.

Если вы будете приняты, когда сможете приступить к работе?

Лампочка загорелась зеленым и зелено-голубым, как бы с облегчением.

Сразу же.

Элис ответила на последний вопрос.

Пока она перечитывала ответы, Джерсен наблюдал за ее лицом. Эта стройная рыжеволосая девушка была инструментом Говарда Алана Трисонга. Возможно, он назвался ей другим именем, и поэтому она могла не знать, а могла и знать о его репутации. В любом случае истину надо установить... Джерсен встал и пересек комнату. Девушка посмотрела на него с неуверенной улыбкой:

— Я закончила.

Джерсен взглянул на ответы:

— Кажется, все в порядке... Так вы с Террановы?

— Да. Моя семья перебралась в Деву пять лет назад. Мой отец — консультант на Диком Острове. Вы когда-нибудь бывали там?

— Нет. Понимаю, там совсем иное окружение, нежели здесь. — Джерсен говорил устало, неодобрительно.

Элис окинула его взглядом, скрыв удивление под маской безразличия. Потом сказала ровным голосом:

— Да, вроде Царства Снов, совсем нереально.

— Из праздного любопытства: почему вы уехали отсюда?

Элис пожала плечами:

— Я хотела путешествовать, посмотреть другие миры.

— Вы собираетесь возвращаться?

— Трудно сказать. Сейчас меня интересует только работа в «Экстанте». Я всегда хотела стать журналисткой.

Джерсен медленно прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Я оставляю вас на минуту, чтобы посоветоваться с миссис Инч, и посмотрю, какие еще места у нас свободны.

— Конечно, сэр.

Джерсен прошел в комнату, где несколько клерков разбирали большие пачки поступивших писем, и подошел к компьютеру. Тридцать человек уже узнали в номере седьмом Джона Грея; десять узнали в номере пятом Сабора Видола. Высокого мужчину со лбом философа и узким подбородком называли разными именами: Бентли Стрейндж, Фред Фремп, Кирил Кистер, мистер Уорфиш, Сайлас Спаркхаммер, Артур Артлиби, Уилтон Фрибус и еще несколькими другими.

Джерсен вернулся в контору. Элис Рэук перебралась в кресло рядом с его столом. Джерсен отметил приятное для глаз сочетание ее оранжево-рыжих волос и загорелой блестящей кожи. Элис улыбнулась ему:

— Почему вы меня так рассматриваете?

Джерсен ответил гнусавым голосом:

— Скажу честно, мисс Рэук: вы самая привлекательная из всех, кто приходил к нам в поисках работы. Толь-

ко, если мы примем вас на работу, я попросил бы вас одеваться более скромно.

— А вы меня возьмете?

— Сегодня вечером мы проверим ваши рекомендации, и я уверен, что они подкрепят мою благосклонность к вам. Думаю, вам сообщат решение завтра после второго гонга.

— Большое вам спасибо, мистер Лукас.— Улыбка Элис не выражала особых эмоций. Могло показаться, что девушка сильно напряжена и ее ничего не радует.— Где я буду работать?

— Сейчас персоналом занимается миссис Инч, но мне нужен секретарь, чтобы вести дела в мое отсутствие. Мне кажется, вы достаточно подготовлены, чтобы справиться с такой работой.

— Благодарю вас, мистер Лукас.— Она бросила на него через плечо взгляд, одновременно кокетливый, сдержанный, недоуменный, печальный и настороженный.

Потом Элис вышла из редакции. Джерсен посмотрел ей вслед: «Любопытно, очень любопытно».

Глава 4

...Он был неутомонным и непредсказуемым, как разлитая по столу ртуть, но нас всегда связывали хорошие отношения. Он казался мягким и рассудительным. Несомненно, он был умен, но склонен к диким шуткам. Иногда его злой умысел заходил слишком далеко. Однажды он принес целую коробку дохлых тараканов, гусениц и жуков и тщательно смешал их с шоколадным кремом. В каждую конфету попало по одному насекомому. Отправив коробку конфет почтой, он сказал мне довольно равнодушно: «Любопытно, кто получит мой маленький сюрприз?»

Но и этого ему было мало. С нами работала глупая старая дама по имени Фет Эгги, постоянно носившая высокие черные ботинки, которые снимала перед началом работы. Говард украл их, наполнил до краев один ореховой

скорлупой, а другой — патокой «Тэффи Дилайт» и поставил их обратно под ее кресло. Эта проделка стоила Говарду рабочего места. Больше я никогда его не видел.

Из воспоминаний бывшего коллеги Говарда Алана Трисонга, с которым они вместе работали примерно восемнадцать лет назад в Филадельфии на заводе компании «Элит Канди».

* * *

Утром Элис Рзук появилась в редакции «Экстанта», одетая в юбку и жакет нежно-голубого цвета. Костюм облегал ее стройную фигуру, черная лента поддерживала пышные волосы. Выглядела она великолепно.

«Она достаточна умна, чтобы понимать это», — подумал Джерсен.

Костюм Элис оказался даже более консервативным, чем ожидал Джерсен, но на сей раз он промолчал, ибо пока роль старомодного аристократа ничем ему не помогла. Элис Рзук, интеллигентную и сообразительную, не так-то просто было обмануть.

— Доброе утро, мистер Лукас, — сказала Элис мягким голосом. — Вы можете чем-нибудь порадовать меня?

Этим утром слуга из «Пенвиперса» приготовил для Джерсена серые брюки в бледно-лиловую полоску, черный шерстяной пиджак на плечиках, застегивающийся на бедрах, белую рубашку в черную полоску с высоким воротником и белый галстук, к которому старший носильщик предложил черную шляпу с лиловой лентой. В этом костюме Джерсен чувствовал себя как в тисках. Все раздражало его, хотелось сбросить пиджак. Тесный воротничок заставлял держать голову высоко поднятой и время от времени вытягивать подбородок. Вместе с тем все это придавало его внешности оттенок самодовольного пренебрежения, чего Джерсен и старался достичь. Он заговорил противным скрипучим голосом:

— Мисс Рзук! Я посоветовался с миссис Инч. Для начала вы поработаете моим личным секретарем. Я обнаружил, что мне одному не справиться с накопившейся бумажной работой, а кроме того, если можно так выра-

зиться, вы внесете некоторое разнообразие в размеренную жизнь редакции.

Элис Рзук состроила недовольную гримасу, которая позабавила Джерсена. Очень любопытно: если Элис тесно связана с Говардом Аланом Трисонгом, то она должна конечно же быть безнравственной женщиной. Трудно поверить... Джерсен дал Элис первое задание и вышел посмотреть, как проходит конкурс.

• Поток почты заполнил весь абонентский ящик. Шесть клерков вскрывали конверты, читали письма, закладывали информацию в компьютер. Джерсен подошел к дисплею в углу комнаты, доступ к которому имели только он и миссис Инч, и нажал кнопку вывода данных на сегодняшний день.

Девятнадцать человек опознали в номере седьмом Джона Грея из «Четырех Ветров» на Альфаноре, так что его личность можно считать установленной. Следующими можно было назвать номер пятый — Сабор Видол из Лондона на Земле, номер один — Шаррод Ест из Новой Бактрии, номер девять — А. Гизельман с Лонг-Парад, Экспаденсия, Алегениб-9. Номер шесть был известен по всей Ойкумене под различными именами: Кирил Кистер, Тимотин Тримонс, Бентли Стрейндж, Фред Фремпл, Сайлас Спаркхаммер, Вилсон Уорфиш. Человека под номером четыре дважды назвали как Яна Билферда из Паласского политехнического института в Палассе на Альционе.

Джерсен вернулся в свою комнату, вспомнив по дороге, что нужно войти в роль Генри Лукаса.

За время его отсутствия Элис пересмотрела свою тактику. Теперь, чтобы лучше управлять этим разряженным болваном, она решила быть приветливой и даже немного пококетничать. Почему бы нет?

— Мне кажется, я читала какие-то ваши статьи, мистер Лукас. Ваше имя мне знакомо.

— Возможно, мисс Рзук, вполне возможно.

— Вы пишете на какие-нибудь определенные темы?

— Преступление. Порок. Страшные деяния.

Элис посмотрела на него вопросительно:

— Правда?

Джерсен понял, что совершил ошибку, приоткрыв маску, и тут же равнодушно пожал плечами:

— Кто-то ведь должен писать и об этом. Публика должна все знать.

— По вашему виду не скажешь, что у вас такой конек.

— Да?.. И какие же темы, вы думаете, должны меня интересовать?

Снова Элис бросила на своего нового начальника осторожный взгляд.

— Плоды цивилизации,— просияв, нашлась она.— Лучшие рестораны, например. Или вина Земли. Или Лилейное Молоко*... Или танцы Си-Ши-Шим.

Джерсен печально покачал головой:

— Это не мои темы. А что предпочитаете вы?

— Ах, я не занимаюсь чем-то определенным.

— А эти танцы, Си-Ши-Шим? Что это такое?

— Ну, требуется подходящая музыка. Гонги, водяные флейты, курдаитсы — это весьма отталкивающие дрессированные зверьки, которые визжат, если их тянут за хвост. Костюмы украшают перьями, но никто — ни танцоры, ни зрители — не знает зачем... В общем-то, я вряд ли смогу все правильно описать.

— Почему? Вы скромничаете. Как выглядят эти танцы?

— Извините, мистер Лукас, но кто-нибудь может заглянуть в кабинет и увидеть меня в диком танце. Что подумают?

— Хорошо,— согласился Джерсен.— Мы должны показывать пример приличия. По крайней мере в рабочее время. Вы живете все там же?

— Я по-прежнему живу в гостинице «Святой Диарминд»,— ответила Элис Рзук. Она вдруг насторожилась и повела себя сдержанно.

* Лилейное Молоко — керамические изделия, изготовленные на островах Сусимара на планете Желтого Солнца. (Примечание автора.)

— Вы здесь одна? Я имею в виду, нет ли у вас здесь друзей или родственников?

— Я совершенно одна, мистер Лукас. Почему вы спрашиваете об этом?

— Из чистого любопытства, мисс Рэук. Надеюсь, вы не обиделись?

Элис равнодушно пожала плечами и вернулась к работе, которую Джерсен с трудом выискал для нее.

В полдень прибыл пикап с продовольствием. Ленч для миссис Инч и клерков был организован в небольшой столовой, для Джерсена и Элис Рэук — в кабинете, что немало удивило Элис.

— Почему мы не обедаем все вместе? Мне интересно, как проходит конкурс.

Джерсен покачал головой:

— Это невозможно. Мое начальство настаивает на соблюдении секретности, особенно когда могут возникнуть нежелательные слухи.

— Слухи? Какие?

— Говорят, ходом конкурса интересуется один отъявленный преступник. Но это слухи. Лично я отношусь ко всему этому скептически. Впрочем, кто знает? Мы даже организуем места для сна наших служащих. Они не должны покидать пределов издательства, пока не будет объявлен победитель.

— Мне кажется, опасность несколько преувеличена, — заметила Элис. — Кто же этот отъявленный преступник?

— Все это вздор! — воскликнул Джерсен. — Не хочу даже говорить о подобной чепухе!

Элис вдруг стала надменной:

— Меня это тоже не интересует.

Весь обед она молчала, время от времени бросая холодные взгляды на Джерсена.

После обеда Джерсен опять подыскал занятие для Элис, а потом аккуратно надел шляпу:

— Я буду примерно через час.

— Хорошо, мистер Лукас.

Джерсен вернулся в отель «Пенвиперс» и из своего номера позвонил в гостиницу «Святой Диарминд».

— Мисс Элис Рэук, пожалуйста.

После паузы ему ответили:

— Сейчас мисс Рэук нет в отеле, сэр.

— Кажется, она остановилась в номере двести шестьдесят два?

— Нет, сэр. В комнате четыреста сорок один.

— Там есть сейчас кто-нибудь из ее компании?

— Она живет одна, сэр. Что-нибудь передать?

— Нет.

— Хорошо, сэр.

Джерсен собрал кое-какие приспособления, уложил их в дипломат, переоделся во вчерашний вечерний костюм и покинул отель.

В это время дня, после дневного чая, улицы Понтифракта были запружены мужчинами в коричневых и черных костюмах и здоровыми, розовощекими женщинами в широких однотипных юбках и жакетах.

Вскоре Джерсен добрался до гостиницы «Святой Диарминд». Он вошел и осмотрел холл, но не увидел ничего заслуживающего внимания.

Подойдя к регистрационной стойке, он принялся что-то подсчитывать на листе бумаги. Служащий наблюдал за ним минуту, а затем подошел поближе:

— Сэр, могу я быть вам чем-нибудь полезным?

Джерсен написал несколько чисел на бумаге, пока служащий смотрел на него.

— Мне нужна комната на несколько дней или на неделю, на время конкурса. Математические раскладки указывают на номер четыреста сорок один, и я хочу поселиться именно в этом номере.

Джерсен положил севы на стойку, и служащий торопливо повернулся к дисплею.

— Простите, сэр! Эта комната уже занята.

— Тогда меня устроит либо четыреста сороковая, либо четыреста сорок вторая.

— Могу предложить четыреста сорок вторую, сэр.

— Хорошо. Меня зовут Альдо Бриз.

Разместившись в четыреста сорок втором номере, Джерсен подошел к стене и укрепил на ней микрофон. Из четыреста сорок первого не доносилось ни звука.

Встав на колени, он просверлил в углу маленькое отверстие и вставил туда почти невидимый щуп-микрофон, который затем соединил с коммуникатором. Магнитофон Джерсен поместил в выдвижной ящик коммуникаторной полки, включил, проверил, как он работает, и ушел.

Возвратившись в редакцию, Джерсен прошел в кабинет и, положив шляпу на вешалку, приветствовал Элис величавым поклоном, на который она ответила застенчивым бормотанием и робким взглядом из-под длинных темных ресниц. Джерсен с ворчанием сел за стол, минут пять посидел как бы в раздумье, уставившись в пространство. Потом встал и направился в помещение, где подводили итоги конкурса.

Клерки были с головой погружены в работу. Джерсен посмотрел в лист подсчетов. Всех изображенных на фотографии можно было считать опознанными, кроме номера шесть, которого называли различными именами. Но имени Говарда Алана Трисонга не назвал никто.

Джерсен вернулся в кабинет. Элис оторвала взгляд от стола:

— Как проходит конкурс?

— Очень хорошо. Результат превосходит наши ожидания процентов на семьдесят.

— Кто-нибудь выиграл главный приз?

— Пока нет.

— А почему вы использовали именно эту фотографию?

— Никогда не задумывался над этим.

У Элис дрогнули уголки губ, но она промолчала. Подумав, Джерсен сложил кончики пальцев вместе и сказал:

— Мне кажется, я могу сообщить вам, но совершенно секретно, конечно, что все изображенные на снимке, кроме одного, определены правильно.

Элис пожала плечами:

— Меня это не интересует, мистер Лукас.

— Подождите,— сказал Джерсен игриво.— Давайте не будем ссориться. Кажется, вы говорили, что ваш дом на Сайзерии Темпестри?

— Да. Я жила там несколько лет.

— Насколько мне известно, люди на Сайзерии ведут себя достаточно свободно.

Элис внимательно посмотрела на него:

— Я не уверена, что поняла, какой смысл вы вкладываете в слово «свободно».

— Ну, скажем, там часто бывают эксцессы.

— Да. В какой-то степени это правда. Туристы нередко дурно ведут себя, выбравшись на другую планету. А на Сайзерии много туристов. Некоторые из них, воспитанные хуже всех, прибывают из Понтифракта.

Джерсен засмеялся.

Элис, посмотрев на него долгим взглядом, подумала: «Он, кроме всего, еще и идиот...»

— Вы когда-нибудь посещали казино Дикого Острова? Мне говорили, там люди проигрывают большие суммы.

— Им нелегко выиграть.

Джерсен сказал с напускной суровостью:

— Деньги, которые они теряют, попадают в руки опасных преступников.

— Я слышала нечто подобное,— усмехнулась Элис.— Но мой отец набивает карманы именно в казино. Я не считаю его опасным преступником.

— Надеюсь, вы правы. Он — профессиональный игрок?

— Нет. Он конструирует игровые автоматы, причем делает это так, чтобы они обыгрывали профессионалов. Он так развлекается. Я слышала, как он говорил, что не любит профессиональных игроков, считая их дураками и лентяями, если не психами.— Элис невинно посмотрела на Джерсена.— Надеюсь, вы не профессиональный игрок, мистер Лукас? Я бы не хотела обидеть вас.

— Все нормально, мисс Рзук. Я никогда не был ни случайным, ни профессиональным игроком.

— Кстати, о конкурсе... Кого до сих пор не опознали? Джерсен спокойно ответил:

— Номер шесть.

— А когда закончится конкурс?

— Не знаю.— Джерсен посмотрел на часы.— У меня больше нет для вас работы на сегодня, мисс Рэук. Вы можете уйти в любое время.

— Спасибо, мистер Лукас.— Элис надела жакет и пошла к дверям, но обернулась и одарила Джерсена улыбкой: — Сегодня вечером будет что-нибудь, мистер Лукас?

— Нет, спасибо, мисс Рэук. Увидимся утром.

Элис ушла. Джерсен снова заглянул в комнату, где проходил конкурс, постоял, глядя на работающих клерков, потом вернулся в свой кабинет, переоделся и исследовал стены, окна, пол, потолок и все углы комнаты. Исследовал внимательно и медленно. Необходимая предосторожность. Он мог принести детекторы, чтобы измерить колебания энергетических потоков, но это могло привлечь внимание, если кто-то и впрямь за ним наблюдал. Высоко под потолком он заметил несколько прядей паутины, которую, конечно, мог сплести и паук. Рассмотреть ее как следует было трудно.

Через пять минут, тщательно изучив паутину, Джерсен решил, что она действительно сплетена пауком, и смахнул ее.

Был уже вечер. Джерсен зашел в соседнюю комнату, удостоверился, что вечерняя смена служащих приступила к работе, с минуту понаблюдал, затем, приведя в порядок одежду, вышел из редакции и направился сквозь вечерний туман в «Пенвиперс».

Швейцар встретил его низким поклоном. Подошел слуга, чтобы взять шляпу и помочь подняться по лестнице, словно Джерсен был столетним стариком.

Джерсен вошел в свой номер, снял костюм и сел у коммуникатора, но заколебался... Подслушивающие приспособления в «Пенвиперсе»? Невозможно!

Чтобы не оставлять никаких сомнений (двери-то не запирались), Джерсен проверил помещение с детектором.

В комнате не оказалось никакого шпионского оборудования.

Джерсен подошел к коммуникатору и позвонил в четырехста сорок второй номер гостиницы «Святой Диарминд».

— Мистера Бриза нет,— отозвался автоответчик,— пожалуйста, оставьте сообщение.

Джерсен назвал кодовое слово, включающее магнитофон. В трубке послышалась музыка, свидетельствующая, что разговор записан. Металлический голос объявил время записи. Элис Рэук говорила с кем-то по коммуникатору полчаса назад.

Сначала раздался голос Элис:

— Мистера Альберта Стренда, пожалуйста.

— Подождите, мадам.

«Голос служащего в каком-то заведении»,— подумал Джерсен.

— Привет, Элис!

— Здравствуйте, мистер Спаркхаммер. Я...

— Т-сс! Элис! Тише! Запомни, здесь я Альберт Стренд из «Побережья Уомбс».

— Извините!.. Разве это так важно?

— Кто знает? — Голос оказался довольно приятным. — Мы имеем дело с умными людьми. Смелость, энергия, осторожность, решительность! Вот чем они руководствуются.

— И еще страх,— тихо добавила Элис.

— И страх, конечно! Итак, что ты узнала?

Это был бархатный голос, хорошо поставленный и веселый. Джерсен слушал с напряженным вниманием.

Элис монотонно заговорила:

— Утром, когда я пришла на работу, мистер Лукас сказал, что я буду его личным секретарем.

— Дорогая! Я даже не мог надеяться на такую удачу. А что собой представляет этот самый мистер Лукас?

— Он заботится о секретности, даже слишком. Меня не пускают в комнату, где проходит конкурс. Сегодня я дважды пыталась туда пробраться, когда мистер Лукас уходил, но миссис Инч отправляла меня обратно. Я спросила у мистера Лукаса, как проходит конкурс, и он надулся как индюк, сказал, что все люди на фотографии

уже опознаны, кроме номера шесть. Никто еще не смог даже приблизиться к выигрышу приза.

— И это все?

— Боюсь, что да. Мистер Лукас рассказывает очень мало. Он глупый, разряженный дурак, но хитрый дурак, если вас интересует мое мнение.

— Возможно. Действуют ли на него твои чары?

— Не уверена.

— Мы не можем терять время. Мы и так сильно рискуем.

— Я сделаю все как можно лучше, мистер Стренд.— Элис заколебалась, потом добавила: — В общем-то, вы никогда не говорили точно, что вас интересует.

— Разве нет? — Голос мистера Стренда стал резким и язвительным.— Определи, почему они использовали именно этот снимок. Когда и где он достал его? За этим конкурсом что-то кроется, и я должен знать, что именно.

Разговор закончился.

* * *

На следующий день Элис снова позвонила по тому же коммуникатору:

— Мистер Стренд?

— Слушаю, Элис.

— У меня нет никаких новостей. Сегодня было почти так же, как вчера. Я пыталась заговорить о конкурсе, но мистер Лукас не ответил на мои вопросы, просто сидел и смотрел на меня весь день.

— Время поджимает, Элис.— Голос мистера Стренда напоминал шипение змеи и вовсе не походил на вчерашнее бархатное воркование.— Мне нужны результаты. Ты должна это понимать.

Голос Элис стал глухим:

— Завтра я снова попытаюсь.

— Ты должна испытать что-то более действенное.

— Но я не могу ничего придумать. Мистер Лукас соблюдает строжайшую секретность!

— Затащи его в постель. Без одежды трудно сохранять тайны.

— Мистер Спаркхаммер, то есть мистер Стренд... Я не могу пойти на это. Не знаю как!

— Ерунда, Элис. Все знают, как это делается! — Мистер Стренд фыркнул, и угрожающие нотки растаяли, голос заметно повеселел. — Если ты должна, то сможешь, а ты действительно должна!

— Мистер Стренд, в самом деле я не...

— Элис, ты сделаешь все, что необходимо! Это очень просто. Ты зазывно улыбаешься ему. Он приглашает тебя на ужин. Слово за слово, шаг за шагом — и вы раздеты. Мистер Лукас тяжело дышит. Ты начинаешь хныкать. «Моя дорогая Элис! — волнуется мистер Лукас. — К чему слезы в минуту экстаза?» — «Я плачу, потому что, мистер Лукас, я опечалена и испугана. Вы ведь только забавляетесь со мной, правда?» — «О нет, Элис. Я без ума от тебя. Мысль о твоих рыжих волосах, разбросанных по подушке, кружит мне голову. Послушай, как бьется мое сердце! Забавляюсь? Никогда! Я умираю от страсти!» — «Но вы не доверяете мне. Докажите глубину своих чувств!» — «Я готов!» — «Нет, мне нужно полное доверие и уважение. Например, когда я спрашиваю вас о конкурсе, вы отмалчиваетесь. Поэтому мне так грустно». — «Хррумф... Какой пустяк! Завтра в редакции...» — «Нет, Генри, вы снова станете холодным. Вы должны сказать сейчас, чтобы я поверила вам». — «Правильно, это действительно единственный выход...» И тогда откроются все секреты. Утром усталая, но счастливая ты расскажешь мне, что узнала, и все будет хорошо. В противном случае... — Мистер Стренд сделал паузу. — В противном случае, — его голос стал ниже на пол-октавы, — я не могу ничего обещать...

— Знаю.

— Ты справишься с заданием?

— Надеюсь.

— Помни, время дорого. У меня есть обязательства по отношению к старым друзьям. Пожалуйста, постарайся. Сделай все так, как я тебе объяснил. Кроме того, тебя переправили в Понтифракт именно для этого дела.

- Я сделаю все как можно лучше, мистер Стренд.
— Ты умница и, я уверен, все сделаешь правильно.
Разговор закончился, и в комнате воцарилась тишина.

Глава 5

Гаид, также известная как «ночной поезд», — великолепная блестящая рыба черного цвета. Часто достигает в длину двадцати футов. Ее тело обычно состоит из почти идеальных круглых сегментов. Голова большая, снабжена единственным органом зрения, ушной раковиной и широким ртом, усеянным впечатляющими зубами. Сразу же за головой и почти до хвоста идут спинные иглы — до пятидесяти одной. Каждая игла на конце покрыта люминофором, который ночью светится ярко-синим цветом.

Днем гаид плавает на глубине, питаясь отбросами и простейшими морскими существами. На закате «ночной поезд» поднимается на поверхность и курсирует, расцвеченный всеми огнями.

Маршруты «ночного поезда» окутаны тайной; рыба перемещается по прямой, как будто следует к определенному месту назначения. Это может быть мыс, остров или просто необозначенная точка посреди океана. Достигнув этого места, «ночной поезд» останавливается, медленно плавает примерно полчаса, словно меняет груз, забирает пассажиров или ожидает распоряжений; затем разворачивается с величественным видом, неторопливый, задумчивый, и, будто слыша сигнал, снова срывается с места к следующему пункту назначения, который может находиться на расстоянии до пяти тысяч миль.

Конечно же редкая удача — встретить эту замечательную рыбу ночью, когда она рассекает черные воды океана Элойза.

*Рапанзел К. Фанк. «Фауна миров Веге», том 3.
«Рыбы Элойза»*

* * *

Вечером Джерсен, как обычно, прогуливался по улочкам Понтифракта и, к собственному удивлению, обнаружил, что находится возле гостиницы «Святой Ди-

арминд». Он остановился и оглядел стандартный крикливый фасад бледно-голубого и пурпурного цветов, затем пересек площадь Мюллони и свернул в Порти, район таверн, старых магазинов, артистических студий, киосков, где продавали жареную рыбу, и публичных домов умеренной распущенности, над которыми по древнему обычаю горели красные фонари. Наконец Джерсен вышел на набережную.

Он смотрел на Побережье Бутылочного Стекла, на далекие огни порта Рафус. Бриз доносил до него запах гниющих водорослей... Джерсену приводилось стоять на берегах многих океанов разных миров. Но не было двух миров с одинаковым запахом... В конце ближайшего пирса разноцветные огни высвечивали вывеску ресторана. Джерсен прошел по пирсу и заглянул в ресторан, который оказался веселым и чистым. На столах были постелены красные скатерти. Назывался ресторан «Гриль Мардока с видом на Залив».

Джерсен зашел пообедать. Здесь подавали особые блюда, которые в основном готовились из даров моря. Элойзианская кухня тяготела к постным блюдам, но Мардок не боялся острых приправ и пикантных соусов.

...Джерсен долго сидел, глядя в окно на огни порта Рафус, и прислушивался к шуму медленно накатывающихся на старинный пирс волн.

Казалось, по мере того как шло время, Джерсен замечал, что все чаще его охватывает странное настроение, которому он даже не мог подобрать названия. В прежние годы его чувства были целиком посвящены ненависти, страстному желанию отомстить. Ему было неведомо чувство юмора, и он постоянно сжимал кулаки. Теперь жизнь его стала намного сложнее, он познал иные чувства, иные желания. Стал ли он из-за этого слабее? Бесполезно гадать. По крайней мере, его стратегия все еще действенна. Говарда Алана Трисонга он подманил очень близко, возможно, даже в Понтифракт. Как знать, а вдруг он сейчас тоже бродит по кривым улочкам или сидит в одном из многочисленных отелей, обдумывая преступные замыслы, строя планы.

Джерсен оглядел ресторан. Может, где-то здесь ужинает и Говард Алан Трисонг... Но среди посетителей «Гриля Мардока с видом на Залив» не было высокого худощавого мужчины со лбом философа и узким подбородком. Трисонг находился где-то в другом месте.

Джерсен подошел к коммуникатору и позвонил в «Пенвиперс».

— Это Генри Лукас. У вас зарегистрирован мой друг мистер Стренд?.. Нет? А мистер Спаркхаммер?.. Никого с таким именем?.. Тогда не могли бы вы оказать мне услугу: не упоминая моего имени, постарайтесь узнать, где остановился мистер Стренд.

— Постараюсь, сэр.

Джерсен вернулся к столу. Вполне вероятно, что удастся найти Трисонга таким простым способом. Его обманули, раздражали и приманили. К тому же агент Трисонга Элис Рзук оказалась единственным посредником в этом деле. Джерсен подумал, что все это, наверное, увлекательная игра, особенно потому, что Элис считает его важничающим, скучным, тщеславным, разодетым и глупым самцом.

Джерсен вышел из ресторана и вернулся в «Пенвиперс». Служащий в справочном, как и следовало ожидать, не смог ничего сообщить о местонахождении мистера Стренда. Джерсен заверил его, что дело пустяковое, и поднялся в свой номер.

Никто не заходил туда, пока хозяина не было. Сигнальное устройство, которое Джерсен установил, оставалось на месте.

* * *

Утром слуга отеля превзошел самого себя и одел Джерсена в такой великолепный костюм, что привратник отеля онемел от восхищения. Джерсен прибыл в редакцию «Экстанта» и застал Элис Рзук уже на рабочем месте. Он привычно поздоровался с ней. Она ласково ответила. Сегодня она надела темно-коричневую

юбку до колен и блузку пепельного цвета. То и другое прекрасно сочеталось по цвету. Костюм подчеркивал ее стройную фигуру, рыжие волосы блестели. Сидя за столом, Джерсен притворялся, что не замечает присутствия Элис. Несколько раз, окидывая взглядом комнату, он видел, что она не сводит с него глаз. Элис раздумывала, оценивала, удивлялась.

Джерсен вышел в комнату, где проходил конкурс. Миссис Инч передала ему письмо:

— Почти победитель, мистер Лукас! Может быть, даже победитель! И как странно то, что он пишет.

Джерсен прочитал письмо:

*Ведущему конкурса «Экстанта»,
Понтифракту, Элойз.*

Госпога!

Я могу опознать лиц, изображенных на вашей фотографии. Моей обязанностью было прислуживать им на ужасном обеде, который стоил жизни этим людям. Ваша фотография была сделана в зале Цветочного Дождя в гостинице «Дикий Остров». Гости начали трапезу, не зная, что все, кроме мистера Спаркхаммера, будут отравлены.

Имена тех, кто сидит за столом, слева направо:

Шаррог Ест

Диана де Трембаскал

Беатрис Ати

Робин Мартилетто

Сабор Вигол

Сайлас Спаркхаммер

Джон Грей

Стоящие мужчины:

Ян Билферг

А. Гизельман

Артемус Гадоуф

Я знаю их имена по настольным табличкам, которые сам же изготавливал. Кроме того, присутствовали еще двое мужчин. Они не ели салат из чарни и поэтому оба выжили. Снимок, между прочим, сделан как обычно, чтобы запечатлеть знаки, подаваемые поваром, который готовил каж-

кую порцию чарни. Эти знаки подаются маленькими цветными сигнализаторами, установленными перед каждым гостем. В этом случае блюда готовили несколько поваров. Яд, очевидно, передали через отравленную посуду. Надеюсь, я ответил на все вопросы и выиграю приз.

Клетус Персиваль.
Гостиница «Дикий Остров»,
Дикий Остров, Сайзерия Темпестри.

— Очень интересно,— сказал Джерсен.— В письме, очевидно, изложены подлинные факты.

— Мне тоже так кажется.— Миссис Инч повернулась к Джерсену.— Вы знали о том, что написал этот Персиваль? Что все эти люди были отравлены?

— Я также удивлен, как и вы. Но от этого тираж «Экстанта» не уменьшится.

— Почему люди едят чарни, если известно, что это яд? Очень странно!

— Совершенно верно, миссис Инч.

— С другой стороны, мистер Персиваль, кажется, назвал имена правильно,— заметила мисс Инч.

— Кроме номера шесть. Спаркхаммер — это не настоящее имя.

— Хм,— протянула миссис Инч.— Этот человек слишком интересен...

— Да, он кажется очень странным.

— Я бы назвала мистера Персиваля победителем,— сказала миссис Инч.— Наверняка никто не даст более точного ответа.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Джерсен.— Но мы все-таки подождем окончания конкурса. Как почта?

— Примерно так же. Возможно, писем стало чуть меньше.

— Очень хорошо, миссис Инч, продолжайте работу. И попросите ваших людей быть более внимательными ко всему, что касается номера шесть.

— Хорошо, будет выполнено, мистер Лукас.— В противоположность Элис Рэук миссис Инч считала Джер-

сена джентльменом, вежливым и воспитанным «со всех сторон» (так она сказала своей сестре).

Джерсен вернулся в свой кабинет с письмом.

Элис весело спросила:

— У вас приятные новости?

Джерсен важно сел за стол. Элис ждала. Лицо ее за-
каменело.

Потом Джерсен заговорил уже привычным для Элис
гнусавым голосом:

— Мы получили письмо, в котором названы все люди.

— Правильно?

— Он пишет, что узнал их имена по карточкам на
банкете.

— Тогда имена правильные.

— Не обязательно. Там есть одно очень сомнитель-
ное лицо.

— Которое?

Джерсен бросил на Элис строгий взгляд:

— Я не уверен, что могу говорить об этом, Элис. По
крайней мере, сейчас.

Элис переменилась в лице. Она скорчила гримасу.
Джерсен, наблюдая украдкой, подумал: «Теперь она
размышляет, как лучше проверить свой план».

Элис вскочила с места, подошла к шкафчику, доста-
ла две чашки и налила чаю. Одну она поставила перед
Джерсеном, другую на свой стол, за который верну-
лась, откинувшись на спинку стула, полулежа.

— Вы всегда жили в Понтифракте, мистер Лукас?

— Разумеется, я путешествовал и побывал на мно-
гих планетах.

Элис вздохнула:

— Понтифракт выглядит таким заурядным после пяти
лет, проведенных на Диком Острове.

Джерсен не проявил заинтересованности.

— Не могу понять, почему вы тогда приехали сюда?

Элис изящно пожала плечами:

— Множество причин. Например, страсть к путеше-
ствиям. Неугомонный характер. Вы когда-нибудь посе-
щали Сайзерию?

— Никогда. Мне говорили, там исповедуют гедонизм* и жизнь лишена условностей.

Элис засмеялась и посмотрела на Джерсена довольно нахально:

— В какой-то мере это правда. Но не во всем. На Диком Острове вы можете выбрать любой стиль жизни. Моя мать, например, почти так же, как и вы, придерживается условностей.

Джерсен поднял брови:

— Что? Вы считаете меня обывателем?

— Конечно, до некоторой степени.

— Ага. — Джерсен презрительно усмехнулся, как бы показывая, что мнение Элис скоропалительно и очень поверхностно. — Расскажите мне еще о Диком Острове. Правда, что хозяева там — преступники?

— Это значительное преувеличение, — сказала Элис. — Мой отец — не преступник.

— Но ведь в казино никто не выигрывает.

— Естественно.

— Вы когда-нибудь бывали в казино?

— Нет. Игра мне не душе.

— Дикий Остров — это город?

— Скорее туристический центр: казино, отели, рестораны, бухты для яхт, пляжи и множество маленьких вилл на холмах. Он конечно же давно не дикий.

— Вы когда-нибудь бывали в ресторане, где подают чарни?

Элис настороженно повернулась к нему:

— Нет.

— А что такое чарни?

— Ну, это такой лиловый фрукт с шершавой кожей, под которой — трубочки, наполненные ядом. Говорят, сам фрукт восхитителен на вкус, но я никогда не пробовала его. Я боюсь умереть. Это опасный деликатес.

* Гедонизм — этическое учение, признающее наслаждение высшей целью и высшим благом; добро — это то, что дает наслаждение, а зло — то, что приносит страдание. (Примечание переводчика.)

Джерсен откинулся на спинку кресла:

— У нас есть предположение, что представленная для конкурса фотография сделана на банкете, где подавали чарни.

Элис достала копию и внимательно посмотрела на нее:

— Да... Может быть.

— Очень странно! Ведь вы могли встретить кого-нибудь из этих людей на улице.

Элис пожала плечами:

— Возможно, но маловероятно. Тысячи людей посещают Дикий Остров. И ведь неизвестно, когда сделан снимок. Может быть, лет десять назад.

— Снимок сделан недавно. Все запечатленные на нем опознаны, и мы убеждены, что их имена подлинные.

— Значит, кто-то выиграл приз?

— Я этого не говорил.

Элис невинно спросила:

— А откуда у вас этот снимок?

— Я нашел его в корзине для использованных бумаг... Но пока еще рано говорить о результатах конкурса. Итоги еще не подведены. Почему бы вам остаток дня не отдохнуть, а, Элис? Сейчас работы нет.

— Спасибо, мистер Лукас. Мне нечем заняться. В этом городке я никого не знаю. Только вас, а вы держитесь отчужденно.

— Ерунда! — воскликнул Джерсен. — На самом деле вы так не думаете!

— Но это именно так! Может быть, вам не положено тесно общаться с персоналом? Это политика компании?

— Правил на этот счет не существует!

— Вы думаете, у меня нет вкуса? Я простушка?

— Напротив! — сказал Джерсен совершенно серьезно. — Я считаю вас очень обаятельной. Необычайно. Мне жаль, что Понтифракт кажется вам скучным. Может, как-нибудь пообедаем вместе?

Губы Элис дрогнули. Улыбка? Гримаса?..

Мягким голосом она сказала:

— Было бы неплохо. А почему не сегодня?

— В самом деле, почему?.. Позвольте, я взгляну. Где вы остановились?

— Гостиница «Святой Диарминд».

— Я буду ждать вас в холле в полночь.

— Теперь я чувствую себя значительно лучше, мистер Лукас.

Глава 6

В пользу чарни!

Из всех хороших вещей в этой щедрой Вселенной ничто не может сравниться по вкусу с прекрасным спелым чарни, кроме, пожалуй, еще двух или трех столь же экзотических фруктов.

Майкл Вист. «Пробы на вкус»

Если кто-то должен умереть, а этого, кажется, не миновать никому, зачем делать это вульгарно? Лучше умереть красиво, так, чтобы позавидовали все, — отведав чарни.

Джулиан Сил, старший повар и музыкант

Хотите верьте, хотите нет, но безопасный, целебный и неядовитый чарни легко вырастить. Правда, все усилия в этом направлении сводятся на нет Ассоциацией Чарни, да никто и не желает разводить чарни самостоятельно. Вполне возможно, что заслуженно признанный чудесным аромат чарни усиливается ощущением страшной опасности.

Леон Уолк, журналист, писавший для «Космополиса», который через две недели после публикации этой статьи съел неправильно приготовленный чарни и умер

* * *

Гостиница «Святой Диарминд» побывала в руках различных владельцев. Каждый вносил оригинальные идеи в отделку, стремясь произвести впечатление

новизны. Первый этаж занимал вестибюль. Тяжелые колонны в стиле древнего Крита поддерживали потолок, выкрашенный в бледно-лиловый и розовый цвета. Рядом с каждой колонной росли родантовые пальмы в терракотовых горшках; они тянулись к потолку, и их голые стволы заканчивались шарами темно-зеленой листвы. По стандартам Веги — кричащее оформление. Множество посетителей из разных уголков Ойкумены усугубляло беспокойную и нервную атмосферу, которая характеризовала гостиницу «Святой Диарминд».

Джерсен прибыл в точно назначенное время, одетый по совету слуги в костюм для неофициального вечера в городе: облегающие черные брюки, рубашку с вертикальными черными, темно- и светло-серыми полосками, с высоким черным воротником вместо шарфа, черный пиджак, соответствующий самому высокому стилю в Понтифракте, застегивающийся спереди, зауженный в плечах, почти стоящий колоколом на бедрах. Джерсен отказался от шляпы с плюмажем, и слуга предложил ему мягкую шляпу с квадратными полями. Угрюмое лицо, черные локоны и бледная кожа придавали Джерсену грубоватый вид, но именно это ему и требовалось, и Джерсен был удовлетворен своей внешностью, получая своеобразное удовольствие от игры, цель которой — одурачить и одурманить бедную Элис Рэук.

Джерсен увидел ее, когда она, застенчиво оглядываясь, шла по центральному проходу. Джерсен внимательно посмотрел на Элис, словно никогда раньше не видел: опущенные уголки губ, короткий носик, щеки, плавно переходящие в маленький подбородок. Сегодня вечером ее рыжие волосы, зачесанные назад, ниспадали на плечи, подчеркивая простое дымчато-серое платье.

Она увидела Джерсена, и выражение ее лица изменилось, стало нарочито-веселым. Она приветственно махнула ему рукой, изображая радость, а потом чуть ли не бегом помчалась через зал, но остановилась в десяти футах от него и окинула восхищенным взглядом с ног до головы.

— Я должна сказать, мистер Лукас, сейчас вы превзошли самого себя в элегантности.

— Это все «Пенвиперс»,— ответил Джерсен.— Благодарить нужно слугу.

Элис слушала Джерсена, не особенно вникая в смысл его слов. По-прежнему радостно улыбаясь, она сказала:

— Ну, так где мы будем обедать? Здесь? Ресторан тут в очень красивом Гербовом Зале.

— Слишком шумно и слишкомлюдно,— заметил Джерсен.— Я знаю место значительно более изысканное.

— Полностью отдаю себя в ваши руки,— отозвалась Элис.

— Тогда окунемся в ночь Веги.

Они покинули гостиницу, и Элис очень осторожно взяла Джерсена под руку.

— Куда мы идем?

— Прелестная ночь,— ответил Джерсен.— Мы можем сначала погулять, если вам это нравится.

— Прекрасно!

Они пересекли площадь Мюллони, вышли на Бьюдрилейн, а потом свернули в Порти.

«Невозможно! — прошептал про себя Джерсен.— Мы гуляем по улицам Понтифракта, она в своей маске, а я — в своей!»

Элис почувствовала что-то неладное:

— Мистер Лукас, почему вы так мрачны?

Джерсен ответил не сразу:

— Называйте меня Генри. Мы не на работе.

— Спасибо, Генри,— она наградила его печальным взглядом.— Я никогда не бывала в этой части города.

— Здесь не так, как на Диком Острове?

— Совсем иначе.

Они вышли на набережную к «Грилю Мардока с видом на Залив». Элис задумчиво посмотрела на Джерсена. Мистер Лукас, такой занудный и гадкий, казался сейчас совсем иным.

Они сели в уголке ресторанного зала, у окна. Внизу тяжело и медленно вздымались и набегали на сваи вол-

ны; звезды и далекие огоньки отражались на поверхности воды. Джерсен спросил:

— Вы можете найти свою родную звезду?

— Я не знаю, как выглядят созвездия отсюда.

Джерсен оглядел небо:

— Она уже скрылась. А вот там старое доброе Солнце.

На обед они заказали суп из натуральных артишоков, тушеное мясо, салат из свежей зелени, лук и травы, которые булькали в коричневых горшочках. Элис поклевала того-другого и в ответ на вопрос Джерсена пожаловалась на отсутствие аппетита. Она выпила несколько бокалов вина и немного опьянела.

— А как наш конкурс? — спросила она. — Он все еще тайна? Особенно от меня?

— Тайна? Уже нет. Но не будем сейчас говорить об этом. Тайна — это вы. Расскажите о себе.

Элис обвела взглядом Побережье Бутылочного Стекла.

— Да нечего рассказывать. Жизнь на Диком Острове монотонна, если не считать туристов.

— Я все еще удивляюсь, почему вы приехали сюда.

— Ах, обстоятельства!

Подали десерт: фруктовый пирог и крепкий кофе с кремом, как принято на Элойзе.

Джерсен, почувствовав, что сильно отступил от роли Генри Лукаса, попробовал поразмышлять о политике Понтифракта, в которой ничего не смыслил. Элис безучастно глядела на черную воду. Ее мысли были далеко. Она совсем не следила за тем, что говорил кавалер.

Наконец Джерсен спросил:

— Куда теперь? В Понтифракте мало развлечений, разве что Маммери, но мы, кажется, опоздали к началу программы. Может, зайдем в одну из портовых таверн?

— Нет... Думаю, нам лучше вернуться в отель.

Старый кэб с твердой крышей доставил их обратно в гостиницу «Святой Диарминд».

В вестибюле Джерсен остановился и отвесил поклон, показывая, что прощается. Элис быстро проговорила:

— Пожалуйста, не уходите так быстро.— Оглядев вестибюль, она осторожно продолжила: — Можем зайти ко мне, если хотите.

Джерсен вежливо запротестовал:

— Но вы, наверное, устали...

Все еще глядя в сторону и слегка зардевшись, Элис сказала:

— Нет. Совсем нет. Мне... ну... одиноко.

Джерсен снова поклонился, словно извиняясь:

— Буду счастлив пойти с вами.

Он взял ее под руку. Они вошли в лифт и поднялись на четвертый этаж.

Элис открыла дверь и вошла в номер на негнущихся ногах, как заключенный в камеру пыток.

Джерсен последовал за ней. В дверях он задержался и оглядел комнату. Элис не поинтересовалась, зачем он это делает.

Успокоившись, Джерсен медленно вошел в ее апартаменты, закрыв за собой дверь.

— Генри,— сказала Элис, едва дыша.— Могу я звать тебя Генри?

— Я уже говорил об этом.

— Я забыла. По-идиотски звучит, правда? Позволь, я возьму твою шляпу и пальто.

Джерсен сам повесил шляпу на вешалку и снял пальто.

— Прекрасно! Портные Понтифракта понятия не имеют о человеческих формах.

— Садись, Генри... Сюда.

Джерсен послушно сел в кресло. Элис достала из шкафа серебряный поднос.

— Что это? — спросил Джерсен.

— Настойка цветочных лепестков. Кристаллы гидромела — «Ликер Жизни» из Сирсса.— Она наполнила пару маленьких рюмок прозрачной зеленой жидкостью.— Влюбленные пьют его вместе. Конечно, мы не влюблены, ты и я, но...

— Но что?

— О... Ничего особенного.

Джерсен попробовал «Ликер Жизни», который показался ему хмельным и утонченным.

Элис спросила:

— Нравится?

— Действительно, он необычен. И очень ароматен.

Элис села рядом с ним и отпила немного из своей рюмки:

— От него меня бросает в дрожь.

Джерсен сам удивился, обнаружив, что его руки обвили плечи девушки, ведь он намеревался играть свою роль. В его объятиях Элис расслабилась, и он поцеловал ее. Поцелуй получился гораздо более страстным, чем того требовал образ рафинированного аристократа.

Элис удивленно посмотрела на Джерсена, а он спросил:

— Что с тобой? Я тебя обидел?

— О нет.— Элис нервно рассмеялась.— Ты немного испугал меня, совсем чуть-чуть. На работе ты совсем другой.

— И все-таки это я.

Она отпила немного ликера:

— Выпей.

— Дозу влюбленного?

— Называй как хочешь.

— У тебя есть любовник?

— Нет... А у тебя?

— Я совершенно одинок.

Элис подставила лицо, Джерсен снова поцеловал ее. Платье распахнулось, открыв маленькую округлую грудь. Казалось, Элис совсем это не волновало.

Джерсен глубоко вздохнул:

— Так дальше не пойдет.

— Почему? — Элис коснулась его щеки.

— Меня мучает одно подозрение.

Элис с ужасом посмотрела на него:

— Что ты имеешь в виду?

— Мне было бы очень больно узнать, что ты мила со мной только для того, чтобы узнать побольше о конкурсе. Конечно, это бред?

Элис побледнела.

— Разумеется.

— Ты могла бы стать моей любовницей, если я не расскажу тебе о конкурсе?

— Рассудок сильнее сердца... Я бы не могла любить человека, который мне не доверяет.

— Другими словами... Нет?

— Я действительно так думаю,— серьезно сказала Элис.

Джерсен немного помолчал:

— Чтобы доказать свое доверие, я должен рассказать тебе все, что знаю сам?

— Если хочешь.

— Собственно, почему бы и нет? — Джерсен вытянул ноги и закинул руки за голову. — Особенно рассказывать и нечего. Все люди, изображенные на снимке, опознаны, кроме одного, которого называют разными именами. — Джерсен достал из кармана лист бумаги и прочитал: — Ест, де Трембаскал, Атц, Билферд, Видол, Спаркхаммер, Грей, Гадоуф, Гизельман, Мартилетто. Спаркхаммер известен также под несколькими другими именами, но никто не указал его настоящего имени. Это не удивляет тебя?

— Нет. А почему это должно удивлять?

Джерсен бросил листок на стол и откинулся на спинку кресла:

— Потому что он — опасный преступник, и настоящее его имя Говард Алан Трисонг.

— Говард Алан Трисонг? Невозможно!

— Люди, изображенные на фотографии, мертвы, кроме номера шесть, то есть Трисонга. Тебе это ни о чем не говорит?

Элис пожала плечами. Она думала о другом.

— Я в этом ничего не понимаю.

— Меня сейчас волнует вот что,— сказал Джерсен. — Если номер шесть — Трисонг, а сомневаться в этом не приходится, то я хотел бы взять у него интервью. «Эк-стант» мог бы очень выгодно использовать такой мате-

риал, интервью или его автобиографию. Мне кажется, я знаю, как предложить ему это. Я хотел бы, чтобы он связался со мной.

Элис прошла по комнате, ничего не говоря. Джерсен поднялся, взял свое пальто и шляпу. Элис посмотрела на него и спросила срывающимся на хрип голосом:

— Ты уходишь?

Джерсен кивнул:

— Я рассказал тебе все, что знаю.

— А вот и нет! — вырвалось у Элис. — Как ты достал фотографию?

— Я гулял по библиотеке «Космополиса», заглянул в мусорную корзину и нашел ее. Никто ничего не мог рассказать мне о ней. Так и родился «Экстант».

— А кто бросил фотографию в мусорную корзину?

— Молодой и глупый служащий.

— Все-таки... Почему ты выбрал именно ее? Там что, не было других материалов?

— Некто неизвестный написал на снимке: «Трисонг здесь». Я этим заинтересовался, так как фотографий Трисонга не существует, и понял, что снимок очень ценный. Вот так и зародилась идея конкурса.

Элис сидела молча. Джерсен подошел к двери:

— Спокойной ночи!

Элис устало посмотрела на него:

— Меня поражает, как много ты знаешь обо мне.

— Совсем немного. Ты хочешь что-нибудь рассказать? Доверие должно быть взаимным.

Элис печально покачала головой:

— Мне нечего сказать.

— Тогда спокойной ночи!

— Спокойной ночи!..

* * *

Элис продолжала сидеть там, где Джерсен оставил ее, откинувшись на спинку кресла, поджав под себя ноги, с холодным выражением лица. Она запустила пальцы в рыжие волосы, отбросив их со лба. Минут

десять она размышляла, потом подошла к коммуникатору и набрала знакомый номер.

Ей ответили:

— Элис, почему так рано? Быстро управились.

Элис едва сдержалась, чтобы не нагрубить.

— У меня есть новости. Люди на фотографии...— Она прочитала имена с листка, который предусмотрительно оставил ей Джерсен.

— Откуда информация?

— Источники разные. Есть только одно письмо, в котором указаны все имена, кроме одного.

— Которого?

— Мистер Лукас сказал, что Спаркхаммер известен разным людям под разными именами: Фред Фремп, Бенгли Стрендж, Говард Алан Трисонг... Остальные я забыла...

Тишина. Потом послышался совершенно другой голос, спокойный, медлительный:

— И какие же планы у мистера Лукаса?

— Я думаю, он страстно хочет, чтобы мистер Спаркхаммер, или мистер Трисонг, встретился с ним и дал интервью. Он хочет опубликовать автобиографию мистера Трисонга.

Ответ был быстрым и недвусмысленным:

— Придется его разочаровать. Мистер Спаркхаммер, или мистер Трисонг, или как его еще там называют, не согласится на такое вульгарное предложение. Как «Экстант» вышел на эту фотографию?

— Мистер Лукас нашел ее в мусорной корзине библиотеки «Космополиса». Ее выбросил один из служащих.

— Странно. Очень странно... И это правда?

— Похоже.

— Как фотография попала в «Космополис»?

— Я не сообразила спросить. Мне кажется, обычным путем.

— А что заставило его выбрать именно этот снимок?

— Кто-то написал на нем: «Трисонг здесь». Это привлекло внимание мистера Лукаса.

— И он устроил конкурс, чтобы выяснить имена сотрапезников Трисонга?

— Так он мне сказал.

— А он сказал, почему?

— Он хочет опубликовать биографию мистера Трисонга, хочет встретиться с ним.

— Это почти невозможно. Мистер Трисонг занят очень важными делами. — Мистер Стренд замолчал и молчал так долго, что Элис забеспокоилась. — Что еще он сказал тебе?

— Почти ничего. Он знает, что фотография сделана на Диком Острове и что все присутствующие на банкете умерли от яда чарни, кроме мистера Спаркхаммера.

Снова долгая пауза. Потом:

— Очень хорошо, Элис. В целом ты справились хорошо.

— Я могу отправляться домой? Вы исполните обещание?

— Не сразу, дорогая, не сразу! Ты должна вернуться на свой пост! Держи глаза и уши открытыми... Этот Генри Лукас, что ты о нем думаешь?

Элис ответила холодно:

— Ничего я о нем не думаю. Он полон противоречий.

— Хм-м-м... Это мне мало что говорит. Но неважно. Продолжай, как и раньше. Завтра я уезжаю на день или чуть больше. Ты не сможешь связаться со мной. Продолжай интимные отношения с мистером Лукасом. Я чувствую, тут что-то есть. Он не все тебе сказал.

— Сколько мне придется этим заниматься?

— Я дам тебе знать.

— Мистер Стренд, я сделала все, что могла! Пожалуйста...

— Элис, у меня нет времени выслушивать твои жалобы. Продолжай. Действуй как и раньше, и все будет хорошо. Понятно?

— Кажется, да.

— Тогда спокойной ночи!

— Спокойной ночи!..

Глава 7

Конгрегация посвящает свою деятельность человеческому совершенствованию. Мы пытаемся ускорить полезные процессы и исключить болезненные и гнилостные.

Наше кредо основано на истории человеческой расы, которая насчитывает миллионы лет естественного развития.

Что происходит, когда рыба, привыкшая к соленой воде, попадает в пресную? Она погибает.

Представьте себе создание, все чувства, способности и инстинкты которого формировались в естественных условиях: его грело солнце, обдувал ветер, поливал дождь; такое создание видело облака, горы и далекие горизонты, знало вкус натуральной пищи, ходило по твердой земле. Что происходит, если такое существо переместить в искусственные условия? Оно становится жертвой истерических причуд, галлюцинаций, сексуальных извращений. Оно сталкивается с абстракциями чаще, чем с фактами, и постепенно деградирует, теряет приспособляемость. Столкнувшись с реальными переменами, существо кричит, сворачивается в клубок, закрывает глаза, сжимается и ждет. Оно — пацифист, который боится сам себя защищать.

Из речи Николаса Райда, Брата Конгрегации восьмидесят восьмой ступени (Магистерский Технологический колледж)

Урбанизированное существование мужчин и женщин — это не жизнь, а абстракция жизни на более или менее высоком уровне изысканного ухода от реальности. У таких людей чаще всего возникают негативные идеи. Они развивают критику, которая критикует критицизм, и даже критику, критикующую критицизм критицизма, — чрезмерные злоупотребления человеческим талантом и энергией.

Чарльз Бронштейн. «Лучшее понимание Конгрегации»

Наш гений — это титан Антей...

Урбанизация — неестественные условия жизни...

Разве мы принадлежим к элите, как это часто утверждают? Но ведь, с другой стороны, мы сами не относим себя к отбросам общества...

Мы одобряем контрасты, социальную неустойчивость, крайности общества. Часто мы обвиняем хаос, однако никакого хаоса на самом деле не существует...

Урбанисты бьют в спину!..

Урбанисты — ограниченные и самодовольные люди!..

Если они так любят плейстоцен, почему же не одеваются в шкуры и не живут в пещерах?..

Обитатели самых надменных и уединенных башен из слоновой кости, которые они сравнивают с «естественными условиями жизни».

Мэри Мюррей. «Конгрегация»

Я бы с большей охотой выискивала недостатки в чьих-то рукописях, чем рвала помидоры под горячим солнцем...

Мне больше нравится управлять своим автомобилем, чем упрямым мулом...

Из высказываний об условиях жизни

* * *

Джерсен стоял у окна гостиной в своих апартаментах, глядя на площадь Старого Тара. Была полночь. Площадь выглядела темной и тихой. Яркие звезды высвечивали крыши домов Понтифракта, бросая черные тени от высоких фронтонов под кривыми карнизами и тысяч причудливых труб дымоходов.

Джерсен был утрум и чувствовал упадок сил.

План рухнул. Программа оказалась выполненной точно: Говард Алан Трисонг отреагировал так, как Джерсен и задумывал. Элис Рзук могла бы вывести прямо к Трисонгу... И такое поражение! Говард Трисонг отказался публиковать свою автобиографию и не согласился дать интервью.

Больше конкурс ничего не даст. Пора подводить его итоги. Пусть этим займется миссис Инч.

Что дальше?..

Элис Рэук осталась единственной нитью к Говарду Алану Трисонгу, но связь эта хрупка и ненадежна.

На два вопроса ответы так и не получены. Каким образом Говард Алан Трисонг контролирует Элис Рэук? Почему Трисонг отравил девять человек?

Ответы, возможно, найдутся на Диком Острове, но Джерсен мрачно подумал, что все сведения, видимо, окажутся старыми и бесполезными. Гораздо интересней узнать, чем Говард Трисонг занимается сейчас, но об этом Элис, скорее всего, ничего не знает. А другого источника информации нет...

Джерсен посмотрел вверх крыш. В пивных Порти еще горел свет. Джерсен нашел взглядом гостиницу «Святой Диарминд» и подумал, что Элис Рэук, наверное, спит.

Отвернувшись от окна, он застыл неподвижно, потом снял рубашку, надел темно-серую блузу космонавта, надвинул на лоб мягкую шапочку и двинулся к двери. Звонок коммуникатора заставил его вернуться. Он постоял, с удивлением рассматривая аппарат. Кто мог звонить в такой час?

Экран ожил, и на нем появилось бледное лицо Максела Рэкроуза.

— Мистер Лукас?

— Я слушаю.

Рэкроуз говорил тихо:

— Информация, которую вы запрашивали, получена, не хватает лишь нескольких деталей.

Максел Рэкроуз говорил так сдержанно, что Джерсен начал волноваться. Как-то неуверенно Рэкроуз продолжал:

— Надеюсь, не поднял вас с постели?

— Нет, я собирался прогуляться.

— Тогда почему бы вам не зайти ко мне в редакцию на несколько минут? Думаю, вас заинтересует то, что я раскопал.

Редакция «Космополиса» никогда не закрывалась: работа шла круглые сутки, круглый год. Высокая стеклянная дверь при приближении Джерсена распахнулась. Он вошел в фойе, где светящиеся плиты из цветного стекла изображали карту старой Земли.

Джерсен поднялся на лифте на самый верх Северной Башни и прошел в офис Максела Рэкроуза, который носил теперь титул управляющего смешанными операциями.

Кабинет для приемов соответствовал положению Рэкроуза. Внутренняя комната, где Рэкроуз проводил большую часть времени, напоминала джунгли. На длинном столе возвышались груды книг, журналов, газет, фотографий, разорванных изданий, любопытных и непонятных безделушек из никому не нужного хлама. Здесь же стояли несколько табуреток и стульев, коммутатор, чайный сервиз, аппарат для проецирования печатного материала на стену, статуя хилой обнаженной женщины девяти футов высотой, чрево которой открывалось каждый час, и оттуда появлялась странная птица, кричащая «ку-ку».

Рэкроуз — высокий, угловатый молодой человек в дорогой, точнее неудобной, одежде, с несколько удлинённым лошадиным лицом, прямыми, светлыми волосами и голубыми глазами с тяжелыми, нависающими веками — бесцеремонно приветствовал Джерсена:

— Садитесь, если хотите. — Он показал рукой на один из старинных стульев. — Может, хотите чашку чая? А бисквит?

— Не откажусь.

С чашкой чая и пирожными Рэкроуз уселся в кресло возле стола.

— Как проходит конкурс?

— Очень хорошо. Один человек назвал имена девяти из десяти, и, если никто не сможет его превзойти, мы объявим его победителем. А что вас беспокоит?

Рэкроуз откинулся назад, соединил кончики пальцев и уставился в потолок, сжав губы.

— По вашей просьбе я собрал всю возможную информацию. Я начал с «Индекса»* и наших собственных картотек. Установить, кто изображен на фотографии, оказалось довольно легко. Все — уважаемые господа с хорошей репутацией. Кроме номера шесть. Он известен под несколькими именами, и все они связаны с постыдными действиями. Он, как мне думается, преступник.

— А остальные?

— А вот здесь мы сделали интересное открытие. Я обнаружил повторяющиеся запросы в Конгрегацию и ответы на них: «Занимал высокое положение в иерархии», «Очевидно, был Братом высокой ступени». Например, Беатрис Атц имела сто третью ступень, Артемус Гадоуф был Триединым**. — Максел Рэкроуз сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление эта новость произвела на Джерсена.

Джерсен долго изучал фотографию, которую и так знал до мельчайших деталей. Неожиданно у него зародилось подозрение, странное и ужасное.

— Десять человек могут составлять Дексаду?

— Та же мысль пришла в голову и мне, — кивнул Рэкроуз.

Джерсен мгновение помедлил. Рэкроуз ничего не знал об отравлении плодами чарни, как не знал и того, что номер шесть — Говард Алан Трисонг.

* «Индекс» — справочник по идентификации, первоначально составленный МПКК, а в дальнейшем продолженный другими агентствами. Содержит сведения о социальном положении, военный послужной листок, пассажирские листки межпланетных перелетов, записи о рождении, браке, смерти, телефонные справочники, листы аттестации в школе и университетах, криминальную идентификацию, сведения о членстве в клубах, ассоциациях и товариществах, а также имена, которые появляются в новостях в течение недели и автоматически сканируются. (Примечание автора.)

** Конгрегация разделила своих Братьев по ступеням — от 1-й до 111-й. Брат, достигший сто одиннадцатой ступени, — это Триединый. Ступени сто десятая и сотая никогда не присваиваются.

— Кто сейчас достиг самой высокой ступени?

Рэкроуз усталился в потолок:

— Есть один отшельник на Бонифейсе... Я слышал, он входит в Дексаду.

— Кто обладает высшей ступенью в Понтифракте?

— Точно не знаю. Разрешите, я позвоню Кондо? Он знает это.

Рэкроуз переговорил по коммутатору тихим голосом, который был лишь немного громче шепота, потом сделал какие-то пометки на листе бледно-розовой бумаги.

— Хорошо, достаточно,— он повернулся к Джерсену, вырвал страницу из блокнота.— Ее имя Лета Гойнис. Она живет на Флахерти-Кресцент, семнадцать, в Брейне и, возможно, у нее шестидесятая или шестьдесят пятая ступень.

* * *

Джерсен отнес бумажку с адресом в свой кабинет, намного более скромный, чем у Максела Рэкроуза. По своему коммутатору он сделал вызов. Прошло мгновение, и невыразительный женский голос ответил ему:

— Лета Гойнис слушает.

— Извините за беспокойство в столь поздний час, миссис Гойнис. Мое имя Кирт Джерсен, и я хотел бы проконсультироваться у вас по вопросу государственной важности.

— Сейчас?

— К сожалению, да. Это очень важно для Конгрегации. Если позволите, я приеду к вам домой.

— Где вы сейчас находитесь?

— В редакции «Космополиса».

— Проедете до Узловой, а там кэб доставит вас на Флахерти-Кресцент.

* * *

Когда Джерсен подошел к коттеджу номер семнадцать по Флахерти-Кресцент, дверь отворилась. В дверном проеме, освещенная сзади, стояла темноволо-

сая женщина, крепкая и, очевидно, в хорошей физической форме. Она окинула Джерсена беглым взглядом и отступила. Джерсен вошел, дверь за ним закрылась.

— Проходите сюда, — пригласили Лета Гойнис и провела его в гостиную. — Чай?

— Да, пожалуйста.

Женщина наполнила чашку и протянула ее Джерсену:

— Садитесь где вам будет удобно!

— Благодарю вас, — Джерсен сел.

Лета Гойнис (видимо, когда-то в молодости очень красивая женщина) осталась стоять. Ее черные волосы были коротко подстрижены, темные глаза смотрели прямо из-под черных бровей.

— В «Космополисе» не знают никакого Кирта Джерсена.

— По некоторым причинам там меня называют Генри Лукасом, специальным корреспондентом.

— Вы Брат Конгрегации?

— Больше нет. Когда я достиг одиннадцатой ступени, то обнаружил, что Конгрегация и я довольно часто не в ладах друг с другом.

Лета Гойнис слегка улыбнулась и кивнула:

— Итак?

Джерсен протянул ей конкурсную фотографию:

— Вы видели это? Она опубликована в «Экстанте».

— Раньше я ее не видела.

— Что вы можете сказать по этому поводу?

— В общем, ничего.

— Вы никого не узнаете?

— Никого.

— Это может быть Дексада. Этот джентльмен — Артемус Гадоуф. Он Триединый, что, как мне кажется, вы должны знать.

Лета Гойнис кивнула:

— Я никогда не встречала его.

— Это — Шаррод Ест... Диана де Трембаскал... Беатрис Атц, сто третья ступень... Ян Билферд... Вот этот джентльмен называет себя Спаркхаммером... Сабор

Видол, девяносто девятая ступень... Джон Грей... Гадоуф... Гизельман, сто шестая ступень... Робин Мартилетто... — Джерсен сделал паузу.

Лета Гойнис сказала:

— Здесь не вся Дексада. Три номера — пятый, шестой, седьмой, — возможно, имеют девяносто девятую ступень. В прошлом месяце мы потеряли Элмо Шуки... Этот банкет происходил, как мне кажется, по поводу присуждения кому-то девяносто девятой ступени.

— Присуждения не произошло. Все, кроме номера шесть, были отравлены чарни.

Лицо Леты Гойнис стало холодным и презрительным.

— Конгрегация обладает не только силой, но и очень гибкой структурой. Видимо, сработал регулировочный механизм.

— Нет, не все так просто. Номер шесть отравил всех остальных. Его имя — Говард Алан Трисонг.

Лета Гойнис уставилась на фотографию:

— Ужасно, конечно, но, похоже, это все-таки правда... Как он достиг девяносто девятой ступени?

— С помощью мошенничества, вымогательства, угроз и подхалимажа, так я думаю. Конечно, он никогда не проходил последовательно все ступени. Но есть гораздо более важный вопрос: кого из членов Дексады нет на снимке? Где они, эти отсутствующие?

Лета Гойнис холодно усмехнулась:

— После всего рассказанного вами...

— Правильно. Я могу быть одним из людей Трисонга.

— Или самим Трисонгом.

Джерсен протянул ей визитную карточку Джиана Аддельса:

— Позвоните этому человеку. Это местный бизнесмен с хорошей репутацией. Можете задать любые вопросы.

Лета Гойнис подошла к коммутатору:

— Сперва я узнаю кое у кого о самом Джиане Аддельсе.

Она разговаривала с кем-то, краем глаза следя за Джерсеном. Потом позвонила Джиану Аддельсу. После

некоторой паузы он ответил, недовольный тем, что прервали его сон.

Джерсен сказал ему:

— Эта дама — Лета Гойнис. Ответьте на все вопросы, которые она пожелает задать.

Лета Гойнис расспрашивала Аддельса минут пятнадцать, потом медленно отвернулась от коммутатора. К ней постепенно вернулись манеры, типичные для членов Конгрегации высших ступеней: спокойствие и безразличие ко всему, в том числе и личным удобствам.

— Аддельс дал вам великолепную характеристику. — Она задумчиво отхлебнула чай, потом заговорила: — Конгрегация игнорирует обычные социальные проблемы, даже таких преступников, как Говард Алан Трисонг... — Лета Гойнис обхватила пальцами свой подбородок. — Я расскажу вам то, что вас интересует. Трех из Дексады нет на фотографии. Это Братья, достигшие сто первой, сто второй и сто седьмой ступеней. Смерть Брата сто седьмой ступени — причина собрания. Брат сто первой ступени живет отшельником на Бонифейсе, в месте, называемом Атмор-Виолет, в самой дикой части, в Беспорядочном Мире. Его зовут Двиддион, и он теперь наш Троединый, хотя, может быть, сам не знает этого, так как ни с кем не общается.

— А где Брат сто второй ступени?

Лета Гойнис как-то странно засмеялась:

— Его звали Бенджамин Рзук. Он утонул в море Шанара. На прошлой неделе его тело нашли на побережье неподалеку от Дикого Острова.

Глава 8

...Три внутренние планеты — Падраик, Мона, Ноаилл — представляют собой миры из шлака и опаленного камня, миры, затерянные в сверткании Великой Белой Звезды. Ноаилл, всегда занимающий одно и то же положение по отношению к Веге, знаменит дождями из жидкой ртути, идущими на темной стороне. Ртуть стекает на рас-

каленную сторону планеты, испаряется и возвращается на темную сторону.

Обитаемые планеты: Элойз, Бонифейс, Катберт. Катберт — влажный и заболоченный мир; для жизни пригодны всего несколько районов. Из-за обилия насекомых получил прозвище «Рай охотников за насекомыми».

Элойз занимает следующую орбиту. Там более умеренные температура и влажность. Это самая заселенная среди планет Веги.

В ранней истории Элойза важную роль сыграло соперничество между религиозными сектами, сильно повлиявшее на ее развитие и сохранившееся до настоящего в несколько измененном виде: жители одной провинции подозрительно относятся к жителям другой. Города Понтифракт, Нью-Вэксфорд, Ео — космополисы...

Бонифейс, самый большой из обитаемых миров, мрачный, сырой — карикатура на два предыдущих. В океанах свирепствуют ужасные штормы, материки имеют экстравагантную топографию: широкие равнины, открытые дождю и ветрам; горы, пещеры, отроги, бездны; широкие реки, текущие от моря к морю. Тут и там разбросаны поселения, хотя условия для жизни хорошими назвать нельзя.

С самых давних времен население Элойза использовало Бонифейс как каторгу и место ссылки атеистов, неисправимых и безнадёжных преступников с других планет Веги.

Прибывших в порт Суовен осужденных отправляли на работы под руководством Ордена Святого Джедазиаса. Некий аббат Наат под впечатлением божественного откровения разработал инструкцию для нового режима, которого должны придерживаться вновь прибывающие, чтобы лучше подготовиться к условиям жизни на Бонифейсе.

Многих поселенцев подвергли генетическому разрушению и последующему восстановлению, но все же большинство мутантов возникло более или менее случайно, они составили одну из редких разновидностей людей, заселивших Вселенную, — фоджо. Типичный фоджо — высокий, с худыми руками и ногами, большими кистями и ступнями, тяжелыми чертами лица и удивительными белыми перьями вместо волос. Фоджо, ставшие аборигенами Бонифейса, поселились в самых укромных уголках этого сурового мира.

В нескольких маленьких городках — Слеймене, Кашел-Криари, Нагутти, Кау-Дуне, Фидлтауне — обыкновенные люди, управляющие магазинами и агентствами, оказывали фоджо различные услуги, однако и те, и другие испытывали взаимную неприязнь.

Орден Святого Джедазиаза давно не существует, но по никому не понятным причинам фоджо придерживаются джедазианского вероучения, и в каждой маленькой деревушке фоджо всегда есть площадь с церковью Святого Джедазиаза.

«Путеводитель по звездам для всех». Вега. Альфа Лирь

* * *

Время неожиданно побежало очень быстро: Двиддион-отшельник, новый Триединый, несомненно, станет следующей жертвой Говарда Алана Трисонга. Джерсен ринулся в космопорт, поднялся на борт своего «Крылатого Призрака» и покинул Элойз.

Автопилот провел корабль мимо Веги, направляясь к Бонифейсу, находившемуся сейчас с Элойзом в противофазе. Бонифейс — примитивный мир, где не было сокровищ и никто не грабил, не воровал и не похищал. Джерсен уверенно направил свой корабль к сине-черно-белому диску.

Джерсен изучил «Путеводитель по планетам Веги», но обнаружил только одно, да и то неопределенное упоминание об Атмор-Виолете. Горная цепь Скаж пересекала по диагонали район, называемый Пятном Мира посреди континента Святого Кродекера. Среди южных отрогов Скажа протекала река Меут. Там, в долине Меут, Джерсен отметил город Поулдулли, где и надеялся получить необходимые сведения.

На поверхности Бонифейса, затянутого облаками, ничего не было видно, и Джерсену пришлось ориентироваться с помощью локатора. Он вычислил координаты города Поулдулли и вошел в плотную атмосферу.

Небо над долиной Меут оказалось чистым. Джерсен увидел Поулдулли — беспорядочные груды камней ря-

дом с воитчем* — и начал по спирали спускаться, а потом посадил «Крылатый Призрак» на мокром лугу в четверти мили к востоку от города.

Было около полудня. Джерсен вышел из корабля. Сырой холодный ветер принес запах грязи и гниющих растений.

Со стороны города приближалась дюжина долговязых подростков. Один, покрупнее остальных, оттолкнул другого, поменьше, в сторону. Маленький стал ругаться и поставил ножку большому... Все они были одеты в грязные, когда-то белые, длинные, подпоясанные кушаками блузы, которые во время бега открывали бледные ноги и шишковатые колени. Головы подростков были узкими, черты лица — грубыми и уродливыми. На макушке у каждого рос пук жестких белых перьев. Первый из них остановился в двух футах от Джерсена и закричал:

— Я страж! Я здесь главный. Остальные — мои подчиненные, ошметки. Ничто. Я Киак. Мне причитается гаутч.

— Гаутч? — спросил Джерсен. — А что это?

— Плата. Я согласен на пять севов или на пять книжек с картинками.

Остальные быстро заговорили:

— Дай ему книги! Хорошие книги с буферниками! Да-а-а!

— Буферники? А это что такое?

Вопрос вызвал у мальчишек приступ бешеного хохота. Киак вытер губы и воскликнул:

— Буферники? Это такие с круглыми телами и всем без одежды. Да-а-а! Буферники красивые!

— Понятно, — кивнул Джерсен. — А предположим, я не заплачу денег и картинок с обнаженными буферниками тоже не дам? Что тогда?

* Воитч — простой организм, сравнимый с гигантским лишайником. Напоминает черный мат футов десяти толщиной, опирающийся на рыжевато-коричневые или бледно-серые стебли пятидесятифутовой высоты. Большая часть воитчей ядовита, другие — хищные и насекомоядные. Самые лучшие образцы снабжают людей пищей, волокном, лекарствами и дают им кров. (Примечание автора.)

— Тогда они загадят кристаллы фербератора и помочатся на твои воздухозаборники. Заплати, и я их прогоню.

Джерсен заинтересовался:

— Как ты можешь управлять таким числом ошметков?

— Они знают. Каккинз, расскажи, что я делаю.

— Поверь, меня колошматили, как твитла. А потом он еще может засунуть мою голову мне же в задницу. Он умеет это делать.

Джерсен кивнул:

— Ладно, Киак. Я вижу, ты знаешь свое дело. Думаю, у меня кое-что найдется. Обойди корабль и загляни в трюм — там все для таких парней, как ты.

— И что? — спросил самый маленький. — Там есть приятные вещи?

— Как насчет книжек с буферниками? — поинтересовался Джерсен. — Их там много... И все с грубыми непристойностями.

— Вот это разговор! — воскликнул Киак. — Дай посмотреть!

— Сюда, — Джерсен поднялся на корабль.

За ним по пятам следовали аборигены. Джерсен открыл люк грузового отсека и указал на Киака:

— Первым пойдешь ты. Только поторапливайся. У меня мало времени.

Киак скрылся в отсеке. За ним последовали остальные. Джерсен остался снаружи.

— Здесь темно! — закричал Киак. — Включи свет! Покажи нам буферников!

— Широкий зад, большое вымя!

Джерсен нажал кнопку. В трюме зажегся свет. Там было совершенно пусто.

— Эй! — позвал Киак. — Здесь же ничего нет.

Джерсен усмехнулся:

— Кроме выводка молодых бездельников. Сейчас я уйду по делам и закрываю вас здесь. Если будете безобразничать, я увезу вас в горы и выброшу там. Тогда

вам к обеду домой не вернуться. Так что ведите себя примерно.

Джерсен закрыл и запер люк, а потом пошел через мокрый луг и вскоре обнаружил тропинку, идущую вдоль дренажной канавы, наполненной фуксиновой грязью.

Добравшись до окраины городка, Джерсен подошел к маленькому домику, стоявшему на толстых сваях. У крыльца на корточках сидел пожилой человек и занимался странным делом: вынимал из мешка камни и раскладывал их на три кучки.

Джерсен окликнул его:

— Эй! Вы не могли бы сказать мне, где Атмор-Виолет? Я не могу найти его на карте.

Старик только отодвинулся в тень. Думая, что тот не слышит, Джерсен подошел поближе. Старик прикрыл камни тряпкой и, покачавшись на длинных ногах, как паук, заполз в какую-то щель под домом.

Джерсен пошел по дорожке к другому домику, несколько более основательному, с черными солнечными батареями на крыше, которые едва можно было разглядеть из-за многочисленных религиозных фетишей. В воротах, пробитых в низкой стене, стоял человек в высокой конической шляпе.

Джерсен приблизился и привычно поздоровался:

— Добрый день, сэр.

— Да, да, — ответил фоджо, важно растягивая слова. Джерсен показал рукой на дом, мимо которого только что прошел.

— Отчего старик спрятался?

Фоджо захихикал:

— Он шахтер, разве не ясно? Он перебирал свою добычу — куски руды. Загляните под дом и увидите, как светятся в темноте его глаза. Он носит було-бу. Если бы вы прикоснулись к его руде, он бы оторвал вам голову и отрезал уши.

— Я только спросил, где находится Атмор-Виолет? На моей карте он не указан.

— Естественно. Там Бугардоиг добывает александриты!

— Меня не интересуют александриты. Мне нужно найти человека, который живет неподалеку оттуда. Вы можете показать мне это место?

Фоджо махнул рукой в сторону города:

— Бугардоига и спросите.

— Я тороплюсь. Не хочу терять время.

— Все очень просто: он сам найдет вас, как только обнаружит ваш корабль на своем заливном луту. Это произойдет очень скоро.

— А вы не хотите заработать сотню севов? Помогите мне найти моего друга.

— Как вы сказали: около Атмор-Виолета? Это не отшельник из Воймонта?

— Он нелюдим. Верно.

— Атмор-Виолет и Воймонт — опасные места. А все из-за шахт Бугардоига.

Из дома раздался хриплый голос:

— Возьми деньги, Липполд. Помогите ему. Это же так просто.

Липполд не поблагодарил за совет. Казалось, он потерял всякий интерес к Джерсену и устался в никуда. Небо очистилось от облаков, и Вега лила ослепительный яркий свет на ставший сразу не таким уж и угрюмым ландшафт. Горы за Поулдулли стали сине-черными, луга — лиловыми и сине-зелеными. Вдруг облака сомкнулись, как ловушка, свет Веги исчез. Липполд стоял неподвижно, зачарованный внезапно возникшим и столь же внезапно исчезнувшим великолепием. Джерсен повернулся и пошел к городу — беспорядочно разбросанным каменным хижинам, конюшням, дюжине магазинов, агентствам и тавернам. В центре этого шального беспорядка стояла церковь Святого Джедазиаса.

На небе столкнулись два облачных фронта: с востока и с запада. Облака закружились и потемнели, пошел дождь. Джерсен обернулся и посмотрел через плечо: Липполд, не замечая дождя, по-прежнему стоял неподвижно.

Джерсен поспешил в город и спрятался под навесом. Только таверна напротив, казалось, работала в это время.

Джерсен подождал пару минут. Дождь продолжал лить. Серые капли падали на землю, мгновенно превращаясь в светлые брызги. Показались высокие аборигены, которые, перебравшись через канаву, устремились к таверне. У дверей они задержались, встряхиваясь и выжимая воду из одежды. Потом вошли. На минуту дождь прекратился. Пользуясь затишьем, Джерсен перебежал улицу и тоже вошел в таверну — длинный зал со стойкой по одну сторону и столами и скамьями по другую. Высокие окна с пластинами желтой слюды вместо стекол пропускали унылый свет. За столами сидели несколько фоджо, держащих в руках чашки подогретого ликера. Едкий запах горячего варева, смешанный с кислым запахом влажных одежд и невымытых тел, ударил в ноздри.

Когда Джерсен вошел в зал, все посетители замерли и повернули головы в его сторону. Множество молочно-голубых глаз уставились на него. На всех были точно такие же шляпы, как те, что висели на шестах, укрепленных рядом с каждым столом. Джерсен вежливо кивнул всем и подошел к стойке. Бармен, который стоял, скрестив на животе большие руки, спросил:

— Что вам угодно?

— Мне нужно поговорить с человеком по имени Бугардоиг, — сказал Джерсен. — Где мне найти его?

— Алоиза Бугардоига здесь нет, а что вам от него надо? Почему вы не носите шляпы? У вас ужасные манеры.

— Простите, но у меня нет шляпы.

— Не имеет значения, тем более, настоящая шляпа закроет вам всю физиономию. А это кто еще там?

В таверну вошел толстый и грязный человек с заплавленными бледно-голубыми глазами и румяными, как яблоки, щеками. Он подошел к ближайшему шесту, снял с него шляпу и ловким движением нахлобучил ее на голову. Джерсен повернулся к бармену:

— Это Бугардоиг?

— Ха-ха! Право, смешно! Если б я был Бугардоигом, то не на шутку разъярился бы. Это Лука Холопп, специа-

лист по городским помойкам. Посмотрите на его руки! Они, конечно, сильные, но до Бугардоига ему далеко. Что будете пить? Вам нравится наш кипящий твирпс?

— А что вы еще можете предложить?

— Очень немного. Нас вполне устраивает твирпс. А вы что, нос воротите от него?

— Никогда, — ответил Джерсен. — Будьте добры, дайте мне порцию.

— Превосходно! Джоко! Порцию твирпса для чужеземца. А сейчас, поскольку я уже начал заботиться о вас, позвольте привести вас в божеский вид. — Бармен набил бумаги в грязную, засаленную шляпу и, водрузив ее на голову Джерсену, надвинул до бровей так, что шляпа сначала перекосилась на одну сторону, а потом на другую. — М-да... Сидит не очень, — подметил бармен. — Но лучше, чем было раньше. Особенно если вы собираетесь разговаривать с Алоизом Бугардоигом, который на редкость придирчив к мелочам. Например, он никогда не бранится в Святой день, чтобы никого не обидеть. Можете поверить. Правда, некоторые утверждают, что в остальные дни он ругается так, что... Ах, кто там?

В таверну вошел фоджо с огромной, выпуклой, похожей на бочку грудью и лицом грубым и помятым, как древесный гриб. Джерсен спросил:

— Это Бугардоиг?

— Ни в коем случае. Это Ширмис Поддл. Ширмис, что тебе? Как обычно?

— Да. Все равно больше ничего нет. Удивляюсь, где этот Бугардоиг?! Пусть только явится! Я его прихлопну! Я ему наставлю синяков!

Бармен принес кувшин обильно сдобренного специями твирпса.

— пей и наслаждайся, Ширмис. Сегодня ты что-то неспокоен.

— Может, Бугардоиг встретил кого-то по пути? Черт побери, когда-нибудь это кончится?

— Только Око Всевышнего знает. Тише. Слышишь? Не Бугардоиг ли тебя зовет?

Ширмис оглянулся на дверь:

— Это всего лишь удары грома. Хотя...— Он поднял кувшин и сделал большой глоток.— Ты разбередил мне душу. Пойду-ка туда, где поспокойнее.

Бармен оглядел зал и грустно покачал головой:

— Страх — дело темное, но все-таки его можно понять. Отчего у него ноги трясутся: от грома или от предстоящей встречи с Бугардоигом?

В таверну вошел еще один фоджо, заслонив дверной проем. Гора мощных накачанных мускулов. Казалось, шея у него шире головы. Рот напоминал глубокую рану, а нос — выступающий хрящ.

Джерсен посмотрел на бармена:

— А этот?..

— Да, Бугардоиг. И похоже, он сильно возбужден. Кто-то ему не угодил. Это может плохо кончиться. Ваша шляпа сидит нормально?

— Надеюсь. Что он пьет?

— Что и все, только намного больше.

— Принесите две порции.— Джерсен повернулся к Бугардоигу.

Тот мрачно оглядывал зал. Повернувшись к стойке, он заметил Джерсена и состроил жуткую гримасу.

— Что это за горилла в кривой шляпе?

— Друг из Понтифракта просил меня найти вас, сказав, что я могу посадить корабль на вашем заливном луту, ибо вы очень великодушны. Между прочим, я заказал для вас две порции выпивки.

Бугардоиг поднял кружку правой рукой, осушил ее, взял другую левой, опорожнил ее с такой же легкостью и поставил обратно на стойку.

— А теперь к делу. Я не делаю исключений ни для кого, поэтому заплати мне прямо сейчас сотню севов за испорченный луг, беспокойство и аренду на месяц вперед.

— Сначала обсудим более важное дело,— сказал Джерсен.— Вы можете уделить мне несколько часов?

— Зачем?

— Вы не останетесь внакладе.

— Объясни.

— Возле Агмор-Виолета живет один человек, которого мне надо как можно быстрее увидеть.

— Сумасшедший отшельник из Воймонта?

— Он вовсе не сумасшедший, — возразил Джерсен. — Он рекомендовал мне вас как знающего окрестности, и в частности Воймонт, лучше всех, так как поблизости находятся ваши владения.

Бугардоиг расхохотался:

— Не настолько близко, чтобы я рисковал своей шкурой в Воймонте. Заплати мне долг и отправляйся в Воймонт один. Но если приблизишься к Агмор-Виолету, я сильно разозлюсь.

Джерсен медленно кивнул:

— Хорошо. Пойдем к моему кораблю. Я не ношу денег с собой.

Бугардоиг нахмурился:

— И я должен мокнуть под дождем из-за того, что ты как последний дурак не взял деньги?

— Дело ваше, — пожал плечами Джерсен. — Тогда ждите здесь. Я схожу за деньгами.

— Ха! — взревел Бугардоиг. — Я не дам тебе надуть меня! Пойдем, раз ты так настаиваешь. Дорога к кораблю обойдется в лишние десять севов.

— Секундочку! — заорал бармен. — Я бы хотел получить свои три куска* за напиток!

Джерсен положил монету на стойку и жестом позвал Бугардоига:

— Поспешим, пока снова не пошел дождь.

Бугардоиг проворчал что-то себе под нос, но последовал за Джерсеном. Они возвращались по тропинке мимо коттеджа, около которого по-прежнему стоял Липпод, мимо хижины шахтера, которого нигде не было видно, вышли на заливной луг Бугардоига и приблизились к «Крылатому Призраку». Джерсен сказал Бугардоигу:

* Монета достоинством $\frac{3}{4}$ сева. (Примечание автора.)

— Подождите здесь. Я поднимусь на борт и принесу деньги.

— Не трать попусту время! — рявкнул Бугардоиг. — Открывай! Тебе не удастся ускользнуть, пока я не получу все, что мне причитается!

— Фоджо — очень подозрительный народ, — заметил Джерсен, опуская лестницу и открывая люк.

Бугардоиг следовал за ним по пятам.

— Сюда, — позвал Джерсен, вошел в рубку и открыл еще один люк. — Проходите.

Бугардоиг резко протиснулся вперед и попал в грузовой отсек. Джерсен захлопнул люк и защелкнул замок. Фоджо слишком поздно понял свою ошибку и бросился назад. Джерсен приложил ухо к люку и прислушался к доносившимся из-за переборки голосам. Потом, улыбаясь, прошел к пульту управления, поднял корабль в воздух и полетел прочь из долины Меуг. Внизу текла река, извиваясь, словно серебристая змея, между террасами, засаженными различными сортами овощей, серыми кустами гоитера, лиловыми воитчерами, бледно-зелеными восковыми растениями, черными деревьями смута. Минареты розовых и желтых кораллов поднимались вверх на сотни футов, ядовитые испарения наполняли воздух удивительным мускусным запахом.

Пролетев десять миль, Джерсен посадил корабль посреди луга, заросшего серебристой травой, вышел из корабля, подошел к грузовому отсеку, открыл наружный люк, приставил лестницу и позвал:

— Киак! Киак! Отзовись!

Угрюмый голос ответил:

— Чего надо?

— Много вы там нагадили?

Короткая пауза, потом высокий голос, переходящий в фальцет, ответил:

— Я лично нисколько.

— Киак! Слушай внимательно. Повторяю, очень внимательно. Я сейчас собираюсь выпустить твое отродье на поле. Всех, кроме тебя. Потом мы осмотрим грузо-

вой отсек. Если что-нибудь мне не понравится, я увезу тебя на две сотни миль в горы. Там ты в одиночестве будешь драить отсек, пока он не заблестит и не начнет благоухать, как розы Кева. Потом мы расстанемся.

Голос Киака задрожал:

— Договорились. Я заметил кое-что вот здесь и там...

— Лучше вычистить все сейчас, пока вас много и ты близко от дома.

— Чистить-то нечем.

— На лугу есть вода, а вместо тряпок возьмите свои рубашки.

Киак отдал несколько коротких приказов. Мальчишки как горох высыпали на луг. Затем показалась пара массивных ног, мощный торс, и наконец весь Алоиз Бугардоиг вылез из люка. Остановившись на верхней ступеньке лестницы, он уставился на Джерсена. На его скулах ходили желваки, рот напоминал гигантский алый полип. Медленно расправив плечи, он двинулся к Джерсену, но тот достал лучемер и провел огненную черту чуть ли не по носкам Бугардоига.

— Не раздражай меня,— сказал Джерсен.— Я тороплюсь.

Бугардоиг отступил на шаг. Его лицо покраснело, он насунился. Джерсен махнул оружием в сторону Киака:

— Поторопись! Помнишь, как быстро ты со своей оравой прибежал из города, когда увидел мой корабль?

Через полчаса Джерсен поднял «Крылатый Призрак» в воздух, оставив на лугу растерянную стайку голых мальчишек, изумленно смотревших вслед звездолету. Когда Джерсен глянул вниз, они резко повернулись и, прижав локти, побежали по равнине.

Бугардоиг сидел, связанный веревкой. На скулах его играли желваки, а глаза казались щелками, трещинами в голубом леднике. Смирение явно не было отличительной чертой его характера.

Джерсен поднял корабль высоко над облаками и повернулся к Бугардоигу:

— Вы знакомы с Двиддионом?

— Конечно, я его знаю. Он живет за Воймонтом, если двигаться от Атмор-Виолета. Разве я не говорил, что он сумасшедший?

— Сумасшедший или нет, но мы увезем его из Воймонта, иначе его убьют.

— Разве это важно?

— Очень. Итак, где Воймонт?

— Там, за Скажем.

— Ориентиры?

Бугардоиг раздраженно застонал:

— Сколько неприятностей из-за чертова старика... А если я откажусь принимать во всем этом участие?

— Тогда тебе конец! — Джерсен развязал пленника и недвусмысленно взялся за оружие.

Бугардоиг заставил себя подняться и выглянуть в иллюминатор.

— Держи на запад и на «грудь слеш»*, к северу. Воймонт лежит за теми тремя острыми пиками. Видишь черную тень? Это Притц. Между ним и Воймонтом находится Ари-Галч. Видишь «дьявольский свет»? Это такое сверхъестественное сияние, которое бывает только над Притцем.

Джерсен поднял звездолет еще выше и перелетел утрюмые черные горы и внушающие благоговение трещины и пропасти. На западе маячил Притц. Яркие вспышки стали отчетливо видны.

Беспорядочная горная цепь осталась внизу. Бугардоиг перечислял названия:

— Шагтет... Зуб Морни, а вон там Атмор-Виолет... Ханкертаун-Трабл с месторождениями палладия... Гора Лукаста, а там исток реки Бледная Нога... Воймонт...

«Крылатый Призрак» пролетел над невероятно глубоким ущельем с серебряной ниткой воды на самом дне.

— Под нами Ари-Галч, — сказал Бугардоиг.

* «Слеш» на языке фоджо означает «девочка подросткового возраста». «Грудь слеш» — жаргонное «немного в сторону». (Примечание автора.)

Корабль застыл на мгновение, а потом медленно снизился. Со стороны Притца сквозь облака пробивались вспышки света. Джерсен строго спросил:

— Где Двиддион?

— Внизу, в старом Ари... Вон там, на выступе, где только безумец и может жить.

Джерсен подвел корабль ближе к Воймонту, борясь с порывами ветра.

Бутардоиг указал пальцем с красными суставами куда-то вниз:

— Вот дом Двиддиона. Теперь, как я понимаю, больше я тебе не нужен. Отвези меня назад в Поулдулли.

— Придется подождать, пока я не удостоверюсь, что Двиддион здесь.

— Ба,— проворчал Бутардоиг.— У меня возникла соблазнительная мысль, наплевав на твое оружие, треснуть тебя по башке кулаком.

— Успокойся,— сказал Джерсен.— Задержишься не надолго. Чем быстрее мы все сделаем, тем лучше.

«Призрак» подплыл ближе к горному склону. Дом Двиддиона оказался простейшим кубом из камней и стекла, надежно прилепившимся к выступу скалы. К середине выступ расширился и был специально загроможден огромными валунами, образующими сначала виадук в сто футов длиной, а потом небольшую площадку — место открытое и незащищенное от нескромных взглядов. К югу от дома выступ переходил в тропинку, ведущую к расселине. Там стоял небольшой летательный аппарат, а дальше — наполовину ушедшее в землю сооружение, которое Джерсен принял за мастерскую. Площадка была укромной и незаметной. Джерсен подвел корабль поближе и собрался садиться позади аппарата Двиддиона.

Бутардоиг принялся критиковать выбранное место для посадки:

— Ты что, в самом деле дурной? Лучше сесть возле дома. Эта площадка намного хуже. Неужели не видишь?

Джерсен спокойно ответил:

— Один человек собирается убить Двиддиона, и я не хочу, чтобы он знал, что я здесь.

Бугардоиг громко фыркнул.

Джерсен открыл люк.

— Я не оставляю тебя возле пульта управления,— сказал он Бугардоигу.— Мало ли что... Пойдешь со мной.

Бугардоиг замахал огромными ручищами:

— Я останусь!

— Делай что тебе говорят! — приказал Джерсен.—
Время дорого.

— Для идиота любое потраченное время можно считать потерянным,— парировал Бугардоиг.— Иди один.

— Тогда отправишься в грузовой отсек.

— Нет.

Джерсен вытянул руки:

— Посмотри сюда.— Он напряг мышцы правой руки, и на его ладони, как по волшебству, появился лучемер.— А знаешь, что я еще могу сделать? — В левой руке оказалось сложное оружие, известное под названием дедактор.— Это тебе знакомо? Нет? Оно стреляет тремя видами стеклянных игл. Самая слабая вызывает зуд, который не проходит три недели. Выпущу десять игл, если ты сейчас же не покинешь салон.

— Ладно, убедил,— согласился Бугардоиг. Он тяжело вздохнул, рыгнул и спустился на землю.— Пойду посмотрю на твои трюки.

Джерсен взглянул на небо:

— Надо торопиться.

Дверь в дом Двиддиона оказалась полуоткрытой. В тени стоял высокий худой мужчина. Он сделал шаг вперед, и стали различимы черты его лица: высокий лоб с залысинами, пепельные волосы, черные глубоко запавшие глаза, впалые щеки, изящно обрисованный подбородок. Лицо, выдающее огромный интеллект и суровый нрав. Он строго смотрел на непрошенных гостей.

Джерсен остановился:

— Вы Двиддион?

— Да,— ответил мужчина глубоким голосом.— Я выбрал это место, так как стремлюсь к одиночеству.

— Смерть — тоже одиночество. Вы должны выслушать меня внимательно, поскольку у нас очень мало вре-

мени. Я Кирт Джерсен, а это Алоиз Бутардоиг, господин из Поулдулли, согласившийся проводить меня сюда.

— Зачем?

Джерсен снова посмотрел на небо и увидел только низкие облака. Ветер завывал в расщелинах и осыпал людей полузамерзшими каплями дождя. Двиддион вскрикнул и исчез в доме. Джерсен и Бутардоиг последовали за ним.

Они попали прямо в главную комнату дома. Джерсена поразили строгие пропорции, нейтральные цвета, очень удобная мебель без излишеств. Комната производила странное впечатление. Она, видимо, отражала взгляд Двиддиона на жизнь, а может, просто у отшельника была еще одна комната с большими окнами, через которые он любовался открывающимся видом: расселиной, где властвовали ветры и туманы, Притцем и непрекращающейся игрой пурпурно-белого света.

Двиддион холодно спросил:

— Могу ли я наконец узнать причину вашего вторжения?

— Конечно. Вам известно о недавнем собрании Дексады на Диком Острове?

— Да. Я предпочел не посещать его.

Джерсен протянул ему фотографию:

— Вы знаете этих людей?

— Конечно.

— А этого человека?

— Да. Сайлас Спаркхаммер. Девяносто девятая ступень. Я считаю его умным, но неуравновешенным, спонтанно принимающим решения, крайне изобретательным и совершенно неподходящим для Дексады.

— Полностью согласен, — кивнул Джерсен. — Кстати, его зовут Говард Алан Трисонг. Он отравил с помощью чарни Триединого и всю Дексаду, кроме двоих: Бенджамина Рэука, которого утопил, и вас, нового Триединого. После вашей смерти Триединым станет Трисонг. Сейчас он летит сюда, чтобы убить вас.

Двиддион застыл, переводя взгляд с фотографии на Джерсена.

— Они все мертвы?

— Все.

— Хм-м... Невероятно.

— Не сомневайтесь. Хотя, понимаю, новость может шокировать. Но нельзя больше терять ни минуты. Вы полетите с нами...— Джерсен показал на дверь.

Двиддион отступил:

— Почему я должен вам верить? Где доказательства? Я не могу поступить столь необдуманно... Кто вы?

— Я все расскажу, как только мы улетим отсюда. А теперь пойдете.

Отшельник покачал головой:

— Нет, ни в коем случае. Это явная истерия. Я не могу...

Джерсен сделал знак Бугардоигу:

— Возьми этого парня и вынеси отсюда.

Если спасти Двиддиона и увезти его на «Крылатом Призраке», то можно устроить засаду на Говарда Трисонга. Если повезет, все будет сделано за один день.

Бугардоиг подмигнул и шагнул к Двиддиону, который замахал кулаками и закричал срывающимся голосом:

— Отойди!

Бугардоиг зарычал от злости, схватил отшельника, поднял его, положил себе на плечо и посмотрел на Джерсена:

— А что теперь? Мне надоела эта ерунда.

Джерсен открыл дверь:

— Неси его на корабль, и побыстрее. Хотя, я согласен, это неблагоприятная работа.

Бугардоиг двинулся вдоль уступа, Джерсен шел сзади. Вдруг Бугардоиг замер.

К дому отшельника направлялись три человека. Они тоже резко остановились. Человек слева был одет в черный бархатный комбинезон. На его круглом бледном лице выделялся нос, искусно украшенный золотой филигранью. В центре стоял Говард Алан Трисонг в зеленых брюках, сливово-красном пиджаке, развевающимся чер-

ном плаще и черной шляпе. Справа замер чернокожий мужчина с черной бородой.

— Ух ты! — весело крикнул Трисонг. — Что здесь происходит?

Джерсен поднял лучемет, прицелился в Трисонга. Стараясь не задеть стоящего перед ним Бугардоига, немного отклонился в сторону и нажал на курок.

Луч ударил в бедро Трисонга, который тотчас же бросился на землю. Его длинный плащ взметнулся, как крыло птицы. Джерсен опустился на колено и выстрелил снова, но Трисонг, разноголосо вопя от боли, проскользнул к краю виадука и залег между валунами.

Джерсен выстрелил в чернокожего и убил его, прежде чем тот успел поднять оружие. Золотоносый бросился на землю и тоже выстрелил, попав в могучую шею Бугардоига. Туземец покачнулся, как спиленное дерево, и рухнул на Двиддиона, который, почувствовав свободу, сразу пополз прочь. Из раны фоджо фонтаном била кровь.

Джерсен снова выстрелил. Золотоносый дернулся, скрючился и закрутился на краю виадука. Джерсен пригнулся, наблюдая за происходящим. Трисонг замолчал. Джерсен пробежал несколько шагов и заглянул за выступ скалы, надеясь разглядеть его, но, кроме валунов, ничего не было видно.

Джерсен побежал по виадуку. Краем глаза он заметил какое-то движение и тут же упал плашмя. Пуля просвистела в футе над его головой. Джерсен открыл огонь из лучемета. Осколки скалы брызнули на голову и шею золотоносого, тот завопил от боли, потерял опору и соскользнул вниз. Джерсен удовлетворенно пронаблюдал, как его враг, крутясь и пытаясь ухватиться за выступы, пролетел вдоль отвесной скалы и исчез во тьме ущелья.

Когда Джерсен поднял голову, он увидел, как уносится в небо маленький аппарат. Говард Алан Трисонг не прятался в валунах. Он пополз между камнями к своей машине.

Секунд десять Джерсен смотрел вслед скрывшемуся преступнику. Трисонг был так близко... Все планы и

военные хитрости оказались напрасными. Бедный Бугардоиг истек кровью. Джерсен повернулся к Двиддиону, который стоял в стороне, печально глядя на Джерсена.

— Ступайте на мой корабль,— грубо сказал Джерсен.— Мы сейчас же должны покинуть это место.

— Не вижу причины...

Джерсен стиснул зубы, подавив ярость и обиду, и глубоко вздохнул, прежде чем заговорил:

— Это был Говард Алан Трисонг. Он прилетел убить вас. Вы видели ялик?.. Где-то неподалеку сейчас находится корабль. Возможно, Трисонг уже поднимается на его борт. Как только он попадет на корабль, он уничтожит ваш дом, а заодно и нас, если мы будем ждать его тут по вашей милости.

Двиддион пожал плечами, словно обреченный, но больше не протестовал. «Крылатый Призрак» поднялся в небо и полетел на запад. Чуть в стороне, прорвав облака, устремилась вниз черная тень.

— Вот его корабль. Он торопится.

— Ничего не понимаю,— пробормотал Двиддион.— Возмутительно, что меня, который искал только уединения, побеспокоили, заставили...

— Печально,— кивнул Джерсен.— И все-таки, если это хоть как-то утешит вас, мы нарушили планы Трисонга и ранили его в ногу.

— Какие планы?

— Я же сказал... После вашей смерти он бы стал Триединым. Он уже пытался проделать подобный фокус с МПКК и потерпел неудачу, а вот этот путь все еще открыт для него. Он руководит преступной деятельностью почти на всех обитаемых планетах. В этом источник его силы. За десять лет он мог бы стать Императором Ойкумены.

— Хм... Когда мы прибудем в Понтифракт, тут же назначу новую Дексаду. Этот человек — маньяк!

— Именно так.— Джерсен вспомнил крик Говарда Трисонга — многоголосный крик боли.— Он странный человек. Это точно.

Глава 9

До конца жизни Джерсена преследовали воспоминания, связанные с Двиддином и Воймонтом, заслонявшие своими яркими образами все остальное.

Во-первых, сам Притц, окруженный тысячами ужасных сверкающих молний, и Ари-Галч, открытый ветрам и молниям.

Во-вторых, труп Бугардоига. Лицо туземца, полное удивления, залитое кровью...

Третье воспоминание, странное и удивительное,— многоголосый крик и угрозы, исторгнутые Говардом Трисонгом, когда тот лежал среди валунов: «...Такая боль!.. Не важно, не важно... Эта бешеная собака... кто знает его?.. Я не знаю!.. И я не знаю!.. Достаточно!.. Мьюнес Зеленый!..»

«Крылатый Призрак» вышел за пределы атмосферы и лег на обратный курс. Двиддион сидел в оцепенении, полный обиды, рот его кривился, лицо было мрачным. Постепенно он начал бросать долгие взгляды на Джерсена, но тот молчал, тоже погруженный в тяжелые думы.

Наконец Двиддион нарушил тишину. Голосом, исполненным царственного величия, он произнес:

— Мне было бы интересно узнать, почему вы вмешались в это дело.

— Здесь нет большого секрета,— ответил Джерсен.— У меня аллергия на Трисонга. Все очень просто.

Двиддион скорчил гримасу:

— Аллергия, да? Очевидно, вас серьезно обидели... Ладно, не важно. Я должен быть благодарен вам.

— Может, и так.

— Значит, вы согласны? Тогда разрешите мне официально поблагодарить вас, выразить свою признательность... Я пробыл один слишком долго. Сейчас, когда Дексада уничтожена, у меня нет больше причин для одиночества. Тайна Конгрегации теперь известна только мне.— Двиддион некоторое время сидел, размышляя и разминая свои длинные пальцы. А потом, вновь начав говорить, уже не мог остановиться:

— Вы, наверное, удивлены, почему я выбрал жизнь отшельника. Ответ простой — от горечи и разочарова-

ния. Да, если хотите, я знаю тайну Конгрегации. Возможно, я был неопытным, возможно, наивным, но никто не мог упрекнуть меня в недостатке рвения. Еще никогда мир не видел такого суотсмена*. Очень рано меня начали называть «примером для подражания», несмотря на мое «благородство и легкость». Я проводил все свое время в поездках и пеших путешествиях, облетел тысячи планет, посетил бесчисленное множество мест. Чего только не видел! Беренская, Котоп, Длинные Холмы, Старый Дом и Прерия, Зеленая Звезда, Поддержы на Паддер-Далахе. Я обошел их все! Я сидел в тюрьме в Клоди на Марскенах; я был жителем Суартермана в Васконцеллах. Может быть, вы помните крестовый поход против электрических мутантов возле Миры, на южном континенте Альфанора? Как он называется?

— Транс-Искана.

— Вы помните крестовый поход?

— Нет.

— Я возглавил колонны! Мы делали великие дела. Правда, не обошлось без страданий. О! Когда я вспоминаю тот тяжелый поход, жару, насмешки и оскорбления, не говоря уж о насекомых, ползучих гадах и боевых жуках!.. Но мы дошли до Катлсбери и выиграли день... Как давно это было! И вдруг я получаю пятидесятую ступень, потом шестидесятую! Я работал офицером связи на Писе и Бинере в Нью-Горчеруме. Имел дело с Лигой Естественных Джунглей в Армоголе. Все считали меня образцом активности Конгрегации, меня награждали, мною понукали, уверяли, что мои идеалы — лучшие из всех возможных идеалов. Я поднимался выше и выше, восьмидесятая, девяностая ступень... Наконец не стало больше ни компаний, ни программ — я оказался связан с чистой политикой. У меня появилось время на отдых, на размышления. Я шел к Дексаде, следил за их рассуждениями, посещал их банкеты, в конце концов получил девяносто девятую ступень и неожиданно

* Суотсмен — человек, который изо всех сил старается как можно быстрее достичь высшей ступени (термин Конгрегации). (Примечание автора.)

стал кандидатом в Дексаду. Я встретил двух других Братьев, достигших той же ступени, — моих соперников, людей, равных мне. Одним из них был Бенджамин Рзук, добившийся своего статуса так же, как я. У нас было много общего, хотя я никогда не дружил с ним. Впрочем, какая дружба, если три человека претендуют на одно место в Дексаде?.. Еще одного Брата, который достиг девяносто девятой ступени, звали Спаркхаммер. Этого человека я не мог понять. Я находил его одновременно обаятельным, отталкивающим, зовущим к откровенности, приводящим в ярость. Он был компетентен и смел, его решения казались правильными. Его, конечно, могли бы избрать в Дексаду, если бы не некоторая разбросанность... И Бенджамин Рзук, и Сайлас Спаркхаммер мечтали о Дексаде. Спаркхаммер почти до неприличия. — Двиддион замолк на секунду, будто споткнулся. — Клод Фри, имевший сто четвертую ступень, умер в джунглях Канкаши. Дексада проголосовала за Бенджамина Рзука, а на девяносто девятую выдвинули Сабора Видола. Спаркхаммер едва скрывал свою ярость. Всего лишь через две недели погиб Хассамид, его убили грабители на Тракиане. Меня выдвинули в Дексаду, а девяносто девятую ступень получил Ян Билферд. Спаркхаммер поздравил меня спокойно и благожелательно. На самом же деле он был слишком озабочен, и все знали об этом. А для меня Дексада вдруг перестала что-либо значить. Неожиданно я постиг, за какие-нибудь десять секунд, что это высшее достижение (я имею в виду членство в Дексаде) не так уж важно. Я обогнал собственные цели, показался себе ребенком, забавляющимся с яркими игрушками. С такой точкой зрения, как я теперь подозреваю, в Дексаде полностью соглашались. Я отдал тридцать два года тяжелому труду и жертвам ради цели, которую руководство Конгрегации весьма снисходительно признавало наилучшей. Учтите, Конгрегация собрала в свои ряды самых выдающихся интеллектуалов Ойкумены, неподкупных и чистых! Постепенно я понял: благодаря своей зрелости и широкому кругозору они видели, что сила и достоинство Конгрегации — не в це-

лях, не в ожидаемом достижении этих целей, а в управляющих функциях системы, в которую люди, подобные мне, могли бы вкладывать свою энергию, создавая закуску мудрости нашего скучного общества.

Двиддион вновь сделал паузу, как бы прислушиваясь к собственным воспоминаниям. На губах его появилась улыбка. Джерсен спросил:

— Вы сказали, что переменили свое мнение за десять секунд. Не слишком ли резко?

— Да... А почему так получилось? Ко мне обратился Робин Мартилетто, имевший сто восьмую ступень. Он сказал: «Двиддион, теперь вы в Дексаде. Несомненно, вы заслуживаете этого. Но меня интересует, нет ли в вашей оценке Дексады того, что я называю рассудочным спокойствием?» — «Да. Что-то похожее есть. Я приписывал это возрасту и упадку сил». — «Неправильно. Прыжок от девяносто девятой к сто первой степени значит гораздо больше, чем от семидесятой к девяносто девятой. Это потому, что Дексада владеет тайной, в которую я должен теперь посвятить и вас. В Дексаде вам придется сделать большой шаг от рациональности, которая довела вас на девяносто девятую ступень. В Дексаде вы приобщитесь к новой, тайной идеологии». Потом он все объяснил мне, уложившись в десять секунд. Я ответил: «Я не поддерживаю ваших взглядов и в Дексаде не останусь. Короче, я навсегда покидаю Конгрегацию». — «Невозможно! Вы присягали служить всю свою жизнь. Вы обязаны служить Конгрегации!» — «До свидания. Больше вы меня не увидите». — «Куда вы направляетесь?» — «Туда, где никто не сможет меня найти». Мартилетто не выказал удивления или негодования. Он даже выглядел довольным. «Хорошо, как хотите. Одиночество может благотворно повлиять на вас». Я ушел. Я прятался, искал одиночества, и, должен сказать, это оказался самый мирный период моей жизни.

— А тайна?

— Она в том, о чем я уже сказал. Верхов гуманизма считаются Конгрегация и Дексада. Гуманизм и Конгрегация — противоположные силы. Дексада существует,

чтобы поддерживать равновесие и предотвращать возможное преобладание одного над другим. Таким образом, она часто выступает в оппозиции к Конгрегации, постоянно стимулируя Братьев. Вот и вся тайна.

— Теперь вы Триединый. Вы будете собирать новую Дексаду. Как теперь вы воспримете эту точку зрения?

Двиддион издал короткий смешок:

— Я открыл кое-что в самом себе. Тайна смутила меня. Я задумался над тем, чем занимался тридцать два года: ревностный зубрила, потеющий простофиля, контролируемый Конгрегацией, благоговеющий перед Триединым и Дексадой. Потом, на свою голову, я узнал тайну. Теперь я Триединый и должен либо передать тайну следующей Дексаде, либо запретить ее.

Джерсен сказал:

— Вы еще не отделались от Трисонга. Сегодня ему помешали. Чтобы отомстить, он не остановится ни перед чем.

— Отомстить? — вскричал Двиддион, чего Джерсен никак не ожидал от него. — Он собирается убить меня?.. Абсурд! Это я должен желать его смерти за убийство Братьев, за гигантскую непристойность, совершенную им по отношению к Конгрегации.

— Позвольте мне дать вам совет. В Понтифракте вы должны публично выступить и рассказать, что произошло. Роль Сайласа Спаркхаммера, достигшего девяносто девятой ступени, надо разъяснить широким массам.

— Я уже подумал об этом.

— Чем скорее, тем лучше. В сущности, когда мы достигнем космопорта Понтифракта, можно позвонить в «Космополис».

Глава 10

Обвиняется Говард Алан Трисонг...

Отправлено все руководство. Заговор с целью захватить контроль над Конгрегацией, осуществленный пресловутым Повелителем Сверхлюдей, Властителем Зла Говардом Аланом Трисонгом...

— Лично я избежал смерти благодаря удаче, быстроте мышления и действиям моего помощника, — заявил Двиддион, ранее имевший сто первую ступень, а теперь ставший новым Триединым, то есть достигший сто одиннадцатой ступени. — Я не принимал участия в банкете, — продолжал Двиддион, — и узнал о случившемся через разведку Конгрегации. Мне сообщили, что опасный преступник Трисонг ухитрился достичь девяносто девятой ступени, естественно, под чужим именем. Он назвался Спаркхаммером. Я намерен провести расследование, каким образом ему удалось это сделать. Излишне говорить, что ранг, полученный нечестным путем, аннулирован... Я собрал новую Дексаду из числа истинных Братьев. Деятельность Конгрегации продолжается... Я не был на банкете, где произошло убийство, по нескольким причинам. Дексада и Триединый встретились на Диком Острове, на планете Сайзерия Темпестри, чтобы выбрать одного из трех в Дексаду. На банкете подавали чарни — деликатес, известный только на Сайзерии. Я пробовал чарни и нахожу его вкус отменным, но если чарни приготовлен неправильно, это смертельный яд... Говард Алан Трисонг извлек из сырых чарни яд, добавил его в уже приготовленные фрукты, которые подали Триединому, Дексаде и кандидату, имевшему девяносто девятую ступень. Сам Трисонг воздержался от еды, а может быть, ел неотравленные фрукты. Бенджамина Рэука, достигшего сто второй ступени, который, как и я, предпочел не являться на банкет, Трисонг впоследствии утопил... Почему он пошел на такое ужасное действие, когда его могли и так избрать в Дексаду? Потому что дважды его уже не выбирали, и, возможно, Трисонг знал, что в третий раз тоже не будет избран, а предпочтение отдадут либо Видолу, либо Билферду. Если кандидатуру Брата, имеющего девяносто девятую ступень, отклоняют трижды, его никогда не выберут в Дексаду и могут даже исключить из числа кандидатов... Трисонг предпочел убить всех, кто достиг более высоких ступеней. Тогда, по закону Конгрегации, он поднялся бы на самый верх. Но и тогда он получил бы только сто девятую ступень, пока бы не отделался от меня. Я, естественно, как обладающий высшим рангом и как Триединый стою на его пути...

Из статьи в «Понтифракт-Клерион». Триединый Конгрегации о фантастическом убийстве участников банкета

Джерсен покрыл лицо желтоватым гримом, надел парик с крупными черными локонами поверх собственных коротко остриженных волос и облачился в изысканный костюм, чтобы снова превратиться в ленивого, лощеного обывателя.

Он вышел на площадь Старого Тара. День был серый, висел туман. Жители Понтифракта вяло шли мимо. Их черные и коричневые костюмы казались яркими и нарядными на фоне мокрого камня и старого черного железа.

Джерсен повернул на Корриб-плейс, остановился, чтобы посмотреть на здание, где размещалась редакция «Экстанта». Ничего вроде бы не изменилось. Старое строение, черное и грязное, выглядело как всегда. Он отсутствовал недолго, но казалось, что прошло гораздо больше времени. Джерсен перешел улицу, вошел в здание и направился прямо в комнату, где подводили итоги конкурса. Сегодня он объявит, что конкурс окончен: работа практически завершена, и неразобранными остались около полудюжины мешков с почтой.

Миссис Инч вышла навстречу, чтобы приветствовать его:

- Доброе утро, мистер Лукас!
- Доброе утро, миссис Инч. Есть новости?
- Нет. Но вы читали утренние газеты? Потрясающе!
- Да, удивительно.
- Как это отразится на нашем конкурсе?
- Надеюсь, никак. Нам повезло, что сегодня мы заканчиваем. В противном случае мы могли бы утонуть в новом потоке писем.

Джерсен повернулся и хотел уйти, но миссис Инч снова окликнула его:

— Кстати, мистер Лукас... Есть одно интересное письмо. По крайней мере, я считаю его интересным. Вы должны его прочесть, письмо касается шестого номера.— Она протянула конверт.

— Спасибо, миссис Инч.— Джерсен прочитал письмо.— Интересно...— Он еще раз прочитал.— Мне кажется

ся, на конкурс не повлияет, что газеты установили настоящее имя Спаркхаммера.

— Я тоже так думаю. Наш конкурс оказался очень своевременным. Неужели это совпадение?

Джерсен вежливо улыбнулся:

— Если у кого-нибудь возникнут вопросы, мы все потрясены новым поворотом событий.

— Никто не будет спрашивать, но многие удивятся.

— Возможно. Во всяком случае, реклама «Экстанту» не повредит.

Джерсен прошел в кабинет. Элис тихо сидела за своим столом. Она надела простую черную юбку и черный жакет, а рыжие волосы уложила в строгую гладкую прическу. Увидев Джерсена, она непроизвольно потянулась к газете, лежавшей на столе, но остановилась.

— Доброе утро, мистер Лукас.

— Доброе утро, Элис. Вы, очевидно, уже знаете последние новости?

Элис не стала притворяться.

— Да.— Она посмотрела на статью.— Это интересно.

— Не более?

Элис только пожала плечами.

Джерсен продолжал:

— Трисонг — ужасный человек. Он — один из Властителей Зла.

— Конечно,— тихо сказала Элис.— Я слышала это имя.

— Там упоминается Бенджамин Рзук. Надеюсь, он не имеет отношения к вам?

Элис подняла глаза на Джерсена, нахмурилась, потом отвернулась:

— Я его хорошо знаю.

— Соболезную. Вы очень нравитесь мне.

Элис не ответила. Джерсен подошел к своему столу, сел и стал рассматривать профиль Элис.

— Я все еще не теряю надежды встретиться с Говардом Аланом Трисонгом.

Элис вскинула голову и отрывисто произнесла:

— Почему?

— Теперь его интервью вызовет настоящий взрыв. Губы Элис дрогнули.

— Вы думаете, это оригинально — описывать подвиги такого человека?

— Конечно. Рано или поздно, но он плохо кончит. Как действуют подобные люди? Каковы их мотивы? Как он относится к самому себе?

— Он никогда бы не позволил писать о нем плохо.

— Он мог бы написать сам, на что я надеюсь. Что касается конкурса и убийств... Такие темы подняли бы наш тираж до сотен миллионов экземпляров.

Элис резко встала:

— Я себя плохо чувствую. Если для меня ничего нет, я хотела бы отдохнуть час-другой.

— Как пожелаете, — ответил Джерсен, тоже вставая. — Надеюсь, вам скоро станет лучше.

— Спасибо.

Бросив на Джерсена быстрый взгляд, скептический и полный сомнений, Элис покинула редакцию. Джерсен сел на место, достал письмо, переданное ему миссис Инч, и перечитал его в третий раз.

Заведующему конкурсом «Экстанта».

Пожалуйста, считайте меня участником вашего конкурса. Я могу точно назвать имя одного человека на фотографии, что дает мне право на одну десятую приза, как я предполагаю.

Человек, обозначенный номером шесть, родился на Домашней Ферме, около Гледбитука в Маунишленде. Мать назвала его Говардом Аланом в честь телевизионного колдуна Г. А. Топфинна и Арблезангером в память о дедушке. Его полное имя Говард Алан Арблезангер Хардоах. Так я его называю. Он не был примерным сыном и покинул нас много лет назад. Я слышал, что ему сопутствовал успех, и надеюсь вскоре увидеть его на вечере встречи выпускников школы, куда он приглашен.

В любом случае, я узнал его и буду надеяться, что получу свою долю конкурсных денег.

Меня зовут Агриан Хардоах с Домашней Фермы.

*Гледбитук, Маунишленд, Моугервельт,
звезда Ван-Каата.*

Джерсен мгновение помедлил, потом позвонил в Информационную службу. Моудервельт оказался у звезды Ван-Каата единственной населенной планетой, несколько большей, чем Земля, с единственным континентом, протянувшимся на две трети длины экватора. Планета была старой, почва — мягкой. Горы, некогда высокие, теперь превратились в холмы, появились обширные прерии и спокойные реки. Моудервельт колонизировали маленькие группы: религиозные секты, кланы, спортивные ассоциации, философские общества и тому подобные организации. Они быстро истребили расу полумразумных существ, населявших планету, разделили землю, установили границы для своих тысячи пятисот шестидесяти двух областей и занялись собственными делами.

Маунишленд занимал часть Дьявольской Прерии, в столице Клоути проживали три тысячи человек. В восьмидесяти милях к северу находился город Флатер, раскинувшийся на берегу реки Виггал, а рядом — Гледбитук с трехтысячным населением. Маунишленд основали приверженцы Чистой Истины. Последователи этого учения стали противниками космических путешествий, поэтому ближайший космопорт лежал в трехстах милях к югу — на станции Теобальд, в Леландере.

Джерсен отвернулся от коммуникатора. Говард Трисонг провел детство в деревне, в одном из наиболее спокойных уголков Вселенной, освоенных человеком. После некоторых размышлений Джерсен решил, что это не так уж важно. Он вновь повернулся к коммуникатору и связался с комнатой 442 в гостинице «Святой Дирминд». Элис уже должна была вернуться в свой номер.

Расчеты оказались верными. Он услышал, как открывается дверь, потом донеслись шаги Элис, пока она ходила по комнате. Это продолжалось несколько минут, а потом она села в кресло. Минут пять стояла тишина. Наконец раздался голос Элис, звучавший решительно и твердо:

— Это Элис Рэук.

Пауза. Затем голос Говарда Трисонга, скрипучий и резкий:

— Да, Элис, я слушаю тебя. Что нового?

— Я сделала все, что могла.

— Меня удовлетворит только конкретный результат.

— Где мой отец? Если верить газетам, он мертв!

— Не задавай вопросов. Докладывай!

— Я могу сообщить только то, что вы уже знаете.

Мистер Лукас снова говорил мне, что хочет взять у вас интервью.

Голос стал еще более резким:

— Он знает, что ты работаешь на меня?

— Конечно нет. Он такой же бездушный, как и вы.

Он хочет опубликовать вашу автобиографию, чтобы продать лишнюю сотню миллионов экземпляров своего журнала.

— И он считает меня альтруистом?

— Сомневаюсь, но я просто передаю его слова. Поступайте так, как считаете нужным.

— Естественно.

Элис помолчала, а потом спросила:

— Конкурс завершен. Я выполнила условия нашего соглашения. Мой отец действительно мертв?

Голос Трисонга снова изменился, резкие нотки стали еще заметнее:

— Теперь тебе известно мое имя.

— Да.

— И ты знаешь, кто я.

— Я слышала о вас.

— Может быть, ты догадалась о моих планах?

— Вы собирались стать Триединым в Конгрегации.

— Этот план расстроен. Кто такой Бенджамин Рзук?

Что он значит? Он мертв, конечно, но это ли должно меня беспокоить? План рухнул из-за каких-то журналистов и их конкурса.

— Значит, его нет в живых?

— Кого? Рзука? А как же иначе?

— Вы уверяли меня в обратном.

Послышался грубый смех.

— Люди верят в то, во что хотят верить.

— Я отомщу вам.

— Иди своей дорогой, крошка. Ты невероятно красива. Ты внесла разногласия в цвета моей души. Красный пылает страстью, а зеленый хочет доставить тебе боль. Но ничего не выйдет: я оскорблен и страдаю. Да и времени нет. Ты замарала себя, переспав с журналистом. Да, да, по моему приказу, но мне все равно неприятно.

— Жалкий приговор,— колко сказала Элис.

Когда Трисонг отвечал, его голос был суров и сердит:

— Я уезжаю. Вега не принесла мне удачи, да и никогда не приносила. Я ранен, но скоро поправлю свои дела... И тогда... за мою боль я отомщу!..

— Что же с вами случилось? — спросила Элис с неподдельным интересом.

— Мы напоролись на засаду. Демон в образе человека выскочил из дома Двиддиона и прострелил мне ногу.

— Этого стоило ожидать...

Трисонг, казалось, не расслышал ее замечания. Снова возникла короткая пауза, потом он заговорил новым голосом, приятным и чарующим:

— Конкурс «Экстанта» заканчивается завтра?

— Нет, сегодня.

— Так и нет победителя?

— Да.

— Тогда выслушай инструкции: больше мне не звони.

— Я и так считаю себя свободной. Оставьте ваши инструкции при себе.

Трисонг не обратил внимания на то, что его перебили:

— Продолжай, как и раньше...

Элис отключила связь.

* * *

В полдень Вега вырвалась из-за облаков, но ее лучи едва могли пробиться сквозь молочно-белое марево. Элис вернулась в редакцию бледная и усталая.

— Надеюсь, вы чувствуете себя лучше? — спросил Джерсен.

— Да, спасибо.

Она переделалась в серо-зеленое платье с кружевным белым воротником, ее рыжие волосы, разметавшиеся в легком беспорядке, напоминали какой-то экзотический цветок. Элис заметила внимательный взгляд Джерсена и недоуменно посмотрела на него:

— Что я должна делать?

— В общем-то, работы нет. Конкурс завершен. События развивались крайне интересно. А вы как думаете?

— Пожалуй...

— Но все-таки конкурс не совсем удался. Трисонг не сумел возглавить Конгрегацию, но он жив. Ваш отец умер, и это ваша личная трагедия. Раз вам было известно, что Спаркхаммер — Говард Алан Трисонг, то и не стоило рассчитывать ни на что другое.

Элис развернулась в кресле и уставилась на Джерсена:

— Как вы узнали, что Бенджамин Рэук — мой отец?

— От вас, — ответил Джерсен и как-то неловко улыбнулся. — Для меня это было не очень приятно, но я записал все ваши переговоры с Трисонгом.

Элис замерла, словно статуя:

— Значит, вы знали...

— С той самой минуты, как вы вошли в редакцию. Даже раньше, когда вы еще только переходили улицу.

Элис внезапно покраснела:

— И вы должны были знать...

— Да.

— И все же...

— Что бы вы подумали обо мне, если бы узнали, что я воспользовался удобным случаем?

Элис напряженно улыбнулась:

— Какая разница, что я думаю?

— Я не хочу, чтобы вы перестали уважать себя, тем более что причин для этого нет.

— Бесполезный разговор, — заявила Элис. — И глупо тут оставаться.

— Куда же вы направитесь?

— Куда угодно. Или я не уволена?

— Конечно нет! Я восхищен вашей храбростью! Когда я пришел, мне было приятно увидеть вас здесь, и более того...

Раздался сигнал коммуникатора. Джерсен нажал кнопку:

— Говард Алан Трисонг вызывает Генри Лукаса.

— Генри Лукас слушает. У вас есть видеоканал?

— Конечно.

На экране возникло лицо с высоким лбом, чистыми светло-кариими глазами, прямым носом, удлиненным подбородком, большим ртом с тонкими губами. Джерсен надвинул парик пониже на лоб, полуприкрыл глаза и опустил голову, изображая аристократическую истому. Элис насмешливо смотрела на него. Ей явно нравилось, с какой легкостью Джерсен меняет свой облик.

Два человека изучали друг друга. Трисонг заговорил глубоким, бархатным голосом:

— Мистер Лукас, я следил за вашим конкурсом с большим интересом, ибо, как вам известно, на фотографии изображен и я.

— Именно это и вызвало большой интерес к нашему конкурсу.

Трисонг продолжал:

— Вы мне льстите?

— Я журналист. Как это сказать... Автомат, что ли. Существо без лишних эмоций.

— Тогда вы — необычный человек. Но неважно. Пока вы не сделали специального объявления, я хочу предложить вам мое решение загадки. Будьте добры, запишите мои слова или попросите это сделать вашу очаровательную секретаршу.

Джерсен сказал задумчиво:

— Сомневаюсь, что все это можно считать законным. Все остальные ответы мы получили в письменной форме.

— Вы не ставили таких условий, так почему же устный ответ не считать действительным? Я могу использовать призовые деньги не хуже других.

— Действительно. Вскоре состоится церемония награждения. Если вас признают победителем, вы приедете, чтобы получить приз?

— Вряд ли, если, конечно, церемония не будет проходить где-нибудь на Краю Света.

— Это, с нашей точки зрения, слишком хлопотно.

— Тогда вы должны прислать деньги по адресу, который я назову. А теперь приступим к делу.

— Да, да... Элис, застенографируйте, пожалуйста.

— Я буду называть в порядке ваших номеров. Первый — Шаррод Ест. Второй — старая карга Диана де Трембаскал. Третий — дородная Беатрис Атц. Четвертый — многоречивый Ян Билферд, чей острый язык теперь, увы, неподвижен. Пятый — долгожитель Сабор Видол. Шестой — лицо, известное в данном случае под именем Говарда Алана Трисонга. Седьмой — Джон Грей. Восьмой — бывший Триединый, Гадоуф. Девятый — Гизельман. Десятый — Мартилетто. Надеюсь, я первым правильно назвал всех.

— Боюсь, что нет. Вскоре после того как опубликовали разоблачение Двиддиона, к нам поступило множество правильных ответов.

— Ба! Жадность людей просто невероятна! Еще одно очко в пользу Двиддиона!

— Кое-что все же можно поправить. Я хочу опубликовать вашу биографию. Вы уникальная личность, и ваши воспоминания заинтересуют читателей.

— Об этом стоит подумать. У меня часто возникает желание изложить свои взгляды. Меня считают преступником, но совершенно ясно, что я — образец совершенства. Мне нет равных. Я создал новую категорию людей, которую один могу понять. Но я пока не склонен говорить об этом.

— Что бы вы ни сообщили, материал получится крайне интересным.

— Надо все тщательно обдумать. Я не люблю говорить, что буду в определенном месте в определенное время. Если вы знаете условия моей жизни, то должны понимать, что я вынужден быть бдительным.

— Да. Мне тоже кажется.

— Естественно, никто не примет благосклонно мои излияния, и тем самым люди навлекут на себя наказание. Это уж точно. Я шепетилен в отношении наград и наказаний, уверяю вас. Ведь космос — нечто большее, чем место, где можно найти многочисленные приключения... И поэтому мое существование необходимо.

— Все это привлечет моих читателей. Надеюсь, вы согласны дать интервью?

— Посмотрим. Сейчас я не располагаю временем. У меня дела на отдаленной планете. Необходимо мое личное присутствие. Пока все.

Экран погас. Джерсен откинулся на спинку стула:

— У Трисонга, кажется, гибкий характер.

— Он меняется каждую минуту. Я боюсь его и все же надеюсь увидеть еще раз.

Джерсена заинтересовали слова девушки.

— Зачем?

— Чтобы убить.

Джерсен поднял руки. Узкие плечики пиджака стесняли движения. Он снял пиджак и отбросил его в сторону, потом сорвал парик и кинул на пиджак. Элис молча наблюдала за ним.

— Он осторожен,— сказал Джерсен.— Мне повезло только один раз, когда удалось выстрелить в него в Воймонте.

Элис широко раскрыла глаза:

— Кто вы?

— В Понтифракте меня знают как Генри Лукаса, специального корреспондента «Космополиса». Иногда я использую другое имя и занимаюсь другими делами.

— Почему?

Джерсен поднялся, подошел к столу Элис, обнял ее, приподнял и начал целовать лоб, нос, губы... Но Элис оставалась безучастной. Он ослабил объятия.

— Если Трисонг будет спрашивать обо мне, не говори ему того, что узнала.

— Я ему ничего не скажу в любом случае. Он больше не властен надо мной.

Джерсен снова поцеловал Элис, и она уступила, но по-прежнему равнодушно.

— Значит, ты хочешь, чтобы я осталась здесь? — спросила она потом.

— Очень хочу.

Она отвернулась:

— Я не могу ничем тебе помочь.

— Ты будешь ждать меня здесь, пока я не вернусь?

— Куда ты собираешься?

— В старинный мир. На праздник.

— Ты летишь туда же, куда Говард Трисонг?

— Да. Я все расскажу, когда вернусь.

Элис грустно спросила:

— Когда это будет?

— Не знаю.— Джерсен снова поцеловал ее, теперь она ответила и на мгновение расслабилась. Джерсен поцеловал ее в лоб.— До свидания!

Глава 11

Когда мы плывем по реке человеческого времени на наших удивительных лодках, то замечаем в потоке людей и цивилизаций повторяющиеся модели... Разрозненные расы объединяются только тогда, когда их территория ограничена, когда их сжимают тиски социального давления. Для таких обстоятельств типичны сильные правительства, равно необходимые и желательные. Напротив, когда страна обширна, а условия жизни благоприятны, ничто не может сохранить тесные контакты между различными типами людей. Они мигрируют на новые места, язык постепенно изменяется, появляются новые детали в костюмах и традициях, эстетические символы приобретают новые значения. Правительство, навязанное извне, отвергается. Переселение расы на другую планету до беспредельности расширяет ее возможности и таит в себе источник бесконечного очарования.

Анспик, барон Бодиссей. «Жизнь», предисловие к тому 2

Если бы хитроумный барон решил украсить свое знаменитое «Предисловие ко II тому» примерами, он выбрал бы отдаленную планету Моудервельт, которая вращается вокруг звезды Ван-Каата.

Моудервельт — спокойный плодородный мир с обширными сухопутными территориями. Фауна в целом совершенно безопасна, не считая нескольких хищных морских тварей.

Моудервельт — старый мир. Древние горы теперь превратились в пологие холмы; насколько хватает глаз, под голубым небом, по которому плывут белые кучевые облака, простираются равнины; огромные неторопливые реки текут по прериям; почва хороша, климат благоприятен.

Кроме рек, здесь нет естественных границ, но их создали сами люди, чтобы отделить друг от друга тысячу пятьсот шестьдесят две области, каждая из которых ревниво оберегает свой суверенитет, свои обряды и традиции. Жители отдельных областей празднуют собственные праздники и презирают всех остальных, считая их отбросами и подонками, а свой дом — единственным цивилизованным местом на этой планете, окруженным варварами-соседями.

На Моудервельте нет настоящих городов. Центрами цивилизации служат космопорты. Торговля осуществляется по рекам, которые перекрываются шлюзами. Работают всего несколько железнодорожных линий.

Моудервельт не обособлен от остальной Вселенной. Он экспортирует высококачественные продукты питания, которые выращивают фермеры, а импортируются технологические новинки, специальные инструменты, некоторые книги и периодические издания, правда, все это в малом количестве. Моудервельт в целом сам себя обеспечивает всем необходимым.

Рассел Кук. «Уроки сравнительной антропологии. Моудервельт: прошлое и настоящее»

Область Маунишленд, находящаяся в центре Дьявольской Прерии, занимает площадь около сорока тысяч квадратных миль и имеет население примерно в один миллион человек. Все они — потомки приверженцев Чистой Истины. Страна ограничена рекой Данглиш на юге и на востоке, областью Пака на западе, областью Амблем и

рекой Бохалое на севере и областями Ганастера и Иркухара на востоке. Столица — Клоути.

Вниманию туристов: в Маунишленде нет космопортов. Движение космических кораблей на востоке ниже сорока девяти тысяч футов запрещено. Въезд разрешен только наземному транспорту после соответствующего таможенного осмотра. Пограничная таможня тщательно проверяет весь груз и одновременно регулирует импорт.

Запрещено к ввозу: оружие, опьяняющие вещества, эротическая литература, медикаменты, кроме находящихся в личном пользовании. Таможенный досмотр полный. Наказания суровы.

«Краткий планетарный справочник», 330-е издание, 1525 год

* * *

Джерсен снизился над космопортом Теобальд. На фермерских землях, окружавших городок, белыми пятнами выделялись домики поселков. Река Данглиш пересекала равнину, делая огромную петлю, а потом поворачивала на север и исчезала за горизонтом.

В космопорту не были предусмотрены ни посадочные огни, ни диспетчерская служба. Джерсен выделил его среди окружающих полей только по трем космическим кораблям, уже совершившим посадку: паре небольших грузовых кораблей и старой посудине «Удивительная Сиссл».

Джерсен посадил «Крылатый Призрак», спрыгнул на землю и очутился в центре залитого солнцем открытого поля, покрытого сине-зеленой травой. В лицо бил холодный ветер. Стояла тишина, которую нарушало только тихое шипение перезаряжающихся респираторов «Крылатого Призрака». В сотне ярдов от места посадки, в тени двух раскидистых деревьев, Джерсен увидел маленький сарай с вывеской:

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ
ТЕОБАЛЬД, ЛЕЛАНДЕР

Регистрация прибывшего транспорта

В сарае Джерсен нашел маленького толстого мужчину, сидящего за столом, на котором красовались остатки ленча. Одет он был в то, что раньше называли черной униформой, но штаны и сапоги он сменил на белую юбку до колен и сандалии.

Джерсен шагнул к столу. Служащий, не открывая глаз, нацепил на лысину фуражку, затем окончательно проснулся и вежливо обратился к Джерсену:

— Сэр?

— Я зашел зарегистрировать прибывший транспорт.

— Да-да, конечно. Но у нас есть формальности, которые приедем необходимо соблюдать...

Служащий достал бланк, задал несколько вопросов, записал ответы и положил заполненную анкету в ящик.

— Это все, сэр, осталось только заплатить за стоянку.

Джерсен сказал:

— Сначала я хотел бы кое о чем спросить вас... Мне необходимо попасть в Маунишленд. Есть ли какие-нибудь помехи?

— Никаких. Границ открыты.

— Я могу арендовать какой-нибудь транспорт?

— Конечно. Могу предложить вам собственный автомобиль. А мой сын отвезет вас.

Джерсен попытался уловить малейшие колебания в интонации служащего, любой подтекст. Острым, оценивающим взглядом он изучал человека, сидящего перед ним.

— Сколько надо заплатить?

— В пределах разумного. Десять севов в день.

— Без надбавок и дополнительных платежей?

— Без. Вы что, принимаете меня за грабителя?

— Он довезет меня до Клоути или до того места в Маунишленде, куда я захочу попасть?

— Вы, должно быть, шутите! К границе Маунишленда, не далее. Я не хочу рисковать своей машиной в этой стране каменноголовые, где все девушки ходят с голыми локтями, а мужчины показывают зубы во время еды. Они двигаются, словно припадошные. Там даже воздух

пахнет обманом. Вас довезут только до границы, не дальше. Может, там вы достанете еще какой-то транспорт.

— Хорошо. Тогда скажите, какие средства общественного транспорта соединяют ваши страны?

— Нет ни одного приличного. Можно воспользоваться транспланетным автобусом, набитым деревенщиной, возвращающейся в Маунишленд.

— Подходит. Я путешествовал и в худших компаниях.

— Если это вам подходит, то все в ваших руках... Автобус будет с минуты на минуту. Теперь о плате за стоянку: в этом случае двести севов в неделю, причем платить нужно за месяц вперед.

Джерсен засмеялся:

— Мои высокопоставленные друзья, живущие по соседству, предупреждали меня, что служащие космопорта склонны к воровству и фантазиям.— Он протянул пять севов: — Этого должно хватить.

Служащий взял деньги с кислой миной:

— Это не по правилам, но, чтобы поддержать хорошие отношения, я могу сделать для вас исключение... Вон приехал транспланетный.

На дороге показался шаткий, состоящий из трех секций автобус на восьми огромных колесах. Джерсен проголосовал, заплатил еще пять севов водителю и занял место.

Несколько часов он ехал по равнине мимо рек, прудов, фруктовых садов. Белые домики ферм прятались под люминесцирующей розовой, розово-красной, оранжевой и желтой листвой. Фермеры здесь процветали.

Линия темно-синей и черной листвы тянулась до горизонта, где река Данглиш сворачивала к востоку, обозначая границу области Маунишленд. В сотне ярдов от границы автобус остановился. Из здания таможни вышли сержант и шесть солдат в красивой красно-черно-коричневой форме.

Сержант вошел в автобус, задал несколько вопросов водителю, который указал пальцем на Джерсена.

Сержант сделал Джерсену знак:

— Сюда, сэр, на минуту. Принесите-ка ваш багаж.

Джерсен взял свой маленький дорожный дипломат и последовал за сержантом. Сержант забрал чемодан, приподнял его, посмотрел на Джерсена с улыбкой:

— Я вижу, вы пытаетесь провезти в Маунишленд лучемер модели шесть-А. — Он отсоединил пару зажимов от ручки чемодана. — Это старый трюк. Мы предупреждены о таких вещах. Придется конфисковать оружие. В Маунишленде вас посадили бы в клетку и погрузили на три часа в реку, пока вы бы не захлебнулись... В этом отношении они варварски строги. Отдайте мне, пожалуйста, другие части...

Джерсен открыл чемодан и достал остальные тщательно спрятанные детали лучемера.

— Спасибо за предупреждение, сержант. — Он протянул правую ладонь и показал финку, укрытую в рукаве. — Лучше, наверное, избавиться и от этого. — Потом достал из левого рукава воздушную трубку, стреляющую стеклянными иглами.

— Очень мудро, сэр.

— Пожалуйста, не продавайте их сразу. Если я буду возвращаться этой дорогой, а я собираюсь сделать именно так, то выкуплю их.

— Так обычно и бывает, сэр.

Джерсен вернулся в автобус, который пересек широкую Данглиш по железному мосту, и наконец попал в Маунишленд.

Дорога шла через коричневые болота, поросшие лиловым камышом. Проехали через заросли гигантских павпавсов, которые испускали сладковатый запах, сверкая в солнечном свете. Теперь пейзаж изменился. Там, за рекой, был Леландер, здесь — Маунишленд, совсем другая страна. Автобус остановился у пограничной станции Маунишленда, в тени колоссального дерева линглинг с голубой листвой и стволом более шести футов в диаметре. Как и на предыдущей остановке, автобус встречала охрана, носившая здесь серо-зеленую форму. Жители Маунишленда совершенно отличались от низкорослых, мягких обитателей Леландера. Они были

высокими, худощавыми, с прямыми каштановыми волосами и узкими лицами.

По сигналу сержанта пассажиры поднялись с мест и один за другим вошли в длинное здание, где каждого осмотрели в трех различных кабинетах. С Джерсеном обращались проворно, безразлично и обыскивали крайне тщательно. Никому не было дела до того, что он инопланетянин, да и его профессия — журналистика — вызвала не многим больший интерес.

— Что вы предполагаете изучать в Маунишленде?

— Ничего конкретного. Я прибыл сюда как турист.

— Тогда почему вы не назвались туристом?

— Какая разница?

— Для самого туриста или журналиста — никакой, но мы, офицеры безопасности, отвечаем за порядок в Маунишленде. Для нас это очень важно. Турист, например, может остановиться в отеле «Бен Том» в Маунишленде, а журналист обязан проводить каждую ночь в полицейском участке.

— В таком случае я самый обыкновенный турист. Действительно, разница существенная.

— Очевидно, вы не везете контрабанды.

— Разумеется, нет.

Служащий холодно улыбнулся:

— Вы найдете, что многие из хороших традиций Маунишленда очень практичны, когда познакомитесь с ними поближе. Можете поверить мне на слово, так как я много путешествовал. Я посетил тридцать девять отдаленных областей. Маунишленд еще терпим по сравнению с Малчионе или Динклендом. Наши законы просты и разумны. Мы запрещаем проповедовать иные религии и размахивать белыми флагами; не разрешаем оскорбительно отрывать в общественных местах и вообще нарушать общественное спокойствие. Перечень наших преступлений зауряден. Нужно всего лишь вести себя осторожнее, чтобы избежать неприятностей. — Он расписался во въездной визе Джерсена. — Все, сэр. Свобода Маунишленда для вас!

Джерсен вернулся в автобус, и тот неожиданно рванулся с места, оставив позади пограничную станцию

под раскидистой голубой кроной. Теперь за окнами мелькал ландшафт, типичный для Маунишленда и сильно отличающийся от ландшафта Леландера. Джерсен, привыкший ко всевозможным переменам, сейчас никак не мог прийти в себя. Местность казалась ему просторнее, небо — шире. На равнине росло множество деревьев, которые образовывали рощицы из отдельных пород: гипсапов, орпунов, линг-лингов, флембоев. Деревья давали густую тень, которая, казалось, мерцала странными огоньками непонятного цвета. Фермы попадались реже и выглядели более древними. Они располагались вдали от дороги, в уединении.

Постепенно пейзаж изменился. Автобус ехал теперь мимо фруктовых садов, где росли деревья с черными стволами, розовой и желтой листвой, переезжал полноводные реки, скользил мимо деревушек и наконец въехал в Клоути и остановился на центральной площади. Двери раскрылись. Пассажиры, у которых были дела в Клоути, а с ними и Джерсен, вышли. Джерсен с интересом огляделся вокруг. Для молодого Трисонга Клоути должен был казаться самым важным местом, центром Вселенной, куда он мог попасть лишь изредка, по какому-то особому делу. На противоположной стороне площади Джерсен увидел отель «Бен Том» — неуклюжее четырехэтажное строение, высокое и узкое, с тяжелой, нависающей крышей и парой двухэтажных крыльев.

Если Говард Трисонг приехал в Гледбитук на встречу выпускников школы, то, вполне возможно, он, как и Джерсен, остановится в «Бен Томе». Пора принимать меры предосторожности. Нужно оставаться неузнанным... В магазине промышленных товаров Джерсен переоделся по местной моде: в рубашку из тяжелой зеленой ткани, серые изысканные штаны до колен, черные туфли с широкими носами, широкополую шляпу, которую носят, сдвинув на затылок. Над здешними манерами — медлительной походкой на негнущихся ногах, размахиванием руками и взглядом, устремленным строго вперед, — пришлось немного потрудиться. Джерсен еще не совсем походил на местного жителя, но, чтобы опознать в нем приезжего, нужно было присматриваться.

Он пересек площадь, направляясь к отелю «Бен Том», и вошел в неприглядный вестибюль, пропахший за долгие годы вошным деревом, кожей тяжелых диванных подушек и местной жидкостью для волос. Вестибюль был пуст, над приемной стойкой — темно. Джерсен постучал в окошечко, и из задней комнаты появилась маленькая старая женщина. Резким голосом она осведомилась, что ему нужно.

Джерсен ответил с достоинством:

— Я хочу снять номер на несколько дней.

— В самом деле? А где вы собираетесь питаться?

— Там, где прилично кормят.

— Это далеко, за озером. Там люди забывают о своем здоровье и набивают животы. Вы должны иметь в виду, что мы предпочитаем обслуживать клиентов здесь, в нашей столовой.

— Если так положено...

— Разумеется... — Старая женщина искоса поглядела на него. — А чем вы занимаетесь? Вы продаете различные вещи? — Она сделала ударение на последнем слове.

— Нет. Я ничего не продаю.

— Да?.. — И после паузы: — Совсем ничего?

— Совершенно.

— Жаль, — заявила она вдруг свежим и живым голосом. — Я всегда придерживалась мнения, что надо покупать и продавать все что угодно, невзирая на Агентство Здоровья. Откуда вы? Из Моидайка? Или из Будера?

— Нет.

— Вы курите или пьете?

— Ни то, ни другое.

— Прекрасно. Можете снять комнату Улыбающегося Восхода. — Лицо женщины приняло такое невинное выражение, что Джерсен спросил:

— А цена?

— Это наша лучшая комната. Только для высокопоставленных гостей. Оплата соответствующая.

— Сколько?

— Восемьдесят три сева в день.

— Слишком много. Позвольте мне взглянуть на ваши расценки.

— Хорошо. Пять севов...

Джерсену понравился номер, который состоял из центральной веранды, ванной комнаты, отделанной панелями из белого дерева, отдельной спальни и маленького гимнастического зала.

Было уже за полдень. Джерсен вышел на улицу, огляделся по сторонам и отправился знакомиться с городом. В южном углу площади стояла гранитная статуя, а позади нее — высокое мрачное строение, возможно церковь или храм. За церковью начиналась аллея массивных черных деодаров. Чуть подальше находилась площадка, где стояло несколько белых статуй.

Около церкви Джерсен обнаружил маленький канцелярский магазинчик, торгующий различными мелочами. На витрине были выставлены несколько экземпляров «Экстанта» и «Космополиса», разные номера. На обложке «Экстанта» красовалась фотография десяти человек. Подпись гласила:

КТО ОНИ?

*Назовите их правильно
и вы выиграете 100000 севов.*

Джерсен вошел в магазин. За параллельными прилавками справа и слева стояли две молоденькие девушки, одетые в длинные черные платья. Их темные волосы были скреплены на макушке и так туго зачесаны, что глаза казались выпученными. Волосы каждой украшала пара коралловых шпилек. На прилавке Джерсен увидел брошюру:

МАУНИШЛЕНД

Официальная карта и обозрение

В этом издании перечислены все коммуникации, города, реки, мосты, пограничные посты, изложены детали физической географии. Цена: 25 центов.

Джерсен взял карту и заплатил. Девушки сразу же запротестовали:

— Сэр!

— Цена два сева!

Джерсен показал на цену:

— Здесь сказано двадцать пять центов.

— Это для местных жителей,— сказала одна из девушек.

— Приезжие должны заплатить наценку,— добавила другая.

— Это почему? — спросил Джерсен, удивляясь, каким образом девушки распознали в нем приезжего.

— Потому что карта содержит секретную информацию,— заявила девушка справа серьезным голосом.

— Чрезвычайно важную для неприятельской армии,— добавила девушка слева еще более серьезно.

— Но, наверное, ваши враги уже приобрели карты Маунишленда?

— Возможно, не все.

— Или не с такими секретными деталями.

— В таком случае, ваша карта стоит значительно дороже двух севов.

— Верно. Но никто не станет платить больше.

— Они предпочтут пользоваться старыми картами.

— Хорошо. Но я местный житель, а не враг,— сказал Джерсен.— Я живу в отеле «Бен Том». И меня всегда можно там найти.

Девушки замолчали, пытаясь определить, говорит Джерсен правду или нет. До того как они придумали возражения, Джерсен ушел.

Он сел на скамейку в одном из скверов, стал изучать карту и нашел Гледбитук в сорока милях к северу, на берегу реки Сладкая Трелони.

Затем Джерсен продолжил рассматривать площадь. У дороги он заметил вывеску:

ГАРАЖИ ПАНТИЛОТЕ

Отличный транспорт! Продажа или прокат: на час, на день, на неделю. Обращайтесь в наши мастерские.

Вы сможете сделать замечание или одобрить исполнительную точность нашего производства.

Улица Диграма Раммела Флатера, 29.

Джерсен тут же отправился в гаражи Пантилоте, где после соответствующих формальностей арендовал трехколесный легковой автомобиль, собранный из частей разных автомобилей.

К вечеру небо потемнело. Поездка в Гледбитук грозила превратиться в ночное путешествие. И Джерсен решил забрать автомобиль на следующее утро.

Глава 12

Тезис:

Нехорошо пить и курить, использовать пойло, а также напитки и настойки, более или менее напоминающие пиво.

Толкования:

Пьяница — это прародитель перегара, деревенщина, ублюдок, общественное посмешище. Очень часто он пачкает одежду и совершает всевозможные непристойности. Он воняет и рыгает. Его фамильярность претит всем приличным людям. Его песни раздражают, тем более что часто он напевает неприличные куплеты.

Пьяница покупает хорошие фрукты и позволяет им гнить, а добрые люди, которые желают отведать целебных фруктов, возмущаются: «Почему ты обворовал нас, пьяница? Почему ты позволяешь целебным фруктам гнить?»

Пьяница устраивает нелепые танцы. Он позирует, как клоун, и чистит уши веточками ракитника. Он лезет в драку с любым честным человеком, которому довелось окатиться на его пути, если тот начнет бранить пьяницу за глупость.

Из «Учения Бого Сайм», 6:6 (Злословия против пьяницы и его напитка)

* * *

К северу от Клоути область становилась дикой и безлюдной: во-первых, из-за болот, окружающих реку Джунифер, во-вторых, из-за черных скал, которые делали поля пригодными только для пастбищ. Впервые

Джерсен увидел фауну Моудервельта: двуногих тварей, похожих на жаб, которые высоко подпрыгивали, ловя летающих насекомых; стаю ящериц-лис с сине-зеленой чешуей, как у всех ящериц, и одним-единственным глазом. Они с любопытством смотрели на проезжающего мимо Джерсена, а когда он притормозил, приблизились, двигаясь легко и грациозно. Но что им было нужно, Джерсен не понял. Он поехал дальше, оставив стаю позади.

Когда Джерсен миновал Рок-Уоллоус, на него снова нахлынуло чувство одиночества. Пустынные степи простирались до горизонта, земля была голой, без деревьев, покинутой, залитой солнечным светом.

Наконец на севере показалась темная линия: деревья вдоль берегов Великой реки. Сразу за рекой местность вновь стала обитаемой. Джерсен проехал через полдюжины деревушек, похожих друг на друга как близнецы: главная улица, несколько пересекающих ее переулков, гостиница, магазины, школа, чуть поодаль столовая, церковь, жилые дома и отдельные коттеджи.

К полудню Джерсен прибыл в Гледбитук — деревню, похожую на все остальные, может, только чуть побольше. На ее окраине располагалась таверна «Денкуолл», а на центральной улице находилась более претенциозная гостиница Свичера.

Джерсен затормозил около гостиницы, состоявшей из двадцати номеров различных размеров, расположенных на разных этажах. Общие комнаты были экстравагантными, с наклонными потолками и черными досками на полу, со ставнями фиолетового цвета — из-за столетней выдержки под излучением звезды Ван-Каата. Каменный фасад почти полностью закрывали виноградные лозы. Вдоль фасада расселись горожане, отдыхающие в тени.

Около стойки в холле стоял мужчина семи футов ростом, тощий, как трость, с бледными щеками и запавшими глазами.

— Что вам угодно, сэр?

— Жилье, если можно. Мне нужен номер из нескольких комнат.

Служащий оглядел Джерсена, поднял брови и опустил уголки рта:

— Вы один?

— Совершенно один.

— И вы хотите несколько комнат?

— Если можно...

— Ваше желание кажется, мягко говоря, странным. Сколько комнат вы можете занимать сразу? В скольких постелях вы намереваетесь спать? Сколько санузлов необходимо для нормального функционирования вашего организма?

— Не имеет значения,— ответил Джерсен.— Если у вас возражения, то дайте мне однокомнатный номер с ванной... Кстати, мой друг Джекоб Бейн уже приехал?

— К нам? Нет.

— Еще нет? А вообще, есть здесь иностранцы, кроме меня, конечно?

— Здесь нет никого по имени Бейн, да и под другим именем тоже. На сегодня вы — единственный постоялец. Пожалуйста, заплатите вперед. Лицо, прибывшее из какого-то неведомого уголка Вселенной, может скрыться, не оплатив счет.

Джерсена привели в темную комнату с голубыми стенами и черным потолком, которая в высоту казалась больше, чем в ширину. Подставка поддерживала таз с водой и щетку, какими обычно трут себе спину. Покрывало из серого войлока лежало на кровати, примерно такое же заменяло ковер на полу. Заглянув в ванную, Джерсен обнаружил там полный беспорядок. Хозяин гостиницы не дал ему заговорить:

— Сейчас мы не можем вам предложить ничего лучшего. Две ночи назад у нас были постояльцы. Чтобы помыться, используйте таз и щетку. Чтобы удовлетворить другие нужды, спуститесь вниз.

Хозяин удалился.

«Везет мне,— подумал Джерсен.— Таверна "Денкуолл", вероятно, еще хуже».

Джерсен не долго оставался в комнате. Он вышел на улицу, огляделся и направился к скромному деловому району Гледбитука.

На Голчер-вей он повернул налево, по поросшему мхом каменному мосту пересек реку Сладкая Трелони. На набережной стояла статуя, похожая на статую Дидрама Раммела Флатера: человек в одной руке держал нож, другой сжимал мужские гениталии. Надпись на постаменте гласила:

ОТДЕЛЯЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ
ОТ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТИНЫ!

Не отступать!

Не оглядываться по сторонам!

Есть только Истина и ее Учение!

За спиной статуи находилась церковь. Напротив лежало кладбище, которое окружали мощные деодары. Повсюду стояли надгробные статуи — симулякры, мастерски вырезанные из белого мрамора или какого-то синтетического материала. Они располагались группами, словно обсуждали свой горестный удел.

На четверть мили дальше широкую и тихую Лебединую реку, стремящуюся к Сладкой Трелони, пересекал другой мост. Вдали Джерсен увидел Высшую Школу Гледбитука... Он остановился, минуту постоял в задумчивости и пошел по Голчер-вей назад в город.

В мясной лавке Джерсен спросил у хозяина, где находится ферма, принадлежащая Адриану Хардоаху.

— За углом поверните налево, — ответил тот. — Выйдете из города и окажетесь на Кружном Пути. Пройдете четыре мили до перекрестка, повернете налево на Баусгер-лейн. Вторая ферма слева и будет фермой Хардоаха. У них там большой зеленый сарай... А что вы хотите от него? Если денег, то и не надейтесь: он упрям, как запор после сырной диеты.

Джерсен пробормотал нечто неразборчивое и вышел.

На своей развалюхе он доехал до Кружного Пути и отправился дальше на север. Проехав по прерии около четырех миль, он добрался до перекрестка и повернул на Баусгер-лейн. Милей дальше в сотне ярдов от дороги

он увидел ферму, окруженную огородами и утопающую в зелени, которая слабо светилась в лучах звезды Ван-Каата. Еще через милю слева от дороги показался маленький коттедж.

Возможно, это и есть ферма Хардоаха? Она оказалась довольно скромной, даже ветхой. Джерсен не заметил никаких пристроек. На скамейке, греясь на солнце, сидела пожилая женщина, маленькая и худенькая, с осунувшимся, сморщенным лицом. Рядом с ней на кусте висел моток грубых ниток, и она что-то вязала. Ее пальцы двигались с невероятной быстротой.

Джерсен затормозил и вышел из машины:

— Добрый день, мадам.

— Добрый день, сэр.

— Здесь живет Хардоах?

— Нет, сэр. Что вы! Хардоах живет дальше, еще милю по дороге.

В пятидесяти ярдах в стороне от коттеджа Джерсен заметил полуразрушенное старое здание, окруженное зарослями сине-черного гипсапа.

— Это похоже на старую школу, — сказал Джерсен.

— Так и есть, и я проработала там тридцать лет, а еще двадцать сижу здесь и наблюдаю, как она постепенно разрушается. Теперь все водят детей в Лек, в новую школу.

— Вы давно живете здесь?

— Да, конечно. У меня никогда не было мужа. Я пью воду, сыворотку и ликер. Я следовала Учению как можно точнее и была хорошей учительницей.

— Значит, вы учили Говарда Хардоаха?

— Да, я. Вы его знаете?

— Немного.

Старая женщина посмотрела на небо, вспоминая давно прошедшие годы.

— Меня часто удивляло, что происходит с Говардом. Он был странным мальчиком... Таким умным... У меня где-то была его фотография, но я никак не могу найти ее. Он напоминал эльфа. Помню его на школьном карнавале, в зелено-коричневом костюме эльфа. Да он и был

маленьким эльфом с искривленным, озабоченным, мрачным лицом. А, да, он дружил с крошкой Тамми Флатер! Красавица. Как-то они поссорились. Она много плакала, а Говарда жестоко наказал отец. Его семья — фундаменталисты, а они ведь самые строгие из Отгородившихся. Большинство их уже умерло. А вы не фундаменталист?

— Я вообще не признаю секты.

— Фундаменталисты женятся на тех, у кого вера сильнее. Они очень чувствительны в этом вопросе, вот и все. Они отстаивали право на человеческие грехи. У них брат может жениться на сестре, а кузен на кузине. Таким образом они хотели достичь совершенства. Вы видели в городе статую Дидрама Раммела Флатера? О-о, он был мастером и делал работу, которую необходимо было сделать. Но его мало благодарили, особенно те, для кого он сделал больше всех. О-о, то были незабываемые дни! Тогда Учение имело множество сторонников! Теперь старые идеи не почитают.

— Говард, наверное, был тихим?

— Иногда. Он бывал милым настолько, насколько это вообще возможно. А его сверхъестественное воображение! А как он любил цветы! Как работала его маленькая головка! Однажды он рассортировал цветы по окраске, чтобы устроить Сражение Цветов. Уверена, такого дикого гротеска вы никогда не видели — летающие лепестки и... крики умирающих. Говард гонялся как уторелый, ведя в атаку свои Красные войска против Синих; розы умирали с большим мужеством, а колокольчики побеждали вербену. Да, что это был за день! Потом он пошел в Высшую Школу, и там, как говорили, ему не повезло. Он был маленьким, слишком молодым, и большие ребята придирались к нему. Потом он не поладил с Садалфлорисами, и, естественно, разгорелся скандал...

— Как так?

— М-м... Мне вообще-то лучше помолчать, но ведь это было давно, времена теперь изменились, хотя Садалфлорисы все еще важные персоны. Говарду понравилась одна из девушек. Я думаю, Саби. Она, понятное

дело, заигрывала с ним, и Говард сделал что-то достойное порицания. Садалфлоурисы пришли в ярость, но Говард поспешно улетел с планеты, скрылся от возмездия.

Джерсен склонился над рукоделием женщины:

— Как красиво вы вяжете!

— Это все, что я могу делать. Я вяжу и этим зарабатываю себе на хлеб.

Джерсен дал ей около десяти севов:

— Свяжите что-нибудь и для меня. Если я не вернусь, можете смело продать мой заказ кому-нибудь. Не сомневайтесь.

— Благодарю вас, сэр!

— Не за что. Мне понравился ваш рассказ, но я должен отправляться дальше.

Проехав еще мило по дороге, Джерсен приблизился к ферме с приметным зеленым сараем. Он остановил автомобиль и осмотрел дом, похожий на многие другие: три этажа из розового известняка с голубой отделкой на окнах, высокая крыша с фронтоном и со слуховыми окошками. На заднем дворике, в саду, работал человек в синих брюках и черной рубашке с мотыгой в руках. Заметив Джерсена и автомобиль, он прекратил работу и пристально посмотрел в их сторону.

Джерсен въехал во двор. Мужчина приблизился. Очевидно, это и был Адриан Хардоах.

Его волосы, желто-каштановые с седыми прядями, были подстрижены кое-как. Лицо узкое, худое и обветрившееся. Он недоверчиво рассматривал Джерсена.

— Сэр?

— Это Домашняя Ферма?

— Да, это так.

— А вы Адриан Хардоах.

— Да, — Хардоах говорил мягким глубоким голосом.

— Я Генри Лукас, представляю журнал «Экстант». Прибыл сюда из Понтифракта на Элойзе.

— А-а, это насчет конкурса в журнале? — Хардоах оживился.

— Правильно. Среди миллионов приславших ответы вы были первым, кто правильно узнал номер шесть на фотографии, вашего сына, конечно.

Адриан Хардоах вдруг встал в оборонительную позу:

— Какая разница? Узнал — значит, узнал.

— Никто не спорит. В сущности, я приехал, чтобы вручить награду.

— Вот это новость! Сколько?

— По нашим правилам, первый правильный единичный ответ оценивается в триста севов. Я привез вам эту сумму.

— Благословение снизошло на нас с помощью Дидрама! Знаете что, если бы вы приехали на час раньше, то смогли бы встретиться и с самим Говардом. Он был на встречу выпускников школы.

Джерсен улыбнулся и пожал плечами:

— Странное совпадение, конечно. Но для меня это не имеет значения. Он просто человек с фотографии.

— У него дела идут хорошо, у Говарда, хотя он и покинул нас без гроша. Прошло уже много лет... Но заходите в дом, жена тоже должна услышать хорошие новости. По правде говоря, я начисто забыл о письме и даже не подумал спросить Говарда о его рекламе. Благодаря этому снимку люди теперь должны узнавать его повсюду.

— Некоторые и оказались такими наблюдательными, сэр.

Джерсен поднялся за Адрианом Хардоахом по ступеням и оказался в опрятной кухне. Женщина, почти такая же высокая, как Адриан, внимательно посмотрела на Джерсена. Ее лицо, чем-то неуловимо похожее на лицо Трисонга, заинтересовало Джерсена. Глаза, посаженные чуть ближе, чем обычно, под широким, квадратным лбом, длинный, прямой нос, нависающий над бледными губами и почти отсутствующим подбородком. В этом лице не было даже намека на мягкий нрав и чувство юмора.

Все же, услышав сообщение Адриана о выигрыше, она изобразила нечто похожее на гримасу удовольствия:

— Ладно, это хорошо! Значит, Говард волей-неволей вознаградил нас!

— Да, похоже. Ну а как с чаем, Реба? Что вы скажете на это, мистер Лукас? Как насчет хорошей пшеничной лепешки?

— Я скажу большое спасибо.

Жестом Адриан пригласил Джерсена сесть за стол. Тот достал пачку банкнот и стал их пересчитывать. Адриан благоговейно заговорил:

— Подумать только, ведь я совершенно случайно взглянул на эту фотографию, и то лишь потому, что «Экстонт» выпускается за пределами нашей планеты. А кто выиграл главный приз?

— Люди, изображенные на фотографии, весьма разные, и случай свел их на одном курорте. Первым правильно назвал их имена слуга из ресторана. Ваш сын тоже обратился к нам с заявлением, но слишком поздно.

Реба Хардоах язвительно улыбнулась:

— Похоже на Говарда. Жаль... Тс-с! Я слышу Ледесмуса. Это старший брат Говарда, человек совершенно иного склада. У него ферма на той стороне реки Текучки.

Ледесмус остановился в дверях, с удивлением глядя на незнакомого человека. Он был более грузным, чем отец, и румяным, как яблоко. Глаза с тяжелыми веками придавали его лицу лукавое, насмешливое выражение. Адриан сказал:

— Ледесмус, подойди и познакомься с мистером Генри Лукасом с далекой планеты. Он привез нам деньги.

Ледесмус сложил губы трубочкой и присвистнул:

— Что за день! Сначала Говард появляется из небытия, а теперь и мистер Лукас.

— Совпадение, — объяснил Джерсен. — Все-таки жалко, что я разминулс с ним. Ведь мне заказали написать статью о людях, изображенных на фотографии.

Адриан заговорил ровным, спокойным голосом:

— О Говарде можно рассказать не так уж много. Он никогда не работал на нашей ферме, не занимался сельским хозяйством. В школе он был мечтателем, и я думаю, из-за своих постоянных путешествий он так и не добился успеха в жизни.

— Ты всегда был суров к мальчику, — заявила Реба.

— Он сюда вернется? — спросил Джерсен.
— Нет, — коротко ответил Адриан.
— Странно, что после долгих лет разлуки он побыл у вас всего пару часов.

Реба попыталась объяснить:

— Мы насмотрелись столько его вардеспанта*. Мы огорчены тем, что он сбился с правильного пути Учения. Если бы он отряхнул звездную пыль со своих каблуков и вернулся домой, чтобы работать на полях вместе с Ледесмусом... Как бы мы радовались...

Ледесмус лукаво улыбнулся Джерсену:

— Он не вернется. Но мы и не примем его, так как он больше не соблюдает приличий.

Адриан согласился:

— Да, он не вернется. Он ушел, даже не обернувшись. Сказал только: «Здесь все по-прежнему. И ничего-то не изменилось». Он провел довольно много времени в своем старом кабинете, а потом посидел с матерью.

— В своем кабинете?

— Вон в той хибарке, где стоит насос. Раньше он там проводил все свое время с книгами, бумагой и цветными карандашами.

Ледесмус печально добавил:

— Говард слишком много читал о всяких неземных вещах. Там у него были стол и стул. Он засиживался до полуночи, жег свет, пока мы не загоняли его в постель. Говард был настоящим вердом*.

— Где же он остановился?

Адриан ответил с сомнением:

— Он что-то говорил о друзьях, которых хотел навестить.

* В современном значении слово многозначно: упрямство, капризность, насмешливое отношение к темным сторонам жизни. (Примечание автора.)

** Верд — человекообразное сверхъестественное создание, которое бродит по ночам, а днем спит под землей. Согласно народным преданиям Маунишленда, оно прячется в тени, подкарауливает маленьких детей и крадет их. (Примечание автора.)

Ледесмус весело рассмеялся:

— Друзья? У Говарда? У него их никогда не было, кроме разве бедняги Нимфи Клидхо, да и с ним Говард не сильно-то дружил.

— В таком случае,— сказала Реба,— ты не знаешь всего, Ледесмус.

А Адриан добавил:

— Говард приехал на встречу выпускников. Он мог бы, конечно, погостить дома, ведь он все-таки тут родился, вырос, здешняя земля взрастила его.

Джерсен протянул ему пачку севов:

— Вот, сэр. Это ваш приз. Мы благодарим вас за участие в нашем конкурсе. Вероятно, вы захотите подписаться на «Экстант».

Адриан почесал подбородок:

— Мы подумаем об этом. «Экстант» — инопланетное издание, у нас несколько иные интересы. Если я не могу понять действия дурных Ульмов в соседней области на севере от нас, какое мне дело до происходящего на Альфератце или на Кафе? Нет, мы интересуемся только собственными достижениями. И Чистой Истиной. Так говорит нам Дидрам.

— Благословенны следующие Учению,— пробормотала Реба.

Джерсен встал:

— Если можно, мне хотелось бы осмотреть вашу ферму. Это послужит фоном для статьи, которую я должен написать о Говарде.

— Конечно. Ледесмус, покажи джентльмену нашу ферму.

Джерсен и Ледесмус вышли во двор. Ледесмус внимательно посмотрел на Джерсена:

— Значит, вы напишете о Говарде? Кто же захочет читать о нем?

— Конкурс вызвал огромный интерес. Я упомяну вашего отца и мать и, естественно, вас.

— Тогда да. А там будет мой портрет?

— К сожалению, нет. Я не взял с собой фотоаппарата... Вы старше Говарда?

- На три года.
- У вас с ним были хорошие отношения?
- Вполне. Отец прав. Я работал, а он мечтал в своем кабинете.

Джерсен остановился в нерешительности. След Говарда Алана Трисонга был четким, но, казалось, никуда не вел.

- Можно заглянуть в кабинет Говарда?
- Он чуть дальше и совсем не изменился за двадцать пять лет. Мы перекачиваем воду из пруда для полива орхидей и овощей. А воду для дома берем из колодца. Там другой насос.

Ледесмус показал дорогу к сараю, который оказался десяти футов длиной и восьми шириной. Ледесмус толкнул дверь, и та со скрипом отворилась. Свет проникал через два окна, освещая пыльное помещение.

— Здесь все осталось таким, как было раньше, — сказал Ледесмус. — Вон там его стол, а это тот самый стул, где он планировал свои похождения. На этих полках стояли книги и лежали бумаги. Говард был опрятным. Все у него лежало на своих местах.

- А где его книги и бумаги?
- Трудно сказать. Некоторые унесли в дом, другие сожгли. Говард заботился о своих вещах. Когда он отправлялся в дальний путь, то не оставлял следов. Он любил секреты.

— У него были друзья? Или девушки?

Ледесмус усмехнулся, и в этой усмешке прозвучали и презрение, и удивление.

— Говард никогда не умел обращаться с девушками. Он говорил слишком много, а делал слишком мало, если вы понимаете, что я имею в виду. Ему нравились девушки маленького роста, и он грязно позабавился с одной или с двумя, но об этом не пишите... Отец никогда не слышал этих историй, — Ледесмус бросил взгляд через плечо на дом. — Он бы содрал с Говарда шкуру даже за чтение надписей на заборах. А Говард только и хотел сменить окружение. Мы ему не подходили, можете поверить? Я никак не могу его понять, но если Святой Мартис не хотел, чтобы девушки играли с ним в любов-

ные игры, Говард кусал их, оставляя следы, как от капканов... Понимаете, что я имею в виду? Но и это не имело большого значения. Говард вытворял что хотел. По-настоящему он любил только девушку по имени... Как ее звали? Она утонула в озере Персиммон... Зида Менар. Очень хорошенькая... Друзья? Был Нимфи Клидхо. Он жил дальше по дороге. Отцу это не понравилось, так как старый Клидхо был тогда городским мармелайзером.

— Что такое мармелайзер?

— Вы видели кладбище, где хоронят местных жителей? Там стоят мармелы. Это тихая работа, работа с мертвецами, и вообще... Спокойная. Хотя потом они уехали. Так вот, Клидхо можно было назвать другом Говарда, если Говард вообще с кем-то дружил. — Ледесмус повернулся к Джерсену. — Я разрушил эту дружбу. И моя глупость.

— Это как?

— Ну, у Говарда была записная книжка, и он очень дорожил ею. Однажды Нимфи вызвал его из «кабинета», и они пошли зачем-то к матери или еще куда-то. Я залез в окно, взял ту красную книжечку и забросил ее за насос. Судьбе было угодно, чтобы книжечка проскользнула между насосом и стенкой. Я вышел из сарая и стал ждать. Вернулся Говард и хватился своей книжечки, но не смог ее найти. Никогда я не видел его таким. Он говорил странным голосом, обыскивал все вокруг. Потом он увидел бедного невинного Нимфи и бросился на него. Я убежал из укрытия и сгреб Говарда, прежде чем он успел прибить приятеля. С тех пор они больше не дружили. Если сказать правду, я с тех пор Нимфи больше никогда и не видел. Летом Говард уехал познавать Учение, и я забыл о книжке. Можно посмотреть. Она, наверное, все еще там. — Ледесмус просунул руку за насос. — Надеюсь, не ухвачусь за канга*... Кажется, дотянулся.

* Канг — местное жалающее насекомое четырехдюймовой длины. (Примечание автора.)

Он вытащил красную записную книжку и перебрал ее Джерсену, который, повернувшись к свету, взглянул в нее.

Ледесмус вышел из домика:

— Что там?

Джерсен пролистал книжечку. Ледесмус пробежал взглядом по ее страницам:

— Ничего особенного... Что это за тип письма? Я никогда не видел ничего подобного.

— Трудно разобрать.

— Какое дурачество! Что за польза писать так, чтоб никто не смог прочесть? А вот здесь рисунки: герцоги, короли в расшитых костюмах. Какой-то карнавал. Отец думал, Говард переписывает Органон. Мне казалось, что здесь дело связано с девочками. А Говард всех нас одурачил.

— Похоже,— кивнул Джерсен.— Я попрошу это у вас в качестве сувенира из Гледбитука. Вы согласитесь принять от меня десять севов за беспокойство?

— Ну, я не знаю...— Ледесмус заколебался, но деньги взял.— Мне кажется, отец бы этого не одобрил. Не говорите ему ничего.

— Я-то не скажу, а вы не напоминайте Говарду о книжечке, если увидите его раньше меня. Интересно, где он сейчас?

Ледесмус пожал плечами:

— Пока он говорил с отцом, я решил, что он будет жить у нас, но вскоре он ушел. Он может остановиться в гостинице Свичера, так как она лучшая в городе.

Вернувшись в Гледбитук, Джерсен подошел к дереву перед гостиницей и сел за один из столиков, расставленных на открытом воздухе, спиной к заходящему солнцу. Черная тень от дерева пересекала розовую поверхность стола. Высокий нервный официант подошел, чтобы принять заказ.

— Чего изволите?

— Что у вас на ленч?

— Ленч уже прошел, сэр. Сейчас немного поздновато. Я могу принести вам тарелку маунса с хорошим хлебом.

- Что такое маунс?
- Ну, это смешанное блюдо из трав и речной рыбы.
- Меня вполне устроит.
- Вы будете пить?
- А что можете предложить?
- Все что пожелаете.
- Я бы хотел пинту холодного пива.
- Пива у нас нет, сэр, ни холодного, ни теплого.
- Тогда покажите мне меню или прейскурант.
- У нас нет ничего такого. Люди знают, что у нас есть, и не читая меню.
- Ясно... Что заказали вон те люди?
- Они выбрали охлажденный коктейль, какой обычно пьют перед сном.
- А вон те?
- Сок, от которого путаются ноги.
- Что еще можно заказать?
- Почечный тоник. Ниббет. Кислый сок. Сок из вишневых веточек.
- Что такое ниббет?
- Витаминизированный чай.
- Я, пожалуй, остановлюсь на ниббете.
- Минутку, сэр.

Парень удалился, а Джерсен стал обдумывать ситуацию. Где-то рядом находился Говард Алан Трисонг. Джерсен почти физически чувствовал его присутствие. Если бы его удалось выманить из города, упомянув о старой записной книжке, и утопить в Сладкой Трелони, то дело можно было бы считать законченным. Вряд ли все пойдет гладко... Официант принес тарелку с рыбой, хлеб и чайник.

Джерсен налил чай, попробовал, ощутив аромат, которому сначала не смог подобрать названия. Один из компонентов чуть обжигал язык, а потом и весь рот. Парень, пряча улыбку, вежливо спросил:

- Как вам нравится ниббет, сэр?
- Замечательно.— Джерсен едал белое мясо с пряно-
стями и рисом в квартале Ласкар на Замбоанге, пивал
перцовый ром в «Мамочкиной Раскаленной Штучке» в

Селе на Копусе.— Кстати, я поджидаю друга с иной планеты. Мне кажется, его еще нет в гостинице. У вас заказаны номера для мистера Слейда или каких-нибудь других иностранцев?

— Не знаю, сэр.

Джерсен достал монету:

— Узнайте, но незаметно, так как я хочу сделать сюрприз моему другу. Он приезжает на школьную вечеринку выпускников.

Официант подхватил монету и исчез. Джерсен вяло жевал маунс, как ел дюжину подобных блюд на других обитаемых планетах.

Официант вернулся:

— Ничего похожего, сэр. У нас нет забронированных номеров.

— Где же он мог остановиться?

— Есть еще таверна «Сырые Стены» дальше по дороге, но у них слишком бедная обстановка. Курорт Отта на озере Скуни, где останавливаются богатые люди. Да, еще есть поблизости гостиница «Грязные Углы».

— Ясно. Где тут телефон?

— В гостинице, но сначала вы заплатите за маунс и nibbet... А то со мной уже проделывали подобные трюки.

— Как хотите.— Джерсен выложил деньги.— И второе.— Он дал официанту еще один сев.— Будьте добры, позвоните сначала на озеро Скуни, а потом в таверну «Сырые Стены» и узнайте о постояльцах, прибывших туда на встречу выпускников. Будьте осторожны, не упоминайте обо мне.

— Как скажете, сэр.

Прошло несколько минут. Джерсен выпил еще немного nibbeta. Вернулся официант:

— Ни одного иностранца, сэр. Участники встречи в большинстве своем местные, хотя несколько человек приехали из-за рубежа. Дядя Дитти Джингол приехал из Бантри, есть несколько человек из Уимпинга. Ваш друг, вероятно, прибудет сегодня вечером. Что-нибудь еще, сэр?

— Попозже.

Парень ушел. Джерсен достал красную книжечку. В начале стоял заголовок, тщательно выписанный большими буквами:

КНИГА ГРЕЗ

Джерсен открыл книгу и сосредоточил свое внимание на записях молодого Говарда Хардоаха... Прошли час, два...

Джерсен отвлекся, осмотрелся, прикинул высоту звезды Ван-Каата над горизонтом. Много позже полудня... Он медленно закрыл книжечку и засунул ее в карман. Потом обратился в официанту, обслуживающему его столик:

— Как вас зовут?

— Витчинг, сэр.

— Витчинг, вот еще один сев. Он ваш. Возможно, будут еще. Я хочу, чтобы только вы обслуживали меня в этом заведении.

Витчинг подмигнул:

— Очень хорошо, сэр. Но как это сделать? Я не могу идти против Учения. Это повредило бы всем моим добрым делам в прошлом.

— Никакого конфликта с Учением нет. Я хочу, чтобы вы пронаблюдали за тем человеком, о котором я говорил, и, когда он появится, сразу бы сообщили мне.

— Совсем другое дело! Не вижу причины, которая помешала бы мне сделать это.

— Запомните, все должно храниться в тайне! Если вырвется хоть одно слово, я серьезно разозлюсь.

— Не беспокойтесь, сэр!

Джерсен положил сев в тощую руку официанта:

— Сейчас я пойду прогуляюсь по городу.

— Здесь нет ничего интересного для приезжих, которые, как вы, сэр, побывали в Клоути.

— И все же я прогуляюсь. Запомните, никому ни слова о нашем деле!

— Договорились, сэр.

Джерсен пошел по улице. Теперь одежда, купленная в Клоути, делала его заметным. Он задержался около

магазина и посмотрел на товары. В витрине рядом с дверью стояли тупоносые ботинки черного цвета. На вешалках висели рубашки, шляпы и высокие гамашы из серой ослиной кожи, вышитые зеленым и красным. Он вошел в магазин и подобрал себе костюм гледбитукского обывателя: пиджак с высокими плечиками из черной материи, брюки без пуговиц, перетянутые на коленях черными ремнями, широкополую зеленую шляпу, низко надвигающуюся на лоб, с тульей, отогнутой назад. Из зеркала на него смотрел деревенский парень, достаточно мягкий и простой, чтобы обмануть взгляд гостя из другого мира.

Выйдя из магазина, он повернул на Голчервей, перейдя Сладкую Трелони, прошел мимо Дидрама Раммела Флатера, мимо церкви Ортометристов, напротив которой на кладбище стояли мармелы мертвецов, похожие друг на друга, словно родственники. Не поворачиваясь, Джерсен пошел дальше, и ему казалось, что пустые белые глаза мармелов следят за ним. Через четверть мили он перешел Лебединую реку и остановился перед школой. Строение соответствовало архитектурным вкусам Маунишленда: с каждой стороны здания — крыло, венчавшееся причудливой башенкой, тяжелая ступенчатая крыша, на самом верху которой находилась колокольня с медным колоколом, окруженная высокой медной оградой. В серебряном свете заходящей звезды Ван-Каата каждая деталь, каждый кирпичик, кронштейн и деталь орнамента контрастировали друг с другом. Надпись над воротами гласила:

ВСТРЕЧА,

*посвященная двадцать пятой годовщине
окончания школы.*

*Добро пожаловать в знаменитый Класс
Скачущей Камбалы!*

Скачущей Камбалы? Странное выражение, специфическая шутка, наверное, понятная только ученикам класса... Невозможно представить себе Трисонга в таком окружении, бредущего по этой дороге, поднимающегося по школьным ступеням, выглядывающего из высоких окон...

Между северным крылом и Лебединой рекой располагался павильон, где учащиеся могли отдохнуть, поболтать, полюбоваться на реку. Теперь в павильоне суетились несколько мужчин и женщин. Они подвешивали гирлянды, расставляли столы и стулья, украшали сцену вымпелами, высокими позолоченными опахалами и кисточками.

Джерсен прошел по дорожке, поднялся по широким ступеням из отполированного красного порфира, пересек площадку, подошел к бронзовым застекленным дверям, одна половина которых оказалась открытой.

Он вошел и оказался в длинном актовом зале, в дальнем конце которого через другие двери пробивались потоки лучей звезды Ван-Каата. На стенах по обеим сторонам висели стенды с фотографиями бывших учеников.

Джерсен стоял, прислушиваясь. Было тихо, если не считать музыки, то усиливающейся, то замолкавшей, то резко обрывавшейся. Ближайшая дверь была не закрыта. Заглянув туда, Джерсен увидел высокого мужчину с худым лицом и светлыми волосами в компании двух девушек, играющих на фаготах.

Джерсен отошел в сторону и стал рассматривать фотографии на стене. Первые фото были сделаны пятьдесят два года назад. По мере того как Джерсен шел дальше и дальше по коридору, даты приближались к настоящему времени. Джерсен остановился у фотографии, изображавшей класс двадцатипятилетней давности. Подавшись вперед, он стал изучать молодые лица выпускников. Некоторые гордо позировали, другие ехидно улыбались, остальные утрумо сучали...

Послышались голоса и шаги. Из музыкальной комнаты вышли учитель и ученицы. Учитель подозрительно посмотрел на Джерсена. Девушки, бросив быстрый взгляд, удалились. Учитель заговорил жестким и педантичным голосом:

— Сэр, школа уже закрыта для посетителей. Я ухожу и должен запереть дверь. Могу ли я попросить вас удалиться?

— Я ждал вас, сэр. Не уделите ли вы мне минутку?

— Что вам угодно?

Джерсен начал развивать идею, которая только что пришла ему в голову:

— Вы преподаете музыку в этой школе?

— Да, я профессор Кутте. Я создаю из маленьких варваров чудо-музыкантов. В других местах меня зовут Вальдемар Кутте, Магистр Музыки и Дирижер Большого Салонного Оркестра.— Вальдемар Кутте смерил Джерсена пронзительным взглядом.— А вы кто?.. С другой планеты, насколько я вижу?

— Как вы это определили? — спросил Джерсен.— Я думал, что выгляжу как обыкновенный житель Глед-битука.

— Только не в этих неуклюжих ботинках. И брюки вы носите чрезмерно низко спущенными. Мы здесь культивируем свой стиль, а не расхлябанность. Вы выглядите так, словно вырядились для маскарада.

Джерсен уныло рассмеялся:

— Попытаюсь исправиться в соответствии с вашими указаниями.

— Всего хорошего, сэр. Я должен идти.

— Одну минуту. Большой Салонный Оркестр будет играть послезавтра на торжестве?

Вальдемар Кутте отрывисто бросил:

— Они не наняли оркестр из-за финансовых ограничений.

— Но ведь ваш оркестр должен присутствовать.

— Возможно. Но, как всегда, находится кто-то чересчур крепко держащийся за кошелек. Обычно самый богатый из власть имущих.

— Потому-то они и стали богатыми.

— Да. Вероятно.

— Как долго вы преподаете музыку?

— Очень давно. Я отпраздновал двадцать пятую годовщину этого события еще три года назад. И могу добавить, что никто, кроме меня, серьезно не относится к таким «праздникам».

— Значит, вы учили музыке этих детей? — Джерсен указал на фотографию на стене.

— Я занимался со многими из них... Некоторые имели желание, но были бесталанны. У других, наделенных талантом, не было желания. Значительно больше учеников не имели ни того, ни другого. И только некоторые обладали и тем, и другим. Этих я помню.

— Кто же из этого класса был музыкантом?

— Так. Дорбен Садалфлоурис прекрасно играл на танталяне. Надеюсь, он все еще играет для себя. Мартиша Ван Боуфе... Она пробовала играть на разных инструментах на протяжении четырех лет, но всегда играла слишком вяло. Говард Хардоах был самым одаренным, но недисциплинированным. Увы, он, должно быть, уехал в далекие края.

— Говард Хардоах? Который из них?

— Третий ряд, в самом конце, парень с каштановыми волосами.

Джерсен внимательно рассматривал фото Говарда Алана Трисонга. Лицо с квадратным лбом, широким и высоким, опрятные светло-каштановые волосы, пылкий взгляд сине-серых глаз. Ощущение чистоты помыслов и здоровья портили узкий подбородок, угрюмый женственный рот и нос, слишком длинный и слишком тонкий.

— ...Фадра Хессел, единственная из выпускников этого года, конечно, играет до сих пор. Признаюсь, мне помнится слишком мало имен... Сэр, я должен идти и запереть школу.

Они вышли. Вальдемар Кутте запер дверь и поклонился:

— Было приятно побеседовать с вами, сэр.

— Одну минуту, — сказал Джерсен. — Мне в голову пришла отличная мысль. Меня гложет сентиментальная тоска по выпускникам того года, и как анонимный благодетель я хочу нанять хороший оркестр, чтобы встреча получилась веселее. Вы можете предложить что-нибудь?

Преподаватель замер, напряженно моргая.

— Совершенно случайно могу. Предлагаю вам Большой Салонный Оркестр Вальдемара Кутте, которым лично руковожу. Это единственный оркестр здесь. Правда, существуют и другие местные коллективы: фольклорная группа, оркестр «Бах и бух» и так далее, но в этом уголке я руковожу единственным достойным оркестром.

— Что вы делаете послезавтра вечером?

— Я совершенно свободен.

— Тогда будем считать, что мы договорились. Какую вы назначите цену?

— Дайте подумать... Сколько инструментов требуется? В общем, у меня есть две тарелки, правая и левая, цимбалы, флейта-сопрано, кларнет, гамба, виброн, скрипки, гитара и фагот классического образца. За все это я обычно прошу двести севов, но...— Профессор Кутте с сомнением посмотрел на Джерсена.

— Я не буду торговаться,— сказал Джерсен.— Можете рассчитывать на две сотни и еще пятьдесят севов. Мое единственное условие: я хочу стать членом вашего оркестра, но только на это выступление.

— О! Так вы музыкант?

— Не пробовал сыграть ни ноты. Я буду тихо постукивать по барабану и никого не потревожу.

— Вы потревожите всех! Барабан — это слишком шумно!

— Тогда что вы предложите?

— Нелепость какая-то... Почему вы просто не слушаете из-за сцены?

— Я хочу непосредственно участвовать. Но если вы не можете...

— Нет! Я что-нибудь придумаю. Вы способны играть так, как я скажу вам?

Джерсену стало стыдно за собственную неумелость.

— Никогда не пробовал.

— Ба! Потрясающе! Пойдемте со мной. Посмотрим, что можно сделать...

Глава 13

Хороший барабанщик — мертвый барабанщик.
*Вальдемар Кутте, дирижер Большого Салонного
Оркестра Гледбитука*

* * *

В студии Вальдемара Кутте Джерсен получил длинную деревянную флейту.

— Детский инструмент, — сказал Кутте пренебрежительно. — Но все-таки если на чем-нибудь и играть вместе с Большим Салонным Оркестром, то только на деревянной флейте. Теперь пальцы сюда, сюда и сюда... Так... Дуйте.

Джерсен издал немыслимый звук.

— Еще раз.

* * *

Через три часа Джерсен выучил одну из пяти основных гамм, а Кутте невероятно устал.

— Пока достаточно. Я помечу эти отверстия: один, четыре, пять и восемь. Мы будем играть простые мелодии: галопы, легкие фантазии. Ваша партия: один-пять, один-пять, один-пять-восемь. Во время общего исполнения мелодии изредка четыре-пять-восемь или один-четыре-пять. Когда мы будем играть иное, я укажу вам другой инструмент. Больше я ничего не могу сделать... Пожалуйста, заплатите вперед, плюс двадцать четыре сева за три часа интенсивных занятий.

Джерсен выложил деньги.

— Теперь возьмите флейту. Когда появится возможность, попрактикуйтесь. Играйте гаммы. Играйте простейшие мелодии. Но прежде всего выучите: один-пять-восемь, один-пять, один-пять.

— Постараюсь.

— Вы должны больше чем постараться! Запомните, вы будете играть с Большим Салонным Оркестром! Правда, слово «играть» — слишком сильное для вашего уровня

исполнения. Вы будете просто извлекать тихие звуки. Надеюсь, все пройдет удачно. Странная ситуация, но для музыканта жизнь полна необычных событий. Мы встретимся здесь завтра в полдень. Потом вы отправитесь в магазин Ван Зееля и приобретете подходящий для музыканта костюм, чтобы пристойно выглядеть в Большом Салонном Оркестре. Я все объясню перед тем, как вы пойдете за покупкой. Потом, купив костюм, вы вернетесь сюда, и я дам вам дальнейшие инструкции. Кто знает? Может быть, этот случай сделает из вас музыканта!

Джерсен с сомнением посмотрел на флейту:

— Может быть.

* * *

Снова оказавшись в гостинице Свичера, Джерсен пообедал чечевичной кашей, бледным тушеным мясом, приготовленным с травами, салатом из речного тростника и половиной буханки хлеба с поджаристой корочкой. Витчинг, парень из прислуги, доложил, что усиленные поиски успехом не увенчались, но Джерсен тем не менее прилично вознаградил его.

Темнота опустилась на Гледбитук. Покинув гостиницу, Джерсен пошел прогуляться по городу. На каждом углу площади стояли высокие столбы, вокруг которых кружились дюжины розовых насекомых длиной в фут, с восьмью мягкими крыльями, которые напоминали весла галеры.

В магазинах было темно и пусто. Хозяин магазина мужской одежды и не подумал закрыть витрину с ботинками, да и галстуки висели на прежнем месте — любой мог украсть что угодно. Другие торговцы вели себя точно так же беспечно. Очевидно, население Гледбитука не было склонно к воровству.

В центре города отсутствовала «ночная жизнь». Джерсен повернул обратно, прошел мимо гостиницы Свичера к таверне «Сырые Стены», где в общей комнате при свете нескольких тусклых ламп полдюжины рабочих с

ферм пили прокисшее пиво... Джерсен возвратился, поднялся в свой номер и попрактиковался в игре на флейте в течение часа, пока у него не занемели губы. Потом взял «Книгу Грез» и стал ломать голову над витиеватым почерком Трисонга. Очевидно, молодой Говард сочинял серию сказок про нескольких героев, которых описывал тщательно, с любовью, останавливаясь на запутанных деталях.

Джерсен отложил книжку в сторону и попытался устроиться поудобнее на неустойчивой кровати.

Утром он выполнил инструкции профессора: порепетировал и направился в студию Кутте на Голчер-вей в сотне ярдов к югу от площади. Кутте с унылым выражением лица выслушал, как Джерсен играет гаммы.

— Теперь попробуйте один-четыре-пять.

— Я еще не достиг такого уровня.

Кутте закатил глаза и тяжело вздохнул:

— Ладно, но это необходимо, это урок, который учат все музыканты. Я говорил с миссис Лавенчер, одним из распорядителей этой встречи. Я сказал ей, что анонимный благодетель приглашает Большой Салонный Оркестр, и это ее очень обрадовало. Мы должны явиться завтра в четыре часа и подготовиться. Будем играть перед ужином, когда гости начнут пить ликер, по такому случаю привезенный из-за границы, и во время ужина. После ужина намечаются речи и поздравления, потом танцы. Несомненно, шикающие гости будут пить пунш, что, по моему мнению, и вовсе незачем. Как инопланетянин вы часто видите пьяные компании?

— И иногда даже участвую.

— Благословен будь Учитель Дидрам! Подумать только! Но выглядите вы вполне здоровым человеком!

— Я пью редко и обычно соблюдаю меру.

— Но разве это не вредная привычка?

— Я слышал два мнения по этому поводу.

Кутте, казалось, не расслышал. Он задумчиво нахмурил брови:

— Где, по-вашему, притоны наиболее невыносимого пьянства в Ойкумене?

Джерсен задумался:

— Трудно сказать. Сотни тысяч салунов от Земли до Черты Обитания претендуют на это. Заведение Тваста на Крокиноле — одно из первых, не менее известен и «Грязно-Красный» в Дейзи на Канопусе-три.

— Как же счастливы мы, живущие в Гледбитуке! Наша благопристойность должна вызывать зависть в космосе! Однако лучше пока помолчать. Завтра вечером наша репутация будет подпорчена. Садалфлоурисы, Ван Бессемсы, Лавенчеры — все они попробуют эссенции и возбуждающие напитки. Но ничто нас не побеспокоит, я так думаю, по крайней мере надеюсь. Давайте еще раз послушаем эти гаммы... Так: один-пять-восемь. Один-четыре-пять. Один-пять, один-пять... Один-четыре-пять... Вбейте себе это в голову! Стоп! Так пойдет. Сегодня я больше не могу вас слушать. Старательно прорепетируйте сами. Сосредоточьтесь на извлечении звуков, на тонах, тембрах, чистоте, точности звучания и звучности. Когда вы изменяете звук, поднимите один палец, но одновременно поставьте другой, а не ждите секунду или даже больше. Когда вам надо поставить палец или даже сразу четыре, пусть их будет четыре, а не два или шесть. Развивайте подвижность пальцев. Избегайте мрачных бемолей, которых сейчас у вас предостаточно. Понятно?

— Вполне.

— Хорошо! — воскликнул Вальдемар Кутте в сердцах. — Вот завтра и посмотрим.

* * *

На следующий день в полдень оркестр собрался в студии Кутте. Профессор раздал ноты, отвел Джерсена в сторону и послушал, как тот играет свою партию. Услышанное привело Кутте в состояние полушока, и он не делал уклончивых замечаний.

— Будь что будет, — вздохнул он. — Играйте очень тихо, и все обойдется.

Кутте провел Джерсена к другим музыкантам.

— Внимание! Я хочу представить своего друга, мистера Джерсена, который непрофессионально играет на

флейте. С нами он будет играть только один раз, и то в качестве эксперимента. Мы все должны быть к нему снисходительны.

Музыканты повернулись, разглядывая Джерсена и перешептываясь. Джерсен отнесся к такому вниманию спокойно, словно находился среди старых знакомых.

Оркестр пошел по Голчер-вей, каждый человек нес свой музыкальный инструмент, кроме Джерсена, который нес пять различных флейт. Все оркестранты были одеты в черные пиджаки с высокими плечиками и соответствующие бриджи, серые гетры, заправленные в черные ботинки, черные шляпы с опущенными полями.

Музыканты прибыли в школу, и Джерсен почувствовал себя еще более напряженно. Идея, казавшаяся сначала такой оригинальной, теперь, когда настал критический момент, выглядела глупой и нелепой. Если Говард Трисонг повнимательнее присмотрится к музыкантам, он сможет узнать Генри Лукаса из «Экстанта», и тогда возникнут осложнения. Говард Трисонг, несомненно, придет хорошо вооруженным и с охраной. Джерсен же, напротив, принес только пять флейт и кухонный нож, который прихватил этим утром в скобяной лавке.

Оркестр вошел в павильон, разместил свои инструменты на сцене и стал ждать, а Вальдемар Кутте совещался с Осимом Садалфлоурисом, осанистым и общительным мужчиной в нарядном костюме из темно-зеленого габардина.

Потом Вальдемар Кутте повернулся к оркестру:

— Столы для нас накрыты позади павильона. Будут тушеные неветы, консервы, чай и изюмная вода.

В задних рядах слышался шепот и смех. Кутте посмотрел туда и заговорил с многозначительными ударе- ниями:

— Мистер Садалфлоурис понимает, что мы в определенном смысле мнительны, и уважает наши убеждения. Оркестрантам не будут подавать никаких эссенций или продуктов с ферментами, чтобы ничто не повредило выступлению. А теперь пора на сцену! Вперед! Вперед! Вперед! Больше жизни и изящности.

Музыканты расселись по своим местам и начали настраивать инструменты. Кутте поместил Джерсена в заднем ряду между цимбалами и гамбой; на обоих инструментах играли крупные светловолосые мужчины флегматичного вида.

Джерсен разложил флейты в надлежащем порядке, указанном Кутте, сыграл несколько гамм, стараясь не отличаться от остальных, потом сел на свое место и стал рассматривать бывших одноклассников Трисонга. Большинство были местными жителями, остальные прибыли из других городов. Несколько человек приехали из отдаленных стран, а некоторые даже с других планет. Они приветствовали друг друга восклицаниями и бесстыдным смехом. Каждый удивлялся, как постарели остальные. Сердечными приветствиями обменивались представители одинаковых социальных слоев, те, кто обладал различным статусом, здоровались более официально.

Говард Хардоах еще не прибыл. Что будет, когда он появится? Джерсен не мог этого представить.

В четыре часа началась официальная часть. Почти все места уже оказались занятыми. Справа от оркестра собралось мелкопоместное дворянство, слева сидели фермеры и владельцы магазинов. Несколько столов с самого края слева заняли обитатели бараков на реке. Мужчины были одеты в коричневые костюмы, женщины — в грубые шерстяные брюки и блузы с длинными рукавами. Дворяне, как заметил Джерсен, потягивали ликер из маленьких синих и зеленых бутылочек. Когда бутылки пустели, их величественным жестом бросали в корзины для мусора.

Вальдемар Кутте, взяв скрипку, вышел на сцену, поклонился направо, налево, затем обернулся к своему оркестру:

— «Танец Шармеллы», полный вариант. Легко, весело, не слишком энергично в дуэтах. Вы готовы? — Кутте взглянул на Джерсена, указав пальцем: «Четвертую... Нет, не эту... Да, правильно».

И взмахнул руками. Оркестр заиграл веселую пьесу. Джерсен дул в свою флейту, как его учили, стараясь делать это как можно тише.

Пьеса закончилась. Джерсен с облегчением опустил флейту.

«Могло быть и хуже! — подумал он. — Главное, кажется, прекратить играть в тот же самый момент, когда останавливаются все остальные».

Вальдемар Кутте объявил другую пьесу и снова указал Джерсену, какой инструмент надо взять.

Пьесу «Гнусный Бенгфер» знали все присутствующие. Они вдруг запели хором и затопали ногами. В песне, насколько понял Джерсен, говорилось о проделках Бенгфера, отчаянного пьяницы, который свалился в выгребную яму в Бантертауне. Убежденный, что упал в чан с «яп-болванским пивом», он напился до умопомрачения, а когда поднялась звезда Ван-Каата и осветила место действия, из выгребной ямы торчал только живот Бенгфера, набитый дерьмом... «Неприятная песня», — подумал Джерсен, однако Вальдемар Кутте с упоением дирижировал оркестром. Джерсен воспользовался общим возбуждением, чтобы посильнее дуть в свою флейту, но тут же получил пару предостерегающих взглядов от дирижера.

Джентльмен из-за стола справа подошел к сцене и заговорил с Вальдемаром Кутте, который сначала отвечал с раздражением, а потом повернулся к собравшимся:

— По многочисленным заявкам для нас споет миссис Тадука Мильгер.

— О нет! — закричала из-за своего столика Тадука Мильгер. — Это совершенно невозможно!

Но ее втащили на сцену, поставили рядом с кисло улыбающимся Кутте.

Тадука Мильгер спела несколько баллад: «Я одинокая птица», «Моя маленькая красная баржа на реке» и «Пинкероуз — дочь космического пирата».

Места за столами были уже заполнены: постепенно собрались все опоздавшие. Джерсен начал сомневаться, что Трисонг придет на вечеринку.

Тадука Мильгер вернулась за свой столик. Объявили о начале ужина, и оркестр пошел отдохнуть в служебное помещение.

Вечер спустился на Гледбитук. Сотни карнавальных фонарей, подвешенных на бамбуковых шестах, освещали павильон. За столами не спеша ужинали. Многие попили ликеры. Те, кто более строго придерживался Учения, коротали время за чашками чая, но потеряли очень мало, потому что столы просто ломились от всевозможных яств.

«Невероятно,— подумал Джерсен.— Где же Говард Трисонг? Почти в руках!»

Он оглядел углы павильона, берег реки... Время, казалось, застыло. И вдруг все встало на свои места. Вот у реки неподвижно застыли три человека, внимательно наблюдая за тем, что творится в павильоне. Джерсен посмотрел на дорогу. У ограды стояли еще трое мужчин, лица и одежды которых невозможно было рассмотреть. Но, похоже, они не из Гледбитука...

Все изменилось. То тут, то там звучали легкие застольные разговоры, преувеличенно-бодрые, причудливые и абсурдные. А вокруг освещенного разноцветными фонарями пространства собирались темные силы. Джерсен прошел в дальний конец павильона, посмотрел на юг и различил очертания людей, почти незаметных в тени вязов.

Кутте позвал оркестр на сцену.

— Сейчас мы сыграем «Рhapsо́дию спящих дев». Внимание! Пожалуйста, грациозно и изящно.

Пирушка бывших, а теперь вновь собравшихся одноклассников достигла стадии повышенной общительности и панибратства. Все окликали друг друга, вспоминая выдумки, проделки и шутки. Социальные барьеры рухнули, веселье охватило всех в павильоне... «Ничего подобного! Это был Кремберт! Мне сделали выговор и обвинили...» — «О, Садкин! Помнишь вонючий цветок в букете миссис Боаб? Какая шутка, а?» — «...что с ним случилось?» — «Утонул в Куадском канале, бедняга. Упал со своей баржи...» — «...самый громкий скандал был с перископом Фимфла, помнишь?» — «А как же! Он под-

сматривал за девочками, глазел на коленки и локти, а также на то, что между ними». — «Какая мысль была!» — «Фимфл! Что за парень! Где он сейчас?» — «Бог его знает». — «Эй, кто-нибудь знает, что случилось с Фимфлом?» — «Не вспоминайте этого маленького сорванца». Последнее донеслось из-за стола Садалфлоурисов и было сказано Аделией Лангал.

Неожиданно раздался звук, похожий на звон огромного гонга. Был ли он на самом деле? Или почудилось? Джерсен отчетливо слышал удар гонга, но больше никто, казалось, его не заметил.

В дверях появилась высокая широкоплечая фигура. Узкие брюки из зеленого велюра облегали длинные, сильные ноги; поверх белой рубашки с длинными рукавами — черный жилет с фиолетовыми и золотыми кармашками; светло-коричневые ботинки, закрывающие лодыжки; мягкая черная шляпа, надвинутая на лоб. Человек постоял в дверях, криво улыбаясь, потом сел на свободное место за ближайшим столом. Из-за стола Садалфлоурисов донесся громкий шепот, который нарушил внезапно наступившую тишину:

— Это же сам Фимфл?!

Говард Алан Трисонг, или Говард Хардоах, медленно повернул голову и посмотрел на Садалфлоуриса, потом окинул взглядом сцену, Джерсена и уставился на Вальдемара Кутте. Улыбка Говарда стала чуть шире.

Школьные товарищи возобновили разговоры. Застолье продолжалось, но атмосфера вдруг стала не такой свободной, как раньше. Разговоры смолкали, когда Говард Хардоах бросал на говоривших недобрый взгляд.

Наконец Морна Ван Халген, одна из организаторов вечера, взяла себя в руки, подошла и сердечно, но тихо поприветствовала Говарда, на что тот вежливо ответил. Морна Ван Халген указала на накрытые столы, предлагая ужин, но Хардоах покачал головой. Тогда она решительно оглядела зал, перебегая глазами от группы к группе, потом снова обернулась к учтивому мужчине, сидящему за столиком перед ней.

— Как приятно видеть вас после стольких лет разлуки! Я бы никогда вас не узнала, хотя вы не так уж изменились! Годы оказались к вам снисходительны.

— Действительно. Я счастливо провел это время.

— Я не помню ваших друзей... Но вы не должны сидеть здесь в одиночестве. Вон Сол Чиб. Помните его? Он сидит с Эльвинтой Герли и ее мужем из Пача.

— Разумеется, я помню Сола Чиб. Я помню всех и вся.

— Тогда почему бы вам не присоединиться к нему? Или к Шимусу Буту? Ведь о скольком можно поговорить! — Она показала на столы в левой части зала.

Говард Хардоах быстро взглянул туда:

— К Солу или Шимусу?.. Оба, как я помню, были неловкими, тупыми и неряшливыми людьми. Я же, если помните, был философом.

— Возможно. Но ведь люди меняются.

— Сущность их неизменна. Возьмите меня, к примеру. Я по-прежнему философ, даже более изощренный, чем раньше.

Морна сделала движение, словно хотела отойти подальше от столика Говарда.

— Это же прекрасно.

— В таком случае, после маленького уточнения, к какой группе вы посоветуете мне присоединиться? Может быть, к Садалфлоурисам или к Ван Бойерсам? Или лучше присесть за ваш столик?

Морна скривила губы и моргнула:

— В самом деле, Говард, я уверена, вам будут рады везде так же, как это было в школе... Вы знаете... Я думала...

— Вы думали обо мне как о бедном космическом бродяге, возвратившемся в отчий дом, усталом человеке, полном сентиментальных воспоминаний, готовом встретиться с Шимусом и Солом на вечеринке выпускников. В каком-то смысле, Морна, время — волшебная линза. Как и в детстве, я употребляю ликеры и эссенции. Будьте добры, Морна, позовите официанта и посидите

со мной. Мы вместе выпьем «Нектар Флокса», «Голубые слезы» и «Теперь ты видишь меня».

Морна все-таки сделала шаг назад:

— Тут нет официантов. Все всё делают сами. А теперь...

— В таком случае, я принимаю приглашение.— Говард Хардоах вскочил на ноги.— Мы пойдем к вашему столу, и Вимберли предложит нам одну-две бутылочки.— С изяществом он повел Морну через павильон к столу, где она сидела со своим мужем Вимберли, а также Блоем и Дженором Садалфлоурисами, Педером и Элисент Ворвельт.

Компания встретила Говарда прохладно, вяло поприветствовав его. Он ответил:

— Спасибо всем. Морна соблазнила меня замечательными старыми «Голубыми слезами», и я с удовольствием попробую их. Леди и джентльмены, мои лучшие пожелания! Пусть праздник никогда не покинет ваши сердца!

— Здесь нет официальной программы,— обратился к нему Дженор.— Ты не заметил никого из своих старых друзей?

— Только вас,— сказал Говард Хардоах.— Вы говорите, нет программы? Мы это исправим. Наша встреча должна запомниться всем! Спасибо, Вимберли, я выпью еще четверть пинты. Эй, маэстро Кутте, сыграйте что-нибудь!

Вальдемар Кутте едва поклонился с суровым видом. Говард Хардоах засмеялся и откинулся на спинку стула.

— Он не изменился ни на йоту: все тот же сухой старикан. Некоторые из нас меняются к лучшему, некоторые — к худшему. Правда, Блой? Ты здорово изменился. В самом деле... Ты, кажется, отпустил живот?

Блой Садалфлоурис покраснел:

— Я не хотел бы обсуждать эту тему.

Но Говард Хардоах уже говорил о другом:

— Во Флатере так много Садалфлоурисов, что я не могу выделить отдельные ветви этого семейства. Мне кажется, ты принадлежишь к главной?

— Совершенно верно.
— А кто сейчас глава семьи?
— Мой отец, мистер Номо Садалфлоурис.
— Его сегодня нет тут?
— Он ведь не учился с нами в одном классе.
— А что с Саби Садалфлоурис, которая была когда-то такой красивой?

— Ты, очевидно, имеешь в виду мою сестру, миссис Саби вер Эйх. Она здесь.

— Где же?

— Вон за тем столиком со своим мужем и остальными...

Говард Хардоах резко повернулся и пристально посмотрел на темноволосую даму за столом в двадцати футах от них, потом поднялся и подошел к ней:

— Саби! Ты узнаешь меня?

— Мне кажется, вы Говард Хардоах.— Голос Саби вер Эйх не отличался теплотой.

— Да, это я. А кто это с тобой?

— Мой муж, Поль. Мои дочери, Мирл и Мод, мистер и миссис Джанат с реки Виста, мистер и миссис Гилди с озера Скуни и их дочь Хальда.

Говард Хардоах поблагодарил за знакомство и повернулся к Саби:

— Как я рад, что встретил тебя снова! Теперь вижу, что пришел не зря. А твои дочери так же прелестны, как и ты в их возрасте.

Голос Саби зазвучал настолько холодно, что, казалось, подул ледяной ветер:

— Удивительно, что ты вспомнил старое!

Поль вер Эйх сказал:

— Удивительно, что вы вообще решились появиться!

Говард Хардоах уныло улыбнулся:

— Меня же пригласили. Или это не мой класс и не моя школа?

Поль вер Эйх несколько грубо заметил:

— Об этом лучше не говорить!

— Совершенно верно.— Говард пододвинул стул и сел.— Если позволите, я попробую вашего «Аммари».

— Я вас не приглашал к столу.

— Спокойно, Поль, не будь жадным! Разве ты тонна за тонной не перетираешь ценную мурдиксикскую муку?

— Да, фабрика работает. Я поддерживаю ее в хорошем состоянии и получаю прибыль.

Говард Хардоах откинул голову назад и засмеялся:

— Я рад встретить вас всех.— Он взял руку Мирл и поцеловал ее пальцы.— Особенно тебя. Я необычайно взволнован, хотя это не совсем правильное слово... Ненасытно... Нет, это тоже не то слово... Восхищение прекрасными девушками... И еще до того, как кончится вечер, мы встретимся снова.

Поль вер Эйх привстал, но Говард Хардоах уже отвернулся от Мирл, поднес бутылочку «Аммари» к губам и залпом опорожнил ее.

— Освежает! — Изящным движением он бросил бутылочку в корзину.

Вдруг Саби тронула мужа за руку:

— Поль, кто эти люди?

Она указала в конец павильона. Там стояли трое мужчин с тяжелыми лицами, в серой с черным форме и черных касках. Каждый держал в руках короткую винтовку.

Миссис Джанат тихо вскрикнула:

— Они повсюду! Нас окружают!

Говард Хардоах произнес:

— Не обращайтесь на них внимания. Это часть моей свиты. Вероятно, пора сделать объявление, чтобы успокоить любопытных.— Говард Хардоах прыгнул на сцену, где располагался оркестр.— Школьные товарищи, старые знакомые, все остальные! Вы заметили группы людей, похожие на военные отряды? Это просто мои телохранители. Сегодня они надели эти очень неприглядные костюмы, которые своим цветом говорят нам, что их обладатели в мрачном настроении. Когда они надевают желтое, значит, они оживленны и веселы. Когда они надевают белое, мы называем их «мертвыми куклами». А теперь устроим вечер удовольствий!

Пусть воспоминания текут своим чередом. Блой Садалфлоурис сказал мне, что никаких развлечений не намечается. Это меня несколько огорчило, и я решил предложить свою программу. Позвольте мне коротко рассказать о себе. Возможно, из всех посещавших старую добрую школу я был самым наивным. Сам поражаюсь. Каким мечтателем я был двадцать пять лет назад! Придумывал таинственный мир незаконных удовольствий и мучительных вожделений... Но когда пытался найти себя, то получал отпор. Все, что существовало в моем мире, окружающим казалось извращением. К бедному мальчику придирались, его оскорбляли, над ним насмехались и даже дали ему идиотскую кличку — Фимфл. Я уверен, автором был Блой Садалфлоурис. Верно, Блой?

Блой надул щеки, но промолчал.

Говард Хардоах опустил голову, медленно покачал ею:

— Бедный Говард! Девушки относились к нему не лучше. Даже теперь я вздрагиваю, вспоминая их пренебрежение! Саби Садалфлоурис играла в жестокую, бессердечную игру, которую не стану описывать. Теперь я приглашаю ее очаровательных дочерей совершить круиз на борту моей космической яхты. Мы посетим интересные миры, и, я уверяю, в моей компании они не будут скучать. Возможно, это вызовет мучения и чувство одиночества у Саби, но она должна была подумать о своих поступках двадцать пять лет назад. О поступках, которые заставили меня бежать из Гледбитука! — Трисонг обвел взглядом примолкших одноклассников. — Все, о чем я пока говорил, шло мне во вред. Но теперь я очень богатый человек. Я могу купить весь Гледбитук и не заметить этого. С философской точки зрения, я — сверхъестественная личность. Я исповедую Доктрину Космического Равновесия, а если говорить проще — «зуб за зуб...» Теперь о программе сегодняшнего вечера. Я назвал ее довольно оригинально: «Мечта Выдающегося Школьника о Справедливости!» И совершенно счастлив, что волен распоряжаться обстоятельствами!

Корнелиус Ван Бойерс, главный организатор праздника, поспешно вышел вперед:

— Говард! Ты говоришь невероятные глупости! Это же просто несерьезно, но, в сущности, ты хорошо нас всех повеселил. Садись наконец на место. Ты хороший парень, и мы вместе будем наслаждаться вечеринкой.

Говард махнул рукой. Два телохранителя вывели Корнелиуса Ван Бойерса из павильона и заперли его в женском туалете. Этим вечером его больше никто не видел.

Говард Хардоах повернулся к оркестру. Джерсен, сидевший в двадцати футах от него, надеялся, что широкополая шляпа и кроткое выражение лица — хорошая маскировка. Хардоах едва взглянул на Джерсена.

— Маэстро Кутте! Мне доставляет огромное удовольствие встретить вас снова! Вы помните меня?

— Не особенно отчетливо.

— Это потому, что вы разозлились на меня и отобрали скрипку. Вы сказали, что я играю как напившаяся белка.

— Да. Я помню этот случай. Ты сделал грубое вибрато. Но почему, вспоминая старое, ты припоминаешь только гадости?

— Интересно, а вы сами никогда не играли в этом стиле?

— Никогда! Все ноты должны быть логически завершенными, точными и ограниченными с каждой стороны.

— Позвольте напомнить вам о трюизме музыкантов, — сказал Говард Хардоах. — Когда вы перестаете расти, то начинаете опускаться. Вы никогда не играли как напившаяся белка, а сейчас пришло время попробовать. Для того чтобы играть как напившаяся белка, тогда как вы не белка вовсе, вы, по крайней мере, должны напиться. Здесь есть все необходимое. Пейте, профессор Кутте, а потом играйте! Так, как раньше вы никогда не играли!

Кутте наклонился и оттолкнул предложенную бутылку:

— Простите, но я не употребляю ферментов и спиртов. Учение категорически запрещает это.

— Хо! Мы набросим покрывало на теологию, как могли бы набросить платок на болтливого попутая. Доставьте нам радость! Удовольствие! Пейте, профессор! Пейте здесь, или мои телохранители напоят вас за павильоном.

— Пить я не хочу, но если меня принуждают... — Кутте опрокинул содержимое бутылки себе в рот и закашлялся. — Какая горечь!

— Да, это «Горький Аммари». А теперь попробуйте «Дикий Солнечный Свет».

— Это несколько лучше. Позвольте попробовать «Голубые слезы»... Так. Отлично. Достаточно!

Говард Хардоах засмеялся и хлопнул Кутте по спине. Джерсен смотрел на происходящее с тоской. Так близко и так далеко! Музыкант, игравший на цимбалах, пробормотал:

— Этот человек безумен! Если он подойдет ближе, я ударю его цимбалами по голове. Вы поможете мне, и мы в один миг прекратим это безобразие.

У входа стояли двое мужчин: один — низкий и толстый, как обрубок, почти лысый, с квадратной головой и мясистыми чертами лица; второй — худощавый, мрачный, с короткими жидкими черными волосами, впалыми щеками, с длинным бледным подбородком. Они не были одеты в форму телохранителей.

— Видите тех людей? — Джерсен незаметно указал на них. — Они наблюдают и только и ждут от кого-нибудь подобной глупости.

— Я не намерен сносить унижение! — прорычал цимбалист.

— Сегодня вечером лучше вести себя осторожно, а то можно не дожить до утра.

Кутте пробежал пальцами по волосам, его глаза остекленели, и он зашатался, когда повернулся к своему оркестру.

— Сыграйте нам что-нибудь, — окликнул его Говард Хардоах. — В стиле напившейся белки, пожалуйста!

Кутте пробормотал, обращаясь к оркестру:

— «Цыганский костер в Аолиане».

Говард Хардоах внимательно слушал, как играет оркестр. Наконец он закричал:

— Довольно! Теперь переходим к программе! Мне нравится наша встреча. Она состоялась двадцать пять лет спустя. Так как я импресарио и так как темы взяты из моего жизненного опыта, то субъективный подход неудивителен... Итак, начинаем! Я вращаю колесо истории назад. Сейчас мы находимся в школе с нашим милым Говардом Хардоахом, которого донимали задиры и смазливые девчонки. Я вспоминаю один случай. Маддо Страббинс, я вижу тебя. Ты выглядишь более предствительным, чем тогда. Выйди вперед! Хочу напомнить тебе кое-что.

Маддо Страббинс смотрел сердито и сидел с вызывающим видом. Телохранители Говарда подошли поближе. Он поднялся на ноги и неспешно подошел к сцене, высокий, дородный мужчина с темными волосами и крупными чертами лица. Он стоял, глядя на Говарда со смешанным чувством презрения и неуверенности.

Хардоах заговорил резким голосом с металлическими нотками:

— Как приятно видеть тебя спустя столько лет! Ты все еще играешь во дворе?

— Нет. Это игра для детей — гонять мяч туда-сюда.

— Когда-то мы оба думали иначе. Я пришел на корт с новой ракеткой и мячиком. А ты явился туда вместе с Ваксом Баддом и выгнал меня, сказав: «Охлади свой пыл, Фимфл. Потренируйся на заднем дворе. Ты должен подождать до лучших времен». А потом вы играли моим мячом. Помнишь? Когда я попытался возражать, заявив, что пришел первым, ты ответил: «Заткнись, Фимфл! Я не могу играть, когда ты ноешь над ухом». Потом ты забросил мой мяч за забор, и он потерялся в траве. Помнишь?

Маддо Страббинс не ответил.

— Я долго переживал ту потерю, — продолжал Говард Хардоах. — Этот случай запал мне в память: мяч стоил пятьдесят центов. Мое время, потраченное на ожидание и поиски мяча, стоит еще один сев, то есть уже полтора

сева. С учетом двадцати пяти процентов годовых набегает еще шестнадцать севов двадцать пять центов. Добавь десять севов в качестве штрафа за моральный ущерб, округли, и получится двадцать шесть севов. Заплати сейчас.

— Я не ношу с собой таких денег.

— Порите его двадцать шесть минут, потом отрежьте ему уши,— приказал своим телохранителям Говард Хардоах.

Страббинс задрожал:

— Подождите минутку... Вот деньги.

Он достал несколько купюр, потом повернулся и побрел к своему столу.

— Еще не все,— продолжал Говард Хардоах.— Ты заплатил мне только за потерянный мяч. «Сиди тихо»,— сказал ты.

Телохранители поставили перед сценой деревянный стул с куском льда на сиденье, подвели Маддо Страббинса к стулу, сняли с него брюки, посадили его на лед и крепко привязали.

— Сиди спокойно и тихо, охлади свою задницу,— велел Говард Хардоах.— Ты выкинул мой мяч, а меня так и подмывает приказать отрезать твои мячики, но я понимаю, это твое единственное семейное развлечение. Мы сделаем по-другому...

Вперед вышел один из телохранителей и приложил ко лбу Маддо Страббинса какое-то приспособление. Тот закричал от боли. Когда приспособление убрали, на коже осталась буква «Ф» фиолетового цвета.

— Это заглавная буква пресловутого прозвища Фимфл,— пояснил Говард Хардоах.— Она будет меткой для каждого, кто, как я вспомню, произносил его. Прозвище придумал Блой Садалфлоурис. Поэтому следующим номером программы объявим этого тучного борова.

Блой Садалфлоуриса раздели донага и вытатуировали буквы «Ф» по всему телу, кроме ягодиц, где слово «Фимфл» написали целиком.

— Ты придерживаешься моды,— ухмыльнулся Хардоах, критически осмотрев его.— Когда будешь купать-

ся в озере Скуни и твои друзья спросят, почему ты пятнистый, как леопард, отвечай: «Я наказан за длинный язык!» Эй, ребята, а ведь верно! Пометьте-ка заодно и его язык, как и все остальное... Итак, кто следующий? Эдвер Висси? Вперед, пожалуйста... Помнишь Анжелу де Дейн? Хорошенькую маленькую девушку из низшего сословия? Я восхищался Анжелой со всем пылом своего романтического сердца. Однажды, когда я разговаривал с ней, подошел ты и оттолкнул меня, сказав: «Беги вдоль, Фимфл. И держись подальше. Анжела пойдет со мной в другую сторону». Я долго ломал себе голову над этим приказом. «Беги вдоль...» Вдоль чего? Дороги? Воображаемой линии? Длинного пути? — Голос Хардоаха стал гнусавым. — На сей раз мы упростим дело и вообразим, что вокруг павильона есть беговая дорожка. Ты будешь «бежать вдоль», и мы узнаем, что ты имел в виду тогда. Четыре собаки будут преследовать тебя и кусать за ноги, если ты попытаешься остановиться. Эй, Эдвер! Дай нам посмотреть на пару быстрых ног. Пробегись «вдоль»! Жаль, маленькой Анжелы здесь нет, чтобы повеселиться вместе с нами.

Телохранители отправили Эдвера Висси на дорожку, а четыре гончих помчались сзади с рычанием и лаем.

Сидевший рядом с Джерсеном цимбалист пробормотал:

— Вы когда-нибудь видели подобное? Этот человек безумен, если устраивает такие представления.

— Будьте осторожны, — предупредил Джерсен. — Он слышит шепот, произнесенный десять минут назад на расстоянии мили. Пока он ведет себя еще прилично. Он в хорошем настроении.

— Надеюсь никогда не увидеть его в ярости.

Программа продолжалась. Говард Хардоах изощрялся все больше. Он разошелся не на шутку.

Олимп Омстед назначила Говарду свидание в зоне отдыха Блинник-Понд. Говард протащился десять миль и ждал четыре часа только для того, чтобы увидеть, как Олимп приехала в компании с Гардом Форнблумом.

— Теперь тебя отвезут в отдаленное место, — сказал Говард. — Ты подождешь до восьми часов утра, а потом прогуляешься пешком двадцать миль до реки Виггал. Но чтобы ты навсегда запомнила этот случай, я придумал еще одну шутку.

Мадам Олимп раздели до пояса, одну грудь выкрасили в ярко-красный цвет, другую в ярко-синий, а на живот поставили лиловую букву «Ф».

— Прекрасно! — воскликнул Говард Хардоах. — Теперь тебе будет трудно обманывать, пользуясь доверием молодых ребят.

Пока Говард сосредоточил свое внимание на Леопольде Фриссе, Олимп вывели из павильона и увезли на исходную позицию. Леопольд обучал молодого Говарда, как «поцеловать себя в зад». Теперь перед Леопольдом поставили в соответствующую позу шесть свиней, и он должен был целовать каждую в анальное отверстие.

Ипполиту Фауер, ударившую Говарда по лицу на парадном крыльце школы, отшлепали два телохранителя, пока маэстро Кутте играл на скрипке, чтобы заглушить ее крики. Опустившись на колени, он с трудом водил смычком по струнам.

Говард Хардоах с отвращением выхватил у него скрипку:

— Я выпил раз в пять больше тебя! Ты хвастался, что хороший музыкант, а не можешь играть, даже когда выпьешь чуть-чуть! Постыдился бы. Я сыграл намного правильнее в тот раз...

Он сделал знак телохранителям, и те опять начали хлестать Ипполиту, которая снова закричала, а Говард заиграл на скрипке. Он начал пританцовывать, продолжая игру, время от времени поднимая то одну, то другую длинную ногу и слегка притопывая ею, важно выступая вперед, подгибая колени. Его глаза были полузакрыты, а лицо — неподвижно.

Цимбалист смущенно повернулся к Джерсену:

— По правде говоря, он играет великолепно... Уверенно, заметьте. Как умело он акцентирует звук на криках женщины. Меня так и подмывает закричать «браво».

— Ему было бы приятно,— ответил Джерсен.— Но в целом, наверное, лучше не привлекать к себе внимания.

— Думаю, вы правы.

Мелодия отзвучала, и Ипполита в изнеможении вернулась на свое место. Настроение Говарда Хардоаха требовало музыки. Он повернулся к оркестру:

— Теперь все вместе, с огоньком, с переливами и без ошибок. «Удовольствия Петтивилла».

Джерсен толкнул локтем цимбалиста:

— Какая флейта?

— С медной каймой.

Говард Хардоах топнул ногой, оркестр начал играть. После первого куплета Говард потребовал тишины.

— Красиво, красиво! Кларнет, более резко! Эй, ты, на дудке, почему не играешь традиционного соло?

Джерсен изобразил смущенную улыбку:

— Я плохо знаю эту мелодию, сэр.

— Тогда ты должен практиковаться в игре на своем инструменте.

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

— Еще раз, только поживей!

Мелодия была сыграна, а Говард Хардоах изобразил нечто напоминающее абсурдный танец.

Неожиданно он остановился, топнул ногой и воздел руки к небесам, размахивая возмущенно скрипкой и смычком:

— Что с дудкой! Эй, ты почему играешь не так, как положено? К чему это нелепое пи-па-па, пи-па-па?

— Видите ли, сэр, по правде говоря, я плохо играю на этом инструменте.

Говард Хардоах схватился за голову и в ярости сдвинул шляпу на затылок:

— Ты бесишь меня своим пи-па-па! И своим идиотским злым видом. Ребята, возьмите этого кретина и окуните его в реку! Мир станет лучше без таких музыкантов.

Телохранители схватили Джерсена, стащили его со сцены. Говард обратился к публике:

— Вы — свидетели важного события. Все люди делятся на три категории. Первая — личности, обладаю-

щие утонченным вкусом; вторая — вульгарная масса, которая служит сама себе примером; третья — никудышные выскочки, подражающие стилю лучших мира сего. К последним относится вот этот музыкант. Таких людей нужно вовремя останавливать! А теперь музыка! Кто хочет, может танцевать!

Два телохранителя вынесли Джерсена из павильона и потащили его по склону к реке. Третий шел сзади. Джерсену ничего другого и не надо было. Они спустились вниз, к лодочной стоянке, прошли в дальний конец, где волшебные фонари отражались в мелкой ряби темной воды.

Джерсена подняли за руки и за ноги. Он висел, безразличный и расслабленный.

— Считаем до трех и бросаем. Итак, начали!

— Начали,— сказал Джерсен, извернулся, вырвался из рук телохранителей, нанес стоящему слева страшный удар, сломав шею. Другого он ударил кулаком в висок и почувствовал, как треснула кость. Повернувшись и пригибаясь, он бросился под ноги третьему, который пошатнулся, потерял равновесие и упал назад, подставив под себя руки. Джерсен поймал его в захват, перевернул лицом вниз, наступил коленями на плечи, дотянулся до подбородка и, резко дернув голову вверх и назад, сломал хребет.

Тяжело дыша, Джерсен встал на ноги. Менее чем за три секунды он убил троих. Он взял одну из винтовок, пистолет, пару кинжалов, потом столкнул тела в реку и пошел назад к павильону.

Музыка прекратилась. Телохранители, поддерживающие связь по рациям, заметили беспорядок на берегу.

Джерсен мельком увидел нескольких телохранителей, которые, пригнувшись, выбежали из павильона. Говард Алан Трисонг по-прежнему стоял на сцене и, нахмурившись, смотрел в сторону Джерсена, который поднял винтовку, прицелился и выстрелил как раз в ту минуту, когда Трисонг спускался со сцены. Говард подпрыгнул в воздухе, раненный в плечо. Джерсен выстрелил снова и поразил Трисонга в пах, заставив врага завертеться

на месте. Потом Трисонг упал на пол и исчез из поля зрения.

Джерсен заколебался, заметался туда-сюда, подгоняемый желанием броситься вперед и убедиться в смерти мерзавца... Но опасность была слишком велика. Если Говард Трисонг только ранен, что вероятнее всего, Джерсена схватят и расправа окажется скорой. Больше ждать нельзя. Метнувшись в тень лиственниц, Джерсен обогнул павильон, выбежал на дорогу и спрятался среди стоявших машин. Показались трое телохранителей. Джерсен прицелился и трижды выстрелил. Три тела упали на землю.

Джерсен быстро вскочил на ноги и осмотрелся, надеясь увидеть Трисонга и добить его.

Но теперь опасность возросла еще больше. Поэтому Джерсен перебежал дорогу и спрятался в зарослях. Неожиданно гигантский силуэт заслонил звезды, зависнув над павильоном. Яркие лучи прожекторов осветили все вокруг... Скоро сканеры корабля начнут шарить по окрестностям. Джерсен решил больше не ждать. Он подбежал к берегу, прыгнул в воду и поплыл на север, стараясь как можно скорее выбраться из зоны действия детекторов.

Он переплыл реку и спустился еще на четверть мили вниз по течению, вылез на берег мокрый, как ондатра, и замер, вглядываясь во тьму на юге... Снова провал. Еще более горькая неудача. Второй раз он был близок к цели и опять только ранил противника.

Он смотрел на юг, где оставил раненого Трисонга с его телохранителями и кораблем. С корабля спустили подъемники и через минуту всех переправили наверх. Прожекторы погасили. Теперь корабль превратился в черную массу с линиями освещенных иллюминаторов по бортам. Он поднялся на тысячу футов и завис.

Мозг Трисонга, оказавшегося на борту корабля, наверняка не останется пассивным. Сигнал тревоги пришел с реки, куда телохранители потащили глупого музыканта... А кто был этот музыкант, которого профессор Кутте пригласил сыграть с оркестром? Несомненно, вопрос

зададут Кутте, который живо расскажет все, что знает: музыкант с другой планеты, он хотел участвовать в празднике.

Ах, инопланетянин? Без сомнения, его нужно схватить. Сейчас же начнутся поиски в гостиницах, городках, транспортных агентствах, космопортах. В космопорту Теобальд найдут «Крылатый Призрак». По регистрационному номеру определят имя Кирта Джерсена, и оно станет известно Говарду Трисонгу. Джерсен поморщился и направился на север, к Голчер-вей, а около кладбища свернул на запад.

На главной улице он на мгновение остановился, подумав об автомобиле, но более необходимым представлялось увидеть маэстро Кутте, и Джерсен пошел к дому профессора.

В окнах, выходящих на улицу, горел свет. Держась в тени, Джерсен приблизился к дому. Вальдемар Кутте в коричневом халате шагал по комнате туда-сюда, держась за голову.

«Прошло не так много времени,— подумал Джерсен,— но здесь все тихо».

Тишина заставила его усомниться в правильности собственных рассуждений. Корабль Трисонга мог уже улететь, а идиот-музыкант — остаться неразрешенной загадкой... И все-таки Джерсен решил подождать. Он нашел укромный уголок возле изгороди и затаился.

Шли минуты: пять, десять...

Улица оставалась пустынной. Джерсен сменил позу и взглянул на небо, но увидел только звезды — странный рисунок созвездий. Наконец он поднялся и начал приводить себя в порядок: его одежда все еще была сырой.

Слабый звук донесся сверху. Джерсен мгновенно насторожился. Опять! Что это?

С неба спустилась небольшая авиетка. Скользя тихо, как тень, она села в десяти ярдах от того места, где спрятался Джерсен. Три человека сошли на землю, остановились, тихо переговариваясь, очевидно, удостоверившись, что это действительно дом Кутте.

Джерсен, пригибаясь, пробежал за оградой, обогнул посаженные у дома кусты и притаился за воротами.

Через окно было видно, как Вальдемар Кутте, возмущаясь и негодуя, рассказывал о событиях вечера маленькой пухлой женщине, охваченной ужасом.

Два человека подошли к дверям дома, потом свернули во двор. Джерсен ударил одного из них в лоб куском железной ограды, бросился ко второму и пронзил его сердце кинжалом.

Ни звука. В доме профессор Кутте, как и раньше, продолжал ходить, размахивая руками, делая паузы, чтобы подчеркнуть некоторые особенно ужасные эпизоды.

Джерсен подошел к ограде и посмотрел на машину. Третий телохранитель, прислонившись спиной к летательному аппарату, следил за улицей. Джерсен крадучись зашел ему за спину и, взмахнув кинжалом, перерубил спинной мозг телохранителя.

На пассажирское сиденье авиетки Джерсен уложил три трупа. Потом поднялся в воздух, пролетел над погруженным в ночную темноту Гледбитуком, сел во дворе позади гостиницы Свичера, тихо пробрался в свою комнату, переоделся в обычную одежду, засунул в карман «Книгу Грез». Вернувшись к авиетке, он поднял машину в воздух и полетел на юг, к Теобальду.

Над рекой Данглиш он снизился, сбросил тела в воду и полетел дальше.

Наконец внизу показались опознавательные огни Теобальда. Красные и синие мерцающие лампочки обозначали очертания космопорта.

Не замеченный и не потревоженный никем, Джерсен приземлился рядом с «Крылатым Призраком», поднялся на борт и задействовал системы подготовки к взлету.

Затем он вспомнил об авиетке. Если Говард Трисонг найдет ее здесь, около места, где раньше стоял корабль, то легко сможет додумать остальное. Служащий космопорта покажет ему регистрационные записи «Крылатого Призрака», следы приведут прямо к Кирту Джерсену, Джигану Аддельсу в Ионтифракт, на Элойз... Джерсен

вернулся в авиетку, запрограммировал автопилот и отправил авиетку в путешествие.

Потом перебрался на корабль, запустил двигатели и оставил Леландер далеко внизу... На высоте десяти миль он остановил звездолет и принялся исследовать небо. Но ни макроскоп, ни радары, ни ксенодный детектор не обнаружили никакого следа корабля Трисонга.

Джерсен полетел далеко на север и сел в безлюдной тундре, вдали от детекторов Трисонга.

Очень усталый, он поудобнее устроился в кресле, но странные мысли не давали ему уснуть. Нервное напряжение медленно спадало, разочарование от того, что он не смог убить мерзавца, уступало место мрачному удовлетворению тем, что удалось заставить его оступиться, разозлиться, почувствовать страх, неуверенность в себе, боль. Не такая уж плохая работа. Даже сами по себе эти слова раньше никогда не упоминали рядом с именем Говарда Алана Трисонга. Взяв «Книгу Грез», Джерсен принялся изучать ее. Но он слишком устал, чтобы быть упорным...

Тогда он забрался в постель и скоро уснул.

Глава 14

Утром, сидя на ступеньке трапа, Джерсен выпил чашечку чая. Выходило солнце. В воздухе чувствовался запах затхлости, грязи и гниющих растений. Низкие холмы теснились на юге у горизонта. Равнина — тундра, болота — простиралась насколько хватало глаз. Землю покрывали серо-зеленые лишайники, однообразие которых кое-где прерывали заросли камыша и черные проплешины земли, перемежающиеся зарослями истощенной осоки и маленькими черными деревцами с алыми ягодами. Встреча одноклассников в Гледбитуке, казалось, происходила где-то в другом мире и очень давно.

Джерсен вернулся в салон, налил еще чашку чая, снова вышел из корабля и буквально заставил себя посмотреть «Книгу Грез».

Чай остыл. Джерсен читал страницу за страницей и дошел наконец до того места, где юный Говард прервал свои записи чуть ли не на середине предложения.

Джерсен отложил книжечку и устался в пространство. Когда-то Говард Трисонг очень дорожил ею, она была для него частью юности, полной сладкой печали. Более того, она определяла его сущность. Предположим, Трисонг узнает, что книжка не пропала. Что дальше? Этот человек непредсказуем. Когда-то он был уверен, что книгу украл его бывший друг, Нимфи Клидхо. Интересно, где сейчас находится этот Клидхо?

Джерсен задумался, представив себе молодого Хардоаха, слабого, чувствительного, вечно окруженного тайной. Он снова взялся за «Книгу Грез», и ему показалось, что книжечка трепещет от фантастической жизни, сокрытой в ней... При первом прочтении она производила впечатление просто сумбурных записок, состоящих из личных рассуждений, разговоров семи паладинов, двенадцати песен как версий повествования. Последние страницы были написаны на языке Наомеи, известном только паладинам, и тут же приводились азбука с символами и триста пятьдесят понятий, по которым этот язык можно понять. До того как юный Говард полностью развил его, книга прерывалась.

Очевидно, Говард вел записи несколько лет. Предисловие, занимавшее полторы страницы, содержало заявление, в котором чуткое ухо услышало бы много яркого и необычного, тогда как циничный человек не заметил бы ничего, кроме неопытной напыщенности.

«То же самое, — подумал Джерсен, — можно сказать и обо всей книге». По мнению Джерсена, неопытный юнец не мог выдумать ничего подобного. «В чем же тут дело?» — подумал Джерсен, пытаясь подобрать более точное название фантазиям Говарда Алана Трисонга.

Книга начиналась так:

Я — Говард Алан Трисонг. Я не признаю имени Хардоаха и тому подобной чуши. То, что к моему рождению причастны Агриан и Реба Хардоах, — случайность, от меня не зависящая. Я произошел от коричневой земли, которую те-

перь сжимаю в руках, от серого дождя и стонущего ветра, от волшебной звезды Мемон. Мое тело пропитано тысячами цветами, из которых пять входят в ее спектр.

Такова моя сущность.

Я претендую на линию Демабиа Хаткенса от его союза с принцессой Гиссет из обители Трисонг, откуда появился Шорл Трисонг — Рыцарь Пламенного Копья.*

Мой вистгейст известен по названию тайной магии.*

МОЕ ИМЯ ИММИР

Пусть угрюмые лучи темной звезды по ту сторону Мемона отберут жизнь и свет у того, кто произнес это имя с презрением.

На следующей странице был рисунок, выполненный неумелой рукой, однако старательно и искренне. Картинка изображала нагого мальчика, стоящего перед нагим молодым мужчиной: мальчик — рослый и решительный, с ясным и умным взглядом; мужчина немного худощавый. Но что-то заставляло думать о нем как о сильном и отважном, удивительном человеке.

«Это, — подумал Джерсен, — молодой Говард и его вистгейст Иммир».

Далее Говард выписал подборку аксиом, и понятных, и совершенно туманных.

ЗАПРЕТЫ ПРОЧЬ!

Проблемы, подобные деревьям Блеадстоунского леса. Всегда между деревьями есть тропинка, по которой можно пробраться, не натываясь на стволы.

Я — вещь в себе. Я верю. Я волнуюсь. Это истина. Я побеждаю героев. Я ухаживаю за прекрасными дамами. Я плыву в тепле со страстным невыразимым желанием. Своим пылким убеждением я обгоняю время и думаю о невозможном.

* Главный персонаж героического цикла народных сказок «Хеам Фолиот». Сборники саг и мистических сказаний последователи Учения признали вредными. (Примечание автора.)

** Термин, используемый Учением. Вистгейст — идеализированная версия чье-либо бытия. Учение определяет его крайне туманно, но призывает человека пытаться в течение всей жизни следовать вистгейсту. Говард с его помощью формулирует сущность, полностью свободную от Учения. (Примечание автора.)

Мне подвластны тайные силы. Они зарождаются во мне. Иногда они вырываются из-под контроля, и тогда последствия ужасны. Это тайна, которую нельзя открыть никому. А вот секретный символ:

Я люблю Глэйд со светлыми волосами. Она живет в моих грезах и снах, как анемона в холодной воде. Она не осознает, что я — это я. Желал бы я найти дорогу к ее душе. Хотел бы я быть волшебником, чтобы следовать путями нашей мечты. Если б я только мог говорить с ней звездным светом, плывя по тихим волнам.

Я могу видеть контуры власти и использовать их, управлять животными. Я учусь многому. Страх, паника, ужас подобны диким великанам, которых надо приручить, и они будут служить мне. Это необходимо. Куда бы я ни шел, они следуют за мной по пятам, невидимые и неведомые, пока я не прикажу им.

Глэйд!

Я знаю, что она должна существовать.

Глэйд!

Она сделана из звездного света и цветочной пыльцы. Она дышит памятью полночной музыки.

Я удивляюсь... Удивляюсь... Удивляюсь...

Сегодня я показал ей Знак, случайно показал, будто он и значения не имеет. Она посмотрела на него, потом на меня. Но ничего не сказала.

Следующие несколько заметок носили следы подчисток, и там были места, переписанные позже более твердой рукой.

Что такое власть? Это средство осуществлять желаемое. Для меня власть становится необходимостью. Сама по себе она — добродетель и бальзам, сладкий, как поцелуй девушки. Подобно поцелую власть надо взять.

Я одинок. Враги и недоброжелатели окружают меня, смотрят безумными глазами, а потом сверкают наглыми ляжками, когда обращаются в бегство.

Глэйд, Глэйд, почему ты так сделала? Я лишился тебя. Теперь ты порочна и испорчена. О, милая, порочная Глэйд! Ты еще узнаешь горечь сожаления и раскаяния, ты споешь песни горя, но все будет бесполезно. Что касается собаки Таппера Сагалфлоуриса, то я посажу его в янтарную гондолу, отвезу на остров работорговцев и отдам на растерзание Моалзам.

Но я еще успею все обдумать.

В тексте было пропущено несколько страниц, затем шли записи темно-лиловыми чернилами. Рука казалась тверже, характеры выписаны более реалистично.

АКСИОМЫ

Аккумуляция власти — это самоподдерживающийся процесс. Прирост низок, но он увеличивается согласно дирекции. Необходимо сделать только первые шаги. Однообразное и беззаботное существование. Во время этой фазы невозможно выработать собственные суждения. Дисциплина сама по себе не отвлеченное понятие. Обычно она навязывается полуосознанно. Нужно, во-первых, освободиться от Учения, от долга, нежных эмоций, которые не дают обрести власть.*

Очевидно, прошло время, возможно, несколько месяцев. Дальше почерк стал крупным, заостренным, угловатым и выделял почти осязаемую энергию.

Новая девушка появилась в городе!

Ее имя — Зига Менар.

Зига Менар!

Мысли о ней волнуют меня.

Она существует в особом пространстве, раскрашенном в свои цвета, обладающем собственным ароматом! Как мне воссоединить ее пространство и мое? Как разделить с нею свои секреты? Как объединить в одно целое наши тела, души, запахи?

Интересно, знает ли она меня так, как я знаю ее?

Затем шло несколько страниц экстравагантных рассуждений о Судьбе и Обстоятельствах, о том, что следует после воссоединения с Зигой Менар.

* Личному контролю, персональному управлению. (Примечание автора.)

Следующая часть записной книжки состояла из страстных обещаний Зиде Менар, обращенных к ее подсознанию. В записях не было логики, которая позволила бы догадаться о том, как развиваются или не развиваются любовные дела Говарда, и только последняя часть записей содержала дикий взрыв эмоций, направленных против окружения, в котором жил Говард Хардоах.

Враги окружают меня. Они таращатся на меня безумными глазами, проходят мимо, бегут следом или исчезают, словно их уносит ветер. Они вызывающе нагло привлекают внимание. Я постоянно вижу их.

Настало время. Я вызываю Иммира.

Иммир! Явись!

Пустая страница и новый раздел «Книги Грез». Предшествующий можно было бы назвать «Частью Первой». «Часть Вторая» была написана округлым почерком. Раздражающая горячность предыдущих строк, казалось, теперь тщательно контролировалась.

Над этим местом, которое стало для меня священным, я пустил себе кровь. Поставил Знак. Сказал Слово. Вызвал Иммира. И он явился.

Я сказал:

— Иммир! Время пришло. Восстань вместе со мной! Несомненно, мы — одно целое. Теперь мы должны определить наши отношения. Нам надо организовать это так, чтобы каждый знал каждого, всех могущественных паладинов... Да будет так! Приходите, становитесь в свете луча звезды Мемон и выбирайте свои цвета.

Луч ударил в драгоценный камень. Появился великолепный черный рыцарь. Он и Иммир обнялись как старые приятели.

Первый паладин здесь. Это Джеха Раус Мудрый. Он мыслитель, лишенный слабости, сожаления, жалости и мягкости.

— Добро пожаловать, благородный паладин.

Иммир протянул лучу звезды Мемон красный драгоценный камень, и появился человек, одетый во все темно-красное, и присоединился к двум другим.

Это Лорис Хохенгер, красный паладин. Он знает искусства и занимается ими. Без труда он совершает деяния, непосильные обычному человеку. Ему неведом страх. Он смеется, когда начинается битва.

Лорис, я воспринимаю тебя как своего красного паладина и обещаю тебе подвиги и набеги, превосходящие все, что ты предпринимал раньше.

— Иммир, кто теперь присоединится к нам?

Иммир взял зеленый драгоценный камень, и некто одетый в зеленые одежды испанского гранда, высокий и сильный, вышел вперед. Волосы цвета ночи. Глаза горят зеленым светом.

Это Мьюнес — выдающийся паладин, гибкий и странный. Он совершал невероятные подвиги, превращения и не видел разницы между другом и врагом. Он не знает равных в разгадках ребусов, он самый талантливый музыкант, искусный в игре на различных инструментах.

— Зеленый Мьюнес, ты будешь паладином вместе с нами?

— С великой радостью.

— Замечательно! Иммир, кто теперь?

Иммир выбрал красивый топаз, подставил его под луч Мемона, и появился человек, одетый в черную кирасу с желтым плюмажем, в желтых сапогах и кольчужных рукавицах. За спиной у него висела лютия. Иммир приветствовал его и назвал Спенглеваем — Повелителем Гротеска.

— Нам сопутствует счастье, раз с нами веселый Спенглевай, который поможет нам, когда путь покажется утомительным. В сражении он хитер, он мастер ужасных проделок. Среди нас только Мьюнес может состязаться с ним.

— Иммир, к кому еще обратиться?

— Я подставляю этот сапфир под луч Мемона, я вызываю Руна Фадера Синего!

Стройный и сильный человек, подобный солнечному лучу, выступил вперед.

— Это наш Рун, красивый и сильный, равно пренебрегающий отчаянием и горестями! Иногда его называют Руном Кротким. Это происходит, когда он начинает наносить удары, сильные, грубые, частые. Но никогда он не впадает в ярость, и его пленникам всегда легко вновь обрести свободу.

— Рун Фадер, мы приветствуем тебя! Ты присоединишься к нам?

— Все ветры и громы, все битвы Вселенной, все дела и заговоры хитрых трусов — ничто не заставит меня повернуть вспять.

— Тогда ты наш паладин.

— Иммир, кто еще? Кто-нибудь мог бы дополнить этот удивительный отряд?

— Есть один человек, знающий все.

Иммир высоко поднял белый кристалл:

— Я вызываю Паниса Белого!

Появился человек, одетый в черный плащ, скрывающий доспехи с белыми блестками. У него было бледное лицо, впалые щеки, глаза, казалось, сверкали белым огнем.

Иммир сказал:

— Эйя наводит такой страх на врагов, что подобен самой смерти. Его подвиги сами говорят за себя, и все грозит от ужаса, когда он просыпается. Радауйтесь, паладины. Эйя — один из нас. Он грозен для своих врагов. Эйя Панис, я приветствую тебя и прошу стать моим братом-паладином, тогда мы многое совершим.

— Я надеюсь, что будет так.

Иммир же сказал:

— Итак, отважная семерка! Пусть все пожмут друг другу руки, и пусть наш союз сможет разрушить только смерть!

Они сделали так, и был собран великий отряд. Его предназначение — совершать великие подвиги, которые затмят все...

На следующей странице молодой Говард нарисовал портреты семерки, что, очевидно, потребовало от него больших усилий. Эти наброски заканчивали «Часть Вторую» книги.

Затем шло несколько страниц записей и заметок, некоторые из них были написаны на языке Наомей. Но потом, видимо, Говард сильно устал и продолжал записи уже на обычном языке.

На листке с оглавлением значилось:

1. Приключения в Туарече.

2. Поединок с защитниками Сарзен Ебратан.

3. Появление Зиги.
4. Нагая спесь короля Уипера.
5. Покинутая Зига.
6. Замок Рауна.
7. Сватовство к Зиге Менар.
8. Семь странностей Хальтенхорста.
9. Приключения в гостинице «Зеленая Звезда».
10. Темницы Моурна.
11. Великие Игрища в Вун-Уингвей.
12. Триумф паладинов.

Что бы ни предполагал включить Говард Хардоах в эти двенадцать глав, все не вошло в книгу, за исключением отрывков, которые занимали последующие страницы. Затем неожиданно, чуть ли не на середине предложения, записи обрывались, и примерно треть книги пустовала.

Джерсен отложил записную книжку, спустился на землю и стал ходить туда-сюда перед «Крылатым Призраком». Не все еще потеряно. Он потерпел неудачу в Воймонте, а теперь в Гледбитуке, но «Книга Грез» могла предоставить ему третью возможность, если только использовать ее правильно. На любую очевидную приманку Говард Трисонг, дважды раненный, должен теперь реагировать крайне подозрительно. Значит, эту приманку нужно подsunуть очень осторожно.

Джерсен решил, прежде чем строить планы, вернуться в Гледбитук.

* * *

Запреты на вторжение в воздушное пространство Маунишленда больше не беспокоили Джерсена. Очевидно, раньше никто не пытался нарушать подобные запреты. Около часу дня Джерсен вывел «Крылатый Призрак» из низких облаков и посадил в лесу возле фермы Хардоахов. Помня о недавней оплошности, он тщательно вооружился, затем вышел и запер люки. Справа раскинулся большой пруд, слева виднелась полоса земли, ранее принадлежавшая Клидхо. Когда Джерсен приблизился к ферме, он увидел, как Ледесмус Хардоах, вый-

дя из сарая с ведром помоев, выплеснул их в выгребную яму и вернулся обратно.

Джерсен подошел к двери дома Хардоахов и постучал.

Дверь открыла Реба Хардоах, лицо которой ничего не выражало.

Джерсен вежливо поздоровался:

— Сегодня я здесь по делу. Мне нужно получить кое-какую информацию. Естественно, я готов заплатить за потраченное вами время.

Реба Хардоах ответила, словно выплевывая слова:

— Мистера Хардоаха сейчас нет. Он ушел в деревню.

Ледесмус, выглянувший из сарая, увидел Джерсена, поставил ведро и направился через двор к дому.

— Итак, вы вернулись. Слышали новости о Говарде, а?

— Новости? Какие новости?

Ледесмус захохотал, потом прикрыл рот тыльной стороной ладони:

— Наверное, я не должен смеяться, но этот безумец появился на школьной вечеринке с целой шайкой и заставил всех плясать под свою дудку. Сводил старые сче- ты. Ай да Говард!

— Ужасно, ужасно, — пробормотала Реба Хардоах. — Он оскорбил Ван Бойерса и избил Блоя Садалфлоуриса, в общем, творил страшные злодеяния. Мы осрамлены!

— Теперь, мама, — сказал Ледесмус, — поздно скор- беть. По правде говоря, мне становится смешно, когда я думаю об этом. Кто бы мог подумать, что Говард вер- нется таким мошенником?

— Это позор! — закричала Реба. — Твой отец сейчас пытается загладить его вину.

— Отец слишком уж честен, — возразил Ледесмус. — Нам-то Говард ничего плохого не сделал.

— Как я пойду в Дом Учения? — продолжала Реба Хардоах. — Я не могу смотреть людям в глаза.

— Смотри на всех сверху вниз, — предложил Ледес- мус. — Дай им понять, что, если они не будут хорошо себя вести, ты пожалуешься Говарду. Уж это-то заста- вит их заткнуться.

— Что за безумная идея! Лучше расскажи джентльмену то, что он хочет узнать. Ведь он готов заплатить за сведения.

— В самом деле? И что же его интересует?

— Ничего особенного. Вы называли имя одного из друзей Говарда — Нимфи Клидхо.

— Действительно. И что же?

— Что случилось с Нимфи? Где он теперь?

Ледесмус нахмурился и посмотрел через поле на мрачный домик под парой прямых гипсапов.

— Семья Клидхо всегда была со странностями. Иноземцы! Старый Клидхо, самый странный, был мармелайзером. Я не все хорошо помню. Клидхо неодобрительно отнеслись к драке Говарда и Нимфи и к подозрению Говарда, что их сын украл записную книжку. Миссис Клидхо приходила к отцу жаловаться, тот говорил с Говардом, и брату пришлось смыться с планеты, чтобы делать себе карьеру в космосе и иных мирах... Теперь мы убедились, он преуспевает...

— Ледесмус, не говори так! Его ужасные деяния — позор для всех нас!

Ледесмус только расхохотался:

— Хотел бы я видеть все это. Как подумаю о Страббинсе, сидящем без штанов на куске льда!.. Здорово!

Джерсен спросил:

— А что с Нимфи?

— Клидхо покинули эти места. Их больше никто не видел.

— Куда они поехали?

— Мне они ничего не говорили. — Ледесмус посмотрел на мать. — А тебе?

— Они вернулись туда, откуда прилетели. — Реба Хардоах подняла палец вверх. — На другую планету. Когда старые Клидхо умерли, молодые, родители Нимфи, узнали у своих инопланетных родственников о наследстве и вернулись на родину. А пока они жили тут, мы почти не имели с ними дел, да оно и понятно, если вспомнить, чем занимался глава их семейства.

— Городской мармелайзер, — с отвращением проговорил Ледесмус.

Реба Хардоах пожала тощими плечами, а потом содрогнулась всем телом:

— Мы все отправляемся туда, придерживаемся мы Учения или нет. Но кто станет мармелайзером, кроме человека низшей касты или инопланетянина?

В дом вошел Адриан Хардоах. Увидев Джерсена, он остановился и подозрительно посмотрел на всех собравшихся.

— Что все это значит? Опять что-то с Говардом?

— На сей раз нет, — ответил Джерсен. — Мы обсуждали ваших соседей, Клидхо.

Хардоах закинул шляпу на вешалку:

— Плохая была у них порода. Никогда ничего путного не делали. И уехали только по милости Божьей.

— Меня интересует, куда они уехали?

— Кто знает... Во всяком случае, за пределы планеты.

Реба сказала:

— Разве ты не помнишь? Старый Ото говорил, что они улетают туда, откуда прилетели.

— Верно, что-то в этом роде.

— А где это? — спросил Джерсен.

Хардоах наградил его недружелюбным взглядом.

— Хардоахи всегда были последователями Дидрама Флатера. Я сам инструктор Колледжа, моя мать была виствидершей, отец моей матери — двинтом девятнадцатого поколения. А Ото Клидхо не обращал своих ушей к Учению. Могу ли я после всего этого быть его закадычным другом?

— Скорее всего, нет.

Адриан Хардоах глубокомысленно кивнул:

— Посмотрите мармелы. Мармел старого Клидхо стоит у нас на кладбище. Там есть табличка с годом и местом рождения.

— Правильно! — закричал Ледесмус. — Совершенно точно! Отец мудр и никогда не ошибается.

Ледесмус и Кирт Джерсен отправились в город на примитивной машине Хардоахов. По пути Ледесмус говорил о поведении Говарда на школьной вечеринке. Его настроение ясно показывало, что он нисколько не осуждает брата.

Ледесмус остановил машину около церкви и пошел на кладбище, пробираясь по нему с ловкостью, показывающей долгую тренировку.

— Вот тут Хардоахи и наши другие почетные жители. А вон там всякий сброд — чужеземцы и люди низшего сословия.

Вечерело. Вдвоем они шли мимо фигур, отбрасывающих резкие тени. Надписи сообщали их имена тем, кто по прошествии лет мог забыть их: Кассидех... Хорнблат... Дадендорф... Луп... Клидхо...

Джерсен указал пальцем:

— Это кто-то из них.

— Это кто-то из старых дам... А-а, да это Люк Клидхо. Действительно, первый из них, появившийся в наших местах. А вот и ответ на ваш вопрос... «Родился на Заповедной Бетюн, Кроу, в далеком мире, лишенном благословенного Учения. В молодости известный наездник, водил дилижансы и развозил почту. Потом стал первым учеником таксидермиста. Прибыв в Гледбитук, старательно работал на ферме и имел семью в несколько душ, к сожалению, глухих к Истине Учения. Да придет Учение с вами!» — прочитал Ледесмус.

Когда они шли назад через кладбище к церкви, Джерсен заметил мармел молодой девушки, стоявшей прямо, слегка наклонив голову, как будто прислушиваясь к далекому звуку, голосу или пению птиц. Она была одета очень просто, голова и ноги — обнажены. Надпись гласила: «Зида Менар, несчастное дитя, смерть взяла тебя из колыбели, и родители не увидели свое чадо взрослым. Горе и печаль. Бедная девушка».

Джерсен указал Ледесмусу на мармел:

— Вы ее помните?

— Да, конечно. Еще школьницей она отправилась в лес, а нашли ее в озере Персиммон. Она была очень милой.

Солнце спряталось за линию деодаров. Мармелы замерли в полумраке.

Вдруг Ледесмус прохрипел:

— Пора уходить! Здесь не стоит слоняться после наступления темноты.

Глава 15

Вокруг пьедестала валялись лживые портреты, собранные за сотню столетий. Последний из них, изображавший Берниссуса, лежал вверх ногами. Мармадюк в коричневой рясе, стоявший в стороне, предавался печальным воспоминаниям.

Теперь изображение Святого Мунгола, поднятое вверх, превозносила толпа.

Хранитель Войны из Гортланда забрался на пандус, поднял руки и воззвал звенящим медью голосом:

— Победа, последняя и окончательная! Да здравствует во веки веков Святой Мунгол — истинный страж земли нашей! Так будет всегда! Радуйтесь!

Толпа ликовала, громко крича. Повелители ветра колотили в щиты кулаками в кольчужных перчатках. Брача играл свои лучшие мелодии. Звонили колокола. Маленький Уефкинс веселился.

Снова заговорил Хранитель Войны:

— Свершилось! Парапеты охраняются нашими могущественными Венцедорами. Берниссус теперь меньше чем ничто! Он лишь запах в уборных, видение в больных кошмарах прокаженных... Но хватит о прошлом! Святой Мунгол стоит над нами, устремив свой гордый взгляд сквозь бесконечность. Пусть каждый возьмет свою добычу и идет с миром домой! Синие Люди — на восток, Зеленые Люди — на запад! А я со своими Кантатурками пойду на север!

Толпа радостно завопила и рассеялась. Каждый отправился своей дорогой. Одна группа из семи человек пошла

на юг, в сторону Сессета. Это были: плосколицый Чатрес с шишковатыми могучими плечами и бесстыдным языком; три обычных лиггонса — Шалмар, Бахукс и Амаретто; Имплиссимус — Рыцарь Синего Керланта; Робак-обжора и Мармадьок. Разношерстная компания, довольно мрачная, так как ни один из них не взял свою добычу.

Переходя через пустыню, они наткнулись на караван из трех фургонов, нагруженных добром, награбленным в Моландерском аббатстве. Возглавлял караван Хорман — одноглазый бродяга. Всех караванщиков убили, и Мармадьок с друзьями, уже получившими индульгенцию, сели кружком, деля награбленное.

В первом фургоне Мармадьок обнаружил восхитительную Сафрит, которая пленила его сердце еще в Гранд-Маск. К ужасу Мармадьока, Чатрес заявил, что Сафрит считается частью его добычи.

С лукавой предусмотрительностью Чатрес сказал Мармадьоку:

— Так как ты недоволен, раздели добычу на семь равных частей, и пусть каждый выбирает, что ему больше всего понравится.

— Что прикажешь выбрать?

— Пусть сначала выберет большинство.

Мармадьок подошел к разбойникам. Сафрит прошептала ему на ухо:

— Тебя обманули. Жребий определит, кому выбирать первым, но тебе придется выбирать последним, так как все посчитают, что ты разделишь добычу на равные части.

Мармадьок взвыл от обиды, но Сафрит сказала:

— Слушай! Назови меня отдельной долей. Раздели остальные сокровища на пять равных частей, а в последнюю, седьмую, выдели три железных ключа Хормана, его башмаки, барабан и другие ненужные вещи. Все это, естественно, достанется тебе. Сохрани ключи, а остальное выброси.

Мармадьок так и сделал. Сжувничав, Чатрес выиграл право первого выбора и, торжествуя, забрал себе Сафрит. Остальные выбрали доли с золотом и драгоценными камнями, а Мармадьоку достался хлам.

Внезапно обнаружилось, что быки разбежались и, что еще хуже, все бурдюки продырявлены и опустели.

Раздались крики проклятий.

— Как мы теперь доберемся до Сессета, ведь до него пять дней пути по раскаленной пустыне! — завопил Чатрес.

— Не страшно, — сказала Сафрит. — Я знаю оазис неподалеку. На закате мы прибудем туда.

Ворча и уже испытывая жажду, банда подобрала добычу и направилась на юг. В сумерках они подошли к саду, окруженному высокой железной стеной, на которую никто не смог залезть, так как она была усеяна отравленными шипами. В сад вела одна калитка, ключ от которой достался при дележе Мармадьоку.

— Какая удача! — воскликнул Чатрес. — Предусмотрительность Мармадьюка спасла нас!

— Не торопись! — усмехнулся Мармадьок. — Я требую платы за ключ. У каждого из вас я возьму лучший бриллиант.

— У меня нет бриллиантов! — закричал Чатрес. — Не могу же я из-за этого остаться снаружи и стать добычей диких зверей?

— Что ты можешь мне предложить?

— У меня есть только мой меч, доспехи и рабыня, которой ты не можешь владеть. И ни один честный воин не расстанется со своим мечом.

— Тогда отдай мне доспехи.

И Чатрес, ко всеобщему веселью, вошел в сад голым.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал им Чатрес. — Сегодня ночью моя добыча даст мне величайшее наслаждение. Посмотрим тогда, как вы засмеетесь.

На ужин шайка ела фрукты, запивая их чистой водой. Потом Чатрес увлек Сафрит под деревья, желая удовлетворить свою похоть. Но всякий раз, когда Чатрес пытался овладеть ею, огромная белая летучая мышь спускалась вниз, задевая его своими крыльями, пока Чатрес не прекратил приставать к Сафрит. Рабыня спала крепко и безмятежно, а хозяин обнаружил, что не так-то приятно спать голым под открытым небом.

На следующий день, наполнив бурдюки водой, шайка продолжила свой путь на юг. Чатрес изнывал под палящими лучами солнца.

На закате Сафрит вывела отряд к заброшенному монастырю, двери которого открывал второй ключ Мармадьюка.

Теперь Чатресу пришлось расстаться со своим мечом, и только тогда Мармадюк позволил ему войти.

Ночью Чатрес опять попытался овладеть Сафрит, но привидения, окружившие его, помешали заняться любовью.

Утром отряд двинулся дальше. Чатрес страдал от ран на ногах, укусов насекомых и солнечных ожогов и все-таки не выпустил веревку, один конец которой был обмотан вокруг талии Сафрит.

За час до заката банда достигла ущелья, которое почти сразу сузилось до расселины. Ступени вели наверх к запертой двери, которую отворил третий ключ Мармадюка. Каждый из отряда прошел в калитку, отдав Мармадюку бриллиант, кроме Чатреса, который передал Мармадюку конец веревки, привязанной к талии Сафрит.

— Она твоя, как и остальные мои вещи. Дай мне пройти.

Мармадюк сразу же развязал веревку:

— Сафрит, ты свободна. Я умоляю тебя о любви, но не о покорности.

— У тебя будет и то, и другое, — ответила она, и они соединили руки.

Отряд продолжал идти по узкой тропинке. Из пещеры выскочил Скальный Дьявол:

— Как вы осмелились идти по моей дороге?

— Успокойся! — сказала Сафрит. — Мы заплатим пошлину.

За себя и Мармадюка она заплатила мечом и доспехами, когда-то принадлежавшими Чатресу. Остальные отдали по бриллианту, а Чатрес закричал:

— Я представляю в доказательство моих слов свое нагое тело. У меня ничего нет. Я не могу заплатить.

— В таком случае, — ответил Дьявол, — ты пойдешь со мной в пещеру...

Банда поспешила по дороге, стремясь убежать подальше, чтобы не слышать ужасных криков Чатреса.

Наконец дорога вывела их в чудесную страну и распалась на несколько тропинок. Товарищи распрощались, и каждый пошел в свою сторону.

Мармадюк и Сафрит стояли рука об руку на пересечении тропинок. Одна из них спускалась в зеленую доли-

ну, снова поднималась и, перевалив через холм, вела к шпилью часовни, обозначавшей дорогу в знакомую деревню. Мармадюк в удивлении остановился.

— Я бы пошел по этой дороге, — обратился он к Сафрит. — Пойдешь ли ты со мной?

Сафрит смотрела в другую сторону. Та тропинка вела к месту, хорошо ей знакомому, но там Сафрит никого не любила.

— Да, Мармадюк, я пойду с тобой.

— Тогда поспеши, и мы будем дома до заката.

Так и случилось. Они весело бежали домой. За спиной у них садилось солнце. За чаем в доме Мармадюка только Пинасси задавал нескромные вопросы, но молодые ответили ему, что познакомились в городе на маскараде.

Из главы «Ученик Воплощения», вошедшей в «Свиток Девятого Измерения»

* * *

Позднее события этих дней смешались в памяти Джерсена — скорее всего, потому, что он смертельно устал и был вынужден постоянно придумывать один план за другим. Говард Алан Трисонг, как блуждающий огонек, находился вне досягаемости.

Снова оказавшись в космосе, Джерсен подавил назойливую мысль вернуться в Понтифракт, чтобы спокойно обдумать новый план и, что греха таить, встретиться с Элис Рзук.

Однако он заставил себя засесть за изучение «Краткого планетарного справочника». Заповедная Бетюн оказалась единственной планетой звезды 892-я Ворона, желтого карлика в группе из дюжины светил. В целом система состояла из четырнадцати планет и бесчисленного множества спутников, лун и обломков, но лишь на Заповедной Бетюн существовала жизнь.

Эту планету открыл Труды Селанд. Описание ее феноменальной флоры и фауны вызвало сенсацию, и Общество Натуралистов немедленно начало переговоры, которые привели к покупке планеты. Прошли столетия, и Заповедная Бетюн превратилась в огромный виварий.

А в справочнике Джерсен прочитал:

«В настоящее время Заповедная Бетюн представляет любопытную смесь: десять частей сохраненной природы, пять частей туристических аттракционов, три части захватило Общество Натуралистов, его филиалы и другие подобные организации, такие как "Друзья природы", "Жизни быть!", "Снитинарские виталисты", "Жизнь в Церкви Бога", "Клуб Сьерра", "Биологическая фаланга", "Женщины за естественное рождение". Этим группам, так же как ученым, студентам и естествоиспытателям, отведены определенные площади. На практике почти каждый, кто находит условия Заповедной Бетюн приемлемыми, может получить участок и пропуск, которые могут быть расширены до беспредела.

Сегодня на Заповедной Бетюн насчитывается свыше шестисот видов животных и птиц, и естественные запасы ревностно охраняются. Суровые правила распространяются на весь континент, где целые акры засажены простыми, но редчайшими карликовыми деревьями, происхождение которых окутано тайной. Исполнительные власти Опекунов сегодня столь же бдительны, как и в прошлом. Иногда их называют судьями, педантами, мстителями, упрямыми. Они управляют миром, как будто это частный музей естественной истории, каковым, в сущности, этот мир и является».

Повинуясь местным требованиям, Джерсен прибыл на одну из десяти орбитальных карантинных станций. К нему на борт поднялись четверо служащих в синезеленой форме. «Крылатый Призрак» тщательно осмотрели. Джерсену задали вопросы о контрабанде животными и растениями и объяснили местные правила. На борт поднялся также пилот, чтобы посадить «Крылатый Призрак» на плато для гостей, расположенное около города Танаквил. Здесь Джерсену пришлось подписать документ, подтверждающий, что он ознакомлен с запретом ввозить, конфисковывать, досаждать, захватывать, видоизменять, экспортировать живых существ любого вида.

От посадочного поля Джерсен omnibusом добрался до Танаквила, проехав через рощу огромных деревьев с

черной листвой и множеством цветов, населенную чирикающими созданиями, которые прыгали по веткам и высоко летали в залитом солнечным светом небе. Омнибус был их древним врагом. Птицы летали над ним, чирикали и бросали вниз фрукты.

Танаквил оказался неожиданно причудливым городом, словно построенным из детских кубиков ярких цветов. Такую оригинальную архитектуру одобрила председательница первого Архитектурного Совета, которая, казалось, в это время находилась под впечатлением от иллюстраций какой-то детской книги. Она установила архитектурные параметры, по которым «согласие»* достигалось легко и непринужденно, одним цветом.

* * *

Джерсен снял номер в отеле «Трицератопы» — гостинице для туристов, знаменитой чучелами саурианов футов по двадцать длиной с двумя рогами и шестью ногами, известных науке как *Triceratops Shanar***.

Джерсен подошел к клерку у стойки:

— Я бы хотел навестить старого знакомого, но не знаю, где он живет.

— Вам легко помочь. Обратитесь в Регистратуру. Нас ведь здесь не так много: менее пяти миллионов. Но сейчас в Регистратуре вы никого не застанете — все на обеде.

В обеденном зале, декорированном так, чтобы напоминать джунгли, Джерсену подали безвкусную пищу — обычные космополитические блюда, хотя все они имели местные наименования. Он пил пиво из бутылки с

* Основное понятие в функционировании общества Бетюн. Опекуны управляют Заповедной Бетюн в «согласии» со старыми правилами. (Примечание автора.)

** Бетюнская таксономия использует именно это название. Однако просторечное «саурианы» гораздо более распространено, чем официальное, данное по названию Шанара — одного из континентов Заповедной Бетюн. (Примечание автора.)

этикеткой «Эль дикого майлера», где был изображен отвратительный зверь, запряженный в туристский шарабан.

В Регистратуре Джерсену предложили адреса двух Клидхо, жителей континента Реас, городка под названием Лагерь в Синем Лесу, который находился в Великой Резервации Триста.

Джерсен разыскал контору туристической службы «Гальцион Виста» в здании, прилегающем к отелю, но когда зашел в офис, то обнаружил, что контора уже закрыта. Все выглядело так, словно жители Танаквила стремятся создать комфорт для себя, а не для приезжих.

Джерсен вернулся в отель и провел вечер на тенис-той веранде, разглядывая туристов, местных жителей и огромных летающих насекомых — ажурные существа с тонким сплетением усиков, которые выдвигались, словно из газового облачка. Джерсен выпил несколько порций джина, размышляя, как лучше приступить к делу.

Если рассказать Клидхо о своем плане, они, возможно, помогут ему, а возможно, и помешают. Тогда это будет полным крушением всех надежд. Джерсен перебрал сотню потенциальных вариантов и, когда солнце скрылось за верхушками деревьев, сдался: не зная ничего о семействе Клидхо, нельзя составить конкретного плана.

* * *

Утром Джерсен первым делом направился в туристическую службу «Гальцион Виста», где клерк, вежливо улыбаясь, объяснил ему, что только квалифицированные ученые со специально подготовленными экспедициями имеют право нанимать воздушный транспорт.

— Иначе могут произойти разные неприятности, — сказал служащий. — Подумайте сами! У нас бывали случаи, когда во время семейных пикников в самом центре Гандерсон-Уоллоус детей съедали трехрукие болотные обезьяны, а дочерей туристов насиловали смотрители.

— Но как же мне попасть в нужное место?

— Туристам рекомендуется заказывать билеты на одно из совершенно безопасных и удобных средств воздушных сообщений Инспекции Жизни Природы. Это самый лучший и наиболее легкий путь для посещения заповедников. Но куда вы хотите отправиться? Вы должны понимать, что многие районы не входят в области, открытые для посещения туристами.

— Мне нужно попасть в Лагерь в Синем Лесу, расположенный в Великой Резервации Триста.

Служащий покачал головой:

— Эта область не для туристических поездок, сэр.

— Предположим, лично вам надо попасть в Лагерь в Синем Лесу. Как бы вы отправились туда?

— Я не турист.

— И все-таки. Как бы вы поступили в таком случае?

— Я бы, естественно, воспользовался коммерческим рейсом и добрался до станции на реке Маунди, а потом уже, воспользовавшись местной линией, отправился дальше. Но...

Джерсен положил на стойку банкнот в пятьдесят севов:

— Я тоже не турист. Я путешествую по делам коммерции, продаю средства от насекомых. Достаньте мне билет. Я на самом деле очень спешу.

Служащий улыбнулся, пожал плечами и положил банкнот в выдвижной ящик:

— На нашей планете не следует торопиться. В сущности, поспешность у нас даже противозаконна.

* * *

Синий Лес занимал примерно миллион квадратных миль и представлял собой саванну, заросшую деревьями, в бассейне реки Великий Буддук. В лесу преобладала голубая листва, но трех оттенков: ультрамариана, яркого небесно-голубого и бледно-лилового. Кроме того, некоторые деревья имели листву, похожую на зеленые крылья жуков, а некоторые серую. Огромные

мягкокрылые мотыльки порхали в солнечном свете, создавая мелькание малинового и черного цветов. Насекомоядные растения зазывали их, раскрыв свои ловушки. Различные животные прятались в тени под деревьями.

Буддук сливался с рекой Хаунтед где-то среди болот и трясин, населенных необычными и совершенно разнообразными существами: большими, маленькими, ужасными, дикими, с желтыми наростами гребней, с бородами и без них, с алыми зияющими ртами и вовсе без ртов. На север от болота расстиралась равнина, на которой стоял Лагерь в Синем Лесу.

Джерсен прошел из аэропорта в город по немощеной дороге, огороженной с двух сторон забором десятифутовой высоты, который защищал от растительности и зверей, но оставлял свободу перемещения насекомым. Тепло и сырость в воздухе угнетали. Одновременно чувствовались по меньшей мере двадцать незнакомых запахов: растений, земли, животных.

Забор тянулся до самого города. Джерсен увидел отель Окружной Корпорации и вошел в холл, темный и прохладный. Без лишних разговоров молодая угрюмая женщина указала ему номер, взяв деньги и ткнув пальцем в глубь коридора:

— Четвертая комната.

Ключи здесь, видимо, не считались необходимостью.

Комната Джерсена оказалась чистой и прохладной, изысканно обставленной. Из окон открывался хороший обзор. Справочник по старому городу лежал на столе. Джерсен полистал его и прочел:

Клидхо Ото.

Место жительства: Двадцатый периметр.

Занятие: Мастер на исследовательской Станции.

Клидхо Тути.

Место жительства: Двадцатый периметр.

Занятие: Комиссар.

Джерсен вышел на маленькую центральную площадь. Город был тихим, на улицах мало прохожих. Через до-

рогу возвышалось странное сооружение с надписью: «Комиссариат».

Джерсен заглянул в дверь и увидел пожилого мужчину и черноволосую женщину с густыми черными бровями и крупным носом. Посетитель полностью приковал к себе все ее внимание. Джерсен тихо закрыл дверь. Комиссариат был неподходящим местом для встречи с Тути Клидхо.

На площади продавали холодные напитки и холодный сок. Джерсен купил пинту фруктового пунша со льдом и присел на скамейку.

Около часа он ждал, пока жители Лагеря в Синем Лесу не разойдутся по своим делам. Дети спешили домой из школы. Посетители заходили в комиссариат и выходили оттуда. Солнце клонилось к западу.

Наконец из комиссариата вышла Тути Клидхо и торопливо направилась в южную часть города.

Джерсен последовал за ней, держась в тени огромных раскидистых деревьев. Тути Клидхо вошла в дом около ограды, идущей по периметру городка.

Джерсен выждал десять минут, потом позвонил. На пороге появилась Тути:

— Сэр?

— Я бы хотел поговорить с вами.

— В самом деле? — Темные глаза оглядели Джерсена с ног до головы. — О чем?

— Вы раньше жили в Гледбитуке в Маунишленде?

Последовала короткая пауза.

— Да. Очень давно.

— Я только что прибыл оттуда.

— Меня это не интересует. Я плохо помню Гледбитук. Вы должны извинить меня. Соседи удивятся, если увидят, что я разговариваю с незнакомым мужчиной. — Она попыталась закрыть дверь.

— Подождите! — воскликнул Джерсен. — Вы жили рядом с семьей Хардоахов?

Тути Клидхо выглянула в узкую щель:

— Да.

Джерсен вдруг понял, что говорит быстрее и эмоциональнее, чем собирался:

— Вы помните Говарда Хардоаха?

Тути Клидхо смотрела на Джерсена несколько секунд, а потом ответила вдруг севшим голосом:

— Да, конечно.

— Могу я войти? Я прибыл по делу Говарда Хардоаха.

Тути Клидхо неохотно отступила в сторону и взмахом руки пригласила непрошеного гостя:

— Ладно, заходите.

Внутри оказалось темно, душно и жарко. Слишком много мебели. Тути указала на стул, обитый розовым, словно лепестки роз, велюром.

— Садитесь, если хотите... А теперь рассказывайте, какое у вас дело, связанное с Говардом Хардоахом?

— Недавно мне выпал случай посетить ферму Хардоахов, и разговор коснулся Говарда.

Тути взглянула недоверчиво:

— Говард живет дома?

— Нет. Он уехал оттуда очень давно.

Тути кивнула:

— А вы знаете почему?

— Думаю, случилась какая-то неприятность. Так мне кажется.

— Если бы я смогла дотянуться до него, то разорвала бы на куски.— Она подняла руки со сжатыми кулаками.

Джерсен от неожиданности сделал шаг назад.

Тути продолжала низким шипящим голосом:

— Он пришел к нам домой и позвал нашего сына, но тихо, чтобы мы не слышали. Но мы-то слышали. Он вызвал нашего единственного ребенка, нашего мальчика Нимфотиса*, который был таким кротким и хорошим. Они пошли к пруду, и там Говард утопил нашего сына... У меня было ужасное предчувствие. Я звала: «Нимфотис! Где ты?» Потом пошла к пруду и нашла свое любимое дитя. Я достала его тело из воды и отнесла домой. Ото пошел искать Говарда, но тот уже удрал.

* Полное имя от Нимфи. (Примечание автора.)

Джерсен спросил:

— Говард не знал, что вы его подозреваете?

— Какие подозрения! Все и так было совершенно ясно.

— Но Говард этого не знал?

Тути покачала головой:

— Откуда? Он уехал. Это наша трагедия.

— Я не знал, что Нимфотис умер. Простите, что вызвал у вас ужасные воспоминания, — сказал Джерсен.

— Мы живем ими ежедневно. Посмотрите! — Голос Тути срывался от волнения. — Посмотрите!

Джерсен повернул голову. В темном углу комнаты стояла фигурка мальчика, сделанная из глянцевого белого материала.

— Это наш Нимфотис.

Джерсен отвернулся:

— Я расскажу вам кое-что о Говарде Хардоахе. О том, кем он стал, и том, как можно отомстить ему.

— Подождите. Ото должен слышать это. Если я и показалась вам озлобленной, то его чувства намного сильнее.

Она подошла к телефону, набрала номер и тихо сказала несколько слов в трубку. Время от времени ее прерывали вопросами. Потом Тути сделала знак Джерсену:

— Теперь говорите. Мы оба услышим вас.

— В настоящее время Говард Хардоах — крупный преступник. Он называет себя Говардом Аланом Трисонгом.

Видимо, ни Тути, ни Ото раньше не слышали этого имени.

— Продолжайте.

— Я выслеживал его по всей Ойкумене. Он осторожен. Его нужно заманить в ловушку. Я уже дважды терпел неудачу, но сейчас у меня есть приманка, на которую он снова клюнет, и ваша помощь может оказаться небесполезной.

Джерсен сделал паузу. Ото поторопил его:

— Продолжайте.

— Я не хочу продолжать, если вы не согласны помочь мне... Но это опасно.

— Не беспокойтесь о нас,— сказал Ото.— Расскажите нам, что вы задумали.

— Вы поможете мне расквитаться с ним?

— Сначала расскажите, что вы задумали.

— Я хочу заманить его сюда, в джунгли, и убить.

Тути рассердилась:

— А как же мы? У вас с ним счеты, и вы собираетесь убить его! Но он должен заплатить нам за Нимфотиса!

— Не все ли равно, кто его убьет,— тяжело вздохнул Ото.— Мы поможем.

Глава 16

Мягкий и милостивый Рун Фадер Синий, когда пели песни войны, бил мечом врагов не хуже остальных. Но когда на земле царил мир, он пел песни и бродил по полям, покрытым цветами.

Не таков Лорис Хохенгер, Жестокий, чей цвет самый красный из красного. Его настроение переменчиво, как ветер. Только паладины знают о его нетерпеливости и об остальных наклонностях. С ним надо все время держать ухо востро. Его порывы непредсказуемы. Он отбирал сокровища у прекрасных дам, обычно к их же восторгу, но иногда и к горю, как было с золотоволосой Мелиссой, которая посвятила свою девственность Святой Санктиссиме. Зида Менар, девушка сказочной красоты, заставила его потерять голову, но отдалась только Иммиру. Лорис был первым, кто поднял свой меч во славу этого союза! Он мчался галопом впереди своего безумия и безрассудной маршты!*

Из «Книги Грез»

* * *

Прибыв в Понтифракт, Джерсен приехал на такси на площадь Старого Тара. Площадь по-прежнему окружали узкие обшарпанные здания; бледные жители

* О значении этого слова, как и многих других в «Книге Грез», можно только догадываться. Видимо, оно означает отвагу. Или, может, заимствовано из древнерусского языка? Или просто взято с потолка. (Примечание автора.)

в официальных костюмах спешили по делам; анютины глазки и желтофиоль цвели на клумбах; туман, облака, сырой, пронизывающий ветер и запахи — все спокойно, привычно и безмятежно... По телефону-автомату Джерсен позвонил в редакцию «Экстанта» и связался с Макселом Рэкроузом, который временно исполнял обязанности главного редактора.

Рэкроуз приветствовал Джерсена и сердечно, и осторожно. Он сообщил, что, в общем, с «Экстантом» все в порядке, приписывая при этом все достижения себе.

— Рад слышать, что все хорошо, — сказал Джерсен. — Я хочу проверить, на месте ли мой секретарь.

— Ваш секретарь? — удивился Рэкроуз. — Кто это? Сердце Джерсена упало.

— Элис Рэук. Рыжеволосая девушка. Она больше не работает в «Экстанте»?

— Да, припоминаю, — ответил Рэкроуз. — Да, конечно. Элис Рэук. Такая рыженькая девушка спортивного типа? Она ушла.

— Куда?

— Она не сообщила... Я посмотрю в книге... Вам повезло. Она оставила вам письмо.

— Я скоро буду.

На конверте было написано: «Передать лично в руки Генри Лукасу».

Дорогой Генри Лукас!

Я поняла, что журналистика меня не интересует. Поэтому я покидаю «Экстант». Я останавлиюсь в отеле Гладена, Порт-Веари, на юг по побережью.

Элис Рэук

Джерсен связался по телефону с отелем Гладена. Мисс Рэук не оказалось на месте, но она должна была вернуться через час или около того.

На станции проката Джерсен взял аэромобиль и полетел на юг вдоль побережья, следуя над волнистой белой линией пены, которую поднимали серые волны, обрушивающиеся на скалы. Он пролетел над заливом

Святого Кильда, над полуостровом Мей, мысом Киттери и миновал Голову Ханнана, когда Вега показалась в разрыве облаков, чтобы осветить белые дома Порт-Веари, раскинувшегося над заливом Полколеса.

Джерсен приземлился на общественной стоянке и пешком прошелся по набережной к отелю.

Элис Рэук сидела в своей комнате возле камина. Увидев Джерсена, она попыталась встать, но он опередил ее: пересек комнату, взял ее руки, поднял, обнял и поцеловал.

— Генри, остановись! — закричала Элис. — Ты меня задушишь!

Джерсен ослабил объятия:

— Не надо больше называть меня Генри. Генри — это как почтовый адрес. На самом деле меня зовут иначе.

Элис откинулась на спинку кресла и оглядела его с ног до головы:

— Какое же имя у этого джентльмена?

— Кирт Джерсен. Но, к сожалению, он менее джентльмен, чем Генри Лукас.

Элис вновь окинула его взглядом:

— Генри Лукас мне нравился, хотя и был высокомерен... А как дела с нашим общим знакомым?

— Он все еще жив. Произошла интересная история. Ты, надеюсь, подождешь, пока я приму ванну и переоденусь.

— Я вызову миссис Гладен, и она даст тебе номер. Она очень респектабельна, поэтому постарайся не шокировать ее.

* * *

Джерсен и Элис обедали при свечах в углу веранды.

— Теперь, — сказала Элис, — расскажи о своих приключениях.

— Я приехал на встречу выпускников школы в Гледбитуке на Моудервельте. Говард отмочил несколько шуток и изрядно поваял дурака. Одновременно он взял-

ся критиковать игру одного из музыкантов оркестра. Музыкант выстрелил в него, чем вечер и закончился.

— А где был ты?

— Я был тем музыкантом.

— А! Теперь все понятно. Что еще произошло?

— Я нашел «Книгу Грез» Говарда, которую он потерял более двадцати лет назад. Уверен, он захочет получить ее назад. — Джерсен бросил старую записную книжку на стол. — Вот она.

Элис склонила голову на книжечкой. Свет свечей играл в ее волосах и бросал тени на щеки. Джерсен разглядывал Элис...

«Вот и опять я сижу так близко от этой удивительной девушки», — думал он.

Элис листала страницы. Дочитав до конца, она закрыла книжечку и через несколько мгновений сказала:

— Почти всегда он — Иммир. Но я встречала и Джеху Раиса, и Мьюнеса, и Спенглевея, а раз или два — Руна Фадера, который не обратил на меня внимания. Мне повезло, что Лорис Хохенгер был каждый раз чем-то занят.

Джерсен положил книгу в карман. Элис сказала задумчиво:

— Хотела бы я знать, что случилось с Зидой Менар.

— Она прибыла в Гледбитук с другой планеты и однажды во время пикника утонула в озере Персиммон.

— Бедная Зида Менар. Удивляюсь.

Джерсен покачал головой:

— Ничего удивительного здесь нет.

Элис взглянула на него. Ее глаза потемнели.

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь я ничему не удивляюсь.

* * *

В «Космополисе» появилась статья, сопровождаемая несколькими иллюстрациями.

Говард Алан Трисонг посетил встречу выпускников, устроенную в связи с двадцать пятой годовщиной окончания школы.

Этот вечер не забудет никто.

Даже преступники проявляют сентиментальность, а этот преступник — величайший по части сантиментов.

От нашего местного корреспондента, Гледбитук, Маунишленг, Моудервельт, звезда Ван-Каата

Примечание издательства. Маунишленг — одна из тысячи пятисот шестидесяти двух независимых областей Моудервельта. Ее ландшафт включает прерии, поймы рек, поля и леса, население составляет около миллиона человек. Говард Алан Трисонг родился на ферме неподалеку от селения Гледбитук.

Двадцать пять лет назад застенчивый мальчик с каштановыми волосами, известный как Говард Хардоах, закончил районную школу в Гледбитуке. Теперь мальчик стал выдающимся преступником Ойкумены и Края Света, известным как один из Властителей Зла. Его имя — Говард Алан Трисонг. Он наводит на всех ужас. Его имя привлекает внимание каждого. Но Говард Алан Трисонг по-прежнему помнит старые времена, и не без ностальгии. На состоявшейся встрече класса он устроил драматическое представление, в основном для своих одноклассников, представление, мягко говоря, довольно-таки эмоциональное.

Участники этой встречи никогда ее не забудут, и хотя бы только поэтому можно говорить о ее огромном успехе. Ранним вечером Говард Хардоах прибыл на встречу выпускников и принялся бродить, переходя от стола к столу, рассказывая анекдоты и вспоминая старые случаи, иногда ко всеобщему неудовольствию.

Предаваясь воспоминаниям, мистер Хардоах увлекся и решил подерзить и поразвлечься. Он играл веселые мелодии на скрипке, станцевал несколько гавотов. Полет фантазии мистера Хардоаха полностью очаровал собравшихся. Он изобретал остроумные шалости и шарады, вспоминая давно прошедшие события. В них послушно участвовали разнервничавшиеся одноклассники, которые до этого никогда не понимали его душевных устремлений. Он усадил мистера Страббинса на кусок льда, разукрасил татуировками мистера Блоя Сагалфлоуриса и организовал для миссис Саби вер Эйх и двух ее очаровательных дочерей, Мирл и Мог, длительный круиз по Вселенной.

Празднество было прервано шайкой мародеров, которые прострелили мистеру Хардоаху ягодицы и посеяли та-

кой ужас, что участникам встречи пришлось разойтись. Мистера Хардоаха госпитализировали. Но он надеется вернуться на следующую встречу, позаботившись, чтобы она закончилась не так неожиданно. Тем более что он успел исполнить только некоторые из своих замыслов.

А следующий номер «Космополиса» содержал еще одну статью.

ГОВАРД АЛАН ТРИСОНГ,
его детство и примечательные случаи из жизни

(Примечание издательства. Настоящая статья о великом Говарде Алане Трисонге, о котором сейчас много говорят. Мы надеемся, что публикация заинтересует наших читателей.)

В редакцию «Космополиса».

Я прочтала вашу предыдущую статью о школьной встрече в Гледбитуке с большим интересом, потому что мой сын Нимфотис был школьным товарищем Хардоаха. Странно, как может сложиться жизнь. Оба мальчика были неразлучны, и Нимфи, как мы его называли, часто рассказывал о талантах Говарда. Самой дорогой для него вещью была маленькая книга фантазий, «Книга Грез», которую ему подарил Говард.

Наш мальчик трагически погиб, утонув незадолго до того, как мы покинули Маунишленг. Но «Книга Грез» по-прежнему у нас и напоминает нам старые дни. Трудно поверить, что Говард Хардоах стал таким, как вы его описываете, ведь он был робким и нерешительным, но в жизни случается и не такое. Более того, я верю (с тех пор как мы путешествуем в космосе), что большинство людей даже не подозревают, как они умрут... Мы часто вспоминаем о нашем бедном маленьком Нимфи. Если бы он не погиб, возможно, он бы тоже стал знаменитым.

Пожалуйста, не публикуйте мой адрес и мое имя, так как я боюсь, что не смогу справиться с корреспонденцией.

С уважением,

Тутти К.

(Полное имя и адрес не приведены по просьбе корреспондента.)

В контору «Космополиса» вошел худой мрачный мужчина неопределенного возраста, одетый в черный костюм местного покроя, тесный в плечах и свободный в бедрах. Он двигался с беззвучной грацией кошки. Его глаза были черными, лицо со впалыми щеками — худым. Густые темные волосы со взбитым хохолком падали на виски и отчасти на уши. Он подошел к регистрационной стойке, тревожно оглянулся по сторонам, скорее по привычке, выработавшейся за долгие годы. Служащая спросила:

— Чем мы можем быть вам полезны, сэр?

— Я бы хотел переговорить с джентльменом, который несколько недель назад написал статью о мистере Говарде Трисонге.

— Должно быть, это Генри Лукас. Кажется, он сейчас у себя. Могу ли я узнать ваше имя, сэр?

— Шахар.

— Род ваших занятий, мистер Шахар?

— Ну, мисс, это сложно объяснить. Я бы предпочел поговорить с самим мистером Лукасом.

— Как вам будет угодно. Я спрошу мистера Лукаса, сможет ли он сейчас увидеться с вами.

Девушка позвонила. Ей ответили. Она снова посмотрела на Шахара:

— Подождите, он примет вас через пять минут.

Шахар тихо сел, взгляд его черных глаз блуждал по комнате.

Раздался мелодичный сигнал. Служащая за стойкой сказала:

— Мистер Шахар, пожалуйста...

Она провела посетителя через холл в кабинет с бледно-зелеными стенами. За столом в небрежной позе сидел одетый по последней моде мужчина с томным лицом, обрамленным блестящими черными локонами. Его одежда была образцово элегантна, манеры, как и выражение лица, — почти высокомерными. Он лениво заговорил:

— Сэр, я Генри Лукас. Присаживайтесь, пожалуйста. Мне кажется, мы не знакомы. Мистер Шахар, кажется?

— Все верно, сэр.— Шахар говорил легко, непринужденно.— Вы деловой человек, и я не займу у вас слишком много времени. Я писатель, как и вы, хотя, конечно, не такой опытный и удачливый.

Джерсен, взглянув на мощные плечи Шахара, длинные крепкие руки, тяжелые кисти с длинными пальцами, подавил довольную улыбку. В Шахаре без труда угадывался убийца, готовый в любую минуту ударить ножом или задушить, получающий удовольствие от чужого страха и боли. Он присутствовал на встрече выпускников, стоял у входа в павильон рядом с приземистым, толстым человеком. Джерсен вспомнил также события, происшедшие несколько ранее, когда Ламар Медрано с Дикого Острова встретила мистера Шахара в Звездном Порту на Новой Концепции. Она покинула отель вместе с ним, и больше ее не видели.

— Ну,— протянул Джерсен.— Я не писатель, я журналист. На какую тему вы предпочитаете писать?

— Отношения между людьми. Факты и лица. Меня заинтересовал Говард Алан Трисонг и его удивительная карьера. К несчастью, очень трудно получить информацию.

— Мне тоже так показалось,— согласился Джерсен.

— Статья о встрече выпускников написана вами, если не ошибаюсь?

— Наш местный корреспондент прислал десять страниц несколько сумбурного текста, который я слегка подправил как сумел. Чтобы получить сведения о Трисонге, думаю, надо посетить Маунишленд.

— Я воспользуюсь вашим советом. А что это за женщина и ее «Книга Грез»?

Джерсен равнодушно пожал плечами:

— В «Книгу Грез» я не заглядывал, а письмо где-то здесь. Кажется, я становлюсь экспертом по Трисонгу.

Джерсен открыл папку, вытащил лист бумаги, заглянул в него. Шахар подошел ближе.

— Старая записная книжка или что-то вроде того,— продолжал Джерсен.— Вероятно, ничего особенного.

Шахар взял Лукаса за руку:

— Можно посмотреть?

Джерсен поднял брови, как бы удивляясь. Казалось, он колеблется. Нахмурившись, он взглянул на письмо.

— Извините, но лучше не стоит. Женщина просила не называть ее имя. Не могу сказать, что осуждаю ее, у каждого свои причуды.— Джерсен вложил письмо в папку.

Шахар отошел, едва заметно улыбаясь:

— Мне бы хотелось собрать любую, а по возможности всю информацию по этому вопросу. Меня больше всего интересует юность Говарда Трисонга, период формирования его личности, так сказать. Пригодились бы безделушки вроде «Книги Грез».— Шахар сделал паузу, но Джерсен ответил только пренебрежительным кивком. Шахар приблизился и заговорил с убедительной настойчивостью: — Предположим, я захочу навестить эту женщину как журналист, работающий в «Космополисе». Дадите ли вы тогда мне ее адрес?

— Мне кажется, это неразумно. Что она может знать? Почему бы вам не посетить Гледбитук на Моудервельте и не расспросить о старых знакомствах Говарда Алана Трисонга? Вы получите гораздо больше сведений...

— Снова вы даете мне прекрасный совет, сэр.— Шахар поднялся, помедлил мгновение и, казалось, собрался уйти.

Джерсен тоже поднялся:

— У меня еще есть дела, иначе бы я охотно поговорил с вами. Желаю успеха.

— Благодарю вас, мистер Лукас.— Шахар вышел из комнаты.

Джерсен ждал. Датчик на краю стола подал сигнал. Джерсен улыбнулся. Он пристроил сигнальное устройство к выдвижному ящику своего стола, затем повернул ключ в старинном замке. Надев шляпу, купленную на Элойзе, он вышел из комнаты и направился по коридору мимо двух пустых помещений. За одной из дверей стоял Шахар, о чем и сообщил датчик.

Джерсен не спеша спустился на нижний этаж, прошел по коридору, а затем вернулся в свой кабинет. Встав на всякий случай сбоку от двери, приоткрыл ее. Вопреки его ожиданиям, ничего не произошло.

Джерсен вошел в кабинет. Датчик на ящике был смещен. На замке никаких следов отмычки. Шахар оказался искусным взломщиком. Джерсен открыл ящик. Письмо лежало так же, как он и оставил его. Шахар удовлетворился именем и адресом.

Джерсен подошел к телефону и позвонил Элис:

— Все в порядке.

— Кто приходил?

— Человек по имени Шахар. Я отправляюсь прямо в космопорт.

Голос Элис был лишен эмоций:

— Береги себя.

— Конечно.

Джерсен бросил шляпу на стул, сменил модный костюм на обычную одежду межзвездного бродяги и покинул редакцию «Космополиса».

Кэб доставил его в космопорт и по специальному проезду подвез к «Крылатому Призраку». Корабль вымыли, вычистили, проверили и заправили. Корпус очистили от космической пыли. Сменили постельное белье, воду в баках, запасы продовольствия. Перепроверили системы жизнеобеспечения и возобновили энергозапас.

«Крылатый Призрак» был готов к полету.

Джерсен поднялся на борт, задраил люк и прошел в салон. В воздухе чувствовался запах парфюмерии. Он огляделся по сторонам. Ничего необычного. Сделал три больших шага в рубку управления: пусто. Отворил дверь в головной отсек.

— Я с тобой!

Элис, одетая в шорты мышинного цвета и черную тунику, вышла ему навстречу.

— Так вот ты где, — улыбнулся Джерсен.

— Я решила никогда больше не оставлять тебя одного. Ты ведь можешь не вернуться. — Она вплотную

подошла к Джерсену и посмотрела ему в глаза. — Разве ты не хочешь, чтобы я сопровождала тебя?

— Не сомневаюсь, ты окажешься полезной спутницей, хотя наше путешествие и будет опасным.

— Знаю.

— Ладно, у нас мало времени. Теперь, поскольку ты здесь...

Элис победно рассмеялась:

— Я знала, что ты поймешь меня.

Глава 17

Заповедная Бетюн висела в космическом пространстве в лучах 892-й Ворона. Джерсен подвел «Крылатый Призрак» вплотную к одной из орбитальных карантинных станций. Там не смогли предоставить пилота немедленно, и им приказали подождать.

Элис ворчала:

— Меня совершенно не интересуют их звери! Я говорила им это, но, похоже, мне не поверили.

— Говард будет еще более раздражен. Он не сможет показаться здесь на своем боевом крейсере.

— Вполне вероятно, он прибудет как турист. Или вообще не придет.

— Не думаю, что он пошлет Шахара за своей драгоценной «Книгой Грез». В любом случае, ты останешься в Танаквиле: если он увидит тебя, все может сорваться.

Элис сделала смиренное лицо:

— Как скажешь... Хотя ты сам говорил, что меня не узнать, когда я одеваюсь мальчиком и прячу волосы.

— Мы лучше подстрижем тебя и перекрасим в черный цвет.

— Совершенно ни к чему, хоть я бы выглядела забавно. Но тогда ты будешь смеяться надо мной, а я разозлюсь. Так и закончится наш роман.

Джерсен обнял ее:

— Мы придумаем что-нибудь другое.

— Конечно... Подожди, что ты делаешь? Стой!.. Ты уже дважды с сегодняшнего утра гонялся за мной по кораблю!

— Но нам больше нечем заняться, а ты сама напросилась.

— Ты не боишься, что я снова разденусь?.. Нет? Ну хорошо...

Наконец прибыл пилот и провел корабль в Танаквил, невзирая на просьбу Джерсена о посадке в аэропорту Лагеря в Синем Лесу.

— Извините, но это не по правилам,— ответил он.

Джерсен заметил, что каждое третье слово пилота было «правило». Пилот продолжал:

— Это невозможно, вы же знаете. Тогда бы каждый садился где ему вздумается, топтал и рвал цветы, дразнил обезьян. Туристы должны посещать заповедники, соблюдая правила приличия и сдержанности.

— Тогда вообще бы никто не стал выполнять их, и вы бы остались без работы.

Пилот внимательно посмотрел на Джерсена голубыми глазами, подумал, решил, что Джерсен шутит, и рассмеялся:

— Я бы нашел чем заняться. Ведь я не только воздушный лотман. Я имею статус четвертого уровня и считаюсь экспертом по патологии сегментарных червей.

— Почему же в таком случае вы работаете здесь, а не изучаете червей? — спросила Элис.

— Сегментарных червей не так уж много. Они прячутся глубоко в земле, и их трудно поймать. Я в совершенстве овладел второй специальностью... И все-таки я бы урезонил туристские компании... Вот мы и прибыли. Оставьте оружие и контрабанду на борту. Когда вы спуститесь, я опечатаю двери.

Джерсена и Элис, каждого с маленькой дорожной сумкой, тщательно проверили на таможне и наконец пропустили.

У окошечка с надписью «Официальный и коммерческий транзит» Джерсен попробовал заказать билеты

до Лагеря в Синем Лесу. Клерк даже слушать его не стал и сразу вернул деньги.

— Лучше вам обратиться к должностным лицам.

— Из чистого любопытства: когда ближайший рейс в Лагерь в Синем Лесу?

— Сегодня два рейса, сэр, в полдень и в два часа.

В открытом омнибусе Джерсен и Элис проехали в город под высокими джакарндами и дурпами, преследуемые истеричными криками древесных обитателей.

В туристической службе «Гальцион Виста» Джерсен увидел нового клерка — важную молодую женщину с маленькими глазками и вздернутым носиком. Она немедленно объявила просьбу Джерсена невыполнимой и попыталась продать ему билеты на туристический маршрут «С». Джерсен использовал всю свою настойчивость и рассудительность. После десяти минут тщательных поисков в документах женщина отчаялась найти поддержку своей позиции и недовольно выписала пару пассажирских билетов.

Омнибус в космопорт отошел от агентства еще днем; Джерсен едва поймал такси, и они чуть не опоздали на свой рейс, прибыв всего за десять минут до старта.

Через два часа ракетоплан сел в джунглях к северу от Лагеря в Синем Лесу. Дверь отворилась, в кабину ворвался ветерок, принесший с собой вонь болот.

Джерсен и Элис спустились на землю. Ракетоплан поднялся и исчез в южном направлении, они остались одни.

— Эта дорога ведет к Лагерю, — объяснил Джерсен.

Из отеля Окружной Корпорации Джерсен позвонил по телефону Тути Клидхо в комиссариат.

— Я вернулся. Все идет по плану. Что у вас новенького?

— Пока ничего. — Голос Тути звучал резко. — Мы ожидаем посетителя с надеждой и тревогой. Вы привезли книжечку?

— Я принесу то, что привез, к вам домой, скажем, через час.

Тути раздраженно буркнула:

— У нас свои правила. Я не могу оставлять работу по своему желанию... Но если необходимо, то я отпрошусь. Найду предлог.

Элис Джерсен сказал:

— У миссис Клидхо странные взгляды. В сущности, она упряма и подозрительна.— Он критически осмотрел Элис.— Лучше бы ты надела что-нибудь более скромное и неприметное.

Элис оглядела себя. Она была в серых брюках космолетчика, черных сапогах и зеленой рубашке.

— Что может быть еще скромнее и неприметнее?

— Ладно, только надень вон ту шляпу, ты должна выглядеть мальчиком.

— Миссис Клидхо будет сегодня более подозрительной, чем обычно?

— Я все еще думаю о Говарде Трисонге,— сказал Джерсен.— Если он увидит твои рыжие волосы, то сразу вспомнит тебя. Лучше бы ты осталась здесь, в отеле.

— Мы уже обсуждали это.

— Держись в тени. И говори тихим, грубоватым голосом.

— Постараюсь.

Из дорожной сумки Джерсен достал несколько предметов и принялся что-то собирать. Элис молча наблюдала за ним. Наконец Джерсен объяснил ей, что он делает.

— Это оружие, начиненное ядом. Возьми и обращайся с ним осторожно.— Он протянул Элис отрезок стеклянной трубки длиной дюйма в четыре.— Если кто-то тебе не понравится или подойдет слишком близко, подними трубку до уровня его лица и резко дунь в этот конец. Потом как можно быстрее отойди.

Элис с мрачным видом засунула трубочку в карман рубашки.

Они покинули отель и направились к дому Тути Клидхо. Тути ждала их. Дверь отворилась, как только они приблизились.

На мрачном лице Тути отразилось удивление, когда она увидела Элис.

— Кто это? Зачем?

— Элис Рзук. Мой коллега.

— Хм, хорошо... Это не мое дело. Входите.

Комната изменилась за прошедшее время только в одном: мармел Нимфи больше не стоял в углу. Тути зловеще кивнула:

— Нимфи ушел на время. Ну, давайте книжечку.

Джерсен протянул ей красную записную книжку, озаглавленную «Книга Грез». Тути пробежала взглядом по страницам. Потом раздраженно заявила:

— Но тут нет ничего важного!

— Естественно, нет. И вообще... Неужели вы думаете, что я стану рисковать настоящей книжечкой? Это копия, скажем так.

Тути мрачно проговорила:

— Копии достаточно. Вам не нужно больше ничего делать. Ото и я составили план. Все учтено. Возвращайтесь и ждите. Вас оповестят, когда работа будет сделана.

Джерсен засмеялся:

— У Говарда наверняка тоже есть план. Он ведь профессионал.

— Не сомневаюсь. А как бы вы поступили с ним?

— Раньше или позже он явится сюда. Когда это произойдет, я убью его.

Тути застыла, уперев руки в бедра:

— Конечно, конечно, но как вы сделаете это без оружия?

— Я могу спросить вас о том же.

— У меня есть лучемер модели «Джи». Он разнесет голову тримбодаксису...

— Вы разрешите мне воспользоваться им?

— Конечно нет! Наши правила строго запрещают это. Да и Ото не одобрил бы... Сколько времени осталось до прихода Говарда?

— Не знаю. Я торопился. Думаю, он постарается сделать то же самое. Тогда разрыв между нашими визитами будет невелик.

Элис выглянула в окно:

— У нас вообще нет времени... Посмотрите.

По улице шел Шахар, а позади него низенький толстый человек с мощными плечами, почти без шеи.

— Эти двое — люди Говарда, — пояснил Джерсен. — Вы по-прежнему думаете, что сможете справиться с ними?

— Конечно! Давайте в заднюю комнату! И ни звука!

Она вытолкала их в дверь и захлопнула ее. Свет, пробивавшийся сквозь боковые окна, падал на фотографию юного Нимфи в серебряной рамке, стоящую на письменном столе.

Джерсен толкнул дверь, но та не поддавалась. Он тихо выругался:

— Старая дура заперла нас.

Элис посмотрела на окно:

— Оно очень маленькое, но я могу протиснуться.

— Дверь не слишком прочная, и мы сможем выйти в любое время!

— Тс-с... Слушай.

В прихожей заговорили.

— Вы Тути Клидхо? — Это был голос Шахара.

— Ну и что из этого? Кто вы такие? Я вас не знаю.

— Миссис Клидхо, я выездной секретарь...

— Ступайте в гостиницу! У меня нет желания беседовать с незнакомыми людьми. Кроме того, я не одна, у меня есть оружие, которое я держу наготове. Убирайтесь!

— ...известного во многих мирах важного джентльмена, который хотел бы поговорить с вами. Уверен, свидание вам пойдет на пользу.

— Важный джентльмен? Кто еще? Как его зовут? И если он такой известный, то почему не явился сюда сам, а послал вас?

— Как и вы, миссис Клидхо, он не общается с мало знакомыми людьми. Он тоже нервный и робкий. Оружие вызывает у него беспокойство, так что, пожалуйста...

— Убирайтесь отсюда вместе с вашими важными людьми! И поторапливайтесь, пока я, нервная и робкая, не отстрелила вам зад! Я старая и одинокая, но не стану терпеть оскорбления от тупоголовых туристов!

— Простите меня, миссис Клидхо. Простите, что беспокоил вас. Пожалуйста, не размахивайте так своим лучементом. Меня интересует всего один вопрос: вы та Тути К., которая недавно написала письмо в журнал «Космополис»?

— Что из того? Почему я не могу написать, если захочу? Что плохого я сделала?

— Совершенно ничего. Это письмо принесет вам удачу. Вы убедитесь в этом, если отложите оружие и успокойтесь. Тогда я приглашу своего хозяина.

— И вас будет целая толпа против одной женщины! Ха-ха! И не мечтайте! Присылайте вашего робкого джентльмена одного, без сопровождения. А лучемент... Я положу, когда увижу, что мне ничего не угрожает.

— Уверен, что у вас не будет повода для тревоги, миссис Клидхо, наоборот.

— С какой стати...

Шахар не ответил и вышел. Джерсен налег на дверь. Она треснула и заскрипела. Тотчас же последовал сильный удар в стену.

— Эй, вы, сидите тихо! Не вмешивайтесь в наши планы... А теперь ни звука, кто-то подошел к дому.

Джерсен что-то пробормотал. Элис сказала:

— Ш-ш! Послушай. Думаю, это Говард.

Они прислушались к звукам открывающейся наружной двери и голосу Тути.

— Кто вы такой, сэр?

— Миссис Клидхо, вы не узнаете меня?

— Нет. Почему я должна узнавать вас? Что вам нужно?

— Я освежу вашу память. Вы написали в «Космополис» о старых временах в Гледбитуке и о близком приятеле вашего Нимфотиса?

— Вы Говард Хардоах?.. Точно, я узнаю тебя, сынок! Как ты вырос! Мальчиком ты выглядел таким хрупким! Ну, подумать только! Я должна позвонить Ото! Жаль, он не может сейчас быть здесь!

В задней комнате Джерсен сжал зубы от злости. Он взялся за ручку двери, но Элис оттащила его назад.

— Не делай глупостей! Тути застрелит тебя, не раздумывая ни секунды! Она знает что делает.

— Ч-то...

— Ш-ш! Будь благоразумным.

Джерсен снова приложил ухо к двери.

— ...Удивительно, как бегут годы! Все это было так давно и так далеко отсюда! А как ты изменился! Каким красивым и обходительным стал! Проходи, не стесняйся, сейчас налью чего-нибудь... У меня остались хорошие старые настойки. Может быть, чаю с пирогом?

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Клидхо. Я выпью немного настойки... Спасибо... Этого более чем достаточно.

— Бери пирожные. Совершенно непонятно, как ты нашел меня здесь и почему... А, ну да, мое письмо в журнал...

— Разумеется, оно всколыхнуло старые воспоминания, вспомнилось то, о чем я забыл много лет назад. Та маленькая книжечка, например...

— О, да! Эта прелестная маленькая книжечка красного цвета? Каким мечтательным пареньком ты был, полным грез и обаяния! «Книга Грез», кажется, так ты назвал ее?

— Верно. Именно так. Хотелось бы увидеть ее снова.

— Конечно, конечно. Я покажу тебе ее. Я ее разыщу, но ты должен сначала пообедать со мной. Я как раз приготовила рагу из овощей, как в Гледбитуке. Кроме того, у меня есть лессами. Надеюсь, ты не потерял вкуса к домашней кухне?

— К сожалению, у меня язва желудка и я ограничен в своем меню. Но не обращайтесь внимания. Готовьте обед по-своему, а я тем временем посмотрю свою записную книжечку.

— Подожди, дай мне вспомнить, куда я ее дела?.. А, да, конечно, она на станции, где работает Ото. Он дежурит сменами, очень жаль! У них так мало квалифицированных специалистов, и Ото днюет и ночует там. Он так обрадуется, когда увидит тебя. Может быть, ты погостишь здесь с недельку, пока он не вернется из

джунглей? Он не простит мне, если ты уедешь, не повидавшись с ним!

— Неделю? Миссис Клидхо, я не могу задержаться здесь так надолго!

— У меня есть отличная свободная комната, а тебе, я уверена, нужно отдохнуть. Потом ты увидишь мистера Клидхо. Я сообщу ему, чтобы он захватил твою книжечку. Мы так хорошо поболтаем о старых временах!

— Звучит заманчиво, миссис Клидхо, но я не могу тратить столько времени впустую. Однако мне все же хотелось бы повидать мистера Клидхо. Где находится биостанция?

— Она в джунглях, в часе езды на рельсомобиле. Туристов, естественно, близко не подпускают.

— В самом деле? Почему же?

— Они дразнят зверей и кормят их непригодной пищей. Над некоторыми из животных ставят эксперименты. Мы проводим их подальше от любопытных глаз. Мистер Клидхо работает как раз на одной из таких станций.

— Жаль, что он не может приехать со станции сегодня вечером. Почему бы не вызвать его по телефону?

— О, нет. Он и слушать не станет. Да и не получится ничего.

— Почему?

— В полдень отъезжает состав с пищей для опытных животных. Поезд отправляется на биостанцию, а возвращается только на следующее утро — таков порядок, и его нельзя изменить. Иногда я сама веду поезд и тогда остаюсь на биостанции ночевать. Но это только в том случае, когда у машиниста выходной. Мне всегда платят за потраченное время.

Пауза, затем послышался голос Трисонга, веселый и непринужденный:

— А почему бы нам не поехать сегодня? Было бы интересно. Конечно же я возьму все расходы.

— Кого ты имеешь в виду, говоря «нам».

— Вас, себя, Умпса и Шахара. Мы все хотели бы посетить станцию.

— Невозможно. Туристов на станцию не пускают — это строгий закон. Один человек в кабине с водителем еще может проехать, но не трое.

— А могут они добраться туда еще как-нибудь?

— Если только в грузовых отсеках, но там грязно. Твоим друзьям это не понравилось бы. Да и это — нарушение правил!

Опять пауза. Затем:

— Пятьдесят севов покроют ваши издержки в комиссариате?

— Конечно. Они нам не переплачивают, это правда. Но все-таки мы не жалуемся. За коттедж не надо платить, а в комиссариате мне продают вещи и продукты с хорошей скидкой. Подождем до завтра, если у тебя не пропадет охота, но плата меня вполне устраивает. А если тебе не все равно, ехать вместе с друзьями или без них, то почему не подождать неделю? Это не понравится, что тебе придется испытывать столько неудобств.

— Правда, миссис Клидхо, меня очень поджимает время. Возьмите, здесь пятьдесят севов. Мы отправимся сегодня после полудня.

— Но у нас почти не осталось времени приготовить! Мне надо позвонить. И надо чем-то заткнуть рот Джозефу, машинисту. Деньги — самое подходящее. У тебя найдется еще двадцатка?

— Да.

— Этого вполне хватит. А теперь отправляя своих друзей обратно в отель, а потом встретишь меня на узловой станции, это в ста ярдах по дороге отсюда. Но не появляйся раньше, чем я дам сигнал. Вполне может быть, что управляющий Кеннифер будет следить за отправкой... Да, еще надо позвонить мистеру Клидхо и предупредить его, что мы прибудем. Пусть он освободит лучшую комнату. А там ты увидишь все: и джунгли, и люцифера, и скорпионозавра. Итак, через полчаса на станции.

Дверь за Говардом Аланом Трисонгом закрылась. Тути Клидхо подошла к двери, ведущей в заднюю комнату.

— Вы, двое! Все слышали?

Джерсен налег плечом на дверь, и та с треском отворилась. Тути Клідхо отступила назад, сжимая в руках лучемер. Ее лицо сморщилось в усмешке.

— Назад! Одно движение — и я продырявлю вас обоих! Жизнь или смерть. Стоять!

Джерсен заговорил с достоинством:

— Я думал, вы и в самом деле с нами заодно.

— Так и есть. Вы доставили Говарда сюда, я передам его мистеру Клідхо, а вы посмотрите, что будет дальше. А теперь сидите тут. — Она показала дулом на диван.

Элис увлекла Говарда за собой, и они сели.

Тути удовлетворенно кивнула и направилась к телефону. Она несколько раз кому-то звонила, потом вернулась к Джерсену и Элис.

— Теперь что касается вас...

— Миссис Клідхо, выслушайте меня. Не принимайте Говарда Трисонга за простачка. Он умен и опасен.

Тути махнула тяжелой рукой:

— Ба! Я хорошо его знаю. Он был гнусным, мелким молокососом, издевавшимся над маленькими девочками и мальчиками. Он убил моего Нимфи. Он не мог измениться. Мы, Клідхо, тоже не изменились. В конце концов, мы, ха-ха-ха, рады видеть его. Теперь вставайте. Поймите, без меня вы все равно ничего с ним не сделаете. — Она провела их на кухню и открыла дверь в подвал. — А теперь в погреб, живо!

Элис взяла Джерсена за руку и потащила его за собой. Они спустились по ступенькам и оказались в подвале, набитом странными припасами, старыми бумагами и ненужными вещами.

Дверь за ними захлопнулась, раздался скрежет запираемого замка, стало темно.

Джерсен поднялся по ступенькам и приложил ухо к двери. Тути не ушла. Джерсен отчетливо представил ее, стоящую рядом с дверью с оружием наготове, внимательно глядевшую на дверь. Прошло две минуты, половицы заскрипели, и все стихло.

Джерсен подтянулся к потолку, надеясь обнаружить хоть малейшую щелочку, но тщетно. Он нажал на дверь,

которая закрипела, но выдержала, а его неустойчивое положение не позволяло нажать сильнее.

Джерсен стал ощупывать стены и потолок. Балки пола над головой, с другой стороны ничего. Из темноты донесся голос Элис:

— Кажется, мы тут застряли. Я не могу найти другого выхода. Только корзины, полные старого хлама.

— Нам нужна крепкая палка или отрезок доски,— сказал Джерсен.

— Ничего похожего, только корзины, какие-то ящики и старые ковры.

Джерсен ощупал корзины:

— Давай сложим вещи. Если я смогу забраться по этой куче и достать дверь, имея под ногами крепкую опору...

Через десять минут Джерсен залез на груды накинанных вещей.

— Не стой внизу. Это довольно опасно...

Откинувшись назад, он ухватился за балку, подтянулся и ударил по двери ногами, изо всех сил напрягая мускулы. Дверь распахнулась, и Джерсен вывалился на кухню.

Он поднялся, помог Элис забраться по лестнице, помедлил, осматривая хозяйственные принадлежности Тутти, затем выбрал два столовых тяжелых ножа, заткнул их за пояс и поднял, взвешивая на руке, топорик для мяса.

Элис нашла сумку для одежды.

— Положи все сюда. Я понесу.

Они подошли к входной двери, выглянули наружу, убедились, что на улице никого нет, и вышли.

Держась в тени, они направились на станцию рельсомобилей — скопление ветхих построек ярдах в ста впереди.

— Тутти не понравится, если все пойдет не по ее плану,— заметила Элис.— Она — решительная женщина.

— Самонадеянная старая карга,— буркнул Джерсен.— Теперь помедленнее, совершенно незачем, чтобы нас заметили.

Они почувствовали острый запах гнили и, приглядевшись, увидели его источник. У хоппера стоял осанистый светловолосый мужчина и равнодушно следил за потоком розово-серой массы, текущей из хоппера в цистерну рельсомобиля. Когда он перекрыл вентиль и струя иссякла, маленький локомотив подъехал задним ходом и сцепился с цистерной. На месте машиниста сидела Тути Клідхо.

Человек у хоппера махнул рукой, повернулся и пошел к мастерским. Тути потянула рукоятку управления на себя — локомотив с вагоном-цистерной поехал вперед. Появился Говард Трисонг и сел в кабину рядом с Тути. Из кустов выбрались Шахар и Умпс. Они побежали за цистерной, потом прыгнули на маленькую платформу позади нее. Состав скрылся за поворотом.

Джерсен подошел к мастерской. Из нее на звук шагов выглянул представительный мужчина и предостерегающе махнул рукой:

— Сэр, посторонние сюда не допускаются.

— Я не посторонний, — ответил Джерсен. — Я друг миссис Клідхо.

— Вы опоздали. Она только что вместе со своим племянником уехала на биостанцию.

— Мы должны были поехать вместе. Можно как-нибудь догнать их?

Мастер указал на ржавый старый механизм, помятый и погнутый, казавшийся нелепым нагромождением блоков и колес.

— Это номер семнадцать, поставленный на ремонт. Скоро, буквально на днях, я сменю колеса, как только у меня появятся деньги и время. Других локомотивов нет.

— А сколько до биостанции?

— До нее добрых семьдесят миль. По воздуху ближе, но в городе нет воздушного транспорта. Он запрещен, чтобы не нарушать экологический баланс и не пугать животных.

— Семьдесят миль — это десять часов хорошего бега.

— Нет! — воскликнул мастер. — Вы пробежите, может быть, миль пять, потом глаза залепит грязь... А что случится дальше, один Бог знает. Там дьявольское место.

Элис указала в глубину мастерской:

— А это что такое?

— Это тележка путевого инспектора. Она не предназначена для грузов, но по ровной дороге едет быстро.

Джерсен обошел сооружение: простая платформа на четырех колесах с парой сидений под сферическим куполом, снабженная защитой от насекомых. Управление простое: пара рукояток, два рычага и циферблат.

— Она не очень красива, но ездит хорошо, — с гордостью сказал мастер. — Я сам ее смастерил.

Джерсен достал хрустящую бумажку и протянул ее мастеру:

— Могу ли я воспользоваться тележкой? Мистер Клидхо хотел видеть нас. Тележка готова для поездки?

Мастер посмотрел на деньги:

— Это не по правилам, но, в сущности...

— Вы получите еще двадцать завтра, когда мы вернемся. Клидхо не понравилось бы, если б мы опоздали, а это намного важнее, чем правила.

— Вы не работаете на Корпорацию! Для тех, кто работает на нее, нет ничего важнее правил.

— Кроме жизни и денег.

— Правильно. Хорошо, берите тележку. Черная ручка — акселератор, красная — тормоз. Первая развилка налево уходит на север, к станции. Вторая, правая, ветка ведет к гнездовищу красных обезьян. Там еще будет ответвление на пастбищные луга, но оно в конечном счете тоже ведет на станцию — значит, вы поедете направо, налево, а потом по любой дороге. Теперь я ухожу домой и не стану оборачиваться. Имейте в виду — я вас предупреждал об опасности.

Мастер повернулся и исчез в мастерской. Джерсен влез на тележку и нажал на черную ручку. Элис быстро уселась на сиденье рядом с ним. Джерсен выжал черную ручку до отказа, и тележка покатила в джунгли.

Глава 18

Разум требует наибольшей утонченности, хотя этим словом легко и часто злоупотребляют. Разум оценивает, насколько хорошо существо ориентируется в изменившейся окружающей среде, создавая удобства для себя или решая общие проблемы. Следствий из такого определения несколько. Среди них выделяется одно: если нет трудностей, разумность измерить нельзя. Создание с большим и сложным мозгом не обязательно умно. Неопытный, абстрактный ум — понятие, лишенное смысла. Во-вторых: разумность — это качество, характерное для людей. Правда, другие расы разумных тоже используют механизмы и иные творения для оптимального переустройства окружающей среды. Их атрибуты по действию иногда сходны с предметами, созданными человеческим разумом, и по достигнутым результатам можно сделать вывод, что рабочие органы разных существ используются аналогично. Их стимуляция всегда обманчива и относится к поверхностному применению. Так как краткого названия и универсального термина нет, возникает искушение некорректно использовать слово «разумный» при описании близких понятий, но невозможно стерпеть, когда это переходит все границы. (Смотрите мою монографию, которую я включил в восьмой том этого издания, но и она не столь уж всеобъемлюща.) Студенты, серьезно интересующиеся этой проблемой, могут обратиться для консультации к монографии «Сравнение математических процессов, используемых шестью разнопланетными разумными расами».

Анспик, барон Богиссей «Жизнь», том 2

* * *

Тележка была изготовлена из разнородных старых деталей и запасных частей. Правый рычаг — из вольфрамовой полый трубки, а левый выпилен из деревянного бруска. Сиденья, когда-то бывшие домашней софой с оранжевыми и голубыми подушечками, покоились на плите из магнитной гексопены. Сферическая кабина пестрела дырами, через которые виднелось небо, колеса сняты с тачек, диски приварены к ним грубо и

на скорую руку. Несмотря на все это, тележка двигалась мягко и быстро, и скоро Лагерь в Синем Лесу остался позади.

Первые несколько миль пути проходили по своеобразному растительному туннелю, игравшему сотнями цветов и оттенков в лучах полуденного солнца. Увядавшие, мертвые черные ветви на вершинах деревьев казались красными рубинами, остальные ветви искрились синим, зеленым и желтым. Тут и там стояли черные и белые деревья, вытянувшие круглые черные листья так, чтобы они были максимально освещены. На открытых местах порхали мотыльки с яркими крыльями всех цветов от почти черного до лимонно-желтого. Другие летающие существа проносились по воздуху с такой скоростью, что выглядели просто золотыми пятнами.

Наконец джунгли расступились. Дорога пошла по равнине, по заливным лугам, перемежающимся прудами, в каждом из которых жил свой водяной бык — огромная пятнистая тварь с рогами и рылом, похожим на лопату. С возрастом бык расширял свой пруд. Строительные козлы из бетонных столбов и шпалы шли через трясины, покрытую синей накипью, по ковру ядовито-оранжевых стеблей, поддерживающих сферические стручки со спорами.

Дальше за болотами земля поднималась, переходя в саванну. Здесь, среди травы, паслись создания, отчасти напоминавшие грызунов. Они передвигались стаями по двадцать—тридцать особей. Часто появлялись десятифутовые обезьяны — существа с белой кожей, покрытой пятнами черного меха. Согнутые черные твари, прожорливые и хитрые, бродили по лугам на задних лапах, сторукаясь диких обезьян.

Рельсы пролегли по равнине, поросшей грубыми черно-зелеными травами и колючими деревьями. Стада длинных тощих жвачных животных бродили по открытым районам, испуганно поглядывая на чудовищ и стаи заморышей — жадных, толкущихся, вопящих существ, полуящериц-полусобак. Множество разнообразных животных двигалось по саванне. Самым большим из них

было существо двадцати футов высотой с дюжиной коротких ног. В тумане, на севере, пара обезьяноподобных тридцатифутовых макрелошук взирали на равнину, словно разумные существа. А в миле к югу стояла похожих на птиц двуногих пятнадцатифутовых тварей с алыми нагрудниками и синими хвостами бегала за недоумевающими муреноподобными и рвала их на куски клювами и шпорами.

Дорога шла прямо через равнину, ныряя под землю каждые полмили, чтобы не нарушать тропы животных. Электрические изгороди тянулись с обеих сторон дороги на расстоянии ста футов друг от друга.

Солнце уже висело низко, заливая равнину нереальным, призрачным светом, и окружающие животные казались скорее порождением больного воображения, а не реальными созданиями.

Рельсы впереди были пусты. Поезд с продовольствием намного опередил их. Джерсен полностью выжал рычаг акселератора, и тележка понеслась вперед, подпрыгивая и раскачиваясь на неровностях. Пришлось сбросить скорость.

— Не хочу полететь в канаву. Машина тяжелая, и мы ее не вытащим, а пешеходная прогулка может затянуться.

Миля следовала за милей, а поезд догнать так и не удавалось. Саванна тянулась бесконечно. Четверка двухголовых жвачных вытянула в сторону людей сенсоры с гребней своих горбов.

Наконец в миле впереди показался темный лес, и там, на границе света и тени, на мгновение что-то сверкнуло — луч солнца, отраженный от кабины локомотива.

— Мы догоняем, — сказал Джерсен.

— А что будем делать, когда догоним? — спросила Элис.

— Не догоним. — Джерсен покачал головой. — Мы отстанем от них на несколько минут. Но мне бы хотелось быть намного ближе. Говард не сможет объяснить присутствие Шахара и Умпса. План Клидхо окажется под угрозой.

У леса дорога поворачивала, огибая скалы. Джерсен уменьшил скорость, а потом снова увеличил ее, когда открылось свободное пространство.

Рядом с путями промелькнул знак — белый треугольник. Почти сразу же за ним рельсы разветвлялись: одна ветка вела на север, другая — прямо, на восток. Поезд шел прямо, о чем свидетельствовала переведенная стрелка.

Милей дальше путь снова разветвлялся, и одна из веток уходила на юг, но, как и раньше, поезд следовал на восток. Джерсен удвоил внимание (поезд с провизией не мог уйти далеко вперед), но по-прежнему увеличивал скорость на прямых участках и осторожно замедлял ход, притормаживая на поворотах.

Появился еще один белый треугольник.

— Третья развилка, — сказала Элис. — Станция справа.

Джерсен остановил тележку:

— Поезд поехал налево. Видишь переведенную стрелку? Лучше следовать за ними.

Через полмили рельсы снова свернули на север, через лес. Сквозь просветы в листве было видно, что к востоку снова раскинулась саванна. Дорога еще раз повернула на восток и спустилась вниз, в саванну.

Элис махнула рукой:

— Вон они!

Джерсен остановил тележку. Поезд подъехал к разгрузочному устройству в месте, не защищенном электрооградой. Тути затормозила, отсоединила цистерну и проехала немного вперед. Открылся клапан, и масса потекла по желобу.

На задней площадке цистерны Шахар и Умпс вскочили на ноги, с беспокойством глядя на отъехавший локомотив. Затем их внимание привлекли твари, которые спешили со всех сторон к кормушке.

Обезьяна двадцати футов ростом, напоминавшая одновременно медведя и насекомого, неуклюжей походкой подошла к еде. Шахар и Умпс спрыгнули с площадки и побежали к ближайшему дереву, но обезьяна оказа-

лась проворнее. Она схватила Умпса и подняла его за ноги. Умпс яростно сопротивлялся и умудрился ударить пяткой по хоботку твари. Обезьяна разозлилась, швырнула Умпса на землю, подпрыгнула, опустилась прямо ему на спину и принялась месить его кулаками. Потом она повернулась и поглядела на Шахара, уже успевшего залезть на нижние ветви дерева и тем самым привлечшего внимание рептилии, похожей на паука, которая жила в кроне дерева. Она выбросила длинную серую лапу, от удара которой Шахар качнулся и пронзительно закричал, затем он выхватил нож и попытался защищаться. Когда пауко-рептилия стала спускаться, выделявая кульбиты, достойные акробата, Шахар, спрыгнув на землю, умудрился увернуться от обезьяны, которая угодила в щупальца пауко-рептилии, спрыгнувшей с дерева. Тварь накинула липкую сеть на голову обезьяне, высунула жало и пронзила грудь противника. Обезьяна взревела от боли и рванула лапами щупальца ранившего ее чудовища. Но щупальца сомкнулись еще крепче. Жало ударило снова. Тогда обезьяна ударила пауко-рептилию о ствол дерева, потом еще раз, превращая ее в месиво, и наконец освободилась. Потом она отскочила в сторону, дернулась, словно в конвульсии, и рухнула на землю. Несколько пожирателей падали окружили ее, оглушительно фыркая, и Шахар исчез под телами животных.

Джерсен, вздрогнув, спросил:

— Как ты думаешь, Тути знала, что эти двое едут на задней площадке цистерны?

— Не хочется даже гадать.

Поезд с Тути и Трисонгом исчез в джунглях в дальнем конце луга. Теперь цистерна с кормом загоразживала дорогу.

— Надо вернуться на развилку, — сказал Джерсен и посмотрел на рычаги и рукоятки. — Где же привод заднего хода?

Однако искал он тщетно. Рычаг акселератора заставлял машину двигаться только вперед. Джерсен прыг-

нул на землю и попробовал приподнять один конец тележки, но безуспешно. Тогда он попытался толкать тележку назад, но и это оказалось невозможным, так как дорога к разгрузочному устройству шла под уклон.

— Нелепость, — заявил Джерсен. — Должен же быть обратный ход... Найти длинный рычаг... Но в лес мне идти не хочется.

— Темнеет, — заметила Элис. — Солнце садится.

Джерсен подошел к краю ограждения и заглянул в лес, высокий, таинственный, густой.

— Я ничего не вижу... Я пойду...

— Подожди, — попросила его Элис. — Что это за маленькое приспособление?

Джерсен вернулся к тележке. В центре платформы находился ручной червячный привод переключения на обратный ход.

— Элис, ты молодчина!

— Я знала, что окажусь полезной тебе или даже необходимой, — скромно ответила Элис.

Через пять минут они уже возвращались по той же дороге, по которой приехали сюда. От развилки повернули на восток и теперь мчались сквозь сумерки на полной скорости.

Миля, две мили, пять... Лес внезапно кончился, и открылась заболоченная пустошь. Впереди солнечный свет отражался в речной воде. Рельсы вели через металлический мост, на который, очевидно, было подано электрическое напряжение, чтобы защитить дорогу от обитателей болота.

За болотом располагалась биостанция, состоящая из склада, амбулатории и шести маленьких коттеджей, выстроившихся в один ряд. Чуть дальше находилась лаборатория, строения которой выходили на затопленные места и реку Горгона.

Тележка свернула на боковую ветку. Джерсен затормозил и остановился прямо за локомотивом. Мгновение они сидели, прислушиваясь.

Тишина.

Еще в Лагере в Синем Лесу Говард Трисонг сказал весело и дружелюбно:

— Зачем мне скрываться? Я поеду вместе с вами.

— Жаль, но так не пойдет,— заявила Тути.— Представь, что там окажется управляющий Кеннифер. Тебе придется спрятаться за спинками кресел, пока мы не въедем в джунгли. Тогда можно расслабиться и насладиться поездкой. Посмотришь на грибных бабочек и водяные цветы.

Трисонг залез в кабину, устроился за креслами и затих. Поезд тронулся, отъехал от станции. Если краем глаза Тути и видела Шахара и Умпса, когда они залезли на площадку позади цистерны, то не подала виду.

Поезд с кормом ехал через джунгли, а потом по саванне, то углубляясь в темный лес, то выезжая из него. На третьей развилке Тути свернула к северу. Там находился пункт разгрузки, которым пользовались редко, лишь в тех случаях, когда биологи проводили эксперименты. Но сегодня вечером Тути решила покормить животных. Не останавливаясь, она отцепила цистерну. Трисонг вскочил на ноги и припал к заднему стеклу. Тути Клидхо лишь бросила взгляд через плечо. Говард Трисонг вдруг сгорбился. Его лицо посерело, и он опустил-ся на сиденье.

Наконец поезд добрался до станции, проехал мимо строений и остановился рядом с лабораторией.

Тути спрыгнула на землю, посмеиваясь и сопя. Потом из кабины вылез Говард Трисонг и застыл в дверном проеме, осматриваясь.

Тути окликнула его звонким голосом:

— Эй, Говард! Как ты находишь эту страну?

— Совсем не то, что старый добрый Гледбитук. И все же здесь довольно живописно.

— Правда? Ну, тогда пошли, поищем мистера Клидхо, который уже должен был приготовить для нас хороший ужин. Надеюсь, ради тебя он разогнал своих любимцев хоть на некоторое время. Он без ума от своих

животных и все время проводит с ними. Пойдем, Говард, а то через несколько минут налетят ночные жуки...

Тути пошла по дорожке к лаборатории. Толкнула дверь.

— Ото! Мы здесь! Надеюсь, Дитси тут нет? Говард не хочет, чтобы его стесняли твои питомцы. Ото? Где ты?

Грубоватый голос ответил:

— Тише, женщина, я, конечно, тут. Проходите... Так это и есть Говард Хардоах?

— Как он изменился! Ты бы никогда не узнал его, правда?

— Точно! — Ото Клидхо вышел им навстречу.

Он оказался на шесть дюймов выше Трисонга. У него были тощие, длинные ноги, на макушке огромной головы сияла лысина, и неаккуратные пучки волос обрамляли ее. Окладистая седая борода. Голубоватые глаза. Он смерил Трисонга долгим, оценивающим взглядом. Говард, не обращая на него внимания, осматривал комнату.

— И это ваша лаборатория? Мне говорили, вы теперь занимаетесь наукой.

— Ха!.. Не совсем. Я по-прежнему занимаюсь старыми делами, но мои объекты и методы изменились. Пойдем, я покажу тебе кое-какие мои работы, пока миссис Клидхо разогреет нам суп.

Тути предупредила бодрым голосом:

— Даю вам десять минут. Впереди целый вечер. Успеешь похвастаться своими трофеями.

— Хорошо, дорогая. Десять минут. Пойдем, Говард... Сюда, и следи за своей головой. Эти коридоры не рассчитаны на высоких людей. Давай свою шляпу.

— Лучше я останусь в ней, — ответил Трисонг. — Я очень чувствителен к сквознякам.

— Ладно... Тогда пойдем по этой дорожке. Здесь часто появляются эксперты из Управления, чтобы посмотреть, как мы тратим общественные деньги. И могу добавить, они всегда остаются удовлетворенными... Это — Палата Астинчей.

Говард Трисонг оглядел помещение из-под полуопущенных век. Ото Клидхо если и заметил отсутствие энтузиазма у Трисонга, то не обратил на это внимания.

— Здесь все разновидности астинчей. Это андроморфные, эволюционировавшие здесь. Этот род особенно богато представлен на Шанаре. Они близкие родственники наших. Там они достигают тридцати футов.— Он указал на нишу.— Я обработал их практически самостоятельно, в аргонной атмосфере при условиях, убивающих бактерии. Снял шкуру, мармелизовал мягкие ткани, укрепил раму скелета, подлатал и снова натянул шкуру.

— Замечательно,— согласился Трисонг.— Прекрасная работа.

— Эти существа удивительны. Они слишком подвижны для своих размеров. Мы часто видели, как они прыгают на приличное расстояние... Ты знаешь, они двоюродные братья тех, что обитают на твоей родной планете. Но эти таинственные существа до сих пор не открыли всех своих тайн. Неизвестно, как они размножаются, как развиваются, какова биохимия их жизнедеятельности. Сплошные тайны!.. Но тебе вряд ли интересны детали. Как видишь, они бывают разных размеров и разных цветов. Разум? Кто знает? Некоторые смысленные, некоторые...

Неожиданно у Трисонга вырвался крик. Из одной камеры выпрыгнула тварь восьми футов длиной с тоненькими задними и передними конечностями, сорвала шляпу с Трисонга и метнулась из комнаты.

Ото Клидхо засмеялся, каркая от удовольствия:

— Умные, да... Озорные... Разумные? Не знаю. Дитси — большая проказница. Боюсь, тебе придется распрощаться со своей шляпой.

Говард Трисонг подбежал к двери и выглянул наружу.

— Что эта тварь делает? Она кинула мою шляпу в огонь!

— Жаль, но ничего не поделаешь. Не знаю, как и извиняться... Как ты думаешь, зачем она так сделала?

Зачем она уничтожила твою великолепную шляпу? Но если голова замерзнет — скажи, у Тути должен быть запасной капюшон или какая-нибудь шаль.

— Ладно, неважно.

— Я скажу Дитси, когда поймаю ее. Их привлекают яркие цвета, и они могут невежливо обойтись с гостями. Мне надо было предупредить тебя.

— Ничего. У меня дома есть еще несколько запасных шляп.

— Но другие, наверное, не такие красивые. Да, жаль... Теперь пойдем отсюда. Мы покидаем Палату Астинчей и попадаем в Зал Болотных Гуляк.

Говард Трисонг проявил лишь поверхностный интерес к двадцати лиловым и черным существам со странными накидками из растительной ткани.

— Очень представительная коллекция, — заметил Ото. — Их можно обнаружить только у реки Горгоны... А теперь пойдем в Берлогу Ужасов, как я называю свою мастерскую. Надо сказать, она полностью соответствует своему названию.

Клидхо провел скучающего и томящегося Говарда Трисонга в комнату, свет в которую проникал через высокий стеклянный купол. Широкая платформа поддерживала массивное красно-черное создание с шестью ногами и свирепой мордой.

— Ужасный зверь, — заметил Трисонг.

— Совершенно верно. Самый большой из моих экспонатов. Мой кабинет несколько мрачен, но Корпорация не может предоставить мне ничего лучшего. Твоя книжечка там, дальше. Мы ее заберем попозже.

— Почему же не сейчас, когда она так близко? — спросил Говард.

— Как хочешь. Она лежит на моем столе. Можешь сходить за ней. Иди, иди! Или думаешь, что из-за угла выползут какие-то чудовища и схватят тебя за задницу?

Говард Трисонг нырнул в боковую комнату. На столе лежал маленький красный томик, озаглавленный «Книга Грез». Трисонг шагнул вперед. Дверь за ним

закрылась. Выйдя из мастерской, Ото Клидхо повернул клапан, подождал секунд пятнадцать, потом закрытил его. В мастерскую заглянула Тути Клидхо:

— Суп готов. Ты поешь?

— Я буду занят,— ответил Клидхо.— Я не хочу есть.

Глава 19

Наварх сидел, попивая пиво со старым знакомым, который оплакивал быстротечность бытия:

— Я потерял не меньше десяти лет жизни!

— Откровенный пессимизм,— заявил Наварх.— Лучше с оптимизмом думай о сотнях билионов лет после смерти, которые ожидают тебя!

Льюис Кэрл. Хроника Наварха

Наварх презирал современную поэзию, кроме произведений, сочиненных им лично, для которых делал исключение:

— Ныне несчастные времена! Мудрость и наивность были раньше. Вот тогда пели замечательные песни. Мне вспоминается куплет, допускающий тысячу толкований:

Пердящий конь никогда не устает...

Пердун-работяга до зари встает...

Как вы находите эти строки?

Льюис Кэрл. Хроника Наварха

* * *

Джерсен и Элис быстро шли к лаборатории. Ночь, расцвеченная тысячами мерцающих звезд, выдалась теплой, чистой и темной. Далекий резкий вой... Неуютно близкое злое ворчание... Из окна падал свет. Джерсен и Элис увидели Тути Клидхо, суетившуюся на кухне. Она нарезала хлеб, колбасу и салат, помешала содержимое кастрюли, разложила посуду.

Джерсен пробормотал:

— Накрывает на двоих. Кто-то не будет ужинать.

— Она выглядит совершенно спокойной,— прошептала Элис.— Может, просто постучимся в двери и спросим, успели ли мы к ужину?

— Может, и так.

Джерсен попробовал дверной замок и... постучал. Тути застыла неподвижно, потом метнулась к стене, схватила лучемер, подошла к коммуникатору, поговорила, обернулась, прошла к двери и отворила ее, держа лучемер наготове.

— Здравствуйте, миссис Клидхо,— сказал Джерсен.— Мы не опоздали к ужину?

Тути Клидхо мрачно переводила взгляд с одного на другого.

— Почему вы не остались в подвале? Вы что, не понимаете, ваше присутствие нежелательно?

— Это теперь не имеет значения, ведь вы нарушили наше соглашение.

Тути Клидхо слабо усмехнулась:

— Возможно, ну и что из этого? Вы бы сделали то же самое, окажись на моем месте.— Она поглядела через плечо.— Но раз уж так получилось, проходите. Поговорите с мистером Клидхо.

Она провела их на кухню. Ото Клидхо стоял у раковины и тщательно мыл руки. Он обернулся и внимательно посмотрел на Джерсена:

— Гости? К сожалению, сегодня я занят, а то бы показал вам местные достопримечательности.

— Мы здесь не для этого. Где Говард Трисонг?

Клидхо ткнул пальцем через плечо:

— Там. Совершенно невредим. Садитесь ужинать. Вы составите мне компанию?

— Садитесь,— пригласила Тути.— Хватит на всех.

— Наваливайтесь,— сказал Клидхо глубоким басом.— Поговорим о Говарде Хардоахе. Вы знаете, что он убил нашего Нимфотиса?

Джерсен и Элис сели за стол.

— Он убил многих людей,— ответил Джерсен.

— Что же вы намерены сделать с ним? Уничтожить?

— Да.

Клидхо кивнул:

— Что ж, у вас будет возможность. Я запер его в камере и пустил газ. Он проснется через шесть часов.

— Значит, вы не убили его?

— Нет,— Клидхо улыбнулся.— Жизнь — сложная штука, и Говард Хардоах, возможно, со временем раскается в своих преступлениях.

— Возможно,— сказал Джерсен.— Но вы не сдержали обещания, данного нам.

Клидхо взглянул на него непонимающе:

— Наверное, из-за своих эмоций мы поступили нечестно по отношению к вам. Но злиться рано: экзекуция еще не состоялась.

Тути воскликнула:

— И не забывайте, что мы избавили вас от опасностей! Говард привез с собой двух убийц! Но теперь они уже безвредны.

Ото Клидхо одобрительно улыбнулся, словно Тути изложила рецепт своего супа, потом добавил:

— Говард хитер. Знаете, он принес сюда оружие, спрятав его в шляпе. Но я подучил Дитси стащить с него шляпу и бросить в огонь. Да, мы сделали свою часть работы.

И Джерсен, и Элис промолчали.

— Примерно через шесть часов Говард придет в себя,— продолжал Клидхо.— Вы пока можете отдохнуть, выспаться, осмотреть мои коллекции. Но давайте лучше посидим вместе, выпьем чаю, а вы расскажете, чем вам насолил Говард Хардоах.

Джерсен взглянул на Элис:

— Что скажешь?

— Мне не хочется спать. Возможно, мистер и миссис Клидхо захотят услышать и о школьной встрече в Гледбитуке?

— Да, это будет кстати.

* * *

В полночь Ото Клидхо покинул кухню. Через двадцать минут он вернулся.

— Говард приходит в сознание. Если хотите, можете посмотреть.

Все вместе они прошли через лабораторию по коридору. Клидхо остановился около двери:

— Слышите? Он разговаривает сам с собой!

За дверью действительно кто-то разговаривал.

Сначала зазвучал голос Трисонга, чистый и сильный. Так говорил бы человек, пришедший в замешательство и раздраженный чем-то.

— ...Тупик, как стена, я не могу ни двинуться вперед, ни уйти назад... Восход там. Мы заблудились в джунглях. Будем осторожны, не надо расходиться в стороны. Паладины! Кто слышит меня?

Быстро посыпались ответы; голоса почти сливались, словно одновременно говорили несколько человек.

— Мьюнес останется с тобой. — Это был спокойный, чистый голос, самоуверенный и лишенный эмоций.

— Спенглевей здесь, вместе с вами.

— Рун Фадер Синий, Хохенгер, Черный Джеха Раис — все здесь.

Высокий, холодный голос произнес:

— Эйа Панис тоже здесь.

— А Иммир?

— Я с тобой до конца.

— Иммир, ты такой же, как и все остальные. Теперь необходимо выработать план. Джеха Раис, твое слово.

Зазвучал низкий голос Джехи Раиса, черного паладина:

— Я серьезен, более чем серьезен. После многих лет разве вы не узнали его?

Иммир (взволнованно): Он назвал себя Клидхо с фермы Данделион.

Джеха Раис: Он — Страдалец.

(Несколько секунд тишины.)

Иммир (тихо): Мы в отчаянном положении.

Рун Фадер: Такое случалось с нами и раньше. Вспомните поход в Илкхад! Было достаточно припугнуть Железного Гиганта, чтобы мы провалились...

Спенглейв: Я вспоминаю засаду в старом городе Массилии. Ужасный час!

Иммир: Братья, давайте сосредоточимся только на том, что происходит сейчас.

Джеха Раус: Страдалец похож на злое животное. Чтобы сломить его, нужно использовать контрсилу. Может, предложить ему богатство?

Иммир: Я открою ему наше сокровище, отдам Сибариса.

Мьунес: Сибарисом не соблазнить Страдальца.

Лорис Хохенгер: Предложим дюжину девственниц, каждая из которых красивее предыдущей. Оденем их в платья из прозрачной ткани, и пусть они смотрят на него пристально, ни весело, ни серьезно, словно спрашивая: «Кто этот мармелайзер? Кто этот полубог?»

Иммир (грустно смеясь): Добрый Хохенгер, ты верен себе! Но мне кажется, ты изменил нам.

Спенглейв: Богатство, красота... Что еще?

Рун Фагер: Если бы мы только владели Чашей Валькирий или вечной молодостью!

Иммир (невнятно): Сложности... Сложности... Похоже, мы жертвы заговора.

Рун Фагер: Тихо! Кто-то стоит за дверью!

Клидхо заговорил шепотом:

— Он еще не совсем проснулся, разговаривает, словно во сне... — Мармелайзер открыл дверь. — Пойдем.

Комната тускло освещалась только наполовину, и эта половина была пустой. Другая ее часть имитировала поляну в джунглях. Свет падал вниз через сотни отверстий, как сквозь листву. На сучках висели цветы и стручки со спорами. Узкая речка бежала сквозь скалы, образуя маленькую заводь, которая разливалась среди красных тростников, а затем исчезала из вида. Рядом с бассейном в кресле сидел Говард Алан Трисонг, почти обнаженный, если не считать короткой набедренной повязки. Его руки опирались на подлокотники, глянцевые белые ноги стояли в траве. Голова была обрита наголо. Напротив него на маленьком островке в заводи стоял мармел Нимфотиса. В кустах шевелилось с поддюжины маленьких астин-

чей с мордочками, испещренными красными и синими хрящами, с хохолками, похожими на маленькие черные шляпки, с блестящими черными шкурами. Присутствие человека волновало их. Они внимательно смотрели на него.

Разговор Трисонга с самим собой прервался. Глаза Говарда смотрели из-под полуопущенных век. Дышал он ровно.

Клидхо обратился к Джерсену и Элис:

— Первоначально это была клетка для маленьких астинчей. Их еще называют игрушечными мандаринами. Странные маленькие существа. Не подходите слишком близко. Там почти невидимая паутина, которая сильно жжется. Прекрасное место для Говарда.

— Вы мармелизовали его ноги!

— Совершенно верно. Теперь он неподвижен, и его удел — смотреть на Нимфотиса, которого он убил. Таково наше наказание. Так что какое бы наказание ни уготовили ему вы, я не стану возражать. Это ваше право.

Джерсен спросил:

— Как долго он проживет в таком состоянии?

Клидхо покачал головой:

— Трудно сказать. Организм Говарда работает нормально, но он не может двигаться. Под его волосами, между прочим, была металлическая сетка, но в ней не оказалось ни имплантантов, ни скрытого оружия.

Трисонг широко открыл глаза, посмотрел на свои ноги, потом опустил руку и потрогал камень, в который они превратились.

Клидхо позвал:

— Говард Алан Трисонг! Мы пришли от всех твоих бесчисленных жертв и воздадим тебе по заслугам.

Тути закричала:

— Вот он — наш сын Нимфотис. А это сидишь ты — Говард Хардоах, его убийца. Посмотри на дьявольское дело рук своих.

Говард Трисонг заговорил спокойным голосом:

— На меня велась хорошая и правильно организованная охота. Кто эти двое?.. А, Элис Рэук? Как она оказалась здесь, среди фанатиков?

— Я одна из них. Разве не помните, как я вас просила спасти жизнь моему отцу? А он уже был мертв, вы убили его!

— Моя дорогая Элис, когда связываешься с политикой, нельзя обращать внимание на мелкие детали. Смерть твоего отца, а также твои услуги были частью большого проекта. Ну, а вы, сэр? Вы мне определенно кого-то напоминаете.

— Естественно. Вы встречались со мной несколько раз. Точнее, дважды: в Воймонте и Гледбитуке, где я имел удовольствие стрелять в вас, к сожалению, не очень метко. Кроме того, вы знакомы со мной как с Генри Лукасом из «Экстанта». Это я придумал, как заманить вас сюда с помощью «Книги Грез». Но хочу напомнить вам еще более ранний эпизод. Вы помните рейд на Маунт-Плезент?

— Да, такой эпизод был в моей биографии. Превосходное приключение!

— Тогда я впервые увидел вас. С тех пор вся моя жизнь посвящена тому, чтобы отомстить вам.

— В самом деле? Да вы фанатик!

— Своей преступной деятельностью вы создали множество фанатиков. Благодаря вам мы собрались здесь.

Говард Трисонг небрежно взмахнул рукой:

— Итак, теперь я в вашей власти. Что вы намерены делать?

Джерсен кисло улыбнулся:

— Вы уже наказаны.

— Да... Это пытка. Но ведь вы можете получить удовольствие, убив меня!

— Я уничтожил вас как человека. Этого вполне достаточно.

Голова Говарда Алана Трисонга поникла.

— Моя жизнь идет по предначертанному пути. Я и в самом деле правил частью Вселенной, заполненной людьми... Хотел стать Первым Императором Вселенной и почти добился своего. Но теперь я устал. Я не могу

двигаться и больше не хочу жить... Уйдите. Мне надо побыть одному.

Джерсен повернулся и, взяв Элис за руку, вышел из комнаты. Клидхо последовал за ними. Дверь закрылась. Почти сразу же вновь начался разговор.

Иммир: Теперь все ясно. Страдалец заготовил мне ужасную смерть. О мои паладины! Что теперь? Что скажешь ты, Джеха Раис?

Раис: Время настало.

Иммир: Как? Зеленый Мьюнес, почему ты отворачиваешься?

Мьюнес: Есть еще много дорог, по которым нужно пройти, и много гостиниц, где я мог бы остановиться.

Иммир: Почему вы не смотрите на меня? Разве мы не братья, не паладины? Джеха Раис, придумай что-нибудь, чтобы ноги мармела могли двигаться.

Спенглейв: Иммир, я прощаюсь с тобой.

Раис: Прощай, Иммир, время пришло.

Иммир: Лорис Хохенгер, ты тоже покидаешь меня?

Хохенгер: Пора отправляться в дальние края на поиски новых приключений.

Иммир: А добрый Синий Фадер, как ты? А ты, Эйа Панис?

Панис: Ты не будешь страдать. Уходим, паладины! Осталось сделать единственное и последнее... Прощай, замечательный Иммир! А сейчас...

Четверо в коридоре услышали глухой стук и всплеск. Клидхо подбежал к двери и отворил ее. Огромное кресло опрокинулось. Говард Трисонг лежал головой в бассейне.

Клидхо повернулся, его ноздри раздувались, глаза блестели. Он бурно жестикулировал:

— Кресло закреплено намертво! Он не мог перевернуть его сам!

Джерсен отвернулся:

— С меня достаточно.— Он взял Элис за руку.— Пойдем отсюда...

Глава 20

На борту «Крылатого Призрака», летящего где-то в космосе, Элис взяла в руки «Книгу Грез», потом снова отложила ее.

— Что ты намерен с ней сделать?

— Не знаю... Может, отдам в «Космополис».

— Почему бы просто не выбросить ее в космос?

— Не могу.

Элис положила руки ему на плечи:

— Что с тобой происходит?

— В каком смысле?

— Ты какой-то тихий и подавленный. Я беспокоюсь.

С тобой все в порядке?

— Вполне. Может быть, просто устал. У меня больше нет врагов, не надо мстить кому-то. Последний Властитель Зла мертв. Дело сделано.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЦО 5

Перевод А. Лукина

КНИГА ГРЕЗ 317

Перевод А. Лукина

Литературно-художественное издание

Джек Вэнс

ВЛАСТИТЕЛИ ЗЛА

КНИГА ГРЕЗ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Н. Романецкий*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *О. Шубик*

Корректоры *Л. Ершова, Е. Шниткова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Stephena Youlla*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Валери СПД»

191002, Санкт-Петербург, а/я 24.

Тел./факс (812) 316-68-24

ООО «Издательство «Эксмо».

107078, Москва, Орликов пер., д. 6.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».

103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». 140005 М. О. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.

т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет

весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е

Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет

самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»

Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.09.2002.

Формат 84х108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бум. газ. Усл. печ. л. 29,4.

Тираж 5100 экз. Заказ 7253

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ

ДЖЕК ВЭНС

Все началось с Шанитры,
спутника планеты
Мезрен. Если там нет
полезных ископаемых,
тогда с чего бы это вдруг
крупнейшая
геологоразведочная
компания так сильно
ею заинтересовалась?
Цепочка потянулась
к Королю Зла Ленсу
Парку.

И вот галактический
бродяга Кирт Джерсен,
чтобы отомстить за
убитых родственников,
принялся скупать акции
компании. Однако ему
и в голову не могло
прийти, на что может
подвигнуть Короля Зла
уязвленное самолюбие...

ISBN 5-699-01148-X

9 785699 011483 >